

СРЕДНИЕ ВЕКА

Т
Е
К
С
Т
Ы

ИСЛАНДСКИЕ САГИ

СОСТАВЛЕНИЕ: О.А. СМЕРНИЦКАЯ
КОММЕНТАРИИ: М.И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

Table of Contents

[Annotation](#)

[Исландские саги. В 2 томах. Том I Составитель Ольга Смирницкая](#)

[Предисловие О. А. Смирницкая](#)

[Введение. Исландские саги М.И. Стеблин-Каменский](#)

[Сага об Эгиле Перевод С. С. Масловой-Лашанской \(гл. I-LVII\) и В. В. Кошкина \(гл. LVIII-LXXXVII\) Стихи в переводе А. И. Корсуна](#)

[Сага о людях из Лососьей Долины Перевод В. Г. Адмони и Т. И. Сильман Стихи в переводе А. И. Корсуна](#)

[Сага о Гуннлауге Змеином Языке Перевод М. И. Стеблин-Каменского Стихи в переводе О. А. Смирницкой](#)

[Сага о гренландцах Перевод М. И. Стеблин-Каменского](#)

[Сага об Эйрике Рыжем Перевод М. И. Стеблин-Каменского](#)

[Сага о Гисли Перевод О. А. Смирницкой](#)

[Дополнения](#)

[Эгиль, сын Скаллагрима Переводы С. В. Петрова \(Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 11-28\)](#)

[Выкуп головы](#)

[Утрата сыновей](#)

[Песнь об Аринбьёрне](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)

[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)

[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)
[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)

[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)
[177](#)
[178](#)
[179](#)
[180](#)
[181](#)
[182](#)
[183](#)
[184](#)
[185](#)
[186](#)
[187](#)
[188](#)
[189](#)
[190](#)
[191](#)
[192](#)
[193](#)
[194](#)
[195](#)
[196](#)
[197](#)
[198](#)
[199](#)
[200](#)
[201](#)
[202](#)

[203](#)
[204](#)
[205](#)
[206](#)
[207](#)
[208](#)
[209](#)
[210](#)
[211](#)
[212](#)
[213](#)
[214](#)
[215](#)
[216](#)
[217](#)
[218](#)
[219](#)
[220](#)
[221](#)
[222](#)
[223](#)
[224](#)
[225](#)
[226](#)
[227](#)
[228](#)
[229](#)
[230](#)
[231](#)
[232](#)
[233](#)
[234](#)
[235](#)
[236](#)
[237](#)
[238](#)
[239](#)
[240](#)
[241](#)
[242](#)
[243](#)
[244](#)
[245](#)
[246](#)
[247](#)

[248](#)
[249](#)
[250](#)
[251](#)
[252](#)
[253](#)
[254](#)
[255](#)
[256](#)
[257](#)
[258](#)
[259](#)
[260](#)
[261](#)
[262](#)
[263](#)
[264](#)
[265](#)
[266](#)
[267](#)
[268](#)
[269](#)
[270](#)
[271](#)
[272](#)
[273](#)
[274](#)
[275](#)
[276](#)
[277](#)
[278](#)
[279](#)
[280](#)
[281](#)
[282](#)
[283](#)
[284](#)
[285](#)
[286](#)
[287](#)
[288](#)
[289](#)
[290](#)
[291](#)
[292](#)

[293](#)
[294](#)
[295](#)
[296](#)
[297](#)
[298](#)
[299](#)
[300](#)
[301](#)
[302](#)
[303](#)
[304](#)
[305](#)
[306](#)
[307](#)
[308](#)
[309](#)
[310](#)
[311](#)
[312](#)
[313](#)
[314](#)
[315](#)
[316](#)
[317](#)
[318](#)
[319](#)
[320](#)
[321](#)
[322](#)
[323](#)
[324](#)
[325](#)
[326](#)
[327](#)
[328](#)
[329](#)
[330](#)
[331](#)
[332](#)
[333](#)
[334](#)
[335](#)
[336](#)
[337](#)

[338](#)
[339](#)
[340](#)
[341](#)
[342](#)
[343](#)
[344](#)
[345](#)
[346](#)
[347](#)
[348](#)
[349](#)
[350](#)
[351](#)
[352](#)
[353](#)
[354](#)
[355](#)
[356](#)
[357](#)
[358](#)
[359](#)
[360](#)
[361](#)
[362](#)
[363](#)
[364](#)
[365](#)
[366](#)
[367](#)
[368](#)
[369](#)
[370](#)
[371](#)
[372](#)
[373](#)
[374](#)
[375](#)
[376](#)
[377](#)
[378](#)
[379](#)
[380](#)
[381](#)
[382](#)

[383](#)
[384](#)
[385](#)
[386](#)
[387](#)
[388](#)
[389](#)
[390](#)
[391](#)
[392](#)
[393](#)
[394](#)
[395](#)
[396](#)
[397](#)
[398](#)
[399](#)
[400](#)
[401](#)
[402](#)
[403](#)
[404](#)
[405](#)
[406](#)
[407](#)
[408](#)
[409](#)
[410](#)
[411](#)
[412](#)
[413](#)
[414](#)
[415](#)
[416](#)
[417](#)
[418](#)
[419](#)
[420](#)
[421](#)
[422](#)
[423](#)
[424](#)
[425](#)
[426](#)
[427](#)

[428](#)
[429](#)
[430](#)
[431](#)
[432](#)
[433](#)
[434](#)
[435](#)
[436](#)
[437](#)
[438](#)
[439](#)
[440](#)
[441](#)
[442](#)
[443](#)
[444](#)
[445](#)
[446](#)
[447](#)
[448](#)
[449](#)
[450](#)
[451](#)
[452](#)

Annotation

Настоящий двухтомник представляет собой переиздание книги Исландские саги. СПб., 1999. В нем находит завершение длительная (с 1956 г.) традиция перевода и издания «саг об исландцах», в основе которой лежит научная и книгоиздательская деятельность крупнейшего скандинависта М.И. Стеблин-Каменского. Его перу принадлежат все комментарии в этой книге, а также вступительная статья.

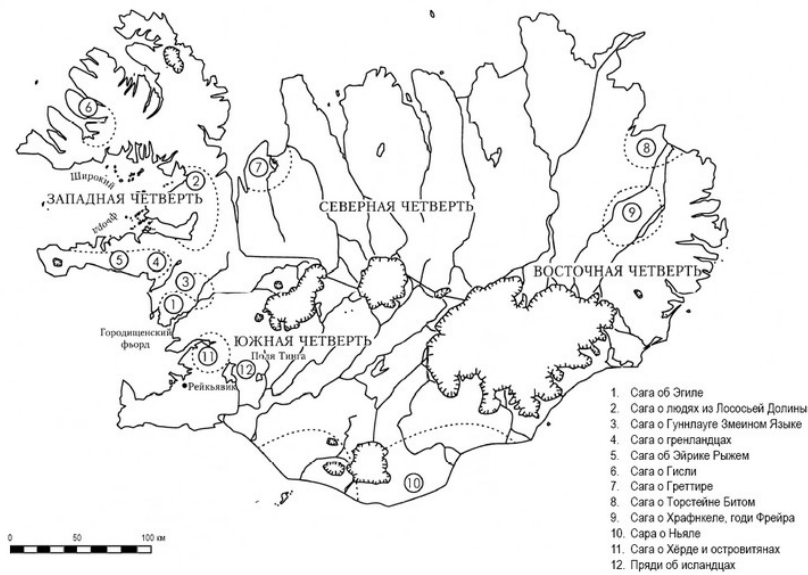
Составление книги, объединившей едва ли не все самые известные «саги об исландцах», и общая подготовка издания были выполнены О.А. Смирницкой.

Книга рассчитана как на специалистов-скандинавистов, так и на широкий круг читателей.

Исландские саги. В 2 томах. Том I

Составитель Ольга Смирницкая

Эпохи. Средние века. Тексты

Переводчики:

*М.И. Стеблин-Каменский, О.А. Смирницкая, С.С. Маслова-Лашанская,
В.В. Кошкин, В.Г. Адмони, Т.И. Сильман, С.В. Петров, А.И. Корсун*

© Смирницкая О.А., сост., общ. ред., предисл., 2024

© Издательская группа «Альма Матер», оригинал-макет,
оформление, 2024

© «Гаудеамус», 2024

Предисловие

О. А. Смирницкая

Настоящая публикация самых известных «саг об исландцах» (или, как они часто называются, родовых саг) восходит в конечном счете к изданию «Исландские саги», 1956 г., осуществленному М. И. Стеблин-Каменским. Скандинавист с мировым именем, автор многих исследований по языкознанию и теории литературы, он почитал делом своей жизни открытие для русского читателя древнеисландской литературы, которую знал и любил как мало кто в наши дни.

За первым изданием последовали и другие, также выполненные под руководством М. И. Стеблин-Каменского и при его непосредственном участии как переводчика (Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973; Сага о Греттире. Новосибирск, 1976). В настоящем издании полностью воспроизводятся комментарии М. И. Стеблин-Каменского и его вступительная статья, в которых нашли отражение его взгляды на саги и воплощенный в них духовный мир исландцев времен Средневековья (эти взгляды получили глубокое теоретическое обоснование в книге: Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971).

К школе М. И. Стеблин-Каменского безусловно относят себя участники предлагаемого издания – О. А. Смирницкая (ей принадлежит также перевод большинства скальдических стихов в тексте саг) и Е. А. Гуревич (исследователь и переводчик так называемых прядей об исландцах).

Книга в общем и целом воспроизводит издание: Исландские саги, т. I–II. СПб., 1999. Переводы, в меру необходимости, заново выверены по первоисточникам.

Введение. Исландские саги

М.И. Стеблин-Каменский

/

Исландия – большая и пустынная страна. Население в ней очень редкое. Только ее прибрежная полоса, местами совсем узкая, более или менее заселена. Исландия в два с лишним раза больше своей бывшей метрополии – Дании, а населения в ней в двадцать пять раз меньше, чем в Дании, – всего около двухсот тысяч человек, причем почти половина этого населения живет в столице и единственном большом городе – Рейкьявике. Огромные пространства заняты в стране лавовыми полями, ледниками, каменистыми пустошами, песками, то есть вообще не годны для жилья. Вся внутренняя часть страны – это

совершенно пустынное плоскогорье. Почти полное отсутствие растительности делает его похожим на землю, как она выглядела много миллионов лет тому назад, до появления на ней жизни, или на Луну. Неслучайно американские космонавты, готовясь к операциям на поверхности Луны, тренировались в Исландии, на ее пустынных плоскогорьях. В сущности, большая часть Исландии выглядит сейчас так же, как страна выглядела, когда в ней впервые появились люди. А они появились в ней сравнительно недавно – всего немногим больше тысячи лет тому назад, в конце IX века нашей эры.

Исландия была заселена выходцами из Норвегии в 870–930 годах нашей эры. Первопоселенцы не встретили в новооткрытой ими стране никаких человеческих существ, кроме, может быть, нескольких монахов-отшельников, немного раньше заплывших туда в поисках уединения из Ирландии на своих утлых суденышках. Считается, что к концу эпохи заселения страны, то есть к 930 году, в Исландии было уже несколько десятков тысяч человек, то есть примерно столько же, сколько там было в начале XIX века. За сравнительно коротким периодом самостоятельного существования и процветания (с начала X до середины XIII века) последовал длительный период застоя и упадка. Века, когда страна была сначала норвежским (с середины XIII до конца XIV века), а потом датским владением (с XIV до XX века), были очень тяжелыми для исландского народа, так что население не только не увеличивалось, но одно время даже уменьшалось. Экономический подъем наметился только во второй половине XIX века. В XX веке он стал стремительным. Наконец, в 1944 году Исландия была провозглашена республикой. Страна снова стала совсем независимой.

Несмотря на то что исландский народ – это один из самых маленьких народов мира, он с самого начала своего существования во всем и всегда шел своим собственным, особым путем. Первопоселенцы образовали в Исландии общество, не похожее на то, из которого они вышли. Когда заселялась Исландия, в Норвегии правил король Харальд Прекрасноволосый, объединивший Норвегию и заложивший основы Норвежского государства. Уплывая из Норвегии, исландские первопоселенцы уплывали от государства. В обществе, основанном ими в Исландии, обрели новую жизнь догосударственные институты – тинг, то есть народное собрание, вече, и годорд, то есть община родового жреца – годи, который содержал местное капище и предводительствовал на тинге. Был учрежден всеисландский тинг альтинг (теперь так называется исландский парламент). На нем принимались законы и производился суд по всем делам, которые не могли быть решены на местных тингах. Одновременно с альтингом собиралась и лагретта, то есть судилище, образуемое всеми годи вместе (их было первоначально тридцать девять). Лагретта избирала законоговорителя, то есть всеисландского старейшину, который, однако, вне альтинга никакой власти не имел. Выполнение решений

альтинга было делом самих истцов или любого, кто брал на себя их выполнение. Никакой центральной исполнительной власти, никакой военной силы, противопоставленной народу, ни канцелярий, ни чиновников, ни полиции, ни тюрем в Исландии тогда не было

Своим путем пошел исландский народ и в области религии, а следовательно, и культуры и, в частности, литературы, в то время тесно связанных с религией. В конце X – начале XI века в Норвегии ее короли вводили христианство. Они вводили его силой оружия и под угрозой пыток, и введение христианства сопровождалось искоренением туземной литературной традиции, поскольку она была связана с язычеством. Между тем в Исландии официальное принятие христианства (в 1000 году) было любовной сделкой между язычниками и христианами. Благодаря этому в Исландии туземная литературная традиция была бережно сохранена, несмотря на то что она была связана с язычеством. Позднее, когда Исландия потеряла самостоятельность и стала владением сначала Норвегии, а потом Дании, она несмотря на это сохранила свой язык, уже в XIII веке несколько отличавшийся от норвежского, а с течением времени далеко отошедший от него. Благодаря этому она сохранила свою культурную самостоятельность, в частности – свою богатую и своеобразную литературную традицию. Хотя Исландия стала страной очень бедного крестьянства, в ней была широко распространена грамотность и никогда не прекращалось оригинальное литературное творчество.

Исландский народ называют самым литературным народом мира. Его называют также народом поэтов. Страсть к сочинению стихов и к мастерству в стихосложении – исландская национальная черта. По-видимому, процент поэтов в Исландии намного превосходит соответствующий процент в любой другой стране. В дописьменную эпоху поэтическое творчество было распространено в Исландии едва ли не еще больше, чем в Новое время. О сотнях исландцев, живших в ту эпоху, известно, что они сочиняли стихи, и многие из этих стихов были потом записаны. В продолжение трех с половиной веков, с середины X до конца XIII века, исландцы поставляли правителям Норвегии, а также и других скандинавских стран, и даже Англии, хвалебные песни, в то время наиболее высоко ценимый вид поэзии.

Письменность появилась в Исландии, по-видимому, еще в начале XII века. Но важнейшие произведения древнеисландской литературы были написаны в XIII веке. В XIII веке были записаны мифологические и героические песни, получившие в Новое время название «Старшая Эдда». Это один из самых знаменитых памятников мировой литературы. В XIII веке была записана древнейшая поэзия скальдов и написан знаменитый скальдический учебник Снорри Стурлусона, получивший в Новое время название «Младшая Эдда». Тогда же было написано и большинство древнеисландских прозаических произведений, так называемых саг. Древнеисландская литература –

самая своеобразная и самая богатая из средневековых литератур Европы, и основная масса этой литературы – саги. Исландское слово «сага» происходит от глагола, который значит «сказать» или «рассказывать», и, следовательно, первоначальное значение этого слова – «рассказанное». По-древнеисландски сагой называлось любое прозаическое повествование. В XIII–XIV веках в Исландии было написано огромное множество прозаических повествований, которые все и называются сагами.

Древнеисландская саговая литература очень многообразна. Есть саги, в которых рассказывается об истории Норвегии. Они называются «саги о королях», поскольку в Норвегии издавна были короли, тогда как в Исландии их никогда не бывало. Древнейшие из сохранившихся саг – это именно саги о некоторых норвежских королях. Есть саги о правлении отдельных норвежских королей – «Сага о Сверрире», «Сага об Олаве Трюггвасоне», «Сага о Хаконе Хаконарсоне» и т. д. Но есть и сводные саги о норвежских королях. Самая знаменитая из таких сводных саг это так называемая «Хеймскрингла» («Круг Земной»), которая обычно приписывается Снорри Стурлусону. Она охватывает период с мифических времен до 1177 года. Есть также исландская сага о датских королях и датской истории – «Сага о Кнютлингах» (Кнютлинги – датский королевский род). Есть саги, в которых рассказывается об истории Исландии в XII–XIII веках, то есть о событиях, почти одновременных написанию саги. Эти саги собраны в компиляции XIII века, которая называется «Сага о Стурлунгах» (Стурлунги – знатный исландский род, представители которого боролись тогда за власть). «Сага о Стурлунгах» отличается чрезвычайной дотошностью в изложении фактов. Есть саги, в которых рассказывается об исландских епископах XI–XIV веков и церкви в Исландии. Они называются «саги о епископах». В этих сагах тоже немало достоверных фактов. Есть и саги о легендарных героях, живших еще до колонизации Исландии (то есть до конца IX века). Они называются «саги о древних временах». В этих сагах обычно нет ничего исторически достоверного, но некоторые из них основаны на древних эпических сказаниях или древних героических песнях. Самая знаменитая из этих саг – «Сага о Вёльсунгах». В ней рассказывается о героях, известных также по эпическим сказаниям других германских народов. В «сагах о древних временах» много сказочных мотивов. Есть и саги, целиком состоящие из сказочных мотивов. Саги, в которых много сказочных мотивов, еще в древности назывались «лживыми сагами». Есть и различные переводные повествовательные произведения. Все они тоже называются «сагами» (например, «Всемирная сага», «Сага о римлянах», «Сага об иудеях», «Сага о троянцах», «Сага об Александре», «Сага о Карле Великом и его витезях»). Есть, наконец, самая большая группа саг, в которых рассказывается о событиях в Исландии в IX–X веках, то есть в так

называемый «век саг» (а написаны они, насколько это удастся установить, тоже в XIII–XIV веках). Эти саги называются «сагами об исландцах», или «родовыми сагами».

Самые своеобразные и самые знаменитые из исландских саг – это именно «саги об исландцах», или «родовые саги». Поэтому, когда говорят об «исландских сагах» или просто о «сагах», то обычно имеют в виду «саги об исландцах». Их имеет в виду и заглавие этой книги. Ниже вкратце рассказывается о своеобразии «саг об исландцах» и в основном – о местностях, людях и событиях в этих сагах.

Более подробно о своеобразии этих саг рассказывается в книге автора настоящей статьи «Мир саги» (Л., 1971)^[1], а о своеобразии исландской литературы вообще – в его же книге «Культура Исландии» (Л., 1967).

//

В «сагах об исландцах» в очень большом количестве встречаются названия исландских хуторов, рек, морских заливов, озер, островов, гор, холмов и т. п. В переводе саг на русский язык можно было бы просто передавать, насколько это возможно, предполагаемое древнеисландское звучание этих названий русскими буквами, то есть писать, например, «хутор Мёрк», «река Хвита», «залив Рейкьявик», «озера Фискивётн», «остров Флатей», «гора Трихюрнинг», «долина Лаксдаль» и т. д.^[2] Можно, однако, переводить эти названия на русский язык и писать соответственно: «хутор Лес», «Белая Река», «Залив Дымов», «Рыбные Озера», «Плоский Остров», «Гора Трёхугольная», «Лососья Долина» и т. п. Дело в том, что для исландца эпохи, когда эти саги писались (точно так же, как и для исландца нашего времени), эти названия, как правило, отнюдь не просто названия, то есть набор звуков, не обязательно имеющий какое-то значение и условно связанный с называемым, а такие же однозначные слова, как и любые другие слова исландского языка.

Правда, переводить на русский язык исландскую топонимику (то есть географические названия) нелегко. Приходится, например, употреблять одно и то же русское слово «холм» там, где в исландских названиях – разные слова, в зависимости от величины холма, крутизны его склонов, его растительного покрова и т. д. Исландский язык чрезвычайно богат обозначениями разных элементов ландшафта. Но даже если русское слово – это точный эквивалент соответствующего исландского слова, то все равно реальность, обозначаемая данным словом, для говорящего на русском языке будет не та, что для исландца. Так, хотя русское слово «песок» – это точный эквивалент соответствующего исландского слова, для исландца реальность, обозначаемая этим словом, – это песок базальтовый, то есть песок

иссиня-черный, тогда как для говорящего на русском языке это скорее песок желтый или золотистый.

Но своеобразие географических названий в «сагах об исландцах» не в том, что эти названия – полнозначные слова (такие географические названия встречаются, конечно, не только в «сагах об исландцах», они есть и в русском языке, сравни: Черная Речка, город Остров, Медведь-гора и т. п.). Оно скорее в том, что ни одно из этих названий не было выдуманно теми, кто писал эти саги, и что все они были уже ранее употреблявшимися обозначениями объектов, реально существовавших в Исландии, – вполне конкретных исландских холмов, рек, озер, морских заливов, гор, долин, хуторов и т. д.

Названия эти, как правило, до сих пор существуют в Исландии и за семьсот лет не изменили своего значения, как не изменились за это время горы или долины Исландии. Даже хутора, упоминаемые в «сагах об исландцах», в большом количестве случаев до сих пор существуют как хутора. При этом природа Исландии за последнюю тысячу лет, то есть с тех пор как страна была заселена, так мало подверглась воздействию человека, что названия, данные исландскими первопоселенцами или их ближайшими потомками, нередко до сих пор верно описывают то, что они обозначают. Когда путешествуешь по Исландии, случается, что, переезжая через реку, в которой вода кажется белой, узнаешь, что эта река уже в древности была названа Белой Рекой, а увидя на болотистой равнине стаю диких лебедей, узнаешь, что эта равнина уже в древности была названа Лебединым Урочищем.

Отдельные «саги об исландцах» представляют собой, в сущности, историю тех, кто жил в «век саг» в определенной исландской местности. Нередко это находит отражение и в названиях отдельных «саг об исландцах»: есть «Сага о людях с Песчаного Берега», «Сага о людях из Лососьей Долины», «Сага о людях с Болот», «Сага о людях со Светлого Озера», «Сага о людях из Долины Дымов», «Сага о людях с Трескового Фьорда» и т. д. Поскольку отдельные «саги об исландцах» всегда тесно связаны с определенными местностями в Исландии, в обзорах или изданиях этих саг их принято располагать не в хронологической последовательности их написания (она слишком неясна), а в последовательности географической^[3].

В современных научных изданиях «саг об исландцах» и особенно в изданиях под редакцией исландских ученых топонимика обычно подробно комментируется. Например, указывается, где был расположен хутор, упоминаемый в саге и впоследствии заброшенный; где расположены упоминаемые в саге овраг, яма, скала и т. д., если у них теперь нет особого названия (или если они теперь называются иначе); какие ошибки допустил тот, кто писал сагу, в своих указаниях на местоположение тех или иных объектов или расстояние между ними. Кроме того, к изданию обычно прилагается указатель

географических названий, упоминаемых в саге, и карта местности, в которой происходит действие. Современному читателю могут показаться странными такие комментарии и приложения в литературном произведении. Неужели же те, кто писал саги, непременно должны были иметь в виду совершенно конкретную местность? Разве они не могли, подобно авторам нашего времени, иметь в виду некоторое обобщение виденных ими хуторов, гор и т. п., то есть нечто вымышленное? В том-то и дело, что это было для них совершенно невозможно. Они могли перепутать названия, ошибиться, указывая расстояние, или еще как-нибудь ошибиться, но они, несомненно, считали, что всегда имеют в виду совершенно конкретные реальности, а не плоды своей художественной фантазии.

Таким образом, каждое географическое название в «сагах об исландцах» содержит сведения о природе Исландии, а часто и о ее истории или и о том и о другом. Так, название хутора «Конец Склона» содержит указание на то, что этот хутор расположен в конце пологого склона гряды, там, где склон кончается и начинаются обрывы и скалы, а название хутора «Бергторов Пригорок» содержит указание на то, что этот хутор расположен на пригорке посреди равнины и что человека, который первым поселился здесь, звали Бергтор. В своей совокупности географические названия в «сагах об исландцах» – а таких названий в этих сагах огромное множество – это описание природы и древнейшей истории страны. Исландия со всеми ее горами, долинами, реками, озерами, болотами и песками присутствует в «сагах об исландцах» благодаря этим названиям гораздо конкретней, в сущности, чем она могла бы присутствовать в сагах в силу пейзажа, то есть описаний природы как литературного приема. Впрочем, в ту эпоху, когда писались саги, этот прием вообще еще не появился в литературе.

Описания природы как литературный прием были невозможны, пока природа была средой, из которой человек не выделял себя. Только когда природа оказалась противопоставленной человеку как объект эстетического любования, в литературе появился пейзаж. В художественной литературе Нового времени назначение пейзажа в том и заключается, что он подчеркивает специфику произведения как художественного вымысла. Когда в современном произведении рассказывается, например, что герой или автор наблюдали, как «лиловые тени ложились на поля и последние отблески заходящего солнца окрашивали облака в такие-то и такие-то краски» или как «северное сияние озарило залив волшебным или еще каким-то светом», то читателю сразу же ясно, что это описание – художественный прием, то есть что природа в данном случае художественный вымысел, который должен вызвать определенное эстетическое переживание у читателя (но может и не вызвать его, если читатель, горя нетерпением узнать, что же дальше произошло с героем, перескакивает через данное описание, как через досадное препятствие). Ничего подобного

таким описаниям природы, да и вообще никаких описаний природы в «сагах об исландцах» нет.

Если в «сагах об исландцах» иногда и сообщаются какие-то сведения о ландшафте, на фоне которого что-то происходит, то это только для объяснения событий, описываемых в саге. Так, например, когда в «Саге о Ньяле» (гл. LIV) сообщается, что «на тропе у брода лежали плоские камни», то это только для того, чтобы объяснить, почему подъехавшие к броду не могли ускакать от Гуннара. Только для объяснения событий, описываемых в саге, сообщаются сведения о том, что происходило в определенный момент в природе (морозило или таяло, выпал снег или шел дождь, зашло солнце или взошла луна и т. п.).

III

Примерно так же, как и с местностями, обстоит дело и с людьми в «сагах об исландцах»: те, кто писал эти саги, несомненно, считали, что люди, о которых рассказывается в них, – это реально существовавшие люди, а не плоды художественной фантазии. Однако здесь ошибки могли быть значительно крупнее: имена людей могли быть перепутаны или неправильно поняты родственные или другие связи между людьми, а сами эти люди могли быть по-разному истолкованы, изображены в более или менее выгодном для них свете, и таким образом их изображение в саге превращалось фактически в художественный вымысел. По-видимому, однако, он в такой же мере не осознавался как вымысел, в какой те, кто писал саги, не осознавали себя их авторами. Таким образом, «саги об исландцах» совсем не похожи на романы, то есть на сознательный художественный вымысел, а те, кто их писал, совсем не похожи на авторов романов.

Поскольку те, кто писал «саги об исландцах», верили в то, что все рассказываемое в них – правда, верили в это, конечно, и слушатели и читатели этих саг, то есть, в сущности, все в Исландии до совсем недавнего времени. Эта наивная вера действовала гипнотически и на ученых, занимавшихся изучением саг. Так, исландский ученый Финнур Йоунссон (1858–1934), посвятивший всю свою жизнь изучению древнеисландской литературы и знавший ее как никто ни до, ни после него, до самой смерти сохранил наивную веру в то, что все рассказываемое в «сагах об исландцах» – это в основном правда.

Между тем современному человеку заметить вымысел в «сагах об исландцах» совсем нетрудно. Он, в сущности, очевиден. Для того чтобы его обнаружить, вовсе нет необходимости сопоставлять сагу с более достоверными историческими источниками (как это неоднократно делали исследователи саг) или проводить какие-нибудь другие научные разыскания – археологические раскопки и т. п. И дело даже не

в том, что в «сагах об исландцах» есть кое-что неправдоподобное. То, что кажется неправдоподобным с современной точки зрения, могло казаться вполне правдоподобным с точки зрения людей того времени, когда писались саги. Все тогда верили в колдовство, привидения и т. п. Кроме того, неправдоподобного в «сагах об исландцах», в сущности, совсем немного, и его вкрапления есть только в некоторых из них.

Вымысел очевиден в «сагах об исландцах» из самой их манеры повествования о людях, а именно – из того, что подробно описываются действия отдельных людей и приводится все сказанное ими в описываемой ситуации, иногда даже то, что никто не мог видеть или слышать. Такое повествование о людях может быть только художественным вымыслом, конечно. И если этот вымысел все-таки не замечался в Исландии в течение многих столетий, то это, очевидно, объясняется тем, что сохранялась способность поставить себя на место тех, кто писал эти саги, взглянуть на этот вымысел с их точки зрения, то есть наивно не замечать его.

Когда исследователи «саг об исландцах» потеряли наивную веру в правдивость этих саг, вымысел в них стал вдруг очевидным, и, естественно, они пришли к убеждению, что он был очевиден и тем, кто писал саги, то есть что он был сознательным. С этих пор «саги об исландцах» стали считаться произведениями, совершенно аналогичными реалистическим романам нашего времени, а те, кто писал эти саги, – совершенно такими же авторами, как авторы этих романов. Как это нередко случается, наука перехитрила самое себя: в наивном доверии к правдивости «саг об исландцах» было, в сущности, больше их понимания, чем в недоверии к их правдивости, возникшей в результате их научного исследования.

Но хотя «саги об исландцах» стали считаться романами, уже из того, как они продолжают трактоваться в научных изданиях, очевидно, что они – нечто совсем не похожее на романы. Зачем было бы редактору романа сообщать в примечаниях, упоминается ли данное действующее лицо в других произведениях, верна ли его генеалогия, приводимая в данном произведении, нет ли ошибки в сведениях, сообщаемых о данном лице и т. п. А такие примечания обычны в научных изданиях «саг об исландцах». Примечания эти ясно свидетельствуют о том, что редактор считает целью саги сообщение правды в собственном смысле слова, а не так называемой «художественной правды», то есть правдоподобного вымысла. Между тем цель всякого романа, в том числе и самого реалистического, – это именно сообщение художественной правды, а не правды в собственном смысле слова.

Рассказывая о том или ином персонаже саги, тот, кто ее писал, всегда имел в виду некоторое реальное, действительно существовавшее лицо. Между тем автор романа, рассказывая о том или ином из своих персонажей, только в редком и совсем нетипичном для

романа случае – а именно в романе-биографии, – имеет в виду некоторое реальное лицо. Но даже и автор романа-биографии сознает, конечно, что, хотя канва его произведения – подлинные факты, само оно – лишь правдоподобный вымысел (роман!). Обычно же персонаж реалистического романа – это обобщение, результат отбора общего для многих реальных лиц, результат выделения типического, то есть отказа от изображения отдельного реального лица во всей его индивидуальной сложности и неповторимости, тем самым в известном смысле – упрощение, схематизация. Таким образом, можно сказать, что реалистические романы относятся к «сагам об исландцах», как литературная обработка сырого материала действительности к самому этому сырому материалу или как правдоподобие к правде. Другими словами, в известном смысле «саги об исландцах» правдивее реалистических романов.

Неудивительно поэтому, что персонажи «саг об исландцах», как правило, не похожи на литературные типы. Это особенно относится к основным персонажам саг. Второстепенные персонажи в них, напротив, нередко – литературные типы (злые колдуньи, коварные интриганы и т. п.). Между тем основные персонажи саг, как правило, жизненнее, чем литературные типы. Это проявляется прежде всего в том, что их поведение и поступки необязательно вытекают из их характера. Человек, трусливый по характеру, как Бьёрн из Леса в «Саге о Ньяле», проявляет храбрость. Человек, благородный по характеру, как Флоси из «Саги о Ньяле», оказывается предводителем тех, кто совершает подлое преступление – сожжение Ньяля и его семьи в доме. Может показаться, правда, что такие случаи – результат сознательного стремления автора показать человеческую личность во всей ее сложности. Однако на самом деле такие случаи в «сагах об исландцах» – в такой же мере не осуществление авторского замысла, в какой аналогичные случаи в жизни – не осуществление замысла какого-то всемогущего существа, которое управляет людьми, как марионетками. Дело в том, что «саги об исландцах» вообще не имели своей целью изображение людей: человеческая личность сама по себе еще не настолько привлекала к себе внимание в ту далекую эпоху, чтобы стать объектом изображения в литературе. Именно поэтому в «сагах об исландцах» совершенно отсутствуют описания внутреннего мира персонажей, их переживаний, их чувств и мыслей. Целью «саг об исландцах» было описание не людей, а событий, и притом событий определенного рода.

IV

О событиях, описываемых в «сагах об исландцах», можно сказать примерно то же самое, что выше было сказано о местностях и людях: те, кто писал саги, верили в то, что эти события – реальность, а не

плоды художественной фантазии. События эти – не факты личной жизни персонажей саг. Личная жизнь, как уже было сказано выше, никогда не описывается в «сагах об исландцах». События эти – распри между исландцами в так называемый «век саг», то есть X–XI века.

О том, что это были за распри, каковы были их поводы, как они протекали и так далее, читатель может сам составить себе представление, почитав саги. Но, прочитав в них о том или ином убийстве – а в распрах, описываемых в «сагах об исландцах», дело нередко доходит до убийства, – читатель не должен спешить с осуждением людей того времени за жестокость. Ему следует учесть, что, как правило, это убийство из чувства долга, а именно – долга мести и, всего чаще, мести за убитого родича, и притом убийство, аналогичное убийству в честном и открытом бою с врагом, поскольку убитым всегда был мужчина, но не женщина или ребенок, удар наносился открыто, не со спины или из прикрытия, и днем, но не ночью, и совершивший убийство сразу же сам объявлял о нем. Следует учесть также, что для членов общества, в котором не было ни полиции, ни тюрем, ни карательных органов – а таким было исландское общество в «век саг» – выполнение долга мести не могло не быть обязательным. Такое общество не могло бы просуществовать, если бы долг мести не был обязательным для его членов.

Люди оказываются изображенными в «сагах об исландцах» в той мере, в какой они участвуют в той или иной расправе. Но именно поэтому они изображаются так объективно: то, что ненароком описывается в процессе описания чего-то другого, оказывается описанным более объективно, чем непосредственный объект описания. Примером может служить трагическое и романическое в «сагах об исландцах».

События, описываемые в «сагах об исландцах», нередко трагичны. Однако в сагах, как правило, ничего не говорится о трагических переживаниях, которые должны были быть вызваны этими событиями. Современный читатель воспринимает это как тонкий литературный прием: он как бы должен сам вчитать эти переживания в сагу и тем живее вообразить их себе и испытать к ним тем более живое сочувствие. Однако на самом деле тех, кто писал «саги об исландцах», переживания участников трагических событий, описываемых в саге, сами по себе не интересовали. Интересовали события. Сентиментальное сочувствие переживаниям героев литературного произведения вряд ли имело место. Поэтому, если цель трагического в литературе – вызвать сочувствие трагическим переживаниям персонажей произведения, то трагического в этом смысле не было в замысле тех, кто писал «саги об исландцах». Тем объективнее, однако, оказываются изображенными в саге трагические события.

Повествование в любых событиях, как трагических, так и отнюдь не трагических, ведется в «сагах об исландцах» в одной и той же тональности. Современный читатель не замечает этой тональности, так

как он неизбежно впитывает трагическую тональность в описание трагических событий. Некоторое представление о тональности, которую современному читателю трудно заметить в «сагах об исландцах», может дать разве что средневековая музыка: в противоположность музыке Нового времени средневековая музыка тоже, как правило, не имеет целью вызвать сочувствие каким-то переживаниям.

Вообще средневековое повествование часто имело совсем не ту цель, какую впитывает в него современный читатель. Так, например, в рассказе о Торстейне Морозе, помещенном в настоящем издании, современный читатель неизбежно обнаруживает комизм, то есть полагает, что цель рассказа – рассмешить. Между тем рассказ этот – христианская легенда о чуде. Цель этого рассказа – внушить веру в чудотворную силу короля Олава Трюггвасона как представителя христианской церкви.

Не интересовали тех, кто писал «саги об исландцах», и переживания, обусловленные сексуальными отношениями, то есть романические переживания. По-видимому, эти переживания не вызывали того сентиментального сочувствия, на которое рассчитывает автор всякого романа. Вокруг них не было никакого поэтического ореола. Характерно, например, что, хотя из фактов, сообщаемых в «Саге о Ньяле» (гл. XXXIII), очевидна влюбленность Гуннара в Хальгерд, брак Гуннара с ней расценивается как «безрассудный брак по страсти» (более точным переводом было бы «из похоти»). Брак по любви казался людям того времени просто безрассудством, глупостью. Напротив, разумным казалось заключить брак так, как это делают в той же саге Скарнхедин, Хельги и Грим, сыновья Ньяля, которым Ньяль сам подбирает подходящих жен (гл. XXV и XXVI). «Любовью» называются в «сагах об исландцах», как правило, только отношения, устанавливающиеся между супругами спустя некоторое, иногда даже долгое время после брака. Слово «любовь», очевидно, имело совсем не тот смысл, что в романической литературе. К тому, что с современной точки зрения представляется связью, основанной на романическом чувстве, слово «любовь» в «сагах об исландцах» не применяется. Если это любовная связь мужчины с чужой женой, то обычно просто говорится, что мужчина «одурачил» женщину. Если же речь идет о любовной связи женатого мужчины с одинокой женщиной, то обычно говорится о «побочной жене» и «побочных детях» как о чем-то, что вполне естественно и не должно вызывать возражений у законной жены.

Вместе с тем из фактов, сообщаемых в «сагах об исландцах», очевидно, что сами по себе переживания, обусловленные сексуальными отношениями, были, в сущности, теми же, что и в другие времена: люди так же влюблялись, испытывали страсть, ревновали и т. д. Другой была только оценка этих переживаний: не было их идеализации и

романтизации. Но именно поэтому в «сагах об исландцах» эти переживания оказывались более объективно изображенными, чем это возможно в романе, хотя в сагах они и не были объектом изображения. В романе Нового времени не может не быть идеализации этих переживаний хотя бы уже потому, что она есть в значениях соответствующих слов (то есть слов «любовь», «влюбленность» и т. д.) во всех современных европейских языках. Таким образом, и в этом отношении «саги об исландцах» правдивее даже самых реалистических романов.

Исключение в этом отношении представляет собой «Сага о Гуннлауге Змеином Языке». В этой саге любовь в романическом смысле слова идеализируется в духе средневековой куртуазной литературы. Однако и в этой саге основное – распря, и любовь в ней только мотивирует эту распря.

V

Нигде в настоящей статье те, кто писал «саги об исландцах», не были названы их «авторами». В самом деле, совершенно неясно, можно ли их так назвать. По этому вопросу уже давно идет дискуссия между учеными. В первой половине XIX века установилось мнение, что те, кто писал «саги об исландцах», были просто записывателями того, что бытовало в устной традиции. Но во второй половине XIX века стали склоняться к тому, что те, кто писал «саги об исландцах», собирали бесформенную традицию и придавали ей форму саг, то есть были их авторами. В начале XX века снова установилось мнение, что те, кто писал саги, с некоторыми оговорками в отношении саг, наиболее длинных и сложных по композиции, были просто их записывателями. Но в 30-х годах XX века снова была выдвинута точка зрения, согласно которой «саги об исландцах» – это письменные произведения, созданные их авторами, и эта точка зрения в последнее время господствовала. Однако и сторонники этой точки зрения признают, что источником письменной саги была устная традиция, но только они не называют эту устную традицию «сагой».

Все выдвигавшиеся до сих пор теории происхождения «саг об исландцах» подразумевают упрощенное представление о специфике устной и письменной словесности. Переход от устной словесности к письменной якобы совпадает с переходом к авторскому творчеству, и, следовательно, письменная словесность – это якобы непременно авторское творчество. В действительности, однако, дело обстоит гораздо более сложно. В сущности, словесности «безавторской», если так можно выразиться, вообще не может быть. Всякая словесность создана людьми, то есть авторами. Но возможно неосознанное

авторство, и в условиях неосознанного авторства авторский вклад не ограничен от пересказа и, следовательно, не поддается определению.

В устной традиции господствует неосознанное авторство. Однако и в устной традиции возможно осознанное авторство. Так, поэзия древнеисландских скальдов, несомненно, подразумевает осознанное авторство. Однако известно, что эта поэзия существовала еще за несколько веков до введения письменности.

Древнейшие скальдические стихи были сочинены еще в IX веке, и есть сведения об их авторах. Правда, у скальдов осознанное авторство распространялось только на форму, но не на содержание, то есть это была ранняя стадия развития осознанного авторства.

Переход от неосознанного к осознанному авторству – это целая огромная эпоха в истории человеческого сознания. Между тем переход от устной словесности к письменной, то есть введение письменности, – это событие, которое осуществляется в сравнительно короткий срок. Естественно поэтому, что эти два перехода отнюдь не обязательно совпадают. Неосознанное авторство возможно и в письменной словесности и широко представлено в средневековой литературе. Так, оно, несомненно, имело место в «сагах об исландцах», поскольку те, кто их писал, считали, что эти саги – правда, а не плод их художественной фантазии. Но при неосознанном авторстве в письменной словесности авторский вклад примерно так же не ограничен от записывания или переписывания, как в устной словесности он не ограничен от пересказа, и, следовательно, так же не поддается определению. Те, кто писал «саги об исландцах», могли записывать устную традицию или списывать с того, что уже было написано другими. Но они могли вносить и свое в записываемое или списываемое, и в этом отношении они не отличались от того, кто передавал устную традицию, на которой они основывались, потому что и устная традиция, конечно, не передавалась слово в слово. Таким образом, невозможно установить, в какой мере те, кто писал «саги об исландцах», были их авторами.

VI

Перевод «саг об исландцах» представляет большие трудности. Древнеисландский язык во многих отношениях совсем не похож на современные европейские языки. В нем много слов и оборотов, которым в этих языках нет эквивалентов или соответствий. Другими словами, он очень идиоматичен. Особенно идиоматичен язык «саг об исландцах». Он, правда, совершенно свободен от какой-либо искусственности, вычурности, риторичности или нарочитости. Но известно, что для передачи безыскусности нужно больше искусства, чем для передачи искусственности.

Особые трудности представляет перевод вис (стихотворных стрóf), встречающихся в сагах. Стил ь вис совсем не похож на стил ь саг, он крайне вычурен. В висах много так называемых кеннингов, то есть очень условных поэтических фигур, состоящих из двух или больше существительных (например, «ясень сечи» или «дерево бури оружия» = воин). Порядок слов в висах – противоестественный (отдельные предложения переплетаются друг с другом), а размер – очень сложный (аллитерации и внутренние рифмы образуют строгий узор). Передать эту сложную и вычурную форму в переводе на русский язык сколько-нибудь точно совершенно невозможно. Ее можно передать только очень приблизительно. Но такой приблизительный перевод вис оправдывается тем, что содержание их, как правило, очень скудно (обычно в них сообщаются какие-то факты, сообщаемые и в прозе), а форма настолько условна, что как бы независима от содержания. Именно поэтому свободная передача формы вис, в сущности, не искажает их содержания.

В комментариях к отдельным сагам или прядям даются сведения об их особенностях, исторической основе, переводах на русский язык, библиографии, а также объясняются отдельные слова и выражения, встречающиеся в них^[4].

Сага об Эгиле

**Перевод С. С. Масловой-Лашанской
(гл. I-LVII) и В. В. Кошкина (гл. LVIII-
LXXXVII)**

Стихи в переводе А. И. Корсуна

«Сага об Эгиле» представляет собой историю четырех поколений рода, к которому принадлежал Эгиль, сын Скаллагрима, самый крупный из исландских скальдов, и охватывает период с конца IX по конец X в. По-видимому, эта сага основана не только на устной традиции, но и на письменных источниках. Значительное место занимает в ней история распри норвежского вождя Квельдульва (деда Эгиля) и его сыновей Торольва и Скаллагрима с основателем норвежского государства конунгом Харальдом Прекрасноволосым. В результате этой распри Скаллагрим переселился в Исландию и основал там род «Людей с Болот».

Центральное место в «Саге об Эгиле» занимает сам Эгиль (он родился ок. 910 и умер ок. 990 г.). В саге приводится много стихов

Эгиля. Некоторые из них, однако, по-видимому, не подлинны (например, висы на с. 136–137 и 150). С исключительной правдивостью изображается в саге Эгиль – этот необузданный в гневе, жестокий и жадный викинг, но вместе с тем и большой поэт, верный друг и бесстрашный борец против главы феодального государства.

Эгиль совершил четыре поездки из Исландии за море, во время которых он подолгу жил в Норвегии и Англии и бывал в ряде других стран Северной Европы. Вообще действие саги охватывает всю Северную Европу, от Исландии, Оркнейских островов и Англии на западе до Белого моря, Карелии и Курляндии на востоке. Хотя некоторые из сообщаемых в этой саге фактов и приукрашены фольклорными мотивами (например, обстоятельства написания «Выкупа головы» или битва на Винхейде) и кое-что в социальных отношениях, изображаемых в этой саге, больше похоже на XIII в., эпоху написания саги, – в основном эта сага исторически вполне правдива. Многие исследователи предполагали, что автором «Саги об Эгиле» был Снорри Стурлусон (1178–1241), знаменитый автор «Младшей Эдды» и «Круга Земного».

Эта сага была написана, вероятно, ок. 1220 г. Она сохранилась в нескольких списках, важнейшие из которых не древнее середины XIV в. Перевод сделан по изданию: Egils saga Skallagrímssonar herausgegeben von Finnur Jónsson. Halle, 1894 (Altnordische Saga-Bibliothek. 3).

I

Жил человек по имени Ульв. Он был сын Бьяльви и Халльберы, дочери Ульва Бесстрашного. Халльбера приходилась сестрой Халльбьёрну Полутроллю с острова Храфниста, отцу Кетиля Лосося. Никто не мог сравниться с Ульвом ростом и силой.

В молодости он ходил в викингские походы. У него в то время был товарищ, которого звали Кари из Бердлы. Это был человек знатный и необыкновенно сильный и смелый. Он был берсерк^[5]. У них с Ульвом был общий кошелек, и они крепко дружили. А когда они оставили походы, Кари поехал в свою вотчину в Бердлу. Он был очень богат. У Кари было трое детей. Одного его сына звали Эйвинд Ягненок, другого Альвир Хнува^[6], а дочь – Сальбьёрг. Она была женщина видная собой, и работа у нее спорилась. Сальбьёрг стала женой Ульва. Он тогда также поехал к себе домой. У него было много земли и добра. Как и его предки, он стал лендрманном^[7] и могущественным человеком.

Рассказывают, что Ульв был хорошим хозяином. Он обычно рано вставал и обходил работы, или шел к своим ремесленникам, или же осматривал стада и поля. А иногда он беседовал с людьми, которые спрашивали его совета. Он мог дать добрый совет в любом деле, потому что отличался большим умом. Но каждый раз, когда вечерело,

он начинал избегать людей, так что лишь немногим удавалось завести с ним беседу. К вечеру он делался сонливым. Поговаривали, что он оборотень^[8], и прозвали его Квельдульвом (Вечерним Волком).

У Квельдульва с женой было два сына. Старшего звали Торольв, а младшего Грим. Они выросли оба такими же высокими и сильными, как отец. Торольв был человек красивый, умный и отважный. Он походил на своих родичей со стороны матери, был очень веселый и деятельный, за все брался горячо и рьяно. Его все любили. Грим, черноволосый и некрасивый, был похож на отца видом и нравом. Он много занимался хозяйством, был искусен в работах по дереву и железу и стал в этом деле большим мастером. Зимой он часто ходил на паруснике с сетями ловить сельдь, и с ним многие его домочадцы.

Когда Торольву исполнилось двадцать лет, он собрался в викингский поход. Квельдульв дал ему боевой корабль. Тогда же снарядились в путь сыновья Кари из Бердлы – Эйвинд и Альвир. У них была большая дружина и еще один корабль. Летом они отправились в поход и добывали себе богатство, и при дележе каждому досталась большая доля. Так они провели в викингских походах не одно лето, а в зимнее время они жили дома с отцами. Торольв привез домой много ценных вещей и дал их отцу и матери. Тогда легко было добыть себе богатство и славу.

Квельдульв был в то время уже пожилым, а сыновья его стали вполне взрослыми.

//

В то время конунгом в фюльке^[9] Фирдир был Аудбьёрн. Одного из его ярлов звали Хроальдом, а сына этого ярла – Ториром. Жил тогда же в Гауларе ярл^[10] Атли Сухопарый. Детей его звали Халльстейн, Хольмстейн, Херстейн и Сольвейг Красавица.

Случилось однажды, что в Гауларе собралось множество людей на осеннее жертвоприношение^[11]. Тогда Альвир Хнува увидел Сольвейг и полюбил ее. Позже он посватался за нее, но ярлу показалось, что Альвир ему неровня, и он не захотел выдать за него дочь. Потом Альвир сочинил много любовных песен. Он так сильно любил Сольвейг, что бросил викингские походы. Тогда в походах бывали только Торольв и Эйвинд Ягненок.

III

Харальд, сын Хальвдана Черного^[12], получил после отца наследство на востоке, в Вике. Он поклялся до тех пор не стричь и не расчесывать волос, пока не станет единовластным конунгом в Норвегии. Его прозвали Харальд Косматый^[13]. Он повел войну с соседними конунгами и победил их. Есть об этом старые длинные рассказы. После этого он овладел Уппландом. Оттуда Харальд поехал на север, в Трандхейм, и

выдержал там много битв, прежде чем стал единовластным правителем во всем Трёндалаге.

Потом Харальд задумал пойти на север, в Наумудаль, против братьев Херлауга и Хроллауга – конунгов в Наумудале. Когда же братья узнали о его походе, то Херлауг с одиннадцатью дружинниками ушел в курган, который уже три года насыпали по его приказу, и курган был засыпан. А конунг Хроллауг сошел со своего конунгского места и принял звание ярла. Он отдал себя во власть конунга Харальда и отказался от своих прав. Так конунг Харальд овладел Наумудалем и Халогаландом. Он посадил там своих людей управлять страной.

После этого конунг Харальд вышел со своими боевыми кораблями из Трандхейма и направился на юг, в Мёри. Там он победил в битве конунга Хунтьова. Хунтьов был убит в бою. Так конунг Харальд овладел фюльками Нордмёри и Раумсдаль.

А Сальви Разрушитель, сын Хунтьова, спасся и поехал в Суннмёри к конунгу Арнвиду. Он просил конунга о помощи и сказал так:

– Хотя теперь беда случилась с нами, но и вам ее недолго ждать, потому что, я думаю, Харальд скоро явится и сюда. Он ведь сумел поработить и превратить в слуг всех в Нордмёри и Раумсдале, когда он этого захотел. Вам придется, как и нам, защищать свою собственность и свободу, и тогда будет у вас случай испытать всех, от кого вы ждете помощи. Я хочу предложить себя и свою дружину в помощь тебе против насилия и несправедливости. Или же вы захотите принять такое же решение, как наумудальцы, – по своей воле пойти под ярмо и стать рабами конунга Харальда? Моему отцу казалось, что умереть конунгом со славой более почетно, чем на старости лет подчиниться другому конунгу. По-моему, думать так должен и ты, и другие знатные и уважаемые мужи, если они хотят быть деятельными и решительными.

Послушав уговоры Сальви, конунг решил собрать войско и защищать свою землю. Они с Сальви заключили союз и послали сказать конунгу Аудбьёрну, правившему в фюльке Фирдир, чтобы он шел к ним на помощь. А когда послы прибыли к конунгу Аудбьёрну и передали ему эту весть, он начал совещаться с друзьями. Все советовали, чтобы он созвал рать и шел на соединение с мёрянами, как просил конунг Арнвид. Конунг Аудбьёрн велел вырезать ратную стрелу^[14] и, послав ее по Фирдиру, оповестить всех о войне. Он отправил своих людей к знатным и могущественным мужам, чтобы призвать их к себе.

Послы конунга прибыли тогда и к Квельдульву и передали ему, что конунг хочет, чтобы Квельдульв явился к нему со всеми своими людьми. Квельдульв ответил так:

– Конунг может потребовать, чтобы я шел с ним, когда ему придется защищать свою землю и война будет в Фирдире. Но я думаю, что отправляться на север в Мёри и биться там, защищая землю мёрян, я не обязан. Скажите конунгу, что во время этого похода Квельдульв останется дома и что он не будет собирать своих людей и не пойдет с

ними против Харальда Косматого. Я думаю, что у Харальда немалый груз счастья, а у нашего конунга нет даже полной горсти его.

Послы вернулись к конунгу и рассказали, чем кончилось дело, а Квельдульв остался дома, в своей вотчине.

IV

Конунг Аудбьёрн двинулся со своей ратью на север, в Мёри, и встретился там с конунгом Арнвидом и Сальви Разрушителем, и у всех у них вместе было большое войско. Конунг Харальд также пришел тогда с севера со своим войском. Они сошлись перед островом Сольскель. Там было большое сражение, и с каждой стороны было много убитых. В войске Харальда пали два ярла, Асгаут и Асбьёрн, и два сына ярла Хакона из Хладира, Грьотгард и Херлауг, и много других знатных мужей, а у мёрян – конунг Арнвид и конунг Аудбьёрн. Сальви же Разрушитель спасся бегством и стал позже известным викингем и часто причинял много вреда государству Харальда. Потому его и прозвали Сальви Разрушитель.

После этого конунг Харальд подчинил себе Суннмёри.

Вемунд, брат конунга Аудбьёрна, до того правивший в фюльке Фирдир как ярл, теперь стал там конунгом.

Была поздняя осень, и Харальду советовали не ездить в такое время на юг, за мыс Стад. Тогда он посадил Рёгнвальда ярлом в фюльках Нордмёри и Суннмёри, а также в Раумсдале, а сам с большим войском повернул обратно на север, к Трандхейму.

Той же осенью сыновья Атли Сухопарого напали на Альвира Хнуву в его доме и хотели его убить. С ними была такая большая дружина, что Альвир не мог сопротивляться и спасся бегством. Он поехал тогда на север, в Мёри, и встретил там конунга Харальда. Альвир стал дружинником конунга и поехал с ним осенью в Трандхейм. Конунг был к нему очень расположен, и Альвир долго потом оставался при нем и стал его скальдом.

Той зимой ярл Рёгнвальд направился сухим путем через Эйд на юг, в Фирдир, и разузнал через разведчиков, где проезжал конунг Вемунд. Ночью он явился в селение Наустдаль, где Вемунд был тогда на пиру. Ярл Рёгнвальд застиг Вемунда врасплох и сжег его в доме, и вместе с ним девять десятков человек.

Позже к ярлу Рёгнвальду явился на боевом корабле со своими людьми Кари из Бердлы, и оба они поехали на север, в Мёри. Рёгнвальд взял корабли, принадлежавшие прежде конунгу Вемунду, и всё, что он смог захватить из добра. Кари из Бердлы поехал тогда на север, в Трандхейм, к конунгу Харальду и отдался под его власть.

Следующей весной конунг Харальд поплыл со своими кораблями на юг и подчинил себе Фирдир и Фьялир и посадил там управлять своих людей. В Фирдире он посадил ярла Хроальда.

Когда под власть Харальда подпали эти новые фюльки, он стал зорко следить за лендрманнами и влиятельными бондами^[15] и всеми теми, кого он подозревал, что от них можно было ожидать восстания. Он заставлял каждого выбрать одно из двух: пойти к нему на службу или покинуть страну, а в противном случае он сурово наказывал или лишал жизни. У некоторых же были искалечены руки или ноги.

Конунг Харальд присвоил в каждом фюльке наследственные владения и всю землю^[16], заселенную и незаселенную, а также море и воды. Все бонды должны были стать зависимыми от него держателями земли. Лесорубы и солевары, рыбаки и охотники, – все они также были обязаны повиноваться ему. От этого гнета многие бежали из страны, и были тогда заселены многие обширные, еще пустовавшие земли как на востоке – в Ямталанде и в Хельсингьяланде, так и на западе – на Гебридских Островах, под Дублином в Ирландии, в Нормандии, в Катанесе^[17] в Шотландии, на Оркнейских, Шетландских и Фарерских островах. В это же время была открыта Исландия^[18].

V

Конунг Харальд стоял со своим войском в Фирдире. Он разослал своих людей по стране ко всем тем, кто еще не явился к нему, но мог, как ему казалось, быть ему нужен.

Послы конунга прибыли и к Квельдульву и нашли у него хороший прием. Они передали волю конунга, чтобы Квельдульв явился к нему.

– Конунг узнал, – сказали они, – что ты знатный муж и из славного рода. Ты сможешь заслужить у него почет и уважение. Конунг заботится о том, чтобы его окружали люди, славные силой и доблестью.

Квельдульв отвечал, что он уже стар и не годится для походов на боевых кораблях.

– Я теперь буду сидеть дома и не возьмусь служить конунгам, – сказал он.

Тогда посол говорит:

– Так пусть твой сын поедет к конунгу. Он человек рослый и крепкий и хороший воин. Конунг сделает тебя лендрманном, если ты захочешь служить ему, – обратился он к Гриму.

– Не хочу я, – ответил Грим, – стать лендрманном при жизни отца, потому что он должен стоять выше меня, пока жив.

Послы уехали, а когда они прибыли к конунгу, то передали ему речи Квельдульва. Конунг рассердился и сказал:

– Квельдульв и его сын – заносчивые люди. И что это они задумали?

Был там поблизости Альвир Хнува, и он стал просить конунга не сердиться:

– Я поеду к Квельдульву, и он явится к вам, как только узнает, что вы считаете это дело таким важным.

Альвир поехал к Квельдульву и сказал ему, что конунг разгневан и что неладно получится, если никто из них – ни отец, ни сын – не поедет к конунгу. Он говорил, что конунг окажет им большой почет, если они захотят расположить его к себе. Он много рассказывал – и это была правда, – что конунг щедр на дары и почести для своих людей. Квельдульв сказал:

– У меня такое предчувствие, что нам с сыном не будет счастья от этого конунга, и я не поеду к нему. Но когда Торольв этим летом вернется домой, его нетрудно будет уговорить явиться к конунгу, а также пойти к нему на службу. Скажи конунгу, что я ему друг и что все, кто прислушивается к моим словам, будут держаться дружбы с ним. Я буду управлять и распоряжаться здесь по его поручению, как раньше при прежнем конунге, если конунгу угодно, чтобы это было так. Позже видно будет, как мы поладим с конунгом.

После этого Альвир вернулся к конунгу и сказал ему, что Квельдульв пришлет к нему своего сына, которого тогда не было дома, и что тот сын больше подходит для этого. Конунг на этом успокоился. Тем летом он ездил в Согн, а когда наступила осень, он приготовился к поездке на север, в Трандхейм.

VI

Торольв, сын Квельдульва, и Эйвинд Ягненок вернулись осенью домой из викингского похода. Торольв приехал к своему отцу.

И вот отец с сыном заводят разговор. Торольв спрашивает, с каким делом являлись сюда послы Харальда. Квельдульв отвечает, что конунг прислал сказать, что либо Квельдульв должен пойти к нему на службу, либо один из его сыновей.

– Что же ты ответил? – спрашивает Торольв.

– Я сказал то, что у меня было в мыслях, – что я никогда не пойду на службу к конунгу Харальду, и так же поступили бы и вы, если бы я мог решать за вас. Я думаю, что в конце концов мы погибнем из-за этого конунга.

– Тогда все пойдет совсем не так, – ответил Торольв, – как мне подсказывает предчувствие. Я думаю, что заслужу у конунга большие почести, и оттого я решил поехать к нему и служить ему. Мне точно известно, что в его дружине – самые выдающиеся мужи. Я очень хочу попасть в их число, если только они пожелают меня принять. Этих мужей уважают больше, чем кого бы то ни было здесь в стране. Про конунга мне рассказывали, что нет его щедрее на дары своим людям и

что он не скупится, когда возвышает и наделяет властью тех, кто ему кажется достойным. И напротив, я слышал, что ничего хорошего не выходит у тех, кто поворачивается к конунгу спиной и не хочет дружески расположить его к себе. Одни из них бегут из страны, а другие делаются слугами. Меня, отец, удивляет, что ты – такой умный человек и охотник до почестей – не хочешь принять с благодарностью честь, предложенную тебе конунгом. Если же ты, как тебе кажется, предвидишь, что конунг этот принесет нам несчастье, то почему ты не отправился на битву против него вместе с конунгом, под властью которого ты был раньше? И, я думаю, совсем уж негоже не быть ни другом конунгу, ни врагом.

Квельдульв ответил:

– Как я предчувствовал, что не вернутся победителями те, которые бились в Мёри против Харальда Косматого, так и вышло. И так же оправдаются мои слова, что Харальд причинит много зла моему роду. Ну, а ты, Торольв, поступай как знаешь. Я не боюсь, что ты, хотя бы и среди дружинников Харальда, отстанешь от других или не сравнишься мужеством с самыми лучшими. Смотри только знай меру и не тягайся с более сильными, чем ты! Впрочем, ведь ты все равно никому не уступишь.

А когда Торольв уезжал, Квельдульв проводил его на корабль, обнял его и пожелал ему счастливого пути и благополучного возвращения.

VII

Жил в Халогаланде, на острове Торгар, человек по имени Бьёргольв. Он был лендрманн, могущественный и богатый, а по силе, росту и происхождению – полувеликан. Сын его, по имени Брюньольв, был похож на своего отца. Бьёргольв к тому времени уже состарился, а жена его умерла. Он поручил сыну управлять в своей вотчине и женил его. Женой Брюньольва была Хельга, дочь Кетиля Лосося с Храфнисты. Их сына звали Бард. Он рано возмужал и стал рослым и красивым.

Был однажды осенью многолюдный пир, и Бьёргольв с сыном были там самыми знатными гостями. Вечером там бросили жребий, кому с кем пить в одной паре, как того требовал обычай. А на том пиру был человек по имени Хёгни. Двор его стоял на острове Лека. Он был очень богат, красив и умен, но из низкого рода, и возвысился сам. Дочь его, Хильдирид, была очень хороша собой. Ей выпал жребий сидеть рядом с Бьёргольвом. В тот вечер они переговорили о многом. Девушка понравилась ему. Вскоре пир кончился.

Той же осенью старый Бьёргольв выехал из дому на своем паруснике и взял с собой тридцать человек. Он приехал на остров Лека, и двадцать человек пошли к дому Хёгни, а десять охраняли корабль.

Когда они пришли на двор, Хёгни вышел навстречу Бьёргольву, радушно приветствовал его и пригласил к себе вместе с его спутниками. Бьёргольв принял приглашение, и они вошли в дом. Когда они сняли плащи, Хёгни велел принести жбан браги. Хильдирид, дочь хозяина, подносила напиток гостям.

И вот Бьёргольв подзывает к себе хозяина и говорит ему:

– Дело у меня к тебе такое: я хочу, чтобы твоя дочь поехала ко мне домой, и я справлю с ней неполную свадьбу^[19].

Хёгни не видел другого выбора, как сделать все по желанию Бьёргольва. Бьёргольв заплатил за Хильдирид эйрир^[20] золота, и они легли в одну постель. Затем Хильдирид поехала с Бьёргольвом в его вотчину на Торгар.

Брюньольв с неодобрением отозвался о поступке отца.

У Бьёргольва и Хильдирид было два сына. Одного звали Харек, а другого Хрёрек. Потом Бьёргольв умер, а как только его вынесли из дому, Брюньольв велел Хильдирид уехать прочь вместе с сыновьями. Она поехала на остров Лека к своему отцу. Там сыновья Хильдирид и выросли. Они были красивы лицом, невысокого роста, неглупы и похожи на своих родных со стороны матери. Их звали сыновьями Хильдирид. Брюньольв относился к ним с пренебрежением и не дал им ничего из наследства их отца. После смерти Хёгни Хильдирид и ее сыновья наследовали ему. Жили они тогда на острове Лека, и было у них много добра.

Сыновья Хильдирид были почти ровесники с Бардом, сыном Брюньольва. Их отцы – Бьёргольв и Брюньольв – долгое время ездили вместе в Финнмарк и собирали для конунга дань с лопарей.

На севере, в Халогаланде, один фьорд называется Вефснир. В том фьорде есть остров Аласт. Это большой остров и с хорошими угожьями. Двор на этом острове называется Санднес. Там жил человек по имени Сигурд. Богаче его не было на севере. Он был лендрманн и человек большого ума. Дочь его звали Сигрид, и она считалась лучшей невестой в Халогаланде. У Сигурда не было других детей, и она должна была наследовать своему отцу.

Бард, сын Брюньольва, отправился из дому на своем паруснике, и с ним три десятка человек. Он поехал на север, на остров Аласт, и прибыл в Санднес к Сигурду. Бард завел речь и попросил руки Сигрид. Сигурд отвечал ему благожелательно. Так Бард был помолвлен с девушкой. Свадьбу решили праздновать следующим летом. Бард должен был тогда приехать на север.

VIII

Конунг Харальд послал в то лето весть влиятельнейшим людям в Халогаланде и призвал к себе тех, кто раньше не являлся к нему.

Брюньольв решил поехать к конунгу, и с ним вместе Бард, его сын. Осенью они поехали на юг, в Трандхейм, и явились к конунгу. Он принял их самым приветливым образом. Брюньольв стал тогда лендрманном конунга. Конунг поручил ему ездить в Финнмарк^[21] и собирать дань и дал ему право торговать с лопарями и еще другие права. После этого Брюньольв вернулся домой в свою вотчину, а Бард остался при конунге и сделался его дружинником.

Из всех дружинников конунг отличал больше всего своих скальдов. Они занимали почетное сиденье напротив конунга^[22]. Дальше всего от входа на этом сиденье сидел Аудун Плохой Скальд^[23], старейший из них. Он был еще скальдом Хальвдана Черного, отца Харальда. Следующим сидел Торбьёрн Хорнклови^[24], а дальше Альвир Хнува, и рядом с ним дали место Барду. Его прозвали Бард Белый или Бард Сильный. Все его там очень уважали. Он и Альвир Хнува были добрыми товарищами.

Той же осенью к конунгу Харальду прибыли Торольв, сын Квельдульва, и Эйвинд Ягненок, сын Кари из Бердлы. Их там хорошо приняли. Был у них с собой корабль на двадцать гребцов, хорошо снаряженный, на котором они раньше плавали викингами. Их поместили в доме для гостей вместе с их людьми. Там они и жили, пока им не показалось, что пришла пора идти к конунгу. Тогда с ними пошли Кари из Бердлы и Альвир Хнува. Они приветствовали конунга. Альвир Хнува сказал:

– Приехал сын Квельдульва. Я говорил вам летом, что Квельдульв пришлет его сюда и что он сдержит все свои обещания. Вы видите теперь истинные доказательства того, что Квельдульв хочет быть вам настоящим другом. Ведь он прислал сюда на службу к вам своего сына, достойнейшего мужа, как вы это теперь сами можете видеть. Просьба Квельдульва и всех нас – чтобы ты принял Торольва с почетом и возвысил его при себе.

Конунг приветливо отвечал на речь Альвира Хнувы и сказал, что так он и сделает, если доблесть Торольва в испытаниях сравнится с его мужественным видом. После этого Торольв стал дружинником конунга, а Кари из Бердлы и Эйвинд Ягненок, его сын, вернулись на юг на том корабле, на котором Торольв приплыл на север, и они поехали домой.

Торольв остался при конунге, и конунг указал ему место между Альвиром Хнувой и Бардом, и все они крепко сдружились. О Торольве и Барде говорили, что они равны красотой и ростом, силой и всеми достоинствами. И Торольв и Бард были любимцами конунга.

А когда зима прошла и наступило лето, Бард попросил конунга, чтобы тот отпустил его справить свадьбу, о которой он договорился прошлым летом. Конунг, узнав, что у Барда было важное дело, отпустил его.

Когда конунг разрешил Барду поехать, Бард стал звать Торольва с собой на север. Он сказал – и это была правда, – что там Торольв встретит многих своих знатных родичей, с которыми он раньше не

видался и не был знаком. Торольву захотелось поехать с Бардом. Конунг отпустил их, и они собрались в путь. У них был хороший корабль и спутники. И они отправились, как только были готовы.

Прибыв на Торгар, они послали сказать Сигурду, что приехал Бард и хочет справить свадьбу, как они договорились прошлым летом. Сигурд ответил, что он выполнит все, что обещал. Тогда назначили день свадьбы, и Бард должен был приехать на север, в Санднес.

Когда пришло время, Брюньольв и Бард отправились туда, и с ними было много знатных людей – родичей и свояков. Как Бард и говорил, Торольв встретил здесь многих родичей, с которыми он раньше не был знаком. Ехали они так и, наконец, прибыли в Санднес, и там был богатый пир.

После пира Бард поехал с женой на Торгар и летом жил дома, и вместе с ним Торольв. А осенью они поехали на юг к конунгу и оставались при нем вторую зиму.

Этой зимой Брюньольв умер. А когда Бард узнал, что должен получить наследство, он попросил конунга отпустить его домой. Конунг дал свое согласие, и, прежде чем они расстались, он сделал Барда лендрманном и дал ему все те права, которые имел Брюньольв. Бард поехал домой в свою вотчину и скоро стал очень влиятельным человеком. Сыновья Хильдирид и теперь ничего не получили из наследства своего отца. А у Барда и его жены родился сын, которого назвали Грим.

Торольв оставался при конунге и был у него в почете.

IX

Конунг Харальд объявил большой морской поход и стянул свои боевые корабли. Он собрал войско со всех концов страны. Выйдя из Трандхейма, он направился на юг. Ему стало известно, что большое войско было стянуто в Агдире, Рогаланде и Хёрдаланде, и что его собирали в разных областях – и в горах, и на востоке, в Вике, – и что там сошлось много знатных людей, задумавших защищать страну от конунга Харальда. Конунг Харальд повел свое войско на юг. У него самого был большой корабль, а на нем – его дружина. На носу стояли Торольв, сын Квельдульва, Бард Белый и сыновья Кари из Бердлы – Альвир Хнува и Эйвинд Ягненок. Двенадцать берсерков конунга^[25] находились в передней части корабля.

Оба войска встретились на юге в Рогаланде – в Хаврсфьорде^[26]. Здесь произошла самая большая битва из всех, в которых бывал конунг Харальд, и много было убитых и в одном и в другом войске. Корабль конунга шел впереди, и там была жесточайшая схватка. А конец был тот, что конунг Харальд победил. Торир Длиннолицый, конунг Агдирский, пал в бою, а Кьятви Богатый бежал, как и все те из его

войска, кто еще держался на ногах, не считая сдавшихся после битвы в плен.

Когда же проверили войско конунга Харальда, много оказалось убитых, и у многих были опасные раны. Торольв был тяжело ранен, а Бард еще тяжелее, и на корабле конунга не было никого, кто стоял бы перед передней мачтой и не был ранен, кроме тех, кого железо не брало, а это были берсерки. Конунг велел перевязать раны своим людям и благодарил их за победу, и раздавал дары. Больше всего похвал было тем, кого конунг считал особо отличившимися в этой битве. Он обещал им еще большие почести, чем раньше. Среди всех конунг отметил начальников на кораблях, а затем воинов, стоявших на носу и в передней части корабля.

Это была последняя битва конунга Харальда внутри страны. После нее он уже не встречал сопротивления и овладел всей страной.

Конунг велел лечить своих людей, оставшихся в живых, и позаботиться о том, чтобы убитых похоронили так, как тогда было в обычае.

Торольв и Бард лежали раненные. Раны Торольва начали заживать, а у Барда раны стали опасными для жизни. Тогда он попросил позвать к себе конунга и сказал ему так:

– Если мне придется умереть от этих ран, то я хочу просить вас, чтобы вы разрешили мне распорядиться своим наследством.

Когда же конунг дал на это свое согласие, он сказал:

– Я хочу, чтобы все, чем я владею, земли и все добро, получил в наследство Торольв, товарищ мой и родич. Ему я хочу дать и жену свою, и сына на воспитание, потому что доверяю ему в этом больше, чем остальным людям.

Бард сделал свое завещание, как полагалось по законам и с одобрения конунга. Потом он умер. Его похоронили и сильно горевали по нем.

Торольв излечился от своих ран. Летом он сопровождал конунга, и о нем шла добрая слава. Осенью конунг поехал на север, в Трандхейм. Тогда Торольв просит у конунга разрешения поехать на север, в Халогаланд, посмотреть наследство, которое он получил летом от своего родича Барда. Конунг разрешает это и велит сказать, чтобы Торольв получил все, что ему было оставлено Бардом, и дает свои верительные знаки. Конунг добавляет, что завещание Барда было сделано с его согласия и что воля его не изменилась. Конунг делает тогда Торольва лендрманном и дает ему те права, которые прежде имел Бард. Торольв получил право на поездки в Финнмарк на тех же условиях, что раньше Бард. Конунг дал Торольву хороший боевой корабль со всеми снастями и велел снарядить его в путь наилучшим образом.

Потом Торольв уехал. Они расстались с конунгом как большие друзья.

Когда Торольв приехал на север, на остров Торгар, его там приняли хорошо. Он рассказал о смерти Барда, а также о том, что Бард оставил ему земли, и добро, и свою жену. Затем он передал слова конунга и его верительные знаки. Выслушала Сигрид эту весть, и смерть мужа была для нее тяжелой утратой.

Но Торольв был ей хорошо знаком и раньше. Она знала, что он – достойнейший человек и что не могло быть лучшего брака, чем с ним. Да к тому же такова была воля конунга.

Тогда она решила, и ее друзья поддержали ее в этом решении, дать согласие на брак с Торольвом, если ее отец не будет против. После этого Торольв стал распоряжаться в вотчине Барда и управлять в фюльке как лендрманн конунга.

Торольв собрался на своем корабле в дорогу и взял с собой около шести десятков человек. Он направился, когда был готов, на север вдоль берега. И вот однажды вечером он прибыл на остров Аласт, в Санднес. Они ввели свой корабль в бухту, и когда они поставили шатры на корабле и расположились на ночлег, Торольв пошел к дому, взяв с собой двадцать человек. Сигурд принял его радушно и предложил ему быть гостем, потому что они и раньше были хорошо знакомы, с тех пор как Сигурд и Бард породнились между собой. Торольв и его спутники вошли в дом и остались там ночевать.

Сигурд завел с Торольвом разговор и спросил у него, что слышно нового. Торольв рассказал про ту битву, которая произошла летом на юге страны, и про смерть многих людей, известных Сигурду. Торольв сказал, что Бард, зять Сигурда, умер от ран, полученных в этой битве. Оба они считали, что это очень большая потеря. Торольв рассказал Сигурду о предсмертном завещании Барда и передал также волю конунга, чтобы это завещание было выполнено. При этом он показал верительные знаки конунга.

Потом Торольв обратился к Сигурду с просьбой: он просил руки его дочери Сигрид. Сигурд ответил на речь Торольва согласием и сказал, что многое способствует этому согласию: во-первых, так хочет конунг, дальше – о том же просил Бард, а кроме того, он и сам знаком с Торольвом и думает, что для Сигрид будет неплохо выйти за него замуж. Сватовство у Сигурда оказалось нетрудным делом. Потом была помолвка, а свадьбу назначили на осень, и она должна была быть на Торгаре.

Торольв поехал со своими спутниками домой, и устроил там большой пир, и пригласил на него множество народу. Там было много знатных родичей Торольва. Сигурд тоже прибыл сюда с севера на большом боевом корабле, и с ним – лучшие мужи. Было на том пиру очень много народу.

Вскоре стало видно, что Торольв – человек благородный и щедрый. Вокруг него собралась многочисленная дружина. Это потребовало

больших расходов и много всяких припасов, но тот год был урожайным, и было легко добыть все, в чем они нуждались.

В ту зиму умер Сигурд в Санднесе, и все его наследство получил Торольв. Это было очень большое богатство.

Однажды к Торольву приехали сыновья Хильдирид с требованием, чтобы им отдали добро, которое раньше принадлежало Бьёргольву и на которое они, как им казалось, имели право. Торольв отвечал им так:

– Я знал Брюньольва, и еще лучше Барда, как людей справедливых, и уверен, что они выделили бы вам из наследства Бьёргольва все то, о чем им было бы известно, что оно по праву принадлежит вам. Я был неподалеку, когда вы явились с таким же требованием к Барду, и я понял, что он считает ваше требование несправедливым, потому что он назвал вас сыновьями наложницы Бьёргольва.

Харек сказал, что они доставят свидетелей и докажут, что за их мать было заплачено вено. Он предложил:

– Правда, раньше мы не поднимали об этом разговора с Брюньольвом, нашим братом. Ведь тогда мы должны были делить наследство с нашими родичами. А от Барда мы ожидали, что он отнесется к нам с полным уважением, только нам не долго пришлось иметь с ним дело. Теперь же, когда наследство нашего отца попало к совсем чужим людям, мы больше не можем молчать о том, чего мы лишились. Но может быть, как это было и прежде, из-за разницы в могуществе между нами ты не признаешь наших законных прав в этом деле, если ты даже не хочешь выслушать свидетельства, которые мы могли бы доставить, о том, что мы рождены в законном браке.

На это Торольв отвечал сердито:

– Я не считаю вас законнорожденными наследниками, потому что слышал, что над вашей матерью было совершено насилие и ее привезли домой как пленницу.

На этом их разговор закончился.

X

Зимой Торольв поехал в горы^[27], взяв с собой большую дружину – не меньше девяти десятков человек. А прежде было в обычае, чтобы сборщики дани имели при себе три десятка человек, иногда же и меньше. Он вез с собой много товаров. Торольв быстро назначал лопарям встречи, взыскивал с них дань и в то же время торговал. Дело шло у них мирно и в добром согласии, а иногда и страх делал лопарей сговорчивыми.

Торольв разъезжал по всему Финнмарку, а когда он был в горах на востоке, он услышал, что сюда пришли с востока колбяги^[28] и занимались торговлей с лопарями, а кое-где – грабежами. Торольв поручил лопарям разведать, куда направились колбяги, а сам двинулся

вслед. В одном селении он застал три десятка колбягов и убил их всех, так что ни один из них не спасся. Позже он встретил еще человек пятнадцать или двадцать. Всего они убили около ста человек и взяли уйму добра. Весной они вернулись обратно.

Торольв поехал в свой двор Санднес и весной долго жил там. Он велел построить большой боевой корабль с головой дракона на носу и отлично оснастить его. На нем он выезжал из дому. Торольв усердно собирал припасы, которые в те времена можно было добыть в Халогаланде. Люди его ловили сельдь и треску. Было там также достаточно тюленьих лежбищ, а во многих местах собирали птичьи яйца. Все припасы Торольв велел свозить к себе. У него никогда не бывало меньше сотни вольноотпущенников. Он был великодушный и щедрый человек и сдружился с влиятельными и знатными людьми, которые жили по соседству. Он стал могущественным человеком и очень заботился о снаряжении своих кораблей и об оружии.

XI

Конунг Харальд тем летом поехал в Халогаланд. В собственных поместьях конунга его встречали пирами, и так же поступали лендрманны и богатые бонды.

Торольв готовил для конунга пир и затратил на него много средств. Был назначен день приезда конунга. Торольв пригласил на пир множество народу, и там собрались самые лучшие люди. С конунгом приехало на пир около тридцати дюжин человек, а у Торольва уже было пятьдесят дюжин.

Торольв заранее велел подготовить большую ригу, которая была в усадьбе, и поставить внутри скамьи, чтобы пировать там, потому что у него в доме не было такого большого помещения, где бы поместилось все это множество народу. Кругом по стенам риги повесили щиты.

Конунг сел на почетном сиденье, но когда рига заполнилась людьми и перед почетным сиденьем и позади него, он огляделся по сторонам и побагровел. Он ничего не сказал, но все видели, что он разгневан. Пир был богатый, и угощение на славу. Но конунг был совсем не весел. Он провел у Торольва три ночи, как и собирался.

В день отъезда конунга Торольв подошел к нему и попросил выйти с ним на берег. Конунг согласился. Там у берега стоял тот корабль с головой дракона, который Торольв велел построить раньше, с шатрами и всеми снастями. Торольв подарил этот корабль конунгу. Он просил, чтобы конунг судил о нем по его намерениям: он собрал такое множество народу не для того, чтобы соперничать с конунгом, а для того, чтобы оказать ему честь. Конунг выслушал слова Торольва приветливо, смягчился и повеселел. Тогда многие другие также добавили не одно доброе слово. Они говорили – и это было верно, – что

пир был великолепный, и прощальный подарок – очень богатый, и что конунг силен такими людьми, как Торольв. Расстались они как добрые друзья.

Конунг отправился на север, в Халогаланд, как и собирался, а когда лето шло к концу, повернул обратно на юг. Он снова поехал по пирам, всюду приготовленным для его встречи.

XII

Сыновья Хильдирид поехали навстречу конунгу и пригласили его к себе на остров Лека на три ночи пированья. Конунг принял приглашение и сказал, когда он к ним прибудет. В назначенный день он явился со своей дружиной, а до того там было не много народу. Пир удался на славу. Конунг был весел и доволен.

Харек завел разговор с конунгом и стал его спрашивать о его летних поездках. Конунг ответил ему и сказал, что все принимали его хорошо, но, конечно, каждый по своему достатку.

– Наверно, пиры были очень разные, – сказал Харек, – и пир на Торгаре был самым многолюдным?

Конунг сказал, что так это и было.

Тогда Харек говорит:

– В этом нет ничего удивительного, потому что ни к одному другому пиру так не готовились, и тебе очень посчастливилось, что ты не попал в смертельную беду. Ты оказался, как и нужно было ожидать, необыкновенно мудрым и удачливым, потому что ты сразу заподозрил, что дело нечисто, когда увидел множество людей, собранных там. И мне говорили, что ты велел всей своей дружине не расставаться с оружием и день и ночь держал надежную стражу.

Конунг посмотрел на него и проговорил:

– Зачем ты это рассказываешь, Харек, и что ты можешь об этом сказать?

Харек тогда говорит:

– Конунг, вы разрешите мне высказать все, что я хотел бы?

– Говори, – отвечает конунг.

– Вот, что я думаю, – говорит Харек. – Если бы вы, конунг, послушали, как люди у себя дома высказывают то, что у них в мыслях, то это бы вам мало понравилось: говорят, что вы угнетаете весь народ. По правде сказать, конунг, народу недостает только отваги и предводителя, чтобы выступить против вас. Неудивительно, – продолжал он, – если такой человек, как Торольв, думает, что он превосходит всех остальных. Он и силен, и красив. У него есть и дружина, как у конунга. У него огромное богатство, даже если бы он владел только тем, что принадлежит ему самому. А ведь он пользуется еще чужим добром, как своим собственным. И вы также дали ему права

на большие доходы, а теперь получается так, что он не думает отплатить за это добром. Надо вам сказать правду: когда люди здесь проводили, что вы поехали в Халогаланд, взяв всего тридцать дюжин воинов, то они задумали собрать войско и убить тебя, конунг, и всех твоих людей. Главварем же в этом заговоре был Торольв, потому что ему предложили сделаться конунгом Халогаланда и Наумудаля. Он разъезжал взад и вперед по всем фьордам и островам, собирая всех, кого мог, и всякое оружие. И тогда не было тайной, что с этим войском собирались выйти на битву против конунга Харальда. Верно и другое: хотя ваше войско, конунг, было и поменьше, когда вы с ними встретились, но у этих трусов сердце задрожало от страха, как только они увидели ваши корабли, плывшие сюда. Тогда было решено поступить иначе и встретить вас приветливо и пригласить на пир. Они замыслили напасть на вас с огнем и оружием, если бы вы опьянели и легли спать. И вот улика: вас привели, если я верно слышал, в ригу, потому что Торольв не хотел сжигать свой новый, богато украшенный дом. И вот другая улика: там всюду было полно оружия и доспехов. Когда же они кознями ничего не смогли тебе сделать, они приняли решение, которое тут было самым подходящим, – бросили свои замыслы. Я думаю, что все станут скрывать эти замыслы, потому что лишь немногие, сдается мне, чувствовали бы себя невиновными, если бы правда вышла наружу. Теперь же, конунг, я советую тебе взять Торольва с собой, и пусть он будет в твоей дружине, держит твоё знамя и стоит на носу твоего корабля. Никто не подходит для этого больше, чем он. А если тебе угодно, чтобы он был лендрманном, то пошли его на юг, в Фирдир, туда, где вся его родня. Там можно будет следить, чтобы он не стал чересчур могущественным. А управление Халогаландом поручите надежным здешним людям, которые вам будут верно служить и родичи которых и раньше были на этой должности. Мы с братом всегда готовы служить вам, когда вы только захотите. Наш отец долгое время управлял здесь по поручению конунга и хорошо справлялся. Здесь, конунг, вам трудно будет найти подходящих людей для управления, потому что вы сами будете редко являться сюда. Ведь область эта слишком бедна, и вы не можете приехать сюда со всем вашим войском, а часто приезжать в Халогаланд с небольшой дружиной вы не станете, потому что здесь много ненадежных людей.

Конунг выслушал все это и был в сильном гневе, но он говорил спокойно, как обычно говорил в тех случаях, когда узнавал важные новости. Он спросил, у себя ли Торольв, на Торгаре. Харек сказал, что на это не приходится рассчитывать:

– Торольв – умный человек и, вероятно, понял, что ему следует избегать вашей дружины, конунг. Ведь он не мог надеяться, что все будут настолько молчаливы, что эти вести, конунг, не дойдут до тебя. Он поехал на север, на Аласт, как только услышал, что ты едешь на юг.

Конунг мало говорил обо всем этом с другими людьми, но видно было, что он верит речам Харека. Потом конунг поехал своим путем. Сыновья Хильдирид проводили его с почетом, вручив ему подарки, а он обещал им свою дружбу.

Харек с братом придумали себе дело в Наумудале и ехали кружными путями туда же, куда конунг, так что они встречались с ним там и сям. Он всегда с вниманием выслушивал их.

XIII

Жил человек по имени Торгильс Крикун. Он был домочадец Торольва, и Торольв ценил его, как никого из своих людей. Он сопровождал Торольва в викингских походах, стоял в бою на носу его корабля и держал знамя. Во время битвы в Хаврсфьорде Торгильс был в войске конунга Харальда и правил кораблем Торольва, на котором тот раньше плавал в викингских походах. Торгильс был большой силач и храбрец. После битвы конунг одарил его и обещал ему свою дружбу. Торгильс управлял хозяйством на Торгаре, пока Торольв отсутствовал, и распоряжался там.

Уезжая из дому, Торольв приготовил всю финнмаркскую дань, полученную в горах и принадлежавшую конунгу, и передал ее Торгильсу. Тот должен был доставить ее конунгу, в случае если сам Торольв не вернулся бы до тех пор, когда конунг будет плыть мимо по пути на юг. Торгильс снарядил большой и крепкий грузовой корабль, принадлежавший Торольву, и погрузил на него дань. Взяв с собой около двадцати человек, он поплыл на юг вслед за конунгом и нагнал его в Наумудале. Торгильс передал конунгу привет от Торольва и сказал, что привез дань из Финнмарка, которую ему посылает Торольв. Конунг посмотрел на него и ничего не ответил, но видно было, что он разгневан. Тогда Торгильс ушел и решил выбрать для разговора с конунгом более удачный день.

Он пришел к Альвиру Хнуве, рассказал ему, что произошло, и спросил, не знает ли Альвир, что бы это могло значить.

– Этого я не знаю, – сказал Альвир Хнува, – но я сам замечаю, что после того как мы были на Лека, конунг умолкает всякий раз, когда упоминают о Торольве. Сдается мне, что Торольва оговорили. Я знаю, что сыновья Хильдирид часто ведут беседы с конунгом наедине, а по их речам нетрудно угадать, что они враги Торольва. Но я скоро узнаю об этом от самого конунга.

После этого Альвир отправился к конунгу и сказал:

– Прибыл Торгильс Крикун, ваш друг, и привез вам дань из Финнмарка. Дани этой много больше, чем бывало раньше, и товары намного лучше. Торгильс очень хотел бы, чтобы его поездка сюда

оказалась не напрасной. Будь добр, конунг, пойди и взгляни на дань, потому что ты, наверно, никогда еще не видал таких хороших мехов.

Конунг ничего не ответил, но все же пошел туда, где стоял корабль. Торгильс тотчас же разложил меха и показал их конунгу, а когда конунг увидел, что и вправду дань была много больше и лучше, чем бывала прежде, брови его раздвинулись, и Торгильс смог поговорить с ним. Он поднес конунгу несколько ценных мехов, добытых в горах. Тут конунг повеселел и спросил, как прошла их поездка в Финнмарк. Торгильс подробно рассказал все, как было. Конунг сказал:

– Очень жаль, что Торольв, кажется, не верен мне и даже хочет меня убить.

Тогда многие, кто был при этом, стали в один голос говорить, что это клевета злых людей, если конунгу сказали, будто Торольв обманывает его. Конунг выслушал всех и ответил, что он готов им поверить. Потом он был весел при всех разговорах с Торгильсом. Расстались они в добром согласии.

А когда Торгильс встретился с Торольвом, он рассказал ему все, что произошло.

XIV

В ту зиму Торольв опять поехал в Финнмарк, взяв с собой около десяти дюжин человек. Так же как и прошлой зимой, он торговал с лопарями и разъезжал по всему Финнмарку. А когда он зашел далеко на восток, и там прослышали о нем, к нему явились квен^[29] и сказали, что они послы Фаравида, конунга квен^[29]. Они сообщили, что на их землю напали карелы, и Фаравид послал их просить, чтобы Торольв шел к нему на подмогу. При этом они передали слова Фаравида, что Торольв получит равную долю добычи с конунгом, а каждый из его людей – долю трех квен^[29]. А по законам квен^[29] конунг при дележе получал третью часть добычи и, сверх того, все бобровые и соболиные шкуры. Торольв рассказал об этом своим дружинникам и предложил на выбор: ехать им или нет. Большинство стояло за то, чтобы попытаться счастья, потому что они надеялись на богатую добычу. Было решено, что они поедут на восток с посланцами Фаравида.

Финнмарк – обширная страна. На западе, на севере и повсюду на востоке от нее лежит море, и от него идут большие фьорды. На юге же находится Норвегия, и Финнмарк тянется с внутренней стороны почти так же далеко на юг, как Халогаланд по берегу. А восточнее Наумудалья лежит Ямталанд, затем Хельсингьяланд, потом страна квен^[29], потом страна карелов. Финнмарк же лежит севернее всех этих земель. Далеко на север по Финнмарку идут стойбища, одни в горах, другие в долинах, а некоторые у озер. В Финнмарке есть удивительно большие озера, а

вокруг них – большие леса, и из конца в конец через всю страну тянется цепь высоких гор. Ее называют Килир.

Когда Торольв приехал на восток в страну квенов и встретился с конунгом Фаравидом, они стали собираться в поход. У Фаравида было тридцать дюжин своих воинов, а норвежцев было десять дюжин. Они направились сухим путем через Финнмарк и достигли того места, где в горах жили карелы, те самые, что раньше напали на квенов.

Когда карелы узнали, что на них хотят напасть, они собрались и выступили против квенов. Они думали, что победа снова будет за ними. У них были более крепкие щиты, чем у квенов. Карелы падали со всех сторон. Много их было убито, а некоторые бежали. Конунг Фаравид и Торольв взяли там огромные богатства и вернулись обратно в страну квенов. После этого Торольв поехал со своей дружиной в Финнмарк. Он и конунг Фаравид расстались друзьями.

Вернувшись с гор к Вефснирфьорду, Торольв прежде всего отправился к себе домой, в Санднес, и жил там некоторое время, а весной поехал с дружиной на юг, на Торгар. Здесь ему сказали, что сыновья Хильдирид провели зиму в Трандхейме при конунге Харальде и что они не поскупились на поклёпы, оговаривая Торольва перед конунгом. Торольву много рассказывали и о том, что именно про него наговорили. Торольв ответил так:

– Если даже конунгу сказали, что я ему изменяю, он не поверит такой лжи. Ведь у меня нет никаких причин для измены. Конунг сделал мне очень много хорошего и ничего дурного. Этого мало. Я не стал бы вредить ему, пусть даже у меня был бы для этого удобный случай, еще и потому, что мне больше по душе быть его лендрманном, чем называться конунгом, и чтоб рядом в стране был другой конунг, который всегда мог бы превратить меня в своего раба.

XV

Сыновья Хильдирид в ту зиму находились при конунге вместе со своими домочадцами и соседями. Братьям часто удавалось поговорить с конунгом, и вот они опять завели речь о Торольве в том же духе, что и раньше. Харек спросил:

– Вам понравилась, конунг, финнмаркская дань, которую прислал Торольв?

– Да, – сказал конунг.

Тогда Харек говорит:

– Что бы вы сказали, если бы получили все, что вам принадлежит! Но вы получили далеко не все. Торольв взял себе гораздо большую долю. Он прислал вам в дар три бобровых меха, а я твердо знаю, что у него их осталось еще три десятка, и все они принадлежат вам. Я думаю, что так же было со всеми другими мехами. Я, конунг, говорю

правду: если ты поручишь сбор дани нам с братом, мы привезем тебе больше.

Все, что сыновья Хильдирид сказали против Торольва, подтвердили их спутники.

Конунг был в сильнейшем гневе.

XVI

Летом Торольв поехал на юг, в Трандхейм, к конунгу Харальду, и взял с собой всю дань и много другого добра. С ним было девять десятков человек. Все они были хорошо снаряжены. Когда они приехали к конунгу, их поместили в доме для гостей и угостили на славу.

На другой день Альвир Хнува пришел к Торольву, своему родичу. Они стали беседовать, и Альвир сказал, что Торольва сильно оклеветали и конунг прислушивается к этой клевете. Торольв попросил Альвира поговорить о нем с конунгом. Он сказал:

– Не стану говорить о себе конунгу, если он охотнее верит поклепам, которые на меня возводят злые люди, чем мне самому, хотя я всегда правдив с ним и честен.

На следующий день Альвир снова пришел к Торольву и рассказал, что он говорил о нем с конунгом.

– Я знаю теперь, – сказал Альвир, – так же мало, как и раньше, что у него на уме.

– Тогда я сам пойду к нему, – говорит Торольв.

Он так и сделал. Он пришел к конунгу, когда тот сидел за столом и ел. Войдя, Торольв приветствовал конунга. Конунг ответил на его привет и велел поднести ему рог. Торольв сказал, что привез дань из Финнмарка, которая принадлежит конунгу, и добавил:

– Мне надо передать вам еще и другие вещи как подарок на добрую память. Я знаю, что мне удалось сделать все наилучшим образом, чтобы заслужить вашу благодарность.

Конунг ответил, что он должен был бы ждать от Торольва только добра, потому что не заслужил ничего другого с его стороны.

– Но все же, – сказал он, – люди говорят по-разному о том, насколько ты стараешься угодить мне.

– Это неправда, конунг, – сказал Торольв, – если кто-нибудь говорит, что я вам неверен. Я думаю, что те, кто наговорил тебе такое, меньше тебе друзья, чем я. И ясно, что это мои заклятые враги. Им, конечно, крепко бы досталось, если бы мы встретились с ними в честном бою.

После этого Торольв ушел, а на другой день он передавал дань, и при этом присутствовал конунг. Когда же все было передано, Торольв поднес в дар конунгу несколько бобровых мехов и соболей.

Многие из тех, кто был при этом, говорили, что Торольв поступил хорошо и достоин дружбы. А конунг сказал, что Торольв еще раньше сам добыл себе награду.

Торольв сказал, что он был верен конунгу и старался, как только мог, угодить ему:

– А если это, конунг, вам опять не нравится, то уж ничего не поделаешь. Вам известно, как я показал себя, когда был вашим дружинником, и странно, что вы считаете меня сейчас совсем другим человеком, чем тогда.

На это конунг отвечал:

– Пока ты был с нами, Торольв, ты держал себя хорошо. По-моему, самое лучшее, что ты можешь сделать, это поехать со мной дружинником. Возьми мое знамя и будь первым в моей дружине. Никому не удастся оклеветать тебя, если я день и ночь смогу следить за тем, как ты себя ведешь.

Торольв посмотрел вокруг себя. По обеим сторонам от него стояли его люди. Он сказал:

– Нет у меня охоты распускать свою дружину. Ты, конунг, можешь распоряжаться званиями и доходами, которые ты мне дал, но дружинников своих я не отпускаю, пока у меня на это хватит достатка, пусть даже я смогу тратить только свои собственные средства. Но я прошу и очень хочу, чтобы вы, конунг, еще раз приехали ко мне на пир и послушали речи тех, кому вы верите. Узнайте, какие свидетельства они могут привести. Поступайте тогда, как вам покажется правильным.

Конунг ответил Торольву, что он никогда больше не приедет пировать к нему. Тогда Торольв ушел и стал собираться в обратный путь.

А когда он уехал, конунг передал его должность в Халогаланде сыновьям Хильдирид и поручил им также ездить в Финнмарк за данью. Конунг объявил своей собственностью двор на Торгаре и все земли, раньше принадлежавшие Брюньольву, и передал все это на управление сыновьям Хильдирид.

Конунг послал к Торольву людей со своими знаками, чтобы они сообщили ему об этом распоряжении. Тогда Торольв взял свои корабли и перенес на них все добро, которое он мог увезти. С ним были все его люди, вольноотпущенники и рабы. Он поехал на север в свой двор Санднес. Здесь у Торольва было не меньше людей, чем прежде, и он жил так же широко.

XVII

Сыновья Хильдирид стали управлять в Халогаланде вместо Торольва, и никто не возражал против этого, зная могущество конунга.

Но многим – родичам Торольва и его друзьям – эти перемены были очень не по душе.

Зимой сыновья Хильдирид поехали в горы и взяли с собой три десятка человек. Лопарям казалось, что этим сборщикам дани можно меньше стараться угодить, чем Торольву, и поэтому они платили дань гораздо хуже.

Этой зимой Торольв также поехал в горы, взяв с собой сто двадцать человек, а оттуда – сразу на восток в страну квендов. Здесь он встретился с конунгом Фаравидом. Посовещались они и решили отправиться в горы, как прошлой зимой. У них было сорок дюжин воинов. Они пришли в страну карелов и там врывались в те стойбища, с немногочисленным населением которых они легко могли справиться, разоряли их и добывали себе богатство. В конце зимы они поехали обратно в Финнмарк.

Весной Торольв вернулся домой. Его люди ловили треску в Вагаре, а другие – сельдь. Ему доставлялись всякого рода припасы.

У Торольва был большой корабль, пригодный для плавания в открытом море. Он был построен как нельзя лучше, а выше воды покрашен. Паруса на нем были в синюю и красную полоску. Корабль был отлично оснащен. Торольв велел снарядить этот корабль для дальнего плавания, посадил на него своих людей и велел нагрузить его треской, кожами и шкурками горностая. Он отправил на корабль также много беличьего меха и других пушных товаров, добытых в горах. Это было огромное богатство. Торольв поручил Торгильсу Крикуну вести корабль на запад – в Англию, чтобы купить там одежды и разных припасов, все, в чем у него была нужда.

Они направили корабль на юг вдоль берега, а потом вышли в открытое море и прибыли в Англию. Там они хорошо торговали, нагрузили корабль пшеницей и медом, вином и разным платьем, а осенью повернули обратно. Дул попутный ветер, и они достигли Хёрдаланда.

Этой же осенью сыновья Хильдирид привезли конунгу дань из Финнмарка, и когда они сдавали ее, при этом присутствовал сам конунг. Он спросил:

– Вы сдали всю дань, полученную в Финнмарке?

– Да, – отвечали они.

– Дань, полученная вами, и меньше и хуже, – сказал конунг, – чем та, которую доставлял Торольв. А вы говорили, что он плохо исполняет свою должность.

Тут Харек говорит:

– Это хорошо, конунг, что ты помнишь, как велика была дань, обычно поступавшая из Финнмарка, потому что тогда вам будет ясно, как много вы потеряли из-за Торольва. Этой зимой нас было в Финнмарке три десятка человек, столько же, сколько обычно бывало раньше со сборщиками дани. Позже там появился Торольв, и с ним

было сто двадцать человек. Как нам стало известно, он похвалялся, что задумал убить нас и всех наших спутников. А причиной он выставил то, что ты, конунг, назначил нас на должность, которую он сам хотел бы удержать. У нас не было другого выхода, как избегать встречи с ним и остерегаться. Из-за этого мы поспешили уйти из горных стойбищ. Торольв же разъезжал по всему Финнмарку с целым войском. Он вел торговлю, лопари платили ему дань, и он обещал им, что ваши сборщики дани вовсе не появятся в Финнмарке. Он замышляет стать конунгом там на севере – в Финнмарке и Халогаланде. Удивительно, что вы позволяете ему делать все, что ему вздумается. Есть верные доказательства того, что Торольв занимался в Финнмарке грабежом. Ведь весной в Санднесе был снаряжен торговый корабль, самый большой в Халогаланде, и Торольв утверждал, что ему принадлежит весь груз на этом корабле. Я думаю, что корабль был почти целиком нагружен мехами, и там, наверно, было больше бобров и соболей, чем Торольв привозил тебе. С грузом поехал Торгильс Крикун. Он, видно, поплыл на запад, в Англию. Если ты хочешь узнать правду, пошли людей разузнать про корабль Торгильса, когда он будет плыть обратно на восток. Сдается мне, что ни на одном торговом корабле в наши дни не было такого богатства, и я считаю, говоря по правде, что каждая монетка на этом корабле принадлежит вам, конунг.

Спутники Харека подтвердили все, что он сказал, и никто не мог им ничего возразить.

XVIII

Жили два брата по имени Сигтрюгг Быстрый и Халльвард Суровый. Они были на службе у конунга Харальда и происходили из Вика. Их родные со стороны матери жили в Вестфольде и приходились родственниками конунгу Харальду. А родня их отца жила по обоим берегам реки Гаутэльв. Двор его стоял на острове Хисинг. Отец братьев был очень богат и оставил им большое наследство. Всего их было четыре брата. Младших братьев звали Торд и Торгейр, и они сидели дома и распоряжались в вотчине.

Сигтрюгг и Халльвард выполняли все поручения конунга как внутри страны, так и за ее границами. Они много раз бывали в опасных делах, убивая людей или отбирая у них имущество по приказу конунга. У них под началом был большой отряд. Друзей в стране у них не было, зато конунг их очень ценил. Никто не обогнал бы их ни пешком, ни на лыжах. И на море они также были быстрее других. Оба брата были люди храбрые, сильные и осторожные. Они находились при конунге, когда происходили все эти события.

Осенью конунг разъезжал по пирам в Хёрдаланде. Однажды он велел позвать к себе Халльварда и Сигтрюгга. Когда братья явились, он

сказал, чтобы они отправились со своим отрядом и разведали, где тот корабль, на котором плывет Торгильс Крикун. Конунг сказал:

– Летом он ездил на запад, в Англию. Доставьте мне корабль и все, что на нем есть, кроме людей. А люди пусть с миром отправляются своим путем, если только они не будут отстаивать корабль.

Братья с готовностью взялись за это дело. Они снарядили свои боевые корабли и поехали разыскивать Торгильса. Узнав, что Торгильс вернулся с запада и теперь плывет вдоль берега на север, братья направились вслед за ним и нагнали его в Фурусунде. Они сразу же узнали корабль Торгильса и подошли к нему на одном из своих кораблей со стороны моря. Часть их людей сошла на берег, а оттуда они по сходням перебрались на корабль Торгильса.

Спутники Торгильса не ждали нападения и не приготовились к защите. Они опомнились только тогда, когда на их корабле было уже множество чужих людей в полном вооружении. Их всех схватили, свели безоружными на берег и оставили им только то, что на них было надето.

А люди Халльварда и Сигтрюгга убрали сходни, отвязали канат и вывели корабль в море, а потом плыли на юг, пока не встретили конунга и не доставили ему корабль со всем грузом.

Когда корабль разгрузили, конунг увидел, что на нем было огромное богатство и что Харек ему не солгал.

Торгильс же с товарищами добрался на попутных кораблях к Квельдульву и Гриму и рассказал, как неудачно кончилась их поездка. Квельдульв принял их хорошо. Он сказал, что теперь все пойдет так, как он и предчувствовал, когда говорил, что дружба с конунгом не всегда будет Торольву на радость. Квельдульв продолжал:

– Я считал бы, что сейчас Торольв потерял немного, если бы только за этим не последовало ничего худшего. Чувствую я, как и раньше, что Торольв не хочет и не может понять, что его сила столкнулась с большей силой.

Он просил Торгильса сказать Торольву так:

– Мой совет ему – уехать из страны. Может быть, ему больше посчастливится, если он попробует служить английскому, датскому или шведскому конунгу.

После этого Квельдульв дал Торгильсу хорошо оснащенное гребное судно, а также шатры и съестные припасы – все, что им нужно было в пути. Они отправились и не останавливались до тех пор, пока не приехали на север к Торольву. Они рассказали ему обо всем случившемся.

Торольв отнесся к своей потере спокойно, сказал, что добра у него хватит, и добавил:

– Хорошо владеть имуществом совместно с конунгом!

Потом Торольв купил муки, и солода, и все, в чем нуждался, чтобы содержать своих людей. Он сказал, что они будут одеты не так

нарядно, как он думал раньше. Торольв продал часть своих земель, а некоторые заложил, но расходов не сокращал. Дружина его также была не меньше, чем в прошлую зиму, и даже, пожалуй, немного больше. И он еще чаще, чем раньше, устраивал пиры и приглашал друзей. Всю эту зиму он провел дома.

XIX

Когда наступила весна и снег и лед растаяли, Торольв велел спустить на воду свой большой боевой корабль и готовить его для плавания. Он посадил на него своих людей – больше ста отлично вооруженных воинов. Это была дружина как на подбор.

А когда подул попутный ветер, Торольв направил корабль вдоль берега на юг. Миновав остров Бурда, они пошли открытым морем позади всех островов, а кое-где так отдалялись от берега, что море наполовину скрывало горы. Так они плыли на юг и ничего не слышали о других людях, пока не пришли на восток – в Вик. Там они узнали, что конунг Харальд в Вике и летом собирается поехать в Уппланд. Местные жители ничего не знали о походе Торольва. Дул попутный ветер, и Торольв направился на юг, в Данию, а оттуда – в восточные земли^[30]. Летом он набегами добывал там добро, но добыча была невелика.

Осенью он плыл с востока в Данию как раз в то время, когда расходились корабли, которые летом стояли, как обычно, у Эйра^[31]. Там было множество кораблей из Норвегии. Торольв пропустил все эти корабли мимо, не дав им заметить свой корабль. Однажды вечером он вошел в бухту Мостарсунд. Там стоял большой торговый корабль, прибывший из Эйра. Хозяина корабля звали Торир Трума. Он управлял поместьем конунга Харальда на острове Труме. Это было большое поместье. Конунг подолгу жил там, когда он посещал Вик. В этом поместье расходилось много съестных припасов. По этой причине Торир поехал в Эйр, чтобы купить там солода, пшеницы и меда. На корабле было большое богатство, принадлежавшее конунгу.

Торольв подошел на своем корабле к кораблю Торира и предложил ему и его спутникам защищаться. Но у Торира было слишком мало людей, чтобы противостоять многочисленной дружине Торольва, и они сдались. Торольв взял корабль со всем грузом, а Торира высадил на одном из островов.

Торольв направился с обоими кораблями вдоль берега на север, а подойдя к реке Гаутэльв, они бросили якорь и стали ждать ночи. Когда стемнело, они на веслах поднялись вверх по реке к вотчине Халльварда и Сигтругга. На рассвете они достигли двора, окружили его цепью, а потом прокричали боевой клич. Все, кто там был, проснулись и бросились к оружию. Торгейр тотчас же выбежал из спальной клетки. Вокруг двора шел высокий частокол. Торгейр подбежал к нему,

схватился за кол и перескочил на другую сторону. А поблизости стоял Торгильс Крикун. Он взмахнул мечом и успел отрубить Торгейру руку, которой тот держался за кол. Торгейр убежал в лес, а его брат Торд и еще более двадцати человек были убиты в усадьбе. Торольв и его люди захватили все добро, а двор сожгли.

Потом они спустились по реке в море. Дул попутный ветер, и они поплыли на север – в Вик. Там они встретили большой торговый корабль, принадлежавший жителям Вика и груженный солодом и мукой. Торольв напал на этот корабль, и те, кто на нем был, решили, что не смогут защищаться, и сдались. Они сошли безоружными на берег, а Торольв взял корабль со всем грузом и поплыл дальше своим путем.

Когда Торольв плыл на запад мимо Вика, у него было три корабля. Они шли обычным путем между берегом и островами к мысу Лидандиснес. Они старались плыть возможно быстрее, но все же брали добычу на мысах, мимо которых они проходили, и рубили на берегу захваченный скот. Севернее мыса Лидандиснес они стали держаться дальше от берега, но когда им все же случалось подойти к земле, они брали добычу и здесь.

Когда Торольв достиг Фирдира, он свернул в сторону и поехал к своему отцу Квельдульву. Здесь их приняли хорошо. Торольв рассказал отцу, что произошло летом во время его похода. Торольв прожил там недолго, и отец с Гримом проводили его на корабль. А перед тем как расстаться, они вели беседу, и Квельдульв сказал:

– Все, Торольв, вышло почти так, как я тебе говорил, когда ты уезжал в дружину конунга Харальда. Я тебя предупреждал, что это не принесет счастья ни тебе, ни нам, твоим родичам. Теперь же ты принял решение, от которого я тебя больше всего предостерегал, – ты стал мериться силами с конунгом Харальдом. Но хотя у тебя и много отваги и умения, тебе недостает удачи, чтобы ты мог тягаться с конунгом. Это не удалось никому у нас в стране, даже тем, кто раньше сам был могущественным конунгом и имел большое войско. Предчувствую я, что это наша последняя встреча, и хотя по возрасту, конечно, ты должен был бы жить дольше, чем я, но, кажется, выйдет наоборот.

Потом Торольв поднялся на корабль и уехал своим путем. Ничего не рассказывают о том, как он плыл дальше, пока не прибыл в Санднес. Здесь он велел перенести привезенную добычу во двор, а корабли втащить на берег.

У него хватало средств, чтобы прокормить своих людей в течение зимы. Торольв провел все время дома, и у него опять было не меньше людей, чем в прошлую зиму.

Жил человек по имени Ингвар, могущественный и богатый. При прежнем конунге он был лендрманном, но с тех пор, как Харальд пришел к власти, Ингвар сидел дома и не служил конунгу. Ингвар жил в Фирдире. Он был женат, и у него была дочь Бера – его единственная наследница.

Грим, сын Квельдульва, просил Беру себе в жены и получил согласие. Он женился на Бере зимой после того лета, когда они расстались с Торольвом. Гриму тогда было двадцать пять лет, но он к этому времени уже облысел. Позже его прозвали Скаллагримом (Лысым Гримом). Он тогда всем распоряжался в хозяйстве отца и заботился о том, чтобы запастись все необходимым, хотя Квельдульв был еще крепким и бодрым человеком. У них было много вольноотпущенников и много людей, выросших в их доме, почти ровесников Скаллагрима. Многие из них отличались необыкновенной силой, потому что Квельдульв с сыном подбирали в свою дружину людей очень сильных и воспитывали их так, чтобы они были им по нраву.

Скаллагрим был похож на отца ростом, силой и всем своим видом, а также и нравом.

XXI

В то время как Торольв был в викингском походе, конунг Харальд жил в Вике. Осенью он поехал в Уппланд, а оттуда на север, в Трандхейм, и оставался там зимой. Было при нем множество людей. При конунге находились также и Сигтрюгг с Халльвардом. Они узнали, что Торольв напал на их двор на острове Хисинг и загубил много их людей и добра, и они часто напоминали конунгу об этом, а также о том, что Торольв грабил самого конунга и его подданных и своими набегами опустошал страну. Халльвард и Сигтрюгг просили, чтобы конунг разрешил им отправиться с их отрядом на север и напасть на Торольва в его усадьбе. Конунг отвечал им так:

– Понятно, почему вы задумали убить Торольва. Но мне кажется, что это вам не удастся. Вы не можете равняться с Торольвом, хотя вы как будто люди храбрые и ловкие.

Братья сказали, что это можно быстро проверить на деле, если конунг им разрешит. Они прибавили, что не раз подвергались большой опасности, когда мстили за меньшие обиды, чем та, которую им нанес Торольв, и что обычно они побеждали.

Когда пришла весна, люди стали собираться в путь. И тогда Халльвард с братом снова завели речь о том, чтобы конунг разрешил им поехать и убить Торольва. Конунг сказал, что он разрешает им это, и продолжал:

– Я знаю, что вы намерены привезти мне его голову, когда вернетесь, а также много ценного добра. Но все же некоторые говорят,

что на север-то вы поплывете под парусами, а возвращаться восвояси будете и под парусами, и на веслах.

И вот они стали поспешно снаряжаться и взяли с собой два корабля и пятнадцать дюжин воинов. Когда же все было готово, они поплыли при северо-восточном ветре по фьорду к морю^[32]. Но это ведь противный ветер, если плыть на север вдоль берега страны.

XXII

Когда Халльвард с братом уехали, конунг Харальд находился в Хладире. И сразу же он стал самым поспешным образом собираться в путь. Он сел на свой корабль, и они пошли на веслах в глубь фьорда, а потом через пролив Скарнсунд и фьорд Бейтсьор дальше – к перешейку Эльдуэйд. Там он оставил корабли и поехал через перешеек на север, в Наумудаль, взял здесь у бондов корабли и сел на них со своими людьми. С ним была его дружина – около тридцати дюжин человек на пяти или шести больших кораблях. Дул сильный противный ветер, и они гребли изо всех сил целую ночь и день. Ночь тогда была светлая, так что они могли плыть.

На следующий день после захода солнца они достигли Санднеса и увидели, что у берега около усадьбы стоит большой корабль и на нем поставлен шатер. Они узнали корабль Торольва. Торольв велел его снарядить и как раз собирался покинуть страну. Он уже велел сварить брагу для пиршества перед отплытием.

По приказу конунга все до одного сошли с кораблей. Он велел поднять свое знамя. До усадьбы было недалеко, а стражи Торольва сидели в доме за брагой и не вышли на сторожевые посты. Снаружи не было ни души. Вся дружина Торольва пиновала в доме.

Конунг велел окружить дом. Прокричали боевой клич и затрубили в боевой рог конунга. Тогда Торольв и его люди бросились к оружию, висевшему у каждого над его местом. Конунг велел крикнуть, что женщины, дети, старики и рабы могут выйти из дома. После этого вышла хозяйка дома Сигрид, а с ней женщины, которые были внутри, и все те, кому было разрешено выйти. Сигрид спросила, нет ли тут сыновей Кари из Бердлы. Оба они выступили вперед и спросили, что ей нужно.

– Проводите меня к конунгу, – сказала Сигрид.

Они это сделали, а когда она пришла к конунгу, то спросила:

– Государь, нет ли возможности примирения между вами и Торольвом?

Конунг ответил:

– Если Торольв сдастся мне на милость, то он останется жив и невредим. Люди же его будут наказаны так, как они этого заслуживают.

Тогда Альвир Хнува подошел к дому и попросил вызвать Торольва для разговора. Он сообщил Торольву, какие условия поставлены конунгом. Торольв отвечает так:

– Я не хочу примирения с конунгом на условиях, которые он мне навяжет. Проси конунга, чтобы он разрешил нам выйти из дома. Будь тогда что будет.

Альвир вернулся к конунгу и сказал, о чем просит Торольв. Конунг сказал:

– Подожгите дом! Я не хочу биться с ним и терять своих людей. Я знаю, что Торольв причинит нам большой урон, если мы станем с ним сражаться. Его нелегко будет победить и в доме, хотя у него меньше воинов, чем у нас.

После этого дом подожгли. Огонь распространялся быстро, потому что бревенчатые стены были сухие и просмоленные, а кровля покрыта берестой. Торольв велел своим людям сломать перегородку, которая отделяла горницу от сеней. Они это быстро сделали. А когда они добрались до главной балки, то все, кто мог ее достать, схватились за нее, и они стали так сильно толкать балку другим концом в один из углов, что обломили концы бревен в стыке, и стены в этом углу разошлись. Получился большой пролом. Первым вышел через него Торольв, за ним Торгильс Крикун, и так все, один за другим.

Тогда началась битва, и некоторое время дом прикрывал Торольва и его людей с тыла. Но когда весь дом был охвачен пламенем, многие из них погибли в огне. Тогда Торольв бросился вперед и рубил направо и налево, пробиваясь к знамени конунга. Тут был убит Торгильс Крикун. А Торольв пробился к заслону из воинов со щитами, окружавшему конунга, и пронзил мечом знаменосца. Тут Торольв сказал:

– Еще бы три шага!

Его поразили мечи и копья, а сам конунг нанес ему смертельную рану. Торольв упал у ног конунга. Тогда конунг велел прекратить битву и больше никого не убивать. Так и сделали. Потом он приказал своим людям отправляться по кораблям. Он сказал Альвиру и его брату:

– Возьмите своего родича Торольва и похороните его как подобает. Позаботьтесь также о погребении других убитых здесь. А тем, кто может выжить, велите перевязать раны. И не смей здесь грабить, потому что все здесь – мое добро!

После этого конунг пошел к кораблям, и с ним большая часть его дружины.

На кораблях люди стали перевязывать свои раны. Конунг ходил по кораблю и смотрел раны. Он увидел, как один воин перевязывал неглубокую рану. Конунг сказал:

– Эту рану нанес не Торольв. Его оружие ранило совсем не так. Я думаю, что немногие перевязывают раны, которые нанес Торольв. Тяжелая потеря – смерть такого человека.

В то же утро конунг велел поставить паруса и плыть как можно быстрее на юг. А к концу дня они увидели множество гребных судов во всех проливах между островами. На этих судах люди шли к Торольву на помощь. Разведчики Торольва были повсюду в Наумудале и далеко по островам, и они узнали, что Халльвард с братом шли на север с большим отрядом и замыслили напасть на Торольва. А Халльварду с братом все время мешал противный ветер, и они задерживались в различных бухтах, пока весть об их поездке не распространилась по стране и не дошла до разведчиков Торольва. По этой-то причине здесь собралось множество вооруженных людей.

Конунг плыл очень быстро, пока не прибыл в Наумудаль. Там он оставил корабли и отправился сухим путем к Трандхеймфьорду. Он взял свои корабли, которые раньше здесь оставил, и поплыл со своей дружиной в Хладир.

Весть обо всем случившемся распространилась и дошла туда, где был Халльвард и его спутники. Тогда они вернулись обратно к конунгу, и их поездка оказалась смешной.

Братья же Альвир Хнува и Эйвинд Ягненок пробыли некоторое время в Санднесе. Они велели похоронить убитых. Торольва они похоронили так, как было в обычае погребать знатных людей, и поставили над ним надгробный камень. Раненых они велели лечить. Вместе с Сигрид они привели в порядок хозяйство. Весь скот в усадьбе уцелел, но большая часть добра – все убранство дома, а также посуда и одежда – все это сгорело. А когда братья закончили эти дела, они поехали на юг – к конунгу Харальду в Трандхейм и находились при нем некоторое время. Они были молчаливы и редко с кем разговаривали. Однажды братья пришли к конунгу, и Альвир сказал:

– Мы с братом хотим просить тебя, конунг, чтобы ты отпустил нас домой, в нашу вотчину. После всего, что произошло, нет у нас охоты пить и сидеть вместе с людьми, которые сражались против нашего родича Торольва.

Конунг посмотрел на Альвира и ответил коротко:

– Нет, я не разрешаю. Вы должны быть здесь, при мне.

Братья ушли и вернулись на свои места.

На следующий день конунг сидел в горнице, где он решал дела, и велел позвать туда Альвира с братом.

– Узнайте, – говорит конунг, – мое решение о вашем деле, с которым вы приходили ко мне вчера. Вы были здесь, при мне, долгое время и всегда знали, как себя держать, и все, что ни делали, делали хорошо. Вы всем мне нравились. Теперь я хочу, чтобы ты, Эйвинд, поехал на север, в Халогаланд. Я даю тебе в жены Сигрид, вдову Торольва, а также добро, которым он владел. Я обещаю тебе также свою дружбу, если ты сумеешь ее сохранить. Альвир же останется при мне. Я не хочу отпускать его из-за его искусства.

Братья поблагодарили конунга за честь, которая была им оказана, и сказали, что охотно ее принимают. Эйвинд собрался в путь и взял, как ему полагалось, хороший корабль. Конунг дал ему свои знаки, чтобы поддержать его сватовство.

Эйвинд благополучно прибыл в Санднес, и Сигрид приняла его хорошо. Он показал знаки, посланные конунгом, и изложил свое дело к Сигрид. Он просил ее руки и передал волю конунга. Сигрид же не видела другого выхода, после всего, что было, как подчиниться этому решению. Так Эйвинд женился на Сигрид. Он получил тогда двор Санднес и все, что принадлежало Торольву.

Эйвинд стал знатным и влиятельным человеком. У них с Сигрид были дети: сын Финн Косой, отец Эйвинда Губителя Скальдов^[33], и дочь Гейрлауг, которая стала женой Сигхвата Красного. Финн Косой был женат на Гуннхильд, дочери ярла Хальвдана. Ее мать, Ингибьёрг, была дочерью Харальда Прекрасноволосого.

Эйвинд Ягненок был в дружбе с конунгом, пока они были живы.

XXIII

Жил человек по имени Кетиль Лосось. Он был сын Торкеля, ярла наумудальского, и Храфнхильд, дочери Кетиля Лосося с Храфнисты. Лосось был знатный и прославленный человек. Он был большим другом Торольва, сына Квельдульва, и его родичем. Когда в Халогаланде собрались люди, чтобы идти на помощь Торольву, о чем уже написано раньше, Кетиль Лосось был среди собравшихся. Но когда конунг Харальд направился на юг и стало известно, что Торольв убит, все разъехались. С Лососем была тогда его дружина – шесть десятков человек, – и они повернули к Торгару, где были сыновья Хильдирид с небольшой дружиной. Лосось напал на них в усадьбе. Сыновья Хильдирид и большинство их людей были убиты, а Лосось и его люди взяли все, что могли захватить. Потом он велел погрузить все свое и захваченное добро на два торговых корабля, самых больших, которые ему удалось достать. С ним была жена и дети, а также все те, кто вместе с ним напал на сыновей Хильдирид.

Жил человек по имени Бауг. Он был знатным и богатым человеком и побратимом Лосося. Он стал кормчим на втором корабле Лосося.

Когда они были готовы и подул попутный ветер, они вышли в море. За несколько зим до этого Ингольв и Хьёрлейв уехали из страны, чтобы поселиться в Исландии^[34], и об этом много толковали. Люди рассказывали, что там были хорошие места. И вот Лосось поплыл за море на запад, чтобы добраться до Исландии.

Когда увидели землю, они были к югу от нее. Был крепкий ветер и сильный прибой. Они совсем не встречали бухт, где можно было бы пристать, и поэтому плыли вдоль песчаного берега на запад. Когда же

ветер стал стихать и прибой улегся, перед ними открылось широкое речное устье. Они поднялись на кораблях вверх по реке и причалили к западному берегу. Сейчас эта река называется Ранга (Кривая Река). В то время она была гораздо уже и глубже. Лосось и его спутники разгрузили корабли, а потом стали осматривать и занимать земли к западу от реки и пасти там свой скот.

Первую зиму Лосось провел на западном берегу Ранги, а весной он осмотрел места к востоку от нее и занял земли между реками Тьорса (Бычья Река) и Маркарфльот (Лесная Река) от гор до моря. Он поселился на восточном берегу Ранги, во дворе Хов (Капище).

После того как они провели в Исландии первую зиму, его жена Ингунн родила весной ребенка. Мальчика называли Храфн. Когда позже снесли постройки, которые там были, это место все еще называли Храфнтофтир (Двор Храфна).

Лосось дал Баугу землю на холмах Фльотсхлид (Речной Склон) от реки Меркья (Граничная Река) до речки, протекавшей около Брейдабольстада (Широкий Двор). Двор Бауга назывался Хлидаренди (Конец Склона). От Бауга произошло большое потомство в этой местности.

Лосось давал землю тем, кто с ним приехал в Исландию, а некоторым продавал за небольшую цену. Всех их называли первыми поселенцами.

Одного сына Лосося звали Сторольв. Ему принадлежали Хваль (Пригорок) и Сторольвсвалль (Поле Сторольва). Сыном его был Орм Сильный.

Второго сына Лосося звали Херьольв. Его земли были на холмах Фльотсхлид рядом с Баугом и дальше до ручья Хвальслёк (Ручей у Пригорка). Двор Херьольва назывался Бреккур (Откосы). Его сына звали Сумарлиди, и он был отцом Ветрлиди Скальда.

Хельги был третьим сыном Лосося. Его двор назывался Валль (Поле), и ему принадлежали земли до верхнего течения Ранги рядом с землями его братьев.

Четвертого сына Лосося звали Вестар. Ему принадлежали земли к востоку от реки Ранги, от реки Тверы (Поперечная Река) до нижней части Сторольвсвалля. Вестар был женат на Мозэйд, дочери Хильдира с Острова Хильдисей. Дочь их, по имени Асни, стала женой Офейга Хмурого. Двор Вестара назывался Мозэидархваль (Пригорок Мозэйд).

Храфн – пятый сын Лосося – стал потом первым законоговорителем^[35] в Исландии. Храфн жил в Хове после своего отца. Его дочь звали Торлауг. Она стала женой годи^[36] Ёрунда. Их сыном был Вальгард из Хова.

Храфн был самый знатный из сыновей Лосося.

Квельдульв узнал о смерти своего сына Торольва. Эта весть его глубоко опечалила, и он слег в постель от горя и старости. Скаллагрим часто приходил к нему, ободрял его и убеждал, что нет ничего хуже, как пасть духом и слечь в постель. Он говорил:

– Лучше, наоборот, постараться отомстить за Торольва. Может быть, мы доберемся до кого-нибудь из тех, кто был с конунгом в Санднесе, когда Торольва убили. А если нет, то, может быть, нам попадутся другие люди, смерть которых придется конунгу не по душе.

Квельдульв сказал тогда вису:

Торольв пал, я знаю.

Как сурова Норна^[37]!

Он в дружину Одина^[38]

Слишком рано позван.

Старость-великанша

Сил меня лишила:

Трудно отомстить мне,

Хоть и жажду мести.

Этим летом конунг Харальд поехал в Уппланд, а осенью – на запад, в Вальдрес, и дальше, в Ворс. Альвир Хнува находился при конунге и часто спрашивал его, не хочет ли он дать выкуп за Торольва, заплатив Квельдульву и Скаллагриму виру или оказав им почести, так чтобы они были довольны. Конунг не отказывался сделать это, если бы отец с сыном приехали к нему.

Тогда Альвир пустился в путь на север, в Фирдир, и не останавливался, пока однажды вечером не приехал к Квельдульву и Скаллагриму. Они поблагодарили его за приезд. Альвир провел у них некоторое время. Квельдульв подробно его расспрашивал о том, что произошло в Санднесе, когда был убит Торольв, и что славного совершил Торольв, прежде чем был поражен насмерть, и кто направил в него оружие, и где у него были самые тяжелые раны, и как он погиб. Альвир рассказал ему обо всем, и о том, что конунг Харальд сам нанес Торольву смертельную рану, и о том, что Торольв упал ничком у его ног. Тогда Квельдульв говорит:

– Это хорошо, потому что, по словам старых людей, тот, кто падает ничком, бывает отомщен, и месть настигает того, кто стоял ближе всех, когда убитый упал. Но не похоже, чтобы нам выпало такое счастье.

Альвир сказал отцу с сыном, что если они поедут к конунгу и будут просить виры, то, он надеется, это будет для них почетной поездкой. Альвир убеждал их решиться и долго их уговаривал. Квельдульв сказал, что не может ехать, потому что слишком стар.

– Я останусь дома, – сказал он.

– А ты, Грим, не поедешь? – спросил Альвир.

– Сдается мне, – отвечал Грим, – что мне там нечего делать. Я не покажусь конунгу красноречивым и думаю, что не стану долго просить выкупа.

Альвир сказал, что это ему и не понадобится.

– Мы скажем все за тебя, как сумеем.

И так как Альвир очень настаивал, Грим обещал отправиться к конунгу, когда решит, что готов. Они договорились с Альвиром о времени, когда Грим должен был приехать. Только тогда Альвир пустился в обратный путь и вернулся к конунгу.

XXV

Скаллаgrim готовился к поездке, о которой было сказано раньше. Он выбрал среди своих домочадцев и соседей самых сильных и отважных. Один из них, по имени Ани, был богатый бонд. Другого звали Грани. Третьего – Гримольв. Он и брат его Грим были домочадцы Скаллагрима. Были там еще братья Торбьёрн Сутулый и Торд Бейгальди. Их называли сыновьями Торунн. Она жила неподалеку от Скаллагрима и была колдуньей. Мальчишкой Торд был запечник^[39]. Одного из спутников Скаллагрима звали Торир Великан, а брата его – Торгейр Длинный. Были с ними также бобыль Одд и вольноотпущенник Грис. Их поехало двенадцать человек, и все они были большие силачи, а многие из них – берсерки.

Они взяли весельную лодку Скаллагрима и поплыли на юг вдоль берега, затем углубились в Острарфьорд, а оттуда поехали в Ворс сухим путем, пока не достигли озера. Дальше путь их лежал через озеро. Они достали подходящее гребное судно и переправились на другой берег. А там уже было недалеко до двора, где конунг в то время был на пиру.

Грим со своими спутниками приехал в тот час, когда конунг сел за стол. Они заговорили с людьми, которых встретили на дворе, и спросили их, что слышно нового, а те ответили на их вопросы. Тогда Грим попросил вызвать Альвира Хнуву, чтобы поговорить с ним.

Тот, к кому Грим обратился, зайдя в дом, подошел к Альвиру и сказал ему:

– Там пришли люди – двенадцать человек, если называть их людьми. Ростом и видом они больше похожи на великанов, чем на обычных людей.

Альвир тотчас же встал и вышел. Он угадал, кто это к нему приехал. Он приветливо встретил своего родича Грима и предложил ему войти вместе с ним в дом.

Грим сказал своим спутникам:

– Здесь обычай входить к конунгу без оружия. Мы войдем вшестером, а остальные пусть постерегут наше оружие во дворе.

После этого они вошли в дом. Альвир приблизился к конунгу, а Скаллаgrim стоял позади него. Альвир заговорил:

– Тут пришел Грим, сын Квельдульва. Мы бы очень хотели, конунг, чтобы благодаря вам его поездка закончилась успешно. Все мы надеемся на это. Вы оказываете большие почести многим, которые меньше этого заслуживают, чем Грим. Почти никто не сравнится с ним умением, за какое бы дело он ни взялся. Ты должен выполнить нашу просьбу, конунг, также и потому, что мне это кажется очень важным, если мое мнение что-нибудь для тебя значит.

Альвир говорил долго и хорошо, потому что он был очень красноречив. Многие из его друзей также приблизились к конунгу и поддержали Альвира. Конунг посмотрел вокруг и увидел, что позади Альвира стоит человек на голову выше остальных и лысый.

– Это и есть Скаллаgrim? – спросил конунг. – Вон тот рослый человек?

Грим ответил, что конунг не ошибся. Конунг сказал:

– Если ты просишь виру за Торольва, то я хочу, чтобы ты стал моим дружинником и служил мне. Служи так, чтобы угодить мне, и я заплачу тебе виру за брата и окажу тебе почести не меньшие, чем я оказывал ему – твоему брату Торольву. И если бы я возвысил тебя так, как его, ты должен был бы лучше это ценить, чем он.

Скаллаgrim отвечает:

– Известно, насколько Торольв превосходил меня во всем, но служба тебе, конунг, не принесла ему счастья. Я не пойду к тебе на службу, потому что знаю, что и мне не будет счастья, если я стану служить тебе так, как я хотел бы и как стоило бы. Я думаю, что у меня будет больше недостатков, чем у Торольва.

Конунг молчал. Лицо его стало багровым, как кровь.

Альвир тотчас же повернулся и сказал Гриму и его спутникам, чтобы они вышли во двор. Они так и сделали – вышли и взяли свое оружие. Альвир сказал тогда, чтобы они уезжали, да поскорей. Он пошел проводить их до озера, а с ним еще многие другие. Перед тем как расстаться, Альвир сказал:

– Родич мой, Грим! Твоя поездка к конунгу кончилась не так, как я хотел бы. Я тебя очень уговаривал приехать сюда, а теперь прошу: поезжай поскорей домой и не являйся к конунгу Харальду, если не появится больше надежд на примирение между вами, чем, мне кажется, есть сейчас. И берегись конунга и его людей!

Тогда Грим и его спутники стали переправляться через озеро. Альвир же с товарищами пошли к кораблям, вытасненным на берег, и начали их рубить, чтобы сделать негодными, потому что они увидели множество хорошо вооруженных людей, бегом спускавшихся со двора конунга к озеру. Конунг Харальд послал их вслед за Гримом, чтобы убить его.

Конунг заговорил вскоре после того, как Грим с товарищами вышли. Он сказал:

– По виду этого лысого великана ясно, что он полон волчьих мыслей и что из-за него беда ждет многих из тех, кого нам жаль потерять, если он до них доберется. Не забывайте, что этот лысоголовый считает вас своими врагами и не пощадит никого, если только он вас настигнет. Так отправляйтесь сейчас же вслед за ним и убейте его!

Тогда они бросились к озеру, но не нашли там ни одного годного судна. Они возвратились и рассказали конунгу об этом, а также о том, что Грим с товарищами ушел через озеро.

Скаллаgrim продолжал свой путь с товарищами, пока не вернулся домой. Он рассказал про свою поездку Квельдульву.

Квельдульв был доволен, что Грим не принял предложения конунга пойти к нему на службу, и говорил, как и раньше, что от конунга они могут ждать только зла, но никакого возмещения.

Квельдульв и Скаллаgrim часто обсуждали, что им делать, и оба они были согласны, что им нельзя оставаться там в стране, так же как не могли оставаться другие, кто был во вражде с конунгом. Они решили уехать, и их привлекала Исландия, потому что они слышали, что там хорошие земли. Туда уже переселились их друзья и добрые знакомые – Ингольв, сын Арна, со своими спутниками. Они заняли в Исландии земли и стали там жить. Там можно было брать себе землю, не покупая, и выбирать место для жилья. И вот Квельдульв с сыном твердо решили бросить свою вотчину и покинуть страну.

Торир, сын Хроальда, в детские годы воспитывался у Квельдульва. Он и Скаллаgrim были ровесники. Побратимы крепко подружились. Торир был лендрманном конунга Харальда в то время, когда все это произошло, но дружба его со Скаллаgrimом не поколебалась.

Ранней весной Квельдульв стал снаряжать свои корабли. У них были большие и крепкие суда. Они снарядили два больших торговых корабля, и на каждом было три десятка крепких мужчин, а кроме того женщины и дети. Они взяли все добро, которое могли увезти, но земли их никто не смел купить из страха перед могущественным конунгом.

Когда они были готовы, они отплыли. Они направились к островам, которые называются Солундир. Там много островов, среди них и большие. Берега их так изрезаны, что лишь немногим знакомы там все бухты, пригодные как стоянки для кораблей.

XXVI

Жил человек по имени Гутторм. Он был сын Сигурда Оленя. Он приходился братом матери конунга Харальда. Гутторм был воспитателем конунга и управлял вместо него в его земле, потому что Харальд стал конунгом еще будучи ребенком. Когда конунг Харальд

завоевывал Норвегию, Гутторм был полководцем в его войске и участвовал во всех битвах, которые конунгу пришлось выдержать. А после того как Харальд сделался единовластным конунгом во всей стране и стал ею спокойно править, он дал своему родичу Гутторму Вестфольд, и Аустрагдир, и Хрингарики, и всю область, которой владел Хальвдан Черный, отец конунга. У Гутторма было два сына и две дочери. Сыновей звали Сигурд и Рагнар, а дочерей Рагнхильд и Аслауг. Гутторм заболел, а когда конец его был близок, он послал людей к конунгу Харальду и просил его позаботиться о его детях и землях. Немного позже он умер.

Узнав о кончине Гутторма, конунг велел позвать Халльварда Сурового с братом и сказал им, что они поедут его послами в Вик. Конунг в то время жил в Трандхейме.

Братья снаряжались в путь со всей пышностью. Они выбрали себе спутников и взяли свой лучший корабль. Этот корабль раньше принадлежал Торольву, сыну Квельдульва, и они отобрали его у Торгильса Крикуна. А когда они были готовы, конунг дал им поручение ехать на восток, в Тунсберг, который в то время был торговым городом. В Тунсберге был двор Гутторма.

– Вы должны, – сказал конунг, – привезти мне сыновей Гутторма, а дочери его пусть воспитываются там, пока я их не выдам замуж. Я назначу людей, которые будут управлять областью и воспитывать девочек.

Когда братья были готовы, они с попутным ветром тронулись в путь. Весной они прибыли в Тунсберг и передали распоряжение конунга. Халльвард взял сыновей Гутторма и множество добра. Снарядившись, они поплыли обратно. Дул довольно слабый ветер. За время их поездки ничего не произошло, пока они не миновали Согнефьорд. Дальше они поплыли при хорошем ветре и ясной погоде и были очень довольны.

XXVII

Летом Квельдульв и Скаллаgrim плыли у самого берега и постоянно разведывали, что происходит вокруг. Скаллаgrim был очень зорек. Он заметил корабль Халльварда, плывший на север, и узнал его: он видел этот корабль раньше, когда Торгильс отправился на нем к конунгу. Скаллаgrim выследил, в какую бухту Халльвард и его спутники зашли вечером. После этого он вернулся к своим и рассказал Квельдульву о том, что видел.

Он сказал, что узнал корабль Торольва, отнятый Халльвардом у Торгильса, и что на нем, должно быть, плывут люди, за которыми стоило бы поохотиться. Тогда они снарядили две большие лодки и взяли по двадцать человек в каждую. На одной из лодок начальствовал

Квельдульв, а на другой Скаллаgrim. Они взялись за весла и направились к тому месту, где стоял корабль Халльварда. Здесь они высадились на берег.

Халльвард и те, кто был с ним, спали в шатре на своем корабле. А когда Квельдульв со спутниками приблизился к кораблю, стража, сидевшая на берегу у сходней, подняла тревогу, крича, чтобы люди на корабле вставали, что идет враг. Халльвард и все другие бросились к оружию.

А Квельдульв и его люди, подойдя к кораблю, стали взбираться по задним сходням, Скаллаgrim же поднимался на передние. В руках у Квельдульва была секира. Поднявшись на корабль, он велел своим людям идти вдоль борта и рубить шесты, на которых держался шатер. Сам он повернул назад к верхней палубе на корме. Говорят, что его охватило бешенство, как бывает с берсерками^[40], и многие из его спутников тогда тоже буйствовали, как берсерки. Они убивали всех, кто попадался им навстречу. То же самое делал и Скаллаgrim, пробираясь по кораблю. Отец с сыном остановились только после того, как на корабле не осталось ни одного человека из спутников Халльварда.

Когда Квельдульв подошел к верхней палубе на корме, он с размаху ударил Халльварда секирой по шлему так, что та до топорща вошла в голову. Тогда Квельдульв с такой силой рванул секиру на себя, что взметнул Халльварда в воздух и швырнул его за борт.

Скаллаgrim очищал носовую часть корабля и убил Сигтругга.

Многие из защищавших корабль прыгали в море, но люди Скаллаgrима подходили к ним на лодке и поубивали всех, кто держался на воде. Всего из людей Халльварда погибло более пяти десятков человек. А Скаллаgrim с Квельдульвом взяли корабль со всем богатством.

Они взяли в плен двух или трех человек, тех, которые показались им самыми ничтожными. Их оставили в живых, чтобы разузнать у них, что за люди были на корабле и для чего была задумана их поездка. А когда все выяснили, стали осматривать мертвых, лежавших на корабле. Тогда оказалось, что прыгнувших за борт и утонувших было больше, чем убитых на корабле. Сыновья Гутторма тоже прыгнули за борт и утонули. Одному из них было двенадцать лет, а другому десять. Оба они были красивые мальчики.

После этого Скаллаgrim отпустил тех, кого он пощадил, и велел им отправиться к конунгу Харальду и подробно рассказать ему обо всем случившемся.

– Передайте конунгу, – сказал он, – вот что:
Недруг сражен.
Торольв отомщен.
Стая волков
Топчет врагов.

Халльвард на дне,
В морской глубине.
Сигтрюгга раны
Рвет коршун рьяно.

Потом Скаллаgrim и его спутники подвели корабль вместе с грузом к своим кораблям. Они перенесли на него весь груз с того своего корабля, который был поменьше, а на пустой корабль наносили камней, сделали в нем пробоины и затопили его.

Как только подул попутный ветер, они вышли в открытое море.

Про берсерков рассказывают, что пока они буйствовали, они были такими сильными, что их никто не мог одолеть, но как только буйство проходило, они становились слабее, чем бывали обычно. То же самое случилось с Квельдульвом. Когда его боевое бешенство прошло, он почувствовал большую усталость от битвы и так обессилел, что слег.

Попутный ветер нес их в открытом море. Квельдульв начальствовал на корабле, который они забрали у Халльварда. Дул благоприятный ветер, и оба корабля шли вместе, так что на каждом из них все время знали о другом.

Когда же они пересекли море, болезнь одолела Квельдульва. Дело дошло до того, что он стал ждать смерти, и тогда он подозвал своих спутников и сказал им:

– Похоже на то, что скоро наши пути разойдутся. Никогда я не болел, но сейчас я, кажется, умираю. Если это случится, сделайте мне гроб и спустите меня за борт. Видно, все пойдет не так, как я думал, и мне не удастся доплыть до Исландии и занять там землю. Передайте от меня привет моему сыну Гриму, когда вы встретитесь с ним. Скажите ему также, что если он доберется до Исландии и если я окажусь там раньше, чем он, хотя это и маловероятно, то пусть он поселится поближе к тому месту, где я достигну берега.

Вскоре Квельдульв умер, и его спутники сделали так, как он им сказал: положили его в гроб и спустили за борт.

Жил человек по имени Грим. Он был сын Торира и внук Кетиля Путешественника за Килир. Он происходил из хорошего рода и был богат. Грим ехал на корабле Квельдульва. Он был давний друг Квельдульва и Скаллаgrима и бывал в походах и с ними, и с Торольвом. Этим-то он и навлек на себя гнев конунга. После смерти Квельдульва он стал начальствовать на корабле.

Они подошли к Исландии с юга и поплыли вдоль берега на запад, потому что слыхали, что Ингольв поселился там. А когда они обогнули полуостров Рейкьянес (Мыс Дымов) и увидели открывшийся перед ними фьорд, они вошли в него на обоих кораблях. Здесь разыгралась непогода: был сильный дождь и туман, и тогда корабли разошлись.

Корабль Грима шел в глубь Боргарфьорда (Городищенский Фьорд), пока они не миновали все шхеры. Тут они бросили якорь и ждали, когда уляжется буря и рассветет. Когда начался прилив, они вошли в устье какой-то реки. Ее называли Гува (Паровая Река). Пока было можно, они вели корабль вверх по реке, а потом перенесли груз на берег и устроились на первую зиму.

Осмотрев местность – и у самого моря и подальше от него, – Грим и его спутники нашли в одной бухте гроб Квельдульва, который там прибило к берегу. Они перенесли гроб на мыс, который был поблизости, и опустили там гроб в землю, а сверху положили камни.

XXVIII

Скаллаgrim пристал к берегу возле большого мыса, выступавшего в море. Узкий перешеек соединял его с материком. Здесь они разгрузили корабль. Этот мыс они называли Кнаррарнес (Корабельный Мыс). Потом Скаллаgrim стал осматривать местность. От гор до моря тянулись большие болота^[41] и обширные леса. На побережье было немало тюленьих лежищ, а в реках много рыбы.

Когда они осматривали местность на юге вдоль моря, перед ними открылся большой фьорд. Они двигались вдоль фьорда, пока не встретили своих попутчиков – Грима из Халогаланда с товарищами. Эта встреча всех очень обрадовала.

Грим с товарищами рассказали Скаллагриму о смерти Квельдульва, а также о том, что гроб с его телом приплыл в Исландию и они его похоронили. Потом они проводили Скаллагрима туда, где был похоронен Квельдульв. Скаллагриму показалось, что неподалеку были места, где хорошо было бы поселиться. Грим из Халогаланда вернулся к своим спутникам, и каждый провел эту зиму там, куда прибыл.

Скаллаgrim занял земли от гор до моря: все болота до бухты Селалон (Тюлений Ковш), а выше – земли до лавового поля Боргархраун и на юге до Хавнарфьялль (Горы у Гавани). Всю эту землю прорезают до самого моря потоки.

Весной Скаллаgrim переправил корабль на юг в фьорд и дальше, в глубь той бухты, которая была ближе других к месту, где Квельдульв достиг Исландии. Скаллаgrim поставил там двор и назвал его Борг (Городище)^[42], а фьорд назвал Боргарфьордом, и так же всю местность около этого фьорда.

Грима из Халогаланда он поселил к югу от Боргарфьорда, в месте, которое называли Хванейр (Дягилева Коса). Там поблизости врезается в берег небольшая бухта. В ней они увидели много уток и называли ее Андакиль (Утиная Бухта), а реку, которая там впадала в море, – Андакильса (Река Утиной Бухты). Вверх по течению реки Андакильсы,

вплоть до той реки, которую называли Гримса (Река Грима), и шли земли Грима.

Весной, когда Скаллаgrim послал людей пасти скот на берегу моря, они вышли на небольшой мыс и убили там несколько лебедей. Этот мыс называли Альфтанес (Лебединый Мыс).

Скаллаgrim наделил землей своих спутников. Ани получил землю между рекой Ланга (Длинная Река) и ручьем Хавслёк (Вершевой Ручей). Его двор назывался Анабрекка (Склон Ани). Его сына звали Энунд Сьони. Из-за него были во вражде Торстейн и Одд из Тунги.

Грани жил в Гранастади́ре (Дворе Грани) на мысу Дигранес (Мыс Дигри). Торбьёрну Сутулому Скаллаgrim дал землю вдоль реки Гувы, так же как и Торду Бейгальди. Двор Торбьёрна назывался Крумсхолар (Холмы Сутулого), а двор Торда – Бейгальди. Ториру Великану и его брату он дал землю от холма Эйнкуннира (Межевого Холма) и вниз к морю до реки Ланги. Тори́р Великан жил в Турсстади́ре (Дворе Великана). Дочь его Тордис Жердь позже жила в Стангархольте (Роще Жерди). Торгейр жил в Ярслангсстади́ре (Дворе Длинного).

Скаллаgrim осматривал земли во всей округе. Вначале он поехал в глубь страны вдоль Боргарфьорда до его конца, а позже по западному берегу реки, которую он назвал Хвита (Белая Река), потому что он и его спутники не видели раньше потоков, текущих из-под ледников, и их удивил цвет этой реки. Они ехали по берегу реки Хвиты, пока не очутились перед рекой, которая течет с севера, с гор. Ее они называли Нордра (Северная Река) и поехали вдоль нее вверх по течению, пока не достигли еще одной реки. Это был маленький быстрый поток. Они переправились через него и поехали опять вверх по течению реки Нордры.

Скоро они увидели маленький поток, вытекавший из ущелья, и его называли Глювра (Ущельная Река). Они переправились через реку Нордру и поехали опять к реке Хвите и дальше по ее берегу в глубь страны. Скоро они достигли реки, которая текла поперек их пути и впадала в реку Хвиту. Ее они называли Твера (Поперечная Река). Они заметили, что все реки были полны рыбы.

После этого они повернули обратно в Борг.

XXIX

Скаллаgrim был человек очень деятельный. У него было постоянно множество людей. Он посылал их добывать припасы, потому что вначале у них было слишком мало скота. Тот же скот, который у них был, пасся всю зиму на подножном корму в лесах.

Скаллаgrim хорошо умел строить корабли, а на побережье у Болот хватало прибойного леса^[43]. Он поставил двор на мысе Альфтанес, и здесь у него было еще одно хозяйство. Оттуда он посылал людей на

рыбную ловлю в море и на охоту за тюленями, а также собирать птичьи яйца. Все это тогда давало вдоволь припасов. Скаллаgrim велел доставлять себе также прибойный лес. Водились в то время и большие стада китов, и их можно было бить сколько угодно. Непуганые животные тогда спокойно подпускали к себе охотников.

Третий двор Скаллагрима стоял у моря в западной части Болот. Это было лучшее место для сбора прибойного леса. Тут же были посевы, и Скаллаgrim назвал этот двор Акpар (Пашни). Недалеко от берега там были острова, возле которых водились киты. Их называли Хвальсейар (Китовые Острова).

Люди Скаллагрима жили также в горах, около рек, где ловились лососи. Он поселил Одда Бобыля возле реки Глювры, чтобы тот ловил лососей. Одд жил у холма Эйнбуабрекке (Холм Бобыля). По нему назван также гребень Эйнбуанес (Гребень Бобыля). У реки Нордры Скаллаgrim посадил человека, которого звали Сигмунд. Он жил в том месте, которое называли Сигмундарстадир (Двор Сигмунда), а теперь называют Хаугар. По нему назван гребень Сигмундарнес (Гребень Сигмунда). Позже он переселился на Мунодарнес (Отрадный Мыс), где как будто лучше ловились лососи.

А когда у Скаллагрима стало много скота, он стал посылать его на лето в горы. Скаллаgrim считал, что скот, который пасется на горных пастбищах, становится лучше и жирнее. Овец иногда и зимой держали в горных долинах, если их не пригоняли вниз. Позже Скаллаgrim построил двор наверху, в горах, и там также было его хозяйство. Он велел пасти там своих овец. Этим занимался Грис, и по нему то место было названо Грисартунга (Междуречье Гриси). Стада Скаллагрима паслись во многих местах.

Спустя некоторое время после того, как Скаллаgrim приехал в Исландию, в Боргарфьорд пришел с моря корабль, и на нем был человек по имени Олейв Рукоятка. С ним были его жена и дети и другие родичи. Он поехал в Исландию, задумав поселиться здесь. Олейв был человек богатый, славного рода и большого ума. Скаллаgrim предложил Олейву погостить у него со всеми своими людьми. Олейв принял предложение Скаллагрима и провел у него свою первую зиму в Исландии. А весной Скаллаgrim дал Олейву землю южнее реки Хвиты, от реки Гримсы до реки Флокадальсы (Река Долины Флоки). Олейв согласился и поехал туда со всем своим имуществом и поставил там двор, который называется Вармилёк (Тёплая Речка). Олейв был знатным человеком.

Сыновей Олейва звали Раги из Лаугардаля (Долина Горячего Источника) и Торарин Брат Раги. Торарин был законоговорителем в Исландии сразу после Храфна, сына Лосося. Он жил в Вармилёке. Женой его была Тордис, дочь Олава Фейлана и сестра Торда Ревуна.

Конунг Харальд Прекрасноволосый объявил своей собственностью все земли, которыми Квельдульв и Скаллагрим владели в Норвегии, а также все их добро, которым ему удалось завладеть. Он старался разыскать всех, кто советом или делом помогал Скаллагриму в том, что он совершил, прежде чем уехал из страны. Вражда конунга к Скаллагриму и его отцу доходила до того, что он ненавидел и родичей их, и свояков, и друзей. Некоторые понесли от него наказание, а многие бежали, и одни из них нашли надежное убежище в самой Норвегии, а другие совсем покинули страну.

Среди них был Ингвар, тесть Скаллагрима. Ингвар превратил все, чем он владел, в движимое имущество, достал морской корабль, набрал на него людей и собрался плыть в Исландию, потому что он слышал, что Скаллагрим поселился там и что там вдоволь земли. А когда они были готовы и подул попутный ветер, они вышли в море. Путешествие их прошло хорошо. Ингвар подошел к Исландии с юга и поплыл на запад мимо мыса Рейкьянес, вошел в Боргарфьорд, а потом в реку Лангу и плыл вверх по ней до водопада. Там они разгрузили корабль.

Когда Скаллагрим услышал о приезде Ингвара, он тотчас же поехал к нему и пригласил к себе его и всех тех, кого тот хотел бы взять с собой. Ингвар принял приглашение. Корабль вытащили на берег, а Ингвар поехал в Борг со многими людьми и провел ту зиму у Скаллагрима.

Весной Скаллагрим предложил Ингвару землю. Он дал ему свой двор на мысе Альфтанес и земли по берегу моря до бухты Страумфьорд (Приливный Фьорд), а в противоположную сторону – до речки Лейрулёк (Глинистая Речка). Ингвар переехал на Альфтанес и стал здесь хозяином. Он был очень дельный человек и имел много добра.

Скаллагрим построил тогда двор на мысе Кнаррарнес и потом долгое время вел там хозяйство.

Скаллагрим был искусный кузнец. У него было много болотной руды. Он велел построить кузницу у моря, далеко от Борга, на мысе, который называется Рауварнес (Дырявый Мыс). Скаллагриму казалось удобным, что там поблизости был лес. Но он не нашел там такого камня, который ему показался бы достаточно твердым и ровным, чтобы ковать на нем железо. Там на берегу нет камней, а повсюду мелкий песок. И вот однажды вечером, когда другие люди легли спать, Скаллагрим вышел на берег, столкнул в море лодку с восемью скамьями для гребцов, которая у него была, и поплыл на ней к островам посредине фьорда – Мидфьордарейяр. Там он опустил за борт якорный камень, а потом бросился в воду, нырнул, поднял со дна большой камень и положил его в лодку. После этого он взобрался в лодку и вернулся на берег. Там он перенес камень к своей кузнице,

положил перед дверями и позже ковал на нем железо. Этот камень лежит там до сих пор, и около него много шлака. Видно, что по камню много били и что он обточен прибором и не похож на другие камни, которые можно найти в том месте. Теперь его не поднять и вчетвером.

Скаллаgrim занимался кузнечным делом очень усердно, а работники его жаловались и считали, что им приходится слишком рано вставать. Тогда Скаллаgrim сказал такую вису:

Кузнецу подняться
Надо утром рано.
К пламени мехами
Ветер будет позван.

Звонко по железу
Молот мой грохочет,
А мехи, как волки,
Воя, кличут бурю.

XXXI

У Скаллагрима и Беры было очень много детей, но вначале все они умирали. Потом у них родился сын, и его окропили водой^[44] и называли Торольвом. Он рано стал высок ростом и очень хорош собой. Все как один говорили, что он очень похож на Торольва, сына Квельдульва, по которому он был назван. Торольв далеко превосходил своих ровесников силой, а когда вырос, то стал искусным во всем, чем тогда охотно занимались ловкие и умелые люди. Торольв был очень веселый человек. Он рано стал таким сильным, что его считали годным для любого дела. Все его скоро полюбили. Его очень любили и отец с матерью.

У Скаллагрима и Беры было две дочери. Одну из них звали Сеунн, а другую Торунн. Они тоже подавали большие надежды.

Родился у Скаллагрима с женой еще один сын. Его окропили водой и дали ему имя Эгиль. А когда он подрос, стало видно, что он будет некрасивым и черноволосым, похожим на отца. В три года он был таким же рослым и сильным, как другие мальчики в шесть-семь лет. Он рано стал говорить и говорил складно, но когда он играл с другими мальчиками, он был очень необуздан.

В то время в Борг приехал Ингвар, чтобы пригласить Скаллагрима в гости. Он просил приехать и дочь свою Бери, и ее сына Торольва, и всех, кого Скаллаgrim хотел бы взять с собой. Скаллаgrim сказал, что приедет. Тогда Ингвар вернулся домой и стал готовиться к пиру. Он велел варить брагу.

А в тот день, когда Скаллагрим и Бера должны были ехать в гости, вместе с ними собрались в путь Торольв и их домочадцы. Всего их отправилось пятнадцать человек. Эгиль сказал отцу, что он тоже хочет поехать с ними.

– У меня там такие же родственники, как у Торольва, – говорит Эгиль.

– Нет, ты не поедешь, – говорит Скаллагрим, – потому что ты не сумеешь держать себя на людях, когда будут много пить. Ведь с тобой и с трезвым нелегко справиться.

Скаллагрим сел на своего коня и уехал.

Эгилю не понравилось, как с ним обошлись. Он вышел за ворота, нашел лошадь Скаллагрима, на которой обычно возили груз, сел на нее и поскакал вслед за остальными. Ему было нелегко ехать по болотам, потому что он не знал дороги, но он видел издали, как едут Скаллагрим и его спутники, когда их не заслоняли кусты или деревья.

О его поездке нужно сказать, что поздно вечером он приехал на Альфтанес, где люди сидели за брагой. Он вошел в дом, и когда Ингвар увидел Эгиля, он встретил его очень приветливо и спросил, почему тот приехал так поздно. Эгиль рассказал о своем разговоре с отцом. Ингвар посадил Эгиля рядом с собой. Они сидели напротив Скаллагрима и Торольва. За брагой люди развлекались и говорили висы. Тогда Эгиль сказал вису:

Я пришел, отважный,
К Ингвару, что золотом
Наделяет воинов,
С ним искал я встречи.

Ты, дарящий кольца^[45],
Отыскать сумеешь ли
Между скальдов юных
Равного мне скальда?

Ингвар похвалил эту вису и поблагодарил за нее Эгиля. А на другой день он дал Эгилю в награду за вису три морских раковины и утиное яйцо. На следующий день Эгиль сказал во время пира еще одну вису об этой награде:

Дал искусный воин
Эгилю болтливому
За хвалу в награду
Три морские раковины,

И яйцо утиное —
Дар четвертый к прежним,
Эгилю на радость.
Щедро он прибавил.

Эгиля очень благодарили за висы.

Больше ничего за эту поездку не произошло. Эгиль вернулся домой вместе с отцом.

XXXII

Жил в Согне, в Аурланде, могущественный херсир^[46] по имени Бьёрн. Сын его Брюньольв после смерти своего отца получил все его наследство. Сыновей Брюньольва звали Бьёрн и Торд. Они были молоды в то время, когда все это происходило. Бьёрн много плавал по морям, иногда как викинг, а иногда занимаясь торговлей. Он был очень достойный человек.

Как-то летом Бьёрну случилось быть на многолюдном пиру в Фирдирс. Там он увидел красивую девушку, которая ему очень понравилась. Бьёрн спросил, какого она рода. Ему сказали, что это сестра херсира Торира, сына Хроальда, и что ее зовут Тора Кружевная Рука. Бьёрн посватался за Тору, но Торир отказал ему, и на этом они расстались.

Той же осенью Бьёрн набрал дружину, взял хорошо снаряженный корабль и поехал на север, в Фирдир. Там он явился к Ториру, когда того не было дома, и насильно увез Тору к себе домой, в Аурланд. Они провели там зиму, и Бьёрн хотел справить свадьбу с Торой. Но Брюньольв, отец его, был недоволен тем, что Бьёрн нанес Торе оскорбление: Торир и Брюньольв были раньше долгие годы друзьями. Брюньольв сказал:

– Ты не надейся, Бьёрн, отпраздновать здесь, у меня, свадьбу с Торой без разрешения Торира, ее брата. Здесь на нее будут смотреть так, как если бы она была моей дочерью и твоей сестрой.

А как Брюньольв скажет, так все и было в его доме, нравилось это Бьёрну или нет.

Брюньольв послал к Ториру людей и предложил ему помириться. Он предлагал Ториру выкуп за оскорбление, которое нанес ему Бьёрн. Торир ответил, что Брюньольв должен прислать Тору домой и что иначе примирения не будет. Но Бьёрн ни за что не хотел отпустить ее, хотя Брюньольв и настаивал на этом.

Так прошла зима, а весной Брюньольв и Бьёрн разговорились однажды о том, что они собираются делать. Брюньольв спросил Бьёрна, что он думает предпринять. Бьёрн ответил, что он, вероятнее всего, уедет из Норвегии.

– Больше всего мне было бы по душе, – сказал Бьёрн, – если бы ты дал мне боевой корабль и людей. Тогда я отправился бы в викингский поход.

– И не надейся, – сказал Брюньольв, – боевого корабля и людей я тебе не дам, потому что не знаю, не появишься ли ты с ними там, где я бы всего меньше хотел, чтобы ты появился. Ты уже и раньше наделал мне достаточно хлопот. Я дам тебе торговый корабль и товары, поезжай на юг, в Дублин. Много хорошего рассказывают о поездках туда. Ты получишь и хороших спутников.

Бьёрн сказал, что сделает так, как хочет Брюньольв. Тогда тот велел снарядить хороший торговый корабль и дал людей для этого плавания. Стал Бьёрн собираться в путь и собирался долго. А когда Бьёрн был готов и подул попутный ветер, он сел в лодку, взяв с собой одиннадцать человек. Они пошли на веслах в глубь фьорда, в Аурланд, а там явились в дом матери Бьёрна. Она сидела дома, и с ней много женщин. Там была и Тора. Бьёрн сказал, что Тора должна ехать с ним, и они увели ее, а мать Бьёрна сказала женщинам, чтобы они не смели упоминать об этом. Она сказала, что Брюньольв был бы очень недоволен, если бы он узнал об этом, и что тогда могла бы произойти большая ссора между отцом и сыном.

Одежду Торы и ее драгоценности сложили, и Бьёрн взял все это с собой. Потом они ночью поехали на свой корабль, тотчас же подняли парус и поплыли по Согнефьорду, а потом вышли в море. Им не было попутного ветра, и волны относили их, так что они долго блуждали в море, потому что твердо решили не возвращаться в Норвегию. Когда они, наконец, подошли с востока к Шетландским островам и при сильным ветре пытались пристать к острову Мосей, их корабль разбился. Тогда они сняли с корабля груз и отправились в город, который был невдалеке. Они перенесли туда все свои товары. Корабль они вытащили на берег и стали заделывать пробоины.

XXXIII

Незадолго до зимы к Шетландским островам пришел корабль с юга, с Оркнейских островов. Корабельщики рассказали, что осенью на острова пришли боевые корабли. На них были посланцы от конунга Харальда к ярлу Сигурду^[47]. Они сообщили, что конунг велел убить Бьёрна, сына Брюньольва, там, где его удалось бы схватить, и что такие же распоряжения были посланы на Гебридские острова и даже в Дублин. Эти вести дошли и до Бьёрна. Он узнал также, что конунг объявил его изгнанным из Норвегии.

Как только Бьёрн прибыл на Шетландские острова, он тотчас же справил свадьбу с Торой. Этой зимой они жили в Мосеярборге. Весной же, как только море стало спокойнее, Бьёрн спустил свой корабль на воду и стал поспешно собираться в путь. Когда же он был готов и подул попутный ветер, он вышел в море.

Был сильный ветер, и, пробыв в море недолгое время, они с юга подошли к Исландии. Ветер дул с моря на сушу, и они поплыли на запад вдоль берега, а затем вышли в открытое море. Когда ветер изменился, они повернули к земле. Ни один человек на их корабле не бывал раньше в Исландии. Они вошли в какой-то громадный фьорд и поплыли вдоль западного берега. Здесь ничего не было видно, кроме бурунов, разбивающихся о подводные скалы, и побережья без бухт.

Тогда они прямо пересекли фьорд и поплыли вдоль берега на восток, пока перед ними не открылся еще один фьорд, поменьше. Они углубились в этот фьорд и плыли до тех пор, пока все шхеры и прибой не остались позади. Тогда они подошли к одному мысу.

Перед мысом лежал островок, отделенный от него глубоким проливом. Здесь они встали на якорь. С западной стороны мыса в берег врезалась бухта, а там, где она кончалась, стоял большой двор.

Бьёрн сел в лодку, и с ним еще несколько человек. Он сказал своим спутникам, чтобы те были осторожны и не рассказывали об их путешествии ничего такого, отчего у них могли бы возникнуть затруднения. На берегу возле дома они встретили людей и завели с ними разговор. Сначала Бьёрн спросил, в какое место они попали. Люди ответили, что это Боргарфьорд, а двор называется Борг, хозяина же зовут Скаллаgrim. Бьёрн сразу вспомнил, кто это, и пошел к Скаллагриму.

Они разговорились, и Скаллаgrim спросил, кто они такие. Бьёрн назвал сам и назвал своего отца. Скаллаgrim хорошо знал его отца Брюньольва и предложил Бьёрну свою помощь во всем, в чем будет нужда. Бьёрн поблагодарил его. Тогда Скаллаgrim спросил, есть ли еще кто-нибудь на корабле из знатных людей. Бьёрн ответил, что там Тора, дочь Хроальда, сестра херсира Торира.

Скаллаgrim очень этому обрадовался и сказал, что его долг и право оказать, насколько это было в его силах, необходимую поддержку сестре Торира, своего побратима. Он пригласил их с Бьёрном и со всеми их спутниками к себе. Бьёрн принял приглашение.

Весь груз с корабля перенесли тогда наверх, на луг перед Боргом. Они поставили там свои палатки, а корабль ввели в устье ручья, протекающего возле двора. То место, где стояли палатки Бьёрна и его спутников, называется Бьёрнартёдур (Луг Бьёрна). Бьёрн и его спутники стали жить у Скаллагрима. При нем всегда было не меньше шести десятков крепких мужей.

XXXIV

Осенью в Исландию прибыли корабли из Норвегии, и тогда прошел слух о том, что Бьёрн бежал с Торой и увез ее против воли ее родичей, а конунг объявил его за это изгнанным из Норвегии. Когда этот слух

дошел до Скаллагрима, он позвал к себе Бьёрна и спросил, как было дело с его женитьбой и дали ли на нее согласие родичи Торы.

– Я не ждал, – сказал Скаллагрим, – что не узнаю правды от тебя, сына Брюньольва.

Бьёрн ответил:

– Я тебе, Грим, говорил одну только правду, и ты не должен корить меня за то, что я сказал тебе не больше, чем ты спрашивал. То, что ты сейчас узнал, – правда: Торир, брат Торы, не дал согласие на нашу свадьбу.

Тогда Скаллагрим сказал в большом гневе:

– Когда же у тебя хватило дерзости приехать ко мне? Разве ты не знал, какая дружба была у нас с Ториром?

Бьёрн ответил:

– Знал я, что вы побратимы и близкие друзья. А пришел я в твой дом потому, что нас здесь прибило к берегу, и я знал, что было бы бесполезно скрываться от тебя. Теперь моя судьба в твоей власти, но я жду от тебя милостивого решения, потому что теперь я твой домочадец.

Потом вышел вперед Торольв, сын Скаллагрима, и долго просил своего отца, чтобы тот не винил Бьёрна, если уж он принял его в свой дом. Об этом же просили и многие другие. Наконец, Скаллагрим смягчился и уступил Торольву.

– Пусть Бьёрн будет твоим гостем, – сказал он, – и будь с ним так ласков, как тебе хочется.

XXXV

Летом Тора родила ребенка. Это была девочка. Ее окропили водой и назвали Асгерд. Бера дала женщину, чтобы та ходила за девочкой.

Бьёрн и его спутники провели зиму у Скаллагрима. Торольв был очень привязан к Бьёрну, и они постоянно бывали вместе. А когда пришла весна, Торольв однажды заговорил со своим отцом и спросил, что тот собирается делать с Бьёрном, своим зимним гостем, и какую помощь он собирается ему оказать. Скаллагрим спросил Торольва, что он сам об этом думает.

– Я думаю, – говорит Торольв, – что Бьёрн охотнее всего поехал бы в Норвегию, если бы он мог там жить в мире. По-моему, отец, лучше всего поступить так: пошли людей в Норвегию и через них предложи Ториру мировую с Бьёрном. Твои слова будут много значить для Торира.

Торольв сумел убедить Скаллагрима, и тот согласился и послал людей в Норвегию. Поехали те люди с поручением Скаллагрима и его верительными знаками к Ториру, сыну Хроальда, и добивались примирения между ним и Бьёрном. А когда об этом узнал Брюньольв, отец Бьёрна, он приложил все старания к тому, чтобы добиться этого

примирения. Кончилось дело тем, что Торир согласился примириться с Бьёрном, потому что он видел, что теперь тому уже нечего было опасаться. Тогда Брюньольв заключил за Бьёрна мировую.

Посланцы Скаллагрима жили этой зимой у Торира, а Бьёрн оставался у Скаллагрима. Летом посланцы поехали обратно, а осенью, вернувшись в Исландию, они привезли с собой известие о том, что Бьёрн получил право вернуться в Норвегию. Бьёрн провел у Скаллагрима третью зиму, а весной стал готовиться к отъезду, и вместе с ним его спутники, приехавшие с ним в Исландию. Когда же Бьёрн собрался в путь, Бера сказала, что хочет оставить у себя Асгерд, свою воспитанницу. Бьёрн и Тора согласились, и девочка осталась у Скаллагрима и воспитывалась здесь. Бьёрн оставил Скаллагриму и Бере богатые подарки.

Торольв, сын Скаллагрима, собрался в путь вместе с Бьёрном, и Скаллагрим дал ему средства на дорогу. Летом он отправился с Бьёрном. Плавание было удачным, и они подошли к Согисфьорду. Бьёрн направился в Согн, домой, к своему отцу. Торольв поехал вместе с ним. Брюньольв принял их с большой радостью.

Потом они дали знать о том, что приехали, Ториру, сыну Хроальда. Торир и Брюньольв договорились о встрече. Бьёрн также поехал на их встречу. Они заключили с Ториром мир, и после этого Торир выдал то имущество, которое принадлежало Торе, а у Торира с Бьёрном завязалась дружба, как у родичей.

Бьёрн жил тогда в Аурланде в вотчине Брюньольва, и Торольв жил там с ними в большом почете.

XXXVI

Конунг Харальд подолгу живал в Хёрдаланде или Рогаланде в принадлежавших ему поместьях – Утстейне, Эгвальденесе, Фитьяре, Альрекстадире, Люгре, Сехейме. В ту же зиму, о которой идет речь, конунг был на севере страны.

Бьёрн же и Торольв, после того как они провели в Норвегии зиму, весной снарядили корабли и набрали на них людей. Летом они отправились в викингский поход в восточные земли, а осенью вернулись с богатой добычей. Вернувшись, они узнали, что конунг Харальд в Рогаланде и собирается остаться там на зиму.

В то время конунг Харальд уже сильно состарился, а многие его сыновья были совсем взрослые. Его сын Эйрик, которого прозвали Кровавая Секира^[48], был тогда в молодых годах. Он воспитывался у херсира Торира^[49], сына Хроальда. Конунг любил Эйрика больше всех своих сыновей. Он был тогда очень расположен к Ториру.

Вернувшись в Норвегию, Бьёрн и Торольв сначала поехали в Аурланд, а потом пустились в путь на север, в Фирдир, чтобы навестить

херсира Торира. У них был небольшой быстроходный корабль на двенадцать или тринадцать гребцов, и на нем около трех десятков человек. Они захватили этот корабль летом в викингском походе. Он был ярко покрашен выше воды и очень красив. У Торира их встретили хорошо, и они прожили там некоторое время. Корабль же их, с разбитым на нем шатром, стоял у причала перед двором.

Однажды Торольв и Бьёрн спустились к фьорду, где стоял корабль. Они увидели, что Эйрик, сын конунга, был там и то заходил на корабль, то возвращался на берег и стоял там, и разглядывал корабль. Тогда Бьёрн сказал Торольву:

– Сын конунга восхищается кораблем. Ты предложи ему принять этот корабль в подарок, потому что я знаю, что нам очень поможет, если Эйрик станет нашим заступником перед конунгом. Слыхал я такие толки, будто конунг зол на тебя из-за твоего отца.

Торольв ответил, что это добрый совет. Потом они подошли к кораблю, и Торольв сказал:

– Ты внимательно рассматриваешь корабль, сын конунга. Ну как, нравится он тебе?

– Очень нравится, – говорит Эйрик, – это очень красивый корабль.

– Так я подарю тебе этот корабль, – говорит Торольв, – если ты пожелаешь его принять.

– Я приму его, – отвечает Эйрик. – Тебе, может быть, покажется, что награда невелика, если я пообещаю тебе свою дружбу, но ведь ты можешь надеяться на хорошую награду в будущем, если я буду жив.

Торольв отвечает, что эта награда для него ценнее корабля. После этого они расстались, и с тех пор сын конунга был очень расположен к Торольву.

Бьёрн и Торольв завели разговор с Ториром и спросили его, правда ли это, что конунг зол на Торольва. Торир не стал скрывать, что он слышал об этом.

– Тогда я хотел бы, – сказал Бьёрн, – чтобы ты поехал к конунгу и заступился бы за Торольва. Пусть нас с Торольвом постигнет одна судьба. Ведь он заступился за меня, когда я был в Исландии.

Торир обещал поехать к конунгу и просил их постараться узнать, не поедет ли Эйрик, сын конунга, вместе с ним. Тогда Торольв и Бьёрн заговорили об этом с Эйриком, и тот обещал свое заступничество перед отцом.

После этого Торольв и Бьёрн поехали своим путем в Согн, а Торир и Эйрик, сын конунга, снарядили корабль, недавно подаренный Торольвом, и поплыли на юг, к конунгу. Они застали конунга в Хёрдаланде.

Он принял их радушно. Они прожили там некоторое время, дожидаясь, когда конунг будет в хорошем расположении духа. Наконец они изложили конунгу свое дело и сказали, что в Норвегию приехал человек по имени Торольв, сын Скаллагрима. Торир сказал:

– Мы хотим просить тебя, конунг, чтобы ты вспомнил, что хорошего сделали для тебя его родичи, и не заставлял бы его расплачиваться за то, что сделал его отец, мстя за брата.

Торир говорил очень вкрадчиво, но конунг отвечал ему сухо и сказал, что Квельдульв и его сын причинили ему много вреда и что Торольв, наверно, похож нравом на своих родичей.

– Все они так заносчивы, – сказал он, – что не знают меры и не думают, с кем они хотят тягаться.

Потом заговорил Эйрик и сказал, что Торольв поступил с ним как друг и дал ему замечательное сокровище – тот корабль, который у них был с собой.

– Я обещал ему свою полную дружбу. Немногие захотят быть моими друзьями, если им от этого не будет никакой пользы. Ты не допустишь, отец, чтобы был наказан человек, который первым дал мне такую ценную вещь.

В конце концов конунг обещал им, что он не тронет Торольва. Он продолжал:

– Но я не хочу, чтобы Торольв являлся ко мне. А ты, Эйрик, можешь его любить сколько тебе угодно, так же как и других его родичей. Возможно, что они будут с тобой более покладистыми, чем со мной, или же ты раскаешься в своей просьбе, а также и в том, что долго имел с ними дело.

Потом Эйрик Кровавая Секира и Торир поехали домой в Фирдир и послали сказать Торольву, чего они достигли у конунга. Торольв и Бьёрн провели эту зиму у Брюньольва. Не одно лето ходили они в викингские походы. Зимой же они жили у Брюньольва или иногда у Торира.

XXXVII

Эйрик Кровавая Секира стал участвовать в управлении страной. Он должен был объезжать Хёрдаланд и Фирдир. Была у него теперь с собой и дружина. Однажды весной Эйрик Кровавая Секира собрался в поход в Бьярмаланд^[50] и тщательно отобрал войско для этого похода.

Торольв должен был отправиться с Эйриком. Он стоял на носу его корабля и держал его знамя. Торольв превосходил всех ростом и силой и в этом был похож на своего отца. Во время этого похода произошло много событий. В Бьярмаланде была большая битва у реки Двины. Эйрик одержал здесь победу, как об этом рассказывается в песнях, сложенных в его честь. Во время этого же похода Эйрик взял в жены Гуннхильд, дочь Ацура Тоти, и привез ее домой. Гуннхильд была очень красива и умна и умела колдовать^[51]. Она и Торольв были большими друзьями. Торольв тогда постоянно проводил зимы у конунга Эйрика, а летом ходил в викингские походы.

Вскоре случилось, что Тора, жена Бьёрна, заболела и умерла. А немного позже Бьёрн взял себе другую жену. Ее звали Алов, она была дочь Эрлинга Богатого с острова Остр. У них родилась дочь, и ее называли Гуннхильд.

Жил человек по имени Торгейр Шип-Нога. Он жил в Хёрдаланде, на острове Фенхринг. Двор его назывался Аск. У него было три сына. Одного звали Хёдд, другого Берг-Энунд, а третьего Атли Короткий. Берг-Энунд отличался высоким ростом и большой силой. Это был человек заносчивый и честолюбивый. Атли Короткий был невысокого роста, коренастый и очень сильный. Торгейр был очень богат. Он был усердный почитатель богов, а также занимался колдовством. Хёдд ходил в викингские походы и редко бывал дома.

XXXVIII

Однажды летом Торольв, сын Скаллагрима, собрался в торговую поездку. Задумал он тогда поехать в Исландию и навестить своего отца, потому что он давно уже не бывал дома. Он успел собрать огромное богатство, и у него было множество драгоценных вещей. А перед тем, как отправиться в путь, он заехал к конунгу Эйрику. При расставании конунг дал Торольву секиру и сказал, что хочет послать ее в подарок Скаллагриму. У нее были загнутые углы, и она была большая и украшенная золотом, а ее рукоятка была выложена серебром. Это была очень ценная вещь.

Торольв отправился в путь, как только был готов, и поездка прошла удачно. Он достиг на своем корабле Боргарфьорда и сразу же поспешил домой к отцу. Они были очень рады друг другу, когда увиделись. Затем Скаллагрим отправился к кораблю Торольва и велел втащить корабль на берег. Торольв пошел домой в Борг, и с ним одиннадцать человек. Дома он передал Скаллагриму привет от конунга Эйрика и вручил секиру, которую конунг послал ему. Скаллагрим взял секиру, поднял ее, разглядывал некоторое время, но ничего не сказал и повесил около своего места.

Однажды осенью Скаллагрим велел пригнать на двор в Бorge много быков, которых он предназначал на убой. Он приказал подвести одновременно двух быков под стену дома и поставить друг против друга так, чтобы их головы и шеи были рядом. Затем он взял большую каменную плиту, положил ее снизу под бычьи шеи, размахнулся секирой, подаренной конунгом, и ударил ею по обоим быкам сразу, так что отсек им головы. А секира с такой силой ударилась о камень, что лезвие сломалось и сталь покрылась зазубринами. Скаллагрим посмотрел на лезвие и ничего не сказал. Потом он вошел в дом, встал на лавку и засунул секиру за балку над дверью. Там она и оставалась всю зиму.

А весной Торольв объявил, что летом он думает уехать. Скаллаgrim пробовал удержать его и говорил:

– Хорошо, что ты вернулся домой цел и невредим, хотя и совершил немало славных поездок, но ведь недаром говорят, что всяко приходится тому, кто много странствует. Возьми себе здесь сколько надо добра, чтобы тебя считали человеком с весом и влиянием.

Торольв сказал, что он хочет поехать еще один раз, и добавил:

– Сейчас у меня есть важное дело, но когда я вернусь, то останусь жить здесь. Со мной должна поехать к своему отцу Асгерд, твоя воспитанница. Он просил меня об этом, когда я уезжал из Норвегии.

Скаллаgrim сказал:

– Поступай как знаешь, но я предчувствую, что если мы теперь расстанемся, то больше нам уже не видеться.

Потом Торольв отправился на свой корабль и стал снаряжать его в путь. А когда Торольв был совсем готов, они переправили корабль к мысу Дигранес, и он стоял там до попутного ветра. Асгерд отправилась на корабль вместе с Торольвом. Перед отъездом Торольва из Борга Скаллаgrim снял с наддверной балки секиру – подарок конунга – и вышел с ней из дому. Рукоятка секиры почернела от копоти, а сама она заржавела. Скаллаgrim посмотрел на лезвие секиры, дал ее Торольву и сказал вису:

Как зазубрин много
На секире грозной!
Лжив подарок ржавый.
Что с ним делать в сече!

Возврати оружие
С черной рукоятью.
Этот дар владыки
Здесь совсем не нужен.

XXXIX

Раньше, когда Торольв еще не вернулся в Исландию, случилось, что однажды летом в Боргарфьорд пришел торговый корабль из Норвегии. В то время торговые корабли причаливали в самых различных местах – в реках, устьях ручьев или в протоках. Владельцем корабля был человек по имени Кетиль, которого прозвали Кетиль Соня. Он был норвежец и человек знатный и богатый. Его сына звали Гейр. Он был тогда уже взрослым и приехал вместе с отцом. Кетиль задумал поселиться в Исландии. Он приехал в конце лета. Скаллаgrim знал, кто такой Кетиль, и предложил ему со спутниками остановиться на зиму в Борге. Кетиль принял его предложение и провел зиму у Скаллагрима.

Этой же зимой Гейр, сын Кетиля, посватался за Торунн, дочь Скаллагрима, и было решено отпраздновать свадьбу. Гейр женился на Торунн, а позже, весной, Скаллагрим дал Кетилю земли по реке Хвите выше земель Олейва. Владения Кетиля шли по реке Хвите от устья реки Флокадальсы (Река Долины Флоки) до устья реки Рейкьядальсы (Река Долины Дымов), а также занимали всю полосу между этими реками до ущелья Раудсгиль (Ущелье Рауда) и всю долину Флокадаль до склонов гор. Кетиль жил в Трандархольте (Роща Транда), а Гейр в Гейрсхлиде (Склон Гейра). У Гейра был еще один двор в долине Рейкьядаль, у верхних горячих источников. Его прозвали Гейр Богатый. Сыновьями его были Кетиль Дрема, Торгейр Соня и Торродд Соня из Хрисара (Заросли). Торродд был первым, кто жил в Хрисаре.

XL

Скаллагрим был большой охотник до состязаний в силе и игр. Он был не прочь и поговорить о них. Тогда любили игру в мяч^[52]. В те времена в округе было много силачей, но все же никто не мог сравниться со Скаллагримом, хотя он был уже довольно пожилым.

Сына Грани из Гранастадира звали Тордом. Он был молод, и от него многого ожидали в будущем. К нему был очень привязан Эгиль, сын Скаллагрима. Эгиль был силен в борьбе. Он был очень вспыльчив и горяч, и все наказывали своим сыновьям уступать ему в спорах.

Как-то в начале зимы была многолюдная игра в мяч на поле у реки Хвиты. Сюда собрались люди со всей округи. Поехали на игру и многие домочадцы Скаллагрима. Первым среди них считался Торд, сын Грани. Эгиль попросил Торда взять его с собой. Ему было тогда семь лет. Торд согласился и посадил Эгиля на лошадь, у себя за спиной.

Когда они приехали на место, там уже расставляли людей для игры. Собралось также много мальчишек, и они устроили себе игру отдельно. Когда они расставили играющих, Эгиль пришлось играть против мальчика по имени Грим, сына Хегга из Хеггстадира (Двор Хегга). Гриму было лет десять-одиннадцать, и он был силен по своему возрасту. Во время игры Эгиль оказался слабее его, а Грим к тому же старался, как только мог, показать, насколько он сильнее. Тогда Эгиль рассердился, поднял биту и пытался ударить Грима. Но Грим схватил его и с размаху швырнул на землю. Он крепко поколотил Эгиля и сказал, что задаст ему еще крепче, если тот не научится вести себя как следует.

Когда Эгиль встал на ноги, он вышел из игры, мальчики же кричали и насмехались над ним. Эгиль пошел к Торду, сыну Грани, и рассказал ему, что произошло. Торд сказал:

– Я пойду с тобой, и мы отомстим ему.

Торд дал ему топор, который держал в руках. Этим оружием в то время охотно пользовались. Они пошли туда, где играли мальчики. Грим тогда держал мяч, и вот он кинул его, а другие мальчики бросились за мячом. Эгиль подбежал к Гриму и всадил ему топор глубоко в голову. Затем Эгиль и Торд ушли к своим.

Люди с Болот бросились к оружию, так же как и противная сторона. Олейв Рукоятка прибежал со своими спутниками к людям из Борга. Их было гораздо больше, чем противников, и поэтому все разошлись. Отсюда и пошли раздоры между Олейвом и Хеггом. Позже они бились на лугу Лаксфит (Лососий Луг) у реки Гримсы. Там было убито семь человек, и Хегга ранили насмерть, а Квига, его брата, убили.

Когда Эгиль вернулся домой, Скаллаgrim был им не очень доволен, а Бера сказала, что из Эгиля выйдет викинг и что, когда он подрастет, ему надо будет дать боевой корабль. Эгиль сказал вису:

Мать моя сказала:

Ты корабль получишь,

С викингами вместе

Уплывешь далеко.

К берегу направишь

Дорогой корабль свой,

Будешь смело в сечах

Наносить удары.

Когда Эгилю исполнилось двенадцать лет, он был таким рослым и сильным, что в играх мало кто мог победить его. В ту зиму, когда ему минуло двенадцать, он много участвовал в играх. Торду, сыну Грани, в то время было двадцать лет. Он был очень силен. В конце зимы часто случалось, что Эгиль и Торд играли вдвоем против Скаллагрима.

Однажды шла игра в мяч в Сандвике (Песчаная Бухта), южнее Борга. Эгиль с Тордом играли против Скаллагрима, и Скаллаgrim устал, потому что им было легче играть, чем ему.

Вечером же, после захода солнца, дело пошло у Эгиля с Тордом хуже. Скаллаgrim сделался таким сильным^[53], что поднял Торда и так швырнул его оземь, что переломал у него все члены, и тот сразу же умер. После этого Скаллаgrim схватил Эгиля.

Одну из служанок Скаллагрима звали Торгерд Брак. Она ходила за Эгилем, когда тот был ребенком. Она была рослая и сильная, как мужчина, и умела колдовать. Торгерд сказала:

– Озверел ты, Скаллаgrim, на собственного сына бросаешься!

Тогда Скаллаgrim отпустил Эгиля и бросился на нее. Она увернулась и убежала, а Скаллаgrim – за ней. Так они выбежали на мыс Дигранес, и она прыгнула со скалы в пролив. Скаллаgrim бросил ей вслед большой камень и попал ей между лопаток. После этого она

больше не выплыла. Этот пролив теперь называют Бракарсунд (Пролив Брак).

А вечером, когда они вернулись в Борг, Эгиль был вне себя от гнева. Когда Скаллаgrim и все люди сели за столы, Эгиль не занял своего места. Он вошел в дом и подошел к тому человеку, который был у Скаллагрима надзирателем над работами и казначеем и которого тот очень любил. Эгиль нанес ему смертельную рану, а затем пошел и сел на свое место. Скаллаgrim не сказал на это ни слова, и все было спокойно, но отец с сыном больше не разговаривали, ни дружески, ни враждебно. Так прошла эта зима.

А на следующее лето приехал Торольв, о чем рассказывалось раньше. Он провел в Исландии зиму, а весной стал в Бракарсунде снаряжать свой корабль в путь. Когда он был готов, Эгиль пришел однажды к отцу и попросил его дать ему снаряжение на дорогу.

– Я хочу, – сказал он, – уехать из дома с Торольвом.

Скаллаgrim спросил, говорил ли он о своем желании с братом. Эгиль ответил, что нет. Тогда Скаллаgrim велел ему прежде всего сделать это. Но когда Эгиль заговорил об этом с Торольвом, тот сказал:

– Не жди, что я возьму тебя с собой. Если отец не может справиться с тобой в своем собственном доме, то как же я повезу тебя в чужие страны? Ведь там тебе не сойдет с рук то, что сходит здесь.

– Тогда может случиться, – сказал Эгиль, – что ни один из нас не уедет.

На следующую ночь поднялся бешеный ветер с юго-запада. И в ночной темноте во время прилива Эгиль поднялся на корабль и вышел за шатры к другому борту. Он разрубил канаты, укрепленные на внешнем борту корабля, потом быстро сошел по сходням, толкнул их и обрубил канаты, которые были укреплены на берегу. Корабль понесло в глубь фьорда. Как только Торольв и его люди заметили, что корабль уносит, они бросились в лодку, но ветер все крепчал, и им ничего не удалось сделать. Корабль понесло в бухту Андакиль и там выбросило на прибрежный песок. Эгиль же вернулся домой в Борг.

Когда Торольв и его спутники узнали, что все это дело рук Эгиля, большинство стало укорять его. Он ответил, что не замедлит причинить Торольву еще больше вреда и ущерба, если Торольв не захочет взять его с собой. Тогда люди стали мирить братьев, и в конце концов Торольв уступил Эгилю, и летом они вместе уехали.

Как только Торольв взошел на корабль, он взял секиру, которую Скаллаgrim дал ему при отъезде, и бросил ее за борт в морскую глубину, так что ее больше никогда не видели.

Летом Торольв был в пути. Его путешествие по морю было благополучным, и они приехали в Хердаланд. Торольв сразу же направился на север – в Согн, а там за зиму случилось, что Брюньольв умер от болезни, а его сыновья разделили наследство.

Торд получил Аурланд, тот двор, где жил их отец. Он пошел на службу к конунгу и стал лендрманном. Дочь Торда звали Раннвейг, а ее сыновей – Торд и Хельги. Этот Торд был отцом Раннвейг, матери Ингирид, на которой женился конунг Олав. Сына Хельги звали Брюньольв, а детей Брюньольва – Серк из Согна и Свейн.

ХLI

Бьёрну досталась другая усадьба Брюньольва, хорошая и богатая. Он не стал служить конунгу. Поэтому его прозвали Бьёрн Свободный. Он был человек богатый и влиятельный.

Приехав в Норвегию, Торольв отправился к Бьёрну и привез ему его дочь Асгерд. Тут была радостная встреча. Асгерд была очень красивая и разумная девушка, а к тому же большая искусница.

Затем Торольв поехал к конунгу Эйрику и при встрече передал ему привет от Скаллагрима и сказал, что тот с благодарностью принял подарок, посланный ему конунгом. Торольв поднес конунгу хороший парус для военного корабля, сказав, что это подарок от Скаллагрима. Конунг Эйрик был доволен подарком и предложил Торольву остаться у него на зиму. Торольв поблагодарил за предложение и сказал:

– Сначала я поеду к Ториру. У меня к нему важное дело.

После этого Торольв отправился к Ториру, как он и сказал, и встретил там самый радушный прием. Торир предложил ему остаться у него, и Торольв ответил, что принимает предложение. Он добавил:

– Со мной приехал человек, который должен жить там же, где и я. Это мой брат, который раньше никогда не уезжал из дому, так что мне надо позаботиться о нем.

Торир ответил, что если Торольв хочет, он может оставить при себе еще и других людей.

– Я думаю, – сказал Торир, – что твой брат будет украшением нашей дружины, если он хоть немного похож на тебя.

После этого Торольв отправился к своему кораблю и велел вытащить его на берег и огородить на зиму. Сам он с Эгилем отправился к херсиру Ториру. У Торира был сын по имени Аринбьёрн. Он был немного старше Эгиля. Аринбьёрн рано стал рослым, крепким и во всем искусным. Эгиль подружился с Аринбьёрном и постоянно сопровождал его.

А между братьями дружбы не было.

ХLII

Торольв, сын Скаллагрима, спросил Торира, что бы он сказал, если бы Торольв посватался к его племяннице Асгерд. Торир ответил

одобрительно и сказал, что поддержит Торольва в его сватовстве. После этого Торольв поехал в Согн и взял с собой провожатых. Он прибыл к Бьёрну и встретил там радушный прием. Бьёрн предложил ему оставаться у него, сколько Торольв пожелает.

Вскоре Торольв сказал Бьёрну о своем деле. Он просил в жены Асгерд, дочь Бьёрна. Бьёрн принял сватовство благожелательно, и с ним легко было договориться. Они решили устроить помолвку и условились о дне свадьбы. Свадебный пир должен был быть осенью у Бьёрна.

После этого Торольв вернулся к Ториру и рассказал ему, как прошла поездка. Торири был доволен, что Торольв женится на Асгерд.

Когда настало время ехать на свадебный пир, Торольв стал приглашать с собой гостей. Первыми он пригласил Торира и Аринбьёрна, а потом их домочадцев и влиятельных бондов. Собралось в путь много знатных людей. Но когда в назначенный день Торольв должен был выехать из дому и пришли дружки жениха, Эгиль заболел и не смог поехать со всеми.

У Торольва был большой, хорошо оснащенный боевой корабль, и они двинулись в путь.

XLIII

Жил человек по имени Альвир. Он был домочадцем Торира и управлял его хозяйством. Альвир был также его казначеем и собирал долги. Он был человек пожилой, но еще очень бодрый. Вышло так, что Альвир собрался ехать за долгами, которые не были уплачены весной. Он велел снарядить гребную лодку и взял с собой двенадцать домочадцев Торира. В это время Эгиль уже начал поправляться и встал с постели. Ему было скучно оставаться дома, когда все уехали, и он сказал Альвиру, что хотел бы поехать с ним. Альвир решил, что хороший спутник не будет лишним, потому что места в лодке было достаточно. И вот Эгиль поехал с Альвиром, взяв с собой свое оружие – меч, копье и щит. Они отплыли, как только были готовы.

В дороге их застигла буря, затянувшаяся надолго. Сильный ветер мешал им, но они налегли на весла и продолжали свой путь. Лодка была полна воды. Вечером они подошли к острову Атлей и там причалили к берегу. На этом острове неподалеку был большой двор, принадлежавший конунгу Эйрику. Им управлял человек по имени Бард. Его звали Бард с Атлея. Он хорошо исполнял свою должность и был очень трудолюбив. Бард происходил из незнатного рода, но пользовался расположением конунга Эйрика и его жены Гуннхильд.

Альвир с товарищами вытащили лодку на берег, а потом пошли ко двору. Придя к Барду, они рассказали ему о своей поездке и попросились на ночлег. Бард видел, что они сильно вымокли, и

проводил их к одному дому, стоявшему в стороне. Он велел развести для них большой огонь, и они смогли высушить свою одежду. А когда они ее снова надели, Бард вошел к ним и сказал:

– Теперь мы поскорее дадим вам поесть. Я знаю, что вас клонит ко сну. Вы ведь крепко потрудились в бурю и сильно устали.

Альвиру слова Барда очень понравились. Тут принесли столы, подали горячую пищу, хлеб и масло и поставили большие деревянные миски с кислым молоком. Бард сказал:

– Очень жаль, что нет браги, и я не могу угостить вас так, как хотел бы. Угощайтесь тем, что есть.

Альвиру и его спутникам очень хотелось пить, и они пили кислое молоко. Потом Бард велел принести сыворотки, и они стали ее пить.

– Я охотно угостил бы вас лучшим напитком, – сказал Бард, – если бы он у меня был.

Соломы там хватало, и Бард предложил им лечь спать.

XLIV

В тот самый вечер на остров Атлей прибыли конунг Эйрик с Гуннхильд. Бард приготовил для них пир. Там должно было быть жертвоприношение дисам^[54] и шел пир горой. Конунг спросил:

– Где же Бард? Я не вижу его.

Один человек ответил ему:

– Бард вышел, чтобы позаботиться о своих гостях.

– Что же это за гости, – говорит конунг, – если Бард предпочитает быть с ними, чем здесь, при нас?

Тот же самый человек отвечает конунгу, что приехали домочадцы херсира Торира. Тогда конунг говорит:

– Пойди за ними поскорей и позови их сюда.

Тот так и сделал, сказав, что конунг хочет их видеть. А когда они пришли, конунг встретил Альвира приветливо и предложил ему почетное место, а спутникам его – места подальше. Они все сели. Эгиль сидел рядом с Альвиром. Им принесли браги. Все много раз пили, поминая умерших, и каждый раз нужно было осушать рог до дна. К концу вечера многие спутники Альвира уже не держались на ногах. Некоторых рвало в доме, а некоторые выбирались за дверь. Но Бард продолжал подносить им.

Тогда Эгиль взял рог, который Бард поднес Альвиру, и выпил его. Бард сказал, что, наверно, у Эгиля сильная жажда, и поднес ему тотчас же полный рог. Эгиль принял рог и сказал вису:

Ты сказал мне, воин:

«Браги нету в доме»,

Что ж тогда вы дисам

В жертву приносили?!

Бард, тебя за это
Назову лукавым.
Но проделку злую
Скрыл ты неумело.

Тогда Бард сказал, чтобы Эгиль пил и бросил свои насмешки.

Эгиль осушал всякий рог, который ему подавали. Он выпивал также и то, что подавали Альвиру.

Тогда Бард пошел к жене конунга и сказал ей, что там сидит человек, который их позорит: сколько бы он ни пил, он все говорит, что не напился. Гуннхильд и Бард смешали тогда яд с брагой и внесли этот напиток. Бард осенил его знаменiem Тора и дал служанке, разносившей брагу. Она поднесла рог Эгилю и предложила ему выпить.

Но Эгиль взял нож и воткнул себе в ладонь. Потом он принял рог, вырезал на нем руны^[55] и окрасил их своей кровью. Он сказал:

Руны на роге режу,
Кровь их моя окрасит.
Рунами каждое слово
Врезано будет крепко.

Брагу девы веселой
Выпью, коль захочу я,
Только на пользу ль будет
Брага, что Бард мне налил?

Рог разлетелся на куски, а напиток пролился на солому.

Альвир уже совсем опьянел, и тогда Эгиль встал и повел его к дверям, а руку держал на мече. Возле двери к ним подошел Бард и предложил Альвиру выпить на прощанье. Эгиль взял рог вместо Альвира, выпил его и сказал вису:

Альвир от браги бледен,
Дай мне рог – я выпью, —
Ливнем она из рога
Сквозь усы прольется.

Ты беды не чуешь,
Ливень мечей зовущий!^[56]
Слушай вису скальда —
Одина ливень^[57] шумный.

Затем Эгиль бросил рог, схватил меч и обнажил его. В сенях было темно. Он пронзил Барда мечом, так что конец меча торчал из спины. Бард упал замертво, и из раны хлынула кровь. Упал и Альвир, и его стало рвать.

Эгиль же выскочил из дома. Снаружи было совершенно темно – луны не было. Эгиль бросился бежать.

А в доме люди увидели, что Бард и Альвир упали и остались лежать. Конунг подошел к ним и велел поднести свет. Тогда все увидели, что произошло: Альвир лежал без памяти, а Бард был убит, и весь пол был залит его кровью. Тогда конунг спросил, где тот высокий человек, который пил в этот вечер больше всех. Люди сказали, что он вышел.

– Разыщите его, – говорит конунг, – и приведите ко мне.

Начали разыскивать Эгиля по всей усадьбе, но его нигде не было. Тогда люди конунга пошли в дом, где расположились люди Альвира, и спросили, не приходил ли туда Эгиль. Там лежали многие из них. Они ответили, что он прибежал, взял свое оружие и вышел. Об этом сказали конунгу, и тот велел поскорее занять все лодки, которые были на острове.

– Завтра, как только рассветет, – сказал он, – мы обыщем весь остров и уьем этого человека.

XLV

Эгиль шел в ночной темноте, пробираясь туда, где стояли суда. Но где он ни выходил на берег, везде были люди. Он бродил всю ночь и не достал лодки. На рассвете он оказался на каком-то мысу и увидел перед собой другой остров, отделенный очень широким проливом от этого мыса.

Тогда Эгиль снял шлем и меч и отломил наконечник копья от древка. Древко он бросил в море, а оружие завернул в плащ, сделал узел и привязал его себе за спину. Потом он бросился в воду и плыл, пока не добрался до острова. Этот остров называется Саудей. Он невелик и весь порос кустарником. Здесь пасся скот – коровы и овцы – с острова Атлей. Выйдя на берег, Эгиль выжал свою одежду. Было уже светло, и солнце взошло.

На рассвете конунг Эйрик велел обыскать остров Атлей. Дело шло медленно, потому что остров был велик. Эгиля на нем не нашли. Сели тогда на лодки и отправились разыскивать его на других островах. Под вечер двенадцать человек причалили к острову Саудей, чтобы поискать там Эгиля. А ведь вблизи было много других островов.

Эгиль увидел лодку, когда та подходила к острову. Девять человек сошли на берег и разделились для поисков. А Эгиль спрятался в кустах еще до того, как лодка причалила к берегу. Те, которые высадились на остров, отправились на поиски по трое, а три человека остались охранять лодку.

И вот, когда холм заслонил лодку от разыскивавших Эгиля, он встал и подошел к лодке. Те, которые охраняли лодку, заметили его только

тогда, когда он подошел к ним совсем близко. Одного из них Эгиль поразил мечом насмерть, второй бросился бежать и стал карабкаться по склону, но Эгиль взмахнул мечом и отсекал ему ногу. Третий же взобрался на лодку и стал багром отталкиваться от берега. Тогда Эгиль за канат притянул лодку к себе и вскочил в нее. После короткой схватки Эгиль убил человека конунга и сбросил его за борт. Он взялся за весла и поплыл прочь от острова. Он греб всю ночь и следующий день, не останавливаясь, пока не приехал к херсиру Ториру.

Альвира и его спутников конунг отпустил с миром. А те люди, которые остались на острове Саудей, провели там много ночей, и убивали скот себе на пищу, и разводили костры. Они подбрасывали в огонь сучья и разжигали такое большое пламя, чтобы его можно было заметить у них дома. Когда их костер увидели на острове Атлей, за ними приехали. Конунга в это время уже не было на острове. Он отправился на другой пир.

Альвир и его спутники приехали домой раньше Эгиля. Торир с Торольвом тогда только что вернулись домой со свадьбы. Альвир рассказал обо всех событиях – об убийстве Барда и о том, как это все произошло. Но он не знал, что случилось с Эгилем. Торольв был очень опечален, и также Аринбьёрн. Они думали, что Эгиль уже не вернется.

А на следующее утро Эгиль приехал. Когда Торольв узнал об этом, он встал со своего места, подошел к Эгилю и спросил его, как он спасся и что с ним случилось. Тогда Эгиль сказал вису:

С конунгом норвежским
Мне пришлось расстаться.
Не хвалясь, скажу я,
Что едва ли Эйрик

Трех, ему служивших,
Вновь увидеть сможет.
Не вернутся трое
Из чертогов смерти.

Аринбьёрну подвиги Эгиля пришлись по душе. Он сказал, что его отец должен помирить Эгиля с конунгом. Торир тогда отвечает:

– Люди, правда, скажут, что Барда стоило убить. Все же Эгиль, как и его родичи, слишком мало остерегается гнева конунга. А большинству людей от его гнева приходится нелегко. Но на этот раз я попытаюсь добиться для Эгиля мировой.

И Торир отправился к конунгу, Аринбьёрн же остался дома и сказал, что пусть их всех постигнет одна судьба.

Приехав к конунгу, Торир просил его взять виру и согласиться на мировую с Эгилем. Торир предлагал, что он сам будет поручителем за Эгиля и чтобы конунг был судьей в этом деле. Конунг Эйрик был в сильном гневе, и добиться чего-либо от него было трудно. Он сказал,

что оправдываются слова его отца, который предупреждал, что нельзя доверять этому роду. Затем конунг сказал Ториру:

– Пусть Эгиль не живет больше в моем государстве, если я даже пойду на мировую с ним. Только ради тебя, Торир, я возьму виру за убитых Эгилем.

Конунг назначил виру. Торир все выплатил и поехал домой.

XLVI

Торольв и Эгиль жили у Торира в большом почете. А весной братья снарядили большой боевой корабль, набрали на него людей и отправились воевать в восточные земли. Они много раз вступали в бой и добыли себе большое богатство.

Приехали они в Курляндию, пристали к берегу и договорились с жителями полмесяца сохранять мир и торговать. Когда этот срок истек, они стали совершать набеги, высаживаясь в разных местах.

Однажды они высадились в широком устье реки. Там был большой лес. Они сошли на берег и, разделившись на отряды по двенадцать человек, углубились в лес. Скоро показалось селение. Здесь они начали грабить и убивать, а жители убегали, не сопротивляясь. К концу дня Торольв велел протрубить отход. Те, кто был в лесу, повернули назад к кораблю с того места, где они находились. Только на берегу можно было пересчитать людей, но когда Торольв вышел на берег, Эгиля там не было. Уже стемнело, и они решили, что искать его невозможно.

Эгиль и с ним его двенадцать человек прошли в лес и увидели широкие поля, а на них строения. Неподалеку стоял двор, и они направились к нему. Придя на двор, они стали врываться в постройки^[58], но не видели там ни одного человека. Они забирали все добро, которое могли унести с собой. Там было много построек, и они задержались надолго. Когда же они оставили двор, их отделила от леса большая толпа, которая приготовилась напасть на них.

От двора к лесу шла высокая изгородь. Эгиль велел своим спутникам следовать за ним вдоль изгороди так, чтобы на них нельзя было напасть со всех сторон. Эгиль шел первым, а за ним остальные, так близко один за другим, что между ними нельзя было пройти. Толпа куров ожесточенно нападала на них, больше всего пуская в ход копья и стрелы, но за мечи не брались.

Двигаясь вдоль изгороди, Эгиль и его люди сначала не видели, что с другой стороны у них тоже шла изгородь, и она отрезала им путь наискось. В тупике куры стали теснить их, а некоторые направляли в них копья и мечи из-за изгороди, другие же набрасывали одежду им на оружие. Они были ранены, а потом их взяли в плен, связали и привели на двор.

Хозяин этого двора был человек могущественный и богатый. У него был взрослый сын. Они стали обсуждать, что делать с Эгилем и другими. Хозяин двора сказал, что его совет – убить их, одного за другим. Но сын его сказал, что уже ночь, и в темноте нельзя будет позабавиться, мучая пленников. Он предложил подождать до утра. Тогда их втолкнули в одну из построек и крепко связали. Эгиля привязали к столбу за руки и за ноги. После этого дверь крепко заперли, а сами пошли к себе и ели, пили и веселились.

Эгиль налегал на столб и дергал его до тех пор, пока не вырвал из пола. Столб упал, и тогда Эгиль освободился от него. Потом он зубами развязал себе руки, а когда руки были свободны, он снял путы и с ног. После этого он освободил своих товарищей.

Когда же они все были развязаны, они стали осматриваться и искать выход. Стены были сложены из толстых бревен, а в одном конце была дощатая перегородка. Они с разбега нажали на эту перегородку, сломали ее и вошли в другое помещение. Здесь также кругом были бревенчатые стены. Вдруг они услышали внизу, у себя под ногами, человеческую речь.

Они оглядели все вокруг, нашли в полу дверь и открыли ее.

Там внизу была глубокая яма. Оттуда и слышалась речь. Эгиль спросил, что там за люди. Тот, кто ответил ему, назвался Аки. Эгиль спросил, не хочет ли он выбраться из ямы. Аки сказал, что они охотно сделали бы это. Тогда Эгиль с товарищами опустили в яму веревку, которой они были связаны, и вытащили наверх трех человек. Аки сказал, что это его два сына, что они датчане и что их взяли в плен прошлым летом.

– Зимой со мной хорошо обращались, – сказал он, – я управлял хозяйством у здешнего бонда, но сыновей моих сделали рабами, и они тяжело переносили это. Весной мы бежали, а потом нас нашли и посадили в эту яму.

– Ты, должно быть, знаешь, как устроен дом, – говорит Эгиль, – как нам выбраться отсюда?

Аки сказал, что в доме есть еще одна перегородка.

– Сломайте ее, и тогда вы попадете в ригу, а оттуда можно легко выйти.

Эгиль с товарищами так и сделали. Они сломали перегородку и вышли в ригу, а оттуда наружу. Была безлунная ночь. Спутники Эгиля говорили, что нужно спешить в лес. Эгиль сказал Аки:

– Ты ведь знаешь здешнее жилье, покажи, где бы нам раздобыть что-нибудь из добра.

Аки говорит тогда:

– Здесь немало добра. Вот большой чердак, где спит хозяин. Там полно оружия.

Эгиль велел отправиться на чердак, а когда они поднялись по лестнице наверх, они увидели, что дверь открыта, внутри горит свет и

слуги стелят постели. Эгиль оставил нескольких человек снаружи следить, чтобы никто не вышел. Сам он ворвался внутрь и схватил оружие, которого там было вдоволь. Они убили всех людей на чердаке. Все они взяли себе оружие.

Аки подошел к тому месту, где в половицах была дверь, открыл ее и сказал, что они должны спуститься вниз, в клеть. Они взяли светильник и пошли туда. Там хранились сокровища бонда – драгоценные вещи и много серебра. Люди нагрузились и понесли, что взяли. Эгиль взял большой кувшин для браги и потом нес его под мышкой.

Они двинулись к лесу, а когда они пришли в лес, Эгиль остановился и сказал:

– Мы поступили не так, как надо. Воины так не поступают: мы украли добро бонда. Не должно быть на нас такого позора. Вернемся обратно, и пусть они знают, что произошло.

Все возражали Эгилью и говорили, что надо спешить на корабль.

Тогда Эгиль поставил кувшин на землю и бегом пустился обратно. А когда он пришел на двор бонда, он увидел, что слуги выходили из главного дома и переносили оттуда в другой дом подносы с едой. В очаге горел большой огонь, а над ним висели котлы. Эгиль вошел в главный дом. Огонь был разведен так, как было принято в этой стране: был зажжен один конец бревна, и от него постепенно сгорало все бревно. Эгиль схватил это бревно, понес его к тому дому, где сидели люди за едой, и стал совать горящий конец бревна под стреху, крытую берестой. Береста быстро загорелась, но люди, которые сидели внутри и пили, ничего не замечали до тех пор, пока пламя не охватило всю крышу и не проникло внутрь. Тогда они бросились к дверям, но выйти оттуда было не так-то просто: выход загораживали бревна, и, кроме того, там стоял Эгиль. Он убивал и тех, кто показывался в дверях, и тех, кто успевал выбежать. Но очень скоро горящая крыша рухнула. Там погибли все, кто был в доме.

Эгиль же вернулся к своим спутникам. Они пошли все вместе на корабль. Эгиль сказал, что кувшин, который он нес, он хочет оставить себе как добычу предводителя. А кувшин-то был полон серебра.

Торольв и все другие очень обрадовались, когда Эгиль вернулся. Как только рассвело, они отчалили.

Аки с сыновьями остались в отряде Эгиля.

В конце лета они поплыли в Данию, нападали на торговые корабли и грабили везде, где удавалось.

XLVII

В то время Данией стал править Харальд, сын Горма^[59]. Отец его, Горм, уже умер. Страна была опустошена набегами: вокруг Дании плавало много викингов.

Аки знал все в Дании, и на море и на суше. Эгиль часто расспрашивал его, где бы они могли добыть побольше добра. Когда они достигли Эйрасунда, Аки сказал, что в тех местах, подальше от берега, есть большой торговый город, который называется Лунд. Аки говорил, что там можно ожидать богатой добычи, но горожане, видно, окажут сопротивление. Об этом рассказали всем людям на корабле, чтобы они решили, нападать на Лунд или нет. Голоса разделились: одни были за нападение, другие – против. Тогда решили поступить так, как скажут предводители. Торольв был за нападение. Спросили также Эгиля, и он в ответ сказал вису:

Пусть мечи сверкают!
Мы порою летней
Подвигов немало
Совершим, о воины!

В Лунд мы путь направим.
Песнь мечей суровая
Будет раздаваться
На заре вечерней.

Тогда все снарядились для битвы и направились к Лунду. А жители узнали, что идет враг, и вышли против него. Вокруг города были деревянные укрепления. В них засели защитники. Начался бой. Эгиль первым прорвался за укрепления. После этого горожане бежали. Там было много убитых. Викинги разграбили город и сожгли его, а потом отправились обратно к своим кораблям.

XLVIII

Торольв и его спутники плыли вдоль побережья Халланда на север. Когда погода испортилась, они зашли в одну бухту. Здесь они не стали грабить. Немного поодаль от берега жил ярл по имени Арнфид, и когда он узнал, что в стране появились викинги, он послал к ним своих людей узнать, чего хотят эти викинги: мира или войны.

Послы Арнфида прибыли к Торольву, и он им сказал, что не собирается воевать. Он говорил, что ему и его людям ни к чему делать здесь набеги и опустошать страну, потому что места здесь небогатые. Послы вернулись к ярлу и передали ему ответ Торольва. А когда ярл узнал, что ему не надо из-за этих викингов созывать рать, он сел на коня и один поскакал к ним. Они встретились и разговорились. Ярл пригласил к себе на пир Торольва и всех тех, кого тот хотел бы взять с собой. Торольв обещал приехать.

В назначенный день ярл прислал за ними верховых лошадей. Они собрались в путь – Торольв и Эгиль – и взяли с собой три десятка

человек. Ярл принял их хорошо. Их провели в дом и тотчас же поднесли им браги. Они просидели там до вечера. А перед тем как должны были поставить столы с едой, ярл предложил бросить жребий, кому с кем сидеть. Должны были сидеть попарно мужчина с женщиной, насколько женщин хватило бы, а остальные должны были сидеть сами по себе. Все положили жребий в полу плаща. И ярл вынимал их.

У ярла была дочь – красивая девушка лет двадцати. Эгилью выпал жребий сидеть рядом с ней. Дочь ярла забавлялась, расхаживая между столами. Эгиль пошел и сел на то место, где она сидела днем. А когда люди стали рассаживаться, дочь ярла подошла к своему месту и сказала:

Ты напрасно, юноша,
Выбрал это место.
Редко волчьей стае
Ты давал добычу.

Не видал, как ворон
Каркает над кровью,
Как мечи с мечами
В сечах ищут встречи.

Эгиль усадил ее рядом с собой и сказал:
Я с мечом кровавым
И копьем звенящим
Странствовал немало,
Ворон мчался следом.

Грозен натиск викингов.
Пламя жгло жилища.
В городских воротах
Яростно я дрался.

Они пили весь вечер вдвоем и веселились. Пир удался на славу и продолжался также весь следующий день. Потом викинги поехали к своим кораблям. Они расстались с ярлом друзьями и обменялись с ним подарками.

Торольв и его люди поплыли к островам Бреннейяр. Там в то время собиралось множество викингов, потому что мимо островов часто проходили торговые корабли. Аки поехал вместе со своими сыновьями домой. Он был очень богатый человек, и у него было много дворов в Ютландии. Эгиль и Аки расстались большими друзьями.

А осенью Торольв поплыл на север, в Норвегию, и, приехав в Фирдир, отправился к херсиру Ториру. Торир принял их хорошо, а Аринбьёрн, его сын, еще лучше. Он предложил Эгилью остаться у них на зиму. Эгиль согласился и поблагодарил Аринбьёрна. Но когда Торир

узнал о предложении Аринбьёрна, он сказал, что его сын чересчур поспешил.

– Я не знаю, – сказал Торир, – как на это посмотрит конунг Эйрик. Ведь после убийства Барда он говорил, что не желает, чтобы Эгиль оставался у нас в стране.

– Ты, отец, – отвечает Аринбьёрн, – можешь, конечно, сделать так, чтобы конунг не гневался на то, что Эгиль останется у нас. Ты предложи своему зятю Торольву погостить у тебя, а мы с Эгилем тоже проведем эту зиму вместе.

По этим речам Торир понял, что Аринбьёрн все равно сделает по-своему. Тогда отец с сыном предложили Торольву провести у них зиму, и Торольв согласился. Зимой они жили у Торира – всего двенадцать человек.

Жили два брата. Их звали Торвальд Дерзкий и Торфид Суровый. Они были близкие родичи Бьёрна Свободного и воспитывались вместе с ним. Торвальд и Торфид были мужи рослые и сильные, смелые и честолюбивые. Братья сопровождали Бьёрна в викингских походах, а когда Бьёрн сменил походы на мирную жизнь, они поехали к Торольву и вместе с ним ходили в викингские походы. Их место в бою было на носу его корабля. А когда Эгиль добыл себе корабль, Торфид стал плавать с ним, и его место было теперь на носу корабля Эгиля. Братья постоянно сопровождали Торольва, и он ценил их больше всех своих людей.

Этой зимой братья тоже были у Торольва и сидели рядом с ним и Эгилем. Торольв сидел на почетном сиденье и пил вместе с Ториром, а Эгиль сидел напротив Аринбьёрна и пил вместе с ним. При всех поминаньях^[60] они вставали с места и шли навстречу друг другу.

Осенью херсир Торир поехал к конунгу Эйрику. Конунг принял его очень приветливо. А когда они разговорились, Торир стал просить конунга не сердиться на него, если Эгиль проведет зиму в его доме. Конунг отвечал ему, что Торир может добиться от него всего, чего он пожелает. Конунг добавил:

– Никому другому не сошло бы так легко, если бы он принял в своем доме Эгиля.

Но Гуннхильд слышала их разговор и сказала:

– Я думаю, Эйрик, что ты слишком легко поддался уговорам, как это с тобой не раз бывало и раньше. Ты уже не помнишь зла, которое тебе причинили. Ты до тех пор будешь щадить сыновей Скаллагрима, пока они не убьют еще каких-нибудь твоих близких родичей. Но хоть ты и считаешь, что убийство Барда – это пустяки, я на это смотрю иначе.

Конунг говорит:

– Ты, Гуннхильд, больше всех подбиваешь меня быть жестоким. А ведь раньше вы с Торольвом были большими друзьями. Но я не возьму обратно своего слова, которое я дал Ториру.

– Торольв был хорош, – говорит Гуннхильд, – пока его не испортил Эгиль. А теперь я не вижу между ними никакой разницы.

Торир поехал домой, когда он собрался, и передал братьям слова конунга и его жены.

XLIX

Братьев Гуннхильд звали Эйвинд Хвастун и Альв. Отцом их всех был Ацур Тоти. Братья были мужи рослые, очень сильные и смелые. Конунг Эйрик и Гуннхильд были к ним очень расположены, но народ их не любил. Тогда они были очень молоды, но уже в цвете сил.

Весной стало известно, что летом в Гауларе будет большое жертвоприношение. Там было прославленное капище. Туда отправилось множество народу и из Фирдира, и из Фьялира, и из Согна – большей частью знатные люди. Конунг Эйрик также поехал в Гаулар. Тогда Гуннхильд сказала своим братьям:

– Я хочу, чтобы вы постарались среди этого множества народу убить одного из сыновей Скаллагрима, а еще лучше – их обоих.

Братья обещали, что постараются.

Херсир Торир собирался в путь. Он позвал Аринбьёрна и сказал ему:

– Я еду на жертвоприношение, но я не хочу, чтобы Эгиль ехал с нами. Я знаю, какие речи ведет Гуннхильд, знаю неуступчивый нрав Эгиля, а также могущество конунга. Не легко будет уследить за ними всеми. А Эгиля не удержать дома, если ты не останешься с ним. Торольв же поедет со мной, и вместе с ним их спутники. Пусть Торольв принесет жертву и за себя, и за своего брата.

После этого Аринбьёрн сказал Эгилю, что он останется дома.

– Мы оба останемся здесь, – сказал он.

Эгиль ответил:

– Пусть будет так.

А Торир и другие поехали на жертвоприношение. Собралось в Гауларе великое множество народу, и там много пили. Торольв повсюду сопровождал Торира, и они не расставались ни днем, ни ночью. И вот Эйвинд сказал Гуннхильд, что ему никак не добраться до Торольва. Тогда она велела убить кого-нибудь из его людей.

– Это будет все же лучше, чем ничего, – сказала Гуннхильд.

Однажды вечером конунг ушел спать, так же как Торир и Торольв. А Торфид и Торвальд еще оставались с другими. Тогда Эйвинд и Альв пришли и сели с ними вместе, и все очень веселились. Сначала пили, посылая рог вкруговую. Потом стали пить рог по двое, пополам. Эйвинд пил вместе с Торвальдом, а Альв с Торфидом. Позже начали пить нечестно, и тут пошли хвастливые речи и перебранки. Тогда Эйвинд вдруг встал, обнажил меч и нанес Торвальду смертельную рану. Но ни у кого из них не было при себе оружия, потому что здесь было священное место. Люди стали между наиболее разъяренными и разделили их. В тот вечер больше ничего не произошло.

Эйвинд убил человека в священном месте и стал вне закона^[61]. Он должен был немедленно уехать. Конунг предлагал за убитого виру, но Торольв и Торфид сказали, что они никогда не брали виру и не хотят ее брать. На том они и расстались. Торир и его спутники поехали домой.

Конунг и Гуннхильд послали Эйвинда на юг, в Данию, к конунгу Харальду, сыну Горма, потому что Эйвинд не мог оставаться в Норвегии. Конунг Харальд хорошо принял его и его спутников. Эйвинд приехал в Данию на большом боевом корабле. Позже конунг поставил Эйвинда защищать страну от викингов. Эйвинд был отличный воин.

Когда после этой зимы наступила весна, Торольв и Эгиль опять собрались в викингский поход. Снарядившись, они снова поплыли в восточные земли. Но возле Вика они повернули на юг и поплыли вдоль Ютландии. Здесь они стали опустошать побережье. Потом они направились к стране фризов и летом долго оставались там, а затем опять повернули к Дании. И вот, когда они достигли границы, где встречается Дания и страна фризов, и пристали здесь к берегу, однажды вечером, когда люди уже ложились на своих кораблях спать, на корабль Эгиля пришли два человека и сказали, что у них есть дело к Эгилю. Их провели к нему, и тогда они сказали:

– Нас прислал Аки Богатый. Мы должны сообщить тебе, что Эйвинд Хвастун плавает у западного побережья Ютландии и подстерегает вас, ожидая, когда вы поплывете на север. Он собрал большое войско, и против всех его сил вам будет не устоять. Сам же Эйвинд с двумя быстроходными кораблями сейчас находится неподалеку отсюда.

Когда Эгиль услышал это, он велел сразу же убрать шатры и бесшумно выйти в море. Они так и сделали. На рассвете они подошли к кораблям Эйвинда, стоявшим на якоре, и тотчас же напали на них, пустив в ход оружие и камни. Многих из людей Эйвинда они убили, а сам Эйвинд бросился за борт и вплавь добрался до берега, как и те его люди, которым удалось спастись. Эгиль взял корабли Эйвинда со всем грузом и все оружие. Днем они вернулись обратно к своим и встретили Торольва. Тогда Торольв спрашивает, где Эгиль был и где он добыл корабли, которые идут с ним. Эгиль отвечает, что корабли эти раньше принадлежали Эйвинду Хвастуну и что они забрали их в бою. Потом Эгиль сказал вису:

У земли Ютландской
В сечу мы вступили.
Данов земли защитник,
Викинг бился храбро.

Но недолго с Эйвиндом
Эта битва длилась:
В волны прыгнул воин,
Бросив коня морского.
Торольв на это говорит:

– Вы, кажется, сделали так, что нам нельзя этой осенью ехать в Норвегию.

Эгиль ответил, что тогда неплохо бы поехать в какое-нибудь другое место.

L

Эльврад Могучий^[62] правил Англией. Он первым из своего рода стал единовластным конунгом в своей стране. Это было еще в дни Харальда Прекрасноволосого, норвежского конунга. После Эльврада конунгом в Англии был его сын Ятвард^[63], отец Адальстейна Победителя^[64], воспитателя Хакона Доброго. А в это время страной стал править после смерти своего отца Адальстейн. У него было несколько братьев, сыновей Ятварда.

Когда же Адальстейн стал конунгом, против него поднялись те вожди, которых его отец и дед лишили власти. Им казалось, что сейчас, когда государством правит молодой конунг, самое подходящее время выступить со своими требованиями. Это были бритты, скотты и иры. И тогда конунг Адальстейн стал собирать войско и брал к себе на службу всех, кто хотел добыть так богатство, будь то иноземцы или жители Англии.

Торольв и его брат Эгиль плыли на юг вдоль страны саксов и фламандцев. И вот они услышали, что английскому конунгу нужны ратные люди и что на службе у него можно добыть много добра. Тогда они решили направиться со своими людьми в Англию. Осенью они поплыли туда и явились к конунгу Адальстейну. Он принял их хорошо и, как видно, ожидал большой помощи от их дружины. Вскоре он предложил им пойти к нему на службу и стать защитниками его страны. Братья согласились служить Адальстейну.

Англия была крещена задолго до того, как все это произошло. Конунг Адальстейн был христианин, и его называли Адальстейн Благочестивый. Конунг предложил Торольву с братом принять неполное крещение. Это был распространенный обычай у торговых людей и у тех, кто нанимался к христианам, потому что принявшие неполное крещение могли общаться и с христианами, и с язычниками, а веру они себе выбирали ту, какая им больше нравится. Торольв и Эгиль сделали так, как просил конунг, и оба приняли неполное крещение. У них тогда было под началом три сотни воинов, получивших плату от конунга.

LI

Конунга скоттов звали Олав Красный. Он был сыном скотта, а по матери – датчанин и происходил из рода Рагнара Кожаные Штаны^[65]. Это был могущественный вождь. Шотландией называют страну, втрое меньшую Англии. Одна пятая часть Англии называется Нортумбрией. Она лежит на самом севере, рядом с Шотландией, с восточной стороны. Раньше в Нортумбрии правили датские конунги. Главный город там Йорк. Нортумбрия принадлежала Адальстейну, и он посадил там двух ярлов. Одного звали Альвгейр, а другого Годрек. Они должны были защищать страну от нападений скоттов или же датчан и норвежцев, которые сильно опустошали ее и считали, что у них есть права на Нортумбрию, потому что все, кто там имел вес и влияние, были датчанами со стороны отца или матери, а многие с обеих сторон.

Уэльсом в это время правили два брата – Хринг и Адильс. Они были обязаны платить конунгу Адальстейну дань и, кроме того, должны были со своими людьми стоять в его войске в самых первых рядах, перед знаменем конунга. Оба брата были отличные воины и уже не очень молоды. Эльврад Могучий лишил всех конунгов, плативших ему дань, их звания и власти. Всех тех, кого раньше называли конунгами или сыновьями конунгов, стали называть ярлами. Было так и во времена Эльвrada, и при Ятварде, его сыне. Адальстейн же пришел к власти совсем молодым, и его меньше боялись. Тогда стали изменниками многие из тех, кто раньше был услужлив.

LII

Олав, конунг скоттов, собрал большое войско и повел его на юг, в Англию. Он пришел в Нортумбрию и стал разорять страну. А когда об этом узнали ярлы, правившие там, они собрали рать и вышли против конунга Олава. Оба войска встретились, и была большая битва. Она закончилась победой конунга Олава. Ярл Годрек был убит, Альвгейр же бежал, и с ним большая часть их войска – все те, кто уцелел в бою. После этого Альвгейр не мог больше оказывать сопротивление, и конунг Олав подчинил себе всю Нортумбрию. Альвгейр поехал к конунгу Адальстейну и рассказал ему о своей беде.

Как только конунг Адальстейн услышал, что в его страну вторглось такое большое войско, он разослал людей созывать рать. Он послал весть своим ярлам и другим знатым и могущественным мужам. Сам он двинулся против скоттов с тем войском, которое у него было.

Когда стало известно, что Олав, конунг скоттов, одержал в Нортумбрии победу и подчинил себе немалую часть Англии и что войско его гораздо больше войска Адальстейна, к нему устремились многие знатные люди. Узнали об этом Хринг и Адильс и, собрав большое войско, тоже примкнули к конунгу Олаву. У всех у них вместе была огромная ратная сила.

Узнав об этом, конунг Адальстейн созвал своих военачальников и советников и спрашивал их, как разумнее всего поступить. Он подробно рассказал им всем то, что разузнал о действиях Олава и его многочисленного войска. Все тогда как один говорили, что на ярле Альвгейре лежит большая доля вины в том, что произошло, и считали, что его следовало бы лишить звания ярла. Было решено, что конунг Адальстейн вернется назад, на юг Англии, и будет набирать войско по всей стране, потому что если бы рать созывал не сам конунг, то быстро собрать так много людей, как это было нужно, не удалось бы. В том войске, которое уже было у конунга, он поставил военачальниками Торольва и Эгиля. А под началом у Альвгейра были его люди. Во главе отрядов конунг поставил тех, кого он счел достойными.

Когда Эгиль после совета вернулся к своим товарищам, они спросили, какие у него вести о конунге скоттов. Эгиль сказал:

Олав ярла в битве
Поразил. Другого
Прочь бежать принудил.
Он могуч в сраженьях.

Слишком часто Годрек
Шел тропой неверной.
Адальстейн лишился
Половины царства.

Потом к конунгу Олаву отправили послов, поручив сказать ему, что конунг Адальстейн хочет сразиться с ним и предлагает как место битвы равнину Винхейд^[66] возле леса Винуског. Он хочет, чтобы Олав пока не разорял его страну, а править в Англии пусть будет тот из них, кто победит в этой битве. Конунг Адальстейн предложил, чтобы они встретились для битвы через неделю и чтобы тот, кто придет раньше, ждал другого. А тогда был такой обычай: как только конунгу назначали место битвы, он не должен был опустошать страну, пока битва не закончится, если он не хотел покрыть себя позором. Конунг Олав остановил свое войско и больше не опустошал страну, дожидаясь назначенного дня. Когда пришло время, он привел свое войско на равнину Винхейд.

К северу от равнины была крепость. Конунг Олав засел в этой крепости с большей частью своих людей, потому что он думал, что туда легче будет доставлять нужные для войска припасы из больших селений, лежавших рядом. Он послал своих людей на равнину, где по уговору с Адальстейном должно было произойти сражение, чтобы они выбрали там место для шатров и подготовили что надо к приходу войска.

Когда люди конунга Олава явились туда, там уже стояли вежи из ветвей орешника^[67], обозначающие границы того места, где предстояла

битва. Такое место всегда тщательно выбирали: оно должно было быть ровным и пригодным для того, чтобы расставить на нем большое войско. И действительно, здесь была равнина, удобная для битвы. С одной стороны текла река, а с другой шел большой лес. Там, где лес ближе всего подходил к реке, хотя между ними еще оставалось очень большое пространство, разбили свои шатры люди конунга Адальстейна. Шатры их стояли от самого леса до реки. Они сделали так, что каждый третий из шатров был совсем пустой, и лишь немного воинов было в остальных. А когда к ним подошли люди конунга Олава, у них много народу стояло перед всеми шатрами и не заходило внутрь. Люди Адальстейна сказали, что все их шатры переполнены и остальные воины уже не могут поместиться внутри. Шатры были такие высокие, что поверх них нельзя было разглядеть, стояло ли их много или мало в глубину. Люди конунга Олава решили, что здесь уже все войско Адальстейна.

Они расставили шатры к северу от вех. Здесь был небольшой склон. Люди Адальстейна изо дня в день говорили, что их конунг прибудет или уже прибыл в крепость к югу от равнины. День и ночь к ним подтягивались новые силы. А когда установленный срок истек, люди Адальстейна послали к конунгу Олаву вестника сказать так:

– Конунг Адальстейн готов к битве, и у него очень большое войско, но он не хочет, чтобы погибло множество людей, и потому предлагает конунгу Олаву вернуться домой, в страну скоттов, а конунг Адальстейн даст ему в знак дружбы по скиллингу серебра с каждого плуга во всем своем государстве. Он хочет, чтобы он и конунг Олав были друзьями.

Когда послы явились к конунгу Олаву, он уже строил свое войско и собирался скакать в битву. Но выслушав послов, конунг в этот день не выступил. Он сидел и совещался с военачальниками. Они давали различные советы. Некоторые очень советовали принять предложенные условия и говорили, что это был бы славный поход, если бы они вернулись домой, получив от Адальстейна такой большой выкуп. Другие возражали и говорили, что Адальстейн предложит гораздо больше, если они на этот раз откажутся. Так и порешили.

Тогда послы попросили у конунга Олава, чтобы он дал им срок поехать к конунгу Адальстейну и спросить, не согласится ли тот заплатить еще больший выкуп, чтобы сохранить мир. Они просили три дня перемирия: один день для поездки к своим, другой – для совещания, а третий – на обратный путь. Конунг Олав согласился.

И вот послы едут к своему войску, а на третий день возвращаются, как договорились раньше, и сообщают конунгу Олаву, что Адальстейн согласен дать все то, что он предлагал прежде, и сверх того по скиллингу каждому свободному мужу в войске конунга Олава, по марке^[68] каждому из начальников, у которых в отряде двенадцать человек или больше, по марке золота начальникам над телохранителями конунга и по пять марок золота каждому ярлу. Конунг

Олав велел объявить об этом своему войску. Так же, как и в первый раз, одни хотели принять эти условия, а другие были против. В конце концов конунг принял решение. Он сказал, что согласен принять выкуп, если конунг Адальстейн отдаст ему к тому же всю Нортумбрию со всеми податями и доходами.

Послы снова попросили три дня сроку и предложили конунгу Олаву послать еще и своих людей, чтобы они, выслушав слова конунга Адальстейна, узнали, примет ли он это новое условие или нет. Они сказали, что конунг Адальстейн, кажется, пойдет на многое, лишь бы заключить мир. Конунг Олав согласился и послал своих людей к конунгу Адальстейну.

Поскакали послы все вместе и встретили конунга Адальстейна в крепости, которая была сразу же за равниной, к югу от нее. Послы конунга Олава изложили свое поручение конунгу Адальстейну и сообщили условия мира. А люди конунга Адальстейна рассказали, с какими предложениями они ездили к конунгу Олаву. Они говорили, что сделали это по совету добрых людей для того, чтобы оттянуть битву до тех пор, пока не приедет сам конунг. Конунг Адальстейн быстро решил все дело и сказал послам так:

– Передайте конунгу Олаву, что я дам ему срок доехать со своим войском до Шотландии. И пусть он вернет добро, которое незаконно захватил здесь в стране. Затем мы заключим мир между нашими странами, и пусть никто не идет войной на другого. Кроме того, конунг Олав должен отдаться мне под руку, править Шотландией от моего имени и стать конунгом, подвластным мне. Теперь поезжайте, – говорит Адальстейн, – и расскажите вашему конунгу, как обстоит дело.

Послы в тот же вечер пустились в обратный путь и около полуночи прибыли к конунгу Олаву. Они разбудили конунга и, не медля, передали ему слова конунга Адальстейна. Конунг Олав велел тотчас же созвать ярлов и других военачальников, а послам – прийти и рассказать, как они выполнили свое поручение и что сказал конунг Адальстейн. Когда же воины узнали об ответе Адальстейна, все в один голос стали говорить, что надо готовиться к битве. Послы сказали также, что у Адальстейна очень большое войско и что он прибыл в крепость в один день с послами. Тогда ярл Адильс сказал:

– Выходит, конунг, я был прав, когда говорил, что вы еще узнаете этих хитрецов англичан. Мы сидели здесь столько времени и ждали, а они стягивали свои войска. Конунга их и близко не было, когда мы пришли сюда. За то время, пока мы тут стояли, они, должно быть, собрали большое войско. А теперь, конунг, мой совет такой: нам с братом надо скакать сейчас же, ночью, с нашим войском и напасть на их стан. Может быть, они сейчас не так осторожны, когда знают, что их конунг поблизости с большим войском. Мы нападём на них, и если они побегут, то это ослабит все их войско и сделает его менее смелым в битве.

Конунг нашел этот совет удачным. Он сказал:

– Как только рассветет, мы выстроим здесь наше войско и двинемся вслед за вами.

Приняв такое решение, они разошлись.

LIII

Ярл Хринг и его брат Адильс подняли своих воинов и сразу же, ночью, двинулись на юг, к равнине Винхейд. На рассвете часовые Торольва увидели приближавшееся войско. Тогда протрубили боевой клич, и воины вооружились. Войско построили двумя полками. Над одним полком начальствовал ярл Альвгейр, и перед ним несли его знамя. В этом полку были его воины, а также ратники, собранные в стране. Этот полк был много больше, чем полк Торольва.

У Торольва было такое оружие: большой и толстый щит, на голове – прочный шлем, у пояса – меч. Он называл этот меч – Длинный. Это было славное оружие. В руке Торольв держал копье. Наконечник копья был длиной в два локтя, и сверху у него было четырехгранное острие. Верхняя часть наконечника была широкой, а втулка – длинная и толстая. Древко было такой длины, что стоя можно было рукой достать до втулки. Оно было очень толстое и оковано железом. Железный шип скреплял втулку с древком. Такие копья назывались «кол в броне».

Эгиль вооружился так же, как Торольв. У его пояса висел меч, который он называл Ехидна. Эгиль добыл его в Курляндии. Это было отличное оружие. Ни один из них не надел брони.

Подняли боевое знамя. Его нес Торфид Суровый. У всех воинов Торольва были норвежские щиты и норвежское боевое снаряжение. Все в его полку были норвежцы. Торольв выстроил свой полк около леса, а полк Альвгейра двигался вдоль реки.

Ярл Адильс и его брат увидели, что им не удалось застигнуть Торольва врасплох. Тогда они стали строить свое войско и разбили его на два полка. В каждом было свое знамя. Адильс поставил своих воинов против ярла Альвгейра, а Хринг против викингов.

Началась битва. Обе стороны сражались хорошо. Ярл Адильс упорно наступал и в конце концов потеснил Альвгейра. Тогда люди Адильса стали наступать еще решительнее. Прошло немного времени, и Альвгейр обратился в бегство.

Об Альвгейре надо рассказать, что он поскакал на юг равнины, а за ним – его люди. Он скакал до тех пор, пока не достиг той крепости, где находился конунг. Тогда ярл сказал:

– Я думаю, нам не стоит ехать к конунгу. Нам досталось немало упреков и в прошлый раз, когда мы явились к конунгу после того, как нас победил конунг Олав. А сейчас наше положение покажется конунгу не лучшим, чем тогда. Мне нечего ждать от него почестей.

Потом Альвгейр поехал на юг страны, и надо рассказать о его поездке, что он скакал день и ночь, пока они не добрались до мыса Ярлснес. Здесь ярл переправился через море во Францию, где у него была половина родичей. В Англию он больше не вернулся.

Адильс сначала преследовал бегущих, но недолго, а потом повернул обратно – туда, где шло сражение, и снова начал наступать. Когда Торольв увидел это, он обратился против ярла и велел нести туда знамя, а своим воинам велел следовать за ним тесно сомкнутыми рядами.

– Будем держаться вплотную к лесу, – сказал Торольв, – тогда он будет прикрывать нас с тыла, и они не смогут подойти к нам со всех сторон.

Воины Торольва так и сделали и стали наступать вдоль леса. Началась жестокая сеча. Эгиль устремился навстречу Адильсу, и они яростно сражались. Разница в силах между войсками была очень велика, но все же среди людей Адильса было больше убитых. Торольв так разъярился, что забросил щит себе за спину и взял копье обеими руками. Он бросился вперед и рубил и колол врагов направо и налево. Люди разбежались от него в разные стороны, но многих он успевал убить.

Так он расчистил себе путь к знамени ярла Хринга, и никто не мог перед ним устоять. Он убил воина, который нес знамя ярла Хринга, и разрубил древко знамени. Потом он вонзил копье ярлу в грудь, так что оно прошло через броню и тело и вышло между лопаток. Он поднял ярла на копье над своей головой и воткнул древко в землю. Ярл умер на копье, и все это видели – и его воины, и враги. После этого Торольв обнажил меч и стал рубить обеими руками. Его люди тоже наступали. Тогда были убиты многие из бриттов и скоттов, а некоторые бежали.

Когда ярл Адильс увидел, что его брат убит и многие его воины пали, а другие обратились в бегство, он понял, что его дело плохо, и бросился бежать к лесу. Он скрылся в лесу, и за ним последовали его воины. Все их войско обратилось в бегство. Множество бежавших было убито, а остальные рассеялись далеко по равнине. Ярл Адильс бросил свое знамя, и никто не знал, он ли там бежит или кто-либо другой.

Скоро стало смеркаться, и Торольв и Эгиль с викингами повернули обратно в свой стан. Вскоре сюда прибыл конунг Адальстейн со всем войском. Люди стали ставить шатры и устраиваться на ночь.

Немного позже подошел конунг Олав со своим войском. Они ставили шатры и устраивались также в тех шатрах, которые уже раньше поставили их люди. Конунгу Олаву тогда сказали, что убиты оба его ярла, Хринг и Адильс, и множество его воинов.

Предыдущую ночь конунг Адальстейн провел в той крепости, о которой говорилось раньше, и там он узнал, что на равнине шло сражение. Он, не медля, собрался со всем своим войском и двинулся на север, на равнину. Здесь он расспросил подробно, как проходила битва. Торольв и Эгиль пришли к конунгу, и он благодарил их за доблесть и за победу, которую они одержали. Он обещал им свою полную дружбу. Они провели все вместе ночь.

Рано утром конунг Адальстейн разбудил свое войско. Он поговорил с военачальниками и сказал им, как надо построить войско. Впереди он поставил свой полк, а в первых его рядах стояли отряды самых храбрых воинов. Конунг Адальстейн сказал, что над этими отрядами будет начальствовать Эгиль.

– А Торольв, – сказал он, – поведет своих воинов и те отряды, которые я там поставлю. У него под началом должен быть второй полк в нашем войске. Ведь скотты никогда не сражаются сомкнутым строем: они то подбегают, то отбегают и появляются то там то сям. Они часто наносят удары, если их не остерегаться, но когда на них наступают, они рассыпаются по полю.

Эгиль ответил конунгу:

– Я не хочу расставаться с Торольвом во время битвы, пусть нас обоих поставят там, где это больше всего нужно и где будет самая горячая схватка.

Торольв сказал:

– Пусть конунг сам решает, куда нас поставить. Сделаем так, как ему угодно. Но если ты хочешь, я лучше стану там, где было указано тебе.

Эгиль тогда говорит:

– Будь по-вашему, но я много раз пожалею, что нас так поставили.

Войско построилось в полки так, как указал конунг. Подняли знамена. Полк конунга широко растянулся по равнине до реки, а полк Торольва стал вдоль леса.

Конунг Олав тоже начал строить свое войско, когда увидел, что войско Адальстейна уже выстроилось. Он также разбил свое войско на два полка и велел поставить свое знамя и тот полк, над которым он сам начальствовал, против конунга Адальстейна и его полка. У каждого из них было такое большое войско, что не заметно было разницы между ними в числе воинов. А второй полк конунга Олава выстроился около леса против Торольва. Там военачальниками были ярлы скоттов, и воины их были большей частью скотты. В этом полку было огромное множество воинов.

Потом полки двинулись друг против друга, и скоро началась ожесточенная битва. Торольв решительно наступал и велел нести знамя вперед вдоль леса. Он задумал пройти вперед и потом ударить сбоку по полку конунга Олава. Его люди держали перед собой щиты, а с правой стороны у них был лес. Он должен был прикрывать их.

Торольв зашел так далеко вперед, что лишь немногие из его воинов оказались перед ним. А когда он меньше всего остерегался, из лесу выбежали ярл Адильс и его люди. Они метнули в Торольва много копий сразу, и он упал там, около леса. Торфид, который нес знамя, отскочил назад, туда, где воины стояли гуще. Адильс же стал теснить их, и завязалась жестокая схватка.

Скотты прокричали победный клич, как только увидели, что у врага убит военачальник. А когда Эгиль услышал их крик и увидел, что знамя Торольва двинулось назад, он понял, что сам Торольв, наверное, уже не следует за своим знаменем. Эгиль бросился в ту сторону и бежал посредине между обоими полками. Скоро он встретил своих людей и узнал, что произошло. Он стал увлекать воинов в наступление, и сам пошел впереди всех.

В руках он держал свой меч Ехидну. Он рубил обеими руками, пробиваясь вперед, и убил многих. Торфид нес знамя сразу за ним, а за знаменем следовал весь второй полк. Завязалась ожесточеннейшая сеча.

Эгиль шел вперед, пока не встретил ярла Адильса. Они обменялись немногими ударами, и ярл Адильс был убит, и вокруг него еще много людей. Тогда его войско бежало. Эгиль и его воины преследовали бегущих и убивали всех, кого настигали. Их было бесполезно просить о пощаде. А когда ярлы скоттов увидели, что их товарищи бегут, они тоже обратились в бегство.

Эгиль же со своими людьми достиг места, где стоял полк конунга Олава. Они зашли этому полку в тыл и устроили там побоище. Тогда полк разбился на небольшие кучки и потом совсем рассыпался. Многие из людей Олава бежали, а викинги прокричали победный клич.

Как только конунг Адальстейн увидел замешательство в полку конунга Олава, он стал воодушевлять свое войско и велел нести свое знамя вперед. Их натиск был силен, и все войско Олава отступило, потеряв много убитыми. Там пал сам конунг Олав и большая часть его войска, потому что всех бежавших убивали, если их могли настигнуть. Конунг Адальстейн одержал очень большую победу.

LV

Конунг Адальстейн оставил поле битвы, а его воины продолжали преследовать бегущих. Он повернул обратно к крепости и нигде не останавливался на ночлег, пока не приехал туда.

Эгиль преследовал бегущих. Он долго гнал за ними и убивал всех, кого настигал. Потом он повернул со своим отрядом обратно к тому месту, где была битва. Здесь он разыскал тело своего убитого брата Торольва, подобрал его, обмыл и похоронил по тогдашнему обычаю. Они вырыли могилу и опустили в нее Торольва со всем его оружием и

одеждой. Прежде чем расстаться с ним, Эгиль надел ему на обе руки по золотому запястью. Потом на могилу положили камни и сверху засыпали землею. Тогда Эгиль сказал вису:

В буре Одина^[69] смело
Шел убийца ярла.
Пал отважный Торольв.
На равнине Винхейд

Травы зеленеют
Над могилой брата.
Тяжко это горе,
Но его мы скроем.

И еще он сказал такую вису:
Поле грудой трупов
Я покрыл, сражаясь
В буре стали^[70] с Адильсом.
С англами Олав юный

Гром железный^[71] вызвал.
И мечи на вече
Хринг собрал могучий,
Воронье насытив.

После этого Эгиль отправился со своим отрядом к конунгу Адальстейну. Приехав, он сразу же пошел к конунгу, который в это время пировал. Там было большое веселье. А как только конунг увидел, что в палату вошел Эгиль, он велел освободить для него и его людей скамьи напротив. Он сказал, что Эгиль должен сидеть там, на втором почетном сиденье^[72]. Эгиль сел и положил щит себе под ноги. На голове у него был шлем, а меч он положил на колени и то вытягивал его до половины из ножен, то вкладывал обратно. Он сидел прямо, не сгибаясь.

У Эгиля было крупное лицо, широкий лоб, густые брови, нос не длинный, но очень толстый, нижняя часть лица – огромная, подбородок и скулы – широченные. У него была толстая шея и могучие плечи. Он выделялся среди других людей своим суровым видом, а в гневе был страшен. Он был статен и очень высок ростом. Волосы у него были цветом, как у волка, и густые, но он рано стал лысеть. В то время как он сидел там, в палате конунга Адальстейна, одна бровь у него опустилась до скулы, а другая поднялась до корней волос. У Эгиля были черные глаза и сросшиеся брови. Он не пил, когда ему подносили брагу, и то поднимал, то опускал брови.

Конунг Адальстейн сидел на возвышении. Он, как и Эгиль, положил меч себе на колени, а после того, как они просидели так некоторое

время, конунг вынул меч из ножен, снял с руки большое дорогое запястье и надел его на конец меча. Затем он встал, подошел к очагу и над огнем протянул меч с запястьем Эгилю. Эгиль встал, обнажил меч и пошел по палате навстречу конунгу. Он продел меч в запястье и притянул его к себе, а потом вернулся на свое место. Конунг снова сел на возвышение. Эгиль тоже сел, надел запястье на руку, и тогда его брови расправились. Он отложил меч и шлем, взял олений рог, который ему поднесли, и осушил его. Он сказал:

Пути рук^[73] звенящие
В дар мне отдал воин.
Чтоб украсить ими
Ветвь – гнездовье ястреба^[74].

Я ношу запястье
На руке и славлю
Конунга могучего
За подарок щедрый.

После этого Эгиль каждый раз выпивал свою долю и беседовал с другими.

А конунг велел принести два сундука. Оба они были полны серебром, и каждый из них несли по два человека. Конунг сказал:

– Эгиль, возьми эти сундуки и, если ты поедешь в Исландию, отвези это серебро своему отцу. Я посылаю ему его как виру за сына. Часть этого серебра ты должен разделить среди тех родичей, твоих и Торольва, которых ты считаешь самыми достойными. Ты же получишь виру за брата здесь, у меня, – земли или деньги, чего ты больше хочешь. И если ты готов остаться у меня навсегда, то я окажу тебе почести, какие ты только пожелаешь.

Эгиль взял серебро и поблагодарил конунга за подарки и дружеские слова. Он повеселел и сказал:

Брови хмурил горько,
Но от доброй встречи
Разошлись морщины —
Лба нависшие скалы.

Конунг их раздвинул,
Подарив запястье.
Хмурый взор мой ныне
Снова ясным станет.

Позже вылечили тех, кто был ранен в бою и остался жив.

Эгиль провел у конунга Адальстейна следующую зиму после смерти Торольва, и конунг оказывал ему большие почести. С ним были все

воины, его и Торольва, уцелевшие в битве. Здесь Эгиль сочинил хвалебную песнь в честь конунга Адальстейна, и в ней есть такая виса:
Вот владык потомок,
Трех князей убивший.
Край ему подвластен.
Не исчислить подвигов

Адальстейна в битвах.
Я клянусь, о щедрый
Конунг, – мы не знаем,
Кто б с тобой сравнился.

А припев в этой хвалебной песни такой:
Вплоть до гор страну
Адальстейн владеет.

В награду за хвалебную песнь Адальстейн дал Эгилю два золотых запястья, каждое из которых весило марку, а кроме того – дорогой плащ со своего плеча.

Весной Эгиль объявил конунгу, что он задумал поехать летом в Норвегию и узнать, что с Асгерд, женой Торольва. Эгиль сказал:

– Там осталось большое богатство, и я не знаю, жив ли кто-нибудь из их детей. Я должен посмотреть, живы ли они. Если же Торольв умер бездетным, то все его наследство принадлежит мне.

Конунг ответил:

– Воля твоя, Эгиль, ты можешь, конечно, уехать, если считаешь это необходимым. Но мне все-таки кажется, что тебе лучше всего было бы остаться у меня – на условиях, какие ты только пожелаешь.

Эгиль поблагодарил конунга и сказал:

– Сперва я поеду, куда должен ехать, но я думаю, что еще вернусь за тем, что ты мне обещаешь, как только это мне удастся.

Конунг просил его непременно вернуться.

Эгиль собрался в путь вместе с частью своих людей, но многие из них остались служить конунгу. У Эгиля был большой боевой корабль, и на нем около ста двадцати человек. Когда он был совсем готов и подул попутный ветер, они вышли в море. Эгиль и конунг Адальстейн расстались большими друзьями. Прощаясь, конунг опять просил Эгиля вернуться поскорее. Эгиль сказал, что так и сделает.

Эгиль поплыл в Норвегию. Когда он достиг страны, то поспешил в Фирдир. Он узнал, что херсир Торир умер, а Аринбьёрн получил его наследство и стал лендрманном. Эгиль поехал к нему. Аринбьёрн встретил его приветливо и предложил пожить у него. Эгиль согласился. Он велел вытащить корабль на берег и позаботился о том, чтобы найти жилье для своих людей. Эгиль и еще одиннадцать человек поселились у Аринбьёрна. Здесь Эгиль и провел зиму.

Берг-Энунд, сын Торгейра Шип-Ноги, взял в жены Гуннхильд, дочь Бьёрна Свободного. Она жила у него в Аске. Другая же дочь Бьёрна – Асгерд, жена Торольва, сына Скаллагрима, жила тогда у своего родича Аринбьёрна. У Асгерд с Торольвом была дочь. Девочка жила вместе с матерью.

Эгиль рассказал Асгерд о смерти Торольва и предложил ей свою помощь и заботу. Весть о смерти Торольва очень опечалила Асгерд. Эгилью она, правда, ответила приветливо, вообще же больше молчала.

Была поздняя осень. Эгиль стал невесел и часто сидел понуриив голову. Как-то раз к нему подошел Аринбьёрн и спросил, отчего он такой невеселый. Аринбьёрн добавил:

– Хотя смерть твоего брата – большая потеря, но мужчина не должен поддаваться горю. Один человек умирает, а другие должны жить. Что ты теперь сочиняешь? Дай-ка я послушаю.

Эгиль сказал, что он совсем недавно сочинил такую вису:

Женщину увидеть
Я хотел. Она же
Встречи избегала.
Прежде смело в очи

Женщинам смотрел я,
Ныне робко взоры
Долу опускаю,
Вспомнив Герд запястья^[75].

Аринбьёрн спросил, о какой это женщине он сочиняет любовную песнь, и добавил:

– Ты, наверное, скрыл ее имя в этой висте.

Тогда Эгиль сказал;

Имя в браге Одина^[76]
Я скрываю редко,
Оттого что люди
Могут догадаться.

Кто искусен в песнях,
Тот на ощупь может
В висте, что сложил я,
Тайну обнаружить.

– Часто говорят, – продолжал Эгиль, – что другу рассказывают обо всем. Пусть будет так и на этот раз. Ты спрашиваешь, о какой это

женщине я сочиняю виси. Я отвечу тебе. Это Асгерд, твоя родственница. И я хотел бы, чтобы ты помог мне добиться ее руки.

Аринбьёрн тогда говорит:

– Это ты хорошо придумал. Я, конечно, замолвлю ей слово за тебя, когда ты посватаешься к ней.

После этого Эгиль посватался к Асгерд. Она ответила, что решать тут должны ее отец и ее родич Аринбьёрн. Потом с Асгерд говорил Аринбьёрн, и она дала ему такой же ответ. Аринбьёрн хотел этого брака. Он поехал с Эгилем к Бьёрну, и Эгиль просил у Бьёрна руки его дочери Асгерд. Тот принял сватовство с одобрением и сказал, что это дело должен решить Аринбьёрн. Аринбьёрн очень хотел, чтобы Эгиль женился на Асгерд, и дело кончилось помолвкой. Свадьбу договорились праздновать у Аринбьёрна. А когда пришло время, свадебный пир был устроен на славу. Всю зиму после этого Эгиль был очень весел.

Весной Эгиль снарядил торговый корабль, чтобы поехать в Исландию, – Аринбьёрн советовал ему не оставаться в Норвегии, пока власть Гуннхильд, жены конунга, была так велика.

– Она тебе враг, – сказал Аринбьёрн, – и ее вражда к тебе усугубилась после того, что произошло, когда вы с Эйвиндом встретились возле Ютландии.

Когда Эгиль был готов и подул попутный ветер, он вышел в море. Поездка их прошла хорошо. Осенью он достиг Исландии и направился в Боргарфьорд. Он не был в Борге уже двенадцать лет. Скаллаgrim за это время состарился. Возвращение Эгиля его очень обрадовало. Эгиль поехал жить в Борг, а с ним Торфид Суровый и еще многие его люди. Зиму они провели у Скаллагрима. У Эгиля было очень много всякого добра, но о том, чтобы он поделился серебром, которое получил от Адальстейна, со Скаллаграмом или с кем-нибудь другим, ничего не рассказывают.

В ту зиму Торфид женился на Сеунн, дочери Скаллагрима, а весной Скаллаgrim дал им место для поселения у водопада Лангарфорс (Водопад Длинной Реки) и землю от ручья Лейрулёк между реками Лангой и Альфтой (Лебединая Река) до самых гор. Дочь Торфида и Сеунн, по имени Тордис, стала потом женой Арнгейра из Хольма. Он был сыном Берси Безбожника. А сына Арнгейра и Тордис звали Бьёрн Богатырь с Хит-реки.

Эгиль прожил в Борге несколько зим. Он стал распоряжаться добром и заниматься хозяйством вместе со Скаллаграмом. Эгиль стал таким же лысым, как его отец.

В это время край все больше заселялся. В Тверархлиде (Склон Поперечной Реки) тогда жил Хромунд, брат Грима из Халогаланда, и те, кто приехал с ним. Хромунд был отцом Гуннлауга, у которого была дочь Турид Дюлла. Сына Турид звали Иллуги Черный.

Зима проходила за зимой, а Эгиль жил в Борге. И вот однажды летом в Исландию пришли корабли из Норвегии, и стало известно, что

Бьёрн Свободный умер. Кроме того, рассказывали, что все добро Бьёрна забрал его зять Берг-Энунд. Все движимое имущество он перевез к себе домой, а земли заселил и собирал с них подати. Он объявил своей собственностью все, чем владел Бьёрн. Когда Эгиль услышал об этом, он стал расспрашивать, добился ли Берг-Энунд всего этого одними только своими силами или его поддерживал кто-либо из более могущественных людей. Эгилью ответили, что к Энунду очень расположен конунг Эйрик и еще больше его жена Гуннхильд.

Этой осенью Эгиль ничего не предпринимал, но когда наступила весна, он велел спустить на воду свой корабль, стоявший под навесом у водопада Лангарфорс. Он снарядил корабль для морского плавания и набрал на него людей. Его жена Асгерд собралась в дорогу вместе с ним, а Тордис, дочь ее и Торольва, осталась в Исландии. Когда Эгиль был готов, они вышли в море.

О поездке Эгиля нечего рассказывать, пока он не прибыл в Норвегию. Там он сразу же направился к Аринбьёрну. Аринбьёрн принял его хорошо. Он пригласил Эгиля пожить у него, и Эгиль принял приглашение. Он с Асгерд, и с ним еще несколько человек, поехали жить к Аринбьёрну.

Вскоре Эгиль завел с Аринбьёрном разговор о наследстве, ради которого он и приехал в Норвегию. Аринбьёрн говорит ему тогда:

– Вряд ли у тебя что-нибудь выйдет. Берг-Энунд – человек суровый и неуступчивый, нечестный и жадный до богатства. Кроме того, теперь его очень поддерживают конунг и его жена. А Гуннхильд – твой заклятый враг, как тебе давно известно. Она, конечно, не станет убеждать Энунда, чтобы он согласился на решение дела по закону.

Эгиль говорит:

– Конунг позволит нам добиваться законного и справедливого решения. И если ты меня поддержишь, я не побоюсь судиться с Берг-Энундом.

Они договорились, что Эгиль снарядит небольшой корабль и отправится к Берг-Энунду. С Эгилем поехало около двадцати человек. Они поплыли на юг, в Хёрдаланд, и прибыли в Аск. Там они вошли в дом к Энунду. Эгиль изложил свое дело и потребовал от Энунда, чтобы он отдал ему половину наследства Бьёрна.

Он говорил, что по закону обе дочери Бьёрна – его равные наследницы.

– Я даже считаю, – добавил Эгиль, – что Асгерд более высокого рождения, чем твоя жена Гуннхильд.

Тогда Энунд говорит очень нагло:

– До чего ты дерзок, Эгиль! Конунг Эйрик изгнал тебя из Норвегии, а ты все-таки приезжаешь сюда и собираешься идти против его людей. Помни, Эгиль, что таких, как ты, я убирал с дороги, даже если для этого было меньше причин, чем теперь, когда ты требуешь от меня

наследства для своей жены, в то время как всем известно, что ее мать была рабыня.

Энунд вел свои наглые речи еще некоторое время, и Эгиль понял, что Энунд не согласится на справедливое решение их спора. Тогда он сказал, что вызывает Энунда в суд и передаст тяжбу для решения на Гулатинг^[77].

Энунд ответил:

– Я приеду на Гулатинг, и надеюсь, что ты не вернешься с этого тинга целым и невредимым.

Эгиль сказал:

– Ты меня не испугаешь. Я все же приеду на тинг, и тогда посмотрим, как решится наша тяжба.

Эгиль и его спутники уехали. Вернувшись домой, Эгиль рассказал Аринбьёрну о своей поездке и об ответе Энунда. Аринбьёрн очень рассердился, что Тору, сестру его отца, назвали рабыней. Он отправился к конунгу Эйрику и рассказал ему обо всем деле. Конунг был очень недоволен и сказал, что Аринбьёрн уже давно пособничает Эгилю.

– Когда раньше я разрешил ему остаться здесь в стране, – сказал конунг, – то я сделал это ради тебя. Но сейчас я вижу, что ты идешь даже против меня, раз ты помогаешь Эгилю бороться против моих друзей.

Во время всего разговора конунг был очень сердит, а жена его, как заметил Аринбьёрн, была еще враждебнее. Аринбьёрн сказал конунгу:

– Но ты ведь позволишь нам добиваться законного решения этой тяжбы.

Вернувшись домой, Аринбьёрн сказал Эгилю, что у них очень мало надежды на успех.

Прошла зима, и наступило время ехать на Гулатинг. Аринбьёрн поехал туда с большой дружиной. Эгиль был вместе с ним. Конунг Эйрик тоже был на тинге, и с ним много народу. Берг-Энунд находился среди приближенных конунга, и с ним его братья. У них была большая дружина.

Когда на тинге разбирались тяжбы, обе стороны подходили к месту, где сидели судьи, и каждый приводил доказательства своей правоты. Энунд держал здесь большую речь. Местом суда было ровное поле, окруженное вехами из орешника. Между вехами была протянута веревка. Она называлась границей суда. А в кругу сидели судьи: двенадцать из фюлька Фирдир, двенадцать из фюлька Согн и двенадцать из фюлька Хёрдаланд. Эти судьи разбирали тяжбы. От Аринбьёрна зависело, какие судьи будут из Фирдира, а от Торда из Аурланда – какие будут из Согна. И те и другие действовали заодно.

Аринбьёрна сопровождало на тинг множество людей. Он взял с собой большой корабль, полный народу, и много небольших кораблей и гребных лодок, на которых сидели бонды. Конунг Эйрик прибыл туда с

большой силой: у него было шесть или семь боевых кораблей. На тинге собралось также множество бондов.

Эгиль изложил свое дело и сказал, что судьи должны признать, что закон на его стороне. Он доказывал свои права на имущество, которое раньше принадлежало Бьёрну, сыну Брюньольва. Он сказал также, что его законная жена Асгерд, дочь Бьёрна, должна получить наследство после своего отца. Ведь по своему рождению она имеет право владеть наследными землями, и кроме того, многие ее родичи были лендрманнами, а ее предки были еще знатнее. Эгиль потребовал, чтобы судьи присудили Асгерд половину наследства Бьёрна – его земель и движимости. А когда он кончил, заговорил Берг-Энунд:

– Моя жена Гуннхильд, – сказал он, – дочь Бьёрна и Алов, законной жены Бьёрна. Гуннхильд – по закону наследница своего отца. Я взял все добро, оставленное Бьёрном, так как знал, что вторая дочь Бьёрна не имеет прав на наследство: ее мать увезли из дому как пленницу, а потом она стала наложницей. Родители ее не давали согласия на брак, и Бьёрн возил ее из страны в страну. А ты, Эгиль, видно вздумал действовать здесь так же, как везде, где бы ты ни появлялся: ты хочешь добиться своего дерзостью и бесчинством. Но это тебе не удастся, потому что конунг Эйрик и его жена Гуннхильд обещали мне, что всякая тяжба будет решена в мою пользу, если это будет в их власти. Я приведу правдивых свидетелей того, что Тора Кружевная Рука, мать Асгерд, была насильно увезена из дома ее брата Торира, а второй раз – из Аурланда от Брюньольва. Она уехала из нашей страны с викингами, которых конунг изгнал из страны. Асгерд, дочь Торы и Бьёрна, родилась в изгнании. И прямо удивительно, как Эгиль попирает все, что бы ни сказал конунг Эйрик. Во-первых, Эгиль, ты жил здесь в стране после того, как конунг Эйрик объявил тебя изгнанным из Норвегии. Кроме того, хотя ты женился на рабыне, ты добиваешься для нее наследства. Я требую, чтобы судьи присудили все наследство Бьёрна мне, а Асгерд как рабыню – конунгу, потому что она родилась в то время, когда ее отец и мать были изгнанниками, лишенными всех прав.

Потом заговорил Аринбьёрн:

– Конунг Эйрик, мы приведем свидетелей и подтвердим их показания клятвами, что мой отец Торир и Бьёрн Свободный договорились, что Асгерд, дочь Бьёрна и Торы, будет наследницей своего отца Бьёрна. Кроме того, конунг, вы сами знаете, что вы дали Бьёрну право жить здесь в стране и что тогда было покончено со всем тем, что прежде мешало примирению.

Конунг не спешил с ответом. Тогда Эгиль сказал:

Он сказал: рабыней

Родилась жена моя.

Алчный Энунд, слушай!

Право на наследство

За женой бесспорно
По ее рождению.
В том готов поклясться, —
Принимай же клятву.

Аринбьёрн вызвал двенадцать человек, чтобы они выступили свидетелями. Все они были уважаемые люди. Они слышали, как Торир договаривался с Бьёрном, и предложили поклясться в том перед конунгом и судьями. Судьи хотели принять их клятвы, если конунг не запретит этого. Но конунг сказал, что не станет вмешиваться и не будет ни разрешать, ни запрещать эти клятвы. Тогда заговорила жена конунга Гуннхильд:

– Меня, конунг, удивляет, как ты позволяешь, чтобы этот знаменитый Эгиль поворачивал все дело по-своему. Может статься, ты не возражал бы ему, даже если бы он потребовал от тебя все твое государство. Но если ты не хочешь оказать Энунду никакой помощи, то я не потерплю, чтобы Эгиль попирали ногами моих друзей и чтобы он неправдой отобрал у Энунда его добро. Где ты, брат мой, Альв Корабельщик? Поспешь со своим отрядом туда, где сидят судьи, и не допусти, чтобы это неправо дело совершилось!

Тогда Альв Корабельщик и его дружинники побежали к месту суда, сломали орешниковые вехи, разрубили натянутые между ними веревки и разогнали судей. На тинге поднялся сильный шум, но люди там были все без оружия^[78]. Тогда Эгиль сказал:

– Послушай, Берг-Энунд, что я тебе скажу!

– Ну, слушаю, – ответил Энунд.

– Я вызываю тебя на поединок. Давай биться здесь, на тинге. Пусть тот, кто победит, владеет всем добром – землями и движимым имуществом. Каждый назовет тебя подлецом, если ты не отважишься на поединок.

Тут говорит конунг Эйрик:

– Если ты, Эгиль, так рвешься в бой, то мы можем предоставить тебе для этого случай.

Эгиль отвечает:

– Я не хочу биться с тобой и с твоей большой дружиной, но от равного числа людей я не побегу, кто бы ни были эти люди.

Тогда Аринбьёрн сказал:

– Давай уедем. Все равно на этот раз мы ничего не добьемся.

Он повернулся, чтобы уходить, и с ним все его люди. Тогда Эгиль обернулся и сказал:

– Я беру в свидетели тебя, Аринбьёрн, и тебя, Торд, и всех, кто теперь слышит мои слова, и лендрманнов, и знатоков законов, и весь народ. Я запрещаю заселять и использовать земли, которые принадлежали Бьёрну. Я запрещаю это и тебе, Берг-Энунд, и всем

другим, как жителям нашей страны, так и чужеземцам, как знатным, так и незнатным. Всякого, кто это сделает, я обвиняю в нарушении законов и порядков страны и призываю на него гнев богов.

После этого Эгиль ушел вместе с Аринбьёрном. Они отправились к своим кораблям, которых за холмом не было видно с поля тинга. Подойдя к кораблям, Аринбьёрн сказал:

– Все знают, чем кончился тинг: мы не добились законного решения, а конунг так разгневан, что всем нам, я думаю, крепко бы от него досталось, если бы он добрался до нас. Поэтому я хочу, чтобы каждый из вас шел на свой корабль и плыл домой.

Потом он сказал Эгилю:

– Иди-ка на свой корабль вместе со всеми твоими спутниками. Уезжайте отсюда поскорей и будьте осторожны, потому что конунг постарается догнать вас. Когда будем дома, подумаем, как бы помирить вас с конунгом.

Эгиль сделал, как сказал Аринбьёрн. Они пошли на свой корабль – их было три десятка человек – и поспешно отплыли. Это был небольшой, очень быстроходный корабль. Тогда же вышло из бухты множество других судов, принадлежавших Аринбьёрну, парусников и гребных лодок, а боевой корабль Аринбьёрна шел последним, потому что он был самым тяжелым, когда шли на веслах. Корабль Эгиля быстро ушел вперед. Тогда Эгиль сказал такую вису:

Злой Торгейра отпрыск^[79],
Ложь призвав на помощь,
Завладел наследством.
Не боюсь угроз его,
Отплачу сторицей
За грабеж...

Конунг Эйрик слышал последние слова Эгиля на тинге и пришел в сильный гнев. Но на тинге никто не имел при себе оружия, и потому конунг не мог сразу напасть на Эгиля. Тогда он велел всем своим людям идти на корабли, и они так и сделали. Конунг собрал своих приближенных на совет и рассказал им, что он задумал:

– Мы сейчас уберем на кораблях шатры. Я решил поплыть вслед за Аринбьёрном и Эгилем и догнать их. Я хочу также объявить вам, что я решил убить Эгиля, если мы его нагоним, и не будет пощады никому, кто вздумает помешать этому.

Потом они отправились на корабли, поспешно снарядились и отчалили от берега. Они пошли на веслах к тому месту, где раньше стояли корабли Аринбьёрна. Потом конунг велел грести по проливу на север. Когда они вышли в Согнефьорд, то увидели корабли Аринбьёрна, которые входили в пролив Саудунгссунд. Туда же повернул и конунг. В проливе он нагнал корабль, на котором плыл Аринбьёрн. Он сразу же

подошел к нему, и они окликнули друг друга. Конунг спросил, нет ли у них на корабле Эгиля.

Аринбьёрн отвечает:

– Нет, конунг, на моем корабле его нет. Вы это сейчас сами увидите. Здесь у нас на борту все люди, которых вы знаете, а Эгиль не стал бы прятаться под палубой даже от вас.

Конунг спрашивает, какие у Аринбьёрна самые последние вести об Эгиле, а тот отвечает, что Эгиль с тремя десятками человек поплыл на небольшом быстроходном корабле в пролив Стейнссунд.

Конунг и его люди уже раньше заметили, что много судов пошло в Стейнссунд. Конунг приказал гребцам войти в пролив с другой стороны острова и плыть навстречу Эгилю.

У конунга Эйрика был дружинник по имени Кетиль Хауд. Он указывал путь на корабле конунга и сам правил кораблем. Это был человек рослый и красивый. Он приходился близким родичем конунгу Эйрику, и многие говорили, что он похож на конунга.

Прежде чем поехать на тинг, Эгиль погрузил все добро на один из кораблей и оставил этот корабль на плаву возле острова. Теперь Эгиль направился туда, где стоял этот торговый корабль. Они поднялись на него, а быстроходный корабль оставили с рулем наготове, и весла на нем были в уключинах.

Утром, едва рассвело, стража заметила, что к ним приближаются большие корабли. Как только Эгиль услышал это, он встал и тотчас же увидел, что на них хотят напасть. Шесть боевых кораблей подходило к ним. Тогда Эгиль велел всем садиться на быстроходный корабль, который стоял наготове, и они поспешно перешли на него. Эгиль успел взять с собой два сундука, которые он получил от конунга Адальстейна и повсюду возил с собой.

И Эгиль, и его спутники быстро вооружились. Они пошли на веслах вперед между берегом и тем кораблем из плывших им навстречу, который шел ближе всех к берегу. Это был корабль конунга Эйрика.

Так как все произошло внезапно и было еще не очень светло, то корабли разошлись в противоположные стороны. Но в тот миг, когда они как раз поравнялись, Эгиль бросил копье и попал прямо в человека, сидевшего у руля. Это был Кетиль Хауд. Тогда конунг Эйрик крикнул, чтобы люди гребли вслед за Эгилем. А часть кораблей конунга подошла к торговому кораблю Эгиля, и дружинники конунга вскочили на него. Все те из людей Эгиля, кто остался на этом корабле и не перешел на его быстроходный корабль, были убиты или бежали на берег. Десять человек из дружины Эгиля были там убиты.

Одни из кораблей конунга поплыли вслед за Эгилем, а другие задержались у его торгового корабля. Все добро, которое было на борту корабля, разграбили, а сам корабль сожгли. Те же, которые преследовали Эгиля, гребли изо всех сил. Они взялись по двое за каждое весло: людей у них было достаточно. А у Эгиля гребцов было

немного – всего восемнадцать человек. Расстояние между кораблями стало уменьшаться. Но вот они достигли места, где между двумя островами был мелководный пролив. Было как раз время отлива. Эгиль и его спутники повели корабль по мелководью, но большой корабль конунга там не мог пройти, и это их разделило. Тогда конунг повернул обратно, к югу, а Эгиль поплыл на север, к Аринбьёрну. Тут Эгиль сказал такую вису:

Эйрик – могучий воин —
Десять храбрых витязей
Из моей дружины
В сече предал смерти.

Но копье метнул я,
И оно, вонзаясь
Между ребер Кетиля,
Жизнь мне сохранило.

Эгиль приехал к Аринбьёрну и рассказал ему все, что произошло. Аринбьёрн сказал, что он и не ждал ничего хорошего от конунга Эйрика и его людей.

– Но у тебя, Эгиль, – добавил Аринбьёрн, – не будет недостатка в имуществе. Корабль, которого ты лишился, я возьму тебе: я дам тебе другой, и на нем ты сможешь доехать до Исландии.

Асгерд, жена Эгиля, жила у Аринбьёрна все время, с тех пор как они поехали на тинг. Аринбьёрн дал Эгилю корабль, пригодный для морского плавания, и велел нагрузить его строевым лесом. Эгиль снарядил корабль для поездки за море. На корабле было около трех десятков человек. Эгиль и Аринбьёрн расстались друзьями. Эгиль сказал:

Да избавят боги
Нас от злого конунга,
Что меня ограбил.
О великий Один,

Да изгонит гнев твой
Недруга людского.
Фрейр и Ньёрд^[80], сразите
Нечестивца карой.

LVII

Когда Харальд Прекрасноволосый начал стариться, он посадил своих сыновей править вместе с ним Норвегией, а Эйрика назначил

верховным правителем над ними всеми. Но после того как Харальд пробыл конунгом семь десятков лет, он передал своему сыну Эйрику полную власть в стране. В это время Гуннхильд родила сына, и Харальд окропил его водой и дал ему свое имя, а также сказал, что мальчик должен стать конунгом после своего отца, если он доживет до тех пор.

Конунг Харальд ушел тогда на покой и чаще всего жил в Рогаланде или Хёрдаланде. Тремя годами позже он умер в Рогаланде, и над ним был насыпан курган у пролива Хаугасунд. После его смерти был великий раздор между сыновьями, потому что жители Вика выбрали конунгом Олава, а трёнды^[81] – Сигурда. Но конунг Эйрик убил обоих своих братьев в Тунсберге через год после смерти конунга Харальда. Это случилось в то лето, когда конунг Эйрик поплыл со своим войском из Хёрдаланда на восток, в Вик, биться со своими братьями. А перед этим была тяжба на Гулатинге между Эгилем и Берг-Энундом, о которой уже рассказывалось.

В то время как конунг отправился в поход, Берг-Энунд оставался у себя дома: он считал, что неосторожно уезжать из дому, пока Эгиль еще остается в Норвегии. Вместе с Энундом был его брат Хёдд.

Жил тогда человек по имени Фроди, родич конунга Эйрика и его воспитанник. Он был хорош собой и молод. Конунг Эйрик оставил его для охраны Берг-Энунда. Фроди сидел в Альрексстадире, в поместье конунга, и с ним был отряд воинов.

Одного из сыновей конунга Эйрика и Гуннхильд звали Рёгнвальд. Ему тогда было лет десять или одиннадцать. Это был красивый мальчик, и от него многого ожидали в будущем. В это время Рёгнвальд жил в Альрексстадире с Фроди.

Прежде чем отправиться в поход, конунг Эйрик объявил Эгиля вне закона, и всякий человек в Норвегии имел право убить его. Аринбьёрн был вместе с конунгом в походе. А еще до того, как он уехал из дому, Эгиль вышел на своем корабле в море и направился к тоне в шхерах около острова Альди. Эти шхеры называются Витар. Они лежат в стороне от обычного пути кораблей. Там были рыбаки, и от них легко было узнать новости. Эгилю стало известно, что конунг объявил его вне закона. Тогда он сказал такую вису:

Конунг, закон поправший,
Мне судил изгнание,
В том повинна Гуннхильд, —
Эйрик братоубийца

Внял жены советам.
Отомщу как должно
Женщине жестокой
За ее коварство.

Стояла почти безветренная погода. По ночам дул береговой ветер, а днем – слабый ветер с моря. Как-то раз вечером Эгиль и его спутники вышли в море, и тогда рыбаки, которые были поставлены там, чтобы следить за Эгилем, поплыли к берегу. Увидев, что Эгиль вышел в море и уплыл прочь, они сообщили об этом Берг-Энунду. А когда Энунд услышал об этом, он отослал от себя всех людей, которых раньше держал при себе из предосторожности. Он поехал в Альрекстадир и пригласил к себе Фроди, потому что дома у Берг-Энунда было много браги. Фроди поехал с ним, взяв с собой еще несколько человек. Там они славно попиrowали и повеселились. Они думали, что им нечего опасаться.

У Рёгнвальда, сына конунга, была быстроходная лодка на шесть пар гребцов. Выше воды она была вся крашеная. Рёгнвальд постоянно сопровождало человек десять или двенадцать. И когда Фроди уехал к Берг-Энунду, Рёгнвальд взял свою лодку, и они поплыли к острову Хердле. Их всего было двенадцать человек. На этом острове было большое поместье конунга, а управителем там был человек по имени Торир Борода. В этом поместье Рёгнвальд воспитывался в детстве. Торир встретил сына конунга с радостью. Не стало дело и за брагой.

Ночью Эгиль вышел в море, как уже было описано, но утром ветер спал, и наступило затишье. Они плыли по воле волн, и несколько ночей их носило по морю. А потом подул ветер с моря, и Эгиль сказал своим спутникам:

– Теперь мы направимся к берегу, потому что неизвестно, где нам придется пристать, если поднимется сильный ветер с моря. Ведь почти везде нас ждет далеко не дружелюбный прием.

Спутники Эгиля сказали, чтобы он сам решил, куда плыть. Они подняли паруса и пошли к шхерам у острова Хердлы. Здесь они нашли удобную бухту, поставили на корабле шатры и провели там ночь. У них на корабле была лодка. Эгиль сел в нее, взяв с собой трех человек, и ночью они поплыли к Хердле. Там он послал одного из своих спутников узнать, что слышно. Вернувшись, тот сказал:

– В усадьбе сын конунга Рёгнвальд со своими людьми. Они сидят там и пьют. Я встретил одного из домочадцев, он был пьян и сказал, что здесь пьют не меньше, чем у Берг-Энунда, хотя у того пирует Фроди, и с ним еще четыре человека. Он сказал, что сейчас у Берг-Энунда, кроме домочадцев, только Фроди и его люди.

Тогда Эгиль вернулся обратно на корабль и велел людям встать и взять оружие. Они так и сделали. Корабль они поставили на якорь. Двенадцать человек Эгиль оставил охранять корабль, а сам поехал на лодке, которая у них была, и с ним семнадцать человек. Они гребли вдоль пролива и к вечеру добрались до острова Фенхринг. Здесь они причалили к берегу в укромной бухте. Тогда Эгиль сказал:

– Я один сойду на остров и посмотрю, что мне удастся разузнать, а вы подождите меня здесь.

У Эгиля было с собой оружие, которое он обычно носил: шлем и щит, у пояса – меч, в руке – копье. Он сошел на берег и направился вперед вдоль леса. Шлем он прикрыл плащом. Он подошел к месту, где сидели несколько слуг с большими собаками. Эгиль заговорил со слугами и спросил, откуда они и почему сидят здесь с такими большими собаками. Те ответили:

– Да ты, видно, совсем ничего не смыслишь. Разве ты не слыхал, что по острову бродит медведь? Он причиняет много вреда, убивает и людей, и скот, и за его голову назначена награда. Мы сторожим здесь каждую ночь наш скот, укрытый в загоне. А почему ты ходишь по ночам с оружием?

Эгиль говорит:

– Я боюсь медведя, и мне кажется, теперь немногие ходят без оружия. Этой ночью медведь долго гнался за мной. Да и сейчас он там – в кустах на опушке леса. А разве все люди в усадьбе спят?

Один из слуг сказал, что Берг-Энунд и Фроди, наверное, еще пьют.

– Они сидят все ночи напролет, – добавил он.

– Скажите им тогда, – говорит Эгиль, – где медведь, а я пойду домой.

Он ушел, а слуга побежал в усадьбу к тому дому, где сидели и пили Берг-Энунд и Фроди. В это время все уже спали, кроме троих – Энунда, Фроди и Хёдда. Слуга сказал им, где медведь, и они взяли оружие, висевшее рядом, немедленно выбежали из дому и – прямо к лесу.

Около опушки леса в некоторых местах был кустарник. Слуга сказал Энунду, где в зарослях кустарника сидит медведь. Они увидели, что ветви зашевелились, и им показалось, что они различают медведя. Тогда Берг-Энунд сказал, чтобы Хёдд и Фроди бежали туда, где кусты подходят к лесу, и следили, как бы медведь не ушел в лес. Сам Берг-Энунд бросился прямо к кустам. На нем были шлем и щит, у пояса – меч, в руке – копье.

В кустах был Эгиль, а не медведь, и когда он увидел Берг-Энунда, он вынул меч из ножен. На мече в средней части рукоятки было кольцо, и Эгиль надел его себе на руку, оставив меч висеть на кольце. Он схватил копье и побежал навстречу Берг-Энунду. А когда Берг-Энунд увидел Эгиля, он побежал к нему еще быстрее и заслонился щитом. Прежде, чем они встретились, каждый из них бросил свое копье в другого. Подставив свой щит под копье, Эгиль держал его наклонно, так что копье скользнуло по щиту и полетело на землю. А копье Эгиля попало Берг-Энунду в середину щита, глубоко вошло в него и застряло в нем. Энунду стало тяжело держать щит.

Тогда Эгиль быстро схватился за рукоятку меча. Энунд также начал вытаскивать свой меч из ножен, но не успел вытащить его и наполовину, как Эгиль нанес ему удар мечом. Энунд упал, а Эгиль с силой рванул меч к себе и ударил Энунда еще раз. Он почти отсек ему голову. Потом Эгиль вытащил свое копье из щита.

Хёдд и Фроди видели, как был убит Берг-Энунд, и побежали туда. Эгиль обратился против них. Он бросил в Фроди копье, и оно пронзило щит и вонзилось в грудь Фроди так глубоко, что наконечник его показался из спины. Фроди упал навзничь мертвым. Тогда Эгиль взял меч и обратился против Хёдда. Они обменялись всего несколькими ударами, и Хёдд был убит. В это время подошли слуги, и Эгиль сказал им:

– Охраняйте Энунда, вашего хозяина, и его товарищей, чтобы звери и птицы не растерзали их трупов.

Эгиль пошел своим путем, и скоро одиннадцать из его товарищей вышли ему навстречу. Шестеро же в это время охраняли лодку. Они спросили, что он делал, и он ответил:

Долго нес ущерб я.
Хоть и не смирялся,
Защищая право
На свои владенья.

Берг-Энунда ранил —
Умер он, – а вскоре
Землю я окрасил
Кровью Хёдда и Фроди.

Потом Эгиль сказал:

– Пойдем в усадьбу и, как подобает воинам, убьем всех, кто нам попадется, и захватим все, что сможем захватить.

Они отправились в усадьбу, ворвались в дом и убили там пятнадцать или шестнадцать человек. Некоторые же спаслись бегством. Они разграбили все имущество и уничтожили то, что не смогли унести с собой. Скот они угнали на берег, зарубили его и взяли с собой в лодку, сколько вместились. Потом они поехали своим путем и гребли, пока не вышли из пролива между островами.

Эгиль был теперь так разъярен, что с ним нельзя было разговаривать. Он сидел на руле. А когда они плыли по фьорду к острову Хердле, им навстречу плыл сын конунга Рёгнвальд на своей крашеной лодке, и с ним еще двенадцать человек. Они услышали, что корабль Эгиля стоит в шхерах у острова Хердлы, и решили сообщить Энунду, что появился Эгиль.

Когда Эгиль увидел лодку Рёгнвальда, он тотчас же узнал ее. Он направил свою лодку им прямо навстречу. Оба судна сошлись и столкнулись борт о борт. Лодка Рёгнвальда наклонилась так, что вода хлынула через борт и залила ее. Эгиль вскочил и схватил копье. Он велел своим людям не упустить живым ни одного из тех, кто был на лодке Рёгнвальда. Это было легко сделать, потому что они не оборонялись. Рёгнвальд и все его спутники были убиты в воде, и никто

из них не спасся. Всего погибло тринадцать человек. После этого Эгиль с товарищами поплыли к острову Хердле. Тогда Эгиль сказал вису:

Мы сражались. Меч мой
Красен от крови сына
Эйрика и Гуннхильд.
Гнев их мне не страшен.

Я тринадцать воинов
В битве предал смерти.
Бранный труд был тяжек,
Я его исполнил.

Когда они приехали на Хердлу, то сразу же бросились в полном вооружении в усадьбу. Увидев их, Торир и его домочадцы пустились бежать и спрятались. Бежали все, кто мог ходить, мужчины и женщины. Эгиль и его люди захватили добро, какое только попало им в руки. Потом они отправились на корабль. Вскоре подул попутный ветер, и Эгиль и его спутники стали готовиться к отплытию.

Но когда они уже держали паруса наготове, Эгиль снова поднялся на остров. Он взял орешниковую жердь^[82] и взобрался с ней на скалистый мыс, обращенный к материку. Эгиль взял лошадиный череп и насадил его на жердь. Потом он произнес заклятье, говоря:

– Я воздвигаю здесь эту жердь и посылаю проклятие конунгу Эйрику и его жене Гуннхильд, – он повернул лошадиный череп в сторону материка. – Я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из Норвегии.

Потом он всадил жердь в расщелину скалы и оставил ее там. Он повернул лошадиный череп в сторону материка, а на жерди вырезал рунами сказанное им заклятье.

После этого Эгиль вернулся к своим спутникам на корабль. Они подняли паруса и вышли в море. Попутный ветер крепчал, и корабль шел быстро. Тогда Эгиль сказал:

Ветер храпящий рубит
Море лезвием бури,
Волны сечет крутые —
Дорогу коня морского.

Ветер в одеждах снежных
Рвет, как пила, зубцами
Крылья морского лебедя,
Грудь ему раздирая.

Потом они вышли в открытое море и поплыли в Исландию. Путешествие их кончилось благополучно. Они вошли в Боргарфьорд, и

Эгиль направил корабль к причалу. Когда они разгрузили корабль, Эгиль отправился в Борг, а его спутники стали искать, у кого им поселиться.

Скаллаgrim был уже стар и от старости немощен. Эгиль стал тогда распоряжаться добром и заниматься хозяйством.

LVIII

Жил человек по имени Торгейр. Он был женат на Тордис, дочери Ингвара. Она приходилась сестрой Бере, матери Эгиля. Торгейр жил к востоку от мыса Альфтанес, в Ламбастадире (Двор Ламби). Он приехал в Исландию с Ингваром. Он был человек богатый и уважаемый. Сына его и Тордис звали Торд. После смерти отца Торд жил в Ламбастадире. Это было в то время, когда Эгиль приехал в Исландию.

Однажды в конце осени, перед самой зимой, Торд поехал в Борг навестить своего родича Эгиля и позвал его к себе на пир. Для пира он велел наварить браги. Эгиль обещал приехать через неделю, и когда срок подошел, он собрался в путь, и его жена Асгерд – с ним. Всего их поехало десять или двенадцать человек. Когда Эгиль был готов к отъезду, Скаллаgrim вышел к нему, обнял его перед тем, как тот поднялся в седло, и сказал:

– Что-то ты, Эгиль, не спешишь отдать мне деньги, которые послал мне конунг Адальстейн. Что ты думаешь с этими деньгами делать?

Эгиль ответил:

– Тебе очень нужны деньги, отец? Я не знал этого. Я тотчас же отдам тебе серебро, как только узнаю, что оно тебе нужно. Но я ведь знаю, что у тебя еще остается один или два сундука, полные серебра.

– Ты, кажется, уже получил свою часть нашего добра. Поэтому предоставь мне поступать, как мне угодно, с тем, что осталось у меня, – сказал Скаллаgrim.

– Конечно, тебе нечего спрашивать моего разрешения на это, – отвечал Эгиль. – И ведь ты сделаешь по-своему, что бы я ни сказал.

После этого Эгиль поехал в Ламбастадир. Там его встретили дружески и приветливо. Он должен был провести там три ночи^[83].

В тот самый вечер, когда Эгиль уехал из дому, Скаллаgrim велел оседлать коня, и когда все легли спать, он уехал из дому. Выезжая, он держал перед собой довольно большой сундук, а под мышкою – медный котел. Люди рассказывали потом, что сундук или котел, а возможно, и то и другое, он утопил в болоте Крумскельде (Топи Сутулого), а сверху навалил большой плоский камень.

К полуночи Скаллаgrim вернулся домой, пошел в свою каморку и лег, не раздеваясь, в постель. А наутро, когда рассвело и люди встали, Скаллаgrim сидел мертвый, прислонясь к столбу. Он так заоченел, что люди не смогли разогнуть его, сколько ни старались.

Тогда один из людей сел на коня и помчался во весь опор в Ламбастадир. Там он пошел к Эгилю и рассказал ему, что случилось. Эгиль оделся, взял оружие и в тот же вечер поехал домой, в Борг.

Сойдя с коня, он направился в дом. Эгиль вошел в каморку, взял Скаллагрима за плечи и разогнул его. Он положил его на скамью и сделал все, что было надо^[84]. Потом он приказал взять ломы и проломить южную стену дома. Когда это сделали, Эгиль взял Скаллагрима под голову, другие – за ноги, и они вынесли его из дому через пролом в стене. Не останавливаясь, они несли его до мыса Наустанеса (Мыс Корабельных Сараев). На ночь над ним разбили шатер. Рано утром, в прилив, Скаллагрима внесли на корабль и отплыли к мысу Дигранес. Эгиль велел насыпать могильный холм на самом мысу. Туда положили Скаллагрима, его оружие, коня, кузнечные орудия. Положили ли с ним его добро – об этом ничего не рассказывают.

Эгиль унаследовал все земли и все добро. Теперь он распоряжался в доме. Тордис, дочь Торольва и Асгерд, он оставил у себя.

LIX

Конунг Эйрик уже целую зиму правил Норвегией после смерти своего отца, конунга Харальда, когда из Англии приехал Хакон, воспитанник Адальстейна^[85], второй сын конунга Харальда. Тем же летом Эгиль, сын Скаллагрима, вернулся в Исландию. Хакон поехал на север, в Трандхейм. Там его выбрали конунгом. Всю зиму в Норвегии было два конунга – он и Эйрик. Но весной оба стянули свои войска. У Хакона людей было много больше, и Эйрик не видел иного выхода, как покинуть страну. Он уехал со своей женой Гуннхильд и детьми.

Херсир Аринбьёрн был побратимом конунга Эйрика и воспитателем его детей. Из всех лендрманнов конунг любил его больше всех. Он сделал его правителем фюлька Фирдир. Аринбьёрн покинул страну вместе с конунгом.

Сначала они поехали за море на запад – на Оркнейские острова. Там Эйрик выдал свою дочь Рагнхильд за ярла Арнфинна. Потом он отправился с войском на юг, в Шотландию, и воевал там. Оттуда он направился в Англию и там тоже совершал набеги.

Когда конунг Адальстейн узнал об этом, он собрал войско и выступил навстречу Эйрику. Но, встретившись, они вступили в переговоры, и было решено, что конунг Адальстейн предоставляет Эйрику власть над Нортумбрией. Он должен был защищать страну конунга Адальстейна от скоттов и иров. После смерти конунга Олава конунг Адальстейн заставил Шотландию платить дань, но народ там был ненадежен. Конунг Эйрик постоянно сидел в Йорке.

Рассказывают, что Гуннхильд занималась колдовством и сделала так, что Эгилю, сыну Скаллагрима, не найти было в Исландии покоя, пока они опять не увидятся. Но в то лето, когда Хакон и Эйрик боролись за власть в Норвегии, выход кораблей из Норвегии в другие страны был

запрещен. Тем летом ни один корабль не пришел в Исландию, и ни одного известия не было получено из Норвегии.

Эгиль, сын Скаллагрима, жил в своей вотчине. Но на вторую зиму, которую он провел после смерти Скаллагрима в Борге, ему стало не по себе, и чем дальше шла зима, тем мрачнее он становился, и когда наступило лето, Эгиль объявил, что он хочет снарядить свой корабль, чтобы летом уехать. Он набрал гребцов и задумал отплыть в Англию. У него на корабле было тридцать человек. Асгерд осталась дома и вела хозяйство, а Эгиль решил навестить конунга Адальстейна, чтобы воспользоваться обещанием, которое тот дал при их расставании.

Эгиль долго собирался в плавание, а когда они вышли в море, то долго не было попутного ветра. Наступила осень, и начались сильные бури. Они обошли Оркнейские острова с севера. Там Эгиль причалить не захотел, он думал, что на эти острова распространяется власть конунга Эйрика. Они плыли теперь на юг вдоль Шотландии в сильную бурю и при противном ветре. С трудом миновали они Шотландию и подошли к английскому берегу. Но вечером, когда начало темнеть, поднялся сильный ветер. Внезапно они заметили, что со стороны открытого моря и перед ними буруны разбиваются о подводные скалы. Им не оставалось ничего другого, как идти к берегу. Так они и сделали. Корабль разбился, а сами они выбрались на берег в устье реки Хумры^[86]. Никто из них не погиб, и большая часть груза тоже уцелела, но корабль разлетелся в щепки.

Когда они встретили местных жителей и заговорили с ними, то узнали – чего Эгиль и опасался, – что поблизости были Эйрик Кровавая Секира и Гуннхильд. Они правили этим краем, и Эйрик был здесь рядом, в городе Йорк. Эгиль узнал и то, что херсир Аринбьёрн жил у конунга и был у него в большой милости.

Получив это известие, Эгиль задумался. Ему казалось маловероятным, что удастся уйти, даже если бы он попытался пройти, скрываясь, длинный путь до границ государства Эйрика. Его легко узнал бы любой встречный, и ему казалось недостойным быть схваченным при таком бегстве. Тогда он пришел к смелому решению. В эту же ночь он достал себе коня и поехал прямо к городу. К вечеру следующего дня он достиг города и сразу же въехал в него. Он покрыл шлем плащом, но был в полном вооружении. Эгиль спросил, в каком дворе живет Аринбьёрн. Ему указали, и он поехал туда. Подъехав к дому Аринбьёрна, Эгиль слез с коня и обратился к какому-то человеку. Тот сказал, что Аринбьёрн ужинает. Эгиль сказал:

– Я хотел бы, любезный, чтобы ты пошел в дом и спросил Аринбьёрна, где ему удобней говорить с Эгилем, сыном Скаллагрима, в доме или на улице?

Человек ответил:

– Это нетрудно передать.

Он вошел в дом и громко сказал:

– Тут приехал какой-то человек, большущий, как тролль, он просил меня зайти сюда и спросить, дома или на улице ты хочешь говорить с Эгилем, сыном Скаллагрима.

Аринбьёрн сказал:

– Пойди и попроси его подождать около дома, я сейчас выйду.

Тот сделал, как сказал Аринбьёрн, вышел и сказал, что ему было велено. Аринбьёрн распорядился убрать столы. Затем он вышел, и все его домочадцы с ним. Увидев Эгиля, он поздоровался с ним и спросил, зачем он приехал. Эгиль в немногих словах рассказал всё о своей поездке:

– А теперь, если ты хочешь мне помочь, посоветуй, как мне поступить.

– Ты встретил здесь в городе кого-нибудь, – спросил Аринбьёрн, – кто мог бы узнать тебя, прежде чем ты приехал сюда во двор?

– Никого, – ответил Эгиль.

– Пусть твои люди вооружатся, – сказал Аринбьёрн.

Они так и сделали, и когда они и люди Аринбьёрна вооружились, Аринбьёрн пошел с ними к конунгу. Подойдя к палате, Аринбьёрн постучал в дверь, попросил открыть ему и назвал себя. Стража сразу же отворила дверь. Конунг сидел за столом. Аринбьёрн велел, чтобы вошли, не считая его самого и Эгиля, десять человек.

– Теперь, Эгиль, – сказал он, – ты должен прийти к конунгу с повинной и обнять его ноги, а я буду ходатайствовать за тебя.

Потом они вошли. Аринбьёрн подошел к конунгу и приветствовал его. Конунг дружелюбно принял его и спросил, чего он хочет. Аринбьёрн сказал:

– Тут я привел одного человека, который проделал большой путь, чтобы посетить вас и помириться с вами. Это большая честь для вас, государь, что ваши враги добровольно едут из других стран, не будучи в силах вынести ваш гнев даже тогда, когда вы так далеко от них. Поступите по отношению к этому человеку так, как подобает повелителю. Помиритесь с ним, раз он, как видите, так высоко оценил вашу славу, что через моря, опасным путем, приехал к вам, оставив свой дом. Никто не гнал его в этот путь, только расположение к вам.

Тогда конунг оглядел вошедших и поверх голов узнал Эгиля.

Он бросил на него пронзительный взгляд и сказал:

– Как ты дерзнул прийти ко мне, Эгиль? Расставались мы так, что тебе не приходится ждать от меня пощады.

Тогда Эгиль подошел к столу, обнял ногу конунга и сказал:
Долго плыть пришлось мне.

Часто против ветра

Направлял я смело

Бег коня морского.

Англии владыку

Мне хотелось видеть,
И теперь предстал я
Перед ним без страха.

Конунг Эйрик сказал:

– Мне не стоит перечислять тебе твои дела: их столько и они таковы, что любого из них с лихвой довольно, чтобы ты не вышел отсюда живым. Здесь тебе нечего ждать, кроме смерти. Знай, что примирения со мной тебе не видать.

Гуннхильд сказала:

– Почему Эгиля не убивают сразу? Разве ты забыл, конунг, что он тебе сделал? Он убил твоих друзей и родичей, он убил твоего сына, а над тобою глумился. Где и когда это слыхано, чтобы так поступали с конунгом?

Аринбьёрн сказал:

– Если Эгиль оскорбил конунга, пусть он искупит это хвалебной песнью, которая останется навсегда.

Гуннхильд ответила:

– Мы не хотим слушать его хвалы. Вели, конунг, вывести его и зарубить. Я не хочу ни слышать, ни видеть его.

Тогда Аринбьёрн сказал:

– Конунг не позволит склонить себя к низкому делу. Он не позволит убить Эгиля ночью, ибо убийство ночью – это низкое убийство.

Конунг сказал:

– Будь по-твоему, Аринбьёрн! Пусть Эгиль живет до утра. Возьми его к себе в дом и приведи сюда утром.

Аринбьёрн поблагодарил конунга за его слова.

– Я надеюсь, государь, – сказал он, – что его дело повернется к лучшему. Ведь как ни велика его вина перед вами, подумайте, что и он много пострадал от ваших родичей. Ваш отец, конунг Харальд, велел убить славного витязя Торольва, его дядю, совсем безвинно, по наговору злых людей. А вы, конунг, нарушили закон, действуя против Эгиля в пользу Берг-Энунда. Кроме того, вы хотели убить Эгиля, перебили его людей, отняли его добро и сверх того объявили его вне закона и изгнали из страны. А ведь Эгиль не такой человек, который позволит себя обидеть. Когда выносят приговор, надо взвесить и побуждения, а не только вину. А теперь я возьму Эгиля на ночь к себе.

Так и было сделано. И когда они пришли к Аринбьёрну, они поднялись вдвоем в маленькую горницу и стали обсуждать положение. Аринбьёрн сказал:

– Конунг был в большом гневе, но мне кажется, что его гнев смягчился к концу разговора. Теперь судьба решит, что будет дальше. Я знаю, что Гуннхильд приложит все силы, чтобы погубить тебя. Я советую тебе не спать ночь и сочинить хвалебную песнь конунгу Эйрику. Хорошо, если это будет песнь в двадцать вис с припевом, и ты

сможешь сказать ее утром, когда мы придем к конунгу. Так же поступил Браги^[87], мой родич, когда вызвал гнев шведского конунга Бьёрна. Он тогда сочинил ему в одну ночь хвалебную песнь в двадцать вис, и за это ему была дарована жизнь. Может быть, и нам так повезет, что это помирят тебя с конунгом.

Эгиль сказал:

– Я попробую сделать, как ты советуешь, только я, по правде говоря, совсем не собирался сочинять хвалебную песнь конунгу Эйрику.

Аринбьёрн просил его попытаться. Потом он пошел к своим людям, и они сидели и пили до полуночи. Они пошли затем спать, но, прежде чем раздеться, Аринбьёрн поднялся к Эгилью в горницу и спросил его, как идет дело с песней. Эгиль сказал, что еще ничего не сочинил.

– Тут на окне сидела ласточка и щебетала всю ночь, так что мне не было покоя.

Аринбьёрн вышел и пошел к двери, через которую входили наверх. Он сел снаружи у окна, где до этого сидела птица. Тут он увидел, как от дома удалилась какая-то колдунья^[88], принявшая чужой образ. Всю ночь сидел Аринбьёрн у окна, пока не рассвело, а когда он вошел к Эгилью, у того была уже готова вся песнь^[89], и он так крепко запомнил ее, что мог сказать ее всю Аринбьёрну. Теперь они стали ждать, когда придет час отправиться к конунгу.

LX

Конунг Эйрик пошел, как обычно, к столу. Его окружало множество народу. Узнав об этом, Аринбьёрн пришел со всеми своими вооруженными людьми на двор конунга. Он потребовал, чтобы его впустили, и ему сразу же разрешили войти. С половиною людей они прошли с Эгилем в палату. Вторая половина осталась у дверей снаружи. Аринбьёрн сказал:

– Эгиль пришел. Он не пытался убежать ночью. Мы хотели бы знать, государь, какова будет его судьба. Я жду от вас добра. Словом и делом я всегда стремился увеличить вашу славу, не жалея ничего, как это и подобает. Я оставил все свои владения, родню и друзей, которые были у меня в Норвегии, и последовал за вами, когда все лендрманны оставили вас. И я должен был так поступить, потому что вы сделали мне много добра.

Тогда Гуннхильд сказала:

– Замолчи, Аринбьёрн, и не говори так много об этом. Ты сделал много хорошего конунгу Эйрику, но он вполне вознаградил тебя за это. Ты несравненно большим обязан конунгу, чем Эгилью. Ты не имеешь права требовать, чтобы Эгиль ушел без возмездия после всего, что он причинил нам.

Аринбьёрн ответил:

– Если вы с Гуннхильд твердо решили, что Эгиль не получит здесь пощады, то было бы благородно дать ему отсрочку и разрешить уехать на неделю, чтобы он мог спастись. Ведь он по своей воле приехал к вам и рассчитывал на мир. А тогда будь что будет!

Гуннхильд сказала:

– Теперь я вижу, Аринбьёрн, что тебе милее Эгиль, чем конунг Эйрик. Если Эгиль получит пощаду на неделю, он успеет уйти к конунгу Адальстейну. Конунг Эйрик может видеть теперь, что он слабее всех конунгов, хотя еще недавно никто бы не поверил, что у конунга Эйрика нет ни желанья, ни силы, чтобы отомстить за оскорбление такому человеку, как Эгиль.

Аринбьёрн отвечал:

– Никто не сочтет Эйрика более могущественным, если он убьет отдавшегося в его руки сына чужеземного бонда. Но если уж он хочет прославиться этим, то я помогу ему сделать это событие достойным предания. Эгиль и я, мы будем помогать друг другу, так что придется биться с нами обоими. Смерть Эгиля обойдется вам дорого, конунг, потому что на поле битвы останемся мы все, я и мои люди. Я не ждал от вас, что вы скорее позволите убить меня, чем сохранить жизнь человеку, о котором я прошу.

Тогда конунг сказал:

– Уж очень горячо ты стараешься помочь Эгилю, Аринбьёрн. Я не хотел бы погубить тебя, даже если ты готов отдать свою жизнь ради того, чтобы жил Эгиль. Эгиль очень виноват передо мной, что бы я ни велел сделать с ним.

Когда конунг сказал это, Эгиль вышел вперед и начал свою песнь. Он говорил громко, и наступила тишина.

LXI

Пока Эгиль говорил свою хвалебную песнь, конунг Эйрик сидел, выпрямившись, и пристально смотрел на него. Когда песнь кончилась, конунг сказал:

– Песнь исполнена превосходно. Я решил теперь, Аринбьёрн, как поступить с Эгилем. Ты так горячо защищал его, что хотел даже стать мне врагом. Так пусть будет по-твоему, пусть Эгиль уйдет от меня целый и невредимый. Но ты, Эгиль, вперед путешествуй так, чтобы, покинув сейчас эту палату, ты больше никогда не попадался на глаза ни мне, ни моим сыновьям. Не попадайся никогда ни мне, ни моим людям, а на этот раз я подарю тебе жизнь. Я не сделаю тебе зла потому, что ты сам отдался мне во власть, но знай, что это не примирение со мной, с моими сыновьями или нашими родичами, если они захотят осуществить справедливую месть.

Тогда Эгиль сказал:

Голову я
Не прочь получить:
Пусть безобразна,
Но мне дорога.

Эйрик достойный
Мне отдал ее, —
Кто получал
Подарок богаче!

Аринбьёрн торжественно поблагодарил конунга за честь и дружбу, которые тот ему оказал. Потом Эгиль и Аринбьёрн отправились к Аринбьёрну. Аринбьёрн велел своим людям седлать лошадей и выехал с Эгилем. Их сопровождало его двадцать хорошо вооруженных людей. Аринбьёрн ехал вместе с отрядом, пока они не приехали к конунгу Адальстейну. Там их приняли хорошо. Конунг предложил Эгилю остаться у него и спросил, что произошло у него с конунгом Эйриком. Тогда Эгиль сказал:
Щедрый вождь дружины
Мне глаза оставил
С черными бровями, —
Подарил он жизнь мне.

Аринбьёрна смелость
Помогла немало:
Основаньем шлема^[90]
Снова я владею.

При расставании Эгиль дал Аринбьёрну оба золотых запястья, которые ему подарил конунг Адальстейн. Каждое весило марку. Аринбьёрн подарил Эгилю меч, который назывался Драгвандиль. Торольв, сын Скаллагрима, дал его Аринбьёрну, а раньше его получил Скаллагрим от своего брата Торольва, а Торольву этот меч дал Грим Бородач, сын Кетиля Лосося. Кетиль Лосось владел этим мечом и обнажал его на поединках. Это был острейший из мечей.

Аринбьёрн и Эгиль расстались добрыми друзьями, и Аринбьёрн вернулся домой, в Йорк, к конунгу Эйрику. А товарищей Эгиля и его гребцов никто не трогал, и под защитой Аринбьёрна они могли продать свои товары. К концу зимы они отправились на юг, в Англию, и приехали к Эгилю.

Жил в Норвегии лендрманн по имени Эйрик Мудрый. Он был женат на Торе, дочери херсира Торира, сестре Аринбьёрна. У него были владения на востоке, в Вике. Это был очень богатый, уважаемый и умный человек. Сына его и Торы звали Торстейн. Его воспитал Аринбьёрн, и он был уже взрослый. Он поехал с Аринбьёрном в Англию.

Той осенью, когда Эгиль приехал в Англию, из Норвегии пришло известие, что Эйрик Мудрый умер, а его наследство забрали управители конунга Хакона и объявили его имуществом конунга. Когда Аринбьёрн и Торстейн узнали об этом, они решили, что Торстейн поедет в Норвегию и будет добиваться своего наследства. А когда наступила весна и люди, собиравшиеся за море, уже готовили корабли, Торстейн поехал на юг, в Лондон, и явился к конунгу Адальстейну. Он показал конунгу верительные знаки и передал послание от Аринбьёрна к конунгу, а также к Эгилю. Эгиль должен был ходатайствовать перед конунгом Адальстейном и просить его послать весть конунгу Хакону, своему воспитаннику, чтобы Торстейн получил свое наследство в Норвегии. Конунг Адальстейн легко согласился на это, так как знал Аринбьёрна с хорошей стороны. Тогда Эгиль заговорил с конунгом Адальстейном и сообщил ему о своих намерениях.

– Летом, – сказал он, – я хочу поехать в Норвегию за тем добром, которое отняли у меня конунг Эйрик и Берг-Энунд. Им владеет теперь Атли Короткий, брат Берг-Энунда. Я знаю, что если до конунга дойдут ваши слова, то я добьюсь своего права.

Конунг ответил, что Эгиль волен ехать, если хочет.

– Хотя, – добавил он, – я бы предпочел, чтобы ты остался у меня и стал защитником моей страны и вождем моего войска. Я щедро вознагражу тебя.

Эгиль сказал:

– Это предложение очень заманчиво. Я на него согласен и не хочу от него отказываться. Но сначала я хотел бы съездить в Исландию навестить жену и присмотреть за своим добром.

Конунг Адальстейн дал Эгилю большой торговый корабль вместе с грузом. Там была пшеница и мед, и много другого добра. Когда Эгиль снарядил свой корабль, с ним решил ехать Торстейн, о котором говорилось раньше и которого позже стали звать сыном Торы. Собравшись, они отплыли. Конунг Адальстейн и Эгиль расстались большими друзьями.

Путешествие Эгиля и Торстейна прошло благополучно. Они подошли к Вику и направили корабль в Ослофьорд. Там у Торстейна были владения, а также и дальше в глубине страны, в Раумарики. Когда Торстейн приехал в Норвегию, он потребовал, чтобы управители конунга, жившие в его владениях, вернули ему отцовское наследство. Многие помогали Торстейну при этом. Он встречался со многими людьми. Здесь у него было немало знатных родичей. Наконец дело было передано на решение конунга, а Торстейну было поручено

управление добром, которым владел его отец. Эгиль поехал на зиму к Торстейну. С ним было одиннадцать человек. Он велел переправить в дом Торстейна пшеницу и мед. Они весело провели зиму. Торстейн жил на широкую ногу, потому что имел большие запасы.

LXIII

Как уже было сказано, Норвегией правил тогда конунг Хакон, воспитанник Адальстейна. Ту зиму он провел на севере, в Трандхейме.

В конце зимы Торстейн пустился в путь, и Эгиль вместе с ним. У них было около трех десятков человек. Когда они собрались, то поехали сначала в Уппланд, оттуда – на север, через Доврафьялль, в Трандхейм, и там явились к конунгу Хакону. Они рассказали конунгу, с чем приехали. Торстейн объяснил свое дело и привел свидетелей, подтвердивших, что ему принадлежало все то наследство, которого он добивался. Конунг принял его речь хорошо, вернул ему его собственность, и, кроме того, Торстейн стал лендрманном конунга, как раньше – его отец.

Тогда выступил перед конунгом Эгиль и объяснил свое дело, а также передал слова конунга Адальстейна и его верительные знаки. Эгиль добивался того имущества – земель и другого добра, – которым раньше владел Бьёрн. Он требовал половину всего этого имущества для себя и жены своей Асгерд, предлагал выставить свидетелей и принести клятву по своему делу. Он сказал, что обращался со всем этим к конунгу Эйрику, и добавил, что законных прав не добился из-за самовластия Эйрика и козней Гуннхильд. Эгиль описал, как происходило дело на Гулатинге. Он просил конунга решить это дело, как того требовал закон.

Конунг Хакон отвечает:

– Слышал я, как брат мой Эйрик и Гуннхильд говорили, что ты, Эгиль, надеешься метнуть большой камень, чем тебе по силам. Я думаю, ты можешь быть доволен, Эгиль, что я не вмешался в это дело, поскольку нам с Эйриком не было суждено жить в согласии.

Эгиль ответил:

– Ты не должен, конунг, молчать в таких важных делах, потому что все здесь в стране, и свои, и иноземцы, прислушиваются к вашим решениям. Я слышал, что вы установили законы и права для всех здесь в стране, и я знаю, что вы мне предоставите защиту закона, как и всем другим. Думается, я не уступаю Атли Короткому ни знатностью, ни силою рода здесь в стране. А о делах наших с конунгом Эйриком надо вам сказать, что я был у него, и мы расстались так, что он отпустил меня ехать с миром, куда я хочу. Я хотел бы, государь, предложить вам свою службу. Я знаю, ваши люди не окажутся храбрее меня, и я чувствую, что недолго ждать, пока вам придется столкнуться с

конунгом Эйриком, если ваш возраст позволит вам дожидаться этого. Странно будет, я думаю, если тебе со временем не покажется, что у Гуннхильда слишком много сыновей.

Конунг говорит:

– Ты не станешь моим дружинником, Эгиль. Слишком широкую брешь твои родичи прорубили в нашем роде, чтоб тебе можно было оставаться здесь в стране. Поезжай-ка в Исландию и оставайся там на отцовской земле. Тогда не будет тебе никакого вреда от нашего рода. А здесь в стране всю твою жизнь, надо думать, наши родичи будут самыми могущественными. Но ради конунга Адальстейна, моего воспитателя, ты будешь иметь право жить здесь, и будут тебе закон и защита, потому что я знаю, что конунг Адальстейн очень любит тебя.

Эгиль поблагодарил конунга за его слова и просил, чтобы конунг дал ему свои верительные знаки к Торду в Аурланде или к другим своим лендрманнам в Согне и Хёрдаланде. Конунг сказал, что он их ему даст.

LXIV

Закончив все свои дела, Торстейн и Эгиль пустились в путь. Они поехали назад, и когда они перебирались на юг через Доврафьялль, Эгиль сказал, что он хочет спуститься в Раумсдаль, а откуда поехать дальше к югу проливами.

– Я хочу, – сказал он, – покончить с делами в Согне и Хёрдаланде, потому что мне надо снарядить мой корабль, чтобы летом отплыть в Исландию.

Торстейн сказал ему, чтобы он ехал, куда ему надо. Они расстались, и Торстейн поехал к югу, в Далир и дальше, пока не прибыл в свои владения. Там он предъявил управителям верительные знаки конунга и передал его распоряжение о возврате ему всего имущества, которое у него отняли и которого он добивался.

Эгиль поехал своей дорогой. С ним было одиннадцать человек. Они приехали в Раумсдаль, нашли себе там корабль и отправились на юг, в Мёри. Об их плавании до острова, который называется Хёд, ничего не рассказывается. Они прибыли на остров Хёд и отправились ночевать во двор под названием Блиндхейм. Это был богатый двор. Здесь жил лендрманн по имени Фридгейр. Он был молод и недавно получил в наследство владения своего отца. Его мать звали Гюда. Она была сестрой херсира Аринбьёрна. Это была женщина достойная и знатного рода. Она вела хозяйство вместе со своим сыном Фридгейром, и они жили очень богато. Эгиль и его спутники нашли тут радушный прием.

Вечером Эгиль сидел рядом с Фридгейром, а дальше сидели его товарищи. Там был большой пир с богатым угощением. Хозяйка заговорила с Эгилем. Она спросила об Аринбьёрне, своем брате, и о

других родных и друзьях своих, которые отправились с ним в Англию. Эгиль отвечал на ее вопросы. Потом она спросила, что случилось с ним в пути. Он рассказал ей подробно и сказал так:

Безобразно гневен
Был страны хозяин.
Не поет кукушка,
Коршуна завидев.
Снова, как бывало,
Аринбьёрн помог мне.
Руки дружбы крепкой
Не дают упасть нам.

Вечером Эгиль был очень весел, но Фридгейр и все домашние были малоразговорчивы. Эгиль заметил там девушку, красивую и нарядную. Ему сказали, что это сестра Фридгейра. Девушка была грустна и плакала весь вечер. Это показалось Эгилю странным. Они провели там ночь.

Наутро подул сильный ветер, и в море выйти было нельзя, а им надо было отплыть. Тогда Фридгейр и Гюда подошли к Эгилю и попросили его и его спутников остаться и дожидаться хорошей погоды, и обещали потом помочь во всем, что понадобится. Эгиль согласился.

Они пробыли там три ночи, пережидая непогоду, и пировали. Наконец ветер улегся. Наутро Эгиль со своими людьми поднялся рано и собрался в путь. Им принесли поесть и подали брагу, и они посидели немного, а потом стали одеваться. Эгиль встал, поблагодарил хозяина и хозяйку за прием и вышел со своими спутниками. Хозяин с матерью вышли вместе с ними.

Гюда подошла к Фридгейру, своему сыну, и о чем-то тихо заговорила с ним. Эгиль стоял и ждал. Он обратился к девушке:

– Почему ты плачешь, девушка, я ни разу не видел тебя веселой.

Она не могла ничего ответить и заплакала еще сильнее. В это время Фридгейр громко ответил своей матери:

– Я не хочу сейчас просить об этом. Они уже готовы в дорогу.

Тогда Гюда подошла к Эгилю и сказала:

– Я расскажу тебе, Эгиль, что тут у нас случилось. Тут есть человек, которого зовут Льот Бледный. Он берсерк и охотник до поединков^[91]. Никто здесь не любит его. Он приходил сюда и сватался к моей дочери, но мы не стали долго разговаривать и отказали ему. Тогда он вызвал Фридгейра, моего сына, на поединок, и завтра они должны драться с ним на острове, который зовется Вёрль. И я хотела бы, Эгиль, чтобы ты поехал на этот остров с Фридгейром. Если бы Аринбьёрн был здесь, уж верно нам не пришлось бы терпеть обид от таких людей, как Льот.

– Уже ради Аринбьёрна, родича твоего, хозяйка, я должен поехать с Фридгейром, если он думает, что это поможет ему.

– Вот это хорошо с твоей стороны, – сказала Гюда. – А теперь пойдем в дом и проведем этот день вместе.

Эгиль и его спутники вошли в дом и стали пировать. Они просидели целый день, а вечером пришли друзья Фридгейра, которые решили ехать с ним, и к ночи там собралось множество людей. Пир шел горой.

На другой день Фридгейр отправился в путь, и с ним много народу. Был среди них и Эгиль. Погода была хорошей, они отплыли и прибыли на остров Вёрль. У самого моря была там прекрасная поляна, где должен был состояться поединок. Место поединка было обозначено камнями, положенными вокруг.

Наконец приехал Льот со своими людьми. Он приготовился к бою. У него были щит и меч. Льот был очень велик ростом и силен, и когда он вступил на поле боя, ярость берсерка обуяла его. Он стал злобно выть и кусать свой щит. Фридгейр был невелик ростом, худощав, красив и не силен. Он никогда еще не был в бою. Эгиль, когда увидел Льота, сказал вису:

Фридгейр плох для битвы.
Воины! За мною!
Не получит деvu
Тот, кто боя ищет,

Щит кусает, жертвы
Всем богам приносит,
Сам же смотрит в страхе,
Смерть свою почуяв.

Льот увидел Эгиля, услышал его слова и сказал:

– Иди-ка сюда, богатырь, и дерись со мной, если ты так этого хочешь. Померяемся с тобой силами. Это будет справедливее, чем драться мне с Фридгейром: если я уложу его на месте, мне славы не прибавится.

Тогда Эгиль сказал:
Льоту не откажем
В этой скромной просьбе.
С бледным воином славно
Я мечом поиграю.

К битве готовлюсь —
Нет ему пощады.
Я ему сегодня
Спор щитов^[92] устрою.

Затем Эгиль приготовился к бою с Льотом. У него был щит, которым он обычно пользовался. На поясе у него был меч, который он называл Ехидна, а в руке он держал меч Драгвандиль. Он вступил на площадку для поединка, но Льот не был еще готов. Эгиль взмахнул мечом и сказал:

Меч вздымаю светлый,
В щит клинком врубаюсь.
Я мечу готовлю
Пробу кровью Льота.

С жизнью распростится
Бледный этот воин,
И орлов на падаль
Будет звать железо.

Тогда Льот вышел на поле боя. Они бросились навстречу друг другу, и Эгиль ударил Льота мечом, но тот закрылся щитом. Эгиль наносил удар за ударом, так что Льот не успевал отвечать на них.

Он отпрыгнул, чтобы размахнуться, но Эгиль сразу же бросился за ним и стал рубить изо всей силы. Льот перепрыгнул камни, которыми было огорожено место поединка, и бежал по поляне. Так прошла первая схватка. Льот попросил передышки, и Эгиль согласился. Они расположились отдохнуть. Тогда Эгиль сказал:

Пламени потока
Щедрый расточитель!^[93]
Дрогнул он, как видно,
Оробел трусливый.

Воин, в битве медлящий,
Устоять не может.
Злой бежит с поляны,
Плешь мою завидя.

В то время был такой закон, что если кто-нибудь вызывает человека на поединок и побеждает, то он должен получить свою долю победителя, оговоренную заранее. Если же он терпит поражение, то платит сам. А если он погибает в бою, то лишается всего своего имущества, и наследство получает тот, кто убил его в поединке. И был еще закон, что если в поединке убивали чужеземца, у которого не было наследников в Норвегии, то его наследство доставалось конунгу.

Эгиль попросил Льота приготовиться.

– Я хочу, – сказал он, – чтобы мы покончили с этим поединком.

Затем он бросился к Льоту и стал наносить ему удары. Он подступил так близко к Льоту, что тот отпрянул, и его щит отлетел. Тогда Эгиль нанес удар Льоту, попал выше колена и отрубил ему ногу. Льот упал и вскоре умер. Эгиль подошел к тому месту, где стояли Фридгейр и его люди. Они очень благодарили его. Тогда Эгиль сказал:

Пал людей убийца,
Много зла творивший.
Льота скальд прикончил, —

Фридгейр, будь спокоен.

Платы мне не надо,
Пламя вод дающий^[94].
Копий стук люблю я,
Тешусь их игрою.

Большинство людей совсем не жалели о Льоте, потому что он был очень буйным человеком. Он был шведом по происхождению и не имел родичей здесь в стране. Он приехал сюда и разбогател, убив многих честных бондов на поединках из-за их земель и добра. Таким образом он собрал много земель и всякого добра. Эгиль поехал домой с Фридгейром. Там он пробыл еще немного, прежде чем поехать на юг, в Мёри. Эгиль и Фридгейр расстались большими друзьями. Эгиль предложил Фридгейру забрать те земли, которыми раньше владел Лют. Потом он поехал своей дорогой и прибыл в Фирдир. Оттуда он направился в Согн – к Торду, в Аурланд. Там его приняли хорошо. Эгиль изложил Торду свое дело и передал слова конунга Хакона. Торд выслушал его и обещал ему свою помощь. Этой весной Эгиль долго пробыл у Торда.

LXV

Эгиль отправился своим путем на юг, в Хёрдаланд. Он плыл на гребном судне с тремя десятками гребцов. Однажды они подошли к Аску на острове Фенхринг. Эгиль сошел на берег с двадцатью гребцами, а десять остались у корабля. Атли Короткий был там, и с ним несколько человек. Эгиль велел вызвать его и сказать, что у Эгиля, сына Скаллагрима, есть к нему дело. Атли схватил оружие, взял с собой всех годных для боя людей, и они вышли к Эгилю. Эгиль сказал:

– Мне говорили, Атли, что ты управляешь добром, которое по праву принадлежит мне и жене моей Асгерд. Ты, наверное, слышал, что я добиваюсь наследства Бьёрна Свободного, которое Берг-Энунд, твой брат, не отдал мне. Теперь я пришел за тем, чтобы осмотреть все это имущество, земли и прочее добро и потребовать, чтобы ты отступился от него и отдал мне.

Атли ответил:

– Мы давно уже слышали, Эгиль, что ты заносчивый человек, а теперь мне приходится и самому убедиться в этом, раз ты домогаешься у меня того добра, которое конунг Эйрик присудил моему брату Энунду. Конунг Эйрик судил и правил тогда здесь в стране. Я думал, Эгиль, что ты приехал сюда заплатить виру за моих братьев, убитых тобою, и возместить грабеж, который ты учинил здесь, на Аске. Поступи ты так,

я бы стал с тобой разговаривать, а пока что я ничего не могу тебе ответить.

– Я хочу, – сказал Эгиль, – предложить тебе то, что я предлагал Энунду: чтобы наше дело решал Гулатинг. А твои братья не заслуживают виры, потому что они были убиты за преступления: они лишили меня закона и права здесь в стране и силой отняли мое добро. У меня есть разрешение конунга искать защиты закона в этом деле. Я вызываю тебя на Гулатинг, там вынесут решение по закону!

– Я приду на Гулатинг, – сказал Атли, – и там мы поговорим об этом деле.

После этого Эгиль уехал со своими людьми. Он поехал на север, в Согн, в Аурланд, к своему родичу Торду. Там он пробыл до начала Гулатинга.

А когда люди собрались на тинг, Эгиль тоже приехал. Явился туда и Атли Короткий. Они изложили свое дело и защищали его перед теми, кто должен был решать. Эгиль требовал возврата имущества, а Атли оспаривал его право на это перед законом и предлагал двенадцать поручителей в том, что Эгилю не принадлежало то, чего он домогался. Но когда Атли явился на суд со своими поручителями, навстречу ему выступил Эгиль и сказал, что ему не нужны клятвы вместо имущества.

– Я предлагаю другой закон, а именно – биться на поединке здесь, на тинге, и пусть тот получит добро, кто победит.

Предложение Эгиля было законным и обычным в прежние времена. Каждый имел тогда право вызвать другого на поединок, будь то ответчик или истец.

Атли сказал, что он согласен на поединок с Эгилем.

– Ты предложил лишь то, что я сам хотел предложить, потому что у меня есть за что мстить тебе. Ты загубил обоих моих братьев, и я, конечно, скорее, чем отдать тебе вопреки закону мое добро, буду биться с тобой, как ты предлагаешь.

Они пожали друг другу руки и договорились, что будут биться на поединке и что тот, кто победит, получит земли, из-за которых шел спор. После этого они приготовились к поединку. У Эгиля на голове был шлем, а в руке – копье. Перед собой он держал щит, а меч Драгвандиль висел у него на правой руке. Чтобы во время поединка не надо было обнажать меч, было принято вешать его уже обнаженным на руку, так, чтоб его было легко достать, когда он понадобится. Атли был вооружен так же, как Эгиль. Он был человек привычный к поединкам, сильный и смелый.

Привели большого старого быка. Его называли жертвенным животным. Тот, кто победит, должен был зарезать его. Иногда бывал всего один жертвенный бык, иногда же каждый из тех, кто выходил на поединок, приводил по быку.

Когда бойцы приготовились к поединку, они побежали друг другу навстречу. Сначала они метнули свои копья, но ни одно из них не

вонзилось в щит – оба упали на землю. Тогда оба взялись за мечи, сошлись и стали рубиться. Атли не отступал. Мощные удары сыпались так часто, что щиты скоро были изрублены и стали непригодны. Когда Атли увидел это, он отбросил свой щит, взял меч в обе руки и стал рубить что было силы. Эгиль нанес ему удар в плечо, но меч не вонзился^[95]. Тогда он ударил его второй раз и третий. Ему легко было выбирать место для своих ударов, так как Атли не был защищен. Эгиль замахивался мечом изо всей силы, но меч не вонзался, куда ни попадал.

Видя, что ничего так не выйдет, ибо и его щит тоже пришел в негодность, Эгиль бросил меч и щит, кинулся на Атли и обхватил его. Здесь сказалось неравенство сил, и Атли упал на спину, а Эгиль наклонился над ним и перекусил ему горло. Так Атли расстался с жизнью, а Эгиль быстро вскочил и побежал туда, где стоял жертвенный бык. Он схватил его одной рукой за морду, другой за рог, перевернул вверх ногами и сломал ему шею. Потом он пошел туда, где стояли его люди. Он сказал:

Меч мой закаленный
От щита отпрянул, —
Атли Короткий сделал
Сталь клинка тупою.

Воина болтливого
Сокрушил я все же,
И не жаль зубов мне
Для такой победы.

Теперь Эгиль получил все владения, которых добивался и которые, как он говорил, его жена Асгерд получила в наследство от своего отца. Больше об этом тинге ничего не рассказывается.

Эгиль поехал сначала в Согн и вступил во владение теми землями, которые он получил в собственность.

Он долго жил там в эту весну, а потом уехал со своими людьми на восток – в Вик. Он отправился к Торстейну и жил некоторое время у него.

LXVI

Летом Эгиль снарядил свой корабль и, когда собрался, отплыл. Он направился в Исландию. Плавание было спокойным. Он вошел в Боргарфьорд и пристал к берегу недалеко от своего двора. Грузы он велел перенести домой, а корабль втащить на берег. Эту зиму Эгиль провел у себя дома.

Эгиль добыл на чужбине много добра. Он стал очень богатым человеком. У него было обширное хозяйство. Он не любил вмешиваться

в чужие дела и, пока жил здесь в стране, никому не сделал ничего плохого. И люди тоже не трогали того, что принадлежало ему. Так Эгиль жил у себя дома немало зим.

Детей Эгиля и Асгерд звали так: старшего сына – Бёдвар, второго – Гуннар, дочерей – Торгерд и Бера, самого младшего – Торстейн. Все дети Эгиля были очень понятливы и подавали большие надежды. Старшей из детей была Торгерд. Второй была Бера.

LXVII

С востока из-за моря дошли до Эгиля вести о том, что Эйрик Кровавая Секира погиб в викингском походе на запад^[96], а Гуннхильд и ее сыновья поехали на юг – в Данию. Покинула Англию и вся дружина, которая последовала за Эйриком туда. Аринбьёрн вернулся тогда в Норвегию. Он получил свои прежние доходы и владения и был в большой дружбе с конунгом.

Эгилю захотелось тогда поехать в Норвегию. Он получил также известие о том, что конунг Адальстейн умер. Англией в то время правил его брат Ятмунд^[97]. Эгиль снарядил свой корабль и набрал гребцов. Ведал сборами Энунд Сьони, сын Ани из Анабрекки. Энунд был высок и силен, сильнее всех в дружине. Многие говорили, что он оборотень. Он много раз плавал в чужие страны. Энунд был немного старше Эгиля. Они были давно друзьями.

Когда Эгиль снарядился в путь, он вышел в море. Плавание было спокойным. Они подошли к середине Норвегии. Когда они увидели берег, то направились в Фирдир. Они получили вести с берега, им сообщали, что Аринбьёрн дома, в своей вотчине. Тогда Эгиль направил свой корабль в бухту недалеко от его двора. Потом он поехал к Аринбьёрну, и их встреча была очень радостной. Аринбьёрн просил Эгиля погостить у него с теми из спутников, кого он хотел бы оставить с собой. Эгиль согласился и велел втащить корабль на берег, а гребцы нашли себе пристанище. Сам он поехал к Аринбьёрну, и с ним одиннадцать человек. Еще раньше он велел изготовить великолепный корабельный парус. Он поднес Аринбьёрну этот парус и еще много других подарков. Эгиль прожил здесь зиму, окруженный почетом.

Этой же зимой Эгиль поехал на юг, в Согн, за податью со своих земель. Там он пробыл долго, а потом поехал на север, в Фирдир.

У Аринбьёрна праздновали йоль^[98]. Аринбьёрн созвал на него своих друзей и окрестных бондов. Там собралось очень много народа, и было богатое угощение. Аринбьёрн подарил Эгилю по случаю йоля длинное одеяние, сшитое из шелка, с золотой каймой и золотыми пуговицами спереди до самого низа. Аринбьёрн велел сделать это одеяние по росту Эгиля. Еще он подарил ему полный наряд, сшитый на йоль. Он был скроен из пестрой английской ткани. Аринбьёрн оделил

всевозможными дружескими подарками своих гостей, так как он был очень щедрым и достойным человеком.

Тогда Эгиль сочинил вису:
Муж достойный отдал
Свой наряд богатый.
Никогда не встречу
Преданнее друга.

Дорогим подарком
Наделил меня он.
Не найду того я,
Кто бы с ним сравнился.

LXVIII

Эгиль был очень не в духе после йоля, настолько, что не говорил ни слова. И когда Аринбьёрн увидел это, он заговорил с Эгилем и спросил его, отчего им овладела такая печаль.

– Я хочу, – сказал он, – чтобы ты поведал мне, болен ли ты или что другое случилось с тобой. Мы тогда найдем средство помочь тебе.

Эгиль отвечает:

– Не болезнь меня мучит, но забота о том, как получить добро, которое я добыл себе, убив Льота Бледного на севере, в Мёри. Мне сказали, что управители конунга забрали все это добро и передали его в собственность конунга. Теперь мне была бы нужна твоя помощь, чтобы получить это добро.

Аринбьёрн сказал:

– Я думаю, что это не против законов, чтобы ты получил это добро, но мне кажется, что оно попало в крепкие руки. К конунгу во двор широкий вход, но выход оттуда узкий. Было у нас уже много трудных тяжб о возврате добра с людьми, более могущественными, чем мы. И тогда конунг больше доверял мне, чем теперь, потому что теперь моя дружба с конунгом Хаконом невелика, хотя мне и приходится поступать так, как говорит древняя пословица: надо беречь тот дуб, под которым строишь жилье.

– Я думаю, – говорит Эгиль, – что если закон на нашей стороне, то надо попытаться. Возможно, что конунг поддержит нас, так как мне говорили, что он человек справедливый и строго соблюдает законы, которые вводит в стране. Я полагаю, что мне надо поехать к конунгу и попытаться уладить с ним это дело.

Аринбьёрн отвечает, что ему это не по душе.

– Мне кажется, Эгиль, – говорит он, – что трудно будет твой пыл и твою смелость привести в согласие с характером конунга и его

могуществом. Я думаю, что он тебе не друг и что у него есть на то причины. Я хотел бы, чтоб мы лучше оставили это дело и больше не брались за него. Но если ты, Эгиль, настаиваешь на своем, то уж лучше я сам поеду к конунгу с этим делом.

Эгиль отвечает, что он очень благодарен и что он очень хотел бы этого.

Хакон жил тогда в Рогаланде, а иногда в Хёрдаланде. Встретиться с ним было нетрудно. Вскоре после того разговора Аринбьёрн собрался в дорогу. Он объявил своим людям, что отправляется к конунгу, и посадил своих людей на двадцативесельное судно, которое у него было. Эгиль должен был остаться дома. Аринбьёрн не хотел, чтобы он ехал.

Снарядившись в путь, Аринбьёрн вышел в море. Плавание было спокойным. Он явился к конунгу Хакону и встретил хороший прием. Прожив там некоторое время, он изложил конунгу свое дело и сказал, что Эгиль, сын Скаллагрима, приехал в страну и думает, что должен получить все то добро, которым ранее владел Льот Бледный.

– Нам сказали, конунг, что закон на стороне Эгиля, но ваши управители забрали все добро и передали в вашу собственность. Я хочу просить вас о том, государь, чтобы Эгиль получил свое, согласно законам.

Конунг не сразу ответил на его речь.

– Я не знаю, – сказал он, – почему ты выступаешь от имени Эгиля в этом деле. Он уже был у меня однажды, и я сказал ему, что я не хочу, чтобы он был здесь в стране по причине, которая вам давно известна. Эгиль не должен предъявлять мне такие требования, как раньше брату моему Эйрику. А тебе, Аринбьёрн, надо сказать, что ты только тогда сможешь оставаться здесь в стране, если не будешь ценить иноземцев больше, чем меня или мои слова. Я ведь знаю, что мысли твои там, где сын Эйрика Харальд, твой воспитанник, и самое лучшее для тебя уехать к нему и его братьям и остаться с ними. У меня есть большое подозрение, что такие люди, как ты, будут мне плохой помощью, если дело дойдет до ссоры с сыновьями Эйрика.

Поскольку конунг принял его речь так плохо, Аринбьёрн увидел, что вести дело дальше бесполезно. Он собрался в обратный путь. Конунг был с ним очень неприветлив и неласков после того, как узнал, с чем он приехал. Но Аринбьёрн не стал унижаться перед конунгом. Так они и расстались.

Аринбьёрн поехал домой и рассказал Эгилью о своей неудаче.

– Я больше не стану, – сказал он, – обращаться с такими делами к конунгу.

Эгиль был очень опечален, он считал, что у него несправедливо отнято много добра.

Несколько дней спустя, рано утром, когда Аринбьёрн был в своем доме – там было тогда мало народу, – он послал человека за Эгилем и,

когда тот пришел, велел открыть сундук, достал оттуда сорок марок серебра и сказал так:

– Это серебро я даю тебе, Эгиль, за те земли, которыми владел Льот Бледный. Я нахожу справедливым, чтобы ты получил эту плату от меня и родителей Фридгейра за то, что ты спас его жизнь от Льота. Я знаю, что ты сделал это для меня. Я в долгу перед тобой. Я ведь допустил, чтобы тебя обидели.

Эгиль взял деньги и поблагодарил Аринбьёрна. Он снова стал весел и доволен.

LXIX

Эту зиму Аринбьёрн провел дома, а потом, весной, он объявил, что хочет отправиться в викингский поход.

У Аринбьёрна были хорошие корабли. Весною он приготовил три больших боевых корабля. У него было тридцать дюжин человек. На свой корабль он взял своих домочадцев. Это были отличные воины. С ним отправились также многие сыновья бондов. Эгиль решил поехать вместе с ним. Он начальствовал на одном корабле, и с ним поехали многие из тех спутников, которых он взял с собой из Исландии. А торговый корабль, на котором он приехал из Исландии, Эгиль отправил на восток, в Вик. Он нанял людей, чтобы они поехали с его товарами. А сами они с Аринбьёрном направили боевые корабли к югу, вдоль берега. Потом они направились со своим войском на юг, в страну саксов. Там они провоевали все лето и добыли себе много добра. Осенью они пустились снова на север и остановились около страны фризов.

Однажды ночью, в тихую погоду, они вошли в какую-то реку, потому что не было бухт, удобных для причала, и отлив обнажил берега. Кругом была широкая равнина, и недалеко – лес. Поля были мокрые, потому что шел сильный дождь. Тогда они решили сойти на берег, а треть войска оставили охранять корабли. Они пошли вверх по реке, между нею и лесом. Скоро перед ними открылось селение. Здесь жило много бондов. Увидев войско, они со всех ног пустились бежать из деревни в глубь страны. Викинги бросились за ними. Дальше было второе селение и еще одно. Когда они подходили, весь народ бежал оттуда.

Кругом была плоская и широкая равнина. В земле были вырыты рвы, и в них стояла вода. Так здесь огораживали свои поля и луга. В некоторых местах рвы были укреплены большими сваями. Для проезда были мосты – через рвы лежали бревна. Все жители селений убежали в лес.

Когда же викинги отошли подальше от берега, фризы собрались в лесу, и так как их было больше тридцати дюжин человек, они вышли

навстречу викингам и вступили с ними в бой. Это была жестокая битва. Она кончилась тем, что фризы бежали, а викинги преследовали бегущих.

Убегая, поселяне широко рассеялись. То же случилось и с теми, кто их преследовал. Лишь немногие из них держались вместе. Эгиль преследовал фризов, и с ним несколько человек. А убегавших было очень много. Фризы добежали до какого-то рва и перебрались через него. Потом они убрали мост. И тут же к этому рву с другой стороны подбежал Эгиль со своими людьми. Эгиль бросился и перепрыгнул ров, но остальные так не могли. Никто даже и не пытался прыгнуть. И когда фризы увидели это, они напали на Эгиля, но он отбился. На него кинулись еще одиннадцать человек, но бой кончился тем, что он уложил их всех. После этого Эгиль положил мост на место и перешел ров обратно. Тут он увидел, что все их войско повернуло к кораблям. Эгиль был тогда у самого леса. Он двинулся вперед к кораблям вдоль леса, так, чтобы скрыться в лесу, если понадобится.

Викинги добыли там много добра и скота, и когда они вернулись к кораблям, одни стали резать скот, другие тащили свое добро на корабли, а третьи стояли на берегу, закрывшись щитами и образуя заслон, потому что фризы подошли в большом числе и стреляли в викингов. Это было их второе войско.

Когда Эгиль вышел на берег и увидел, в чем дело, он со всех ног побежал туда, где толпой стояли фризы. Он держал копье наперевес двумя руками, а щит отбросил назад. Эгиль разил копьем и валил всех, кто стоял перед ним, и таким образом расчистил себе проход сквозь войско. Так он пробился к своим. Они думали, что он вернулся из преисподней.

Потом они поднялись на свои корабли и отчалили. Теперь они направились в Данию. Когда они пришли в Лимфьорд и встали около Хальса, Аринбьёрн созвал своих людей на совет и рассказал им, что он задумал.

– Теперь, – сказал он, – я должен отправиться к сыновьям Эйрика с теми из вас, кто захочет последовать за мной. Я узнал нынче, что они здесь, в Дании, с большим войском и что летом они в походах, а зимой здесь, в Дании. Я отпускаю в Норвегию всех, кто больше хочет вернуться туда, чем следовать за мной. Тебе же, Эгиль, по-моему, надо, когда мы расстанемся, вернуться в Норвегию, а оттуда поскорее ехать в Исландию.

Затем люди разделились по кораблям. К Эгилю пошли те, кто хотел плыть назад, в Норвегию, но большинство последовало за Аринбьёрном. Аринбьёрн и Эгиль расстались друзьями.

Аринбьёрн отправился к сыновьям Эйрика, в дружину Харальда Серая Шкура^[99], своего воспитанника, и оставался с ним, пока они оба были живы. Эгиль же поплыл на север, в Вик, и вошел в Ослофьорд. Там стоял его торговый корабль, который он весной отправил на юг. Здесь

были и товары его, и люди, которые сопровождали корабль. Торстейн, сын Торы, приехал к Эгилью и предложил ему провести у него зиму со всеми теми людьми, кого он хотел бы взять с собой. Эгиль принял приглашение, велел втащить корабль на берег и отвезти грузы в надежное место. А люди, которые с ним были, частью остались там, а частью поехали на север, по своим домам. Эгиль отправился к Торстейну, и с ним было десять или двадцать человек. Эгиль прожил там зиму в полном довольстве.

LXX

Конунг Харальд Прекрасноволосый подчинил себе на востоке Вермаланд. Вермаланд был впервые завоеван Олавом Лесорубом, отцом Хальвдана Белая Кость, который первым в их роде был конунгом в Норвегии. А Харальд стал конунгом по наследству. Все его предки владели Вермаландом, собирали там дань, а своих людей посылали управлять страной.

Когда конунг Харальд состарился, Вермаландом правил ярл по имени Арнвид. Как и во многих других местах, налоги там стали собираться хуже, чем в лучшую пору жизни конунга, и так же было, когда сыновья Харальда боролись между собой за власть в Норвегии. Тогда обращали мало внимания на подвластные страны, которые были далеко.

Но когда Хакон добился мира, он стал думать о всех владениях, которые принадлежали его отцу Харальду. Он послал людей на восток, в Вермаланд. Их было двенадцать человек. Они получили у ярла дань. Но когда они ехали обратно через лес Эйдаског, на них напали разбойники и убили их всех. То же случилось с другими посланцами конунга Хакона в Вермаланд. Людей этих убили, а дань пропала. Поговаривали тогда, что ярл Арнвид сам подсылал своих людей, чтобы они убивали посланцев конунга, а дань привозили ему обратно.

И вот конунг Хакон посылает людей в третий раз. Он был тогда в Трандхейме, а они должны были поехать в Вик к Торстейну, сыну Торы, и передать ему, что он должен ехать на восток, в Вермаланд, чтобы собрать для конунга дань. В противном случае ему пришлось бы покинуть страну, так как конунг узнал, что Аринбьёрн, его дядя по матери, приехал в Данию к сыновьям Эйрика, а также, что у них были большие дружины, с которыми они ходили летом в викингские походы. Конунгу Хакону все это казалось подозрительным. Он ожидал, что сыновья Эйрика начнут войну, как только наберут достаточно сил для восстания против него. Поэтому он преследовал всех родичей Аринбьёрна, его друзей и близких, многих из них изгнал из страны или учинил над ними другие насилия. По той же причине он и поставил Торстейна перед таким выбором.

Тот человек, который привез Торстейну это известие, побывал во всех странах, подолгу жил и в Дании, и в Швеции. Все было там ему знакомо, и места, и люди. Много где бывал он и в Норвегии. И когда он передал поручение конунга Торстейну, сыну Торы, Торстейн рассказал Эгилью, с каким поручением приехали эти люди, и спросил, что им ответить. Эгиль сказал:

– Из этого поручения ясно видно, что конунг хочет удалить тебя из страны, как и других родичей Аринбьёрна. Я считаю это поручение гибельным для тебя, такого знатного человека. Мой совет тебе – поговорить с людьми конунга, и я хочу быть при вашем разговоре. Посмотрим тогда, что выйдет.

Торстейн сделал, как Эгиль сказал. Он вызвал их на разговор. Посланные изложили свое поручение и передали слова конунга о том, что Торстейн должен отправиться в эту поездку, или будет изгнан из Норвегии. Тогда Эгиль сказал:

– Я хорошо вижу, в чем дело. Если Торстейн не захочет ехать, то ехать за данью придется вам.

Посланные сказали, что он прав.

– Торстейн не поедет, потому что он, такой знатный человек, совсем не обязан браться за дело, которое не принесет ему славы. Но он охотно сделает то, что он обязан, – последует за конунгом повсюду, внутри и вне страны, если конунг потребует этого. А если вам нужны люди для этой поездки, то они будут вам даны, а также все, что бы вы ни попросили у Торстейна на дорогу.

Тогда посланные посоветовались между собой и решили, что они приняли бы это условие, если бы Эгиль поехал с ними.

– Конунг, – решили они, – очень не любит его и наша поездка покажется ему удачной, если нам удастся сделать так, что Эгиль будет убит. Пусть он тогда изгоняет Торстейна из страны, если ему угодно.

И они сказали Торстейну, что они были бы согласны, если бы Эгиль поехал, а Торстейн может тогда остаться дома.

– Мне надо, – сказал Эгиль, – избавить Торстейна от этой поездки. Но сколько человек, по-вашему, нужно взять отсюда?

– Нас всего восемь, – сказали они, – мы хотим, чтобы отсюда поехало еще четверо. Тогда нас будет двенадцать.

Эгиль сказал, что так оно и будет.

Энунд Сьони и несколько спутников Эгиля еще до этого разговора поехали к морю присмотреть за кораблем и теми товарами, которые они осенью оставили там на хранение. Они еще не вернулись. Эгиль был очень недоволен этим, потому что люди конунга торопили его в дорогу и не хотели ждать.

Эгиль собрался в путь, и с ним трое из его спутников. У них были лошади и сани, как и у людей конунга. Лежал глубокий снег, и все дороги были заметены. Снарядившись, они пустились в путь и направились в глубь страны. Когда они достигли Эйда, то там за одну ночь выпало столько снега, что дороги не было видно. На следующий день они поехали медленно, потому что, съехав с дороги, можно было сразу увязнуть в снегу с головой. На исходе дня они остановились и покормили лошадей недалеко от покрытой лесом горы.

Люди конунга сказали Эгилью:

– Здесь наши дороги расходятся. Там, под горой, живет бонд по имени Арнальд, наш друг. Мы все поедем туда ночевать, а вам надо ехать на гору. Когда вы переберетесь через нее, перед вами сразу окажется большой двор, и там вам будет хороший ночлег. Там живет очень богатый человек по имени Армод Борода. А рано утром мы встретимся и на следующий вечер подъедем к Эйдаскогу. Там живет достойный бонд по имени Торфинн.

На этом они расстались. Эгиль и его люди поехали на гору, а о людях конунга надо сказать, что как только Эгиль и его спутники скрылись из виду, они взяли лыжи, которые у них были, и надели их. Затем они пустились назад что было силы. Они мчались ночь и день, добрались до Уппланда, а оттуда пустились на север через Доврафьялль. Они не отдыхали, пока не явились к конунгу Хакону и не рассказали ему про свою поездку.

К вечеру Эгиль и его спутники добрались до вершины горы. Короче всего будет сказать, что они сбились с дороги. Шел густой снег. Лошади тонули в снегу через каждый шаг, так что их приходилось вытаскивать. Тут были крутые склоны и заросли кустарника, и пробираться было очень тяжело. Лошади часто останавливались, а людям было еще тяжелее. Они очень устали, но все же перебрались через гору и увидели перед собой большой двор. Они пошли туда.

Когда они вошли за ограду, то увидели возле дома людей. Это был Армод и его люди. Они разговорились и спросили друг друга о новостях. И когда Армод узнал, что их послал конунг, он предложил им ночлег. Они приняли его приглашение. Люди Армода увели их лошадей и убрали сбрую, а хозяин предложил Эгилью пройти в дом, и они пошли туда.

Армод посадил Эгиля на второе почетное сиденье, а его спутников рядом. Они много рассказывали о том, с каким трудом им пришлось ехать вечером. Людей Армода очень удивляло, как они добрались сюда, и они говорили, что никто не смог бы проехать тут, даже если бы не было снега. Тогда Армод сказал:

– Не кажется ли вам, что всего лучше будет, если поставят столы и подадут ужин, а потом вы пойдете спать? Так вы бы лучше всего отдохнули.

– Хорошо бы, – ответил Эгиль.

Тогда Армод велел поставить для них столы, и на них большие деревянные миски, полные кислого молока. Армод сказал, что жаль – нет браги, и он не может их угостить. Эгиль и его товарищи устали от тяжелой дороги и очень хотели пить. Они взяли миски и жадно выпили кислое молоко, а Эгиль пил больше всех. Ничего другого не было подано.

В доме было много домочадцев. Хозяйка дома сидела на женской скамье, и с нею несколько женщин. Дочь бонда была на полу у очага. Ей было десять или одиннадцать лет. Хозяйка подозвала ее к себе и сказала ей что-то на ухо. Тогда девочка подбежала к столу, за которым сидел Эгиль. Она сказала:

Мать меня послала,
Приказав промолвить,
Чтобы осторожным
Был ты, Эгиль, нынче.

И еще сказала:
Приготовься – скоро
Мы еду другую
Для гостей поставим.

Армод ударил девочку и велел ей молчать:

– Ты всегда болтаешь что не надо!

Девочка ушла прочь, а Эгиль поставил миску с кислым молоком на стол. Она была почти пустая. Миски у них взяли и унесли. Теперь и все домочадцы заняли свои места, и были расставлены столы и принесена еда. Сначала принесли мясное и подали Эгилю, как и другим. Потом была подана брага^[100]. Это был очень крепкий напиток. Скоро начали пить каждый в одиночку. Каждый мужчина должен был выпить по рогу. Об Эгиле и его людях особенно заботились. Они должны были пить, сколько могли вместить. Эгиль пил очень много, и когда его спутники уже больше не могли пить, он еще пил то, что они не допили. Так продолжалось до тех пор, пока столы не вынесли.

Все, кто был там, были совсем пьяны, а Армод всякий раз, когда пил, говорил: «Я пью за тебя, Эгиль!», и его домочадцы, когда пили, говорили то же спутникам Эгиля. Одному человеку поручили подносить Эгилю и его людям каждый раз по полному рогу, и он подзадоривал их, чтоб они пили быстрее. Эгиль сказал своим спутникам, чтобы они больше не пили, а сам выпивал за них все.

Эгиль почувствовал тогда, что ему становится нехорошо. Он встал и пошел прямо туда, где сидел Армод. Он взял его руками за плечи и прижал к спинке скамьи. Его сильно вырвало прямо в лицо Армоду, в его глаза, ноздри и рот. Все это потекло тому на грудь. У Армода захватило дыхание, а когда он снова смог вздохнуть, его тоже вырвало. И все люди Армода, которые были здесь, сказали, что Эгиль самый

жалкий и самый плохой из людей, потому что он не вышел вон, когда его рвало, и что он не должен был делать такое при всех в доме во время пира. Эгиль сказал:

– Нельзя упрекать только меня за то, что я делаю то же самое, что и хозяин. Его рвет не меньше, чем меня.

Потом Эгиль пошел на свое место и сел. Он попросил принести себе браги и громко сказал:

Знай, как много съел я.

Сок из щек свидетель,

Что пора в дорогу.

За ночлег иные

Платят и получше.

До нескорой встречи!

Армод бородатый

Гущей весь измазан.

Армод вскочил и выбежал вон, а Эгиль попросил дать ему еще браги. Тогда хозяйка сказала человеку, которому в этот вечер было поручено подавать брагу, чтобы он подавал всем вдоволь. Тот взял рог, наполнил его и поднес Эгилью. Эгиль осушил рог одним глотком. Потом он сказал:

Каждый рог я досуха

Пью, хотя обильно

Мне, певцу, подносит

Влагу рога воин.

Осушаю быстро

Солода потоки,

Пусть хоть до утра мне

Их несут усердно.

Эгиль пил еще некоторое время, осушая каждый рог, который ему подавали. Но веселья было мало, хотя пили и другие. Наконец Эгиль встал, и его люди тоже. Они сняли свое оружие со стены, куда его раньше повесили, и пошли в сарай, где стояли их лошади. Там они легли на солому и проспали ночь.

LXXII

Утром Эгиль поднялся, как только рассвело. Они собрались и, как только были готовы, пошли к дому искать Армода. Когда они пришли в каморку, где спали Армод, его жена и дочь, Эгиль распахнул дверь и подошел к постели Армода. Он обнажил меч, а другой рукой схватил

Армода за бороду и рванул его к себе. Жена и дочь Армода вскочили и стали просить Эгиля, чтобы он не убивал его. Эгиль сказал, что ради них оставит его в живых:

– Вы заслужили это, но его следовало бы убить.

Эгиль сказал:

И жене и дочери
Жизнью ты обязан.
Бог звенящей стали^[101]
Нам совсем не страшен.

Не пристало пир твой
Восхвалять и славить, —
Мне он не по нраву.
В дальний путь готов я.

Потом он начисто отрезал Армоду бороду и надавил ему пальцем на глаз так, что тот вылез на щеку. После этого он вышел к своим спутникам. Они поехали своим путем и ко времени утренней еды^[102] добрались до двора Торфинна. Он жил возле леса Эйдаског. Они потребовали еды себе и корму лошадям. Торфинн сказал, что они получают все это. Тогда Эгиль и его люди вошли в дом. Эгиль спросил, видел ли Торфинн его спутников:

– Мы уговорились собраться здесь.

Торфинн ответил так:

– Здесь проехало шестеро незадолго до рассвета, и они были вооружены до зубов.

Тогда один из домочадцев Торфинна сказал:

– Я ездил ночью за дровами и встретил дорогой шесть человек. Это были люди Армода, но до рассвета было еще далеко. Так что я не знаю, были ли это те же люди, что и те шестеро, о которых ты говоришь.

Торфинн сказал, что люди, которых он встретил, проехали позже, чем его домочадец вернулся с возом дров домой.

Когда Эгиль и его люди сели за еду, Эгиль заметил, что на поперечной скамье лежит больная женщина. Он спросил Торфинна, кто эта женщина, которая так страдает. Торфинн ответил, что ее зовут Хельга и что она его дочь:

– Она уже давно болеет. У ней сильная лихорадка. Она не спит по ночам и стала как помешанная.

– И вы ничего не пробовали, – сказал Эгиль, – против ее болезни?

Торфинн ответил:

– Были вырезаны руны. Здесь неподалеку живет сын одного бонда, он и сделал это. Но с тех пор ей стало много хуже, чем раньше. Может быть, ты, Эгиль, можешь помочь чем-нибудь в такой беде?

Эгиль сказал:

– Пожалуй, хуже не станет, если я возьмусь за это.

И когда Эгиль насытился, он подошел к больной и поговорил с ней. Он попросил приподнять ее со скамьи и подстелить ей чистые одежды. Так и было сделано. Тогда он обшарил то место, на котором она лежала, и нашел там китовый ус, на котором были вырезаны руны. Эгиль прочел их, соскоблил и бросил в огонь. Эгиль сжег весь китовый ус и велел вынести на воздух те одежды, которые были у нее раньше. Тогда он сказал:

Рун не должен резать
Тот, кто в них не смыслит.
В непонятных знаках
Всякий может сбиться.

Десять знаков тайных
Я прочел и знаю,
Что они причина
Хвори этой долгой.

Эгиль вырезал руны и положил их под подушку на ее ложе. Ей показалось, будто она проснулась ото сна, и она сказала, что теперь здорова, хотя и совсем без сил. Ее отец и мать очень обрадовались. Торфинн предложил Эгилю располагать всем, что ему только нужно было.

LXXIII

Эгиль сказал своим людям, что он хочет отправиться в путь и не медлить дольше. У Торфинна был сын по имени Хельги. Он был смелый парень. Отец и сын предложили Эгилю, что проводят его через лес. Они сказали, что наверняка знают, что Армод Борода послал шесть человек в засаду в лес, и может оказаться, что в лесу прячется еще больше народу, на случай, если у первых ничего не выйдет. Торфинн собрался провожать Эгиля, и с ним было еще трое, и тогда Эгиль сказал вису:

Четверо со мною, —
Знай: на нас, отважных,
Шестеро не смогут
Замахнуться сталью.

Если же нас восемь —
Дюжина не в силах,
Грозно в бой вступая,
Сердце мне встревожить.

Торфинн и его люди решили, что они поедут в лес вместе с Эгилем. Всего собралось восемь человек. Подъехав к тому месту, где была

засада, они увидели там людей. Но когда люди Армода, сидевшие в засаде, увидели, что приближаются восемь человек, они не решились напасть и спрятались дальше в лесу. Эгиль и остальные подошли туда, где была раньше засада, и увидели, что дело нечисто. Эгиль сказал, что Торфинн и его люди должны ехать назад, но те хотели ехать дальше. Эгиль воспротивился этому и просил их вернуться домой. Они так и сделали, и повернули назад, а Эгиль со своими двинулся вперед, и теперь их было четверо.

Когда день был на исходе, они заметили в лесу шестерых. Им показалось, что это были люди Армода. Те выскочили и напали на них, но они отбивались, и схватка кончилась тем, что Эгиль уложил двоих, а оставшиеся в живых убежали в лес.

Эгиль с товарищами продолжали свой путь, и ничего с ними не случилось, пока они не вышли из лесу. Здесь, на краю леса, они остановились у бонда по имени Альв, по прозвищу Богатый. Это был человек старый и богатый, но странный. Он не терпел у себя домочадцев, кроме очень немногих. Он принял Эгиля хорошо и был с ним разговорчив. Эгиль расспрашивал его, что слышно нового, и Альв рассказал ему обо всем. Они говорили больше всего о ярле и о посланцах норвежского конунга, которые перед этим проезжали на восток, чтобы собрать дань. Судя по разговору, Альв не был другом ярлу.

LXXIV

Рано утром Эгиль собрался в дорогу со своими спутниками. При расставании Эгиль подарил Альву большой мех. Альв с благодарностью принял подарок.

– Я смогу сделать себе плащ из этого меха, – сказал он и просил Эгиля опять навестить его, когда Эгиль поедет обратно.

Они расстались друзьями, и Эгиль поехал своим путем. К концу дня он прибыл ко двору ярла Арнвида, и ярл принял его очень хорошо. Его со спутниками посадили рядом с мужем, сидевшим на почетном сиденье напротив ярла.

Проведя там ночь, Эгиль и его спутники изложили ярлу свое поручение и передали ему слова норвежского конунга. Они сказали, что конунг хочет получить всю дань с Вермаланда, которая осталась неуплаченной с тех пор, как Арнвид стал там ярлом. Ярл сказал, что он передал всю дань в руки посланцам конунга.

– И я не знаю, – сказал он, – что они потом сделали с ней: отдали ее конунгу или бежали с нею из страны. Но раз вы предъявили истинные знаки, что вас послал конунг, то я соберу всю дань, которая ему причитается, и передам ее вам в руки. Я не отвечаю, однако, за то, что с вами может потом случиться.

Эгиль прожил там некоторое время со своими людьми, а перед тем, как они уехали, ярл передал им дань. Она была частью серебром, частью – беличьими шкурками. И когда Эгиль и его люди собрались, они пустились в обратный путь. При расставании Эгиль сказал ярлу:

– Теперь мы отвезем конунгу дань, которую получили, но ты должен знать, ярл, что здесь гораздо меньше, чем конунг рассчитывал получить, и ведь сюда не вошла вира за его посланцев, которых, как люди говорят, ты велел убить.

Ярл отвечал, что это неправда. На этом они расстались.

Когда Эгиль уехал, ярл позвал своих двух братьев, которые оба звались Ульвами. Он сказал им так:

– Я думаю, что этот верзила Эгиль, который здесь у нас только что был, не принесет нам добра, вернувшись к конунгу. Легко себе представить, как он будет говорить о нас конунгу, если он посмел в глаза обвинить нас в таком деле, как убийство людей конунга. Вы должны поехать за ними и убить их всех, чтобы они не смогли оговорить нас перед конунгом. По-моему, самое разумное подстеречь их в лесу Эйдаског. Возьмите с собой столько людей, сколько нужно, чтобы ни один из них не ушел и чтобы вы сами не потерпели от них урона.

Братья снарядились в дорогу, и с ними тридцать человек. Они поехали в лес, где знали каждую тропинку. Их разведчики следили за Эгилем. Через лес вели две дороги. Одна из них шла через гору по крутому склону и была такой узкой, что двое не могли ехать рядом по ней. Эта дорога была более короткой. Другая дорога шла под горой. Там были большие болота, через которые были положены поваленные деревья. Здесь тоже можно было ехать только по одному в ряд. У каждой дороги село в засаду по пятнадцати человек.

LXXV

Эгиль ехал, пока не доехал до двора Альва. Там его хорошо приняли, и он провел там ночь. Он поднялся до рассвета и собрался в дорогу. Когда он сидел за утренней едой со своими людьми, вошел Альв. Он сказал:

– Рано собираешься, Эгиль! Я бы посоветовал тебе не спешить так в дорогу, а действовать осторожно, потому что я думаю, что в лесу вас подстерегает засада. У меня нет людей, чтобы дать тебе подкрепление, но я хочу предложить тебе переждать здесь у меня, пока я не скажу тебе, что можно ехать через лес.

Эгиль ответил:

– Это все только пустые страхи. Я поеду своей дорогой, как собирался раньше.

Он собрался со своими людьми в дорогу, а Альв удерживал его и просил вернуться, если он увидит, что кто-то проехал до него. Он сказал, что ни один человек не проехал через лес к западу с тех пор, как Эгиль проехал на восток.

– Кроме тех, – добавил он, – которые, как я полагаю, хотят на вас напасть.

– Как ты думаешь, сколько там должно быть человек, если это так, как ты говоришь? – спросил Эгиль. – Нас нелегко одолеть, будь нас даже меньше.

Альв ответил:

– Я ездил в лес, и мои люди со мной. Мы нашли там следы, и эти следы вели в глубину леса. Там должно быть много народу. А если ты не веришь моим словам, поезжай туда и посмотри на эти следы. Но только вернись обратно, если убедишься в том, что я сказал правду.

Эгиль поехал, и когда они выехали на дорогу, которая вела в лес, они увидели следы людей и лошадей. Спутники Эгиля стали говорить, что надо вернуться.

– Мы поедem вперед, – сказал Эгиль. – Меня не удивляет, что через Эйдаског проехали люди. Ведь это большая дорога.

И они поехали дальше, а след не прерывался, и отпечатков ног было очень много. А там, где дороги расходились, следы расходились тоже, и их шло поровну в каждую сторону. Тогда Эгиль сказал:

– Теперь я допускаю, что Альв говорил правду. Нам надо сейчас так подготовиться, как если бы мы знали, что предстоит встреча с врагами.

Тогда Эгиль и его спутники скинули плащи и верхнюю одежду и положили все это на сани. У Эгиля в санях был толстый канат, потому что у людей, которые едут в далекий путь, был обычай иметь с собой запасные канаты на случай, если понадобится чинить сбрую. Эгиль взял большой плоский камень и закрыл им грудь и живот. Потом он прикрутил его к себе канатом и обмотал себя им всего до плеч.

Эйдаског – это такой лес, что с обеих сторон его густая чаща доходит до самых селений. В середине же его – перелески и кустарник, а местами и вовсе нет леса. Эгиль и его люди поехали по более короткой дороге, которая шла через гору. У всех у них были щиты и шлемы, а также оружие, чтобы рубить и колоть. Эгиль ехал впереди, и когда они доехали до горы, внизу было мелколесье, а наверху на горе леса не было.

Когда они начали подниматься по крутому склону, из леса выскочили семь человек, бросились за ними и стали в них стрелять из луков. Эгиль и его люди повернулись к ним и стали поперек дороги. Тогда сверху со скалы стали спускаться другие. Они кидали вниз камни, и это было много опаснее. Тогда Эгиль сказал:

– Отходите вниз и защищайтесь, как только можете, а я поднимусь на скалу.

Они так и сделали. Когда Эгиль поднялся на скалу, перед ним оказались восемь человек, и все они сразу бросились к нему и напали на него. Об этой битве нечего рассказывать, кроме того, что он уложил их всех. Потом он подошел к обрыву и стал бросать вниз камни. Враги перестали сопротивляться. Три вермаландца были убиты, а четверо ушли в лес. Они были ранены и ушиблены.

Тогда Эгиль и его люди взяли своих лошадей и поехали вперед, пока не поднялись на гору. А те вермаландцы, которые ускользнули от них, рассказали все своим товарищам, сидевшим в засаде у болота. Те отправились вперед по нижней дороге, чтобы опередить Эгиля на пути. Тогда Ульв сказал своим товарищам:

– Теперь мы должны действовать хитро и не упустить их. Дело обстоит так, что та дорога идет по горе, болото же подходит к самой горе. Там наверху есть скала. Дорога же идет вдоль скалы, и она не шире узкой тропы. Одни из вас должны отправиться к скале и напасть на них, если они захотят пройти там. Другие же должны спрятаться здесь в лесу и напасть на них сзади, когда они покажутся. Надо, чтобы ни один из них не ушел.

Они так и сделали. Ульв пошел вперед к скале, и с ним десять человек. Эгиль же и его люди ехали своим путем и ничего не знали об этих замыслах, пока не достигли того места, где дорога становилась узкой. Тут сзади на них напали вооруженные люди. Эгиль и его товарищи повернулись к ним лицом и стали защищаться.

Теперь на них напали еще и те, которые были под скалой, и когда Эгиль увидел это, он кинулся им навстречу. Они недолго сражались, и Эгиль убил некоторых на дороге, другие же отошли назад, где было ровнее. Эгиль бросился за ними. Тут пал Ульв. В конце концов Эгиль один убил одиннадцать человек. Потом он вернулся туда, где его товарищи защищались против восьми врагов. С обеих сторон были раненые. Когда Эгиль появился, вермаландцы сразу же убежали. Лес был совсем близко. Пятеро убежали туда, все сильно израненные, а трое лежали мертвыми. На Эгиле было много ран, но ни одной тяжелой.

Они пустились в дорогу. Эгиль перевязал раны своим товарищам. Все раны были не смертельны. Они сели в сани и ехали остаток дня. А те вермаландцы, которые убежали, взяли своих лошадей и потащились из леса на восток, к жилью. Там им перевязали раны и дали им провожатых. Так они приехали к ярлу и рассказали ему о своей неудаче. Они сказали, что оба Ульва погибли и пятнадцать человек остались лежать мертвыми.

– И только мы пятеро вернулись живыми, и то все раненные и ушибленные.

Ярл спросил, что случилось с Эгилем и его спутниками. Они ответили:

– Мы не знаем точно, насколько они изранены, но они очень смело напали на нас. Когда нас было восьмеро, а их четверо, нам пришлось

бежать. Пятеро из нас убежало в лес, а трое погибли, Эгиля же и его людей мы видели только полными сил.

Ярл сказал, что все это очень плохо.

– Я бы мог примириться с потерей стольких людей, если бы вы убили этих норвежцев. А сейчас, когда они выйдут из леса на запад и расскажут норвежскому конунгу, что произошло, надо ждать от него самого худшего.

LXXVI

Эгиль ехал дальше, пока не выбрался из лесу. К вечеру они приехали к Торфинну и встретили очень хороший прием. Эгилю и его спутникам перевязали раны. Они пробыли там несколько ночей. Хельга, дочь хозяйки, уже исцелилась от своего недуга и была на ногах. Она и вся семья благодарили Эгиля за это. Эгиль и его люди отдохнули там и дали отдохнуть лошадям.

Тот человек, который вырезал руны Хельге, жил неподалеку. Теперь стало известно, что он сватался к ней, но Торфинн не захотел ее выдать за него. Тогда он хотел соблазнить ее, но это ему не удалось. Наконец, он задумал вырезать ей любовные руны, но не сумел этого сделать и вырезал ей такие руны, от которых она заболела.

Когда Эгиль был готов к отъезду, Торфинн с сыном поехали проводить его. Всего их было десять или двенадцать человек. Весь день они ехали вместе с ними для защиты от Армода и его людей. Но когда стало известно, что Эгиль и его люди отбились в лесу от превосходящих числом врагов и победили их, Армод потерял надежду на то, что сможет справиться с Эгилем. Так он и остался дома со всеми своими людьми.

Эгиль и Торфинн обменялись при расставании подарками и дали обет быть друзьями. Потом Эгиль и его люди поехали своим путем, и о том, как они добрались до Торстейна, ничего не рассказывается. Им залечили их раны, и они прожили там до весны. А Торстейн послал людей к конунгу Хакону, чтобы отвезти ему дань, собранную Эгилем в Вермаланде. Когда они прибыли к конунгу, они рассказали ему, что произошло с Эгилем во время его поездки, и передали ему дань.

Конунг понял теперь, что справедливы были его предположения о том, что ярл Арнвид оба раза велел убить посланцев, которых конунг посылал на восток. Конунг сказал, что Торстейн может теперь оставаться в стране и жить с ним в мире. Посланцы отправились домой и, вернувшись к Торстейну, рассказали ему, что конунг очень доволен поездкой Эгиля и что Торстейн может теперь жить в мире с конунгом.

Летом конунг Хакон поехал на восток, в Вик, и оттуда с большим войском отправился в поход в Вермаланд. Ярл Арнвид бежал, но конунг взял большой выкуп с бондов, которые, по словам тех людей, которые

собирали дань, были непокорными. Он поставил другого ярла управлять этим краем и взял заложников от него и от бондов. Потом Хакон двинулся дальше в западный Гаутланд и покориł его, как рассказывается в саге о нем и в песнях, которые о нем сложили. В них рассказывается также о том, как он отправился в Данию и воевал там. Двенадцать кораблей вывел он из строя у датчан, когда у него было только два своих, а своему племяннику Трюггви, сыну Олава, он дал тогда звание конунга и власть над восточным Викам.

Летом Эгиль снарядил торговый корабль и набрал гребцов. А тот боевой корабль, на котором он осенью приплыл из Дании, он при расставании отдал Торстейну. Торстейн богато отдал Эгилю, и они обещали друг другу быть друзьями. Эгиль послал людей в Аурланд к своему родичу Торду и поручил ему управлять своими землями в Согне и Хёрдаланде. Он просил Торда продать эти земли, если бы нашелся покупатель.

Когда Эгиль был готов в путь и подул попутный ветер, он сначала вышел из Вика, а потом поплыл на север вдоль берегов Норвегии и дальше в открытое море. Ветер благоприятствовал ему. Эгиль вошел в Боргарфьорд и направил корабль к берегу, недалеко от своего двора. Он велел перенести товары домой, а корабль вкатить на берег. Потом он отправился домой, и люди встретили его очень радостно. Он провел зиму дома.

LXXVII

К тому времени, когда Эгиль возвратился из своей поездки, весь край был заселен. Первые поселенцы уже все умерли, но их сыновья или внуки еще там жили.

Кетиль Гува приехал в Исландию, когда страна была сильно заселена. Первую зиму он пробыл в Гувускаларе (Двор Гувы), на полуострове Росмхваланес (Моржовый Мыс). Кетиль приехал с запада, из-за моря, из Ирландии. У него было много рабов-ирландцев. Весь полуостров Росмхваланес был тогда уже заселен. Поэтому Кетиль отправился на полуострова к северу оттуда и следующую зиму провел на полуострове Гувунес (Мыс Гувы), но не поселился там навсегда. Оттуда он поехал на Боргарфьорд и провел там третью зиму, в том месте, которое позднее называли Гувускалар, на реке Гуве, которая впадает в море там, где он оставил на зиму свой корабль.

Торд, сын Ламби, жил в Ламбастадире. Он был женат, и у него был сын по имени Ламби. Ламби был тогда уже взрослым и высоким, и сильным для своих лет. Летом, когда люди поехали на тинг, Ламби поехал тоже. А Кетиль Гува поехал на запад, в Брейдафьорд (Широкий Фьорд), поискать там себе жилья. В это время убежали его рабы. Ночью они пришли в Ламбастадир к Торду, подожгли его дом и сожгли Торда

и всех его домашних. Они разорили его клеть и растащили драгоценности и товары.

Все это они нагрузили на лошадей и потом поехали на полуостров Альфтанес.

На восходе солнца Ламби вернулся домой. Еще ночью он увидел пожар. С ним было несколько человек. Он сразу же поехал догонять рабов. К нему присоединились люди из других дворов. Когда рабы заметили погоню, они пустились бежать и бросили награбленное. Одни убежали в болота, другие бежали вдоль моря, пока не очутились перед фьордом. Тут Ламби со своими спутниками догнал их, и они убили одного, которого звали Кори. С тех пор это место называется Корапес (Полуостров Кори). А Скорри, Тормод и Сварт прыгнули в море и поплыли от берега. Тогда Ламби и его спутники взяли лодки и поплыли за ними вдогонку на веслах. Скорри они поймали на Скоррей (Острове Скорри) и убили его там. Потом они подплыли к островку Тормодескер (Островку Тормода) и убили там Тормода. Поэтому островок этот так и называется. Они поймали там еще нескольких рабов, и по их именам называются теперь места. Потом Ламби жил в Ламбастадире и был знатным бондом. Он обладал большой силой, но не был буйным человеком.

Кетиль Гува поехал на запад, в Брейдафьорд, и поселился в Торскафьорде (Тресковый Фьорд). По его имени долину называли Гувудаль (Долина Гувы), а фьорд – Гувуфьорд (Фьорд Гувы). Жену его звали При, она была дочерью Гейрмунда Адская Кожа. Их сына звали Вали.

Жил человек по имени Грим. Он был сыном Свертинга. Он жил в Мосфелле (Мшистая Гора), ниже пустоши. Он был богат и знатен родом. Его единоутробную сестру звали Рапнвейг, она была женой Тородда, годи в Эльфусе. Их сын был законоговоритель Скафти^[103]. Грим тоже был позже законоговорителем. Он посватался за Тордис, дочь Торольва, племянницу и падчерицу Эгиля. Эгиль любил Тордис не меньше, чем своих собственных детей. Она была очень красивая женщина. Так как Эгиль знал, что Грим – человек знатный и потому подходящий, чтобы быть ее мужем, они были помолвлены. Тордис выдали замуж за Грима. Эгиль выделил ей тогда ее отцовское наследство. Она поехала к Гриму, и оба они долго жили в Мосфелле.

LXXVIII

Жил человек по имени Олав^[104]. Отцом его был Хёскульд, сын Колля из Долин, а матерью Мелькорка, дочь ирландского короля Мюркьяртана. Олав жил в Хьярдархольте (Стадный Холм), в долине Лаксдаль (Лососья Долина) на Брейдафьорде. Олав был очень богат и красив собой. Это был очень достойный человек. Олав посватался за

Торгерд, дочь Эгиля. Торгерд была девушка красивая, рослая, умная и очень гордая, но всегда спокойная и покладистая. Эгиль хорошо знал, кто такой Олав, и понимал, что он достойный жених. Поэтому Торгерд выдали замуж за Олава. Она поехала с ним в Хьярдархолт. Их детей звали Кьяртан, Торберг, Халльдор, Стейндор, Турид, Торбьёрг, Бергтора. Бергтора была женою годи Торхалля, сына Одди. Торбьёрг была сначала женой Асгейра, сына Кнётта, потом – Вермунда, сына Торгрима. Турид была замужем за Гудмундом, сыном Сёльмунда, и у них были сыновья Халль и Барди Убийца. Оцур, сын Эйвинда, брат Торродда из Эльфуса, получил в жены дочь Эгиля, Беру.

Бёдвар, сын Эгиля, был тогда в расцвете юности. Это был многообещающий юноша, красивый собою, рослый и сильный, такой, каким были в его годы и Эгиль, и Торольв. Эгиль очень любил его, и Бёдвар тоже был очень привязан к нему. Однажды летом в реку Хвиту вошел корабль, и там был большой торг. Эгиль купил там много лесу и велел отвезти его на корабле домой. Его люди отплыли на корабле с восемью скамьями для гребцов, который был у Эгиля.

Случилось так, что Бёдвар попросил их взять и его с собой, и они согласились. Так он поплыл с ними к устью реки Хвиты. Их было шестеро на судне с восемью скамьями для гребцов. Они собрались плыть домой, но им мешал вечерний прилив, и так как им пришлось переждать его, они отправились только поздно вечером. Тут поднялся очень сильный юго-западный ветер, а отливное течение шло ему навстречу. Вода бурлила во фьорде, как это часто бывает там. В конце концов корабль затонул, и все они погибли.

На другой день волны прибили их тела к берегу, и тело Бёдвара оказалось у мыса Эйнарснаес (Мыс Эйнара). Другие тела отнесло на юг фьорда, и туда же прибило корабль. Его нашли у скалы Рейкьярхамар (Скала Дымы).

Эгиль узнал о случившемся в тот же день и сразу поехал разыскивать тело сына. Он нашел его на берегу. Эгиль поднял его, положил перед собой и так поехал на мыс Дигранес к могильному холму Скаллагрима. Он велел раскопать холм и положил Бёдвара рядом со Скаллагримом. После этого холм был опять засыпан, но не раньше, чем день склонился к вечеру.

Потом Эгиль уехал домой, в Борг. И когда он вернулся, то пошел сразу в каморку, где он обычно спал. Он лег и задвинул засов. Никто не смел заговорить с ним. Еще рассказывают, что когда Бёдвара хоронили, Эгиль был одет так: чулки плотно облегали его ноги, на нем была красная матерчатая одежда, узкая в верхней части и зашнурованная сбоку. И люди рассказывают, что он так глубоко вздохнул, что одежда на нем лопнула и чулки тоже.

Эгиль не отпер двери своей каморки и на другой день и не принимал ни еды, ни питья. Так пролежал он весь день и следующую ночь. Никто не смел заговорить с ним.

А на третье утро, когда рассвело, Асгерд велела одному человеку сесть на коня – тот помчался во весь опор на запад, в Хьярдархолът, – и рассказать обо всем, что случилось, Торгерд. Было после полудня, когда он приехал туда. Посланный сказал также, что Асгерд просит ее как можно скорее приехать в Борг.

Торгерд велела сразу же седлать коня, и с ней поехали двое человек. Они скакали весь вечер и всю ночь, пока не прибыли в Борг. Торгерд сразу вошла в дом. Асгерд поздоровалась с ней и спросила, ужинала ли она. Торгерд громко ответила:

– Я не ужинала и не буду ужинать, пока не попаду к Фрейе^[105]. Я намерена последовать примеру моего отца, я не хочу пережить его и брата.

Она подошла к спальной каморке и крикнула:

– Отец, отопри! Я хочу, чтобы мы оба отправились одним путем.

Эгиль отодвинул засов. Тогда Торгерд вошла и задвинула засов снова. Она легла на другое ложе, которое там было. Тогда Эгиль сказал:

– Это хорошо, дочь, что ты хочешь последовать за отцом. Большую любовь выказала ты мне. Что за смысл жить мне дольше с таким горем?

Они молчали некоторое время. Потом Эгиль спросил:

– Что это, дочка? Ты что-то жуешь?

– Я жую водоросль^[106], – сказала она, – потому что, думаю, мне станет хуже от нее. Иначе, боюсь, я проживу слишком долго.

– А разве она вредна? – спросил Эгиль.

– Да, очень, – отвечала она. – Хочешь попробовать?

– Что ж! – сказал Эгиль.

Спустя некоторое время она крикнула, чтобы ей принесли пить. Ей принесли воды. Тогда Эгиль сказал:

– Это всегда так. Когда поешь водоросли, хочется пить без конца.

– Хочешь попить, отец? – спрашивает Торгерд.

Он взял рог с питьем и сделал большой глоток. Торгерд сказала:

– Нас обманули, это молоко.

Тогда Эгиль впился зубами в рог, откусил кусок и бросил рог на землю. А Торгерд сказала:

– Что ж нам теперь делать? Наш замысел расстроился. Я все же хотела бы, отец, продлить нашу жизнь, чтобы ты мог сочинить поминальную песнь Бёдвару. А я бы вырезала ее рунами^[107] на дереве. А потом давай умрем, если нам покажется, что так надо. Твой сын Торстейн вряд ли сочинит поминальную песнь Бёдвару, а ведь не подобает оставлять его без посмертной почести, потому что я думаю, что из нас двоих ни один не будет сидеть на его тризне.

Эгиль сказал, что и в самом деле едва ли можно надеяться на то, что Торстейн сумеет сочинить песнь Бёдвару, даже если попытается.

– Так что я попробую сам, – добавил он.

У Эгиля был еще один сын, Гуннар, и он тоже недавно умер. Вот начало песни:

Тягостно мне
Неволить язык —
Песню слагать.
Одина мед

Мне не дастся.
Трудно слова
Из горла
Исторгнуть.

Чем далее сочинял, тем более креп Эгиль, и когда песнь была окончена, он исполнил ее Асгерд, Торгерд и своим домочадцам. Он встал со своего ложа и сел на почетное сиденье. Эту песнь он назвал «Утрата сыновей»^[108]. Потом Эгиль велел справить тризну по своим сыновьям по старому обычаю, а когда Торгерд уезжала домой, он богато одарил ее на дорогу.

Эгиль долго жил в Бorge и состарился там, но не слышно, чтобы он вел какие-либо тяжбы с кем-либо здесь в стране. Не слышно также, чтобы у него были поединки или битвы с тех пор, как он навсегда поселился в Исландии. Люди говорят, что после событий, о которых было рассказано, он не покидал Исландии. Эгиль не мог жить в Норвегии из-за враждебности конунгов, о которой уже говорилось. Он жил широко, потому что имел немало добра. И он был весел и бодр духом.

Конунг Хакон, воспитанник Адальстейна, долго правил Норвегией, но к концу его жизни в Норвегию пришли сыновья Эйрика и воевали с конунгом Хаконом за власть. Однако Хакон из всех битв выходил победителем. Их последняя битва была у Фитьяра на острове Сторд в Хёрдаланде. Конунг Хакон победил, но был ранен насмерть. Тогда в Норвегии стали править сыновья Эйрика.

Херсир Аринбьёрн был при Харальде, сыне Эйрика. Он стал его советником, и Харальд осыпал его почестями. Аринбьёрн был его военачальником и ведал защитой страны. Аринбьёрн был могучий и привычный к победам воин. Он получил в управление фюльк Фирдир.

Эгиль, сын Скаллагрима, узнал о том, что в Норвегии стал править новый конунг, а также то, что Аринбьёрн вернулся в свои владения в Норвегии и был в большой чести у конунга. Тогда Эгиль сложил в его честь хвалебную песнь^[109]. Эта песнь начинается так:

Песню вождю
Быстро сложил,
Но о скупцах
Петь не хочу.

Вольно пою
Славу вождю,
Где надо лгать —
Я молчалив.

Жил человек по имени Эйнар. Он был сыном Хельги, внуком Оттара, правнуком Бьёрна Норвежца, который занял землю в Брейдафьорде, и братом Освивра Мудрого. Уже в раннем возрасте он был рослым, сильным и во всем искусным человеком. С юности начал он слагать висы и был очень любознателен.

Однажды летом, на альтинге, Эйнар зашел в палатку Эгиля, сына Скаллагрима, и они стали беседовать. Вскоре у них зашла речь об искусстве скальдов, и оба остались довольны этой беседой. После этого Эйнар привык часто беседовать с Эгилем, и между ними возникла большая дружба. Эйнар недавно вернулся из поездки в чужие страны. Эгиль много расспрашивал его о событиях в Норвегии, а также о своих друзьях и тех, кто, как он думал, ему враг. Он много расспрашивал также о тех, кто теперь был в силе. А Эйнар расспрашивал Эгиля о его бывших походах и о его подвигах. Такая беседа нравилась Эгилю, и он охотно рассказывал Эйнару о былом.

Эйнар спросил Эгиля, что было его самым большим подвигом, и просил его рассказать о нем. Тогда Эгиль сказал:

С восьмерыми дрался,
С дюжиною дважды.
Все убиты мною
Волку на добычу.

Бились мы упорно.
На удар ударом
Отвечал клинок мой,
Для щитов опасный.

Расставаясь, Эгиль и Эйнар обещали друг другу быть друзьями. Эйнар долго пробыл в чужих краях среди знатных людей. Он был щедр, но часто нуждался. Эйнар был человек храбрый и благородный, и хороший товарищ. Он был дружинником ярла Хакона, сына Сигурда.

В то время в Норвегии шла война. Ярл Хакон воевал с сыновьями Эйрика: то ему, то им приходилось оставлять страну. Конунг Харальд, сын Эйрика, пал в битве у Хальса в Лимфьорде, на юге, в Дании. Его там предали. Ему пришлось биться с Харальдом, сыном Кнута, которого звали Золотой Харальд, и с ярлом Хаконем. Тогда пал в битве вместе с конунгом Харальдом и херсир Аринбьёрн, о котором прежде шла речь. И когда Эгиль узнал о гибели Аринбьёрна, он сказал:

Меньше стало ныне
Тех, кто блеском моря^{[1101](#)}

Воинов дарили.
За морем едва ли

Щедрые найдутся,
Что мои ладони
Захотят наполнить
Белым снегом тигля^[111].

Скальда Эйнара прозвали Звоном Весов^[112]. Он сложил хвалебную песнь в честь ярла Хакона, которая называется «Недостаток золота». Ярл очень долго не хотел слушать ее, так как гневался на Эйнара. Тогда Эйнар сказал:
Эту брагу Одина^[113]
Сделал я о конунге.
Он страну правит,
Спать другим позволив.

Верить не могу я,
Что не любит скальдов
Конунг. Я стремился
Здесь его увидеть.

А потом он сказал еще:
Я поеду к ярлу^[114],
Что мечом усердно
Волчьи стаи кормит.
На корабль пойду я

К Сигвальди, что носит
Щит с узором круглым.
Ран змею^[115] сгибающий
Не прогонит скальда.

Ярл не захотел, чтобы Эйнар уехал, и поэтому выслушал песнь. В награду за песнь он дал Эйнару щит. Это было большое сокровище: на щите были рисунки из древних сказаний, а между рисунками золотые блестки и драгоценные камни.

Эйнар поехал обратно в Исландию, в гости к своему брату Освивру. Но осенью он уехал оттуда, приехал в Борг и остался гостить там. Эгиля тогда не было дома. Он поехал недалеко на север, и дома ждали его. Эйнар ждал его три ночи. Тогда был обычай более трех ночей не гостить. Затем Эйнар собрался в дорогу, и когда он был готов, он подошел к месту Эгиля и укрепил над ним тот драгоценный щит, сказав домашним, что он дарит этот щит Эгилю. После этого он уехал, а в тот же день Эгиль вернулся домой. Когда он подошел к своему месту, то

увидел щит и спросил, кому принадлежит это сокровище. Ему сказали, что приезжал Эйнар Звон Весов и подарил ему этот щит. Тогда Эгиль сказал:

– Ничтожнейший из людей! Он думает, что я просижу над щитом всю ночь и буду сочинять в честь него песнь!^[116] Дайте мне коня! Я догоню и убью его!

Эгилю сказали, что Эйнар уехал рано утром.

Он должен быть уже на западе, в долинах Брейдафьорда.

Тогда Эгиль сложил все же хвалебную песнь, и она начинается так:
Восхвалить хочу я

Щит – подарок добрый,

Славу коня морского^[117].

Щедрый воин в дом мой

Слово прислал привета,

В песнях я искусен,

Пусть услышит каждый

Песню, что сложил я.

Эгиль и Эйнар остались друзьями на всю жизнь, а об этом щите рассказывают, что Эгиль взял его с собой, когда поехал на одну свадьбу на север, в Видимюр (Лозняковое Болото), вместе с Торкелем, сыном Гуннвальда, и сыновьями Бьёрна Красного – Тревилем и Хельги. Там щит испортился, упав в бочку с кислым молоком. Эгиль велел снять с него украшения, и в блестках оказалось двенадцать эйриров золота.

LXXIX

Когда Торстейн, сын Эгиля, подрос, он стал очень красивым. Волосы у него были светлые, а лицо белое. Он был высок и силен, но совсем не похож на своего отца. Торстейн был умным, мягким, умеренным и спокойным человеком. Эгиль не очень любил его, и Торстейн не был особенно привязан к отцу. Но Асгерд очень любила его, и он ее тоже. Эгиль стал теперь сильно стареть.

Однажды летом, когда Торстейн уехал на альтинг, Эгиль остался дома. Перед отъездом из дому Торстейн и Асгерд взяли из сундука Эгиля его шелковое одеяние, подарок Аринбьёрна, и Торстейн поехал в нем на тинг. Оно волочилось по земле и испачкалось, когда первый раз шли к Скале Закона^[118]. Когда Торстейн вернулся домой, Асгерд уложила одеяние туда, где оно лежало прежде. Много позднее Эгиль открыл свой сундук, увидел, что одеяние испорчено, и потребовал от Асгерд объяснения, как это случилось. Тогда она сказала ему правду. И Эгиль сказал:

Некому наследство

Мне теперь оставить.
Я поступок сына
Назову обманом.

Правящий конем морским^[119]
Подождал бы лучше,
Чтоб меня зарыли
В каменном кургане.

Торстейн женился на Йофрид, дочери Гуннара и внучке Хлива. Мать ее, Хельга, была дочерью Олава Фейлана и сестрою Торда Ревуна. Йофрид была сначала замужем за Тороддом, сыном Одда из Тунги (Междуречье). Вскоре умерла Асгерд. После этого Эгиль покинул свой двор и оставил его Торстейну, а сам отправился на юг, в Мосфелль, к своему зятю Гриму, потому что из всех, кто был жив тогда, больше всех он любил Тордис, свою падчерицу.

Однажды в залив Лейруваг (Глинистый Залив) вошел корабль. Им управлял человек по имени Тормод. Он был норвежец и домочадец Торстейна, сына Торы. Он привез с собой щит, который Торстейн послал Эгилью, сыну Скаллагрима. Щит этот был большой драгоценностью. Тормод передал щит Эгилью, и Эгиль с благодарностью принял его. Зимой Эгиль сложил хвалебную песнь, которая называется «Песнь о щите». Начинается она так:

Слушай, воин смелый,
Эту брагу Одина!
Пусть молчит дружина,
Внемля пенью скальда!

В Хёрдаланде часто
Будут слушать песнь,
Что сложил я искусно,
О могучий воин!

Торстейн, сын Эгиля, жил в Борге. У него было два внебрачных сына, Хривла и Храфн, а после женитьбы он имел от Йофрид десять детей. Из-за его дочери Хельги Красавицы Гуннлауг Змеинный Язык бился со скальдом Храфном. Старшего из сыновей Торстейна звали Грим, второго – Скули, третьего – Торгейр, четвертого – Колльсвейн, пятого – Хьёрлейв, шестого – Халли, седьмого – Эгиль, восьмого – Торд. Его дочь звали Тора, на ней был женат Тормод, сын Клеппьярна. От детей Торстейна пошел большой род, из которого вышло много видных людей. Всех, кто ведет свой род от Скаллагрима, называют людьми с Болот.

Энунд Сьони жил в Анабрекке, когда Эгиль жил в Борге. Он был женат на Торгерд, дочери Бьёрна Сильного со Снефелльсстранда (Побережье Снежной Горы). Их детьми были Стейнар и Далла, на которой женился Эгмунд, сын Гальти. У них были сыновья Торгильс и Кормак. Когда Энунд состарился и стал плохо видеть, он перестал вести хозяйство и передал его Стейнару, своему сыну. Отец и сын владели большим богатством.

Стейнар был очень высокий и сильный, но уродливый и горбатый, длинноногий, с коротким туловищем. Он был человек буйный, заносчивый, дерзкий и очень горячий.

Когда Торстейн, сын Эгиля, поселился в Борге, вскоре вспыхнула ссора между ним и Стейнаром. К югу от ручья Хавслёк лежит болото, которое называется Стакксмюр (Стоговое Болото). Зимой оно под водой, но весной, когда тает лед, болото превращается в такое хорошее пастбище, что его даже называли Стог Сена. Хавслёк долго служил границей. Весной скот Стейнара часто заворачивал на это болото, когда его гнали от Хавслёка. Работники Торстейна жаловались на это, но Стейнар не обращал внимания на эти жалобы. В первое лето это не вызвало никаких событий. Но следующей весной скот Стейнара продолжал пастись там же, и тогда Торстейн обратился к Стейнару и стал спокойно говорить об этом. Он просил его держаться в границах, которые издавна были установлены. Стейнар ответил, что скот волен пастись, где ему угодно. Он говорил об этом очень упрямо, и они с Торстейном изрядно поспорили. Тогда Торстейн велел прогнать скот Стейнара с болота на Хавслёк, а когда Стейнар узнал об этом, он велел Грани, своему рабу, пасти скот на болоте, и тот пас его там целыми днями. Так прошел остаток лета. Все луга к югу от Хавслёка были потравлены.

Однажды Торстейн поднялся на холм над Боргом, чтобы осмотреть окрестности. Тут он увидел, где пасется скот Стейнара. Тогда он пошел к болоту. Дело было к вечеру. Он увидел, как далеко в болото зашел скот. Торстейн побежал к болоту, но когда Грани увидел его, он быстро погнал скот к загону, где его доили. Торстейн погнался за ним, нагнал его у ворот и убил его. Место, где были эти ворота, зовется с тех пор Гранахлид (Ворота Грани). Торстейн свалил изгородь на Грани и закрыл его тело^[120]. Потом он вернулся домой, в Борг.

Женщины, пришедшие доить, нашли тело Грани. Они пошли домой и рассказали Стейнару, что случилось. Стейнар похоронил Грани на пригорке и поручил другому рабу пасти стадо. Имя его не называют. До конца лета Торстейн держался так, будто он ничего не знает об этом.

Случилось, что Стейнар в первой половине зимы отправился на Снефелльсстранд и пробыл там некоторое время. Там увидел он одного

раба по имени Транд. Он был очень рослый и сильный. Стейнар захотел купить этого раба и предложил высокую цену. Но владелец раба оценил его в три марки серебра. Это было много больше, чем цена обыкновенного раба. Сделка все же состоялась, и Стейнар взял Транда с собою домой.

Когда они вернулись домой, Стейнар сказал Транду:

– Дело вот в чем: у меня есть для тебя работа. Все прочие дела уже распределены здесь. А я дам тебе работу, которая тебя сильно не затруднит. Ты будешь пасти мой скот. Для меня очень важно, чтобы скот был хорошо выпасен, и я хочу, чтобы ты ни с кем не считался в выборе лучшего пастбища. Если у тебя неостанет силы и смелости управиться с любым работником Торстейна, то я плохо разбираюсь в людях.

Стейнар дал Транду большую секиру с лезвием длиной почти в локоть и очень острым.

– По твоему виду, Транд, – сказал Стейнар, – едва ли можно сомневаться в том, что звание годи не остановит тебя, если ты столкнешься с Торстейном один на один.

Транд ответил:

– Я думаю, что я немногим обязан Торстейну, и я, кажется, понимаю, что за задачу ты мне ставишь. Ты думаешь, конечно, что немногим рискуешь с таким рабом, как я. А мне-то это очень по душе, если доведется помериться с Торстейном силою.

И Транд стал пасти скот. Вскоре он понял, где Стейнар велел пасти свой скот, и он стал пасти его на болоте Стаксмюр. Когда Торстейн обнаружил это, он послал одного из своих работников к Транду и велел указать ему границу земель его и Стейнара. Работник нашел Транда, передал то, что ему было поручено, и попросил его перегнать скот в другое место. Он сказал, что Транд сейчас пасет скот на земле Торстейна, сына Эгиля. Транд ответил:

– Меня совсем не заботит, чья это земля. Я пасу на том лугу, где мне кажется лучше.

На этом они расстались. Работник вернулся и передал Торстейну ответ раба. Торстейн ничего не предпринял. И Транд пас скот днем и ночью.

LXXXI

Однажды утром Торстейн поднялся с рассветом и взошел на холм. Он увидел, где паслось стадо Стейнара. Тогда Торстейн пошел к болоту и подошел к стаду. Возле Хавслёка высится поросшая деревьями скала. Наверху на этой скале спал Транд. Обувь он снял. Торстейн поднялся на скалу. В руке он держал небольшую секиру, и никакого другого оружия при нем не было. Торстейн толкнул Транда ручкой секиры и велел ему

вставать. Тот быстро вскочил, схватил двумя руками свою секиру и взмахнул ею. Тут он спросил, чего хочет Торстейн. Тот ответил:

– Я только хочу сказать тебе, что эта земля принадлежит мне и что ваше пастбище по ту сторону ручья. Неудивительно, что ты еще не знаешь границы.

Транд ответил:

– Мне все равно, кому принадлежит эта земля. Я буду пасти скот там, где ему больше нравится.

– Однако, – сказал Торстейн, – распоряжаться своей землей буду я, а не рабы Стейнара.

Транд отвечал:

– Ты еще глупей, чем я думал, Торстейн, если ты хочешь погибнуть от моей секиры и подвергнуть опасности свою честь. Насколько я вижу, я вдвое сильнее тебя, и смелости у меня хватает. И к тому же я лучше вооружен, чем ты.

– Я пойду на эту опасность, – ответил Торстейн, – если ты не станешь пасти в другом месте. Я надеюсь, что наши судьбы будут столь же различными, как неодинаково наше положение перед законом.

Транд ответил:

– Ты сейчас увидишь, Торстейн, боюсь ли я твоих угроз.

Транд сел и стал завязывать свою обувь, а Торстейн взмахнул секирой и ударил ею по затылку Транда так, что голова его упала на грудь. Потом Торстейн завалил камнями его тело и отправился обратно в Борг.

В этот день скот Стейнара долго не возвращался домой. И когда уже пропала всякая надежда на то, что он вернется, Стейнар оседлал свою лошадь и вооружился. Он поехал на юг, в Борг, и, приехав туда, вступил с людьми в разговор и спросил, где Торстейн. Ему сказали, что Торстейн в доме. Тогда Стейнар велел попросить Торстейна, чтобы тот вышел, и сказал, что он имеет дело к нему. Когда Торстейн это услышал, он взял свое оружие, вышел и встал перед дверью. Он спросил Стейнара, что ему надо.

– Ты убил моего раба Транда? – спросил Стейнар.

– Убил, – отвечал Торстейн. – Тебе не нужно искать других виновников.

– Я вижу, ты думаешь, что храбро защищаешь свою землю, убивая одного за другим моих рабов. Но мне это не кажется таким уж большим подвигом. Я предоставляю тебе еще лучший случай храбро защищать свою землю, потому что я никому другому не поручу больше пасти свое стадо. Но ты должен знать, что днем и ночью мой скот будет пастись на твоей земле.

– Прошлым летом я убил твоего раба, которому ты велел пасти скот на моей земле, а потом я позволил тебе пасти, где ты хочешь, до зимы. Теперь я убил второго твоего раба за то же, за что убил первого, и ты опять можешь пасти скот, где хочешь, до зимы. Но если ты следующим

летом опять будешь пасти на моей земле и поручишь людям гонять сюда свой скот, я буду убивать каждого человека, кто будет стеречь скот, будь это хоть ты сам. И так будет каждое лето, пока ты будешь продолжать пасти там.

С этим Стейнар уехал домой в Анабрекку и вскоре отправился в Ставахольт. Там жил тогда Эйнар. Он был годи. Стейнар просил у него поддержки и предложил денег. Эйнар сказал:

– Моя помощь не будет иметь значения, если тебе не окажут помощи в этом деле другие уважаемые люди.

Тогда Стейнар поехал в Рейкьярдаль к Одду из Тунги и попросил у него поддержки, и предложил денег. Одд взял деньги и обещал поддержать Стейнара в тяжбе с Торстейном. Затем Стейнар поехал домой. А весной Одд и Эйнар отправились вызывать Торстейна на суд. Их сопровождало много народу. Стейнар обвинял Торстейна в убийстве рабов и требовал изгнания за каждое убийство. Таков был закон в том случае, если у человека убивали рабов и не возмещали убытка к третьему восходу солнца. А два изгнания были равносильны объявлению вне закона^[121].

Торстейн не выдвигал встречного иска, но вскоре после этого он послал людей на юг. Они приехали в Мосфелль к Гриму и рассказали ему о событиях. Эгиль, казалось, не был обеспокоен ими, но потихоньку он собрал точные сведения о действиях Торстейна и Стейнара и о людях, которые поддерживали Стейнара в этом деле. Потом посланцы уехали домой, и Торстейн был очень доволен их поездкой.

Торстейн, сын Эгиля, с большим числом провожатых поехал на весенний тинг^[122] и приехал на одну ночь раньше других. Он покрыл свою палатку, и так же сделали те из его провожатых, у кого были палатки. Когда его провожатые устроились, Торстейн велел им браться за дело и построить большие стены. Потом он велел покрыть их^[123], и эта палатка была много больше других, стоявших там, но люди там не жили.

Стейнар тоже приехал на тинг с большим числом провожатых. И Одд из Тунги приехал со многими людьми. Много людей было и у Эйнара из Ставахольта (Столбовый Холм). Они покрыли свои палатки. Собралось очень много народу. Люди начали излагать свои дела. Торстейн не предлагал мировой и ответил тем, которые пытались посредничать, что он собирается ждать решения суда. Он сказал, что иск, который возбуждает Стейнар в связи с убийством его рабов, кажется ему неосновательным, и утверждал, что рабы Стейнара были убиты поделом.

Стейнар же очень похвалялся. Его иск казался ему законным, а поддержка достаточно сильной, чтобы выиграть тяжбу. Поэтому он рьяно вел свое дело. Днем люди поднимались на холм тинга^[124] и оттуда излагали свои дела, а вечером судьи должны были вынести решение. Торстейн был там со своими людьми. Он следил за соблюдением

распорядка тинга, потому что так было, пока Эгиль выполнял обязанности годи и имел власть. Обе стороны были в полном вооружении.

Вдруг на тинге увидели, что вдоль реки Глювры скачут люди. Их щиты сверкали. И когда они подъехали к полю тинга, впереди них был человек в синем плаще. На голове у него был золоченый шлем, сбоку – украшенный золотом щит, в руке – копье с насадкой, окованной золотом, на поясе – меч. Это приехал Эгиль, сын Скаллагрима, с восемью десятками человек. Все они были хорошо вооружены, как для битвы. Все они были как на подбор, потому что Эгиль привел с собой лучших сыновей бондов со всех южных полуостровов, тех, кто казался ему хорошими воинами. Эгиль подъехал со своими людьми к той палатке, которую Торстейн велел поставить и которая до сих пор стояла пустой. Они спешили.

Когда Торстейн узнал о приезде своего отца, он пошел ему навстречу со всеми своими людьми и принял его радушно. Эгиль и его люди сложили свои пожитки в палатке и отвели лошадей на луг. Когда это было сделано, Эгиль и Торстейн со всеми провожатыми пошли на холм тинга и сели там, где садились обычно. Эгиль встал и сказал громко:

– Здесь ли, на тинге, Энунд Сьони?

Энунд ответил, что он здесь, и сказал:

– Я рад, что ты приехал, Эгиль. Это устранит все, что препятствует миру между людьми.

– Это ты причиной тому, что твой сын Стейнар начал тяжбу против моего сына Торстейна и собрал столько народу, чтобы объявить Торстейна вне закона?

– Я не виноват, – сказал Энунд, – что между ними раздор. Я потратил много слов, убеждая Стейнара помириться с Торстейном, потому что я всегда избегал оскорблять твоего Торстейна. Я делал это ради старой дружбы, которая была между нами, Эгиль, с тех пор как мы выросли такими близкими соседями.

– Скоро станет ясно, – ответил Эгиль, – говоришь ты правду или лжешь, хотя я и не могу поверить во второе. Я вспоминаю те дни, когда каждому из нас показалось бы невероятным, что мы так вот станем судиться и не сможем удержать наших сыновей от глупостей, о которых я сейчас слышу. Я считаю, что, пока мы живы и раз эта ссора наших сыновей, надо нам взять это дело в свои руки и уладить его. Не позволим Одду из Тунги и Эйнару стравливать наших сыновей, как лошадей^[125]. Пусть они лучше умножают свое добро другим способом, чем берясь за такое дело.

Тогда Энунд встал и сказал:

– Верно говоришь ты, Эгиль, и нам не подобает быть на том тинге, где судятся наши сыновья. Стыдно будет нам, если мы не сможем их

помирить. Я хочу, Стейнар, чтобы ты доверил мне это дело и предоставил вести его, как я найду нужным.

– Я не знаю, – ответил Стейнар, – могу ли я отказаться от своего иска, после того как я заручился поддержкой знатных людей. Я буду добиваться только такого конца, который удовлетворит Одда и Эйнара.

Тут Одд и Стейнар посовещались между собой, и Одд сказал:

– Я буду оказывать тебе поддержку, как я тебе обещал, пока ты не добьешься закона или такого конца дела, на который ты согласишься. Кто знает, как повернется твое дело, если решение по нему будет выносить Эгиль?

Тогда заговорил Энунд:

– Слова Одда мне не указ. От него я ни хорошего, ни плохого не видел, а Эгиль сделал мне очень много добра. Я доверяю ему гораздо больше, чем другим, и потому возьмусь за это дело сам. Тебе не стоило бы восстанавливать нас всех против себя. До сих пор я всегда решал за нас обоих. Так будет и сейчас.

– Ты слишком рьяно берешься за это дело, отец, и мы не раз, я думаю, раскаемся в этом.

После этого Стейнар передал дело Энунду, чтобы тот продолжал тяжбу или заключил мировую, как полагалось по закону. И Энунд, как только взял дело в свои руки, пошел к Торстейну и Эгилю. Он сказал:

– Теперь, Эгиль, я хочу, чтобы ты судил и решал сам, как тебе угодно, так как я верю твоему решению больше всего, в моих делах, как и во всех прочих.

Энунд и Торстейн подали друг другу руки и просили присутствующих быть свидетелями того, что Эгиль, сын Скаллагрима, сам должен решить дело на тинге, как он хочет, без всяких ограничений. Разговор на этом кончился, и люди разошлись по своим палаткам. Торстейн велел подвести трех быков к палатке Эгиля и зарезать их, чтобы кормиться во время тинга. А Одд из Тунги и Стейнар вернулись в свою палатку, и Одд сказал:

– Раз ты, Стейнар, с твоим отцом решили прекратить тяжбу, я считаю себя свободным от обещания оказывать тебе поддержку, так как мы договаривались, что я должен поддерживать тебя до того, как ты выиграешь тяжбу, или до такого ее прекращения, которое бы тебя удовлетворило.

Стейнар сказал, что Одд поддерживал его хорошо и смело и что их дружба должна стать еще крепче, чем раньше.

– Я считаю, – добавил он, – что ты свободен от обязательства, которое дал мне.

Вечером собрались судьи для решения дел, но рассказывают, что ничего особенного не произошло.

На другой день Эгиль, сын Скаллагрима, пошел на холм тинга, и с ним Торстейн и все их люди. Пришли туда также Энунд и Стейнар. Одд из Тунги и Эйнар со своими людьми тоже пришли туда. После того как другие люди изложили свои дела, Эгиль встал и сказал:

– Здесь ли Стейнар и Энунд, слышат ли они меня?

Энунд отвечал, что они здесь.

– Тогда я вынесу решение по тяжбе Стейнара с Торстейном. Я начну с того, что мой отец Грим приехал сюда в страну и занял всю землю вокруг Болот и дальше. Он поселился в Борге и определил границы своей земли. А друзьям своим он роздал земли вокруг, где они и жили с тех пор. Ани он дал Анабрекку (Холм Ани), где живут теперь Энунд и Стейнар. Все мы знаем, Стейнар, где проходит граница между Боргом и Анабреккой: эта граница – ручей Хавслёк. И ведь дело было не так, Стейнар, что ты послал пасти скот на землю Торстейна, не ведая того, нет – ты присвоил его землю и думал, что он настолько недостоин своего рода, что позволит тебе ограбить себя! А ведь вы, Стейнар и Энунд, должны знать, что Ани получил эту землю от моего отца Грима! Тогда Торстейн убил двух твоих рабов. Всем попятно, что своими делами они вполне заслужили смерть и не стоят виры. Даже если бы они были свободными людьми, они бы не стоили виры. А за то, Стейнар, что ты замышлял захватить владения моего сына Торстейна, которые он получил от меня, а я получил в наследство от моего отца, – за это ты должен отдать твои земли в Анабрекке безо всякого возмещения за них. И ты не должен иметь ни жилья, ни приюта здесь в округе, к югу от реки Ланги, и должен уехать из Анабрекки раньше, чем истекут положенные дни перехода^[126]. И тебя сможет убить каждый, кто захочет поддержать Торстейна, сразу же по истечении положенных дней перехода, если только ты не уедешь прочь или не исполнишь чего-либо из того, к чему я обязал тебя здесь.

Когда Эгиль сел, Торстейн просил присутствующих быть свидетелями этого решения. Тогда Энунд Сьони сказал:

– Люди скажут, Эгиль, что решение, которое ты вынес и объявил здесь, очень несправедливо. Обо мне можно только сказать, что я всегда стремился уладить раздоры. Но отныне я не упущу случая сделать все, что смогу, во вред Торстейну.

– Мне сдается, – сказал Эгиль, – что ваша судьба с сыном станет еще хуже, если наша тяжба затянется. Я думаю, Энунд, тебе надо бы знать, что мне всегда удавалось отстоять свое право перед такими людьми, как ты и твой сын. А Одд и Эйнар, которые приняли в этом деле такое большое участие, приобрели благодаря ему столько уважения, сколько они заслуживали.

На тинге был также Торгейр Соня, сын сестры Эгиля. Он очень поддерживал Торстейна в этой тяжбе, и он просил отца и сына дать ему землю где-нибудь в Болотах. Эгиль принял эту просьбу благожелательно и сказал Торстейну, чтобы он пустил туда Торгейра. Они поселили его в Анабрекке, а Стейнар перебрался на ту сторону реки Ланги и поселился у ручья Лейрулёк.

Эгиль поехал домой, в Мосфелль. Отец и сын расстались дружески.

У Торстейна был человек по имени Ири, быстроногий как никто и очень зоркий. Он был чужеземцем и отпущенником Торстейна. На нем лежала забота о скоте, особенно о том, чтобы выгонять овец в горы весной и загонять назад в загоны осенью.

После положенных дней перехода Торстейн велел собрать овец, которые еще оставались там, и погнать их в горы. Ири остался в овечьем загоне, а Торстейн со своими работниками поехал в горы. Их было восемь человек. Торстейн велел поставить на Грисартунге (Междуречье Гриса) изгородь между озером Лангаватном (Длинное Озеро) и рекой Глюврой. Весной он послал многих людей на эту работу.

Посмотрев, как идет работа, он поехал домой. Но когда он проезжал мимо поля тинга, навстречу ему прибежал Ири и сказал, что хочет говорить с ним с глазу на глаз. Торстейн сказал, чтобы спутники его ехали вперед, пока он поговорит с Ири. Ири рассказал, что днем он взбирался на холм Эйнкуннир посмотреть, где овцы.

– И тут я увидел, – сказал он, – что в лесу, повыше зимней дороги, торчат двенадцать копий и блестят щиты.

Торстейн громко сказал, так, чтобы его слышали спутники:

– Почему ему так хочется увидаться со мной, что я не могу продолжать свой путь домой? Впрочем, Альвальду покажется несправедливым, если я откажусь поговорить с ним, когда он болен.

А Ири побежал со всех ног на гору.

Торстейн сказал спутникам:

– Я думаю, наша поездка будет долгой, так как нам придется сначала поехать на юг, в Альвальдсстадир (Двор Альвальда). Альвальд просит меня, чтобы я заехал к нему. Но то, что я поеду к нему по его просьбе, едва ли покажется ему достаточной наградой за быка, которого он мне подарил прошлой осенью.

И они поехали на юг по болотам ниже Стангархольта, потом дальше к югу, к реке Гуве, и вниз вдоль реки по верховой тропе. Когда они проехали мимо озера на реке, к югу от реки они увидели большое стадо и одного человека при нем. Это был работник Альвальда. Торстейн спросил его, как дела. Тот отвечал, что все здоровы и что Альвальд в лесу, на рубке леса.

– Тогда скажи ему, – сказал Торстейн, – что если он хочет говорить со мной, то пусть приедет в Борг, а я теперь поеду домой.

Так он и сделал. Но позже стало известно, что в этот день Стейнар, сын Сьони, с одиннадцатью людьми сидел в засаде у холма

Эйнкуннира. Торстейн сделал вид, что он ни о чем не знает, и все было спокойно.

LXXXIV

Жил человек по имени Торгейр. Он был родичем и близким другом Торстейна. Он в это время жил на полуострове Альфтанес. Торгейр имел обыкновение каждую осень приглашать к себе гостей на пир. Он поехал к Торстейну, сыну Эгиля, и пригласил его к себе. Торстейн обещал быть, и Торгейр уехал обратно.

В условленный день Торстейн собрался в дорогу. Оставалось четыре недели до начала зимы^[127]. С Торстейном поехали живший у него норвежец и двое из его работников. Сыну Торстейна, Гриму, было тогда десять лет. Он тоже отправился с ними. Всего их было пятеро. Они поехали к водопаду на Ланге и дальше через реку, а потом дальше, к реке Ауридаа (Тайменья Река).

За рекою работали Стейнар и Энунд со своими людьми. Узнав Торстейна, они бросились к оружию, а потом вслед за ним и его людьми. Когда Торстейн обнаружил погоню, он и его спутники выезжали с Лангахольта (Длинная Река). Там стоит высокий и неширокий холм. Они спешили и поднялись на холм. Торстейн сказал, чтобы маленький Грим бежал в лес и не оставался с ними. Когда Стейнар и его люди достигли холма, они кинулись на Торстейна и на его спутников, и началась битва.

Со Стейнаром было шесть взрослых мужчин. Седьмым был его двенадцатилетний сын. Их столкновение увидели люди из других дворов, бывшие на лугах, и сбежались, чтобы их разнять. Когда их разняли, оба работника Торстейна были уже убиты. Был убит и один раб Стейнара, и некоторые ранены. Едва их разняли, Торстейн огляделся, ища Грима, и Грима нашли. Он был тяжело ранен, а сын Стейнара лежал возле него мертвый.

Когда Торстейн сел на свою лошадь, Стейнар закричал ему: «Убегаешь, белокрысый Торстейн?»

Торстейн сказал:

– Ты побежишь еще дальше, раньше чем пройдет неделя.

Потом он поехал со своими спутниками через болото, и маленький Грим был с ним. Но когда они ехали по одному холму, мальчик умер, и они похоронили его там. С тех пор этот холм называется Гримсхольт (Холм Грима). А то место, где они бились, зовется с тех пор Орростухваль (Холм Битвы).

Вечером Торстейн приехал на Альфтанес, как и собирался раньше, и прогостил там три дня. Потом он собрался в обратный путь. Ему предлагали провожатых, но он отказался, и они поехали назад вдвоем.

А в тот день, когда Стейнар ожидал возвращения Торстейна, он поехал вдоль моря. Он приехал к дюнам ниже Ламбастадира и остановился там. У него был меч, который называется Скрюмир. Это было очень хорошее оружие. Так стоял он в дюнах с обнаженным мечом и пристально смотрел только в одну сторону, туда, где ехал по песку Торстейн.

Ламби жил тогда в Ламбастадире, и он увидел, что замышляет Стейнар. Он вышел из дому и пошел в дюны, и, подойдя к Стейнару, схватил его сзади под руки. Стейнар хотел вырваться от него, но Ламби держал крепко, и оба скатились с дюны вниз. Как раз в это время Торстейн и его спутник проехали внизу по дороге.

Стейнар приехал на жеребце. Этот жеребец сорвался и побежал вдоль моря. Торстейн с товарищем увидели его и удивились, потому что они не заметили, что Стейнар проехал здесь. А Стейнар снова рванулся на дюну, потому что он не видел, как Торстейн проехал мимо. А когда они опять выбрались на пригорок, Ламби толкнул Стейнара с дюны вниз. Стейнар не удержался и слетел вниз на песок, а Ламби побежал домой. Стейнар вскочил на ноги и помчался за ним. Но как только Ламби добежал до своих дверей, он вбежал внутрь и заперся. Стейнар ударил мечом так, что меч глубоко вошел в наличник двери. Так они расстались, и Стейнар пошел домой.

На следующий день после того, как Торстейн вернулся домой, он послал работника в Лейрулёк сказать Стейнару, чтобы тот перебирался за Боргархраун, иначе он, Торстейн, воспользуется тем, что у него больше людей.

– И тогда тебе уже не уйти, – сказал он.

Стейнар ушел на побережье Снефелльсstrand и там построил двор, который называется Эллиди (Ладья). Так кончились раздоры между ним и Торстейном, сыном Эгиля.

Торгейр Соня жил в Анабрекке. Но он был плохим соседом Торстейну в чем только мог. Однажды, когда Эгиль и Торстейн встретились, они много говорили о Торгейре Соне, их родиче, и сошлись во всем. Тогда Эгиль сказал:

Я единым словом
Землю взял у Стейнара.
Тем потомку Гейра
Пособить хотел я.

Сын сестры нежданно
Скверным оказался.
Странно, что не смог он
Избежать дурного.

Торгейр Соня перебрался тогда из Анабрекки на юг, в долину Флокадаль (Долина Флоки), потому что Торстейн понял, что не

уживется с ним, даже если бы и хотел этого. Торстейн был человек прямой, справедливый и миролюбивый. Но когда другие задевали его, он умел защитить себя. Поэтому связываться с ним было опасно.

Одд из Тунги был тогда хёвдингом^[128] на Боргарфьорде, к югу от реки Хвиты. Он был годи и смотрел за капищем, на содержание которого все в Скардсхейде (Щербатый Перевал) платили налог.

LXXXV

Эгиль, сын Скаллагрима, теперь совсем состарился и стал неповоротлив. Зрение и слух у него ослабели, а ноги плохо его слушались. Он жил тогда в Мосфелле, у Грима и Тордис. Однажды, когда он шел вдоль стены дома, нога его подвернулась, и он упал. Какие-то женщины увидели это, засмеялись над ним и сказали:

– Плохо твое дело, Эгиль, если ты сам валишься с ног!

Тогда Грим сказал:

– Когда мы были молоды, женщины меньше насмехались над нами.

А Эгиль сказал:

Я как лошадь в путах —
Оступиться легко мне.
Мой язык слабеет,
Да и слух утрачен.

В конце концов Эгиль совсем ослеп. Однажды зимой, в холодную погоду, Эгиль подошел к огню согреться. Стряпуха сказала, что странно, когда такой человек, каким был некогда Эгиль, путается теперь под ногами и мешает работать.

– Позволь мне согреться у огня, – сказал Эгиль, – не будем ссориться из-за места.

– Вставай! – отвечала она. – Иди на свое место и не мешай нам.

Эгиль тогда встал, пошел на свое место и сказал:

У огня, ослепший,
Я дрожу. Должна ты,
Женщина, простить мне
Глаз моих несчастье.

Англии владыке
Я певал, бывало.
Слушал он охотно,
Золотом платил мне.

Еще как-то раз Эгиль подошел к огню согреться. Один человек спросил его, не замерзли ли у него ноги, и сказал, чтобы он не держал их слишком близко к огню.

– Так я и сделаю, – сказал Эгиль, – но мне теперь нелегко ставить ноги куда надо. Я ничего не вижу, а слепота делает неловким.

И он сказал тогда вису:

Еле ползет
Время. Я стар
И одинок.
Не защитит

Конунг меня.
Пятки мои
Как две вдовы:
Холодно им.

В первые дни правления Хакона Могучего Эгилью пошел девятый десяток. Во всем, кроме зрения, он был еще крепок. Однажды летом, когда люди собирались на тинг, Эгиль попросил Грима, чтоб он взял его с собой. Гриму не понравилась эта просьба. И когда Грим и Тордис разговаривали друг с другом, Грим сказал ей, о чем Эгиль просил.

– Я хотел бы, – добавил он, – чтоб ты выведала, что кроется за этой просьбой.

Тордис пошла к Эгилью, своему родичу. Самой большой радостью для него было разговаривать с нею. Придя к нему, Тордис спросила:

– Это правда, дядя, что ты хочешь поехать на тинг? Я хочу, чтобы ты мне сказал, что ты там думаешь делать.

– Я скажу тебе, – отвечал он, – что я задумал. Я хочу взять с собой на тинг оба сундука, которые мне подарил когда-то конунг Адальстейн. Оба они полны английским серебром. Я хочу, чтобы сундуки втащили на Скалу Закона, где всего больше народу. Потом я раскидаю серебро, и было бы удивительно, если бы люди мирно поделили его между собой. Я думаю, тут будет довольно и пинков и пощечин, и возможно, что в конце концов все на тинге передерутся.

Тордис ответила:

– Это была бы великолепная шутка, она бы осталась в памяти, пока страна обитаема.

Потом она пошла к Гриму и сообщила ему намерение Эгиля.

– Нельзя позволить, чтобы он осуществил такой чудовищный замысел, – сказал Грим.

И когда Эгиль опять заговорил с ним о поездке на тинг, он отсоветовал ему ехать. Так Эгиль остался дома. Ему не нравилось это, и он был очень не в духе. Летом из Мосфелля перегоняли скот на горные луга, и Тордис была в горах во время тинга. Как-то вечером, когда люди в Мосфелле уже ложились спать, Эгиль позвал двух рабов Грима. Он велел привести ему лошадь.

– Я поеду помыться на горячий источник, – сказал он.

Собравшись, он вышел, взяв с собой свои сундуки с серебром. Он сел на лошадь, выехал за ограду и поехал по лугу за пригорок, пока не скрылся из виду. А утром, когда люди встали, они увидели, как по холму к востоку от двора бредет Эгиль и тянет за собою коня. Они пошли и привели его домой. Но рабов и сундуков больше не видели, и о том, куда Эгиль спрятал свое серебро, было много догадок.

В Мосфелле к востоку от двора есть в горе овраг. При внезапной оттепели оттуда низвергается водопад. И вот после спада воды в этом овраге стали часто находить английские монеты. Некоторые высказывают догадку, что Эгиль спрятал там свое серебро. Ниже Мосфелля есть большие и очень глубокие болота. Многие думают, что Эгиль утопил там свое серебро. К югу от реки есть горячие источники и возле них большие ямы, и некоторые предполагают, что Эгиль спрятал свое серебро в них, потому что именно там часто видны блуждающие огни^[129]. Эгиль сказал, что убил рабов Грима, а серебро спрятал. Но где он его спрятал, этого он не сказал никому.

Осенью Эгиль заболел, и болезнь свела его в могилу. Когда он умер, Грим велел одеть его в лучшие одежды. Потом он велел отнести его на мыс Тьяльданес (Палаточный Мыс) и насыпать там могильный холм. В этом холме Эгиля похоронили вместе с его оружием и одеянием.

LXXXVI

Грим был крещен в Мосфелле, когда в Исландии было введено христианство. Он велел построить там церковь, и люди рассказывают, что Тордис перевезла в нее тело Эгиля. Этот рассказ подтверждается тем, что когда в Мосфелле построили новую церковь, а ту, которую Грим поставил когда-то в Хрисбру (Хворостяной Мост), снесли, под тем местом, где был алтарь, откопали скелет человека. Кости были гораздо больше, чем у обыкновенных людей, и все решили, что, судя по рассказам стариков, это должны быть кости Эгиля.

Жил тогда там священник Скафти, сын Торарина. Он был умный человек. Он взял череп Эгиля и отнес его на кладбище. Череп был необычайно велик, но еще необычайнее была его тяжесть. Снаружи череп был весь изборожден, как раковина. Скафти решил испытать его прочность. Он взял довольно большой топор, замахнулся им со всей силы и ударил обухом по черепу, думая проломить его. Череп побелел в том месте, куда пришелся удар, но ни вмятины, ни трещины не осталось. Отсюда видно, что этому черепу удары обыкновенных людей не приносили вреда и тогда, когда он был одет плотью и кожей.

Кости Эгиля были погребены на краю кладбища в Мосфелле.

LXXXVII

Когда в Исландии приняли христианство, Торстейн крестился и велел построить церковь в Борге. Он был человеком благочестивым и строгих нравов. Он дожил до глубокой старости и умер от болезни. Похоронен он был в Борге, в той церкви, которую построил.

Он положил начало большому роду. Многие видные люди и скальды вышли из этого рода людей с Болот, как называли всех, кто произошел от Скаллагрима. Долгое время люди этого рода были сильны и воинственны, а некоторые и большого ума. Но между людьми этого рода были большие различия. К нему принадлежали самые красивые люди из когда-либо рожденных в Исландии, как Торстейн, сын Эгиля, Кьяртан, сын Олава, племянник Торстейна, Халль, сын Гудмунда, а также Хельга Красавица, дочь Торстейна, из-за которой бились Гуннлауг и Храфн Скальд. Но немало было в этом роде и очень безобразных людей.

Торгейр, сын Торстейна, был более сильным из братьев, но Скули был выше ростом. После смерти Торстейна Скули жил в Борге. Скули долго плавал с викингами. Он стоял на носу корабля Железный Борт ярла Эйрика, когда погиб конунг Олав, сын Трюггви. В семи битвах побывал Скули вместе с викингами.

Сага о людях из Лососьей Долины

Перевод В. Г. Адмони и Т. И. Сильман

Стихи в переводе А. И. Корсуна

В отличие от «Саги об Эгиле», «Сага о людях из Лососьей Долины» почти совсем не заслуживает доверия, когда рассказывает о событиях, происходивших вне Исландии – в Норвегии и в Ирландии. В этой саге чувствуется впечатление, которое производила на исландцев пышность феодальной культуры. Неслучайно здесь так много торжественных речей и описаний нарядов, убранств и празднеств. В саге чувствуется и некоторое стилистическое влияние рыцарского романа (первые переводы их были сделаны в Норвегии в 20-х гг. XIII в.).

В своей основе, однако, «Сага о людях из Лососьей Долины» остается родовой сагой, и притом одной из лучших. В ней рассказывается история восьми поколений одного исландского рода. Эта история охватывает период времени с середины IX в. Наибольшее место занимает в саге история седьмого поколения этого рода, рассказанная с большим мастерством. Она относится к концу X – началу XI в.

На одно из первых мест в древнеисландской литературе выдвигают эту сагу ее женские образы. Если основные герои саги (Олав Павлин, его сын Кьяртан и названный брат Кьяртана Болли) кажутся несколько идеальными, то ее героини, напротив, поражают своей жизненностью. С особой тонкостью и глубиной изображена в саге ее главная героиня – Гудрун, дочь Освивра, судьба которой очень напоминает судьбу Брюнхильд из сказания о Сигурде и Нифлунгах. С большой правдивостью изображены в саге и другие женщины: великая родоначальница Унн Мудрая, жена Кьяртана – Хревна, жена Олава Павлина – Торгерд, жена Торда Годди – Вигдис и другие. Сага, видимо, основана не только на устной традиции, но и на письменных источниках.

Эта сага возникла, по-видимому, в середине XIII в. Она сохранилась во многих списках не древнее 1300 г. В настоящем сборнике перевод сделан по изданию: *Laxdoela saga herausgegeben von Kr. Kålund. Halle, 1896 (Altnordische Saga-Bibliothek. 4).*

I

Жил человек по имени Кетиль Плосконосый. Он был сыном Бьёрна Воловьеи Ноги. Он был могучим херсиром^[130] в Норвегии и знатен родом. Он жил в Раумсдале, в Раумсдёлафюльке, что расположен между Суннмёри и Нордмёри. Женой Кетилия Плосконосого была Ингвильд, дочь Кетилия Барана, человека прославленного. У них было пятеро детей. Одного сына звали Бьёрн с Востока, другого Хельги Бьолан. Одна из дочерей Кетилия звалась Торунн Рогатая. Ее мужем был Хельги Тоший, сын Эйвинда Норвежца и Раварты, дочери Кьярваля, короля ирландцев. Другой дочерью Кетилия была Унн Мудрая, которую взял в жены Олав Белый, сын Ингьяльда, сына Фроди Смелого, которого убили Свертлинги. Третью дочь Кетилия звали Йорунн Манвитсбрекка. Она была матерью Кетилия Рыбака, который занял землю в Киркьюбёре (Церковный Двор). Его сыном был Асбьёрн, отец Торстейна, отца Сурта, отца Сигхвата Законоговорителя.

II

На склоне дней Кетилия могущество конунга Харальда Прекрасноволосого возросло настолько, что ни один конунг в стране и никто из знатнейших людей не обладал никакой властью, если их не наделял властью Харальд. Когда Кетиль узнал, что конунг предуготовил ему ту же судьбу, что и другим могущественнейшим мужам, – не получать виру за родичей и самим превратиться в податных людей, – он собрал родичей на тинг и так начал свою речь:

– Вам ведомы наши распри с конунгом Харальдом, и об этом нечего больше говорить. Важнее для нас решить, что следует нам предпринять, чтобы предотвратить нависшую над нами угрозу. Я знаю наверное, что конунг Харальд враждебен нам. Мне кажется, что с этой стороны нам не следует ждать добра. По-моему, у нас есть на выбор только две возможности: покинуть страну или дать себя убить, каждого в своем жилище. Я готов умереть той же смертью, что и мои родичи, но я не хочу, чтобы вас постигли такие тяжкие бедствия из-за моего упорства: ведь мне известно, что родичи мои и друзья не захотят расстаться со мной, хотя бы их мужеству и пришлось изведать испытания, если бы они последовали за мной.

Бьёрн, сын Кетиля, отвечал:

– Коротко объявлю я о своей воле. Я хочу последовать примеру именитых мужей и покинуть эту страну. Ничего доброго, думаю я, не получится, если мы будем дома ожидать слуг конунга Харальда, и они нас прогонят из наших владений или мы примем от них в конце концов смерть.

Эти слова вызвали громкое одобрение, и все полагали, что это было сказано, как подобает мужу. Было решено оставить страну, потому что сыновья Кетиля горячо его поддерживали и ни один не высказался против. Бьёрн и Хельги хотели отправиться в Исландию, оттого что им довелось услышать о ней много заманчивого. Говорили, что там можно выбрать хорошую землю, и ее не нужно покупать, к берегу прибывает много китов, в большом количестве попадают лососи, и во все времена года обильна рыбная ловля.

Кетиль ответил:

– В мои преклонные годы мне уже не попасть в эти рыбные места.

Тут Кетиль объявил о своем намерении поехать за море, на запад. Он сказал, что там хорошо живется. Самые дальние из этих стран были ему хорошо известны, потому что он там везде побывал в походах за добычей.

III

Затем Кетиль устроил большой пир. Тут отдал он в жены дочь свою Торунн Рогатую за Хельги Тощего, о чем уже раньше было написано. После этого Кетиль собрался в путь за море, на запад. С ним отправилась Унн, его дочь, и многие из его родичей.

В это же лето отплыли в Исландию сыновья Кетиля и их зять Хельги Тощий. Сын Кетиля Бьёрн привел свой корабль в Брейдафьорд (Широкий Фьорд), на западе. Он вошел во фьорд и поплыл вдоль его южного берега до того места, где фьорд врезается в сушу. Высокая гора стояла на полуострове в глубине фьорда. У самого берега лежал остров. Бьёрн сказал, что здесь они на некоторое время остановятся.

Он сошел с несколькими людьми с корабля и стал осматривать берег. Узкая полоска земли лежала между горой и фьордом. Место показалось ему пригодным для жилья. В одну из бухт волны пригнали столбы от почетного сиденья Бьёрна^[131]. Он нашел их, и ему подумалось, что этим указано подходящее место для поселения.

Затем Бьёрн занял всю землю между рекой Ставой (Столбовая Река) и Храупфьордом (Лавовый Фьорд) и поселился там. Его двор был позже назван Бьярнархёфн (Бухта Бьёрна). Бьёрна прозвали Бьёрном с Востока. Его женой была Гьявлауг, дочь Кьяллака Старого. Их сыновьями были Оттар и Кьяллак. Сыном этого Кьяллака был Торгрим, отец Стюра Убийцы и Вермунда, а дочь Кьяллака звалась Хельга. Ее взял в жены Вестар из Эйра (Песчаная Коса), сын Торольва Дутой Головы, который поселился в Эйре. Их сыном были Торлак, отец Стейнтора из Эйра.

Хельги Бьолан привел свой корабль к южному берегу и занял весь Кьяларнес (Килевой Мыс) между Коллафьордом (Фьорд Колли) и Хвальфьордом (Китовый Фьорд) и жил до старости в Эсьюберге (Скала Эсьи).

Хельги Тоций привел свой корабль на север и занял Эйяфьорд (Островной Фьорд) между мысами Сиглунес (Мачтовый Мыс) и Рейниснес (Рябиновый Мыс) и поселился во дворе Кристнесе (Христов Мыс). От этого Хельги и Торунн пошел род людей с Эйяфьорда.

IV

Кетиль Плосконосый привел свой корабль в Шотландию и был хорошо принят знатными людьми, потому что он был именитый человек из высокого рода. Ему было предложено поселиться, где он захочет. Кетиль обосновался там, а с ним все его родичи, кроме Торстейна, его внука. Тот сразу же отправился в поход за добычей. Он воевал повсюду в Шотландии и всегда оставался победителем. Позднее он заключил договор со скоттами, завладел половиной Шотландии и стал там конунгом. Он был женат на Турид, дочери Эйвинда и сестре Хельги Тощего. Скотты недолго соблюдали этот договор и коварно напали на него. Так повествует Ари Мудрый, сын Торгильса^[132], о кончине Торстейна.

Унн Мудрая была в Катанесе^[133], когда ее сын Торстейн погиб. И когда она узнала, что Торстейн погиб, а ее отец был уже мертв, то она решила, что ей уже не удастся возвыситься в этой стране. Она тайно приказала построить в лесу корабль. И когда корабль был готов, она снарядила его и взяла с собой много добра. С ней поехали все ее родичи, кто еще оставался жив, и люди полагают, что не было другого случая, чтобы женщина сумела спастись от такой грозной опасности с таким большим богатством и столькими спутниками. Уже из этого

видно, что она сильно выделялась среди всех остальных женщин. Унн сопровождало также много именитых и знатных мужей. Был среди них человек по имени Колль, который превосходил всех других спутников Унн. Причиной этому была прежде всего его знатность. Он был херсир по званию. Вместе с Унн поехал также человек, которого звали Херд. Он был из знатного рода и очень именит.

Когда корабль Унн был оснащен, она отправилась на Оркнейские острова. Там она остановилась ненадолго. Она выдала там замуж Гро, дочь Торстейна Красного. Та стала матерью Грейлад, которую взял в жены ярл Торфинн, сын ярла Эйнара Торфяного, сына Рёгнвальда, который был ярлом в Мёри. Их сыном был Хлёдвер, отец ярла Сигурда, отца ярла Торфинна, и от них пошел род оркнейских ярлов.

Затем Унн направила свой корабль к Фарерским островам и на некоторое время остановилась там. Здесь она выдала замуж другую дочь Торстейна. Ее звали Олов. От нее пошел знатнейший род в этой стране, который называют родом из Гаты.

V

Вот Унн готовится покинуть Фарерские острова и объявляет своим спутникам, что она собирается в Исландию. Она берет с собой Олава Фейлана, сына Торстейна Красного, и его незамужних сестер. Затем она вышла в открытое море. Ее путешествие было благополучно, и ее корабль достиг южного берега у Викрарскейда. Там ее корабль разбился в щепы. Но спаслись все люди и все имущество.

Затем она с двадцатью людьми отправилась посетить своего брата Хельги. И когда она прибыла к нему, он вышел к ней навстречу и пригласил ее к себе с девятью людьми. Унн гневно ответила, что ей не было известно, что он такой ничтожный человек. И она удалилась оттуда. Она намеревалась теперь навестить своего брата Бьёрна на Брейдафьорде. Когда Бьёрн узнал о ее намерении, он отправился к ней навстречу со множеством людей и хорошо принял ее, и пригласил к себе со всеми спутниками, потому что он знал, что его сестра любит пышность. Она осталась этим очень довольна и поблагодарила его за предложение, достойное знатного человека. Унн оставалась у брата всю зиму, и ее принимали отменным образом, потому что там было достаточно средств и денег не жалели.

А весной она отправилась за Брейдафьорд, достигла некоего мыса, и там она и ее спутники подкрепились пищей. С тех пор этот мыс зовется Дёгурдарнес (Завтрачный Мыс^[134]), и оттуда начинается Медальфелльсstrand (Побережье Средней Горы). Затем она повела свой корабль в Хваммсфьорд (Лощинный Фьорд), достигла одного мыса и остановилась там на некоторое время. Здесь Унн потеряла свой грёбень. С тех пор это место называется Камбснес (Гребневый Мыс).

После этого она объездила все долины Брейдафьорда и взяла себе столько земли, сколько хотела.

Затем Унн повела свой корабль в глубину фьорда. Волны выбросили там на берег столбы ее почетного сиденья. Ей подумалось, что этим указано, где ей следует поставить свое жилище. Она приказала построить двор, который затем получил название Хвамм (Лощина), и поселилась в нем.

Той же весной, когда Унн поселилась в Хвамме, Колль женился на Торгерд, дочери Торстейна Красного. Свадебный пир устроила Унн. Она отдала за Торгерд всю долину Лаксдаль (Лососья Долина), и Колль построил себе двор южнее реки Лаксы (Лососья Река). Колль был очень выдающимся человеком. Их сыном был Хёскульд.

VI

После этого Унн еще многим раздала куски занятой ею земли. Хёрду она дала всю долину Хёрдадаль (Долина Хёрда) вплоть до речки Скрамухлаупсы (Прыгучая Река). Он жил в Хардабольстаде (Двор Хёрда) и был очень видным человеком, и у него было хорошее потомство. Его сыном был Асбьёрн Богатый. Он жил в Долине Арнольва в Асбьярнарстадире (Двор Асбьёрна). Он женился на Торбьёрг, дочери Скегги с Мидфьорда (Средний Фьорд). Их дочерью была Ингибьёрг, которая вышла замуж за Иллуги Черного. Их сыновьями были Хермунд и Гуннлауг Змеиный Язык. Этот род называется родом людей из Гильсбакки (Крутояр).

Унн сказала своим людям:

– Теперь вы должны получить награду за ваши дела. Нет у нас недостатка в средствах, чтобы вознаградить ваши старания и добрую волю. Вам известно, что я дала свободу человеку по имени Эрп, сыну ярла Мельдуна, потому что я не хотела, чтобы он, человек такого высокого происхождения, носил звание раба.

Затем Унн дала ему Саудафелльсланд (Земля Овечьей Горы) между речками Тунгуа (Междуречная) и Мида (Средняя). Его детьми были Орм и Асгейр, Гуннбьёрн и Халльдис, которая была женой Альва из Долин. Соккольву она дала Соккольвсдаль (Долина Соккольва), и он жил там до старости. Имя одного из ее вольноотпущенников было Хунди. Он был родом из Шотландии. Ему она дала Хундадаль (Долина Хунди). Имя четвертого раба Унн Мудрой было Вивиль. Ему она дала Вивильсдаль (Долина Вивилья).

Имя четвертой дочери Торстейна Красного было Оск. Она была матерью Торстейна Сурта Умного^[135], который ввел летнюю лишнюю неделю. Имя пятой дочери Торстейна было Торхильд. Она была матерью Альва из Долин. Многие ведут свой род от него. Его дочерью была Торгерд, жена Ари, сына Маса с Рейкьянеса (Мыс Дымов), сына

Атли, сына Ульва Косого, и Бьёрг, дочери Эйвинда, сестры Хельги Тощего. Отсюда пошел род людей с Рейкьянеса. Имя шестой дочери Торстейна Красного было Вигдис. От нее пошел род людей с Хёвди (Мыс) на Эйяфьорде.

VII

Олав Фейлан был самым младшим из детей Торстейна. Он был человек рослый и сильный, красивый собой и во всем умелый. Унн ценила его больше, чем кого-либо другого, и объявила перед всеми, что намеревается оставить Олаву после своей смерти все свои владения в Хвамме. Бремя старости становилось для Унн все тяжелее. Она призвала к себе Олава Фейлана и сказала:

– Пришло мне на ум, милый, что тебе следовало бы завести свое хозяйство и жениться.

Олав хорошо принял эти слова и сказал, что последует ее совету в этом деле.

Унн сказала:

– Я больше всего желала бы, чтобы твою свадьбу сыграли в конце этого лета. Тогда легче припасти все необходимое, а мне думается, что наши друзья соберутся в большом числе. Я полагаю также, что это последний пир, который я устрою.

Олав ответил:

– Это ты хорошо сказала, но я намереваюсь взять только такую жену, которая не умалила бы ни твоего богатства, ни твоей власти.

Осенью того же года Олав Фейлан женился на Альвдис. Их свадьба была в Хвамме. Унн потратила много средств на это празднество, потому что она велела позвать именитых людей со всех концов страны. Она пригласила брата своего Бьёрна и брата своего Хельги Бьолана, и каждый из них приехал со многими спутниками. Прибыли также Колль из Долин, муж ее внучки, и Хёрд из Хёрдадала, и много других знатных людей. Много народу было на празднестве, и все же приехали далеко не все люди, которых Унн пригласила, потому что для людей с Эйяфьорда путь был слишком далек.

Унн так изнемогла под бременем старости, что вставала не раньше полудня и рано ложилась в постель. Она никому не позволяла говорить с собой о каком-либо деле с того часа, когда она ложилась спать, до того часа, когда была одета. Гневными были ее ответы, если кто-нибудь спрашивал ее о здоровье.

В день свадьбы Унн спала довольно долго, но была уже на ногах, когда прибыли гости. Она пошла им навстречу и достойно приветствовала своих родичей и друзей. Она сказала, что это было любезно с их стороны – совершить такой долгий путь.

– Я прежде всего имею здесь в виду Бьёрна и Хельги, но хочу поблагодарить и всех вас, кто прибыл сюда, – добавила она.

Затем Унн вошла в главный дом^[136], и множество людей вошло вместе с нею. И когда они осмотрелись, то все стали дивиться роскоши празднества.

Тогда Унн сказала:

– Я беру в свидетели брата моего Бьёрна, и Хельги, и других моих родичей и друзей: этот двор со всем добром, все, что вы здесь видите, передаю я в руки Олава, родича моего, чтобы он всем владел и распоряжался.

После этого Унн поднялась и сказала, что она хочет отправиться в тот дом, в котором она обычно спала, и попросила, чтобы каждый продолжал веселиться, как ему хочется, и чтобы все воздали должное браге. Рассказывают, что Унн была женщиной высокого роста и крепкого телосложения. Она быстро вышла, и люди говорили между собой о том, какая она еще статная. Весь вечер люди пили, пока им не подумалось, что время идти спать.

На следующее утро Олав Фейлан пошел в спальный дом своей бабушки Унн, и когда он вошел туда, Унн сидела на постели, откинувшись на подушки. Она была мертва. Затем Олав пошел в главный дом и рассказал эту новость. Люди восхищались тем, как Унн сохранила свое достоинство до дня смерти. Так заодно справили оба празднества – свадьбу Олава и тризну по Унн.

В последний день празднества Унн перенесли в курган, который был для нее воздвигнут. Ее положили внутрь холма в ладье, и много богатств было положено вместе с нею. Затем над нею насыпали курган.

Олав Фейлан по совету своих родичей, которые там присутствовали, вступил тогда во владение двором в Хвамме и всеми богатствами. И когда празднество пришло к концу, Олав преподнес достойнейшим мужам, перед тем как они уехали, великолепные подарки. Олав стал могучим мужем и большим хёвдингом. До своей старости он жил в Хвамме. Сыном Олава и Альвдис был Торд Ревун, который взял в жены Хродню, дочь Скегги из Мидфьорда. Их сыновьями были Эйольв Серый, Торарин Жеребчатый Лоб и Торкель Кугги. Дочерью Олава Фейлана была Тора, которая стала женой Торстейна Трескоеда, сына Торольва Бородача с Мостра. Их сыновьями были Бёрк Толстый и Торgrim, отец Снорри Годи. Имя другой дочери Олава было Хельга. Она была женой Гуннара, сына Хлива. Их дочерью была Йофрид, ставшая женой Тородда, сына Одда из Тунги, затем женой Торстейна, сына Эгиля. Другая дочь Гуннара, Торунн, была женой Херстейна, сына Торкеля, сына Кетиля Дремы. Имя третьей дочери Олава было Тордис. Она была женой законоговорителя Торарина Брата Раги.

В то время, когда Олав жил в Хвамме, заболел и умер его зять Колль из Долин. Сын Колля Хёскульд был в молодых годах, когда его отец умер. Он обладал зрелым разумом, еще будучи юношей годами.

Хёскульд был человеком красивым и деятельным. Он унаследовал все отцовское добро и хозяйство. Двор, в котором раньше жил Колль, по нему получил свое прозвище. Он стал называться Хёскульдсстадир (Двор Хёскульда). Вскоре Хёскульд, владелец большого хозяйства, стал пользоваться немалым почетом, потому что у него была хорошая опора – родичи и друзья, которых приобрел его отец Колль.

Но Торгерд, дочь Торстейна, мать Хёскульда, была еще молодой и очень красивой женщиной. После смерти Колля она не чувствовала себя счастливой в Исландии. Поэтому она сообщила Хёскульду, своему сыну, что хочет покинуть страну, захватив с собой все, что досталось на ее долю из наследства. Хёскульд сказал, что мысль о разлуке с нею очень тяжела ему, но что в этом, как и во всем остальном, он не будет препятствовать ее воле. Затем Хёскульд купил для матери половину корабля, который стоял в Дёгурдарнесе. Тогда Торгерд с большими богатствами взойшла на корабль. Затем корабль вышел в открытое море, и благополучно совершил свое плавание и прибыл в Норвегию. Торгерд нашла в Норвегии многочисленную родню и много именитых родичей. Они приняли ее хорошо и оказали ей такое гостеприимство, какого она только могла пожелать. Торгерд была довольна этим приемом и сказала, что намеревается навсегда там поселиться.

Торгерд недолго оставалась вдовой. Вскоре нашелся человек, который посватался к ней. Он звался Херьольвом. Он был лендрманн^[137], богатый и очень уважаемый человек. Херьольв был человеком сильным и высокого роста. Лицо его не было красиво, но у него была статная осанка, и он был очень умелым воином. Когда он посватался, Торгерд сама должна была дать ответ, потому что она была вдовой, и по совету своих родичей она не отвергла это предложение. Она вышла замуж за Херьольва и отправилась с ним в его дом. Жизнь их протекала в добром согласии. Вскоре всем стало заметно, что Торгерд очень домовита. Все полагали, что Херьольв стал жить совсем по-другому и много достойнее с тех пор, как он получил такую жену, как Торгерд.

VIII

Херьольв и Торгерд не долго прожили вместе, как им был дарован сын. Мальчик был окроплен водою^[138] и наречен именем Хрут. Вскоре, когда он подрос, он стал статным и сильным. Он был лучше сложен, чем другие люди, – высокий и широкоплечий, с тонким станом и соразмерными руками и ногами. Хрут был очень хорош собой, так же как в свое время его дед Торстейн или Кетиль Плосконосый. Но прежде всего он был деятельным и умелым человеком.

Херьольв заболел и умер. Многим людям показалось это большой потерей. После этого Торгерд потянуло обратно в Исландию, и она захотела посетить своего сына Хёскульда, потому что любила его

больше, чем других людей, а Хрута она могла оставить в надежных руках, у своих родичей. Торгерд направилась в Исландию и приехала к своему сыну Хёскульду в Лососью Долину. Он принял свою мать с почетом. У нее было с собой много добра, и она оставалась у Хёскульда до самой смерти. Прошло немного зим, и Торгерд смертельно заболела и умерла, и была погребена в кургане, а Хёскульду досталось все ее добро, хотя его брат Хрут должен был получить половину.

IX

В то время Норвегией правил Хакон, воспитанник Адальстейна^[139]. Хёскульд был его дружинником. Он зимовал то у короля Хакона, то в своем доме. Имя его было знаменито как в Норвегии, так и в Исландии.

Жил человек по имени Бьёрн. Он занял землю на Бьярнарфьорде (Фьорд Бьёрна) и жил там. Его именем назван фьорд. Фьорд этот вклинивается в страну севернее Стейнгримсфьорда (Фьорд Стейнсгрима), и между ними тянется горный кряж. Бьёрн был человек с видной родней и богатый. Жену его звали Люва. Дочь их Йорунн была красивой и надменной девушкой и отличалась необыкновенным умом. Во всей западной части страны она считалась лучшей невестой. Об этой девушке прослышал Хёскульд, а также о том, что Бьёрн был первым бондом на Побережье. Хёскульд верхом с девятью людьми поехал навестить Бьёрна в Бьярнарфьорде. Он был хорошо принят, так как Бьёрн слышал о нем много.

Затем Хёскульд завел речь о своем сватовстве, и Бьёрн отвечал ему согласием, добавив, что, по его мнению, его дочери не найти лучшего жениха, однако он должен все же предоставить решение ей. И когда он сообщил об этом Йорунн, она отвечала следующими словами:

– О тебе, Хёскульд, идет такая слава, что твое предложение нам следует принять, ибо мы надеемся, что женщина, которая выйдет за тебя замуж, ни в чем не будет нуждаться. Однако мой отец должен решить это, я же подчиняюсь его желанию.

Долго ли, коротко ли шла об этом речь, но кончилось тем, что Йорунн была помолвлена с Хёскульдом и принесла ему большое приданое. Свадьбу должны были сыграть в Хёскульдсстадире. Когда это порешили, Хёскульд уехал домой, на свой двор, и оставался дома в ожидании свадьбы. Бьёрн явился на свадьбу с севера, его сопровождало много нарядно одетых людей. Хёскульд также пригласил множество гостей, своих родичей и друзей, и празднество это было великолепным. И когда празднество кончилось, каждый из гостей пустился в обратный путь, провожаемый напутствиями и с богатыми дарами. Йорунн, дочь Бьёрна, осталась в Хёскульдсстадире и вместе с Хёскульдом принялась за хозяйство. По тому, как вела она дело, можно было заключить, что она умна, не боится работы и опытна

во многих делах, однако несколько надменна. Их совместная жизнь с Хёскульдом была хорошей, хотя они мало беседовали друг с другом.

Хёскульд стал теперь большим хёвдингом. Он был могуч и деятелен и обладал немалыми богатствами. Он ни в чем не уступал своему отцу Коллю. Хёскульд и Йорунн недолго прожили вместе, как им были дарованы дети. Один из их сыновей звался Торлейк. Он был старшим из всех детей. Второго звали Бард. Одну дочь звали Халльгерд – ту, которая впоследствии получила прозвище Длинноногая. Другую их дочь звали Турид. Все они обещали стать выдающимися людьми.

Торлейк вырос высоким и сильным и очень статным, однако он был нелюдим и суров. Люди находили в нем признаки того, что он не будет миролюбив. Хёскульд всегда говорил, что он нравом пойдет в людей с Побережья.

Сын Хёскульда Бард тоже отличался статным сложением, был разумным и сильным. По характеру его можно было сказать, что он скорее будет похож на родных своего отца. Уже с юности он отличался ровным обхождением, и люди его любили. Хёскульд любил его больше других своих детей. Дом Хёскульда был тогда в расцвете богатства.

В ту пору Хёскульд выдал замуж сестру свою Гро за Велейна Старого. Их сыном был Берси Единоборец.

X

Жил человек по имени Храпп. Его двор был в Лососьей Долине, к северу от реки, напротив Хёскульдсстадира. Этот двор стал называться по его имени Храппсстадир (Двор Храппа). Теперь здесь пустошь.

Храпп был сыном Сумарлиди, и прозвище его было Храпп Убийца. Род его отца был из Шотландии, а род его матери жил весь на Гебридских островах. Там он и родился. Он был человеком рослым и сильным, никогда никому не уступал, даже если сила была не на его стороне, и поскольку, как уже написано, он был неуступчив и не хотел платить виру за свои злодеяния, то он бежал за море на запад^[140], где купил себе землю, на которой и жил.

Жену его звали Вигдис. Она была дочерью Халльстейна. Сына их звали Сумарлиди. Ее брата звали Торстейн Сурт. Он жил тогда в Торснесе (Мыс Тора), как написано выше^[141]. Там воспитывался Сумарлиди. Он обещал стать выдающимся человеком. Торстейн был раньше женат. Жена его в то время уже умерла. Было у него две дочери: одну звали Гудрид, другую Оск. Гудрид была женой Торкеля Бахромы, который жил в Свигнаскарде (Согнский Перевал). Он был могучим хёвдингом и мудрым человеком. Он был сыном Бьёрна Красного. Оск же, вторая дочь Торстейна, была замужем за человеком с Брейдафьорда. Звали его Торарин. Это был человек смелый и всеми

любимый, и жил он у своего тестя Торстейна, потому что Торстейн уже приближался к концу своей жизни и нуждался в их заботах.

Храпп был многим людям по душе. Он способен был совершать насилия над своими соседями. Иной раз он говорил, что им не легко будет жить и хозяйничать вблизи него, если они сочтут другого человека более достойным, чем он. Однако бонды все пришли к одному решению – они явились к Хёскульду и рассказали ему о своем тяжелом положении. Хёскульд просил их сообщить ему, если Храпп их чем-нибудь обидит.

– Потому что я не допущу, – говорил он, – чтобы он отнял у меня людей или добро.

XI

Жил человек по имени Торд Годди. Его двор был в Лососьей Долине, к северу от реки. Этот двор стал называться по его имени Годдастадир (Двор Годди). Он был очень богат. Детей у него не было. Землю, на которой он жил, он купил. Он был соседом Храппа, и ему часто приходилось от того терпеть. Хёскульд заступился за него, так что он сумел удержаться на своем дворе. Жену его звали Вигдис. Она была дочерью Ингьяльда, сына Олава Фейлана. Она приходилась дочерью брату Торда Ревуна и сестре Торольва Красноносого из Саудафелля (Овечья Гора). Торольв был храбрым воином и жил в достатке. Родичи всегда обращались к нему за помощью. Вигдис была выдана за Торда больше ради его богатства, чем ради той помощи, которую он мог оказать.

У Торда был раб, которого он привез с собой. Звали его Асгаут. Это был человек рослый и работающий, и хотя он и назывался рабом, немногие свободные могли бы с ним сравниться. Своему хозяину он служил верой и правдой. У Торда были другие рабы, хотя упоминается только об этом одном.

Жил человек по имени Торбьёрн. Его двор был в Лососьей Долине, рядом с двором Торда, если идти от него вверх по долине. Его прозвище было Хилый. Было у него много добра, большею частью это было золото и серебро. Он был человек высокого роста и большой силы. Он не отличался щедростью.

Хёскульд, сын Колля из Долин, считал унижительным для славы своего имени, что его дом был выстроен хуже, чем ему бы этого хотелось. Он купил себе корабль у человека с Шетландских островов. Корабль стоял у причала в устье реки Бланды. Этот корабль он снарядил в путь и объявил, что собирается поехать в Норвегию. Йорунн взяла на себя заботу о хозяйстве и детях. Итак, они пустились в путь, путешествие их прошло благополучно, и они достигли южного берега Норвегии. Они причалили в Хёрдаланде – там, где впоследствии возник

торговый город Берген. Они втащили корабль на берег и встретили там множество своих родичей, имена которых здесь не упоминаются. В то время конунг Хакон был в Вике. Хёскульд, однако, не явился к конунгу Хакону, так как родичи встретили его с распростертыми объятиями. Никаких событий за эту зиму не произошло.

XII

В начале следующего лета случилось так, что конунг со своим войском отправился на восток, к островам Бреннейяр^[142], на заранее установленное место встречи, и снова провозгласил мир для своей страны, как это требовалось по закону каждое третье лето. Такие встречи между конунгами были введены для того, чтобы на них решать дела, касающиеся правителей. Ездить на эти встречи считалось удовольствием, потому что там собирались люди почти со всех земель, о которых только до нас доходят известия. Хёскульд спустил свой корабль на воду, он также хотел поехать на эту встречу, так как зимой не явился к конунгу. Здесь собирались также и на торг. Съехалось очень много народу. Начались разные забавы, попойки и игры, и всевозможное веселье. Значительных событий там не произошло. Хёскульд встретил там многих из своих родичей, живших в Дании.

Однажды, когда Хёскульд вышел развлечься с некоторыми людьми, он увидел великолепный шатер в стороне от других палаток. Хёскульд вошел в шатер и увидел, что перед ним сидит человек в одеянии из великолепной ткани и с русской шапкой на голове. Хёскульд спросил, как его зовут. Тот назвал себя Гилли.

– Однако, – сказал он, – многим больше говорит мое прозвище: меня зовут Гилли Русский.

Хёскульд сказал, что часто о нем слышал. Его называли самым богатым из торговых людей.

Тут Хёскульд сказал:

– Ты, видно, сможешь продать нам вещи, которые мы бы охотно купили.

Гилли спросил, что бы он и его спутники желали купить. Хёскульд сказал, что он хотел бы купить рабыню:

– Если у тебя есть рабыня на продажу.

Гилли ответил:

– Вы думаете поставить меня в затруднительное положение, спрашивая о вещи, которой, как вы полагаете, у меня нет в продаже. Однако дело обстоит не так, как вам кажется.

Хёскульд заметил, что шатер был разделен надвое пологом. Тут Гилли приподнял этот полог, и Хёскульд увидел, что там сидело двенадцать женщин. Тогда Гилли сказал, что Хёскульд может пройти туда и присмотреться, не купит ли он какую-нибудь из этих женщин.

Хёскульд так и сделал. Все они сидели поперек шатра. Хёскульд стал пристально разглядывать этих женщин. Он увидел, что одна из женщин сидела недалеко от стены, она была одета бедно. Хёскульд обратил внимание на то, что она красива, насколько это можно было разглядеть. Тут Хёскульд сказал:

– Сколько будет стоить эта женщина, если я ее куплю?

Гилли отвечал:

– Ты должен заплатить за нее три марки серебра.

– Мне кажется, – сказал Хёскульд, – что ты ценишь эту рабыню довольно дорого, ведь это цена трех рабынь.

Гилли отвечал:

– В этом ты прав, что я прошу за нее дороже, чем за других. Выбери себе любую из одиннадцати остальных и заплати за нее одну марку серебра, а эта пусть останется моей собственностью.

Хёскульд сказал:

– Сначала я должен узнать, сколько серебра в кошельке, который у меня на поясе.

Он попросил Гилли принести весы и взялся за свой кошелек. Тогда Гилли сказал:

– Эта сделка должна совершиться без обмана с моей стороны. У женщины есть большой недостаток. Я хочу, Хёскульд, чтобы ты знал о нем прежде, чем мы покончим торг.

Хёскульд спросил, что это за недостаток. Гилли отвечает:

– Эта женщина немая. Многими способами пытался я заговорить с ней, но не услышал от нее ни одного слова. И теперь я убежден, что эта женщина не может говорить.

Тут Хёскульд сказал:

– Принеси весы для денег, и посмотрим, сколько весит мой кошелек.

Гилли сделал так. Они взвесили серебро, и оно было три марки весом. Тут Хёскульд сказал:

– Дело обстоит так, что наша сделка должна совершиться. Возьми серебро, а я возьму эту женщину. Я признаю, что ты в этой сделке вел себя, как следует мужу, потому что, очевидно, ты не хотел меня обмануть.

После этого Хёскульд вернулся в свою палатку. В тот же вечер Хёскульд разделил с ней ложе. А на другой день, когда люди одевались, Хёскульд сказал:

– Немного истрачено на одежду, которую дал тебе Гилли Богач, хоть и верно, что ему труднее было одеть двенадцать, чем мне дать одежду одной.

После этого Хёскульд открыл сундук, и вынул оттуда хорошую женскую одежду, и дал ей. Тут все сказали, что хорошее платье ей к лицу.

Когда правители покончили со всеми делами, которые им надлежало обсудить согласно закону, их встреча кончилась. Тогда

Хёскульд отправился к конунгу Хакону и низко ему поклонился, как это подобает. Конунг посмотрел на него и сказал:

– Твое приветствие, Хёскульд, мы бы и тогда не отвергли, если бы ты раньше к нам явился, но пусть будет так.

XIII

После этого конунг принял Хёскульда со всею лаской и попросил его взойти на свой корабль.

– Оставайся у нас, покуда будешь в Норвегии, – сказал он.

Хёскульд отвечал:

– Благодарю за ваше приглашение, но этим летом многое предстоит мне сделать. Мое намерение достать строевого леса – вот что было важнейшей причиной, почему я так медлил посетить вас.

Конунг попросил его направить корабль в Вик. Хёскульд некоторое время оставался у конунга. Конунг дал ему строевого леса и приказал погрузить его на корабль Хёскульда. Тут конунг сказал Хёскульду:

– Я не хочу держать тебя здесь дольше, чем ты сам этого пожелаешь, но я боюсь, что нам трудно будет найти человека тебе в замену.

После этого конунг проводил Хёскульда на корабль и сказал:

– Я испытал тебя как человека чести, и я почти уверен, что ты в последний раз покидаешь Норвегию при моем правлении.

Конунг снял с руки золотое запястье, которое весило одну марку, и дал его Хёскульду. Он также дал ему второй подарок – меч, который стоил полмарки золота.

Хёскульд поблагодарил конунга за его подарки и за честь, которую он ему оказал. Затем Хёскульд взошел на борт своего корабля и отплыл. Ветер благоприятствовал им, и они достигли земли у южного берега. Затем они направили свой корабль к западу, мимо полуостровов Рейкьянеса и Снефелльсна (Мыс Снежной Горы), и вошли в Брейдафьорд.

Хёскульд причалил в устье Лаксы. Он велел разгрузить корабль и перетащить судно севернее устья Лаксы на берет и построил навес для корабля. И по сей день можно видеть развалины навеса, который он велел построить. Там он разбил палатки, и поэтому местность называется Будардаль (Палаточная Долина). Затем Хёскульд велел перевезти строевой лес к своему дому, и это было нетрудно, так как путь был недалекий. После этого Хёскульд отправился домой с несколькими людьми и был хорошо встречен, как и следовало ожидать. Все это время его имущество находилось в верных руках.

Йорунн спросила, кто эта женщина, которая сопровождает его. Хёскульд отвечал:

– Ты можешь подумать, что я отвечаю тебе в насмешку: имя ее мне неизвестно.

Йорунн сказала:

– Двойное тут возможно: либо ложен слух, который до меня дошел, либо ты говорил с ней много больше, чем это нужно чтобы узнать, как ее зовут.

Хёскульд сказал, что не хочет ничего отрицать, и рассказал ей все, как было дело, и попросил ее обойтись с женщиной хорошо, а также разрешить ей остаться в доме. Йорунн сказала:

– Я не буду затевать ссору с твоей наложницей, которую ты привез из Норвегии, невзирая на то, что она, может быть, не умеет себя вести как следует. Но при этих обстоятельствах, думается мне, даже лучше, что она глуха и нема.

Хёскульд спал каждую ночь со своей женой, с тех пор как вернулся домой, и мало обращал внимания на свою наложницу. Всякому было заметно ее знатное происхождение, а также и то, что она была неглупа.

В конце зимы наложница Хёскульда родила мальчика. Тогда Хёскульда позвали к ней и показали ему ребенка. Ему, так же как и всем остальным, показалось, что он никогда не видел ребенка более красивого и более благородного. Хёскульда спросили, как следует назвать мальчика. Он велел назвать сына Олавом, так как незадолго до того умер брат его матери Олав Фейлан.

Олав выделялся среди других детей. Хёскульд выказывал к нему большую любовь. Следующим летом Йорунн сказала, что наложница должна взять на себя какую-нибудь работу или уйти со двора. Хёскульд попросил ее прислуживать ему и Йорунн, а также ходить за ребенком. И когда мальчику исполнилось два года, он умел все говорить и бегал, как четырехлетие дети.

Однажды утром случилось так, что Хёскульд вышел осмотреть свою усадьбу. Погода была хорошая, солнце взошло и уже успело чуть-чуть подняться. Вдруг он услышал человеческие голоса. Он пошел в ту сторону, где по лугу протекал ручей. Так он увидел двоих и узнал их. Это был его сын Олав со своей матерью. Тут ему стало ясно, что она не была немой, потому что она, не переставая, разговаривала с сыном. Тогда Хёскульд подошел к ним и спросил, как ее зовут, и сказал, что ей ни к чему больше скрываться. Она сказала, что больше этого не будет, и они вместе присели на склоне холма. Тогда она сказала:

– Если ты хочешь узнать мое имя, то знай, что зовут меня Мелькорка.

Хёскульд попросил ее рассказать ему о себе. Она отвечала:

– Отца моего зовут Мюркьяртан^[143]. Он король в Ирландии. Пятнадцати лет я была взята в плен и увезена оттуда.

Хёскульд сказал, что она слишком долго скрывала свое столь высокое происхождение. Затем Хёскульд вошел в дом и рассказал

Йорунн о том, что он узнал за время своего отсутствия. Йорунн сказала, что неизвестно, правда ли это, и что она не очень-то обращает внимание на всякий пришлый люд, и на этом разговор их оборвался.

Йорунн с тех пор обращалась с ней ничуть не лучше, однако Хёскульд теперь больше бывал с ней. Вскоре после этого, когда Йорунн ложилась спать, Мелькорка разула ее, положила ее обувь на пол. Йорунн взяла чулки и ударила ее по лицу. Мелькорка рассердилась и ударила ее по носу так, что потекла кровь. Пришел Хёскульд и разнял их. После этого он велел Мелькорке уехать и устроил ей жилище выше, в Лососьей Долине. С тех пор это место называется Мелькоркустадир (Двор Мелькорки) – там сейчас пустошь, а расположено оно к югу от Лаксы. Там Мелькорка завела свое хозяйство. Хёскульд дал ей для этого все что нужно, и сын ее Олав отправился вместе с ней. Скоро стало видно, что Олав, когда он вырастет, будет много выше других людей по красоте и обхождению.

XIV

Жил человек по имени Ингьяльд. Его двор был на островах Саудейяр (Овечьи Острова), что лежат в Брейдафьорде. Он звался Годи с Саудейяр. Он был человеком богатым и почитаемым. Его брат звался Халль. Он был человеком рослым и дюжим. Он был беден. По словам большинства людей, он мало к чему был пригоден. Обычно братья не дружили между собой: Ингьяльд полагал, что Халль не очень-то стремится поступать по образцу достойных людей, а Халль полагал, что Ингьяльд не очень-то стремится улучшить состояние дел своего брата.

В Брейдафьорде есть место, богатое рыбой, которое зовется Бьярнейяр (Острова Бьёрна). Много островов расположено там друг возле друга, и они очень доходны. В то время много людей отправлялось туда на рыбную ловлю. Во все времена года там бывало много народу. Разумным мужам казалось очень важным, чтобы люди во время рыбной ловли ладили друг с другом. Считалось, что рыбная ловля будет менее обильной, если возникнут распри, и большинство людей старательно следило за тем, чтобы их не было.

Рассказывают, что однажды летом на острова Бьярнейяр прибыл Халль, брат Ингьяльда Годи с Саудейяр, и намеревался ловить рыбу. Он приобрел себе место в лодке вместе с одним человеком, которого звали Торольв. Торольв был с Брейдафьорда. Он был всего-навсего бедным бродягой, но ловким человеком. Халль оставался там некоторое время и почитал себя более знатным, чем другие люди.

Однажды вечером Халль и Торольв высадились на берег и должны были разделить свой улов. Халль хотел сам выбирать долю и сам делить улов, потому что считал себя более знатным человеком. Торольв

не хотел оказаться внакладе и прибегнул к угрозам. Они проспорили некоторое время, но каждый остался при своем мнении. Тут Халль хватает топор, который лежал возле него, и хочет ударить им Торольва по голове. Тогда подбегают люди, разнимают их и крепко держат Халля. Он был в бешенстве, но ничего на этот раз не мог сделать, и их улов не был разделен. Торольв ушел в этот вечер, а Халль забрал весь улов, который принадлежал им обоим, так что видно было, кто из них более могуществен. Халль взял затем другого человека в лодку вместо Торольва. Как обычно, он отправился на ловлю.

Торольв был недоволен своим жребием. Ему думалось, что он оказался опозоренным при этом дележе. Но он остался на островах и только и помышлял о том, как распрямить тот крючок, который был согнут против его воли. Халль не испытывал страха и думал, что никто не решится равняться с ним там, на его родной стороне.

Однажды в хорошую погоду Халль отчалил от берега, и их было двое в лодке. Рыба хорошо клевала в этот день. Вечером они гребут домой и очень веселятся. Торольв весь день следил за тем, что делает Халль, и расположился вечером в том месте, где Халль причаливает к берегу. Халль гребет впереди. Он выпрыгивает из лодки и намеревается притянуть ее к берегу. И когда он оказывается на берегу, возле него стоит Торольв и тотчас же наносит ему удар мечом. Удар пришелся по шее, и голова падает с плеч. Торольв после этого бежит, а спутники Халля суется вокруг убитого.

Эта новость, убийство Халля, распространяется по всем островам, и она кажется важной новостью, потому что Халль был из высокого рода, хотя судьба не была к нему благосклонной.

Торольв стремился теперь покинуть острова, потому что он не знал там никого, кто бы мог защитить его после этого подвига. У него не было там и никаких родичей, от которых он мог бы ожидать помощи, а вблизи находились люди, которые, конечно, должны были стремиться лишить его жизни и которые были очень могущественны, как, например, Ингьяльд Годи с Саудейяр, брат Халля.

Торольву удалось переправиться на большую землю. Он шел, скрываясь от людей. О его странствиях ничего не рассказывается, кроме того, что однажды вечером он пришел в Годдастадир. Вигдис, жена Торда Годди, была в отдаленном родстве с Торольвом, и поэтому он направился туда. Торольв также издавна знал, как там обстояли дела и что Вигдис была сильнее духом, чем ее муж Торд. И в тот же вечер, когда Торольв явился туда, он разыскал Вигдис, и рассказал ей о своей беде, и попросил ее о помощи. Вигдис так ответила на его слова:

– Я не буду отрицать наше родство, и мне кажется, что из-за того, что ты сделал, я не могу тебя назвать менее достойным человеком. Но я уверена в том, что люди, которые предоставят тебе убежище, рискуют своей жизнью и своим имуществом, – так могучи те люди, которые будут мстить тебе. Торд, мой муж, – сказала она, – не великий

боец, и решения, которые принимаем мы, женщины, часто недалёковидны, если дело идет о важных вещах. Но все же я не хочу оставить тебя без помощи, раз уж ты пришел искать здесь убежище.

После этого Вигдис провела его в сарай и велела ему ждать ее, а на ворота сарая повесила замок. Затем она пошла к Торду и сказала:

– Сюда пришел человек искать убежища. Его зовут Торольв, и он мне отдаленная родня. Ему было бы хорошо, думается мне, подольше остаться здесь, если ты того пожелаешь.

Торд не одобрил пребывания в доме чужого человека.

– Пусть он отдохнет здесь один день, – сказал он, – если он ни в чем не замешан, а в противном случае пусть он поскорее убирается отсюда.

Вигдис ответила:

– Я уже предоставила ему убежище, и я не возьму своих слов обратно, хотя не все люди в равной мере его друзья.

Вслед за этим она рассказала Торду об убийстве Халля, а также что его убил Торольв, который пришел к ним. Торд был этим рассержен и сказал, что Ингьяльд – он знает это наверняка – возьмет с него много денег за то гостеприимство, которое уже оказано Торольву:

– Потому что этот человек здесь спрятан за замками и запорами.

Вигдис ответила:

– Ингьяльду не придется требовать с тебя денег за гостеприимство на одну ночь, потому что Торольв останется здесь на всю зиму.

Торд сказал:

– Таким путем ты меня разоришь, и это против моего желания, чтобы здесь жил такой несчастливый человек.

Но все же Торольв пробыл там зиму. Это узнал Ингьяльд, который должен был мстить за своего брата. В конце зимы он снарядился для путешествия в Долины^[144]. Он спустил на воду свою лодку. Их было двенадцать человек. Они шли под парусами, и их гнал сильный северо-восточный ветер, и вечером они прибыли в устье Лаксы. Они вытащили лодку на берег и вечером явились в Годдастадир. Их там уже ожидали, и они были там хорошо приняты. Ингьяльд отвел Торда в сторону и изложил ему свое дело, – ему сказали, что здесь скрывается Торольв, убийца его брата. Торд отрицал это. Ингьяльд попросил его не спорить с ним:

– Мы заключим с тобой сделку: ты выдашь мне этого человека и не заставишь меня прибегать к насилию, и вот здесь у меня три марки серебра, которые станут твоими. А я откажусь от иска, который мог бы предъявить к тебе по поводу того, что ты укрывал Торольва.

Деньги показались Торду соблазнительными. Кроме того, ему обещали отказаться от требования виры за укрытие убийцы, чего он больше всего боялся, потому что предполагал лишиться значительной части имущества. И Торд сказал:

– Я утаю от людей то, о чем мы говорили, но пусть эта сделка между нами будет заключена.

Они спали, пока не приблизилось утро.

XV

Затем Ингьяльд и его люди встали и оделись. Вигдис спросила Торда, о чем он вечером вел беседу с Ингьяльдом. Тот сказал, что они беседовали о многом и порешили обыскать двор.

– Мы окажемся чисты, – сказал он, – если Торольва не найдут. Я велел моему рабу Асгауту увести его.

Вигдис сказала, что не любит лжи. Ей не нравится также, сказала она, что Ингьяльд рыщет в ее доме, но пусть, добавила она, Торд поступает, как он считает нужным. Затем Ингьяльд обыскал дом и не нашел там Торольва. В это время Асгаут вернулся, и Вигдис спросила его, где он расстался с Торольвом. Асгаут отвечал:

– Я отвел его в овчарню, как мне велел Торд.

Вигдис сказала:

– Разве это не оказалось бы удобнее всего для Ингьяльда, когда он пустится в путь к своей лодке? Легко можно догадаться, что вчера вечером они договорились друг с другом насчет этого. Я хочу, чтобы ты немедленно отправился и как можно скорее увел его. Ты должен отвести его в Саудафелль к Торольву Красноносому. Если ты выполнишь, что я тебе велела, ты за это получишь награду. Я дам тебе свободу и столько денег, что ты сможешь уехать куда захочешь.

Асгаут обещал все сделать, отправился к овчарне и нашел там Торольва. Он велел ему как можно скорее собираться в путь.

Одновременно с этим Ингьяльд выехал верхом из Годдастадира, ибо он хотел получить товар за свое серебро. И когда они отъехали от двора вниз, они увидели, как к ним приближаются двое, и это были Асгаут и Торольв. Это было рано утром, и дневной свет еще только занимался. Асгаут и Торольв попали в ловушку, потому что по одну сторону от них был Ингьяльд, по другую – река Лакса. Вода в реке стояла очень высоко. По обоим берегам был лед, но середина реки очистилась от льда, и пускаться через реку было опасно. Торольв сказал Асгауту:

– Мне кажется, что нам нужно сделать выбор между двумя вещами. Либо мы будем ждать здесь на берегу и защищаться, насколько нам хватит мужества и силы, – но, поступая так, приходится опасаться, что Ингьяльд скоро завладеет нашей жизнью, – либо мы попытаемся спастись через реку, что тоже будет небезопасно.

Асгаут просил его решать самому и сказал, что он его не оставит, какое бы решение он ни принял. Торольв отвечал:

– Мы попытаемся спастись через реку.

Так они и поступили. Они освободились от большей части своей ноши и после этого спустились вниз на лед, прыгнули в воду и поплыли.

И поскольку они были сильными и мужественными и им суждено было жить дольше, они переплыли через реку и достигли прочного льда на другом берегу. Как раз в то мгновение, когда они достигли берега, к противоположному берегу реки подоспел Ингьяльд со своими спутниками. Тут Ингьяльд сказал своим спутникам:

– Что теперь делать? Переправляться нам через реку или нет?

Те сказали, что он должен решать это и что они подчинятся его мнению, но им казалось, что переправиться через реку невозможно. Ингьяльд сказал, что это так:

– И мы не будем переправляться.

Когда Торольв и Асгаут увидели, что Ингьяльд не решается переправиться, то они сначала отжали свою одежду, а затем отправились в путь и шли целый день. К вечеру они пришли в Саудафелль. Их хорошо приняли, так как там предоставляли убежище каждому. И еще тем же вечером Асгаут отправился к Торольву Красноносому и рассказал ему обо всем, что было связано с их прибытием, и о том, что Вигдис, его родственница, направила к нему этого человека, который к ней явился, чтобы найти защиту и пристанище. Он рассказал ему все, что произошло у Торда Годди. При этом он показал опознавательные знаки, которые Вигдис прислала Торольву. Торольв отвечал следующим образом:

– Я не собираюсь отрицать истинность этих опознавательных знаков и, конечно, приму этого человека, как просит Вигдис. Я нахожу, что она вела себя в этом деле мужественно. Большое несчастье, что такая женщина живет в столь неудачном супружестве. А ты, Асгаут, можешь оставаться здесь сколько пожелаешь.

Асгаут сказал, что недолго сможет здесь оставаться. Торольв после этого принял своего тезку и сделал его своим дружинником, и они расстались с Асгаутом добрыми друзьями, и Асгаут пустился в обратный путь.

Теперь надо рассказать об Ингьяльде, что он вернулся в Годдастадир, после того как Торольв с Асгаутом ускользнули от него. Там по приглашению Вигдис собрались люди из соседних дворов. Их было не менее двадцати человек. И когда Ингьяльд и его люди явились туда, он призвал Торда к себе и сказал ему:

– Нечестно ты поступаешь с нами, Торд, ибо нам доподлинно известно, что ты помог этому человеку бежать.

Торд сказал, что это обвинение несправедливо. Тут весь их сговор, Ингьяльда и Торда, вышел наружу. Ингьяльд теперь захотел получить обратно свои деньги, которые он дал Торду. Вигдис присутствовала при их разговоре и сказала, что они получили по заслугам. Она потребовала, чтобы Торд отдал эти деньги.

– Потому что ты, Торд, – сказала она, – получил эти деньги нечестным путем.

Торд сказал, что пусть будет по ее воле.

После этого Вигдис вошла в дом и подошла к ларю, который был у Торда, и нашла на дне его тяжелый кошелек с деньгами.

Она взяла кошелек и вышла с ним туда, где был Ингьяльд, и попросила его взять деньги обратно. При виде кошелька глаза у Ингьяльда засверкали от удовольствия, и он протянул за ним руку. Вигдис подняла кошелек и ударила им его по носу так, что сразу же на землю потекла кровь. При этом она сказала ему много презрительных слов, а также что он никогда больше не получит этих денег, и велела ему убираться. Ингьяльд увидел, что для него лучше всего как можно скорее убраться, и так он и сделал, и не останавливался на своем пути, пока не достиг дома, и был не очень-то доволен своим путешествием.

XVI

Тем временем Асгаут вернулся домой. Вигдис ласково встретила его и спросила, хорошо ли их приняли в Саудафелле. Он рассказал, что их встретили хорошо, и сообщил о том решении, которое принял Торольв. Это ей очень понравилось.

– Ну вот, Асгаут, – сказала она, – ты хорошо справился со своим делом и был честен. Ты должен теперь получить награду за свои старания. Я даю тебе свободу, так что с этого дня ты имеешь право называться свободным человеком. К тому же ты должен взять деньги, которые Торд получил за голову моего родича Торольва. Это будет лучшим применением для этих денег.

Асгаут поблагодарил ее за этот подарок любезными словами. Тем же летом, позднее, Асгаут купил место на корабле в Дегурдарнесе, и корабль вышел в море. Дул сильный попутный ветер, и путь их был недолог. Они прибыли в Норвегию. Затем Асгаут отправился в Данию, и поселился там, и слыл там храбрецом. И на этом заканчивается сага об Асгауте.

После сговора между Тордом Годди и Ингьяльдом Годи с Саудейяр, когда они договорились убить Торольва, родича Вигдис, она не стала скрывать своей враждебности к Торду и объявила, что расходится с ним. Она поехала к своим родичам и все им рассказала. Торд Ревун выразил свое неудовольствие, – а он был главой среди них, – но ничего особенного не произошло. Вигдис не забрала из Годдастадира ничего, кроме своих украшений. Люди из Хвамма дали знать, что они решили предъявить права на половину добра, которым владел Торд Годди. Тот был этим очень озабочен, отправился сразу же к Хёскульду и рассказал ему о своей беде. Хёскульд сказал:

– Тебя бросило бы в дрожь, если бы тебе пришлось бороться и не с такими сильными противниками.

Тогда Торд предложил Хёскульд деньги за его помощь и сказал, что не поскупится. Хёскульд сказал:

– Известно, что если бы на то была твоя воля, то ни один человек не получил бы ничего из твоих денет.

Торд сказал:

– Теперь будет по-другому, потому что я хочу, чтобы ты получил все деньги сполна. Кроме того, я предлагаю взять на воспитание сына твоего Олава и оставить ему после моей смерти все мое имущество, потому что у меня здесь в стране нет ни одного наследника, и я полагаю, что добро мое будет в лучших руках, чем если бы родственники Вигдис прибрали его к рукам.

Хёскульд согласился, и они скрепили это договором. Мелькорка была этим недовольна: такое усыновление казалось ей унижением. Но Хёскульд сказал, что она недалёковидна.

– Поскольку Торд – старик, – сказал он, – и у него нет детей, я надеюсь, что Олав получит все имущество после его смерти. Ты же сможешь навещать его, когда только захочешь.

После этого Торд взял к себе Олава, которому было семь лет, и очень к нему привязался. Весть об этом дошла до людей, у которых были притязания к Торду Годди, и им показалось, что им теперь труднее будет добиться своего. Хёскульд послал Торду Ревуну богатые подарки и просил его не настаивать на своем, поскольку по закону они не могли притязать на добро Торда. Он сказал, что Вигдис не может предъявить никаких обвинений против Торда, которые были бы доказаны и могли бы служить основанием для развода.

– Торд не стал менее достойным человеком, – сказал он, – оттого, что он думал о средствах избавиться от человека, который пользовался его добром и был обременен виной, как куст можжевельника иглами.

И когда эти слова Хёскульда вместе с богатыми подарками достигли Торда Ревуна, то он успокоился и сказал, что добро, как он полагает, в хороших руках, если Хёскульд о нем заботится, и принял подарки. И затем это дело затихло, хоть, правда, они уже не были так дружны друг с другом. Олав жил у Торда Годди и стал рослым и сильным человеком. Он был таким красивым, что никто не мог с ним сравниться. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он отправился на тинг, и люди из других мест больше, чем всему остальному, дивились его необыкновенной красоте. Олав очень заботился о своем оружии и одежде, поэтому он выделялся среди всех мужчин. Положение Торда Годди стало гораздо лучше с тех пор, как Олав стал жить у него. Хёскульд дал Олаву прозвище и назвал его Павлином. Это прозвище за ним осталось.

О Храппе рассказывают, что он совершал все больше бесчинств. Он так часто нападал на своих соседей, что они едва могли спастись от него. Но Храпп не мог причинить никакого зла Торду с тех пор, как Олав стал на ноги. Храпп остался таким же, однако силы его убавлялись, потому что старость начала сказываться, так что он в конце концов слег.

Тогда Храпп призвал к себе свою жену Вигдис и сказал:

– Никогда я раньше не болел, поэтому мне кажется, что эта болезнь положит конец нашей совместной жизни. И когда я умру, то такова моя воля, чтобы мне вырыли могилу в дверях дома и чтобы я был погребен стоя в дверях. Так я смогу лучше следить за моим хозяйством.

После этого Храпп умер. Было сделано все, как он сказал, так как жена не осмелилась сделать иначе. Но если с ним худо было иметь дело, когда он был жив, то еще хуже стало, когда он был мертв, потому что он часто вставал из могилы. Рассказывают, что он убил большинство своих домочадцев во время своих появлений. Он причинял много беспокойства и большинству из тех, кто жил по соседству, и Храппсстадир запустел. Вигдис, вдова Храппа, отправилась на запад к своему брату Торстейну Сурту. Тот взял ее к себе вместе с ее имуществом. Повторилось то же, что было прежде: люди явились к Хёскульду и пожаловались ему на те беспокойства, которые Храпп им причинял, и они попросили Хёскульда что-нибудь предпринять. Хёскульд сказал, что он уладит это. Он поехал вместе с несколькими людьми в Храппсстадир, велел выкопать Храппа и отнести его в такое место, где реже всего проходил скот на пастбище или люди. После этого Храпп почти перестал появляться.

Сумарлиди, сын Храппа, унаследовал его имущество, а было оно большим и завидным. Он переселился в Храппсстадир следующей весной и стал там хозяйничать. Но когда он некоторое время там пожил, он сошел с ума и вскоре умер. Тогда все имущество получила его мать, Вигдис. Однако она не захотела хозяйничать в Храппсстадире. Поэтому Торстейн Сурт взял все это добро в свои руки, чтобы им управлять. Торстейн тогда уже был не молод, но все еще крепок и бодр.

В то время большим почетом стали пользоваться в Торснесе родичи Торстейна, Бёрк Толстый и его брат Торгрим. Вскоре стало ясно, что эти братья хотят там быть первыми и самыми уважаемыми людьми. И когда Торстейн это заметил, он не захотел вступать с ними в соперничество.

Он объявил своим людям, что собирается переменить место своего жительства и переселиться в Храппсстадир в Лососьей Долине.

Торстейн Сурт собрался в путь после весеннего тинга, а скот должны были погнать вдоль берега. Торстейн приготовил лодку и сел в нее сам-двенадцатый. Там были Торарин, его зять, и Оск, дочь Торстейна. И Хильд, дочь Торарина, ехала с ними, и было ей три года.

Поднялся резкий юго-западный ветер. Они поплыли внутрь фьорда к проливу, который называется Колькистустраум (Пролив Килькисты). Течение в нем всего сильнее из всех проливов Брейдафьорда. Их плавание было нелегким, и было это главным образом потому, что наступил отлив, и ветер им не благоприятствовал. Налетали сильные порывы ливня, а когда прояснялось, поднимался сильный ветер, перемежавшийся с затишьем. Торарин стал у руля и положил себе на плечи спасти, поскольку на корабле было тесно. На борту было много клади, и корабль был очень нагружен, но берег был близко. Корабль двигался медленно, так как он шел против течения.

Тут они налетели на подводный камень, но не потерпели крушения. Торстейн велел спустить паруса и взять шесты, чтобы оттолкнуть корабль. Они попытались это сделать, но не могли, так как с обеих сторон было очень глубоко и шесты не доставали дна, и им оставалось только ждать прилива, так как пока что был отлив. Они увидели в это время в воде тюленя, который был гораздо больше других. Он плавал вокруг корабля, и у него были большие плавники. Все им казалось, что у него глаза человека^[145]. Торстейн велел убить его. Они попытались это сделать, но им не удалось.

Затем начался прилив. И когда дело подошло к тому, чтобы корабль вновь двинулся в путь, поднялся сильный ветер и перевернул корабль, и все люди, бывшие на корабле, утонули, кроме одного человека. Он приплыл к берегу на обломках корабля. Звали его Гудмунд. По его имени эти острова названы Гудмундарейяр (Гудмундовы острова).

Гудрид, которая была замужем за Торкелем Бахромой, имела притязания на наследство после своего отца Торстейна Сурта.

Быстро распространилась весть о том, что Торстейн Сурт и его люди, которых вместе с ним постигло несчастье, утонули. Торкель сразу послал за тем человеком, Гудмундом, который выбрался на берег. И когда он явился к Торкелю, тот заключил с ним тайную сделку, что он расскажет о том, как люди утонули, по подсказке Торкеля. Гудмунд это обещал. Тогда Торкель в присутствии многих людей велел ему рассказать о том, как это случилось. И Гудмунд сказал, что первым утонул Торстейн, затем зять его Торарин, – таким образом, Хильд являлась наследницей, поскольку она была дочерью Торарина. Затем, сказал он, утонула девочка, и ближайшей наследницей стала Оск, ее мать, и она погибла последней. Таким образом, все имущество должно перейти к Торкелю Бахрме, так как его жена Гудрид должна была унаследовать имущество после своей сестры.

Этот рассказ распространялся Торкелем и его людьми. Однако перед тем Гудмунд рассказал по-другому. Родичам Торарина этот рассказ показался неправдоподобным, и они сказали, что не поверят ему без доказательств, и стали притязать на имущество пополам с Торкелем. Но Торкель потребовал все для себя одного и предложил им очистительное испытание, согласно обычаю. Это очистительное испытание состояло тогда в том, что нужно было пройти под полоской дерна, отделенной от земли^[146]. Оба конца этой полоски дерна была закреплены в земле, и тот человек, который подвергался испытанию, должен был пройти под этой полоской.

Торкель Бахрома, вероятно, сомневался, происходила ли гибель людей так, как они с Гудмундом это утверждали, когда он рассказывал второй раз. Язычники чувствовали не меньшую ответственность, когда им приходилось подвергаться этому обряду, чем теперь христиане, когда они проходят через очистительное испытание. Тот считался чистым, который проходил под полоской дерна так, что она не обрушивалась на него. Торкель сговорился с двумя людьми, что они сделают вид, будто о чем-то поспорили, и при этом близко подойдут к тому месту, когда начнется очистительное испытание, и настолько приблизятся к этой полоске дерна, что каждый сможет увидеть, что это они заставили ее упасть.

После этого начались приготовления, чтобы произвести очистительное испытание, и сразу же после того, как Торкель оказался под полоской дерна, эти двое людей, которые были к тому предназначены, прибежали туда же с оружием в руках. Они столкнулись около этой полоски дерна и упали на землю, и полоска дерна, конечно, обрушилась. Тогда люди бросились к ним и разняли их. Это было нетрудно, так как они сражались не по-настоящему. Торкель Бахрома потребовал тогда решения об очистительном испытании. Тут все его люди закричали, что оно было бы удачным, если бы ему не помешали. Тогда Торкель забрал себе все движимое имущество, а земли в Храппсстадире были заброшены.

XIX

Теперь нужно сказать о Хёскульде, что он пользовался большим почетом и был могучим хёвдингом. Он распоряжался большим имуществом, которое по праву принадлежало его брату Хруту, сыну Херьольва. Многие люди говорили, что в имуществе Хёскульда появится большая прореха, если он выплатит часть материнского наследства брату.

Хрут был дружинником конунга Харальда, сына Гуннхильд^[147], и пользовался у него большим почетом, особенно по причине того, что он отличался во всех воинских испытаниях, и Гуннхильд, мать конунга,

ценила его так высоко, что никого в своей дружине не хотела поставить наравне с ним ни в умении говорить, ни в чем-либо другом. И когда сравнивали мужей друг с другом и говорили об их достоинствах, то всякий мог заметить, что Гуннхильд считала неразумием или недоброжелательством, если хотели кого-нибудь поставить в один ряд с Хрутом.

Хрут рассчитывал получить в Исландии часть большого наследства и имел там знатную родню, и поэтому ему захотелось туда отправиться. Он собрался ехать в Исландию. Конунг дал ему на прощание корабль и назвал его испытанным, добрым воином. Гуннхильд проводила Хрута на корабль и сказала:

– Мне не нужно говорить вполголоса о том, что я испытала тебя и нашла в тебе выдающегося человека, ибо ты проявил себя во всех делах под стать лучшим людям нашей страны, а разумом ты намного выше их.

Затем она дала ему золотое запястье и попрощалась с ним. Сразу после этого она накинула плащ себе на голову и быстро вернулась домой, а Хрут взошел на корабль и вышел в море.

Путешествие его было благополучным, и он достиг Брейдафьорда. Он приблизился к островам, затем вошел в пролив Брейдасунд (Широкий Пролив), причалил к Камбснесу и перебросил сходни на берег. Весть о приходе корабля и о том, что им правил Хрут, сын Херьольва, распространилась. Хёскульд не рад был этой вести и не вышел встретить его. Хрут втащил судно на берег и укрыл его. Он выстроил там двор, который с тех пор называется Камбснес.

Затем Хрут поехал верхом к Хёскульду и потребовал наследство своей матери. Хёскульд отвечал, что у него нет такого имущества, которое он должен был бы вернуть, и что его мать не нищей уехала из Исландии, когда она встретила Херьольва. Хрут был этим не очень-то доволен и уехал обратно к себе. Все родичи Хрута, кроме Хёскульда, оказывали ему почтение. Хрут прожил три зимы в Камбснесе и все требовал свое имущество от Хёскульда на тингах и на других собраниях, и был очень красноречив. Большинство считало, что Хрут в своих требованиях был прав. Однако Хёскульд возражал, что Торгерд вышла замуж за Херьольва без его согласия, а что он, согласно закону, был опекуном своей матери, и с этим они расстались.

Той же осенью Хёскульд принял приглашение Торда Годди и поехал к нему. Хрут узнал об этом и отправился в Хёскульдсстадир с одиннадцатью людьми. Он угнал двадцать голов скота и столько же оставил. Затем он послал к Хёскульду человека и велел сказать, где нужно искать скот. Слуги Хёскульда бросились сразу же к оружию и дали знать ближайшим соседям. Таким образом, их собралось пятнадцать человек, и все они поскакали во весь опор.

Хрут со своими людьми заметил преследователей, только когда был недалеко от двора на Камбснесе. Хрут и его люди тотчас же

спешили, привязали своих лошадей и приготовились встретить врагов на песчаном пригорке, и Хрут сказал, что здесь они примут бой. Он сказал, что даже если долго еще ему придется требовать у Хёскульда его наследство, то все же никто не скажет, что он убежал от его рабов. Спутники Хрута сказали, что перевес на другой стороне. Хрут отвечал, что его это не беспокоит и что чем их больше числом, тем хуже им придется.

Люди из Лососьей Долины соскочили с коней и приготовились к битве. Хрут велел своим людям не обращать внимания на разницу в числе и побежал навстречу врагам. На голове у него был шлем, в одной руке – обнаженный меч, а в другой руке – щит. Он был очень искусен в бою. Он был тогда в таком гневе, что не многие поспевали за ним. Некоторое время обе стороны держались хорошо. Однако вскоре люди из Лососьей Долины заметили, что у них не было никого, кто бы мог сравниться с Хрутом, так как он убил двух людей с одного раза. Тогда люди из Лососьей Долины запросили пощады. Хрут ответил, что они, конечно, получают пощаду. Слуги Хёскульда, те, кто еще держался на ногах, все были ранены, а четверо были убиты.

Хрут отправился домой. Он был слегка ранен, а у его спутников были лишь незначительные раны или совсем не было ран, потому что он все время был впереди всех. Эта местность называется с тех пор Орростудаль (Долина Битвы), потому что здесь они бились. Затем Хрут приказал зарезать скот.

О Хёскульде рассказывают, что он созвал людей, когда узнал о нападении, и поскакал домой. Сразу же после этого вернулись домой его слуги. Они рассказали, как плохо им пришлось. Хёскульд, услышав это, рассвирепел и сказал, что Хруту больше не удастся грабить его и убивать его людей. Весь день собирал он вокруг себя людей. Тогда Йорунн, его хозяйка, завела с ним беседу и спросила о его намерениях. Он сказал:

– Нет у меня никаких особых намерений, но я бы хотел, чтобы люди чаще говорили о чем-нибудь другом, чем об убийстве моих слуг.

Йорунн ответила:

– Твой замысел чудовищен, если ты замыслил убить такого человека, как твой брат. Ведь многие говорят, что если бы Хрут раньше получил часть имущества, то это было бы на законном основании. А теперь он показал, что не хочет более быть ущемленным в своих законных правах, как и подобает людям его происхождения. Вступить в борьбу с тобой он решился, конечно, лишь после того, как обеспечил себе некоторую поддержку могущественных людей, и мне говорили, что Торд Ревун и Хрут не раз втайне сносились друг с другом. Такие вещи кажутся мне немаловажными. А этот случай выступить против тебя должен был показаться Торду благоприятным, раз само дело столь ясно. Ты знаешь также, Хёскульд, что с тех пор, как была тяжба между Тордом Годди и Вигдис, ты не так дружен с Тордом Ревуном, как

раньше, хотя бы и умерил его враждебность подарками. Я думаю также, Хёскульд, – продолжала она, – они полагают, что ты и твой сын Олав уж слишком дали им почувствовать свое превосходство в силе. Теперь было бы благоразумнее, чтобы ты предложил брату своему Хруту договориться на почетных условиях, потому что от голодного волка следует ожидать нападения. Я думаю, что Хрут хорошо примет это предложение, потому что, как мне говорили, он человек разумный; он, верно, поймет, что это почетно для вас обоих.

Речи Йорунн очень умерили пыл Хёскульда. Ему показалось, что она говорит правильно. Теперь от одного брата к другому стали ездить люди, которые были дружественны им обоим, и передали Хруту от Хёскульда условия примирения. И Хрут принял их хорошо. Он сказал, что, конечно, хочет примириться с Хёскульдом, что давно они могли бы поладить, как подобает родичам, если бы Хёскульд поступал с ним по закону. Хрут также сказал, что возместит Хёскульду ущерб, который он неоднократно наносил ему. И этот спор между братьями, Хёскульдом и Хрутом, был теперь разрешен и улажен. С тех пор они ладили друг с другом, как подобает родичам.

Хрут занялся теперь своим хозяйством и стал именитым мужем. Он не стремился принимать участие во многих делах, но в чем он участвовал, там он решал дело. Хрут перенес свой двор в местность, что теперь зовется Хрутсстадир (Двор Хрута), где и жил до самой старости. У него около дома было капище, следы которого еще видны. Это место зовется теперь Тролласкейд (Дорога Троллей). Там пролегла теперь большая дорога. Хрут женился и взял себе в жены женщину по имени Унн, дочь Мёрда Скрипицы. Унн развелась с ним. Из-за этого началась распря между людьми из Лососьей Долины и людьми с Фльотсхлида^[148] (Речной Склон). У Хрута была вторая жена, она звалась Торбьёрг и была дочерью Армода. И третья жена была у Хрута. Шестнадцать сыновей было у него и десять дочерей от этих двух жен. Как рассказывают люди, однажды летом случилось так, что Хрут явился на тинг, и с ним было четырнадцать сыновей. Упоминается об этом потому, что это придавало ему величие и силу. Все его сыновья были достойными людьми.

XX

Теперь Хёскульд живет в своем дворе и приближается к глубокой старости, а сыновья его уже взрослые. Торлейк поселился во дворе, Камбснес, и Хёскульд выделил ему его долю. После этого он женился и взял в жены женщину по имени Гьявлауг, дочь Арнбьёрна, сына Бьёрна Увертки и Торлауг, дочери Торда из Хёвди.

Это был почетный брак. Гьявлауг была женщиной красивой и очень гордой. Торлейк был человеком не обходительным и чуть что брался за

оружие. Хрут и Торлейк не очень хорошо ладили. Бард, сын Хёскульда, оставался дома со своим отцом. Дел по хозяйству было у него не меньше, чем у Хёскульда. Мало что говорится здесь о дочерях Хёскульда. Но и они оставили потомство.

Олав, сын Хёскульда, теперь вырос и стал красивее всех людей, которых когда-либо видели. Отменными были его оружие и одежды. Мелькорка, мать Олава, жила в Мелькоркустадире, как было написано раньше. Хёскульд заботился о хозяйстве Мелькорки меньше, чем прежде. Он говорил ей, что это не в меньшей степени дело ее сына Олава, а Олав сказал, что окажет ей такую помощь, какую только сможет. Мелькорка полагала, что Хёскульд постыдно обходится с ней. Она обдумывала, как бы совершить что-нибудь такое, что Хёскульду было бы не по душе. Больше всего помогал Мелькорке в ее хозяйстве Торбьёрн Хилый. Он предложил ей стать его женой, после того как она некоторое время там прожила, но Мелькорка отклонила сватовство.

У причала в Бордейре (Столовая Коса), в Хрутафьорде (Бараний Фьорд), стоял корабль. Его хозяином был Эрн. Он был дружинником конунга Харальда, сына Гуннхильд. Мелькорка завела речь со своим сыном Олавом, когда они были вместе, о том, что она хотела бы, чтобы он отправился в дальние края навестить своих знатных родичей:

– Потому что я сказала правду, что Мюркьяртан мой отец и что он король ирландцев. Тебе теперь легко попасть на корабль в Бордейре.

Олав сказал:

– Я уже говорил об этом с моим отцом, и он не очень к этому склонен. Да и имущество моего приемного отца таково, что оно состоит больше в землях и скоте, чем в исландских товарах^[149].

Мелькорка ответила:

– Я не хочу, чтобы тебя продолжали называть сыном служанки, и если путешествие задерживается из-за того, что у тебя, как ты полагаешь, не хватает богатства, то я скорее соглашусь выйти замуж за Торбьёрна, если это даст тебе возможность отправиться в путешествие, потому что я надеюсь, что он, получив мое согласие, ссудит тебя товарами, в которых ты нуждаешься. Хорошо и то, что Хёскульда постигнут таким образом два огорчения, когда он узнает обе вести: что ты отправляешься в путешествие и что я выхожу замуж.

Олав сказал матери, что на то ее воля. Затем Олав сказал Торбьёрну, что он хотел бы взять у него в долг товаров и готов отблагодарить его. Торбьёрн ответил:

– Это может случиться, только если я получу согласие Мелькорки. Тогда мое имущество будет в твоём распоряжении.

Олав сказал, что все будет так, как следует. Тут они обсудили все, что было нужно, и договорились, что все это должно произойти втайне.

В беседе с Олавом Хёскульд сказал, что он должен поехать с ним на тинг. Олав ответил, что не может ехать из-за дел. Он сказал, что хочет построить загон для овец близ Лаксы. Хёскульду понравилось, что он

хочет трудиться по хозяйству. Затем Хёскульд отправился на тинг, а в Ламбастадире^[150] (Двор Ламби) стали готовиться к свадьбе. Олав один заключил брачный договор. Он получил вперед тридцать сотен в товарах^[151] и не должен был ничего за это платить. Бард, сын Хёскульда, был на свадьбе. Он был с ними в сговоре. И когда празднество закончилось, Олав отправился к кораблю, обратился к его хозяину Эрну и договорился о месте на корабле. Прежде чем Мелькорка рассталась с ним, она передала Олаву большой золотой перстень и сказала:

– Это сокровище подарил мне мой отец на зубок, и я думаю, что он узнает его, если увидит.

Еще вложила она в его руку нож и пояс и попросила его передать это ее приемной матери.

– Я полагаю, что она признает эти вещи, – сказала она.

И еще сказала Мелькорка:

– Я тебя хорошо снарядила, как только могла, и научила тебя говорить по-ирландски, так что тебе будет безразлично, где бы ты ни оказался в Ирландии.

После этого они расстались. Когда Олав взошел на корабль, сразу поднялся попутный ветер, и они вышли на парусах в море.

XXI

Вот Хёскульд возвращается домой с тинга и узнает эти новости. Они ему совсем не нравятся. Но так как в деле были замешаны его родичи, он успокоился и оставил все как есть.

Олав со своими спутниками плыл с попутным ветром и достиг Норвегии. Эрн стал уговаривать Олава отправиться ко двору конунга Харальда. Он говорил, что конунг оказывает великие почести многим мужам, которые ни в чем не превосходят Олава. Олав сказал, что согласен на это. Олав и Эрн отправились тогда ко двору и встретили там хороший прием. Конунг тотчас принял Олава как знакомого, из-за его родичей, и предложил ему остаться у него. Гуннхильд оказала Олаву большое внимание, как только узнала, что он племянник Хрута. Но многие люди говорили, что она была бы рада беседовать с Олавом, даже если бы он не был обязан этим кому-нибудь другому.

Олав стал печален, когда зима шла к концу. Эрн спросил, что его печалит. Олав ответил:

– Я намереваюсь отправиться на запад за море, и для меня было бы очень важно, если бы ты устроил так, чтобы поездка состоялась в течение этого лета.

Эрн попросил Олава не помышлять об этом и сказал, что не знает, будут ли корабли, которые отправятся на запад за море. Гуннхильд вошла, когда они беседовали, и сказала:

– Я слышу, что вы говорите так, как никогда прежде не бывало, – ваши мнения расходятся.

Олав приветствовал Гуннхильд как подобает, но не прервал беседу. Затем Эрн ушел, а Гуннхильд и Олав продолжали беседу. Олав сказал о своем намерении и объяснил, как для него важно, чтобы путешествие совершилось. Он сказал, что, как ему точно известно, король Мюркьяртан – отец его матери. Тогда Гуннхильд сказала:

– Я достану тебе средств для этой поездки, так что ты сможешь поехать с таким великолепием, какого только пожелаешь.

Олав поблагодарил ее за эти слова. Затем Гуннхильд велела снарядить корабль и собрать людей. Она попросила Олава сказать, сколько людей он хочет взять с собой на запад за море. Олав сказал, что ему нужно шесть десятков человек, и прибавил, что для него главное, чтобы они походили больше на воинов, нежели на торговых людей. Она сказала, что все так и будет. Но один только Эрн назван из тех, кто отправился с Олавом. Все люди были хорошо снаряжены.

Конунг Харальд и Гуннхильд проводили Олава на корабль и сказали, что к той дружбе, которую они к нему питали, они добавляют еще пожелание, чтобы их удача сопровождала его^[152]. Конунг Харальд добавил, что это им нетрудно, поскольку из Исландии не появлялся при них человек более статный и красивый. Тут конунг Харальд спросил, сколько ему лет. Олав отвечал:

– Теперь мне восемнадцать лет.

Король сказал:

– Такие, как ты, – это люди выдающиеся. Ведь ты еще недавно вышел из детского возраста. Ты должен нас посетить сразу же по твоём возвращении.

После этого конунг и Гуннхильд пожелали Олаву счастливого пути. Затем Олав и его люди взошли на корабль и немедленно отплыли.

Тем летом погода им не благоприятствовала: стояли густые туманы, а ветер, если и был, то слабый или противный. Их далеко отнесло в море. Почти все, кто был на корабле, думали, что они сбились в море с пути. Наконец случилось так, что туман рассеялся и поднялся ветер. Тогда поставили паруса и начали совещаться, где лежит Ирландия, и не могли договориться об этом. У Эрна было одно мнение, но большая часть людей возражала ему и говорила, что Эрн совсем сбился с пути. Они говорили, что решение должно принадлежать большинству.

Затем предложили решить Олаву, но Олав сказал:

– Я хочу, чтобы решение принадлежало тем, кто разумнее других. Потому что я считаю, что совет неразумных людей тем менее нам пригоден, чем больше их соберется вместе.

После того как Олав это сказал, спор прекратился, и Эрн теперь решал, куда направить корабль. Они шли под парусами и день и ночь, и ветер все время был слабый. Однажды ночью случилось, что сторожевые люди вскочили и велели всем подняться как можно

быстрее. Они сказали, что видят берег так близко перед собой, что корабль чуть не уткнулся в него. Парус был поднят, и дул совсем слабый ветер. Люди сейчас же поднялись, и Эрн велел переменить паруса и изо всех сил постараться увести корабль от берега. Олав сказал:

– У нас нет здесь никакого выбора, так как я вижу, что волны разбиваются о прибрежные камни у самой кормы корабля. Надо как можно скорее спустить паруса. Мы примем решение, когда наступит день и можно будет узнать, что это за земля.

Затем они бросили якоря, и те сразу закрепились на дне. Много было разговоров в течение ночи, куда это они прибыли. А при свете дня они поняли, что это была Ирландия. Тогда Эрн сказал:

– Я полагаю, что мы причалили в неудачном месте, потому что эта местность находится далеко от гаваней и от торговых стоянок, где чужестранцев встречают с миром. Отлив оставил нас теперь на берегу, как рыбешку. И насколько мне известны законы ирландцев, я думаю, что они назовут своим то добро, которое мы везем с собой, потому что они считают потерпевшими кораблекрушение даже тех, чья корма еще меньше обнажилась во время отлива.

Олав сказал, что им не нанесут вреда.

– Но я видел, – продолжал он, – как в начале дня на берег сбежалось множество людей, и эти ирландцы поражены прибытием корабля. Затем сегодня утром, когда был отлив, я видел, что рядом с этой косой есть морской рукав, из которого часть воды не уходит в море. И если наш корабль не поврежден, то мы сможем спустить на воду лодку и перетащим наш корабль туда.

Там, где они бросили якорь, дно было глинистое, и ни одна доска на их корабле не была повреждена. Они перетаскивали корабль в указанное Олавом место и стали там на якорь. Несколько позже множество людей явилось на берег. Затем два человека на лодке подъехали к кораблю. Они спросили, кто владельцы этого корабля. Олав ответил и вел речь по-ирландски, точно так, как они спросили. Однако, когда ирландцы узнали, что прибывшие – норвежцы, то они потребовали, согласно своему закону, чтобы те отдали свое добро, и сказали, что им не будет никакого вреда до тех пор, пока король не вынесет решения. Олав отвечал, что таков закон, если у торговых людей нет с собой толмача.

– Я же скажу вам по правде, – продолжал он, – что перед вами мирные люди. Однако мы все же не сдадимся без сопротивления.

Тут ирландцы подняли боевой клич, вошли в воду и пытались втащить корабль с людьми на берег. Там было так мелко, что вода достигала не выше подмышек, а тем, кто был высок ростом, она достигала до пояса. Однако водоем, в котором плавал корабль, был настолько глубок, что там нельзя было достать дна. Олав велел взять оружие и встать по бортам корабля от носа до кормы. Они стояли настолько тесно, что все было закрыто щитами. Снизу каждого щита

высовывалось острие копья. Олав встал на носу, и вот как он был вооружен: он был одет в броню, и на голове у него был позолоченный шлем; он был опоясан мечом, рукоятка которого была украшена золотом; в руке у него было копье с крючком, которым можно было также и рубить, с великолепными украшениями на наконечнике; перед собой он держал красный щит, на котором был нарисован золотой лев.

Когда ирландцы увидели это снаряжение, то их охватил страх, и они подумали, что здесь не так легко будет отобрать имущество, как они полагали. Поэтому ирландцы прекратили наступление и сгруппировались толпой. Вскоре среди них пошли толки, что это, очевидно, боевой корабль и что следует ожидать еще других кораблей. Поэтому они спешно отправили весть королю. Это оказалось легко, потому что король находился совсем недалеко на пиру. Он сразу прискакал вместе со своими людьми туда, где стоял корабль.

Расстояние от корабля было достаточно близким, чтобы люди могли слышать друг друга. Ирландцы не раз пытались поразить их стрелами, но Олав и его люди остались невредимы. Олав стоял в снаряжении, которое было описано, и многие люди с изумлением говорили, как статен тот человек, что ведет корабль. Но когда спутники Олава увидели, что к ним приближается великое множество всадников, и очень воинственных, то они притихли, потому что решили, что у тех большое преимущество в числе. И когда Олав услышал разговор, который вели его люди, он просил их не терять мужества.

– Потому что, – продолжал он, – дело наше принимает хороший оборот: ирландцы сейчас приветствуют своего короля Мюркьяртана.

После этого те подсаkali так близко к кораблю, что можно было слышать друг друга. Король спросил, кто правит кораблем. Олав назвал свое имя и спросил, кто тот статный рыцарь, с которым он ведет разговор. Тот отвечал:

– Меня зовут Мюркьяртан.

Олав сказал:

– Ты ли король ирландцев?

Тот отвечал, что это так. После этого король спросил о разных новостях. Олав подобающим образом рассказал обо всем, о чем его спрашивали. Тогда король спросил, откуда они держат путь и чьи они люди. И затем король спросил еще подробнее о происхождении Олава, потому что король нашел, что этот муж отличается высокомерием и желает отвечать лишь постольку, поскольку его спрашивают. Олав сказал:

– Да будет вам известно, что мы плывем из Норвегии, и люди здесь на корабле – дружинники конунга Харальда, сына Гуннхильда. Что же касается моего происхождения, то я должен вам сказать, государь, что отец мой живет в Исландии и его зовут Хёскульдом, – это человек знатного происхождения. А что касается семьи моей матери, то я полагал бы, что вы знаете ее лучше меня, ибо мою мать зовут

Мелькорка, и мне поведали как истину, что она твоя дочь, король, и это она понудила меня к столь долгому путешествию, и вот я жду с большим нетерпением, что ты ответишь мне на мои слова.

Король промолчал, а затем стал говорить со своими людьми. Разумные люди хотели узнать от короля, что было правдой в тех речах, которые произнес чужестранец. Король отвечал:

– Легко увидеть по этому Олаву, что он знатного происхождения, будь он нам кровный родич или нет. Явно также и то, что он превосходно говорит по-ирландски.

После этого король поднялся на стременах и сказал:

– Теперь слушай ответ на свои слова: я дарую пощаду всем вам, корабельщикам, а что касается родства, о котором ты говоришь, то об этом мы еще должны будем поговорить, прежде чем я сумею дать ответ.

После этого были переброшены сходни на берег, и Олав и его спутники сошли с корабля. Ирландцы увидели тогда с изумлением, какие это были воинственные мужи. Олав тут, как положено, приветствовал короля и снял шлем, и склонился перед королем, а король принял его с величайшим радушием. Они продолжили свою беседу, и Олав снова рассказал о своем деле и говорил долго и красноречиво. Кончил он тем, что рассказал о золотом перстне на своей руке, который Мелькорка дала ему при их расставании, и сказал так:

– Ты, король, подарил его ей на зубок.

Король взял кольцо и осмотрел его, и лицо его густо покраснело. Затем король сказал:

– Приметы верны, но не менее того важно твое большое сходство с твоей матерью, так что тебя можно узнать. И по этой причине я хочу немедленно признать наше родство, Олав, и свидетелями этого будут люди, которые стоят здесь и слышат мои слова. Прибавлю еще, что я приглашаю тебя со всеми твоими людьми к моему двору, а почет, что должен быть тебе оказан, будет зависеть от того, что я найду в тебе, когда больше тебя узнаю.

Затем король велел дать им верховых лошадей, и он назначил людей, которые должны были позаботиться об их корабле и охранять их товары. Король поскакал в Дублин, и народ почитал важным событием, что его сопровождал сын королевской дочери, которая давным-давно была взята в плен и увезена пятнадцати лет от роду. Но более всех была взволнована этой новостью приемная мать Мелькорки, хотя она лежала в постели, обессиленная заботами и старостью. Все же она поднялась и пошла без посоха навстречу Олаву. Тогда король сказал Олаву:

– Вот пришла приемная мать Мелькорки, и, верно, она захочет, чтобы ты рассказал ей, как живет Мелькорка.

Олав встретил ее с распростертыми объятиями, и посадил старуху на свои колени, и сказал, что ее приемная дочь живет в довольстве в

Исландии. Тут Олав передал ей нож и пояс, и старуха узнала эти вещи и заплакала от радости, говоря, что сын Мелькорки поистине превосходный человек.

– Это, впрочем, у него от матери, – добавила она.

Старуха была здорова всю зиму. Королю мало приходилось отдыхать из-за вражеских набегов на западные земли. Всю зиму король давал отпор викингам и разбойникам. Олав со своими людьми был на королевском корабле, и худо приходилось тем, кому случалось встретиться с ними лицом к лицу. Король обсуждал с Олавом и его спутниками все свои замыслы. Он убедился, что Олав рассудительный человек и приучен к ратным подвигам. В конце зимы король созвал тинг, и собралось много людей. Король встал и произнес речь. Он начал так:

– Известно вам, что прошлой осенью сюда прибыл человек, сын моей дочери и благородного происхождения также со стороны отцовского рода. Я почитаю Олава таким достойным и воинственным мужем, каких в нашей стране мы и не сыщем. И я хочу предложить ему стать королем после моей смерти, ибо Олаву более подходит первое место в стране, чем моим сыновьям.

Олав поблагодарил его за это предложение любезными словами, но сказал, что не хочет рисковать тем, что сыновья Мюркьяртана после смерти короля не примирятся с этим и что лучше недолгая слава, чем долгое бесславие. Он сказал, что хочет отправиться в Норвегию, как только корабли смогут безопасно отплыть от берега. Он сказал, что мало будет утех у его матери, если он не вернется обратно. Король предоставил решение Олаву. Затем тинг кончился. А когда корабль Олава был готов к отплытию, король проводил Олава на корабль и подарил ему копье, отделанное золотом, и меч искусной работы, и много другого добра. Олав пожелал взять с собой приемную мать Мелькорки. Король сказал, что в этом нет надобности, и она не поехала. Олав со своими спутниками взошел на корабль, и они простились с королем как лучшие друзья. Затем они вышли на парусах в открытое море. Ветер был у них попутный, и они достигли Норвегии, и весть о прибытии Олава распространилась. Они втащили корабль на берег. Олав раздобыл лошадей и отправился со своими спутниками к конунгу Харальду.

XXII

И вот Олав, сын Хёскульда, явился ко двору конунга Харальда, и конунг принял его хорошо, а Гуннхильд еще лучше. Они пригласили его к себе и очень звали его. Олав согласился и остался с Эрном при дворе конунга. Конунг и Гуннхильд оказывали Олаву такой почет, какой не оказывался ими ни одному чужестранцу. Олав подарил конунгу и

Гуннхильд много редкостных сокровищ, которые он получил на западе, в Ирландии. Конунг Харальд подарил Олаву к июлю^[153] полное одеяние из пурпурной ткани. Так Олав спокойно провел зиму. А весной конунг и Олав вступили в беседу. Олав попросил у конунга разрешения отправиться летом в Исландию.

– Мне надо посетить, – сказал он, – достойных родичей.

Конунг ответил:

– Милее всего было бы мне, если бы ты совсем остался со мной и занял здесь такое положение, какого бы сам пожелал.

Олав поблагодарил конунга за оказанную ему честь, но сказал, что более всего хочет отправиться в Исландию, если это не будет против воли конунга.

Тогда конунг ответил:

– Ты не встретишь в этом деле недоброжелательства, Олав. Летом ты отправишься в Исландию, потому что я вижу, как сильно ты в мыслях своих стремишься к этому. Но пусть тебя не заботят приготовления к отъезду, об этом позабочусь я сам.

На этом кончилась их беседа. Конунг Харальд велел весной спустить на воду корабль. Это был торговый корабль, большой и крепкий. Конунг приказал нагрузить этот корабль строевым лесом и полностью снарядить. И когда корабль был снаряжен, конунг приказал позвать Олава и сказал:

– Этот корабль принадлежит тебе, Олав. Я не хочу, чтобы ты этим летом отправился из Норвегии на чужом корабле.

Олав любезными словами поблагодарил конунга за его щедрость. Затем Олав стал снаряжаться в путь. И когда корабль был снаряжен и поднялся попутный ветер, Олав вышел в открытое море. Конунг Харальд и он расстались с величайшей сердечностью. Олав плыл летом при попутном ветре. Его корабль пристал к берегу в Бордейре, в Хрутафьорде.

О прибытии корабля тотчас стало известно, а также о том, кто его хозяин. Хёскульд узнал о прибытии своего сына Олава, очень обрадовался и поскакал к северу, к Хрутафьорду, с несколькими людьми. Радостной была встреча отца с сыном. Хёскульд пригласил Олава к себе. Олав сказал, что принимает приглашение. Олав велел вытащить свой корабль на берег и отправил свое добро на юг. Когда с этим было покончено, Олав с одиннадцатью людьми поскакал на юг, домой в Хёскульдсстадир. Хёскульд радушно принял своего сына. И его братья радушно приняли его, а также все родичи его. Но дружнее всего он был с Бардом. Путешествие Олава сделало его знаменитым. Стало также известным происхождение Олава – то, что был внуком Мюркьяртана, короля ирландцев. Об этом говорили по всей стране, а также о почестях, оказанных ему знатными людьми, когда он их посетил. Олав привез с собой также большие богатства и оставался всю зиму у своего отца.

Мелькорка тотчас навестила своего сына Олава. Олав принял ее с величайшим радушием. Она задала много вопросов об ирландских делах, прежде всего о своем отце и о других своих родичах. Олав рассказал ей все, о чем она спрашивала. Затем она спросила, жива ли еще ее приемная мать. Олав сказал, что она еще жива. Мелькорка спросила тогда, почему же он не захотел исполнить ее желание и не привез старуху в Исландию. Тут Олав ответил:

– Люди в Ирландии, мать, были не очень-то расположены к тому, чтобы я увез твою приемную мать оттуда.

– Быть может, это и так, – сказала она.

И тут стало очевидно, что это было ей очень не по душе.

У Мелькорки и Торбьёрна был сын, и он был назван Ламби. Он был человек высокий и сильный, и похожий на своего отца лицом и нравом.

Когда Олав пробыл зиму в Исландии и пришла весна, отец и сын завели разговор о намерениях Олава.

– Я хотел бы, Олав, – сказал Хёскульд, – чтобы ты подумал о женитьбе, а затем стал хозяином на земле твоего вотчима в Годдастадире. Там много скота. С моей помощью ты бы мог вести там хозяйство.

Олав ответил:

– Пока что я мало подумывал об этом. Не знаю, где живет та женщина, женитьба на которой составила бы мое счастье. Ты понимаешь, что мне придется бросить взор далеко вокруг, чтобы найти себе жену. Но я уверен, что ты не завел бы об этом речь, если бы не имел в мыслях, как тут следует поступить.

Хёскульд сказал:

– Твое предложение справедливо. Есть человек по имени Эгиль. Он сын Скаллагрима. Он живет в Борге на Боргарфьорде. У Эгиля есть дочь, и зовут ее Торгерд. Я хочу просить, чтобы ее отдали тебе в жены, потому что это самая достойная невеста для тебя на всем Боргарфьорде и даже в более далеких краях. Весьма вероятно также, что родство с людьми с Болот^[154] умножит твою славу.

Олав ответил:

– Я полностью вверяюсь в этом деле твоему усмотрению, и такое супружество, если оно состоится, будет мне по нраву, но ты также понимаешь, отец, что меня мало обрадует, если мы получим отказ.

Хёскульд сказал:

– Попытаемся устроить это дело.

Олав попросил его действовать так, как он считает нужным.

Подшло время тинга. Хёскульд отправился на тинг из дому, и с ним много людей. Его сын Олав поехал вместе с ним. Они покрыли свою палатку^[155]. Там было много людей. На тинг явился Эгиль, сын Скаллагрима. Все люди, которые видели Олава, говорили о том, какой он красивый и статный. Его одеяние и оружие выделялись своим богатством.

Рассказывают, что однажды отец и сын, Хёскульд и Олав, отправились из своей палатки навестить Эгиля. Эгиль принял их хорошо, потому что он и Хёскульд знали друг друга по многим беседам. Хёскульд обратился к нему от имени Олава и просил руки Торгерд. Она также была на тинге. Эгиль благожелательно принял эти слова и сказал, что слышал много хорошего об отце и сыне.

– Мне также известно, Хёскульд, – сказал Эгиль, – что ты человек знатного рода и весьма почитаем, а Олав знаменит своим путешествием. И неудивительно, что такие люди, как он, стремятся все вперед и вперед, потому что на его долю досталось и благородное происхождение, и красота. Но я должен поговорить об этом с Торгерд, потому что ни одному мужчине не удалось бы получить Торгерд без ее согласия.

Хёскульд сказал:

– Я хочу, Эгиль, чтобы ты поговорил об этом со своею дочерью.

Эгиль сказал, что так и будет. Тогда Эгиль пошел, отыскал свою дочь, и они стали беседовать друг с другом. Эгиль сказал:

– Есть человек по имени Олав, и он сын Хёскульда. Он теперь самый знаменитый человек. Его отец Хёскульд был здесь с поручением от Олава и сватался к тебе. Это дело я целиком предоставил твоему решению. Теперь я хочу узнать твой ответ, но нам кажется, что дать этот ответ будет нетрудно, потому что такое сватовство почетно.

Торгерд ответила:

– Я слышала, как ты говорил, что любишь меня больше, чем других своих детей, но теперь мне думается, что это неправда, раз ты хочешь выдать меня замуж за сына служанки, пусть он и красив, и превосходит всех.

Эгиль сказал:

– Ты не так хорошо наслышана об этом, как о других вещах. Разве ты не знаешь, что он сын дочери Мюркьяртана, короля ирландцев? Род его матери гораздо знатнее, чем род его отца, а родство и с этим родом не унизило бы нас.

Торгерд не хотела признать это. На том их беседа кончилась, и каждый остался при своем мнении. На следующий день Эгиль пошел к палатке Хёскульда, и Хёскульд принял его хорошо. Они завели беседу друг с другом. Хёскульд спросил, как обстоит дело со сватовством. Эгиль дал понять, что он недоволен, рассказал, как все было, и добавил, что не видит выхода. Хёскульд согласился с этим.

– Но я полагаю, – сказал он, – что у тебя были наилучшие намерения.

Олава при этой беседе не было. Затем Эгиль ушел. Тогда Олав спросил, как обстоят дела со сватовством. Хёскульд сказал, что дело, видимо, задерживается из-за Торгерда. Олав отвечал:

– Теперь случилось так, как я тебе предсказывал, отец, когда говорил, что мне доставит мало радости, если я получу презрительный отказ в ответ на мое сватовство. Это была скорее твоя мысль – начать это дело. Но теперь я сам хочу позаботиться о том, чтобы это дело не кончилось ничем. Верно говорят, что чужие услуги не доведут до добра. Я сразу же отправлюсь к палатке Эгиля.

Хёскульд сказал, чтобы он поступил как хочет.

Вот как был одет Олав: на нем было пурпурное одеяние, которое конунг Харальд подарил ему. На голове у него был золотой шлем, а в руке он держал меч, который ему подарил король Мюркьяртан.

Хёскульд и Олав отправились к палатке Эгиля. Хёскульд шел впереди, а Олав сразу же за ним. Эгиль принял их хорошо, и Хёскульд уселся возле него, но Олав оставался стоять и озирался вокруг. Он увидел, что на поперечной скамье в палатке сидит девушка. Она была красива, величава и нарядна. Он понял, что это, несомненно, Торгерд, дочь Эгиля. Олав подошел к скамье и сел возле девушки. Торгерд приветствовала его и спросила, кто он. Олав назвал свое имя и имя своего отца.

– Тебе, верно, кажется, что сын служанки стал наглым, раз он решается сидеть здесь и беседовать с тобой.

Торгерд ответила:

– Тебе, верно, памятно, что ты совершал подвиги более смелые, чем говорить с женщинами.

Затем они начали беседовать друг с другом и проговорили весь день. Никто не слышал, о чем они говорили. И прежде, чем их беседа пришла к концу, они позвали Эгиля и Хёскульда. Речь снова зашла о сватовстве Олава. Торгерд теперь покорила решению своего отца. Тогда дело было легко доведено до конца, и помолвка сразу была объявлена. Люди из Лососьей Долины выговорили себе почетное условие: они брали невесту к себе в дом, и свадебный пир должен был состояться в Хёскульдсстадире, за семь недель до окончания лета^[156]. Затем Эгиль и Хёскульд расстались, и Хёскульд с Олавом отправились домой, в Хёскульдсстадир, и провели все лето дома, и больше ничего не произошло.

Затем в Хёскульдсстадире начали готовиться к пиру и ничего не жалели, потому что средств было в избытке. Свадебные гости прибыли к назначенному сроку. Людей из Боргафьорда было великое множество. Там были Эгиль и его сын Торстейн. С ними прибыла и невеста, и почетные гости со всей округи.

Много гостей собралось у Хёскульда, и пир был великолепный. Гости на прощанье получили подарки. Олав подарил тогда Эгилю меч,

сокровище Мюркьяртана, и у Эгиля засверкали глаза при этом подарке. Других событий там не случилось, и все отправились по домам.

XXIV

Олав и Торгерд жили в Хёскульдсстадире и сильно полюбили друг друга. Замечено было всеми, что она была очень достойная женщина и не мешалась в чужие дела. Но если она бралась за что-либо, то все должно было произойти согласно ее воле. Всю эту зиму Олав и Торгерд жили попеременно то в Хёскульдсстадире, то у его вотчима. Весною Олав стал хозяином в Годдастадире. Летом у Торда Годди открылась болезнь, которая привела его к смерти. Олав приказал насыпать над мертвым курган на мысе, который вдаётся в реку Лаксу и носит название Дравнарнес (Крапчатый Мыс). Возле него имеется ограда, которая называется Хаугсгард (Курганная Ограда).

Люди стали собираться вокруг Олава, и он стал большим хёвдингом. Хёскульд ничего по имел против этого, он всегда желал, чтобы Олав принимал участие в решении всех важных дел. Хозяйство Олава было самым богатым в Лососьей Долине. С Олавом были два брата, оба они звались Ан. Одного из них звали Ан Белый, другого – Ан Черный. Третий из людей Олава звался Бейнир Сильный. Это были работники Олава, и все храбрые люди. У Торгерд и Олава была дочь по имени Турид.

Земли, которыми прежде владел Храпп, оставались заброшенными, как уже было написано. Олав полагал, что они удачно расположены. Однажды он сказал своему отцу, что им следовало бы послать людей к Торкелю Бахrome с предложением от Олава купить земли в Храппсстадире и другие владения, прилегающие к нему. Договориться об этом было нетрудно, и сделка вскоре была заключена, потому что Торкель Бахрома понимал, что одна ворона в руке лучше, чем две вороны в лесу. Они условились, заключая сделку, что Олав должен заплатить за землю три марки серебра. Но не в равной мере была эта сделка выгодна для обеих сторон, потому что это были обширные земли, красивые и весьма доходные. В речках там было много лососей, а на море тюленьи лежбища. Там были также большие леса.

Невдалеке от Хёскульдсстадира, вверх по долине и к северу от Лаксы, в лесу была вырубка, и там всегда собирался скот Олава, как при хорошей, так и при дурной погоде. Однажды осенью Олав построил на этой вырубке двор из леса, который был там срублен, а частью из прибойного леса. Это был большой двор. Зимой постройки стояли пустыми. Олав хотел весной переселиться туда и велел пораньше собрать свой скот, а его было теперь очень много, потому что тогда не было человека в Брейдафьорде богаче скотом, чем Олав.

Олав шлет теперь своему отцу просьбу, чтобы тот вышел и посмотрел, как он будет переселяться в новое жилище, и произнес бы слова, приносящие счастье. Хёскульд сказал, что так и сделает. Олав все подготовил: впереди он велел погнать овец, потому что они наиболее пугливы, за ними шел молочный скот, затем – нетели, а в конце – лошади с вьюками. Люди были так расставлены среди скота, что он не мог никуда сбиться в сторону. Начало стада достигло нового двора, когда Олав выходил из Годдастадира, и нигде стадо не прерывалось^[157]. Хёскульд стоял у дверей со своими домочадцами. Тогда Хёскульд сказал, что приветствует своего сына Олава на новом месте, и пусть он проживет там долгие годы.

– И такое у меня предчувствие, – добавил он, – что долго будет жить его имя.

Йорунн, его жена, сказала:

– У этого сына служанки столько богатства, что его имя и так будет долго жить.

Как раз тогда, когда работники развьючили лошадей, Олав подъехал к дому. Тут он сказал:

– Теперь будет удовлетворено любопытство людей, и они узнают то, о чем шли беседы всю зиму: как будет называться этот двор. Он будет называться Хьярдархольт (Стадный Холм).

Людям показалось, что это название хорошо придумано и соответствует тому, что там происходило.

Теперь Олав занялся хозяйством в Хьярдархольте. Вскоре все было в прекрасном порядке. Ни в чем там не было недостатка. Еще большей стала слава Олава. Многие способствовало этому. Олава любили больше, чем других, потому что, когда он брался улаживать споры между людьми, все были довольны его решениями. Его отец усердно помогал ему добиться такого почета. Силу Олава составляло также свойство с людьми с Болот. Олав считался самым знатным из сыновей Хёскульда.

В ту зиму, когда Олав впервые жил в Хьярдархольте, у него было много домочадцев и работников. Вся работа была распределена между ними: один заботился о нетелях, другой – о молочном скоте. Хлев был расположен в лесу, не очень близко от жилища. Однажды вечером к Олаву пришел человек, который смотрел за нетелями, и попросил его найти другого человека для этой работы.

– А я хотел бы заняться другой работой, – сказал он.

Олав ответил:

– Я хочу, чтобы у тебя была та же работа, что и прежде.

Тот сказал, что он лучше вообще уйдет.

– Наверное, там что-нибудь неладно, – говорит Олав. – Вот я пойду сегодня вечером с тобой, когда ты будешь привязывать скот в стойлах, и если я найду, что ты не виноват, то я не стану тебя укорять. В противном случае тебе придется поплатиться.

Олав взял в руку свое отделанное золотом копье, сокровище короля, и отправился из дому вместе с работником. На земле кое-где лежал снег. Они подошли к хлеву. Он был открыт. Олав велел работнику войти в хлев.

– Я буду гнать тебе нетелей, а ты будешь их привязывать, – сказал он.

Работник направился к двери хлева.

Не успел Олав опомниться, как работник бросился обратно и очутился в его объятиях. Олав спросил, что его так испугало.

Тот ответил:

– Храпп стоит в дверях хлева и хочет схватить меня, но я сыт по горло схватками с ним.

Тогда Олав подошел к дверям и направил на Храппа свое копье. Тот обеими руками ухватился за наконечник копья и повернул его в сторону, так что древко тотчас сломалось. Олав хотел броситься на Храппа, но тот провалился сквозь землю, откуда он пришел, а у Храппа – его наконечник. После этого Олав с работниками привязали в стойле нетелей и отправились домой. Олав сказал теперь работнику, что он не будет упрекать его за его слова.

На следующее утро Олав отправился из дому туда, где Храпп был похоронен под грудой камней, и велел раскопать могилу. Храпп лежал там, еще не разложившийся. Олав нашел там также наконечник своего копья. Затем он приказал разжечь костер, и Храппа сожгли на костре, а его пепел бросили в море. С тех пор ни одному человеку Храпп не причинял вреда своим появлением.

XXV

Теперь следует сказать о сыновьях Хёскульда. Торлейк, сын Хёскульда, прежде чем стать хозяином двора, много странствовал с торговыми людьми, и знатные люди принимали его всюду, где он торговал. Он слыл выдающимся человеком. Он принимал участие и в походах викингов и показал там пример молодецкой отваги.

Бард, сын Хёскульда, также странствовал с торговыми людьми, и его очень уважали всюду, куда бы он ни приезжал, потому что он был превосходный человек и во всем благоразумен. Бард женился и взял в жены девушку из Брейдафьорда по имени Астрид. Она была из хорошего рода. Сын Барда звался Торарин, а его дочь – Гудню. На ней женился Халль, сын Стюра Убийцы, и от них происходит длинный ряд поколений.

Хрут, сын Херьольва, отпустил на свободу своего раба, которого звали Хрольвом, и дал ему кое-какое имущество и место для жилья возле владений Хёскульда, и это было настолько близко от границы их владений, что Хрут и его сыновья ошиблись и поместили

вольноотпущенника на землю Хёскульда. Он вскоре добыл себе здесь большое имущество. Хёскульду не особенно понравилось, что Хрут у него под носом поселил вольноотпущенника, и он попросил вольноотпущенника уплатить за землю, на которой он живет.

– Потому что это моя собственность, – сказал он.

Вольноотпущенник пришел к Хруту и рассказал ему об их разговоре. Хрут велел ему не тревожиться и ничего не платить Хёскульду.

– Я не знаю, – сказал он, – кому из нас принадлежит эта земля.

Вольноотпущенник вернулся тогда домой и жил на своей земле, как до того. Вскоре после этого Торлейк, сын Хёскульда, по совету отца явился во двор к вольноотпущеннику с несколькими людьми. Они схватили его и убили, и Торлейк захватил для себя, а также для своего отца все имущество, которое вольноотпущенник приобрел. Об этом узнал Хрут и не очень-то был доволен, так же как и его сыновья. Почти все они были взрослыми, и казалось, что такая многочисленная семья непобедима.

Хрут постарался выяснить, как смотрит на это дело закон. И когда это дело было рассмотрено знатоками закона, то оно было решено не в пользу Хрута. Для этих людей было важно, что Хрут поселил вольноотпущенника на земле Хёскульда без его разрешения и что тот там добыл свое имущество. Торлейк убил его на земле своей и своего отца. Хрут был недоволен решением, но все оставалось по-прежнему.

После этого Торлейк велел построить на границе между владениями Хрута и Хёскульда двор, и называется он Камбснес^[158]. Там Торлейк жил некоторое время, как об этом было сказано прежде. У Торлейка и его жены родился сын. Мальчика окропили водой и дали ему имя, и был он назван Болли. Он был очень красивым ребенком.

XXVI

Хёскульд, сын Колля из Долин, заболел на старости лет. Он послал за своими сыновьями и другими родичами. И когда они пришли, Хёскульд сказал братьям, Барду и Торлейку:

– Я чувствую какое-то недомогание. Я никогда раньше не болел. Поэтому я думаю, что от этой болезни я умру. Дело обстоит так, как вы знаете, что вы рождены в браке и должны получить все имущество после меня. Однако есть у меня еще третий сын, рожденный вне брака. И вот я хочу попросить вас, обоих братьев, чтобы вы дали Олаву право на наследство и чтобы он, как и вы, получил третью часть.

Бард отвечал первым и сказал, что он поступит так, как хочет отец.

– Потому что я ожидаю от Олава почета для себя во всех отношениях, и притом тем больше, чем он богаче.

Тогда Торлейк сказал:

– А я совсем не согласен, чтобы Олав получил право на наследство. У Олава уже много другого добра. Ты, отец, уже много давал ему из своего имущества и долгое время ставил нас, братьев, на второе место. Я не отдам добровольно ту часть, которая принадлежит мне по рождению.

Хёскульд сказал:

– Вы не захотите отнять у меня право дать двенадцать эйриров ^[159] моему сыну, который со стороны матери принадлежит к такому знатному роду.

Торлейк с этим согласился.

Тогда Хёскульд велел принести золотое запястье, сокровище Хакона, – оно весило одну марку, а также меч, который стоил половину марки золота, – сокровище того же конунга, и дал их сыну своему Олаву, а также завещал ему удачу свою и своих родичей и сказал, что он говорит это, хотя ему известно, что удача уже поселилась в доме Олава. Олав взял сокровища и сказал, что посмотрит, как это понравится Торлейку. Тот был недоволен и думал, что Хёскульд поступил с ним коварно. Олав отвечал:

– Я не отдам сокровища, Торлейк, потому что ты при свидетелях позволил их отдать мне. Посмотрим, удастся ли мне сохранить это имущество.

Бард сказал, что он согласен с желанием отца.

После этого Хёскульд умер. Это показалось большой утратой прежде всего для его сыновей, а также для всех родичей и друзей. Его сыновья велели насыпать над ним большой курган. Лишь немного добра дали ему с собой в могилу. И когда это было сделано, братья стали говорить о том, что они хотят приготовиться к тризне по своему отцу, ибо таков был обычай в те времена. Тут Олав сказал:

– Мне кажется, что мы не так быстро сможем устроить эту тризну, раз она должна быть такой богатой, как это подобает. Сейчас уже глубокая осень, и не так легко поэтому достать все необходимое. А для тех людей, которые должны приехать издалека, это будет неудобно в осенние дни, и поэтому, наверное, будет так, что из тех, кого мы особенно будем ждать, многие не явятся. Поэтому я предлагаю пригласить людей летом во время тинга. Я беру на себя третью часть расходов на эту тризну.

Братья согласились с этим, и Олав тогда поехал домой. Торлейк и Бард разделили имущество между собой. Бард получил отцовский двор – так советовало большинство людей, потому что его больше любили. Торлейк получил больше движимого имущества. Братья Олав и Бард хорошо ладили друг с другом, но между Олавом и Торлейком была вражда. Так прошла зима, и пришло лето, и наступило время тинга. Сыновья Хёскульда готовились отправиться на тинг. Вскоре стало ясно, что Олаву будет оказан больший почет, чем братьям. И когда они

явились на тинг, они покрыли свои палатки и убрали все как можно лучше и великолепно.

XXVII

Как рассказывают, однажды, когда люди отправились к Скале Закона, Олав поднялся, попросил внимания и рассказал всем людям о кончине своего отца:

– Здесь собралось много мужей, его родичей и друзей. Такова воля моих братьев, чтобы я вас пригласил на тризну в честь Хёскульда, нашего отца, и прежде всего всех годи, ибо многие знатные мужи были связаны с ним родством. Я должен также объявить, что ни один из знатных мужей не уйдет от нас без подарка. Далее мы хотим пригласить также всех бондов и всякого, кто захочет, богат ли он или беден. На полмесяца приглашаются гости в Хёскульдсстадир, к тому времени, когда пройдет десять недель от начала зимы.

И когда Олав кончил свою речь, последовало громкое одобрение, и все решили, что это приглашение весьма почетное. И когда Олав вернулся в свою палатку, он рассказал своим братьям, как он пригласил людей. Те были не особенно довольны и полагали, что он зашел слишком далеко.

После тинга братья отправились домой. Лето кончилось.

Братья стали готовиться к тризне. Олав выдал, не скупясь, свою треть на расходы, и они наилучшим образом позаботились об угощении. Немало всего было припасено, так как предполагали, что явится множество людей. И когда пришел день тризны, то, как рассказывают, явились все знатные люди, которые обещали приехать. Съехалось так много людей, что, по рассказам, всех их было ни много ни мало – девять сотен^[160]. Это было второе такое знатное угощение в Исландии, а первое было, когда сыновья Хьяльти устроили тризну после смерти своего отца. Тогда собралось двенадцать сотен. Тризна вышла на славу, и братьям она принесла большой почет, но Олав был среди них первым. Олав роздал столько же подарков, сколько оба брата вместе, и действительно, все знатные мужи получили подарки. И когда большинство гостей отправились в обратный путь, Олав разыскал своего брата Торлейка и сказал ему:

– Итак, брат мой, как известно, дружба между нами была не очень-то велика. И вот я хотел бы предложить тебе, чтобы мы отныне ладили друг с другом, как подобает родичам. Я знаю, что тебе не понравилось, когда я взял те сокровища, которые отец дал мне в день своей смерти. Если ты полагаешь, что таким образом остался внакладе, то я ради нашей дружбы берусь воспитать твоего сына. Ведь того, кто берет себе чужого ребенка на воспитание, всегда считают менее знатным, чем того, чьего ребенка он воспитывает.

Торлейк с этим согласился и сказал, что это почетное предложение, и таким оно и было. И Олав взял с собой Болли, сына Торлейка. Ему было тогда три года. Они расстались очень сердечно, и Болли отправился в Хьярдархольт вместе с Олавом. Торгерд хорошо его приняла. Болли был там воспитан, и они любили его не меньше, чем своих детей.

XXVIII

У Олава и Торгерд был сын. Мальчика окропили водой и дали ему имя. Олав назвал его Кьяртаном в честь Мюркьяртана, своего деда по матери. Болли и Кьяртан были почти однолетки. Позднее у них было еще несколько детей. Их сыновей звали Стейнтор, Халльдор и Хельги, а младшего сына Олава звали Хёскульд. Одну дочь Олава и Торгерд звали Бергтора, а вторую – Торбьёрг. Все их дети обещали стать достойными людьми, когда вырастут.

В те времена в Саурбёре (Грязи) жил Берси Единоборец, на своем дворе, который зовется Тунга (Междуречье). Он отправился к Олаву и предложил ему воспитать его сына Халльдора. Олав согласился на это, и Халльдор отправился вместе с Берси. Ему тогда был один год. Летом Берси заболел и пролежал в течение всего лета. Однажды, как рассказывают, люди в Тунге были на уборке сена, а дома оставались двое, Халльдор и Берси. Халльдор лежал в колыбели. Тут колыбель вместе с мальчиком перевернулась, и он упал на пол. Берси не мог встать и подойти к нему. Тогда Берси сказал:

Халльдор и я —
Оба без ног,
Оба мы с ним
Недвижно лежим.
Но не одна

Беде той цена:
Стар я и хил,
Он полон сил,
Ему – вырастать,
Мне – умирать.

Тут явились люди и подняли Халльдора с пола, а Берси выздоровел. Халльдор у него вырос и стал рослым и храбрым.

Кьяртан, сын Олава, воспитывался дома, в Хьярдархольте. Он был самым красивым из всех мужей, которые когда-либо рождались в Исландии. У него было широкое и при этом очень красивое лицо, самые прекрасные глаза и светлая кожа. Его волосы были густые и тонкие, как шелк, и ниспадали локонами. Он был такой же высокий и сильный,

каким был Эгиль, его дед по матери, или Торольв. Кьяртан достиг во всем совершенства более, чем кто-либо другой, так что им восторгались все, кто его видел. Он был также превосходным воином, отличался ловкостью и был самым лучшим пловцом. Во всем он был искуснее других. Он был скромным человеком и так добр со всеми, что его любил каждый ребенок. Он был веселого нрава и не скупился на свое добро. Олав любил Кьяртана более всех своих детей.

Болли, его названный брат, был высокого роста. Он был первым после Кьяртана по искусству и ловкости. Он был силен и красив лицом, обходителен и воинственен и носил богатые одежды. Названные братья очень любили друг друга. Олав жил в своем дворе, и так прошло немало лет.

XXIX

Как рассказывают, однажды весной Олав объявил своей жене Торгерд, что он собирается уехать.

– Я хочу, – сказал он, – чтобы ты позаботилась о доме и детях.

Торгерд отвечала, что ей это не очень-то нравится, но Олав настоял на своем. Он купил корабль, который стоял на причале на западе, в бухте Вадиль (Брод). Олав отправился в путь летом и привел свой корабль в Хёрдаланд. Там вблизи от побережья жил один человек, которого звали Гейрмунд Грохот. Это был могущественный и богатый человек и знаменитый викинг. Он был несговорчивого нрава и недружелюбен, но теперь стал жить мирно и был дружинником ярла Хакона Могучего^[161].

Гейрмунд явился на корабль и вскоре познакомился с Олавом, так как он много слышал о нем. Гейрмунд пригласил Олава к себе с таким числом людей, сколько тот хотел. Олав принял приглашение и отправился к нему с пятью людьми. Гребцы Олава нашли себе жилье в других местах Хёрдаланда. Гейрмунд хорошо принял Олава. У него был большой двор и много людей. Они весело проводили время в течение всей зимы. А когда зима стала подходить к концу, Олав сообщил Гейрмунду о своих намерениях, а именно, что он хочет добыть себе строевого леса. Он сказал, что ему очень важно выбрать хороший лес. Гейрмунд отвечал:

– Лучшие леса принадлежат ярлу Хакону, и я знаю наверное, что если ты к нему явишься, он предоставит их в твое распоряжение, потому что ярл хорошо принимает людей даже и не столь знатных, как ты, когда они являются к нему.

Весной Олав собрался в путь к ярлу Хакону. Ярл встретил его очень дружелюбно и пригласил остаться у него сколько он пожелает. Олав рассказал ярлу о цели своей поездки.

– Я хотел бы попросить вас, государь, – сказал он, – чтобы вы позволили нам нарубить в ваших лесах строевого леса.

Ярл отвечал:

– Ты убедишься в нашей щедрости, если ты собираешься нагрузить свой корабль лесом, который мы тебе подарим. Ведь не всякий день к нам из Исландии приезжают в гости такие люди, как ты.

И на прощанье ярл дал ему секиру, отделанную золотом. Это было большое сокровище. Затем они расстались с большой сердечностью.

Гейрмунд тайне распорядился, как управлять его землями. Он собирался летом отправиться в Исландию на корабле Олава. Это он скрыл от всех людей. Олав ничего не знал об этом до тех пор, пока Гейрмунд не велел доставить свое имущество на корабль Олава, и это было большое богатство. Олав сказал:

– Ты не отплыл бы на моем корабле, если бы мне прежде это было известно, потому что я боюсь, что в Исландии найдутся люди, для которых было бы лучше никогда тебя не увидеть. Но теперь, раз уж ты здесь с таким большим богатством, у меня нет желания гнать тебя прочь, как дворовую собаку.

– Я все равно не уйду отсюда, как бы ты ни возвышал голос, потому что я намерен богато заплатить за проезд на твоем корабле.

Олав тогда сел на корабль, и они отчалили. Дул попутный ветер, и они достигли Брейдафьорда. Они перебросили сходни на землю в устье Лаксы. Олав велел выгружать лес с корабля и поставил корабль под навес, который построил его отец. Олав пригласил Гейрмунда к себе в гости.

Тем летом Олав велел построить главный дом в Хьярдархольте, больше и лучше, чем до сих пор видели. Стены были украшены изображениями событий из знаменитых сказаний, точно так же и крыша. Все это было выполнено так хорошо, что помещение выглядело гораздо красивее, когда не было увешано коврами.

Гейрмунд чаще всего не обращал ни на кого никакого внимания, был со всеми недружелюбен. Он всегда был одет в пурпурное одеяние, и сверху на нем был серый меховой плащ, на голове – шапка из медвежьего меха, а в руке – меч. Это было мощное и хорошее оружие. Рукоятка у него была из моржового клыка. На нем не было серебряных украшений, однако клинок его был острый и не ржавел. Меч этот он назвал Фотбит (Ногорез) и никогда не выпускал его из рук.

Гейрмунд совсем недолго пробыл там, как почувствовал склонность к Турид, дочери Олава, и явился к Олаву со своим сватовством, но тот ему отказал. После этого Гейрмунд сделал Торгерд подарки, чтобы она помогла ему в его сватовстве. Она приняла подарки, потому что они были немалые. Затем Торгерд заговорила об этом деле с Олавом. Она сказала также, что, по ее мнению, она не могла бы выдать замуж их дочь более достойно:

– Потому что он очень храбр, богат и гордого нрава.

Олав отвечал:

– Не хочу я идти против твоей воли в этом, как и во всяком другом деле, однако я бы охотнее отдал Турид за другого человека.

Торгерд ушла от него, и ей казалось, что она сделала свое дело. Она рассказала все Гейрмунду. Тот поблагодарил ее за помощь и заступничество. Гейрмунд тогда вторично явился к Олаву со своим сватовством, и на этот раз легко добился согласия. После этого Гейрмунд обручился с Турид, и свадьбу должны были сыграть в Хьярдархольте в конце зимы. На свадьбе было много народу, поскольку главный дом был уже совсем готов.

На свадьбе был также Ульв, сын Угги, и сочинил песнь об Олаве, сыне Хёскульда, и о событиях, изображениями которых был украшен дом, и он исполнил эту песнь на празднестве. Эта песнь называется «Хвалебная песнь о доме»^[162], и она очень хорошо сложена. Олав богато одарил его за песнь. Он также одарил всех знатных людей, которые были его гостями. После этой свадьбы Олава стали уважать еще больше, чем прежде.

XXX

Совместная жизнь Гейрмунда и Турид не была счастливой. Причиной тому были обе стороны. Три зимы Гейрмунд пробыл у Олава, пока ему не захотелось уехать, и он пожелал, чтобы Турид осталась дома, так же как ее дочь, которую звали Гроа. Девочке был тогда один год. Никакого имущества Гейрмунд не захотел оставить. Этим Турид и ее мать были очень недовольны и обратились к Олаву. Но Олав тогда сказал:

– Что ж, Торгерд! Этот норвежец, как видно, так же горд теперь, как в ту осень, когда он просил тебя стать его тещей?

Они ничего не добились от Олава, потому что он во всех делах был миролюбивым человеком. Он сказал, что девочка должна остаться у них до тех пор, пока она немного подрастет. Прощаясь с Гейрмундом, Олав подарил ему торговый корабль со всем снаряжением. Гейрмунд очень благодарил его и сказал, что это княжеский подарок. Затем он спустил корабль на воду и вышел из устья Лаксы при легком северо-восточном ветре. Но ветер стих, когда они подошли к островам. Гейрмунд стоял у острова Оксней (Бычий Остров) половину месяца, так как не было попутного ветра.

В это время Олав уезжал из своего дома и был занят на берегу, куда прибывало пловучий лес. Тогда его дочь Турид позвала своих домочадцев и велела им следовать за ней. С ней вместе была также ее дочь. Всех их было десять человек. Она велела спустить на воду корабль, который был у Олава. Турид велела идти на веслах и под парусами к устью Хваммсфьорда, и когда они подошли к островам, она

велела спустить лодку, которая была на корабле. Турид села в лодку, и с нею два человека. Оставшимся она велела сторожить корабль, пока не вернется. Она взяла девочку на руки и велела грести по проливу, пока они не достигнут корабля Гейрмунда. Она взяла бурав из ящика на носу и дала его в руки одному из людей, велела ему взойти в лодку корабля Гейрмунда и так пробуравить ее, чтобы в ней образовалась течь, когда ее спустят на воду.

Затем она велела высадить себя на берег. Девочку свою она держала на руках. Это было во время восхода солнца. Она прошла по сходим и взойшла на корабль Гейрмунда. Все люди спали. Она подошла к кожаному мешку, в котором спал Гейрмунд. Его меч Фотбит висел рядом с ним на деревянном крючке. Турид посадила тогда девочку на кожаный мешок, взяла меч и унесла его с собой. Затем она сошла с корабля и присоединилась к своим спутникам. Тут девочка начала плакать. Гейрмунд проснулся, приподнялся и узнал ребенка, и быстро понял, в чем дело. Он вскакивает и хочет выхватить меч, но не находит его там, где он должен был быть. Он подбегает к борту корабля и видит, как люди гребут прочь от корабля. Гейрмунд зовет своих людей и велит им прыгнуть в лодку и грести за теми. Они делают это, но как только они немного отплыли, они видят, что черная, как уголь, вода вливается к ним в лодку. Тут они вернулись на корабль.

Тогда Гейрмунд позвал Турид и попросил ее вернуться на корабль и отдать ему меч Фотбит.

– И возьми свою девочку, – сказал он, – а с нею вместе столько добра, сколько хочешь.

Турид сказала:

– Значит, тебе очень дорог этот меч?

Гейрмунд отвечал:

– Много добра я бы согласился отдать, прежде чем решился бы расстаться со своим мечом.

Она сказала:

– Тогда ты никогда его не получишь. Ты очень нечестно поступил с нами. Теперь между нами все кончено.

Тогда Гейрмунд сказал:

– Не будет тебе счастья, если ты увезешь с собой меч.

Она сказала, что готова на это.

– Тогда пусть этот меч, – сказал Гейрмунд, – отнимет жизнь у того мужа в вашей семье, чья смерть будет для вас самой тяжелой утратой и причиной самых больших несчастий.

После этого Турид отправилась домой, в Хьярдархольт. К этому времени Олав тоже успел вернуться домой и был недоволен тем, что она сделала. Но так оно и осталось. Турид дала своему родичу Болли меч Фотбит, потому что она любила его не меньше, чем своих братьев. Болли всегда с тех пор носил этот меч. После этого поднялся ветер, которого ждал Гейрмунд. Они подняли паруса и осенью прибыли в

Норвегию. Ночью они наскочили на подводный камень у мыса Стад. Гейрмунд и все, кто был на корабле вместе с ним, утонули, и этим кончается то, что можно было сказать о Гейрмунде.

XXXI

Олав, сын Хёскульда, сидел на своей земле и пользовался большим почетом, как было написано выше. Жил человек по имени Гудмунд, он был сыном Сёльмунда. Он жил в Асбьярнарнесе (Мыс Асбьёрна), к северу от Видидаля (Лозняковая Долина). Гудмунд был богатым человеком. Он посватался к Турид и получил за ней в приданое много добра. Турид была женщиной умной, гордой и очень достойной. Ее сыновей звали Халль, Варди, Стейн и Стейнгрим. Гудрун и Олов звали ее дочерей.

Торбьёрг, дочь Олава, была красивой и сильной девушкой. Ее звали Торбьёрг Толстая. Она была выдана замуж за человека с запада, с Ватнсфьорда (Озерный Фьорд), – Асгейра, сына Кнётта. Он был знатным человеком. Сыном их был Кьяртан, отец Торвальда, а Торвальд был отцом Торда. Торд был отцом Снорри, а тот отцом Торвальда. Отсюда пошел род людей с Ватнсфьорда. Позднее Торбьёрг стала женой Вермунда, сына Торгрима. Их дочь звали Торфинна. Она была замужем за Торстейном, сыном Кугги.

Бергтора, дочь Олава, вышла замуж за человека с запада, с Дьюнафьорда (Глубокий Фьорд), Торхалля Годи. Сыном их был Кьяртан, отец Стурлы Кузнеца. Он был приемным отцом Торда, сына Гильса.

У Олава Павлина было много хорошего скота. У него был один замечательный бык, по кличке Харри, серый в яблоках, ростом больше обычного. У него было две пары рогов. Из них два рога были большие и стояли прямо, третий торчал вверх, а четвертый выходил из лба и спускался дугой между глаз. Этим рогом он разбивал лед, как ломом. Он разгребал копытами снег, как конь. Одни раз лютой зимой он ушел из Хьярдархольта и дошел до места Брейдафьярдардале (Долина Широкого Фьорда), которое теперь называется Харрастадир (Двор Харри). Там он в течение зимы бродил со стадом в шестнадцать голов и всем добывал траву. Весной он вернулся обратно на пастбище около Хьярдархольта, которое теперь называется Харраболь (Жилье Харри). Когда Харри исполнилось восемнадцать лет, он потерял свой четвертый рог, и в ночь после этого Олаву во сне явилась женщина. Она была большая и страшная. Она заговорила:

– Спишь ли ты?

Он ответил, что не спит.

Женщина сказала:

– Ты спишь, но все же все будет так, как будто ты не спишь. Ты велел убить моего сына и отправил его изуродованным ко мне, и

поэтому я сделаю так, что ты тоже увидишь, как сын твой плавает в собственной крови. И я для этого выберу того, кто, как я знаю, тебе дороже всех.

После этого она исчезла. Олав проснулся, и ему показалось, что он еще видит очертания женщины. Олав много думал об этом сне и рассказывал его своим друзьям, но никто не мог истолковать его так, как хотелось Олаву. Больше всего ему нравилось, когда ему говорили, что это было лживое сновидение, которое ему померещилось.

XXXII

Жил человек по имени Освивр, и был он сыном Хельги, сына Оттара, сына Бьёрна с востока, сына Кетиля Плосконосого, сына Бьёрна Воловьеи Ноги. Мать Освивра звалась Нидбьёрг. Ее мать звали Кадлин. Она была дочь Хрольва Пешехода^[163], сына Бычьего Торира. Он был прославленным херсиром на востоке, в Вике. Его так прозвали потому, что у него было три острова и на каждом по восьми десятков быков. Он подарил один остров вместе с быками конунгу Хакону, и этот подарок стал знаменит.

Освивр был очень умен. Он жил в Лаугаре (Горячие Источники), в Селингсдале. Двор Лаугар расположен к северу от реки Селингсдальсы (Селингсдальской Реки), против Тунги. Жену его звали Тордис. Она была дочь Тьодольва Короткого. Одного их сына звали Оспак, второго Хельги, третьего – Вандрад, четвертого Торрад, пятого Торольв. У всех у них была осанка воинов. Дочь его звали Гудрун. Среди женщин, выросших в Исландии, она была первой по красоте и уму. Гудрун была благовоспитанной женщиной, и в то время вся роскошь, которой себя окружали другие женщины, казалась детской забавой по сравнению с великолепием Гудрун. Из всех женщин она была самой искусной и красноречивой. Она отличалась щедростью.

В доме Освивра жила женщина, которую звали Торхалла по прозвищу Болтливая. Она приходилась родственницей Освивру. У нее было два сына. Одного звали Одд, другого Стейн. Это были сильные люди, и никто лучше них не мог ворочать камни во дворе Освивра. Они были болтливы, как их мать, и их недолюбливали. Однако сыновья Освивра всегда были для них подлинной опорой.

В Тунге жил человек, которого звали Торарин. Он был сыном Торира Богатого. Он был богатым бондом. Торарин был человеком рослым и сильным. Ему принадлежали хорошие земли, но скота у него было немного. Освивр хотел купить эту землю, поскольку ему не хватало земли и у него было много скота. Случилось так, что Освивр купил у Торарина всю землю, начиная от ущелья Гнупускард (Провал) вдоль всей долины по обе стороны реки и вплоть до ущелья Стаккагиль. Это

земля хорошая и тучная. Он устроил там горное пастбище. У него всегда было много домочадцев. Хозяйство его процветало.

На западе, в Саурбере, есть двор Холь (Холм). Там жили три родича. Торкель Щенок и Кнут были братьями. Они были знатного рода. С ними жил их зять, которого звали Торд. Прозвище свое он получил по матери и звался сын Ингунн. Отец Торда был Глум, сын Гейри^[164]. Торд был статным и сильным человеком, умелым и ловким в тяжбах. Женой Торда была сестра Торкеля и Кнута, и звали ее Ауд. Она не была ни красивой, ни ловкой. Торд мало ее любил. Главным для него были богатства, а здесь их было собрано много. Хозяйство братьев процветало, с тех пор как Торд стал жить с ними.

XXXIII

Гест, сын Оддлейва, жил на западе, в Хаги (Пастбище), на Крутом Берегу. Он был большим хёвдингом и мудрым человеком, и во многих делах у него был дар провидения. Он был в дружбе со всеми знатными людьми, и многие приходили к нему за советом. Он каждое лето отправлялся на тинг и всегда гостил в Холе.

Однажды случилось так, что Гест после тинга заехал в Холь. Он рано утром отправился в путь, потому что ему предстояла длинная дорога. Он хотел к вечеру прибыть в Тюккваског (Чаща) к своему зятю Армоду. Тот был женат на Торунн, сестре Геста. Сыновьями их были Арнольв и Хальддор. Гест отправился в тот день верхом на восток из Саурбёра, доехал до горячего источника в Селингсдале и там немного отдохнул. Гудрун пришла к источнику и учтиво приветствовала своего родича Геста^[165]. Гест приветливо встретил ее, и они начали беседовать друг с другом. Оба были умны и красноречивы. И когда прошло некоторое время, Гудрун сказала:

– Я хотела бы, родич, чтобы ты приехал к нам сегодня вечером со всеми своими людьми. Такова также воля моего отца, хотя он и предоставил мне честь передать тебе это приглашение. Он просит также, чтобы ты каждый раз останавливался у нас, когда едешь на запад или с запада.

Гесту это понравилось, и он сказал, что это превосходное приглашение, но что ему нужно проехать столько, сколько он наметил.

Гудрун сказала:

– Много снов видела я за эту зиму, но особенно четыре сна обеспокоили меня, и не нашлось такого человека, который бы истолковал эти сны, как мне бы хотелось, хоть я и не требую, чтобы они были истолкованы только согласно моему желанию.

Тогда Гест сказал:

– Расскажи свои сны. Возможно, что мы как-нибудь в них разберемся.

Гудрун сказала:

– Мне представилось, будто я стою у ручья, и на голове у меня чепец с загнутым вперед верхом, и я подумала, что он не к лицу мне, и мне захотелось надеть на себя другой, но многие уговаривали меня, чтобы я этого не делала. Все же я не послушалась их и сорвала чепец с головы, и бросила его в ручей, – и на этом мой сон кончился.

И дальше Гудрун сказала:

– Вот так начался второй сон: мне показалось, что я стою у озера. Мне представилось, будто на руке у меня очутилось серебряное запястье, которое принадлежало мне и очень мне шло. Мне казалось, что это – драгоценное сокровище, и я надеялась, что долго буду им владеть. И только я успела это подумать, как запястье упало с моей руки в озеро, и я никогда его больше не видала. Эта утрата казалась мне много значительнее, чем могла бы для меня быть потеря какого-нибудь украшения. Затем я проснулась.

Гест сказал только:

– Этот сон не менее важен.

И Гудрун заговорила дальше:

– Мой третий сон был таков: мне представилось, будто у меня на руке золотое запястье, и оно принадлежит мне, и я думала, что моя утрата теперь возмещена. И мне пришло на ум, что это запястье будет меня радовать больше, чем первое. Но это украшение, как казалось, было мне не настолько дороже первого, насколько золото дороже серебра. Затем было так, как будто я упала и хотела опереться на руку, но золотое запястье ударилось о камень и распалось на два куска, и из этих кусков, как мне показалось, потекла кровь. У меня было скорее чувство печали, чем чувство утраты, и я подумала, что в запястье была трещина. И когда я после этого посмотрела на поломанные куски, мне показалось, что я вижу несколько трещин, и все же мне подумалось, что оно могло остаться цело и невредимо, если бы я больше его берегла. И на этом кончился мой сон.

Гест сказал:

– Этот сон не менее знаменателен, чем предыдущие.

И Гудрун сказала дальше:

– Вот мой четвертый сон: мне приснилось, что у меня на голове золотой шлем, украшенный драгоценными камнями. Мне представилось, что это сокровище принадлежит мне, но меня мучило то, что шлем был слишком тяжел, и я едва могла удержать его на голове и склонила голову, но я не винила его в этом и не помышляла расстаться с ним. И все же он упал с моей головы в Хваммсфьорд, и после этого я проснулась. И теперь я рассказала тебе все сны.

Гест отвечал:

– Мне ясно видно, что означают эти сны, но тебе может показаться, что я буду их истолковывать почти одинаково. У тебя будет четыре мужа, и я боюсь, что когда ты пойдешь за первого, это не будет брак по

любви. То, что тебе привиделся большой чепец на голове, который тебе был не к лицу, означает, что ты не очень будешь любить этого мужа. А то, что ты сняла этот чепец с головы и бросила в воду, означает, что ты уйдешь от него. Ведь это называется выбросить в воду, когда человек отдает свою собственность и ничего взамен не получает.

И дальше Гест сказал:

– И это был второй твой сон, когда тебе показалось, что у тебя на руке серебряное запястье. Это значит, что ты выйдешь замуж за другого человека, очень знатного. Его ты будешь сильно любить, но лишь недолго будешь радоваться ему. Я не удивлюсь, если он утонет. Больше я ничего не скажу про этот сон. И третий сон твой был, что тебе показалось, будто у тебя на руке золотое запястье. У тебя будет третий муж. Он тебе не будет дороже второго, точно так же как не ценнее показался тебе более редкий и ценный металл. И мне мнится, что в это время изменится вера^[166], и муж твой перейдет в эту веру, о которой мы знаем, что она более возвышенна. Если тебе показалось, что запястье распалось на куски, и отчасти по твоей вине, и ты увидела, как течет из этих кусков кровь, то это означает, что муж твой будет убит, и тогда ты сама увидишь, какие глубокие трещины были в вашей совместной жизни.

И дальше сказал Гест:

– Таков был твой четвертый сон, что тебе привиделся на голове золотой шлем, украшенный драгоценными камнями, который был слишком тяжел. Это означает, что у тебя будет четвертый муж. Это будет очень большой хёвдинг, и он будет держать тебя в страхе и подчинении. А то, что тебе показалось, будто он упал в Хваммсфьорд, означает, что с этим фьордом он познакомится в последний день своей жизни. Больше я про этот сон ничего не скажу.

Гудрун покраснела как кровь, пока истолковывались сны, но она не сказала ни слова, прежде чем Гест не перестал говорить.

Тогда Гудрун сказала:

– Ты мог бы предсказать мне что-нибудь получше, если бы мои слова дали тебе для этого возможность. Но благодарю тебя и за то, что мы истолковали эти сны. Однако тяжелое время меня ожидает, если это произойдет именно так.

Тут Гудрун снова попросила Геста, чтобы он этот день провел у них. Она сказала, что Освивр обменяется с ним не одним мудрым словом. Он отвечал:

– Мне нужно ехать дальше, как я уже сказал. Но ты должна передать своему отцу мой привет, и скажи ему эти мои слова: когда-нибудь случится так, что наши жилища, мое и Освивра, будут рядом, и нам будет удобно беседовать с ним, если только нам будет тогда дозволено говорить друг с другом.

После этого Гудрун отправилась домой, а Гест поскакал дальше и встретил у ограды луга человека со двора Олава. Тот пригласил Геста

по поручению Олава в Хьярдархольт. Гест отвечал, что он днем навестит Олава, а ночевать будет в Тюккваскоге. Работник тотчас же вернулся домой и сказал Олаву, что он услышал от Геста. Олав велел привести лошадей и вместе с несколькими людьми поехал встречать Геста. Они встретились с Гестом около реки Льи. Олав дружелюбно приветствовал его и пригласил к себе со всеми его людьми. Гест поблагодарил за приглашение и сказал, что он охотно поедет на его двор и осмотрит его хозяйство, а переночевать должен у Армода. Гест оставался там недолго и осмотрел весь двор, и все похвалил. Он сказал, что для этого хозяйства не пожалели расходов. Олав провожал его до реки Лаксы.

Названные братья в этот день плавали. Сыновья Олава были жожаками в этом развлечении. Много юношей с других дворов принимали участие в плавании. Кьяртан и Болли вышли из воды как раз тогда, когда Гест со своими людьми приблизился к реке, и они были почти совсем одеты, когда к ним подъехали Гест и Олав. Гест некоторое время смотрел на этих юношей и сказал Олаву, кто из них Кьяртан и кто Болли, а затем Гест острием копья указал на каждого из сыновей Олава и назвал всех, кто здесь был. Но здесь было еще много очень видных юношей, которые тоже вышли из воды и сидели на берегу рядом с Кьяртаном. О них Гест сказал, что у них он не находит сходства с родом Олава. Тут Олав сказал:

- Поистине нельзя достаточно надивиться твоей мудрости, Гест, раз ты распознаешь людей, которых прежде никогда не видел, и поэтому я хочу теперь, чтобы ты сказал мне, кто из этих молодых мужей будет самым выдающимся.

Гест отвечал:

- Все произойдет согласно твоему желанию: Кьяртан будет прославлен более других, пока он жив.

После этого Гест пришпорил свою лошадь и ускакал.

Через некоторое время к нему подъехал Торд Короткий, его сын, и спросил:

- Что это означает, отец мой, что слезы текут у тебя из глаз?

Гест отвечал:

- Бесполезно говорить, но я не умолчу о том, чему ты будешь свидетелем в свое время. Для меня не явится неожиданностью, если у ног Болли будет лежать поверженный им Кьяртан и если и его из-за этого постигнет смерть. Но больно знать это о таких выдающихся людях.

После этого они поскакали на тинг, и на тинге все было спокойно.

Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Халльдора, годи из Гарпсдаля (Долина Буяна). Он жил в Гарпсдале на Гильсфьорде (Фьорд Гильса). Это был богатый человек, но не особенно храбрый. Он посватался к Гудрун, дочери Освивра, во время альтинга, когда ей минуло пятнадцать лет. Это предложение не было отклонено, но все же Освивр сказал, что из брачных условий будет видно, что он неровня Гудрун. Торвальд отвечал, не упрямясь, что он сватается к женщине, а не к деньгам.

Тогда Гудрун была помолвлена с Торвальдом, и Освивр назначил условия брака, и было решено, что Гудрун сама будет управлять их имуществом, когда их подведут к одной постели, и половина имущества станет ее собственностью, будет ли их совместная жизнь долгой или короткой. Он должен будет также покупать для нее украшения, так что ни у одной из женщин, равных ей по богатству, не должно быть лучших украшений. Однако он не должен был из-за этого разорять свой двор. Затем люди поехали домой с тинга.

Никто не спросил Гудрун об этом деле, а она не скрывала своего недовольства. Тем не менее все оставалось спокойно. Свадьба была сыграна в конце лета в Гарпсдале. Гудрун не любила Торвальда, и к тому же украшения покупались ей неохотно. Не было таких драгоценных украшений на западных фьордах, которые Гудрун не считала бы необходимым приобрести, и, как бы дорого они не стоили, она проявляла свою враждебность к Торвальду, если он их не покупал.

Торд, сын Ингунн, близко сошелся с Торвальдом и Гудрун и часто у них бывал, и стали поговаривать, что между Тордом и Гудрун есть любовная связь.

Случилось однажды, что Гудрун попросила Торвальда купить ей украшения. Торвальд ответил, что она не знает меры, и ударил ее по щеке. Тогда Гудрун сказала:

– Теперь ты мне дал то, чем мы, женщины, считаем очень важным обладать, а именно – хороший цвет лица, и ты научил меня больше не досаждать тебе просьбами.

В тот самый вечер Торд пришел к ним. Гудрун рассказала ему об оскорблении, которое ей нанесли, и спросила его, как за него отплатить. Торд улыбнулся и сказал:

– У меня есть хороший совет. Сделай ему рубашку с таким вырезом, которого достаточно для развода^[167], и объяви, что вы разведены по этой причине.

Гудрун ничего не ответила на это, и они прекратили разговор.

Этой же весной Гудрун объявила, что она разводится с Торвальдом, и вернулась в Лаугар. После этого разделили имущество Торвальда и Гудрун, и она получила половину всего, и была теперь богаче, чем раньше. Они прожили вместе две зимы.

Той же весной Ингунн продала свой двор на Кроксфьорде (Фьорд Крючка) – этот двор с тех пор называется Двором Ингунн – и

отправилась на запад, на Скальмарнес (Мыс Скальм). Она была замужем за Глумом, сыном Гейри, как уже было написано.

В это же время на Халльстейнснесе (Мыс Халльстейна) к западу от Торскафьорда (Тресковый Фьорд) жил Годи Халльстейн^[168]. Это был могущественный человек, но его не особенно любили.

XXXV

Жил человек по имени Коткель. Он недавно приехал в Исландию. Жену его звали Грима. Их сыновья были Халльбьёрн Дырка в Точильном Камне и Стиганди. Эти люди происходили с Гебридских островов. Все они были весьма сведущи в колдовстве и искусны в чародействе. Годи Халльстейн взял их под свое покровительство и поселил их в Урдире (Осыпь) на Скальмарфьорде (Фьорд Скальм), но их пребывание там вызвало недовольство.

Этим летом Гест поехал на тинг и морем отправился в Саурбёр, как он обычно делал. Он переночевал в Холе, в Саурбёре. Там ему предоставили коней, как обычно. Торд, сын Ингунн, поехал вместе с Гестом и явился в Лаугар, в Селингсдале. Гудрун, дочь Освивра, поехала на тинг, и Торд, сын Ингунн, ее сопровождал. Однажды, когда они ехали верхом через Бласкогахейд (Пустошь Синих Лесов), – а была хорошая погода, – Гудрун сказала:

– Правда ли, Торд, что Ауд, твоя жена, ходит в штанах, застегнутых сзади^[169], и с обмотками, спускающимися до сапожек?

Он отвечал, что этого не заметил.

– Очевидно, это не имеет большого значения, – сказала Гудрун, – раз ты этого не заметил, но почему же ее называют Ауд Штаны?

Торд сказал:

– Я полагаю, что она еще совсем недавно так зовется.

Гудрун отвечала:

– Для нее важно, что отныне ее долго будут называть этим именем.

Затем люди собрались на тинг, и ничего особенного не произошло. Торд подолгу оставался в палатке Геста и постоянно разговаривал с Гудрун. Однажды Торд, сын Ингунн, спросил Гудрун, чего заслуживает женщина, если она всегда ходит в штанах, как мужчины.

Гудрун отвечала:

– Такую женщину постигает такая же кара, как мужчину, который носит рубашку с таким большим вырезом, что видны соски, – и то и другое – основание для развода.

Тут Торд сказал:

– Дай мне совет, следует ли мне объявить о своем разводе с Ауд здесь на тинге или у себя в округе, где я смогу сделать это с одобрения других, поскольку те, кто почувствует себя обиженным, если я так сделаю, – люди гордые.

Гудрун отвечала, немного помолчав:

– Только боязливый ожидает вечера.

Тут Торд вскочил, и пошел к Скале Закона, и назвал свидетелей в том, что он объявляет о своем разводе с Ауд, и указал в качестве причины, что она носит штаны, застегнутые сзади, как у мужчины. Братьям Ауд это не понравилось, но все оставалось спокойно. Торд уехал с тинга вместе с сыновьями Освивра. Но когда Ауд услышала об этом известии, она сказала:

Весть пришла, я знаю:

Он меня покинул.

После этого Торд с одиннадцатью людьми отправился для раздела имущества на запад, в Саурбёр, и все прошло гладко, поскольку Торд мало заботился о том, как происходит дележ. Торд пригнал много домашнего скота с запада в Лаугар. После этого он посватался к Гудрун. Освивр быстро согласился на его предложение, и Гудрун не противилась ему. Свадьбу должны были сыграть в Лаугаре за десять недель до конца лета. Празднество было очень пышным. Совместная жизнь Торда и Гурдун была счастливой. Торкель Щенок и Кнут потому не возбуждали иска против Торда, сына Ингунн, что не находили достаточной поддержки для этого.

Следующим летом люди из Холя выгнали скот на пастбище в Хваммсдале. Ауд была на выгоне. Люди из Лаугара выгнали скот на пастбище в Ламбадалс (Долина Ламби), которое простирается к западу от Селингсдаля, в горах. Ауд спросила человека, который пас стада, как часто он встречает пастуха из Лаугара. Тот сказал, что это бывает каждый день, чего и следовало ожидать, потому что между выгонами был только небольшой кряж. Тогда Ауд сказала:

– Ты должен встретиться сегодня с пастухом из Лаугара, а потом расскажешь мне, кто из людей остался дома, а кто на выгоне. Но только говори о Торде дружелюбно, как это и подобает.

Пастух сказал, что сделает так, как она велела. И вечером, когда он вернулся домой, Ауд спросила его, что нового. Пастух отвечал:

– Я узнал одну новость, которая тебе покажется хорошей: постели Торда и Гурдун теперь далеко друг от друга, потому что она на выгоне, а он занят постройкой нового дома, и с ним в доме остался только Освивр.

– Ты все хорошо разузнал, – сказала она, – теперь оседлай двух коней, когда люди уснут.

Пастух сделал так, как она велела.

Незадолго до захода солнца Ауд села верхом, и на этот раз она действительно была в штанах. Пастух скакал на другом коне и с трудом поспевал за ней, так она гнала своего коня. Она скакала к югу через Селингсдальхейд, не делая остановок до тех пор, пока не достигла изгороди вокруг двора Лаугар. Тут она спешила и велела пастуху поддержать лошадей, пока она войдет в дом. Ауд подошла к дверям.

Они были раскрыты. Она вошла в главный дом и подошла к каморке, где Торд лежал и спал.

Дверь была закрыта, но не заперта. Она вошла в каморку, а Торд спал, лежа на спине. Тут Ауд разбудила Торда, и он повернулся на бок, когда увидел, что пришел какой-то человек. Она выхватила меч и ударила Торда, и нанесла ему сильную рану. Она ранила ему правую руку и оба соска. Она нанесла удар с такой силой, что меч вонзился в нары. После этого Ауд вышла, подошла к своему коню, села верхом и поскакала домой.

Торд хотел вскочить, когда ему была нанесена рана, но не мог этого сделать, потому что ослабел от потери крови. Между тем проснулся Освивр и спросил, что случилось, и Торд сказал, что он ранен. Освивр спросил, знает ли он, кто на него напал, и встал и перевязал его раны. Торд отвечал, что, как он полагает, это сделала Ауд. Освивр предложил поскакать за ней и сказал, что она, вероятно, приезжала с немногими людьми и что она вполне заслужила наказание. Торд отвечал, что этого ни в коем случае не надо делать и что она поступила так, как должна была поступить.

Ауд вернулась домой с восходом солнца, и братья спросили ее, где она была. Ауд отвечала, что была в Лаугаре, и рассказала им, что произошло во время ее поездки. Они обрадовались и сказали, что слишком мало было сделано. Торд долго пролежал из-за своих ран. Раны на груди зажили хорошо, но своей рукой он владел хуже, чем раньше. В течение зимы все было тихо.

Но следующей весной приехала Ингунн, мать Торда, с запада, из Скальмарнеса. Он хорошо ее принял. Она сказала, что Торд должен взять ее под свое покровительство, и рассказала, что Коткель и его жена и сыновья наносят ей большой ущерб своими грабежами и колдовством и что годи Халльстейн всегда служил им крепкой защитой. Торд тотчас же ответил на эти слова согласием и сказал, что привлечет этих воров к суду, даже если Халльстейн будет против него. Он тотчас же снарядился в путь с девятью людьми. Ингунн также поехала на запад вместе с ними. В Тьялданесе (Щитовой Мыс) он раздобыл себе корабль. Затем они пошли под парусами на запад, к Скальмарнесу. Торд велел перенести на корабль все движимое имущество, которое было у его матери, скот же должны были перегнать сушей. Их было на корабле всего двенадцать человек. Там была Ингунн и еще одна женщина.

Торд явился на двор к Коткелю с девятью людьми. Сыновей Коткеля не было дома. Тогда он вызвал Коткеля и Грима, а также их сыновей, на суд по обвинению в воровстве и колдовстве и потребовал объявления их вне закона. Он вызвал их на альтинг и после этого вернулся на корабль. Халльбьёрн и Стиганди явились домой, когда Торд уже отчалил от берега, но не успел далеко уйти. Коткель рассказал своим сыновьям, что произошло. Братья были вне себя и сказали, что никогда

еще никто не наносил им удара так открыто и с такой враждебностью. После этого Коткель велел соорудить большой помост для колдовства. Все они поднялись на него. Тут они запели зловредные песнопения. Это были волшебные заклинания. Сразу же после этого разразилась сильная гроза.

Это заметил Торд, сын Ингунн, а также его спутники, которые плыли по морю, потому что непогода была направлена против них. Корабль понесло на запад, к Скальмарнесу. Торд выказал большое присутствие духа и искусство в вождении корабля. Люди на берегу увидели, что он выбросил за борт все, что утяжеляло корабль, кроме людей. Люди, которые были на берегу, надеялись, что Торд достигнет берега, так как он уже миновал те места, где было больше всего подводных камней. Тогда около берега забурлила вода над подводным камнем, которого на памяти людей никто не видел, и корабль ударился так, что киль сразу же повернулся кверху. Тут Торд утонул, и вместе с ним все его спутники, а корабль разбился в щепы, и киль отнесло к острову, который с тех пор называется Кьяларей (Килевой Остров). Щит Торда отнесло к островку, который называется Скьяльдарей (Щитовой Остров). Тела Торда и его спутников волны выбросили на берег. Над их телами был насыпан курган, и это место с тех пор называется Хаугснес (Курганный Мыс).

XXXVI

Весть об этом распространилась далеко и вызвала большое возмущение. Люди считали достойными смерти тех, кто, как Коткель и его семья, пускали в ход такое колдовство. Гудрун тогда была беременна и скоро должна была родить. Гудрун родила мальчика. Он был окроплен водой и назван Торд.

В это время в Хельгафелле (Священная Гора) жил Снорри Годи. Он был родичем Освивра и его другом. Гудрун и ее родичи имели в нем могучую опору. Снорри Годи приехал к Освивру в гости. Тогда Гудрун пожаловалась на свое трудное положение, и он обещал ей свою помощь, если сочтет это нужным, и предложил ей в утешение воспитать ее ребенка. Гудрун согласилась на это и сказала, что будет следовать его советам. Этого Торда прозвали Кот. Он был отцом скальда Стува. Тогда Гест, сын Оддлейва, отправился к годи Хальштейну и велел ему выбрать одно из двух: либо он прогонит этих колдунов, либо, сказал он, они будут убиты, – и это следовало сделать раньше. Хальштейн быстро сделал выбор и велел им уехать и не останавливаться прежде, чем они минуют Далахейд (Долинная Пустошь), и сказал, что было бы лучше, если бы они были убиты.

Тогда Коткель со своими родичами уехал, и было у них скота всего-навсего четыре племенные лошади. Жеребец был черный. Он был

большой и красивый, и испытанный в конских боях^[170]. Об их поездке сообщается только, что они явились в Камбснес к Торлейку, сыну Хёскульда. Тот стал торговать у них лошадьей, так как видел, что это ценные животные. Коткель отвечал:

– Я хочу тебе кое-что предложить. Возьми лошадей и предоставь мне какое-нибудь жилище, где-нибудь здесь, поблизости от тебя.

Торлейк сказал:

– Тогда лошади обошлись бы мне очень дорого, потому что, как я слышал, здесь, в этой местности, вам следует ждать значительных неприятностей.

Коткель спросил:

– Это ты имеешь в виду людей из Лаугара?

Торлейк сказал, что это так. Тогда Коткель сказал:

– С этой тяжбой Гудрун и ее братьев против нас дело обстоит несколько иначе, чем тебе рассказывали. Нас осыпают бранью без какой-либо причины. Возьми лошадей, не обращая внимания на это. Судя по тому, что о тебе говорят, здешние люди не посягнут на нас, если мы можем рассчитывать на твою поддержку.

Торлейк поразмыслил, и лошади показались ему превосходными, а Коткель ловко вел дело. И Торлейк взял лошадей. Он дал Коткелю Лейдольвсстадир (Двор Лейдольва) в Лососьей Долине. Он также помог ему скотом. Тут люди из Лаугара услышали об этом, и сыновья Освивра сразу решили напасть на Коткеля и его сыновей. Освивр сказал:

– Последуем советам Снорри Годи и предоставим это дело другим, потому что пройдет совсем немного времени, и у соседей Коткеля возникнут с ним новые раздоры, и хуже всего будет, как он того и заслуживает, самому Торлейку. Скоро у него появится много врагов и среди тех, которые прежде его уважали. Однако я не буду вас удерживать от того, чтобы причинить Коткелю и его людям столько зла, сколько вам будет по нраву, если не найдутся другие люди, которые выгонят их из нашей местности или вообще лишат их жизни, после того как пройдет три зимы.

Гудрун и ее братья сказали, что так и будет.

Коткель и его люди не очень-то много работали для своего пропитания, но к зиме им не нужно было покупать ни сена, ни съестных припасов. Всем было неприятно, что они здесь поселились. Но никто не решался задевать их из страха перед Торлейком.

XXXVII

Однажды летом во время тинга, когда Торлейк сидел в своей палатке, к нему вошел человек высокого роста. Он приветствовал Торлейка, и тот ответил на его привет и спросил, как его зовут и откуда он. Тот отвечал, что зовут его Эльдгрим и что живет он около

Боргарфьорда во Дворе Эльдгрима. Этот двор расположен в долине, которая вклинивается с востока в горы между Мули (Круча) и Грисартунгой (Междуречье Гриса). Она теперь называется Долиной Грима. Торлейк сказал:

– Я слышал о тебе, что ты не последний человек.

Эльдgrim сказал:

– Я пришел к тебе потому, что хочу купить у тебя твоих племенных лошадей, которых Коткель дал тебе прошлым летом.

Торлейк отвечал:

– Эти лошади не продаются.

Эльдgrim сказал:

– Я дам за них столько же коней и еще кое-что в придачу, и многие скажут, что я предложил тебе двойную цену.

Торлейк сказал:

– Я не торговец лошадьми, так что этих лошадей ты не получишь никогда, хотя бы ты дал мне тройную цену.

Эльдgrim сказал:

– Поистине не лгут те люди, которые говорят, что ты горд и упрям. Я хотел бы, чтобы ты получил меньшую цену, чем та, что я тебе предложил, и все же должен был бы отдать коней.

Торлейк сильно покраснел при этих словах и сказал:

– Тебе придется, Эльдgrim, пойти еще дальше, если ты хочешь заставить меня отдать тебе лошадей.

Эльдgrim сказал:

– Тебе покажется неправдоподобным, чтобы я одержал верх над тобой, однако этим летом я приеду, чтобы посмотреть коней, кому бы из нас ни суждено было владеть ими в будущем.

Торлейк сказал:

– Приезжай, но только не угрожай мне перевесом своих сил.

После этого они прекратили разговор. Люди, которые слышали это, говорили, что ни один из них при этой беседе не остался в долгу. Затем люди отправились домой с тинга, и все было спокойно.

Однажды ранним утром один человек в Хрутсстадире у бонда Хрута, сына Херьольва, отлучился на некоторое время. И когда он вернулся, Хрут спросил его, нет ли чего-нибудь нового. Тот отвечал, что не может рассказать ни о каких новостях, но сказал, что видел человека, который верхом пробирался вброд туда, где находились кони Торлейка, и там этот человек спешил и что-то делал около лошадей. Хрут спросил, где пасутся лошади. Работник отвечал:

– Они снова выбрали неплохой луг, они паслись на твоих лугах недалеко от изгороди.

Хрут сказал:

– Это правда, что мой родич Торлейк, не стесняясь, выбирает пастбище, где ему нравится, и я не думаю, что коней прогонят по его приказанию.

После этого Хрут вскочил, в рубашке и полотняных штанах, и набросил на себя серый плащ, и взял в руки большую секиру с рукояткой, отделанной золотом, которую подарил ему конунг Харальд. Он вышел довольно быстро и увидел, что какой-то человек проехал верхом вместе с лошадьми около изгороди. Хрут вышел ему навстречу и увидел, что это Эльдгрим гнал коней. Хрут его приветствовал. Эльдгрим ответил на его приветствие, но не сразу. Хрут спросил, куда он гонит коней. Эльдгрим отвечал:

– Я не хочу от тебя ничего скрывать, хотя знаю о твоём родстве с Торлейком. Я угоняю коней, с тем чтобы никогда их ему не отдавать. Я выполнил также то, что обещал ему на тинге, – не явился за конями с большим числом людей.

Хрут сказал:

– Нет большой храбрости в том, чтобы забрать лошадей, пока Торлейк лежит в своей постели и спит. Ты лучше выполнишь то, что вы с ним вместе порешили, если встретишься с ним, прежде чем уехать отсюда с конями.

Эльдгрим сказал:

– Дай знать Торлейку, если хочешь, так как ты видишь, что я к этому готов и что мне будет приятно встретиться с ним.

И при этом он взмахнул крючковатым копьём, которое держал в руках. У него был также шлем на голове, за поясом – меч и на боку – щит. Он был в кольчуге.

Хрут сказал:

– Я лучше попытаюсь сделать что-либо другое, чем ехать в Камбснес, потому что я тяжёл на подъём. Но я не позволю ограбить Торлейка, если смогу этому помешать, хотя наше родство для меня не слишком много значит.

Эльдгрим сказал:

– Не думаешь ли ты отнять у меня коней?

Хрут отвечал:

– Я дам тебе других племенных коней, если ты отпустишь этих, хотя возможно, что мои окажутся не такими хорошими, как эти.

Эльдгрим сказал:

– Ты красно говоришь, Хрут, но раз уж я наложил руку на коней Торлейка, ты их у меня не отнимешь ни подкупом, ни угрозой.

Тут Хрут отвечал:

– Я думаю, что ты избираешь для нас обоих такой путь, который окажется самым опасным.

Эльдгрим хотел на этом кончить и погнал коня. Однако, когда Хрут это увидел, он взмахнул секирой и ударил Эльдгрима между лопаток, так что кольчуга лопнула и секира рассекла спину и грудь. Эльдгрим упал мертвый с коня, как и следовало ожидать. Затем Хрут прикрыл его тело^[171]. Это место к югу от Камбснеса называется Эльдгримсхолт (Холм Эльдгрима).

После этого Хрут поехал вниз, в Камбснесе, и рассказал Торлейку, что произошло. Того охватил гнев, и он решил, что это событие означает для него большой позор, хотя Хрут думал оказать ему дружескую помощь. Торлейк сказал, что с ним поступили плохо и что ничего хорошего нельзя ожидать от него в ответ. Хрут сказал, чтобы он делал как знает. Они расстались недружелюбно. Хруту было восемьдесят лет, когда он убил Эльдгрима, и этот поступок придал ему величия. Торлейку не казалось, что заслуги Хрута возрастают, если его поступок превозносится всеми. Он был уверен, что сам бы победил Эльдгрима, если бы они друг с другом померились силами, потому что Эльдгриму не было суждено большой удачи.

И Торлейк отправился к Коткелю и Гриму, которых он поселил на своей земле, и попросил их сделать что-нибудь такое, что навлекло бы позор на Хрута. Они охотно дали согласие и сказали, что они совершенно готовы к этому. Затем Торлейк возвратился домой.

Вскоре после этого они отправились в путь, Коткель, Грима и их сыновья. Это было ночью. Они приехали ко двору Хрута и приступили там к великому колдовству. И когда понеслись колдовские звуки, то люди, которые находились в доме, не могли понять, что это означает. Но пение их дивно было слушать. Один только Хрут знал, что это за звуки, и запретил людям выглядывать из дома этой ночью.

– Пусть каждый бодрствует, – сказал он, – сколько сможет, тогда нам не будет вреда, если это будет продолжаться.

Но все же они уснули. Хрут дольше всех не спал, но и он в конце концов уснул. Одного из сыновей Хрута звали Кари, ему тогда было двенадцать лет, и он был лучшим из сыновей Хрута. Хрут очень его любил. Кари почти совсем не спал, потому что колдовство было направлено против него. Он не находил себе покоя. Он вскочил и выглянул. Он пошел к тому месту, где происходило колдовство, и тут же упал мертвым. Хрут утром проснулся со своими людьми и не доискался своего сына. Его нашли недалеко от дверей. Хрут счел это величайшей утратой и велел насыпать курган над телом Кари.

Затем он поехал к Олаву, сыну Хёскульда, сообщил ему, что случилось, и рассказал, как все это было. Олав был вне себя от гнева, услышав, что случилось, и сказал, что было величайшим безрассудством разрешить таким скверным людям, как Коткель и его родичи, селиться рядом с ними. Он сказал, что Торлейк плохо поступил по отношению к Хруту, но что произошли еще более серьезные дела, чем он хотел. Олав сказал, что они сейчас же убьют Коткеля, его жену и сыновей.

– И это уже давно нужно было сделать, – добавил он.

Олав и Хрут выехали с пятнадцатью людьми. И когда Коткель и его домочадцы увидели, что приближаются всадники, они бежали в горы. Тут поймали Халльбьёрна Дырку в Точильном Камне и на голову ему накинули мешок^[172].

Сразу же были выделены люди, чтобы сторожить его, а другие отправились преследовать Коткеля, Гриму и Стиганди в горах. Коткеля и Гриму настигли на горном кряже между Хаукадалем (Ястребиная Долина) и Лососьей Долиной. Там их убили камнями^[173], и над ними насыпали груды камней, остатки которой еще можно видеть, и место это называется Скраттаварди (Колдовские Камни). Стиганди бежал с горного кряжа вниз к югу, в Хаукадаль, и там они его потеряли из виду.

Хрут и его сыновья повели Халльбьёрна с собой на берег. Они спустили на воду лодку и вместе с ним отплыли от берега. Затем они сняли с его головы мешок и привязали ему камень на шею. Тут Халльбьёрн посмотрел на берег, и его взгляд не обещал ничего хорошего. Халльбьёрн сказал:

– Плохой это был для нас день, когда наша семья явилась в Камбснес и встретилась с Торлейком. Пусть, – сказал он, – у Торлейка с этих пор не будет ни одного радостного дня, и всех, кто поселится в его жилье, должно постигнуть несчастье.

Это проклятье, по-видимому, подействовало.

Они утопили его и поплыли к берегу.

Вскоре после этого Хрут явился к своему родичу Олаву и сказал ему, что он не хочет оставить так дело с Торлейком, и попросил у него людей, чтобы напасть на Торлейка. Олав отвечает:

– Не годится, чтобы вы, родичи, поднимали руку друг на друга. Для Торлейка все это сложилось неудачно. Мы попытаемся лучше вас помирить. Ведь уже был случай, когда ты долго и с честью выжидал, пока не было восстановлено твое право.

Хрут говорит:

– Здесь этого не случится. Наша вражда никогда не уляжется. И я бы хотел, чтобы мы оба не жили больше в Лососьей Долине рядом.

Олав отвечает:

– Тебе не принесет пользы, если ты ополчишься на Торлейка в большей мере, чем я позволю. Если ты это сделаешь, то очень похоже, что за долиной последует холм, а за малым большее.

Хрут понял, что тут его ожидает сильное сопротивление. Он отправился домой и был очень недоволен, но с виду все было тихо. И люди этот год жили спокойно.

XXXVIII

А теперь нужно рассказать о Стиганди. Он стал разбойником, и с ним плохо было иметь дело. Жил человек по имени Торд. Его двор назывался Хундадаль (Долина Хунди). Он был богатым человеком, но не очень знатным. Однажды летом в Хундадале заметили, что скот дает мало молока. За скотом там смотрела одна женщина. Тут обнаружилось, что у нее появились драгоценности и что она подолгу

отсутствовала, так что никто не знал, где она была. Торд заставил ее сознаться, и когда ей пригрозили, она сказала, что ее посещает какой-то человек.

– Он высок ростом, – сказала она, – и кажется мне красивым.

Тут Торд спросил, скоро ли этот человек снова посетит ее. Она отвечала, что, как ей кажется, это будет скоро. После этого Торд отправился к Олаву и сказал ему, что Стиганди где-то близко, и просил его явиться со своими людьми и схватить его. Олав сразу же дал согласие и поехал в Хундадаль. Служанку призвали к ответу. Олав спросил ее, где жилище Стиганди. Она сказала, что не знает этого. Олав обещал ей заплатить, если она выдаст им Стиганди. Эта сделка состоялась.

В тот же день она отправилась к своему стаду. Туда явился Стиганди, чтобы увидеться с ней. Она встретила его приветливо и предложила поискать у него в голове. Он положил свою голову к ней на колени и вскоре уснул. Тогда она высвободилась из-под его головы и отправилась к Олаву, и сказала ему, что произошло. Они отправились к Стиганди и договорились между собой, что с ним не будет так, как с его братом, что он не должен увидеть столько, чтобы успеть навести порчу своим глазом. Они взяли мешок и набросили ему на голову. Стиганди при этом проснулся и сначала не пытался сопротивляться, потому что их было много против одного. Но в мешке была дырка, и Стиганди удалось бросить взгляд на склон горы. Тут была тучная земля, и росла густая трава. Но сделалось так, как будто налетел вихрь. Земля была взрыта, так что никогда с тех пор здесь не росла трава. Это место с тех пор называется Бренна (Пожар). Затем они убили Стиганди камнями и набросали над ним кучу камней. Олав хорошо заплатил служанке и дал ей свободу, и она вернулась вместе с ним в Хьярдархольт.

Прилив выбросил на берег тело Халльбьёрна Дырки в Точильном Камне вскоре после того, как его утопили. Его погребли под грудой камней на месте, которое называется Кнаррарнес (Корабельный Мыс). Он потом часто являлся.

Рассказывают об одном человеке, которого звали Торкель Лысый. Он жил в Тюккваскоге на отцовских землях. Он был человек бесстрашный и очень сильный. Однажды вечером в Тюккваскоге потерялась корова, Торкель вышел ее поискать, а с ним вместе его работник. Это было после захода солнца, и светила луна. Торкель сказал, что они должны искать в разных направлениях, и когда Торкель остался один, ему показалось, что он видит на прогалине корову, но когда он к ней подошел, то это был Дырка в Точильном Камне, а не корова. Они схватились со страшной силой. Халльбьёрн попытался освободиться, и не успел Торкель оглянуться, как тот выскользнул у него из рук и ушел в землю. После этого Торкель вернулся домой.

Работник уже был дома, он нашел корову. С тех пор от Халльбьёрна не было никакого вреда.

Торбьёрн Хилый к тому времени уже умер, а также Мелькорка. Они оба лежат под камнем в Лососьей Долине, а двор их унаследовал их сын Ламби. Он был очень воинственный человек и владел большим богатством. Ламби был у людей в большем почете, чем его отец, из-за родичей со стороны матери. С Олавом он хорошо ладил.

Прошла еще одна зима после смерти Коткеля. Весною встретились братья Олав и Торлейк. Олав спросил, собирается ли Торлейк сохранить свой двор. Торлейк сказал, что это так. Олав сказал:

– Я хотел просить вас, брат мой, чтобы вы оставили здесь ваше хозяйство и уехали отсюда. Куда бы ты ни явился, тебя будут считать знатным человеком, а я подозреваю, что наш дядя Хрут после того, что случилось, стал твоим врагом. Я не хотел бы, чтобы впредь вы жили так близко друг от друга. Хрут могуществен, а сыновья его все люди гордые и воинственные. Я попаду в трудное положение, если вы начнете враждовать, поскольку вы оба мои родичи.

Торлейк сказал:

– Я не боюсь, что мне не удастся устоять против Хрута и его сыновей, и я не собирался из-за них покидать свою землю. Но если для тебя, родич, это так много значит и ты боишься оказаться в очень трудном положении, то я поступлю согласно твоему желанию, тем более что мне жилось лучше всего тогда, когда я был на чужбине. Я знаю также, что ты будешь не менее добр к моему сыну Болли, если меня не будет больше поблизости, а его я люблю больше всех.

Олав отвечал:

– Ты поступишь хорошо, если исполнишь мою просьбу. Что до Болли, то я думаю в будущем относиться к нему, как до сих пор, и обращаться с ним, как если бы он был моим сыном.

После этого оба брата расстались очень дружелюбно. Торлейк продал свои земли и запаса деньги для поездки за море. Он купил корабль, который стоял в Дёгурдарнесе. И когда он был снабжен всем необходимым, он отправился на корабль со своей женой и своими домочадцами. Их путешествие было удачно, и они осенью прибыли в Норвегию. Отсюда он отправился на юг, в Данию, так как в Норвегии ему не понравилось. Его родичи и друзья умерли, а некоторые были изгнаны из страны. Затем Торлейк отправился в Гаутланд. Рассказывают, что Торлейк не дожил до глубокой старости, но был в большом почете, пока жил. И на этом заканчивается сага о Торлейке.

XXXIX

Много говорилось в долинах Брейдафьорда о том, что произошло между Хрутом и Торлейком и как Хрут тяжело пострадал от Коткеля и

его сыновей. Тут Освивр обратился к Гудрун и к ее братьям и просил их поразмыслить, хорошо ли получилось бы, если бы они сами связались с такими дьявольскими людьми, какими были Коткель и его близкие. Гудрун сказала:

– Не останется без доброго совета тот, кто может обратиться за советом к тебе, отец.

Олав жил в это время на своих землях и был в большом почете, и все его сыновья были дома, а также Болли, их родич и названный брат. Кьяртан был первым среди сыновей Олава. Кьяртан и Болли любили друг друга больше всех. Болли всюду сопровождал Кьяртана. Кьяртан часто ездил к горячему источнику в Селингсдале. Обычно случалось так, что и Гудрун бывала у источника. Кьяртану нравилось говорить с Гудрун, потому что она была умна и красноречива. Такова была общая молва, что Кьяртан и Гудрун подходили друг к другу больше, чем кто-либо другой из молодежи в то время. Большая дружба была также между Олавом и Освивром, и они часто приглашали друг друга в гости, и все это ничуть не умалялось тем, что молодые люди любили друг друга.

Однажды Олав повел речь с Кьяртаном.

– Не знаю почему, – сказал он, – но сердце мое сжимается всякий раз, когда ты едешь в Лаугар и беседуешь с Гудрун. И это не потому, что я не ставлю Гудрун выше всех других женщин, и не потому, что она не кажется мне единственной, которая полностью подходила бы тебе. Но у меня такое предчувствие, – однако я не хочу, чтобы это было прорицанием, – что наши родичи и люди из Лаугара не вечно будут связаны дружбой.

Кьяртан отвечал, что не хочет поступать против воли своего отца, насколько это зависит от него, но надеется, что все закончится лучше, чем полагает отец. Кьяртан посещал Гудрун, как прежде. Болли был всегда с ним. Так прошел год.

XL

Жил человек по имени Асгейр, а прозвище его было Отчаянная Голова. Его двор назывался Асгейрса (Река Асгейра). Он был в Видидале. Асгейр был сыном Аудуна Оглобли, который первым из людей своего рода приехал в Исландию. Он занял долину Видидаля. Второго сына Аудуна звали Торгрим Седая Голова. Он был отцом Асмунда, отца Греттира^[174]. У Асгейра Отчаянной Головы было пятеро детей. Одного сына звали Аудун. Он был отцом Асгейра, отца Аудуна, отца Эгиля, который был женат на Ульвейд, дочери Эйольва Хромого. Их сын был Эйольв, который был убит на альтинге. Другого сына Асгейра звали Торвальд. Дочь его была Далла. Она была женой епископа Ислейва^[175].

Их сын был епископ Гицур. Третьего сына Асгейра звали Кальв. Все сыновья Асгейра были способными людьми. Кальв, сын Асгейра, был в то время в странствиях, и его считали достойным человеком. Дочь Асгейра звалась Турид. Она была замужем за Торкелем Кугги, сыном Торда Ревуна. Их сына звали Торстейн. Вторая дочь Асгейра звалась Хревна. Она была самой красивой девушкой на севере страны, и ее все почитали. Асгейр был влиятельным человеком.

Однажды, как рассказывают, Кьяртан, сын Олава, отправился на юг, в Боргарфьорд. О его путешествии ничего не сообщается, пока он не прибыл в Борг. Там жил тогда Торстейн, сын Эгиля, его дядя по матери. Болли тоже был вместе с ним, потому что так велика была любовь между названными братьями, что они не могли жить врозь. Торстейн принял Кьяртана очень дружелюбно и сказал, что будет благодарен ему, если он останется у него как можно дольше. Кьяртан оставался в Бorge некоторое время.

Этим летом в устье Гувы (Паровая Река) стоял корабль. Этот корабль принадлежал Кальву, сыну Асгейра. Он гостил всю зиму у Торстейна, сына Эгиля. Кьяртан тайно сказал Торстейну, что свое путешествие на юг он предпринял главным образом для того, чтобы купить половину корабля Кальва.

– Мне хотелось бы побывать за морем, – сказал он. И он спросил Торстейна, что тот думает о Кальве.

Торстейн ответил, что Кальв, как он думает, достойный человек.

– Легко понять, родич, – сказал Торстейн, – что тебе захотелось узнать чужие нравы и обычаи. Твое путешествие будет во всех отношениях примечательным. Для твоих родичей многое зависит от того, каким будет твоё путешествие.

Кьяртан сказал, что оно, вероятно, пройдет благополучно. После этого Кьяртан купил половину корабля у Кальва, и они договорились делить все добро пополам. Кьяртан должен был явиться на корабль через десять недель после начала лета. Кьяртан уехал из Борга с подарками. Он и Болли поехали затем домой. Но когда Олав узнал о новом намерении Кьяртана, то ему подумалось, что Кьяртан слишком быстро решился на поездку за море. Однако он сказал, что не хочет ему противиться. Через некоторое время Кьяртан поехал в Лаугар и рассказал Гудрун о своей поездке. Гудрун сказала:

– Быстро ты на это решился, Кьяртан.

Она добавила к этому еще несколько слов, из которых Кьяртан мог заключить, что Гудрун не очень-то была довольна этим.

Кьяртан сказал:

– Не досадуй, я сделаю и то, что тебе будет по душе.

Гудрун сказала:

– Так сдержи слово, потому что я сейчас скажу, чего я хочу.

Кьяртан попросил ее сделать это.

Гудрун сказала:

– Тогда позволь мне поехать с тобой этим летом, и ты загладишь передо мной свою вину за слишком быстрое решение, потому что я не люблю Исландию.

– Это невозможно, – сказал Кьяртан, – твои братья еще малы, а твой отец стар, и они лишились бы всякой помощи, если бы ты уехала из Исландии, но ты жди меня три года.

Гудрун сказала, что этого она обещать не может, и каждый остался при своем, и с тем они расстались. Кьяртан уехал домой.

Летом Олав поехал на тинг. Кьяртан вместе со своим отцом поехал из Хьярдархолта на юг, и они расстались в Нордрардале (Долина Северной Реки). Оттуда Кьяртан направился к своему кораблю, и его родич Болли поехал с ним. Всего собралось десять исландцев, тех, что отправились в путь вместе с Кьяртаном и не хотели расставаться с ним из любви к нему. С этими спутниками Кьяртан поехал к кораблю. Кальв, сын Асгейра, принял их хорошо. Кьяртан и Болли взяли с собой в путешествие много добра. Они теперь были заняты тем, чтобы подготовить все необходимое, и как только подул ветер, они подняли парус и поплыли по Боргарфьорду и при легком попутном ветре вышли в море. Путешествие их было благополучным, они достигли Норвегии на севере, у Трандхейма, вошли во фьорд у мыса Агданес и встретили там людей, с которыми можно было побеседовать и узнать новости. Им рассказали, что в стране сменились правители – ярл Хакон пал, а конунг Олав, сын Трюггви^[176], пришел на его место, и вся Норвегия ему покорилаь. Конунг Олав повелел изменить в Норвегии веру. Люди приняли это по-разному. Кьяртан и его спутники направили свое судно в устье реки Нид.

В это время в Норвегии было немало знатных людей из Исландии. У причалов стояли три корабля, которые все принадлежали людям из Исландии. Один корабль принадлежал Бранду Щедрому, сыну Вермунда, сына Торгрима. Второй корабль принадлежал Халльфреду Беспокойному Скальд^[177]. Третий корабль принадлежал двум братьям. Одного из них звали Бьярни, второго Торхалль. Это были сыновья Скегги из Брейды (Широкая Река), из Фелльсхверви (Горные Дворы), на востоке.

Все эти люди намеревались отчалить летом в Исландию, но конунг запретил им всем выезд из Норвегии, потому что они не хотели принять его веру, как он того желал. Кьяртана дружески приветствовали все исландцы, а особенно Бранд, потому что они и раньше хорошо знали друг друга. Исландцы держали друг с другом совет, и было между ними решено отвергнуть веру, провозглашенную конунгом, и к этому союзу принадлежали все те, кто был прежде назван. Кьяртан и его спутники поставили корабль у причала, разгрузили его и позаботились о своей клади.

Конунг Олав был в городе. Он услышал о прибытии корабля и одновременно о том, что там находилось много видных мужей.

Был погожий осенний день, и люди из города отправились поплавать в реке Нид. Кьяртан и его спутники увидели это. Тогда Кьяртан предложил своим товарищам тоже пойти поплавать, чтобы скоротать время. Так они и сделали. Один человек плавал там лучше всех. Тогда Кьяртан спросил Болли, не хочет ли он вступить в состязание с этим человеком из города. Болли отвечал:

– Я полагаю, что это превосходит мои силы.

– Не знаю, куда девалась твоя удаль, – сказал Кьяртан, – тогда попробую я.

Болли ответил:

– Попытайся, если у тебя есть охота.

Тогда Кьяртан бросился в реку и поплыл к тому человеку, который казался лучшим пловцом, и сейчас же нырнул вместе с ним и держал его под водой некоторое время. Затем Кьяртан дал ему вынырнуть. И когда они недолго пробыли на поверхности воды, тот человек схватил Кьяртана и повлек его вниз, и они оставались под водой несколько дольше, чем Кьяртану это казалось желательным. Затем они вынырнули. Они не сказали друг другу ни слова. В третий раз опускаются они вниз и остаются под водой дольше всего. Кьяртан не мог себе представить, чем кончится эта игра, и ему казалось, что он никогда еще прежде не попадал в такое трудное положение. В конце концов они вынырнули и поплыли к берегу. Тогда человек из города спросил:

– Что ты за человек?

Кьяртан назвал свое имя. Человек из города сказал:

– Ты хороший пловец. Так же ли ты искусен во всем остальном, как в этом?

Кьяртан отвечал, но несколько неохотно:

– Так говорили, когда я был в Исландии, что и в остальном я точно таков. Однако это, как видно, не многого стоит.

Человек из города сказал:

– Это зависит еще от того, с кем тебе пришлось иметь дело. Но почему ты меня ни о чем не спрашиваешь?

Кьяртан ответил:

– Мне нет дела до твоего имени.

Человек из города сказал:

– Верно то, что ты искусный человек, но верно и то, что ты очень высокомерен. Но все же ты должен узнать мое имя, а также с кем ты состязался в плавании. Перед тобой конунг Олав, сын Трюггви.

Кьяртан ничего не ответил и тотчас же повернулся, чтобы уйти. Он был без плаща и в пурпурной одежде. Конунг был почти совсем одет. Он крикнул Кьяртану вслед, чтобы тот не уходил так скоро. Кьяртан вернулся, но довольно медленно. Тогда конунг снял со своих плеч хороший плащ и дал его Кьяртану, и сказал, что он не должен без плаща возвращаться к своим людям. Кьяртан поблагодарил конунга за

подарок и пошел к своим людям, и показал им плащ. Его спутники не проявили радости по этому поводу. Они полагали, что Кьяртан таким образом кое в чем признал над собой власть конунга. Но все оставалось спокойно.

Погода осенью стала суровой. Наступили большие морозы и холода. Язычники считали неудивительным, что погода стала плохой.

– Это наказание за нововведения конунга и за его новую веру, которая разгневала богов, – говорили они.

Исландцы оставались зимой все вместе в городе. Кьяртан был первым среди них. Погода стала лучше, и в город явилось множество людей по приказанию конунга Олава. Многие приняли христианство в Трандхейме, однако те, что были против, все же составляли большинство. Однажды конунг созвал в городе у реки тинг и произнес перед людьми длинную и красивую речь. У трандхеймцев была немалая воинская сила, и они вызвали короля на бой. Конунг ответил, что ему приходилось, как им следует знать, биться и с более могучим противником, нежели мужичье из Трандхейма. Тогда мужество бондов дрогнуло, и они предоставили все воле конунга, и много народу крестилось. И затем тинг кончился.

В тот самый вечер конунг послал людей к жилью исландцев и велел этим людям узнать, что там говорилось. Они туда отправились. Оттуда раздавался громкий говор. Тут заговорил Кьяртан и обратился к Болли:

– Склонен ли ты, родич, принять веру, которую провозгласил конунг?

– Я не склонен делать это, – отвечал Болли, – так как их вера кажется мне слишком расслабленной.

Кьяртан спросил:

– Не показалось ли вам, что конунг угрожал всем, кто не захочет подчиниться его воле?

Болли отвечал:

– Для нас не оставалось и тени сомнения в том, что конунг угрожал им тяжелым наказанием.

– Ничье насилие не заставит меня подчиниться, – сказал Кьяртан, – до тех пор, пока я стою на ногах и держу в руках оружие. Мне также кажется недостойным мужа, чтобы меня взяли, как овцу из стада или как лисицу из западин. Мне кажется, что гораздо лучше, когда человек вынужден умереть, совершив раньше такой поступок, о котором еще долгое время впоследствии будут вспоминать.

Болли спросил:

– Что ты хочешь сделать?

– Об этом я не умолчу, – сказал Кьяртан. – Сжечь конунга в его доме.

– Это я не могу назвать поступком, не достойным мужа, – сказал Болли, – но это, как мне кажется, невозможно будет выполнить. На

стороне конунга окажется счастье и удача. Кроме того, надежная стража охраняет его и днем, и ночью.

Кьяртан сказал, что храбрость неустойчива у большинства людей, даже у самых отважных. Болли ответил, что еще трудно решать, у кого недостает храбрости. Но большинство их спутников вмешалось в этот разговор, утверждая, что это бессмысленные речи. И когда люди конунга услышали эти слова, они вернулись обратно и пересказали конунгу весь разговор.

На следующее утро конунг велел созвать тинг. Туда были приглашены все исландцы. И когда тинг собрался, конунг встал и поблагодарил тех из пришедших, которые хотят стать его друзьями и приняли его веру. Он призвал к себе для беседы исландцев. Конунг спросил, хотят ли они принять крещение. Они изъявили мало склонности к этому. Конунг сказал, что тогда они изберут себе участь, которая им будет менее по душе.

– Однако, – сказал он, – кому из вас казалось, что правильнее всего сжечь меня в моем доме?

Тут Кьяртан ответил:

– Быть может, вы полагаете, что у того человека, который это сказал, не хватит мужества в этом признаться? Здесь вы можете его видеть.

– Видеть тебя я могу, – сказал конунг, – человека, помышляющего не о пустяках. Однако тебе не суждено будет повергнуть меня, и ты заслужил того, чтобы тебе помешали угрожать конунгам сожжением за то, что они учат тебя лучшей вере. Но так как я не знаю, держал ли ты свою речь всерьез, и так как ты сознался, как подобает настоящему мужу, то я не отниму у тебя жизнь за это. Может также случиться, что ты тем крепче будешь держаться новой веры, чем решительнее ты выступаешь против нее. Я думаю также, что люди целыми кораблями будут принимать новую веру в тот день, когда ты добровольно позволишь себя окрестить. Мне кажется также вероятным, что ваши родичи и друзья прислушаются к тому, что вы им расскажете, когда вернетесь в Исландию. У меня предчувствие, что ты, Кьяртан, когда отчалишь от берегов Норвегии, будешь предан лучшей вере, нежели когда ты приплыл сюда. Отправляйтесь теперь с миром под моей защитой куда хотите с этого тинга. Я не буду силой заставлять вас принять христианство, потому что Бог сказал, что он не хочет, чтобы кого-либо силой принуждали идти к нему.

Речь конунга была принята с одобрением, но главным образом христианами. Язычники же предоставили Кьяртану отвечать, как он сам решит. Тогда Кьяртан сказал:

– Благодарю вас, конунг, за то, что вы отпускаете нас с миром, и таким путем ты можешь нас легче уговорить обратиться к новой вере, если простишь нам наши проступки и лишь дружески будешь просить у нас чего желаешь, и как раз в такой день, когда наша судьба в ваших

руках. Что до меня, то я предполагаю принять твою веру в Норвегии, так что я не очень-то стану почитать Тора следующей зимой, когда вернусь в Исландию.

Тут конунг сказал и при этом улыбнулся:

– По Кьяртану видно, что он больше надеется на свою силу и на свое оружие, нежели на силу Тора и Одина.

После этого тинг кончился.

Когда прошло некоторое время, многие люди стали уговаривать конунга, чтобы он принудил Кьяртана и его спутников к перемене веры, и считали нежелательным, чтобы так много язычников было около них. Конунг гневно возразил им и сказал, что, как он думает, существует немало христиан, которые не отличаются таким благородным образом мыслей, как Кьяртан и его спутники.

– Таких людей я буду терпеливо ждать, – добавил он.

Конунг велел этой зимой сделать много полезного: он велел построить церковь и сильно расширить город. Церковь была готова к Рождеству. Тогда Кьяртан сказал, что они пройдут так близко мимо церкви, чтобы можно было увидеть, что делают там христиане. Многие согласились с Кьяртаном и сказали, что это будет большое развлечение. Кьяртан со своими спутниками и с Болли отправился туда. Был с ними также Халльфред и многие из исландцев. Конунг говорил перед людьми, он произнес длинную и красивую речь, и слова его имели большой успех у христиан. И когда Кьяртан вместе со своими спутниками вернулся в свое жилье, они много говорили о том, как им понравился конунг во время празднества, которое христиане считают своим вторым по важности праздником.

– Ведь конунг сказал, – говорили они, и притом так, что мы все могли это слышать, – что сегодня ночью родился хёвдинг, в которого мы отныне должны верить, если мы сделаем так, как повелел нам конунг.

Кьяртан сказал:

– Когда я увидел конунга в первый раз, он мне так понравился, что я сразу же заметил, какой он выдающийся человек, и убеждался в этом каждый раз позднее, когда видел его на тингах. Но более всего он все же понравился мне сегодня, и я твердо уверен, что для нас будет лучше всего, если мы поверим в того Бога, которого конунг нам возвестил, и конунг не мог бы желать сильнее, чтобы я принял его веру, нежели я желаю своего крещения, и только одно удерживает меня от того, чтобы немедленно пойти к конунгу, – это то, что сейчас уже поздно, так что конунг, верно, сидит за столом; поэтому пройдет еще целый день до тех пор, пока мы, земляки, примем крещение.

Болли согласился с этим и предоставил Кьяртану самому решать. То, о чем Кьяртан говорил со своими спутниками, стало известно конунгу прежде, чем были вынесены столы, потому что у него были

свои люди в жилье язычников. Конунг очень обрадовался этому и сказал:

– Кьяртан подтвердил истинность поговорки, что праздничные дни – самые счастливые.

И ранним утром следующего дня, когда конунг отправился в церковь, Кьяртан с большой толпой людей встретил его на улице. Кьяртан очень почтительно приветствовал конунга и сказал, что должен ему сообщить нечто важное. Конунг ответил на его приветствие и сказал, что уже слышал, в чем дело.

– Твое желание должно быть исполнено, – добавил он.

Кьяртан просил его не мешкать с водой для крещения и сказал, что для этого потребуется довольно много воды. Конунг ответил и при этом улыбнулся.

– Да, Кьяртан, – сказал он, – никакое упрямство не могло бы здесь внести разлад между нами, хотя бы ты достался и более дорогой ценой.

После этого Кьяртан и Болли приняли крещение, а также все их спутники с корабля и много других людей. Это было на второй день Рождества перед богослужением. После этого конунг пригласил Кьяртана на празднование Рождества, а также Болли, его названного брата. Многие рассказывали, что Кьяртан в тот самый день, когда принял крещение, стал дружинником конунга Олава, и Болли вместе с ним. Халльфред в этот день не принял крещения, потому что он поставил условием, чтобы конунг сам был его крестным отцом. Конунг согласился сделать это на следующий день.

Кьяртан и Болли оставались у конунга Олава до конца зимы. Конунг ценил Кьяртана больше, чем всех других людей, за его происхождение и за его искусность во всех делах. Все так полюбили Кьяртана, что никто среди людей конунга, как рассказывают, ему не завидовал. Точно так же все говорили, что никогда еще из Исландии не приезжал такой муж, как Кьяртан. Болли также был доблестным мужем, и его ценили все достойные люди. Так прошла зима. И когда пришла весна, люди стали готовиться к отъезду, каждый по своему усмотрению.

XLI

Кальв, сын Асгейра, явился к Кьяртану и спросил, что он намеревается предпринять летом. Кьяртан отвечал:

– Я бы больше всего хотел, чтобы мы повели наш корабль в Англию, потому что там хороший торг для христиан. Все же я хочу поговорить с конунгом, прежде чем решусь на это, потому что, как мне кажется, он не был доволен, когда я недавно беседовал с ним о моем отъезде.

После этого Кальв ушел, а Кьяртан отправился к конунгу и почтительно приветствовал его. Конунг дружелюбно принял его и

спросил, о чем он говорил со своими спутниками. Кьяртан рассказал об их первом намерении и сказал, что пришел сначала к конунгу, чтобы попросить у него разрешения на путешествие. Конунг отвечал:

– Я дам тебе на это разрешение, Кьяртан, если ты поедешь летом в Исландию и обратишь народ в христианскую веру, силой или убеждением. Если же тебе это покажется слишком трудным, то я ни в коем случае не хотел бы тебя потерять, потому что я полагаю, что тебе более подобает служить высокопоставленным людям, нежели сделаться торговым человеком.

Кьяртан предпочел остаться с конунгом, а не ехать в Исландию и там вводить новую веру, и он сказал, что у него нет желания применять насилие против своих родичей.

– К тому же, – добавил он, – я думаю, что мой отец и другие хёвдинги, которые приходятся мне близкими родичами, менее упорно будут противиться твоей воле, если я буду находиться у тебя на почетной службе.

Конунг отвечал:

– Это сказано и разумно, и благородно.

Конунг подарил Кьяртану заново сшитое пурпурное одеяние. Оно было как раз по нем, ибо говорят, что они, конунг Олав и Кьяртан, были одного роста, когда мерились.

Конунг Олав послал в Исландию своего священника, которого звали Тангбранд^[178]. Тот прибыл на своем корабле в Альфтафьорд (Лебединый Фьорд) и провел зиму у Халля с Побережья в Тватте (Купальная Река), и проповедовал людям новую веру как дружелюбными речами, так и суровыми угрозами. Тангбранд убил двух людей, которые особенно резко ему возражали. Халль принял новую веру весной и был крещен в субботу перед Пасхой, а с ним и все его домочадцы. Тогда приняли крещение также Гицур Белый, Хьяльти, сын Скегги, и много других хёвдингов. И все же было гораздо больше тех, которые возражали, и отношения между язычниками и христианами стали враждебными. Хёвдинги сговорились убить Тангбранда и тех людей, которые ему будут оказывать помощь. Узнав об этой угрозе, Тангбранд бежал в Норвегию и явился к конунгу Олаву, и рассказал ему, что с ним произошло во время его поездки, и сказал, что не думает, чтобы в Исландии было принято христианство. Конунг был очень разгневан, услышав это, и сказал, что многие исландцы, как он полагает, сильно пострадают, если только не одумаются. Тем же летом Хьяльти, сын Скегги, был осужден на тинге за богохульство. Его обвинил Рунольв, сын Ульва. Он жил в Долине под Островной Горой и был видным хёвдингом.

Тем же летом Гицур покинул Исландию, и Хьяльти вместе с ним. Они прибыли в Норвегию и тотчас же явились к конунгу Олаву. Конунг дружелюбно принял их и сказал, что они поступили хорошо, и пригласил их остаться у него, и они приняли это приглашение. Там был

Свертинг, сын Рунольва из Долины. Он провел в Норвегии зиму и намеревался летом поехать в Исландию. Его корабль стоял снаряженный у причала и ждал попутного ветра. Но конунг запретил ему выехать и сказал, что этим летом ни один корабль не пойдет в Исландию. Свертинг явился к конунгу и рассказал ему о своем деле. Он просил разрешения уехать и сказал, что ему очень не хотелось бы снова разгружать корабль. Конунг, разгневанный, ответил:

– Очень хорошо, что сын идолопоклонника остается там, где ему не хочется быть.

И Свертинг не смог уехать. Всю зиму после этого не произошло ничего нового.

Следующим летом конунг послал Гицура Белого и Хьяльти, сына Скегги, в Исландию, чтобы снова проповедовать веру, и оставил у себя четырех людей заложниками: Кьяртана, сына Олава, Халльдора, сына Гудмукда Могучего, Кольбейна, сына Торда Годи Фрейра, и Свертинга, сына Рунольва из Долины. Тут Болли решил ехать с Гицуром и Хьяльти. Он отправился к Кьяртану, своему родичу, и сказал:

– Я собрался в путь, но я стал бы ожидать тебя и следующую зиму, если бы следующим летом твой отъезд был менее затруднителен, чем теперь. Однако можно легко предвидеть, что конунг ни за что не отпустит тебя, и я убежден, что пока ты сидишь и беседуешь с Ингибьёрг, сестрой конунга, тебе мало дела до забав, какие можно сыскать в Исландии.

Она была тогда при дворе конунга Олава и была самой красивой женщиной во всей стране. Кьяртан отвечал:

– Не говори пустых слов, но я прошу тебя, передай мой привет родичам, а также друзьям.

XLII

После этого Кьяртан и Болли расстались. Гицур и Хьяльти отплыли из Норвегии, и путешествие их прошло благополучно. Они прибыли на Вестманнаэйяр (Острова Ирландцев) во время альтинга и переправились в Исландию. Там они собирались и совещались со своими родичами. После этого они отправились на альтинг, и проповедовали новую веру перед народом, и держали долгие и красивые речи. Тут все люди в Исландии приняли новую веру.

Болли после тинга отправился в Хьярдархольт с Олавом, своим родичем. Олав принял его очень дружелюбно. Болли поехал в Лаугар, чтобы развлечься, после того как он короткое время побыл дома. Его там хорошо приняли. Гудрун расспрашивала его подробно о его поездке, а затем о Кьяртане. Болли охотно отвечал на все вопросы, которые ему задала Гудрун, и сказал, что во время путешествия не произошло ничего особенного:

– Что же касается Кьяртана, то, по правде сказать, о нем можно сообщить лишь самые лестные вещи, потому что он при дворе конунга Олава, и его ценят там больше, чем всех других мужей. И я не буду удивлен, если мы здесь, в Исландии, не увидим его и будущей зимой.

Гудрун спросила, нет ли тут какой-либо другой причины, кроме дружбы с конунгом. Болли сказал, что люди говорили о дружбе Кьяртана с Ингибьёрг, сестрой конунга, и сказал, что, по его мнению, конунг охотнее даст ему в жены Ингибьёрг, чем отпустит его, если он должен будет сделать выбор. Гудрун сказала, что это хорошая новость:

– Потому что хорошей женщиной должна быть та, которая достойна Кьяртана.

После этого она прекратила разговор, пошла прочь и очень покраснела. И кое-кто сомневался, так ли по вкусу была ей эта новость, как она хотела показать.

Болли пробыл дома, в Хьярдархольте, все лето и пользовался большим почетом после своего путешествия. Все его родичи и те, кто знал его, высоко ценили его доблесть. Болли привез также много добра. Он часто приходил в Лаугар и беседовал с Гудрун. Однажды Болли спросил Гудрун, что бы она ему ответила, если бы он посватался к ней. Тогда Гудрун сказала поспешно:

– Ты не должен об этом говорить, Болли. Ни за одного человека я не выйду замуж, пока жив Кьяртан.

Болли отвечал:

– Тогда, думается мне, ты не один год просидишь без мужа, если будешь ждать Кьяртана. Он воспользовался бы случаем и передал бы со мной какое-нибудь поручение тебе, если бы это дело казалось ему важным.

Они обменялись еще несколькими словами, и каждый остался при своем мнении. После этого Болли поехал домой.

XLIII

Через некоторое время после этого Болли повел разговор с Олавом, своим родичем, и сказал:

– Пришло время, родич, когда я почувствовал желание прочно осесть и жениться. Мне кажется, что я теперь уже совсем взрослый. И я хотел бы получить от тебя помощь и поощрение словами, потому что большинство людей здесь придают большое значение твоим словам.

Олав отвечал:

– Я полагаю, что не найдется женщины, для которой не было бы честью твое сватовство. Но ты, наверное, не стал бы говорить со мной, если бы не решил заранее, о чем поведешь речь дальше.

Болли отвечал:

– Я не хотел бы свататься в чужих краях, пока имеются достойные невесты поблизости. Я хочу посвататься к Гудрун, дочери Освивра. Она первая среди женщин.

Олав сказал:

– Это такое дело, в которое я не хочу вмешиваться. Тебе, Болли, известно не менее, чем мне, что говорили о любви между Кьяртаном и Гудрун. Однако, если это так важно для тебя, то я не буду тебе препятствовать, если уже имеется согласие Освивра. Говорил ли ты что-нибудь Гудрун?

Болли отвечал, что он уже однажды говорил с ней об этом деле, но она не очень-то пошла ему навстречу.

– Я надеюсь, – сказал он, – что Освивр будет иметь первое слово в этом деле.

Олав сказал, чтобы он поступал так, как ему кажется лучше.

Вскоре после этого Болли отправился из дому, и с ним сыновья Олава, Халльдор и Стейнтор. Их было всего двенадцать человек. Они поехали в Лаугар. Освивр принял их хорошо, а также его сыновья. Болли сказал Освивру, что хочет с ним поговорить, и приступил к своему сватовству, и просил Освивра отдать ему в жены Гудрун, его дочь. Но Освивр отвечал следующее:

– Как ты знаешь, Болли, Гудрун – вдова, и сама распоряжается собой. Однако я поддерживаю твоё сватовство.

Освивр пошел к Гудрун и сказал ей, что приехал Болли, сын Торлейка:

– Он сватается к тебе. Тебе решать в этом деле. Но если ты хочешь меня послушаться, мое желание, чтобы Болли не было отказано.

Гудрун отвечала:

– Быстро решаешь ты это дело. Болли однажды уже говорил об этом со мной, и я ему ответила полным отказом, и таково мое намерение и сейчас.

Тут Освивр сказал:

– Многие решат, что в тебе больше говорит гордость, нежели благоразумие, если ты откажешь такому человеку, как Болли. Но пока я жив, я должен нести заботу о вас, моих детях, по той причине, что я вижу дальше и яснее, чем вы.

И поскольку Освивр был так недоволен, Гудрун не осмелилась противиться ему и согласилась, хотя и с большой неохотой. Сыновья Освивра очень уговаривали ее. Родство с Болли казалось им очень выгодным. Долго ли коротко ли шла речь об этом деле, но в конце концов все договорились, и состоялась помолвка, а свадьба была назначена на первые зимние ночи^[179]. После этого Болли поехал домой, в Хьярдархольт, и рассказал Олаву о своей помолвке. Тот проявил мало радости по этому поводу. Болли оставался дома до тех пор, пока не настало время ехать на свадьбу. Он пригласил Олава, своего родича, но тот не спешил согласиться, однако все же приехал по просьбе Болли.

Свадьбу праздновали в Лаугаре с большим великолепием. Болли оставался там в течение всей зимы. Совместная жизнь Болли с женой была не особенно счастлива по вине Гудрун.

И когда пришло лето, то корабли поплыли из одной страны в другую. Тут в Норвегию пришла весть из Исландии, что там все приняли христианство. Конунг Олав обрадовался этому и дал разрешение всем исландцам, которых он держал как заложников, ехать, куда они пожелают. Кьяртан ответил, – потому что он был первым среди всех людей, которых держали как заложников:

– Велика наша благодарность. Мы намереваемся этим летом посетить Исландию.

Тогда конунг Олав сказал:

– Я не возьму обратно свои слова, Кьяртан. Однако они были сказаны, пожалуй, другим людям, а не тебе, потому что, думается нам, Кьяртан, ты здесь скорее был гостем, чем заложником. Хотел бы я, чтобы ты не выказывал пожелания уехать в Исландию, хотя у тебя там есть знатные родичи, потому что от тебя зависит занять такое положение в Норвегии, какое не было бы возможным в Исландии.

Тут Кьяртан отвечал:

– Пусть Господь воздаст вам за ту честь, которую вы мне оказывали с тех пор, как я нахожусь у вас на службе. Но все же я надеюсь, что вы дадите мне разрешение уехать, так же как и другим, кого вы здесь некоторое время задерживали.

Конунг сказал, что так тому и быть, и добавил, что среди людей без высокого звания вряд ли найдется человек, равный Кьяртану.

Этой зимой Кальв, сын Асгейра, был в Норвегии. Еще предыдущей осенью он вернулся с запада, из Англии, на корабле своем и Кьяртана с выручкой за товары, и после того, как Кьяртан получил разрешение на путешествие в Исландию, Кальв и Кьяртан начали готовиться к отплытию. И когда корабль был готов к отплытию, Кьяртан отправился к Ингибьёрг, сестре конунга. Она хорошо приняла его и позволила ему сесть рядом с собой, и они повели беседу. Тут Кьяртан сказал Ингибьёрг, что он собирается ехать в Исландию. Тогда она ответила:

– Я полагаю, Кьяртан, что ты делаешь это больше по собственному желанию, нежели по чьему-либо совету.

И после этого у них не хватило слов для дальнейшей беседы. Между тем Ингибьёрг протянула руку к сосуду, который стоял возле нее. Она вынула из него белый головной платок, вышитый золотом, и дала его Кьяртану, и сказала, что он очень хорошо подойдет Гудрун, дочери Освивра.

– Это будет твой свадебный подарок ей. Я хочу, чтобы исландские женщины видели, что та женщина, с которой ты беседовал в Норвегии, не низкого происхождения.

Платок лежал в бархатном мешке. Это была очень дорогая вещь.

– Я не буду тебя провожать, – сказала Ингибьёрг. – Желаю тебе счастливого путешествия и будь здоров.

После этого Кьяртан встал и поцеловал Ингибьёрг, и все видели, что им тяжело было расставаться.

Кьяртан ушел и отправился к конунгу. Он сказал ему, что готов к отъезду. Конунг Олав проводил Кьяртана на корабль, и с ним было множество народу. И когда они пришли туда, где стоял корабль, – с берега на него перекинули сходни, – то конунг произнес:

– Вот тебе меч, Кьяртан! Ты должен взять его от меня на прощанье. Пусть этот меч служит тебе, и я думаю, что никто никаким оружием не победит тебя, пока ты держишь в руках этот меч.

Это была великолепная драгоценность, богато украшенная.

Кьяртан поблагодарил конунга учтивыми словами за всю честь и уважение, которые были ему оказаны, пока он был в Норвегии.

Тут конунг сказал:

– Я хочу просить тебя, Кьяртан, чтобы ты твердо держался своей веры.

После этого они, конунг и Кьяртан, расстались большими друзьями. Затем Кьяртан взошел на корабль. Конунг глядел ему вслед и сказал:

– Большие несчастья угрожают Кьяртану и его роду, и нелегко отворотить этот злой рок.

XLIV

Кьяртан и Кальв вышли в море. Дул попутный ветер, и они недолго были в пути. Они прибыли в устье Хвиты (Белая Река) в Боргарфьорде. Весть о прибытии Кьяртана распространилась далеко вокруг. Об этом узнал Олав, отец его, а также другие его родичи, и все были очень этим обрадованы. Олав сейчас же выехал верхом с запада, из Долин, на юг, в Боргарфьорд^[180]. Радостной была встреча отца с сыном. Олав пригласил Кьяртана к себе вместе со столькими людьми, сколько он пожелает взять с собой. Кьяртан охотно принял это приглашение. Он сказал, что и не желал никакого другого пристанища в Исландии. Олав поехал после этого в Хьярдархольт, но Кьяртан оставался у корабля в течение всего лета. Он узнал о браке Гудрун и как будто не повел и бровью. Однако для многих это было основанием для беспокойства.

Гудмунд, сын Сельмунда, зять Кьяртана, и Турид, сестра его, явились на корабль. Кьяртан приветливо их встретил. Асгейр Отчаянная Голова также явился на корабль, чтобы повидать Кальва, своего сына. С ним приехала Хревна, его дочь. Она была очень красивая девушка. Кьяртан предложил сестре своей Турид выбрать себе из товаров, что ей захочется. То же самое Кальв предложил Хревне. Кальв открыл при этом большой ларь и предложил им посмотреть, что в нем есть.

Днем подул сильный ветер, и Кьяртан вместе со своими спутниками выбежал, чтобы крепче пришвартовать корабль.

И когда они с этим покончили, они вернулись в свои палатки. Кальв первый вошел в палатку. Турид и Хревна уже успели вынуть много вещей из ларя. Тут Хревна достала головной платок, который Ингибьёрг дала Кьяртану, и развернула его. Они стали говорить о том, какая это дорогая вещь. Тогда Хревна сказала, что она хотела бы накинуть на себя этот платок. Турид одобрила ее желание. И тогда Хревна накинула платок. Кальв увидел и сказал, что не надо было этого делать, и попросил ее сейчас же снять платок.

– Это единственная вещь, – сказал он, – которой мы с Кьяртаном не владеем совместно.

В то время, как они так говорили, Кьяртан вошел в палатку. Он слышал их слова и сразу же вмешался в разговор, и сказал, что это ничего не значит. Хревна все еще сидела в платке. Кьяртан долго смотрел на нее и сказал:

– Тебе очень идет этот платок, Хревна. Думается мне, было бы лучше всего, если бы моими были и платок, и девушка.

Тут Хревна отвечала:

– Надо полагать, что ты не захочешь жениться так поспешно, но ты, верно, получишь в жены ту девушку, к которой сначала посватаешься.

Кьяртан сказал, что для него не так уж важно, на ком он женится, но что он не хочет тратить время попусту на сватовство, если это не будет наверняка:

– Я вижу, что это украшение тебе к лицу, и поэтому будет справедливо, если ты станешь моей женой.

Тут Хревна сняла платок и отдала Кьяртану, и он спрятал его.

Гудмунд и Турид пригласили Кьяртана к себе на север погостить у них эту зиму. Кьяртан обещал им приехать. Кальв, сын Асгейра, поехал на север со своим отцом. Кьяртан расторг свое соглашение с ним, и это произошло мирно и дружелюбно. После этого Кьяртан уехал с корабля на запад, в Долины. Их было всего двенадцать человек. Кьяртан приехал в Хьярдархольт, и все были ему рады. Он велел осенью привезти с корабля все свое добро. Двенадцать человек, которые приехали на запад вместе с Кьяртаном, оставались в течение зимы в Хьярдархольте.

Олав и Освивр сохранили привычку приглашать друг друга в гости. Каждой осенью они поочередно посещали друг друга. Этой осенью гостей ждали в Лаугаре, и Олав со своими людьми должен был приехать туда из Хьярдархольта. Тут Гудрун сказала Болли, что ей кажется, будто он рассказал ей не всю правду о возвращении Кьяртана. Болли ответил, что он сказал лишь то, что считал чистой правдой. Гудрун немного говорила об этом, однако легко было заметить, что она недовольна, и многие полагали, что она сильно тоскует по Кьяртану, хотя и скрывает это.

Пришло время, когда должно было состояться осеннее празднество в Лаугаре. Олав стал собираться в путь и пригласил Кьяртана ехать вместе с ним. Кьяртан отвечал, что хотел бы остаться дома, чтобы смотреть за хозяйством. Олав просил его не делать этого и не ссориться со своими родичами.

– Подумай о том, Кьяртан, – сказал он, – что ты никого так не любил, как Болли, твоего названного брата. Я хочу, чтобы ты ехал. Между вами, родичами, все скоро уладится, когда вы снова свидитесь.

Кьяртан сделал так, как просил его отец. Он достал пурпурное одеяние, которое подарил ему на прощанье конунг Олав, и великолепно оделся. Он опоясался мечом, который ему подарил конунг. На голове у него был позолоченный шлем, а на боку красный щит, на котором был золотом написан святой крест. В руке у него было копье с наконечником, отделанным золотом. Все его люди были в крашенных одеждах^[181]. Всех их было около трех десятков человек. Они выехали из Хьярдархольта и ехали до тех пор, пока не прибыли в Лаугар. Там собралось множество людей.

XLV

Болли и сыновья Освивра вышли навстречу Олаву и его спутникам и дружелюбно приняли их. Болли подошел к Кьяртану и поцеловал его. Кьяртан принял его приветствие. После этого их ввели в дом. Болли был при этом очень весел. Олав отвечал ему тем же, но Кьяртан был сдержан. Празднество прошло очень хорошо.

У Болли были племенные кони, которые считались превосходными. Один жеребец был большой и красивый, и ни разу не был побежден в конском бою. Он был белого цвета, а уши и холка у него были рыжеватые. Затем у него были три кобылы той же масти, что и жеребец. Этих лошадей Болли хотел подарить Кьяртану, но Кьяртан сказал, что не любит лошадей и что он их не возьмет. Олав просил его принять коней.

– Ведь это очень богатый подарок, – говорил он.

Кьяртан решительно отказался. После этого они расстались недружелюбно, и люди из Хьярдархольта поехали домой, и все оставалось спокойно.

Кьяртан был довольно сдержан этой зимой. Мало с кем из людей он говорил. Олава это очень печалило.

Этой зимой после Рождества Кьяртан выехал из дому, и с ним было двенадцать спутников. Они намеревались отправиться на север. Они ехали своим путем, пока не прибыли в Асбьярнарнес, в Видидале. Там Кьяртана встретили с величайшей радостью и приветливостью. Хозяйство там было богатое. Халлю, сыну Гудмунда, было тогда около двадцати лет. Он очень походил на людей из Лососьей Долины.

Рассказывают, что во всей северной четверти^[182] не было никого доблестнее его. Халль принял Кьяртана, своего родича, очень приветливо. Сразу же в Асбьярнарнесе начались игры, и на них было приглашено много людей из окрестных мест. Приехали люди с Мидфьорда, с Ватиснеса (Озерный Мыс), из Ватисдаля (Озерная Долина) и даже из Лангадаля (Длинная Долина). Собралось великое множество людей. Все говорили о том, что Кьяртан превосходит всех остальных. Потом приготовились к играм, и Халль взял на себя руководство. Он позвал Кьяртана на игры.

– Мы хотели бы, родич, – сказал он, – чтобы ты проявил свою доблесть.

Кьяртан отвечал:

– Не очень-то усердно упражнялся я в играх последнее время, потому что иными были обычаи у конунга Олава. Однако я не откажусь ради этого случая.

После этого Кьяртан приготовился к играм. Против него ставили тех, кто был сильнее всех. Они состязались в течение всего дня. Но никто не мог сравниться с Кьяртаном ни силой, ни ловкостью. Вечером, когда игры кончились, Халль, сын Гудмунда, встал и сказал:

– Мой отец приглашает тех, кто прибыл сюда издалека, чтобы они все остались здесь на ночь и на следующее утро снова начали забавы.

Это приглашение было встречено одобрительно, и оно было признано достойным знатного человека.

Туда явился и Кальв, сын Асгейра, и они с Кьяртаном встретились как хорошие друзья. С ним была Хревна, его сестра, и она была очень богато одета. Около ста человек осталось там ночевать.

На следующий день снова начались игры. Кьяртан сидел и смотрел на игры. Турид, его сестра, подошла к нему и начала с ним беседу. Она сказала так:

– Я слышала, брат, что ты в течение зимы был невесел. Люди говорят, что ты все еще тоскуешь по Гудрун. Об этом заключают по тому, что между тобой и Болли, твоим названным братом, нет больше дружбы, в то время как раньше вы всегда так любили друг друга. Ты поступишь хорошо, если не будешь вспоминать больше об этом деле и не будешь завидовать твоему названному брату. Мне кажется, что было бы разумнее всего, если бы ты женился так, как говорил прошлым летом, и хотя нельзя сказать, что Хревна вполне ровня тебе, лучшей невесты ты здесь в стране все же не найдешь. Асгейр, ее отец, именитый муж и знатного рода. У него нет недостатка в богатстве, чтобы украсить ваш брак. Кроме того, и другая его дочь замужем за могущественным человеком. Ты ведь говорил мне, что Кальв, сын Асгейра, очень достойный человек. Обо всей их семье идет очень хорошая слава. Я хотела бы, чтобы ты поговорил с Хревной. Ты увидишь, что она так же разумна, как и красива.

Кьяртан согласился со всем этим и сказал, что она правильно рассудила. После этого он заговорил с Хревной. Они беседовали весь день. Вечером Турид спросила Кьяртана, как прошла их беседа с Хревной. Он сказал, что доволен беседой и что, насколько он мог заметить, это девушка очень достойная.

На следующее утро были посланы люди к Асгейру, и он был приглашен в Асбьярнарнес. Тут началась беседа, и Кьяртан посватался к Хревне, дочери Асгейра. Тот принял сватовство с удовлетворением, потому что он был умный человек и видел, что это для него высокая честь. Кальв старался ускорить дело.

– И не хочу, чтобы этому что-нибудь помешало, – говорил он.

Хревна со своей стороны также не дала отрицательного ответа и предоставила последнее слово отцу. Таким образом дело было решено и закреплено с помощью свидетелей. Кьяртан настоял на том, чтобы свадьба состоялась в Хьярдархольте. Асгейр и Кальв не противились этому. Было решено сыграть свадьбу в Хьярдархольте, через пять недель после начала лета. После этого Кьяртан поехал домой с богатыми подарками. Олав был очень доволен помолвкой, потому что Кьяртан стал теперь гораздо веселее, чем тогда, когда уехал из дому.

Кьяртан постился весь Великий пост, чего никто не делал до него в этой стране, потому что рассказывают, что он был первым человеком, который постился здесь, в Исландии. Люди очень удивлялись тому, что Кьяртан жил так долго без пищи, и приходили издалека, чтобы его увидеть. Точно так же и во всем остальном поступки Кьяртана отличались от поступков других людей. Затем прошла Пасха. После этого Кьяртан и Олав стали готовиться к большому пиру.

С севера в положенное время прибыли Асгейр и Кальв, Гудмунд и Халль, и у всех у них вместе было шесть десятков человек. Со стороны Кьяртана тоже было множество людей. Празднество было великолепным, потому что за столами сидели целую неделю.

Кьяртан подарил Хревне на свадьбу тот самый головной платок, и этот подарок стал знаменит, потому что никто не был так умудрен опытом или так богат, чтобы видеть или владеть такой драгоценностью. Сведущие люди утверждали, будто в этот платок было заткано восемь эйриров золота. Кьяртан был весел на празднестве, развлекал всех своей беседой и рассказывал о своих путешествиях. На людей произвело большое впечатление, что беседа велась здесь о больших делах, потому что Кьяртан в течение долгого времени был при дворе знаменитейшего хёвдинга конунга Олава, сына Трюггви. Когда празднество кончилось, Кьяртан выбрал дорогие подарки для Гудмунда и Халля и для других знатных гостей. Отец и сын заслужили большую славу этим празднеством. Кьяртан и Хревна очень привязались друг к другу.

Олав и Освивр оставались в дружбе, хотя между молодыми людьми дружба была порвана. Этим летом гости должны были приехать к Олаву за полмесяца до начала зимы. Освивр также созвал гостей на первые зимние ночи. Каждому было предложено захватить с собой столько людей, сколько он считал соответствующим его достоинству.

Освивр должен был сначала приехать на пир к Олаву, и в назначенное время он явился в Хьярдархольт. Вместе с ним поехали также Болли и Гудрун и сыновья Освивра. На другое утро, когда женщины вместе шли к дверям главного дома, одна из них спросила, как будут рассаживать женщин на скамьях. В то время как она это говорила, Гудрун проходила около постели, на которой обычно лежал Кьяртан. Кьяртан был тут же, и одевался, и набросил на себя пурпурное одеяние. Он сказал женщине, которая спросила, как будут рассаживать женщин, – потому что никто не умел отвечать быстрее, чем он:

– Хревна будет сидеть на почетном сиденье, и во всем ее будут чествовать больше всех, пока я жив.

Но до тех пор на почетном сиденье всегда сидела Гудрун, как в Хьярдархольте, так и во всех других домах. Гудрун услышала это, посмотрела на Кьяртана и изменилась в лице, но ничего не ответила.

На другой день Гудрун сказала Хревне, что та должна надеть подаренный ей головной платок и показать людям лучшую драгоценность, которую когда-либо привозили в Исландию. Кьяртан был поблизости, и хотя он не стоял рядом с ними, он слышал, что сказала Гудрун. Он ответил быстрее, чем Хревна:

– Она не наденет на этом празднестве свой платок, потому что мне кажется более важным, чтобы Хревна владела этой драгоценностью, нежели чтобы гостям было чем любоваться.

Целую неделю должно было длиться празднество у Олава. На другой день Гудрун стала тайно просить Хревну, чтобы она показала ей платок. Та ответила, что покажет. На следующий день Хревна пошла вместе с ней в кладовую, где хранились драгоценности. Она открыла ларь и вынула оттуда бархатный мешок, а из мешка вынула платок и показала его Гудрун. Та развернула платок, некоторое время глядела на него и не сказала ничего, ни хорошего, ни дурного. Затем Хревна снова спрятала платок, и они вернулись обратно к своим местам. После этого веселье и забавы пошли своим чередом.

На следующий день, когда приглашенные должны были уезжать, Кьяртан был очень занят тем, чтобы обеспечить людям свежих коней – тем, кто прибыл издалека, – и каждого должным образом снарядить в путь. В то время, как Кьяртан был занят этим, у него не было при себе меча, подарка конунга, хотя вообще он не привык выпускать его из рук.

Затем он пошел к своей постели, где он оставил свой меч, но меч исчез. Он сейчас же пошел к своему отцу и рассказал ему об этой пропаже. Олав сказал:

– В этом случае мы должны действовать в величайшей тайне. Я пошлю соглядатаев с каждым отрядом всадников, которые будут уезжать.

Так он и сделал. Ан Белый должен был ехать с Освивром и его людьми и следить, не свернет ли кто-либо из них с дороги и не отстанет ли. Они проехали в глубь страны мимо двора Льярскогар (Леса Реки Лья) и мимо дворов, которые называются Скогар (Леса), и остановились там в лесу, и спешили. Торольв, сын Освивра, отошел в сторону от дворов, и несколько человек вместе с ним. Они углубились в кустарник, в то время как другие оставались около леса.

Ан проводил их до реки Лаксы, которая вытекает из долины Селингсдаль, и сказал, что хочет повернуть обратно. Торольв ответил, что было бы еще лучше, если бы он совсем не ездил. В эту ночь выпал снежок, так что можно было видеть следы. Ан поехал обратно в лес по следу Торольва, и он привел его к топкому месту. Там он стал шарить рукой и схватился за рукоятку меча. Он решил заручиться свидетелями и поехал за Торарином в Селингсдальское Междуречье, и тот приехал вместе с Аном, чтобы вытащить меч. После этого Ан отвез Кьяртану меч. Кьяртан завернул его в платок и запер в ларе. То место, где Торольв со своими людьми спрятал меч, называется с тех пор Свердскельда (Мечевая Топь). Об этом не было сказано ни слова, однако ножны так никогда и не нашлись. Кьяртан с тех пор не ценил уже свой меч так, как прежде.

Этот поступок очень задел Кьяртана, и он не хотел этого так оставить. Но Олав сказал:

– Не стоит обижаться. Это была нехорошая шутка с их стороны, но тебе она не нанесла ущерба. Не дадим другим людям случая посмеяться и не сделаем это поводом к ссоре с друзьями и родичами.

И после этих речей Олава Кьяртан успокоился. Через некоторое время Олав собрался в гости в Лаугар на первые зимние ночи и стал уговаривать Кьяртана, чтобы тот тоже поехал. Кьяртану не хотелось ехать, однако он уступил просьбам отца и согласился. Хревна тоже должна была поехать и собиралась оставить дома свой головной платок. Торгерд спросила:

– Когда же ты начнешь носить свою драгоценность, если оставляешь ее лежать в ларе, отправляясь на празднество?

Хревна отвечала:

– Многие говорят, что я когда-нибудь, может быть, попаду в такое место, где найду меньше завистников, чем в Лаугаре.

Торгерд сказала:

– Я не слишком верю тем людям, которые раздувают вражду между домами.

И поскольку Торгерд настаивала, Хревна взяла свой головной платок с собой. Кьяртан не противился этому, когда увидел, что такова воля его матери.

После этого они собрались в путь и вечером прибыли в Лаугар, и их приняли хорошо. Торгерд и Хревна отдали свои платья на сохранение. И наутро, когда женщины должны были одеваться, Хревна стала искать свой головной платок, и тут оказалось, что его нет на месте, на котором он был оставлен. Его везде искали, но нигде не нашли. Гудрун сказала, что скорее всего головной платок был оставлен дома, или она небрежно его уложила и он выпал. Хревна рассказала Кьяртану о том, что платок пропал. Он отвечал ей и сказал, что нелегко уследить за ними, и просит ее молчать об этом, а затем рассказал своему отцу, что случилось. Олав отвечал:

– Как и в прошлый раз, я хочу, чтобы ты ничего не предпринимал и оставил это дело. Я тайно постараюсь все разузнать, потому что намерен сделать все, чтобы ты и Болли не стали врагами. Худой мир лучше доброй ссоры, – сказал он.

Кьяртан отвечал:

– Легко заметить, отец, что ты желаешь обеим сторонам только добра. Однако я не знаю, соглашусь ли долго скакать на таком хромом коне и быть посмешищем для людей из Лаугара.

В тот день, когда люди должны были уезжать с празднества, Кьяртан повел речь и сказал так:

– Обращаюсь к тебе, родич Болли, и тем самым прошу, чтобы ты отныне поступал с нами честнее, чем до сих пор. Я не хочу говорить это тайно, потому что многие уже знают о пропаже кое-чего с нашего двора, причем нам известно, что следы ведут к вашему двору. Осенью, когда у нас было празднество в Хьярдархольте, был похищен мой меч. Потом он был найден, но ножны пропали. А теперь снова пропала вещь, которую можно считать драгоценностью. Я хочу получить обратно и то и другое.

Болли отвечает:

– Мы не виновны в том, Кьяртан, в чем ты нас обвиняешь. Мы ожидали от тебя всего, но только не обвинения в воровстве.

Кьяртан говорит:

– Как мне кажется, тут были замешаны люди, за поступки которых ты мог бы заплатить выкуп, если бы хотел. Больше чем следует задеваете вы нас. Долгое время мы не отвечали на ваши враждебные поступки. Я заявляю теперь, что дальше так продолжаться не может.

Тут Гудрун отвечает на его речи и говорит:

– Ты ворошишь потухшие уголья, Кьяртан, которым лучше бы не тлеть. Если бы даже было так, как ты говоришь, что здесь есть некоторые люди, которые замешаны в том, что пропал головной платок, то я полагаю, что они взяли то, что им принадлежит. Предполагайте что угодно о том, куда пропал головной платок, но во

всяком случае, мне думается, будет неплохо, если Хревна больше не сможет украшать себя этим платком.

После этого они расстались довольно враждебно. Люди из Хьярдархолта поехали домой. Взаимные приглашения прекратились. Но все оставалось спокойно. О платке с тех пор ничего не было слышно. Многие считали, что Торольв сжег головной платок по просьбе Гудрун, своей сестры.

В начале зимы умер Асгейр Отчаянная Голова. Его сыновья получили в наследство двор и имущество.

XLVII

После зимнего празднества Кьяртан собрал людей. Всех их было шесть десятков человек. Кьяртан не сказал своему отцу, куда он собирается ехать. Олав об этом и не спрашивал. Кьяртан взял с собой палатки и припасы. Он отправился в путь и приехал в Лаугар. Он велел своим людям спешиться и сказал, что некоторые из них должны стеречь коней, другим же велел расставить палатки.

В то время был обычай, чтобы отхожие места находились снаружи и вдали от жилья. Так это было и в Лаугаре. Кьяртан велел занять все двери и не давал никому выходить, и заставил всех людей в течение трех дней отправлять свою нужду внутри дома. После этого Кьяртан поехал домой, в Хьярдархолт, а каждый из его спутников к себе домой. Олав был очень рассержен этой поездкой. Торгерд сказала, что он не должен порицать Кьяртана, и добавила, что люди из Лаугара заслужили еще больший позор.

Тут Хревна спросила:

– Говорил ли ты, Кьяртан, с кем-либо в Лаугаре?

Он отвечал:

– Ни о чем особенном.

И добавил, что они с Болли перекинулись несколькими словами. Тут Хревна сказала, и при этом улыбнулась:

– Мне рассказывали как истинную правду, что ты говорил с Гудрун, а также мне рассказывали, как она была одета, – на ней был мой головной платок, и он был ей очень к лицу.

Кьяртан отвечал, и при этом густо покраснел, – каждому было видно, как он рассердился на то, что она смеется по этому поводу.

– Ничего из того, о чем ты рассказываешь, я не видел, Хревна, – сказал Кьяртан. – Гудрун не нужно надевать на себя головной платок, чтобы быть красивее других женщин.

Тут Хревна прекратила разговор.

Люди из Лаугара были очень недовольны и полагали, что Кьяртан нанес им большую обиду, чем если бы убил одного или двух людей. Сыновей Освивра это привело в неистовство, но Болли старался их

успокоить. Гудрун мало говорила об этом, и все же можно было понять из ее слов, что вряд ли кто принимал это к сердцу больше, чем она. Между людьми из Лаугара и людьми из Хьярдархольта была теперь открытая вражда.

Когда прошла зима, Хревна родила ребенка. Это был мальчик, и его называли Асгейр.

Торарин, бонд из Тунги, объявил, что хочет продать землю в Тунге, отчасти потому, что у него стало меньше добра, но также потому, что вражда между Хьярдархольтом и Лаугаром, как он видел, все возрастала. Он был в дружбе и с теми, и с другими. А Болли хотел купить себе земли, потому что у людей в Лаугаре было мало земли, но много скота. Болли и Гудрун по совету Освивра поехали в Тунгу. Они полагали, что им необходимо приобрести в собственность эту соседнюю землю, и Освивр просил их не отказываться от сделки из-за мелочей. Они повели речь с Торарином о покупке земли и договорились, сколько она будет стоить, а также чем следует заплатить, и сделка между ними была заключена. Но на месте не было достаточно людей, как это требуется по закону, и сделка не была скреплена свидетелями. После этого Болли и Гудрун уехали домой.

Однако, когда эта весть дошла до Кьяртана, сына Олава, он сейчас же с одиннадцатью людьми поскакал верхом и ранним утром прибыл в Тунгу. Торарин дружески его приветствовал и пригласил остаться. Кьяртан сказал, что он вечером должен возвратиться домой, но на некоторое время все же останется. Торарин спросил, по какому делу он приехал.

Кьяртан отвечал:

– Я приехал, чтобы поговорить с тобой о той сделке, которую ты собираешься заключить с Болли, потому что я не хочу, чтобы ты продал эту землю Болли и Гудрун.

Торарин сказал, что ему бы не хотелось от этой сделки отказываться:

– Потому что цена, которую Болли обещал мне за землю, хорошая и будет уплачена немедленно.

Кьяртан сказал:

– Ты не потерпишь убытка, если даже Болли не купит землю, потому что я заплачу тебе такую же цену, и вряд ли тебе поможет, если ты будешь противиться моей воле, потому что всем должно быть ясно, что здесь в округе право решать принадлежит мне, а я буду больше считаться с пожеланиями других людей, чем людей из Лаугара.

Торарин отвечал:

– И здесь годится поговорка: слово господина для меня закон. Однако все-таки мне бы хотелось, чтобы эта сделка с Болли состоялась.

Кьяртан сказал:

– Я не называю такую сделку покупкой земли, раз она не была скреплена свидетелями. Выбирай одно из двух: либо продай мне сейчас

же землю на тех же условиях, на которых ты договорился с другими, либо живи сам на своей земле.

Торарин предпочел продать свою землю. Для этой сделки сейчас же нашлись свидетели. Купив землю, Кьяртан поехал домой. Эта весть распространилась по всем долинам Брейдафьорда. В тот же самый вечер об этом узнали в Лаугаре. Тогда Гудрун сказала:

– Я полагаю, Болли, что Кьяртан поставил тебя еще в большей мере, чем Торарина, перед выбором: либо ты оставишь эти места с большим уроном для своей чести, либо при каждой следующей встрече с ним будешь менее уступчив, чем ты был до сих пор.

Болли ничего не ответил и сразу же после этого разговора ушел. Остаток Великого поста все оставалось спокойно.

На третий день Пасхи Кьяртан выехал из дому вдвоем с Аном Черным. В тот же день они приехали в Тунгу. Кьяртан хотел, чтобы Торарин с ним вместе поехал на запад, в Саурбёр, и выступил там в качестве свидетеля, потому что у Кьяртана было там много денежных дел. Но Торарин в ту пору уехал на соседний хутор. Кьяртан оставался там некоторое время и ждал его. В тот же самый день туда явилась Торхалла Болтливая. Она спросила Кьяртана, куда он намеревается ехать. Он сказал, что поедет на запад, в Саурбёр. Она спросила:

– Каким путем ты поедешь?

Кьяртан отвечал:

– Я поеду на запад через Селингсдаль, а с запада через Свинадаль (Свиная Долина).

Она спросила, как долго он будет отсутствовать. Кьяртан отвечал:

– Похоже на то, что с запада я поеду в четверг.

– Ты можешь оказать мне услугу, – сказала Торхалла. – У меня есть родич в Хвитадале (Белая Долина), в Саурбёре. Он обещал мне полмарки сукна^[183]. Я хочу, чтобы ты их с него потребовал и привез мне, когда поедешь с запада.

Кьяртан обещал сделать это. Между тем вернулся домой Торарин и стал собираться в путь вместе с ним. Они поехали на запад через Селингсдальсхейд и к вечеру прибыли в Холь к своим родичам. Кьяртана встретили хорошо, потому что между ними была большая дружба.

Торхалла Болтливая вернулась домой, в Лаугар, вечером. Сыновья Освивра спросили ее, не встретила ли она кого-либо в течение дня. Она отвечала, что встретила Кьяртана, сына Олава. Они спросили, куда он собирался ехать. Она сказала то, что знала.

– И никогда у него не было более воинственного вида, – сказала она, – чем теперь. Неудивительно, что таким людям все по сравнению с ними кажется низким.

И затем Торхалла добавила:

– Нетрудно было мне заметить также, что Кьяртан ни о чем не говорил так охотно, как о своей покупке земли у Торарина.

Гудрун сказала:

– Легко Кьяртану поступать так дерзко, как ему нравится, раз он знает по опыту, что может позволить себе все, что хочет, и никто не осмелится метнуть в него копье.

При этих речах Гудрун присутствовал Болли и сыновья Освивра. Оспак и другие братья мало что ответили на это, но проявили вражду к Кьяртану, как обычно. Болли сделал вид, будто ничего не слышит, как всегда, когда плохо говорили о Кьяртане, потому что он в таких случаях обычно молчал или возражал.

XLVIII

Кьяртан оставался до четвертого дня Пасхи в Холе. Там было много забав и веселья. Ночью после этого Ан стонал во сне, и его разбудили. Его спросили, что он видел во сне. Он отвечал:

– Ко мне явилась страшная женщина и сорвала меня с постели. В одной руке у нее был большой нож, а в другой корыто. Она приставила нож к моему животу, вспорола его, вынула внутренности и вместо них сунула туда хворост. После этого она вышла.

Кьяртан и другие много смеялись над этим сном и сказали, что теперь они будут называть его Ан Хворост в Животе. Они схватили его и сказали, что хотят пощупать, есть ли у него хворост в животе.

Тут Ауд сказала:

– Нехорошо так смеяться над этим. Мой совет – попросить Кьяртана, пусть он либо останется здесь подольше, либо, если он все же хочет ехать, пусть едет не вдвоем, как он приехал сюда, а с большим числом людей.

Кьяртан сказал:

– Может статься, что Ан Хворост в Животе покажется вам человеком, каждое слово которого немало весит, если вы еще несколько дней просидите и проговорите с ним, считая откровением все, что ему приснилось. Однако я поеду так, как намеревался, несмотря на этот сон.

Рано утром на пятый день пасхальной недели Кьяртан собрался в путь, и, по совету Ауд, вместе с ним отправились Торкель Щепок и его брат Кнут. Всего их поехало двенадцать человек. Кьяртан заехал в Хвитадаль и забрал там долг для Торхаллы Болтливой, как и обещал ей. Затем он поехал на юг, в Свинадаль.

В Лаугаре, в Селингсдале, Гудрун рано была на ногах, сейчас же после восхода солнца. Она пошла туда, где спали ее братья. Она разбудила Оспака. Он сразу же проснулся, а также и некоторые из других братьев. И когда Оспак узнал свою сестру, он спросил ее, что ей нужно и почему она так рано на ногах. Ей хочется знать, ответила

Гудрун, что они будут делать в течение дня. Оспак ответил, что они думали провести этот день спокойно.

– Ведь сейчас мало работы, – сказал он.

Гудрун сказала:

– Ваш нрав можно было бы назвать прекрасным, если бы вы были дочерьми какого-нибудь бонда, так что никому от вас не было бы ни пользы, ни вреда. Несмотря на все обиды и оскорбления, которые Кьяртан вам нанес, вы спокойно спите в то время, как он едет мимо вашего двора с одним-единственным провожатым. У таких людей память как у свиней. Я теряю надежду, что вы когда-нибудь нападете на Кьяртана в его доме, раз вы не осмеливаетесь встретиться с ним сейчас, когда он проезжает мимо с одним или двумя людьми, а вы сидите дома и ограничиваетесь громкими словами, хотя вас так много.

Оспак отвечал, что она слишком взволнована, но что на ее слова трудно возразить, и сейчас же вскочил и стал одеваться, а вместе с ним все остальные братья. После этого они начали приготовления, чтобы устроить засаду Кьяртану. Тут Гудрун попросила Болли поехать вместе с ними. Болли отвечал, что ему это не пристало из-за его родства с Кьяртаном, и напомнил ей, как любовно вырастил его Олав. Гудрун отвечала:

– Ты говоришь правду, но судьбой тебе отказано делать так, чтобы все это сочли правильным. Нашей совместной жизни придет конец, если ты не поедешь.

И под влиянием речей Гудрун гнев Болли и вражда его против Кьяртана стали возрастать, и он быстро вооружился, и теперь их было вместе девять человек. Их было пять сыновей Освивра – Оспак, Хельги, Вандрад, Торрад и Торольв, шестой был Болли, седьмой – Гудлауг, сын сестры Освивра, который обещал стать могучим мужем. Кроме того, там были Одд и Стейн, сыновья Торхаллы Болтливой. Они поехали в Свинадаль и остановились около ущелья, которое называется Хаврагиль (Козлиное Ущелье). Там они привязали коней и уселись. Болли весь этот день был молчалив и лежал наверху, у края ущелья.

Когда Кьяртан со своими спутниками ехал к югу через Мьосюнди (Узкая Теснина) и долина начала расширяться, Кьяртан сказал, чтобы Торкель и другие повернули обратно.

Торкель отвечал, что он хочет ехать дальше, пока не кончится долина. И когда они проехали дальше к югу, к пастушьим хижинам, которые называются Нордсель (Северный Выгон), Кьяртан сказал братьям, что они не должны ехать дальше.

– Не должен вор Торольв смеяться над тем, что я не осмелился без многочисленных спутников ехать своим путем, – сказал он.

Торкель Щенок отвечал:

– Мы теперь уступим тебе и не поедем дальше, но мы будем раскаиваться, что не оказались сегодня на месте в тот миг, когда тебе понадобятся мужи.

Тут Кьяртан сказал:

– Болли, мой названный брат, никогда не покусится на мою жизнь. А если сыновья Освивра устроили мне засаду, то еще неизвестно, кто из нас сможет рассказать об исходе боя, если даже у них будет численный перевес.

После этого братья поехали обратно на запад.

XLIX

Тут Кьяртан поехал к югу по долине, и всего их было трое: Ан Черный, Торарин и он сам.

Жил человек по имени Торкель. Его двор был в Хавратиндаре (Козлиное Взгорье), в Свинадале. Теперь там пустошь. Он вышел в тот день посмотреть за своими лошадьми, и с ним вместе его мальчик пастух. Они увидели тех и других – людей из Лаугара в засаде и Кьяртана, когда тот ехал вместе с двумя спутниками по долине. Тут мальчик сказал, что они должны сейчас же побежать к Кьяртану, и для них большое счастье, что они смогут отвратить такое великое бедствие, какое должно произойти.

Торкель ответил:

– Сейчас же замолчи, – сказал он. – Ты хочешь, дурень, даровать жизнь кому-то, когда ему суждена смерть? Я скажу поистине, что я и тем и другим желаю, чтобы они причинили друг другу столько зла, сколько им вздумается. Мне кажется, что будет лучше всего, если мы отойдем в сторону, туда, где мы будем вне опасности, и сможем лучше всего видеть схватку, и получим удовольствие от их игры, потому что все прославляют Кьяртана, как лучшего воина среди всех. Я полагаю также, что ему это сейчас должно пригодиться, потому что мы оба знаем, что у его врагов перевес в силе.

И они сделали так, как хотел Торкель.

Кьяртан со своими спутниками ехал дальше в сторону Хаврагиля. Между тем сыновьям Освивра показалось подозрительным, что Болли выбрал себе место, откуда он мог хорошо увидеть, когда с запада появятся люди. Они посоветовались друг с другом и подумали, что, может быть, Болли хочет им изменить. Они подошли к обрыву, где он сидел, и начали в шутку с ним бороться, и схватили его за ноги, и стащили вниз с обрыва.

Вскоре подъехал Кьяртан со своими спутниками, потому что они скакали быстро, и когда они хотели перебраться через ущелье, то увидели засаду и узнали людей. Кьяртан тотчас же спрыгнул с коня и обратился против сыновей Освивра. Там лежал большой камень. Здесь Кьяртан хотел начать с ними бой. И прежде, чем они схватились, Кьяртан метнул свое копьё и пронзил щит Торольва над рукояткой, так что тот был придавлен щитом. Копьё прошло через щит в руку над

локтем и вонзилось в мышцу предплечья. Торольв выронил щит, и его рука отныне стала непригодной. После этого Кьяртан выхватил свой меч, но подарка короля при нем не было. Сыновья Торхаллы напали на Торарина, потому что им была поручена эта часть дела. Это был тяжелый бой, потому что Торарин был очень силен. Эти двое, однако, тоже были добрыми воинами. Трудно было решить, кто останется победителем.

Тогда против Кьяртана выступили в бой сыновья Освивра и Гудлауг. Их было пятеро против двоих, Кьяртана и Ана. Ан защищался храбро и все время пытался заслонить собой Кьяртана. Болли стоял тут же, и с ним был меч Фотбит. Кьяртан наносил страшные удары, однако меч никуда не годился. Ему приходилось все время расправлять клинок ногой. Как сыновья Освивра, так и Ан были ранены, но Кьяртан еще не получил ни одной раны. Кьяртан бился с такой быстротой и смелостью, что сыновья Освивра отпрянули от него и бросились туда, где был Ан. Тут Ан пал. Он еще продолжал биться, когда его внутренности вываливались из раны. В это мгновение Кьяртан отрубил Гудлаугу ногу выше колена, и эта рана принесла ему смерть. Тут сыновья Освивра напали на Кьяртана, но он защищался так храбро, что не отступил ни на шаг перед ними. Тогда Кьяртан сказал:

– Родич Болли, для чего же ты выехал из дому, если здесь ты так спокойно стоишь? А сейчас был бы для тебя случай прийти на помощь им или нам и испытать, на что годится Фотбит.

Болли сделал вид, что не слышит. И когда Оспак увидел, что им не справиться с Кьяртаном, он попытался всеми средствами подстрекнуть Болли. Он сказал, что Болли, наверное, не захочет навлечь на себя позор тем, что он обещал им помочь в битве, а теперь их бросил:

– И если нам пришлось тяжело пострадать из-за Кьяртана, когда мы еще не совершили того, что совершаем теперь, и если Кьяртан сейчас от нас уйдет, то тебе, Болли, вскоре придется раскаяться в этом, так же как нам.

Тут Болли выхватил меч Фотбит и бросился на Кьяртана. Тогда Кьяртан сказал Болли:

– Теперь, родич, ты, как я вижу, собираешься совершить подлый поступок, но я охотнее приму от тебя смерть, родич, нежели убью тебя.

И Кьяртан отбросил от себя оружие и больше не стал защищаться. Он был лишь слегка ранен, но очень изнурен боем. Болли ничего не ответил на слова Кьяртана и нанес ему смертельный удар. Болли после этого положил плечи Кьяртана к себе на колени, и Кьяртан умер на коленях Болли. Болли тотчас же стал раскаиваться в своем поступке и объявил, как полагалось по закону, что совершил убийство.

Болли послал сыновей Освивра домой, а сам с Торарином остался около мертвого. И когда сыновья Освивра явились в Лаугар, они рассказали о том, что произошло. Гудрун выказала радость. Рука Торольва была перевязана. Она медленно заживала и никогда не стала

совсем здоровой. Тело Кьяртана было перевезено в Тунгу. После этого Болли поехал домой, в Лаугар. Гудрун вышла к нему навстречу и спросила, какое теперь время дня. Болли отвечал, что сейчас уже после полудня. Тогда Гудрун сказала:

– Большие дела мы совершили: я успела напрямьт пряжи на двенадцать локтей сукна, а ты убил Кьяртана.

Болли ответил:

– Это несчастье вряд ли исчезло бы из моей памяти, даже если бы ты не напомнила мне о нем.

Гудрун сказала:

– Я не называю это несчастьем. Мне казалось, что тебя больше чтили той зимой, когда Кьяртан был в Норвегии, чем позднее, когда он попирали вас ногами, после того как вернулся в Исландию. Но скажу напоследок: более всего меня радует, что Хревна сегодня вечером не ляжет в постель смеясь.

Тут Болли сказал, и он был очень разгневан:

– Мне непонятно, почему она должна печалиться по поводу этой новости больше, чем ты, и я подозреваю, что ты была бы менее опечалена, если бы на месте боя остался лежать я, а Кьяртан сообщил тебе эту весть.

Гудрун заметила, что Болли разгневан, и сказала:

– Не принимай этого так, потому что велика моя благодарность тебе за этот поступок. Теперь я знаю, что ты не станешь действовать против моего желания.

После этого сыновья Освивра отправились в подземелье, которое они тайно вырыли, а сыновья Торхаллы были посланы в Хельгафелль рассказать Снорри Годи эту новость, а также просить его, чтобы он поскорее прислал подмогу против Олава и тех, кто будет мстить за Кьяртана.

Ночью после того дня, когда произошел бой в Селингсдальстунге, случилось так, что Ан поднялся, в то время как все думали, что он умер. Люди, которые были около трупов, испугались, так как им казалось, что произошло великое чудо. Тут Ан сказал им:

– Прошу вас именем Бога, не бойтесь меня, потому что я жил и был в полном сознании до того мгновения, когда меня охватило забытие. Тут мне приснилась та самая женщина, что и прежде, и будто она вынула у меня из живота хворост и вложила туда внутренности, и при этой перемене я почувствовал себя хорошо.

После этого ему перевязали раны, и он излечился, и с тех пор его звали Ан Хворост в Животе.

Когда Олав, сын Хёскульда, услышал о том, что случилось, он был тяжело поражен смертью Кьяртана, но все же переносил ее мужественно. Сыновья его хотели сейчас же ехать к Болли и убить его.

Олав сказал:

– Это не должно случиться. Мой сын не будет мне возвращен, если будет убит Болли. Я любил Кьяртана сильнее, чем всех других людей, но так же тяжело мне было бы потерять и Болли. Я знаю более подходящее дело для вас: вы должны обратиться против сыновей Торхаллы. Они посланы в Хельгафелль, чтобы просить подмогу против вас. Я буду рад, если вы накажете их так, как вам захочется.

После этого сыновья Олава снарядились в путь и сели в лодку, которая была у Олава. Их было всего семь человек. Они направились к устью Хваммсфьорда и старались плыть как можно быстрее. Дул слабый, но попутный ветер. Они шли под парусом и гребли до тех пор, пока не подошли к Расселинному Острову, и там остановились на некоторое время, и стали расспрашивать, не видели ли здесь проезжих людей. И вскоре после этого они увидели лодку, плывшую с запада по фьорду. Они вскоре узнали людей, которые были в ней. Это были сыновья Торхаллы. Халльдор и его братья сейчас же напали на них. Те не оказали никакого сопротивления, потому что сыновья Олава сразу прыгнули к ним в лодку. Стейн и его брат были схвачены, убиты и выброшены за борт. Сыновья Олава поспешили обратно, и эта поездка послужила к их славе.

L

Олав выехал навстречу телу Кьяртана. Он послал людей на юг, в Борг, чтобы рассказать эту новость Торстейну, сыну Эгиля, и просить у него поддержки в тяжбе. Он хотел, чтобы решение дела целиком зависело от него, даже если бы знатные люди стали на сторону сыновей Освивра. Такую же весть послал он на север, в Видидаль, к Гудмунду, своему зятю, и к сыновьям Асгейра, и добавил, что он начнет тяжбу по поводу убийства Кьяртана против всех, кто принимал участие в нападении, кроме Оспака, сына Освивра. Тот уже прежде был объявлен вне закона из-за женщины, которую звали Альдис. Она была дочерью Льота Единоборца из Ингьяльдссанда (Пески Ингьяльда). Сына их звали Ульв. Позднее он стал конюшим конунга Харальда, сына Сигурда. Он был женат на Йорунн, дочери Торберга. Сына их звали Йон. Он был отцом Эрленда Дурня, отца архиепископа Эйстейна.

Олав объявил, что начнет тяжбу на тинге в Торнесе. Он велел привезти тело Кьяртана домой и разбил над ним шатер, потому что тогда еще в Долинах не было церкви. И когда Олав узнал, что Торстейн тотчас же намеревается выехать и созвать большое число людей и что то же самое сделали люди из Видидаля, он велел собраться людям по всем Долинам. Тут собралось очень много людей. Олав велел всем им ехать в Лаугар и сказал так:

– Я желаю, чтобы вы защищали Болли, если это будет необходимо, точно так же, как если бы вы были под моим началом, потому что я

предполагаю, что люди из других мест, которые вскоре явятся к нам, будут требовать от него расплаты за постигшую нас утрату.

И когда это было сделано, явились Торстейн со своими людьми, а также люди из Видидаля, и они были в гневе. Халль, сын Гудмунда, а также Кальв, сын Асгейра, больше всех подстрекали людей сейчас же напасть на Болли и искать сыновей Освивра, пока их не найдут, и они говорили, что те не могли уехать куда-нибудь далеко. Но так как Олав сделал все, чтобы отвлечь их от этой поездки, то начались переговоры о вине, и с Болли было легко договориться, потому что он сам просил Олава определить условия. А Освивр не видел возможности противодействовать этому, потому что не получил подмоги от Снорри.

Для примирения была назначена встреча в Льярскогаре. Олаву было предоставлено решение. За убийство Кьяртана Олав должен был назначить виру и положенную кару. После этого все разошлись. Болли не явился на встречу по совету Олава. Все решения должны были быть объявлены на тинге в Торснесе. После этого люди с Болот и из Видидаля отправились в Хьярдархольт. Торстейн, сын Кугги, предложил взять на воспитание Асгейра, сына Кьяртана, чтобы утешить Хревну в ее скорби, но Хревна уехала на север со своими братьями и была в глубоком горе. Однако она вела себя благородно, поскольку с каждым говорила приветливо. После смерти Кьяртана Хревна больше не вышла замуж. Она прожила недолго после того, как она вернулась на север, и говорят, что сердце ее разбилось от страданий.

LI

Тело Кьяртана в течение недели оставалось в Хьярдархольте. Торстейн, сын Эгиля, велел построить церковь в Борге. Церковь незадолго до того была освящена и украшена белыми полотнищами.

После этого открылся тинг в Торснесе. Там сыновьям Освивра было предъявлено обвинение, и все они были объявлены вне закона. Были уплачены деньги за то, чтобы им был разрешен отъезд, но возвращение было им запрещено до тех пор, пока будет жив хотя бы один из сыновей Олава, а также Асгейр, сын Кьяртана. За Гудлауга, племянника Освивра, не должна была быть уплачена вира, так как он участвовал в нападении на Кьяртана, а также Торольв не должен был получить никакой виры за ту рану, которая ему была нанесена. Олав не хотел, чтобы Болли был объявлен вне закона и позволил ему ограничиться вирой. Этим были очень недовольны Халльдор и Стейнтор, так же как другие сыновья Олава, и они сказали, что им будет тяжело, если Болли останется жить рядом с ними. Олав сказал, что так будет до тех пор, пока он жив.

В Бьярнархёфне стоял корабль, который принадлежал Аудуну Цепному Псу. Он присутствовал на тинге и сказал:

– К счастью, можно ожидать, что приговор этим людям останется в силе и в Норвегии, если там еще живы друзья Кьяртана.

Тут Освивр сказал:

– Не быть тебе, Цепной Пес, предсказателем, потому что мои сыновья будут пользоваться почетом у великих людей. Что же касается тебя, Цепного Пса, то ты этим же летом отправишься к троллям.

Аудун Цепной Пес выехал тем же летом на корабле и потерпел крушение около Фарерских островов. При этом все люди на корабле погибли. Всем казалось, что таким образом полностью сбылось то, что напроорочил Освивр. Сыновья Освивра отплыли тем же летом, и ни один из них не вернулся. Так завершилась тяжба, и Олав, казалось, еще больше вырос от того, что проявил твердость там, где это было уместно, к сыновьям Освивра, – и взял Болли под свою защиту, поскольку тот был его родичем.

Олав сердечно поблагодарил друзей за поддержку. Болли купил землю в Тунге по совету Олава. Рассказывают, что Олав прожил еще три зимы после того, как Кьяртан был убит. И когда он умер, сыновья разделили оставшееся после него имущество. Халльдору достался Хьярдархольт. Торгерд, их мать, жила вместе с Халльдором. Она жаждала отомстить Болли и считала его неблагодарным приемным сыном.

LII

Болли и Гудрун поселились весной в Селингсдальстунге, и их хозяйство там процветало. У Болли и Гудрун родился сын. Мальчику дали имя, и он был назван Торлейк. Он был красивым ребенком и был развит не по летам.

Халльдор, сын Олава, жил в Хьярдархольте, как уже было написано. Он был первым среди своих братьев. Той же весной, когда был убит Кьяртан, Торгерд, дочь Эгиля, отдала одного юного родича на воспитание Торкелю из Хавратиндара. Мальчик летом пас скот. Он очень скорбел о смерти Кьяртана, так же как другие. Он не мог говорить о Кьяртане, когда Торкель был при этом, поскольку тот всегда худо говорил о нем и утверждал, что Кьяртан был изнеженным человеком и трусом, и часто показывал, как он вел себя, когда был ранен. Мальчик не мог этого снести, и отправился в Хьярдархольт, и рассказал все это Халльдору и Торгерд, и просил их взять его обратно. Торгерд велела ему оставаться там, куда его отдали, в течение зимы. Мальчик сказал, что у него не хватит терпения оставаться там дольше:

– И ты не стала бы меня просить об этом, если бы знала, какое это для меня тяжелое испытание.

Тут его жалобы смягчили сердце Торгерд, и она сказала, что, со своей стороны, разрешает, чтобы он оставался у них на воспитании.

Халльдор сказал:

– Не обращай внимания на этого мальчика, потому что он неразумен.

Тут Торгерд отвечала:

– Мальчик заслуживает мало внимания, но Торкель во всех отношениях худо вел себя в этом деле, потому что он знал, что люди из Лаугара поджидали Кьяртана в засаде, и не хотел ему этого сказать, а устроил себе потеху и развлечение из их боя и после этого произносил скверные речи. Как же вы, братья, осмелитесь отомстить там, где вам противостоит перевес сил, если вы не осмеливаетесь отплатить такому жалкому человеку, как Торкель.

Халльдор мало что сказал по этому поводу, но попросил Торгерд позаботиться о мальчике.

Через несколько дней после этого Халльдор и еще несколько человек выехали из дому. Он поехал в Хавратиндар и схватил Торкеля в его доме. Торкеля вывели и убили, и он вел себя при этом не так, как подобает мужу. Халльдор не велел ничего брать и поехал домой. Торгерд выказала свою радость по поводу этого поступка, эта месть казалась ей лучше, чем ничего.

Этим летом все оставалось внешне спокойно, но между Болли и сыновьями Олава была вражда. Братья ни во что не ставили Болли, но он старался избежать всякого столкновения со своими родичами там, где он мог это сделать, не унижаясь, потому что он был человек твердый и воинственный. У него было много людей, а также не было недостатка в имуществе.

Стейнтор, сын Олава, жил в Дёнустадире, в Лососьей Долине. Женой его была Турид, дочь Асгейра, которая прежде была замужем за Торкелем Кугги. Сына ее звали Стейнтор, и у него было прозвище Грослаппи.

LIII

На следующий год после смерти Олава, сына Хёскульда, Торгерд, дочь Эгиля, послала в конце зимы за своим сыном Стейнтором, чтобы он приехал к ней. И когда они свиделись, она сказала ему, что хочет отправиться на запад, в Саурбёр, навестить Аун, свою подругу. Она сказала Халльдору, чтобы он ехал вместе с ней. Их было всего пять человек. Халльдор сопровождал свою мать. Так они ехали, пока не оказались около Селингсдальстунги.

Тут Торгерд повернула свою лошадь ко двору и сказала:

– Как называется этот двор?

Халльдор отвечает:

– Не спрашивай об этом, мать, будто ты этого не знаешь. Этот двор называется Тунга.

– Кто здесь живет? – спрашивает она.

Он отвечал:

– Тебе это известно, мать.

Тут Торгерд стала тяжело дышать.

– Конечно, мне известно, – сказала она, – что здесь живет Болли, убийца вашего брата, но вы, оказывается, очень не похожи на ваших именитых предков. Вы не хотите отомстить за такого брата, каким был Кьяртан. Так никогда не поступил бы ваш дед Эгиль. Худо иметь тяжелых на подъем сыновей. Мне кажется, что вам бы в самом деле больше пристало быть дочерьми вашего отца и выйти замуж. Теперь становится очевидным, Халльдор, что, как говорится, в каждой семье не без уроды, и мне теперь ясно, в чем было несчастье Олава, – в том, что не было ему удачи с сыновьями. К тебе обращаюсь я с этим, Халльдор, – сказала она, – потому что ты слынешь первым между братьями. А теперь мы можем вернуться обратно, потому что моей главной целью было напомнить вам об этом, раз вы раньше об этом не подумали.

Тут Халльдор отвечал:

– Не тебя придется нам винить, если мы забудем об этом.

Краток был ответ Халльдора, но его гнев против Болли сильно возрос.

Так прошла эта зима, и когда наступило лето, пришло время тинга. Халльдор объявил, что едет на тинг, и его братья собрались вместе с ним. Они отправились со многими людьми и покрыли палатку, которая принадлежала Олаву. Тинг прошел спокойно и без происшествий. На тинге были также люди с севера, из Видидаля, сыновья Гудмунда, сына Сёльмунда. Барди, сыну Гудмунда, исполнилось тогда восемнадцать лет. Это был человек рослый и сильный. Сыновья Олава пригласили своего родича Барди к себе домой и очень уговаривали его принять приглашение. Халля, сына Гудмунда, в ту пору не было в стране. Барди охотно согласился, потому что он и его родичи были в дружбе. Барди отправился тогда с тинга на запад вместе с сыновьями Олава. Они вернулись в Хьярдархольт, и Барди прожил там весь остаток лета.

LIV

Тут Халльдор доверяется Барди и рассказывает ему, что они, братья, намереваются напасть на Болли, потому что, по их словам, они не могут дольше терпеть упреки своей матери.

– Мы не хотим от тебя скрывать, родич Барди, что пригласили тебя прежде всего потому, что хотели, чтобы ты был в этом деле нашим соратником и помощником.

Тут Барди отвечает:

– Недобрая слава пойдет о нас, если мы нарушим мир, установившийся между родичами, а с другой стороны, как мне кажется, Болли трудно будет одолеть. Вокруг него много народу, и сам он смелый воин. А там, где находятся Гудрун и Освивр, нет недостатка и в умных советчиках. Поэтому все предприятие кажется мне нелегким.

Халльдор говорит:

– Нам не следует делать эту задачу более трудной, чем она есть. Я и завел об этом речь не раньше, чем когда стало возможным отомстить Болли. Я также надеюсь, родич, что ты в этом нашем походе будешь с нами.

Барди отвечает:

– Я знаю, что вы сочли бы недостойным, если бы я отказался. Я и не сделаю этого, если увижу, что не могу вас удержать.

– Ты правильно поступаешь в этом деле, – говорит Халльдор, – как и следовало ожидать.

Барди сказал, что они должны посоветоваться, прежде чем отправляться в поход. Халльдор отвечал, что он слышал, будто Болли отослал из дому своих людей, некоторых на кораблях на север, в Хрутафьорд, а некоторых на побережье.

– Мне также сказали, – продолжал он, – что Болли находится на выгоне в Селингсдале и что с ним только те его люди, которые убирают сено. Мне кажется, что нам вряд ли представится более подходящий случай напасть на Болли, нежели теперь.

Так они и порешили между собой, Халльдор и Барди. Жил человек по имени Торстейн Черный. Его двор назывался Хундадаль. Он был человек умный и богатый. Много лет он был другом Олава Павлина. Сестру Торстейна звали Сольвейг. Она была замужем за человеком, которого звали Хельги. Он был сыном Хардбейна. Хельги был человек рослый и сильный, и опытный мореход. Он недавно прибыл в Исландию и жил у Торстейна, своего шурина.

Халльдор обратился к Торстейну Черному и к Хельги, его зятю. И когда они приехали в Хьярдархолът, Халльдор сообщил им свое намерение и свое решение и просил их принять участие в походе. Торстейн не одобрил этого намерения.

– Большая была бы беда, – сказал он, – если бы вы, родичи, продолжали дальше убивать друг друга. Немного таких людей найдется в вашей семье, как Болли.

Но хотя Торстейн говорил так, это ни к чему не привело.

Халльдор обратился к Ламби, брату своего отца, и когда тот явился к Халльдору, он рассказал ему о своем намерении. Ламби очень торопил с выполнением этого замысла. Торгерд, хозяйка дома, решительно настаивала, чтобы этот поход состоялся. Она говорила, что никогда смерть Кьяртана не будет отомщена, если та же участь не постигнет и Болли. После этого они собрались в путь. В этом походе

приняли участие четверо сыновей Олава, а пятым был Барди. Вот имена сыновей Олава: Халльдор и Стейнтор, Хельги и Хёскульд. А Барди был сыном Гудмунда. Шестым был Ламби, седьмым – Торстейн, восьмым – Хельги, его зять, и девятым – Ан Хворост в Животе. Торгерд также собралась в путь с ними. Они отговаривали ее и сказали, что это не женское дело. Она отвечала, что поедет во что бы то ни стало:

– Потому что я хорошо знаю вас, сыновья мои, и знаю, что вас следует понукать.

Они сказали, что она может поступать как хочет.

LV

После этого они выехали из Хьярдархольта, и было их всех девять человек, Торгерд была десятая. Они поехали по обнажившемуся во время отлива берегу фьорда и ехали так до Льярскогара. Это было в начале ночи. Они не отдыхали, пока не добрались до Селингсдаля. Тут занялось утро. В те времена в долине был густой лес. Как выведal Халльдор, Болли был на выгоне. Жилье пастухов находилось у реки. Это место теперь называется Земля Болли. Высокий холм простирается дальше над жильем пастухов вплоть до ущелья Стаккагиль. Между краем долины и этим холмом расположен большой луг, который называется Край. Там работали люди Болли. Халльдор и его спутники поехали в Бычью Ложбину, через Поля Ран и дальше, на Скалистый Луг, который находится напротив жилья пастухов. Они знали, что там было много людей. Они спешили и намеревались подождать, пока люди не отправятся на работу.

Мальчик, пастух Болли, пошел за стадом рано утром к краю долины. Он увидел в лесу людей, а также их коней, которые были привязаны. Он заподозрил, что это не мирные люди, раз они так прятались. Он поспешил тотчас напрямик к жилью и хотел сказать Болли о появлении чужих людей.

У Халльдора был зоркий глаз. Он увидел, что какой-то человек побежал вниз к жилью. Он сказал своим спутникам, что это, наверно, пастух Болли.

– Он, вероятно, видел нас. Мы должны пересечь ему дорогу, чтобы он не добежал с этой вестью до жилья.

Они сделали так, как он сказал. Ан Хворост в Животе оказался самым быстрым и нагнал мальчика, поднял его и бросил на землю. Удар был так силен, что у мальчика переломился хребет. После этого они поехали к жилью. Здесь были две хижины. В одной спали, а другая служила кладовой.

Болли ранним утром поднялся и распределил работу, но потом, когда люди разошлись, он снова лег спать. Их было двое в хижине, Болли и Гудрун. Они проснулись от шума, когда те спешили. Они

услышали также, как те сговаривались о том, кто первым войдет в хижину к Болли. Болли узнал голос Халльдора и многих из его спутников. Болли обратился к Гудрун и велел ей уйти из хижины, и сказал, что между ними произойдет встреча, которая не доставит ей удовольствия. Гудрун отвечала, что она не думает, чтобы здесь произошло что-нибудь, чего бы она не могла видеть, и добавила, что Болли не будет хуже, если она останется с ним. Болли отвечал, что здесь он хотел бы настоять на своем, и так и случилось, и Гудрун вышла из хижины. Она отправилась вниз с откоса к ручью, который там протекал, и начала стирать полотно.

Болли был теперь один в хижине. Он достал свое оружие, надел на голову шлем, взял в руки щит и меч Фотбит. Кольчуги у него не было. Халльдор и его спутники стали говорить между собой, как приступить к этому делу, потому что ни у кого не было охоты входить в дом. Тут Ан Хворост в Животе сказал:

– Среди нас есть люди, которым Кьяртан был более близким родичем, чем мне, но, как видно, нет ни одного, который бы крепче помнил, как умер Кьяртан, чем я. И такая у меня была мысль, когда я был почти мертвый привезен в Тунгу, а Кьяртан был убит, что я с радостью отплачу Болли, если мне к тому представится случай. Я первым войду в хижину.

Тут отвечал Торстейн Черный:

– Это я называю речью мужа. Однако разумнее будет не спешить безрассудно, а действовать осторожно, потому что Болли не будет стоять спокойно, когда на него нападут. Пусть у него даже не будет соратников, мы должны все же ожидать сильного сопротивления, так как Болли могуч и ловкий боец, а его меч – надежное оружие.

После этого Ан ворвался в дом, и при этом щит у него был над головой, а его более узкий конец повернут вперед. Болли нанес ему удар мечом Фотбит, отрубил край щита и рассек Ану голову до самых плеч. Это сразу принесло ему смерть.

После этого туда вошел Ламби. Он держал щит перед собой и меч в руках. В это мгновение Болли выдергивал меч Фотбит из раны, и при этом он отвел щит в сторону. Тут Ламби ударил Болли в бедро и нанес ему большую рану. Болли в ответ поразил Ламби в плечо, и меч сразу же соскользнул вниз. Ламби стал тотчас неспособен к бою, и никогда с тех пор его рука не заживала до самой его смерти.

В это мгновение вошел Хельги, сын Хардбейна, и в руках его было копье, острие которого было длиной с локоть, а древко копья было обито железом. Когда Болли это увидел, он бросил свой меч, взял двумя руками щит и направился к двери хижины, навстречу Хельги. Хельги ударил копьем в Болли, пронзил щит и его самого. Болли оперся о стену хижины. Тут все бросились в хижину, Халльдор и его братья. Торгерд тоже вошла с ними в дом.

Тогда Болли сказал:

– Теперь вы, братья, можете подойти ко мне ближе, чем раньше.

И он сказал, что его сопротивление, как он думает, теперь уже долго не продлится. Торгерд отвечала на его речь и сказала, что они должны так расправиться с Болли, чтобы никто не смог усомниться в его смерти и чтобы его голова рассталась с телом. Болли стоял тогда еще прямо у стены и держал руками свою одежду, чтобы не выпали внутренности. Тут к Болли подбежал Стейнтор, сын Олава, и нанес ему удар большой секирой по шее у плеч так, что упала голова. Торгерд назвала его руку благословенной. Она сказала, что Гудрун теперь придется расчесывать красные волосы на голове у Болли. После этого они вышли из хижины.

Гудрун вернулась с ручья и завела беседу с Халльдором, и спросила, что произошло между ними и Болли. Они рассказали ей все так, как произошло. Гудрун была в платье и в узкой безрукавке из шерсти, и на голове у ней был большой платок. У нее был передник с синей вышивкой и бахромой внизу. Хельги, сын Хардбейна, подошел к Гудрун, приподнял край передника и вытер им кровь с копья, того самого, которым он пронзил Болли. Гудрун посмотрела на него и улыбнулась в ответ на это.

Тут Халльдор сказал:

– Это ты сделал скверно и зло.

Хельги попросил его не возмущаться этим.

– Потому что я думаю, – сказал он, – что под этим передником живет мой убийца.

Тут они вскочили на коней и ускакали. Гудрун проводила их в путь и некоторое время с ними говорила. После этого она вернулась обратно.

LVI

Спутники Халльдора повели беседу о том, что Гудрун, как видно, мало горюет о смерти Болли, поскольку она провожала их напутствиями и все время говорила с ними так, как будто они не сделали ничего такого, что было бы ей не по душе. Тут Халльдор отвечал:

– Я не думаю, что Гудрун легко приняла смерть Болли. Я полагаю, что она потому провожала нас напутствиями, что хотела знать точно, кто принимал участие в этой поездке. Надо сказать без преувеличения, что Гудрун во всем много выше остальных женщин, и надо думать, что Гудрун глубоко потрясена смертью Болли, потому что, говоря по правде, потеря таких людей, каким был Болли, большое несчастье, хотя нам, родичам, и не было дано жить с ним в мире.

После этого они вернулись домой в Хьярдархольт.

Весть об этом распространилась быстро вокруг и поразила многих. О смерти Болли многие горевали. Гудрун тотчас же послала людей к Снорри Годи, потому что она и Освивр полагали, что у них будет надежная поддержка, если Снорри будет с ними. Снорри сейчас же отправился в путь, когда получил известие от Гудрун, и явился в Тунгу с шестью десятками человек. Гудрун была рада его приезду. Он предложил ей добиться соглашения и виры, но Гудрун была не очень склонна к тому, чтобы от имени Торлейка получить деньги за смерть Болли.

– Я полагаю, Снорри, что ты больше всего поможешь мне, – сказала Гудрун, – если поменяешься со мной жильем, чтобы мне не жить рядом с людьми из Хьярдархольта.

В это время у Снорри были большие распри с людьми из Эйра. Снорри сказал, что он сделает это из дружбы к Гудрун.

– Но ты должна, Гудрун, оставаться этот год в Тунге.

Тут Снорри собрался в путь, и Гудрун дала ему с собой хорошие подарки. Снорри поехал домой, и с виду все оставалось спокойно в течение этого года.

Следующей зимой после смерти Болли Гудрун родила ребенка. Это был мальчик. Его называли Болли. Вскоре он стал большим и красивым. Гудрун его очень любила. И когда прошла зима и началась весна, была заключена сделка, о которой прежде шла речь, и они обменялись своими земельными владениями, Снорри и Гудрун. Снорри переселился в Тунгу и жил там до самой смерти. А Гудрун переехала в Хельгафелль, и вместе с нею Освивр, и у них было большое общее хозяйство. Там росли сыновья Гудрун, Торлейк и Болли. Торлейку было четыре года, когда был убит Болли, его отец.

LVII

Одного человека звали Торгильс, сын Халлы. Он был назван по своей матери Халле, потому что она жила дольше, чем его отец. Того звали Снорри, и он был сыном Альва из Долин. Халла, мать Торгильса, была дочерью Геста, сына Оддлейва. Торгильс жил в Хёрдадале, и его двор назывался Тунга. Торгильс был человек рослый и видный и очень гордый. Покладистым его нельзя было назвать. Он часто ссорился со Снорри Годи. Снорри считал его тщеславным человеком, любящим вмешиваться в чужие дела. Торгильс принимал живое участие в делах всей округи. Он часто являлся в Хельгафелль и предлагал Гудрун свои услуги. Она отвечала на его предложение вежливо, но сдержанно. Торгильс пригласил ее сына Торлейка к себе, и тот долгое время жил в Тунге и изучал законы у Торгильса, потому что тот был большой знаток законов.

В те времена много странствовал и торговал Торкель, сын Эйольва. Он был именитым мужем и из знатного рода, и он был большим другом Снорри Годи. Он также часто бывал у Торстейна, сына Кугги, своего родича, когда приезжал сюда.

Однажды, когда корабль Торкеля стоял в Вадиле, на побережье Бардастранд (Побережье Барди), случилось в Боргарфьорде так, что один из сыновей Эйда из Аса был убит сыновьями Хельги с Бугра. Тот, кто убил, звался Грим, а брат его – Ньяль. Ньяль вскоре после того утонул в Хвите. А Грим был объявлен вне закона из-за этого убийства и прятался в горах все время, пока находился вне закона. Это был рослый и сильный человек. Эйд был уже стариком, когда это случилось. Поэтому преследование Грима вскоре прекратилось. Многие неотступно упрекали Торкеля, сына Эйольва, почему он, будучи родичем Эйда, сам не выполнит решения суда.

Следующей весной, когда корабль Торкеля был готов к отплытию, он отправился на юг через Брейдафьорд в Боргарфьорд, и там достал себе коня и один отправился в путь, и не отдыхал, пока не явился в Ас к Эйду, своему родичу. Эйд встретил его с радостью. Торкель сказал ему, что он приехал для того, чтобы разыскать Грима, который по его требованию объявлен вне закона. Он спросил, не знает ли Эйд, где находится жилище Грима. Эйд отвечал:

– Не одобряю я твое намерение и полагаю, что слишком дорого может обойтись тебе эта поездка, исход которой неизвестен. И стоит ли связываться с таким адским человеком, как Грим. Однако, если ты все же хочешь ехать, то возьми с собой побольше людей, чтобы исход дела целиком зависел от тебя.

– Это кажется мне не очень-то достойным, – сказал Торкель, – выезжать с целым отрядом против одного человека, но я прошу тебя дать мне на время твой меч Скафнунг^[184], и тогда я полагаю, что одержу победу над одиноким бродягой, каким бы он ни был хорошим воином.

– Делай как хочешь, – сказал Эйд, – но меня не удивит, если ты раскаешься в своем упрямстве. Поскольку, однако, ты предполагаешь сделать это ради меня, то я не буду тебе отказывать в том, о чем ты меня просишь, так как я полагаю, что Скафнунг будет в хороших руках, если он будет у тебя. Но такова природа этого меча, что солнце не должно освещать его рукоятку и что его нельзя обнажать в присутствии женщин. Если кто-нибудь будет ранен этим мечом, то рана не может зажить, если ее не коснется чудодейственным камнем, который есть при мече.

Торкель сказал, что будет точно следовать этим указаниям, и взял меч. Он, однако, просил Эйда показать ему дорогу туда, где живет Грим. Эйд сказал, что, вероятнее всего, Грим живет к северу, в Двухдневной Долине, около Рыбных Озер. После этого Торкель отправился к северу в том направлении, которое ему указал Эйд, и

после того как он далеко проехал по равнине, он увидел около большого озера хижину и подъехал к ней.

LVIII

Торкель подъехал к хижине и увидел, что какой-то человек сидит на берегу озера у устья ручья и удит рыбу. Голова его была прикрыта плащом. Торкель спешился и привязал своего коня к стене хижины. После этого он прошел к озеру, туда, где сидел человек. Грим увидел, что чья-то тень падает на воду, и быстро вскочил. Торкель успел подойти к нему очень близко и нанес ему удар. Удар пришелся по руке над запястьем, но рана была небольшая. Грим тотчас же бросился на Торкеля, и началась схватка. Тут сразу сказалась разница в силе, и Торкель упал, а Грим оказался на нем. Тогда Грим спросил, кто он, Торкель ответил, что это его не касается. Грим сказал:

– Случилось по-другому, чем ты предполагал, потому что теперь твоя жизнь в моей власти.

Торкель сказал, что он не будет просить о пощаде:

– Потому что счастье было против меня.

Грим сказал, что он принес людям уже достаточно несчастья, если даже не совершит еще одного убийства.

– Тебя ожидает другая судьба, а не смерть от этого боя, сказал он, – и я хочу подарить тебе жизнь, а ты отблагодари меня как хочешь.

Тут они оба встали и пошли к хижине. Торкель увидел, что Грим ослабел от потери крови. Он тогда взял камень от меча Скафнунг и потер им руку Грима и перевязал ее, и сейчас же боль и опухоль от раны прошли. Они переночевали там. Наутро Торкель собрался в путь и спросил Грима, не хочет ли он ехать с ним. Тот отвечал, что, конечно, хочет. Торкель не поехал к Эйду и направился сразу же к западу. Он не останавливался, пока не приехал в Селингсдальстунгу. Снорри Годи встретил его с большой радостью. Торкель сказал ему, как плохо окончилась его поездка. Но Снорри сказал, что все вышло хорошо.

– Грим кажется мне человеком, к которому расположено счастье. Я хочу, чтобы ты с ним договорился обо всем по-хорошему. Мой совет теперь тебе, друг, оставить свои торговые поездки и осесть здесь, и стать хёвдингом, и взять себе жену, какую тебе подходит.

Торкель отвечал:

– Нередко ваши советы приносили мне счастье.

И он спросил, думал ли Снорри о том, к какой женщине ему посвататься. Снорри отвечал:

– Ты должен посвататься к такой женщине, брак с которой будет наиболее почетен, и это Гудрун, дочь Освивра.

Торкель сказал, что это правда и что этот брак очень почетен.

– Однако меня смущает ее неукротимый нрав, – сказал он, – а также ее честолюбивые замыслы. Она будет требовать мести за своего мужа Болли. И мне кажется, что есть договоренность между нею и Торгильсом, сыном Халлы, и может случиться, что наше намерение ему не особенно понравится. Что же касается Гудрун, то она мне вполне по душе.

Снорри ответил:

– Я ручаюсь тебе, что от Торгильса тебе не будет ничего худого, и я надеюсь, что с мекьей за Болли кое-что случится раньше, чем пройдут ближайшие полгода.

Торкель отвечал:

– Может статься, это не пустые слова – то, что ты сейчас сказал, но о мекьей за Болли я не могу думать иначе, чем прежде, если только какие-нибудь могучие хёвдинги не возьмутся за это дело.

Снорри сказал:

– Я не буду возражать, если ты летом еще раз отправишься в плавание. Посмотрим, что тем временем произойдет.

Торкель сказал, что так и будет, и на этом они расстались. Торкель поехал на запад через Брейдафьорд к своему кораблю. Он взял Грима с собой в плавание. У них был попутный ветер в летнее время, и они достигли юга Норвегии. Тут Торкель сказал Гриму:

– Ты хорошо знаешь, какие дела и события свели нас вместе, мне не нужно об этом тебе рассказывать, и я бы хотел теперь, чтобы наша связь распалась с меньшими трудностями, чем это казалось возможным некогда. Я узнал тебя как человека достойного, и поэтому я к концу хочу с тобой договориться, как будто никогда не имел враждебных помыслов против тебя. Я дам тебе столько товаров, что ты сможешь объединиться для торговли с достойными людьми, но не селись здесь в стране на севере, потому что многие из родичей Эйда тоже торговые люди, и они таят вражду против тебя.

Грим поблагодарил его за эти слова и сказал, что он никогда не осмелился бы просить так много, как ему предлагают.

На прощанье Торкель дал Гриму хорошие товары. Многие говорили, что он поступил очень великодушно. После этого Грим поехал на восток, в Вик, и там поселился. Его почитали достойным человеком, и этим кончается все, что можно сказать о Гриме.

Торкель провел в Норвегии всю зиму и считался там выдающимся человеком. У него были большие богатства, и он был предприимчив и неутомим.

А теперь нужно на некоторое время вернуться в Исландию и послушать, что там произошло, пока Торкель был в отъезде.

Гудрун, дочь Освивра, выехала из дому в пятом месяце лета в Долины. Она направилась в Тюккваског. Торлейк жил тогда то в Тюккваскоге, у сыновей Армода – Халльдора и Арнольва, то в Тунге, у Торгильса.

Той же ночью Гудрун послала человека к Снорри Годи с вестью, что она хочет говорить с ним на следующий день. Снорри сразу же пустился в путь в сопровождении одного человека и ехал, пока не достиг Реки Ястребиной Долины. К северу от реки есть скала, которая называется Утес. Это место принадлежит к землям Ручейного Леса. Гудрун назначила это место для своей встречи со Снорри. Оба приехали почти одновременно. С Гудрун был один спутник. Это был Болли, сын Болли. Ему было тогда двенадцать лет^[185], но он был совсем как взрослый силой и разумом, так что было немало людей, которых нельзя было счесть настоящими мужами по сравнению с ним, хотя по годам они уже были взрослыми. При нем был также меч Фотбит.

Снорри и Гудрун тотчас же завели беседу, а Болли и спутник Снорри сидели на скале и наблюдали за проезжающими по всей округе. И после того, как Снорри и Гудрун обменялись новостями, Снорри спросил ее, какое еще происшествие заставило ее так спешно за ним послать. Гудрун сказала:

– Это правда, что для меня то происшествие, о котором я теперь сообщаю, все еще ново, хотя оно случилось двенадцать лет тому назад, потому что я хочу поговорить о мести за Болли. Для тебя это не должно быть неожиданным, поскольку я не один раз напоминала тебе об этом. Я хочу также сказать о том, что ты обещал мне некоторую поддержку, если я запасусь терпением, но теперь, как мне кажется, утрачена надежда, что ты позаботишься об этом деле. Я ждала так долго, сколько могла принудить себя, а теперь я хотела бы получить от вас совет, против кого должна быть направлена эта месть.

Снорри спросил, каковы ее намерения. Гудрун сказала:

– Мое желание таково, чтобы не все сыновья Олава остались невредимы.

Снорри сказал, что не может допустить, чтобы они напали на людей, самых уважаемых во всей округе.

– И к тому же, – продолжал он, – они близкие родичи тех, кто должен отомстить. Пора прекратить эти усобицы внутри рода.

Гудрун отвечала:

– Тогда нужно напасть на Ламби и убить его. Так мы отделаемся от самого злобного из врагов.

Снорри отвечал:

– Есть причины, по которым Ламби следовало бы убить. Но мне не кажется, что это будет надлежащей мстью за Болли. При переговорах о примирении мало будет почета для Болли, если оба эти убийства будут приравнены друг к другу.

Гудрун сказала:

– Может статься, что мы не сумеем нанести равный ущерб людям из Лососьей Долины и добиться справедливости. И все же кто-то должен заплатить за утрату, в какой бы долине он ни жил. Тогда следует обратиться против Торстейна Черного, потому что ни один из них не поступил хуже в этом деле, чем он.

Снорри отвечал:

– Торстейн в этом деле повинен так же, как все те люди, которые отправились в путь, чтобы убить Болли, но не коснулись его оружием. Однако ты оставляешь в покое одного человека, который, как мне кажется, больше заслужил мести и который принес Болли смерть. Это Хельги, сын Хардбейна.

Гудрун отвечала:

– Это верно. Однако я не могу примириться с тем, чтобы все эти люди, ненависть к которым у меня до сих пор все возрастала, продолжали спокойно жить.

Снорри отвечал:

– У меня есть хороший совет. Пусть Ламби и Торстейн отправятся в поход против Хельги с твоими сыновьями. Ламби и Торстейн заплатят тогда немалую цену за мир. Но если они этого не захотят сделать, тогда я не замолвлю за них больше ни слова, и пусть они будут наказаны так, как вам будет по нраву.

Гудрун спросила:

– Какой путь должна я избрать, чтобы заставить этих людей принять участие в том походе, о котором ты говорил?

Снорри отвечал:

– Это должен решить тот, кто будет главарем этого похода.

Гудрун сказала:

– Тут нам понадобится твой совет, кого назначить главарем и предводителем этого похода.

Тогда Снорри улыбнулся и сказал:

– Ты уже, как видно, выбрала нужного человека для этого.

Гудрун отвечала:

– Это ты говоришь, верно, о Торгильсе.

Снорри подтвердил, что это так. Гудрун сказала:

– Я говорила об этом с Торгильсом, и можно считать, что это ни к чему не привело, потому что он поставил условие, которое я не могу принять. Но Торгильс не отказывался отомстить за Болли, если он получит согласие на брак со мной. Однако это невозможно, и поэтому я не буду просить его принять участие в этом походе.

Снорри сказал:

– Я дам тебе совет, потому что я не хочу, чтобы Торгильс не смог принять участие в этом походе. Ты должна дать ему обещание на брак, однако с той оговоркой, что ты не выйдешь ни за какого другого человека, который находится здесь в стране, кроме Торгильса, и это

будет правдой, потому что Торкеля, сына Эйольва, теперь нет здесь в стране, а ему я обещал брак с тобой.

Гудрун отвечала:

– Он заметит эту хитрость.

Снорри возразил:

– Он, конечно, ее не заметит, потому что Торгильс более известен своей пылкостью, чем своим умом. Заключи эту сделку при немногих свидетелях. Пусть будет при этом Халльдор, его названный брат, но только не Арнольв, потому что тот умнее, и пусть я буду виноват, если ничего не выйдет.

После этого Гудрун прекратила с ним разговор, и они друг с другом простились. Снорри поехал домой, а Гудрун – в Тюккваског. На следующее утро после этого Гудрун выехала из Тюккваскога, и двое ее сыновей вместе с ней. И когда они ехали вдоль Лесного Побережья, они увидели, что за ними едут какие-то люди. Те ехали быстро и вскоре их нагнали, и это был Торгильс, сын Халлы. Они дружески приветствовали друг друга. После этого они поехали все вместе дальше, в Хельгафелль.

LX

Через несколько дней после того, как Гудрун вернулась домой, она призвала сыновей для беседы к себе, в свой огород, и когда они явились, они увидели, что там на земле была разостлана полотняная одежда: рубашка и полотняные штаны. Все это было в крови. Тут Гудрун сказала:

– Это платье, которое вы видите перед собой, должно подвигнуть вас на месть за отца. Я не хочу тратить много слов, потому что нечего ожидать, что на вас подействуют речи, зовущие к мести, если вы ничего не почувствуете при виде таких знамений и напоминаний.

Братья были сильно потрясены тем, что сказала Гудрун, но ответили, что прежде они были слишком молоды для совершения мести и что у них не было никого, кто бы их наставил на этот путь. Они сказали, что не в состоянии решать что-либо ни за себя, ни за других:

– Но мы оба помним, кого мы потеряли.

Гудрун отвечала, что, по ее мнению, они больше думают о конских боях^[186] или об играх. Затем они ушли.

Ночью после этого братья не могли заснуть. Торгильс заметил это и спросил, что с ними. Они рассказали ему весь разговор с матерью и прибавили, что они не могут дольше терпеть свое горе, а также материнские упреки.

– Мы попытаемся отомстить, – сказал Болли. – Мы, оба брата, теперь настолько возмужали, что люди будут попрекать нас, если мы ничего не сделаем.

На следующий день Торгильс и Гудрун стали говорить между собой, и Гудрун так повела речь:

– Мне кажется, Торгильс, что сыновья мои не хотят дольше сидеть сложа руки, не думая о мести за своего отца. Меня больше всего останавливало в этом деле то, что Торлейк и Болли казались мне слишком юными, чтобы участвовать в кровной мести. Но у нас были причины и раньше думать об этом.

Торгильс отвечал:

– Нет смысла говорить со мной об этом, раз ты отказалась выйти за меня. Однако мои мысли сейчас остались такими же, как прежде, когда мы оба говорили об этом: если я получу твое согласие на брак, то я не остановлюсь перед тем, чтобы убить одного или двух из главных виновников смерти Болли.

Гудрун сказала:

– Мне кажется, что Торлейк не выберет никого, кроме тебя, в качестве предводителя, когда нужно будет начать дело, которое потребует силы и смелости. И я не хочу скрывать от тебя, что мальчики намереваются отправиться в поход против Хельги, сына Хардбейна, этого вояки, который сидит у себя в Скоррадале (Долина Скорри) и думает, что ему нечего бояться.

Торгильс сказал:

– Для меня все равно, зовут его Хельги или как-нибудь иначе, потому что у меня не будет недостатка в решимости напасть на Хельги или любого другого. Это дело с моей стороны окончательно решено, если ты обещаешь при свидетелях выйти за меня после того, как я отомщу вместе с твоими сыновьями.

Гудрун отвечала, что выполнит свое обещание, если даже свидетелей при этом будет немного, и сказала, что это дело должно быть сделано. Гудрун велела позвать Халльдора, его названного брата, а кроме того, своих сыновей. Торгильс просил, чтобы при этом был также Арнольв. Гудрун сказала, что в этом нет надобности.

– Мои сомнения в том, что Арнольв тебе верен, кажется, более велики, чем твои сомнения, – добавила она.

Торгильс сказал, что пусть будет как она хочет. Тогда братья явились к Гудрун и Торгильсу. Тут же был Халльдор и беседовал с ними. Гудрун сообщила им свое решение и сказала:

– Торгильс обещал стать предводителем похода против Хельги, сына Хардбейна, и напасть на него в его доме вместе с моими сыновьями, чтобы отомстить за Болли. Торгильс поставил условием этого мое согласие на брак с ним. Теперь я беру вас в свидетели, что я обещаю Торгильсу не выходить замуж ни за какого другого человека, который находится со мной здесь в стране, кроме него. Однако я не намереваюсь выйти замуж и в другой стране.

Торгильс полагал, что этого достаточно, и ничего не заметил. На этом они закончили свою беседу. Было твердо решено, что Торгильс

предпримет поход. После этого он выехал из Хельгафелля, и с ним вместе сыновья Гудрун. Они поехали в глубь Долин и сначала домой, в Тунгу.

LXI

В следующее воскресенье был осенний тинг^[187], и Торгильс поехал туда со своими людьми. Снорри Годи не было на этом тинге. Там было очень много народу.

В течение дня Торгильс призвал к себе на беседу Торстейна Черного и сказал:

– Как тебе известно, дело обстоит так, что ты принимал участие в походе с сыновьями Олава, когда был убит Болли, и ты ничем не искупил этого перед его сыновьями. И вот, хотя уже прошло много времени с той поры, когда это случилось, я все же не думаю, что они забыли тех, кто участвовал в убийстве. Но братья полагают, что им менее всего пристало напасть на сыновей Олава по причине их родства. Поэтому братья намерены направить свою месть против Хельги, сына Хардбейна: ведь это он нанес Болли смертельную рану. Мы хотим просить тебя, Торстейн, чтобы ты принял участие в этом походе вместе с братьями и таким образом купил себе мир.

Торстейн отвечал:

– Не пристало мне участвовать в коварных замыслах против моего зятя Хельги. Я лучше уплачу деньги, чтобы сохранить мир, и притом в таком количестве, чтобы это было достаточно почетно.

Торгильс сказал:

– Как мне кажется, братьям не очень-то по нраву извлекать богатство из этого дела. Ты не должен заблуждаться, Торстейн, ты можешь выбирать только одно из двух: либо ты согласишься на участие в походе, либо ты должен быть готов к тому, что с тобой поступят плохо, как только к тому представится возможность. Я хотел бы, чтобы ты выбрал первое, несмотря на то что тебя с Хельги связывает родство. Каждый думает прежде всего о себе, когда попадает в такое трудное положение.

Торстейн спросил:

– Будут ли поставлены перед этим выбором и все остальные, кто виноват перед сыновьями Болли?

Торгильс отвечал:

– Точно так же и Ламби должен будет сделать выбор.

Торстейн сказал, что, как ему кажется, это лучше, что не он один будет втянут в это дело. После этого Торгильс позвал Ламби к себе и попросил Торстейна выслушать их беседу, и сказал:

– Я хочу поговорить с тобой о том же деле, Ламби, о котором я говорил с Торстейном: какую виру хочешь ты предложить сыновьям

Болли за ту обиду, которую ты им причинил? Потому что нам было сообщено, как истинная правда, что ты нанес рану Болли. К этому нужно добавить, что большая вина твоя состоит еще в том, что ты сильнее других подстрекал к убийству Болли. Правда, у тебя, если не говорить о сыновьях Олава, было больше всего оснований для этого.

Ламби спросил, чего от него хотят. Торгильс отвечал, что от него хотят того же, что и от Торстейна, – чтобы он согласился отправиться в поход вместе с братьями.

Ламби сказал:

– Я полагаю, что добьюсь мира дурными средствами, не достойными мужа, если не откажусь от этого похода.

Тут Торстейн сказал:

– Отнюдь не так просто, Ламби, отказаться от этого похода, потому что в этом деле участвуют могучие и достойные люди, которые полагают, что слишком долго позволяли поступать с собой несправедливо. Мне говорили о сыновьях Болли, что они стали зрелыми и сильными мужами, жаждущими битвы, и им надо отомстить за большую потерю. Мы не можем надеяться на спасение, если только не принесем какую-нибудь жертву. Люди больше всего будут упрекать меня за это дело, потому что я прихожусь Хельги родичем. Однако, мне кажется, большинству людей свойственно считать, что жизнь дороже всего. Следует первым долгом преодолеть те затруднения, которые нам непосредственно угрожают.

Ламби сказал:

– Легко понять, Торстейн, куда ты клонишь. Я полагаю, что мне придется согласиться, раз ты даешь такой совет, который тебе кажется единственно возможным. Ведь мы давно уже делили друг с другом все опасности. Но я хочу поставить условием, если я пойду на это, чтобы мои родичи, сыновья Олава, ничего не предпринимали, если месть против Хельги удастся.

Торгильс обещал это от имени братьев. Было решено, что Торстейн и Ламби присоединятся к походу под началом Торгильса. Они условились, что во вторник рано утром приедут в Тунгу в Хёрдадале. После этого они расстались. Торгильс поехал вечером домой, в Тунгу. И вот пришло время, когда, как они условились, нужно было встретиться у Торгильса тем, кто решил участвовать с ним в походе. Во вторник рано утром, перед восходом солнца, Торстейн и Ламби приехали в Тунгу. Торгильс принял их хорошо.

LXII

После этого Торгильс выехал из дому, и все они отправились вверх через Хёрдадаль, и было их десять человек. Тут был Торгильс, сын Халлы. Он был предводителем. Тут были сыновья Болли – Болли и

Торлейк. Торд Кот, их брат, был четвертым, пятым был Торстейн Черный, шестым – Ламби, седьмым и восьмым – Халльдор и Арнольв, девятым – Свейн, десятым – Хунбоги. Эти двое были сыновьями Альва из Долин. Все они были хорошими воинами.

Они поехали своим путем вверх, к Сопандаскарду (Метуший Перевал), но Лангаватнсдаль (Долина Озера) и дальше, к Боргарфьорду. Они переправились у Островного Брода через реку Нордру (Северная Река) и у Прибрежного Брода через реку Хвиту, вблизи от Двора. После этого они поехали в Рейкьярдаль (Долина Дымов), и дальше через хребет в Скоррадаль, и так вверх вдоль леса, пока не очутились поблизости от двора Ватнсхорн (Озерный Рог). Там они спешили. Вечер уже давно наступил. Двор Ватнсхорн расположен близ озера, к югу от реки. Торгильс сказал тут своим спутникам, чтобы они оставались там всю ночь:

– Я же подъеду к дому, чтобы все разведать и узнать, дома ли Хельги. Я слышал, что Хельги часто остается с небольшим количеством людей, но что он очень осторожен и спит в запертом помещении.

Спутники Торгильса просили его сделать так, как он найдет нужным. Торгильс после этого переоделся. Он снял свой синий плащ и набросил на себя дождевой плащ. Он отправился потом ко двору, и когда он подошел близко к изгороди, он увидел, как навстречу ему вышел человек. Когда они встретились, Торгильс сказал:

– Думаю, что мой вопрос покажется тебе неразумным, друг. Куда я пришел, и как называется этот двор, и кто в нем живет?

Тот отвечал:

– Ты, должно быть, очень глупый и невежественный человек, если ничего не слышал о Хельги, сыне Хардбейна, храбрейшем и могущественнейшем муже.

Тут Торгильс спросил, бывает ли Хельги гостеприимным, когда неизвестные люди приходят к нему, а в особенности такие, которые нуждаются в помощи.

Тот отвечал:

– О нем можно поистине сказать только хорошее, потому что Хельги один из самых славных мужей и по гостеприимству, и по великодушию.

– Дома ли сейчас Хельги? – спросил Торгильс. – Я хотел бы искать у него гостеприимства.

Тот спросил, что у него на уме. Торгильс отвечал:

– Этим летом на тинге я был объявлен вне закона. Я хотел бы теперь искать поддержки одного из тех людей, которые имеют большую силу. За это я бы предложил сопровождать его и служить ему. Отведи меня теперь в дом к Хельги.

– Мне это нетрудно сделать, – сказал тот, – отвести тебя в дом, и ты можешь получить здесь ночлег. Но Хельги ты тут не найдешь, – его нет дома.

Тогда Торгильс спросил, где он. Тот отвечал:

– Хельги на своем выгоне, который называется Зоб.

Торгильс спросил, где этот выгон и кто там вместе с Хельги. Тот отвечал, что с ним его сын Хардбейн, а также двое людей, объявленных вне закона, которых он взял к себе. Торгильс попросил показать ему дорогу к выгону:

– Потому что я хочу, если смогу, сейчас же встретиться с Хельги, – сказал он, – и поговорить с ним о моем деле.

Тот так и сделал. Он показал Торгильсу дорогу, и после этого они расстались. Торгильс возвратился в лес к своим спутникам и рассказал им, что он узнал о Хельги.

– Мы останемся здесь на ночь и только утром отправимся к выгону, – сказал он.

Они сделали, как он им сказал. На другое утро Торгильс со своими спутниками поскакал вдоль леса, пока они не приблизились к выгону. Тут Торгильс велел им спешиться и поесть. Они так и сделали и некоторое время отдыхали.

LXIII

Теперь нужно рассказать, что произошло в пастушьей хижине, где был Хельги, а также те его люди, о которых говорилось раньше. Хельги велел утром мальчику, который пас овец, чтобы он обошел лес вблизи выгона и посмотрел, нет ли проезжающих людей и нет ли каких-либо других новостей.

– Что-то сны мои этой ночью были тяжелыми, – сказал он.

Мальчик отправился в путь, как велел ему Хельги. Он некоторое время отсутствовал, и когда он пришел обратно, Хельги спросил его, что он видел нового. Тот отвечал:

– Я видел что-то, как я предполагаю, важное.

Хельги спросил, что это было. Тот отвечал, что он видел людей, и притом немало.

– И я думаю, что они не из нашей округи, – добавил он.

Хельги спросил:

– Где они были, когда ты их увидел, и что они делали, и заметил ли ты, какая у них одежда и какой у них вид?

Тот отвечал:

– Я не был настолько испуган, чтобы не обратить внимания на это, я знал, что ты будешь спрашивать об этом.

И он сказал, что они сидят недалеко от хижины и едят. Хельги спросил, сели ли они в круг или в ряд, друг возле друга. Тот отвечал, что они уселись в круг на своих седлах. Хельги сказал:

– Скажи мне теперь что-нибудь об их наружности. Я хотел бы знать, смогу ли я угадать по описанию, что это за люди.

Мальчик отвечал:

- Там сидел один человек на крашеном седле, в синем плаще. Он был высок ростом, и у него был воинственный вид. Над висками у него была лысина, и зубы его были все время видны.

Хельги сказал:

- Этого человека я сразу узнаю по твоему рассказу. Ты видел Торгильса, сына Халлы, с запада, из Хёрдадаля. Но чего хочет от нас этот задира?

Мальчик сказал:

- Рядом с ним сидел человек на золоченом седле. Он был в пурпурном кюртиле^[188], на руке у него было золотое запястье, а на голове повязка, вышитая золотом. У него были золотистые волосы, которые падали ему на плечи. У него был светлый цвет лица и горбинка на носу, а впереди нос у него был немножко приподнят. Глаза у него были очень красивые, - он был голубоглазый, - взгляд зоркий и несколько беспокойный, широкий лоб и полные щеки. У него была челка над бровями, и он был широк в плечах, и грудь у него была сильная. У него были очень красивые и сильные руки, и все его поведение было благородным. И еще я хочу сказать, что я никогда не видел такого воинственного человека. Он был еще юношей, так что у него не росла борода. Мне показалось, что его гнетет тяжкая забота.

Тут Хельги отвечал:

- Точно ты разглядел этого человека. В нем должно быть что-то необычайное. Однако я не думаю, что видел его когда-либо. Но я хочу высказать догадку, кто он такой. Я полагаю, что это был Болли, сын Болли, потому что мне рассказывали, что он подает большие надежды.

Тут мальчик сказал:

- Там еще сидел человек на седле, украшенном финифтью. Он был в светло-зеленом кюртиле. На руке у него был большой золотой перстень. Этот человек был красив лицом и, должно быть, молод. Волосы у него были темные, и они очень красиво ниспадали ему на плечи, и, судя по всему, это был человек благородный.

Хельги отвечал:

- Мне кажется, что я знаю, кто этот человек, о котором ты рассказал. Наверное, это Торлейк, сын Болли. Ты мальчик зоркий и понятливый.

Мальчик сказал:

- Рядом с ним сидел юноша. Он был в синем кюртиле и черных штанах, и полы его кюртиля были заправлены в штаны. У этого человека черты лица были правильные, волосы светлые, красивое лицо, и он был строен и благороден с виду.

Хельги отвечал:

- Этого человека я узнаю. Я видел его, когда он был еще совсем молодым. Это, вероятно, Торд, сын Торда, воспитанник Снорри Годи. Очень знатные люди собрались тут из западных фьордов. Кто был там еще?

Тут мальчик сказал:

– Там сидел еще человек на шотландском седле, с седой бородой и смуглым лицом. Он был черноволосый, кудрявый и очень некрасивый, но воинственного вида. Он был в сером плаще.

Хельги сказал:

– Ясно вижу я, кто этот человек. Это Ламби, сын Торбьёрна из Лососьей Долины. Но я не могу понять, как он оказался вместе с этими братьями.

Мальчик сказал:

– Там сидел еще человек на высоком седле. На нем была одежда синего цвета без рукавов, и на руке у него было серебряное запястье. Вид у него был как у бонда, и он был уже немолод. Волосы у него были темного цвета и очень кудрявые. У него на лице был рубец.

– Теперь я совсем ничего не понимаю, – сказал Хельги. – Это, должно быть, ты видел Торстейна Черного, моего шурина. Поистине удивительно, что он участвует в этом походе. Я бы не приехал так к нему. Однако кто был там еще?

Тот отвечал:

– Там сидело еще два человека, похожих друг на друга. Они были среднего возраста, очень сильные, с рыжими волосами. И лица их были покрыты веснушками, и все же они были хороши собой.

Хельги сказал:

– Я точно знаю, кто эти люди. Это сыновья Армода, названные братья Торгильса – Халльдор и Арнольв. Ты очень наблюдателен. Однако всех ли людей ты теперь описал, которых ты видел?

Тот отвечал:

– Мне мало осталось добавить. Рядом с ними, вне круга, сидел еще один человек. Он был в чешуйчатом панцире, и на голове у него был стальной шлем, края которого шириной с ладонь. Он перекинул через плечо сверкающую секиру, лезвие которой было примерно с локоть. У него было смуглое лицо и черные глаза, и у него был вид викинга.

Хельги отвечал:

– Этого человека я точно узнаю по твоему описанию. Это был Хунбоги Сильный, сын Альва из Долин. Нелегко мне понять, чего они хотят, но они хорошо выбрали себе людей для этого похода.

Мальчик сказал:

– И рядом с этим сильным человеком сидел еще один человек. У него были темные волосы, грубое и красное лицо и широкие брови. Он был среднего роста.

Хельги сказал:

– Тебе не нужно продолжать дальше. Это был Свейн, сын Альва из Долин, брат Хунбоги. И будет лучше для нас, если мы не окажемся бездейственными перед лицом этих людей. Потому что я подозреваю, что они хотят встретиться со мной, прежде чем покинуть это место, и среди них есть люди, которые бы хотели, чтобы эта встреча произошла

несколько раньше. Пусть женщины, которые сейчас здесь на выгоне, переоденутся мужчинами, и возьмут коней, и как можно скорее скачут домой. Может статься, что те, кто сидит здесь недалеко от нас, не разберут, кто там едет, мужчины или женщины. Если бы они нам оставили хоть немного времени, чтобы к нам сюда могла прибыть подмога, то еще неизвестно, на чьей стороне будет удача.

Женщины уехали, их было всего четверо.

Торгильс заподозрил, что весть о них дошла до Хельги, и велел своим спутникам взять коней и как можно скорее ехать. Они так и сделали. Но только они вскочили на коней, как увидели человека, который ехал прямо к ним. Он был мал ростом и очень подвижен, у него был очень беспокойный взгляд, и он сидел на хорошем коне. Этот человек приветствовал Торгильса, как знакомого. Торгильс спросил, как его зовут и какого он рода, а также откуда он едет. Тот отвечал, что его зовут Храпп и что он с материнской стороны происходит с Брейдафьорда.

– Там я вырос, – сказал он. – Меня зовут Храпп Убийца, и я назван так потому, что я человек необходимый, хоть и мал ростом. Но со стороны отца я происхожу с юга и не одну зиму прожил там. Очень удачно случилось, Торгильс, что я здесь с тобой встретился, потому что хотел тебя разыскать, хотя это было бы для меня и несколько труднее. Я попал в трудное положение. Я поссорился со своим хозяином. Он плохо обходился со мной, а я уже из-за своего прозвища не могу допустить, чтобы кто-нибудь меня оскорблял. Поэтому я на него напал. Однако я боюсь, что я либо слабо ранил его, либо вовсе не ранил. С тех пор я пробыл там совсем недолго, чтобы выведать, как обстоят дела, и почувствовал себя в безопасности только тогда, когда вскочил на этого коня, которого взял у хозяина.

Храпп говорил много, но спрашивал мало. И все же он вскоре понял, что они намереваются напасть на Хельги, и он был этим доволен и сказал, что не отстанет от других.

LXIV

Торгильс и его спутники, как только сели на коней, быстро поскакали и выехали из леса. Тут они увидели, что четыре человека скачут прочь от хижины. Те тоже погоняли коней как могли. Тут некоторые из спутников Торгильса сказали, что нужно погнаться за ними как можно скорее. Тогда Торлейк, сын Болли, сказал:

– Лучше нам раньше подъехать к хижине и посмотреть, что там за люди, потому что я полагаю, что вряд ли это Хельги со своими людьми. Мне кажется, что это только женщины.

Больше было таких, кто против этого возражал. Но Торгильс сказал, что пусть Торлейк решает, потому что ему известно, что у Торлейка

самое острое зрение. Тогда они повернули к хижине. Храпп скакал впереди и размахивал в воздухе копьем, которое у него было в руке. Он наносил им удары перед собой и говорил, что теперь самое время испытать себя.

Хельги и его люди не заметили приближения врагов, пока Торгильс и его спутники не окружили хижину. Хельги велел запереть дверь и взяться за оружие. Храпп тотчас вскочил на крышу хижины и спросил, внутри ли лиса. Хельги отвечал:

– Ты сейчас увидишь, что тот, кто здесь живет, довольно опасен и что он может кусаться, если подойти к нему слишком близко.

И тотчас же Хельги нанес удар копьем через отверстие в крыше и пронзил Храппа. Тот свалился мертвым на землю.

Торгильс велел своим людям действовать осторожно и остерегаться несчастья.

– Ведь мы достаточно сильны, – сказал он, – чтобы захватить хижину и одолеть Хельги, потому что я думаю, что у него мало людей.

Хижина была построена так, что ее крыша держалась на одной только балке, которая лежала на стенах, и концы балки выдавались наружу. Крыша состояла из одного слоя дерна, и он еще не сросся.

Тут Торгильс сказал, что нужно подойти к концам балки и потянуть так сильно, чтобы либо сломалась балка, либо рухнула крыша. А другие должны были стоять у двери, чтобы никого не выпустить.

В хижине, вместе с Хельги, было пятеро. Там был его сын Хардбейн – ему было двенадцать лет, – мальчик-пастух и двое других людей, которые этим летом пришли к нему. Они были объявлены вне закона. Одного из них звали Торгильс, а другого Эйольв.

Торстейн Черный стоял перед дверью хижины, и с ним Свейн, сын Альва из Долин, а другие соратники старались сорвать крышу с хижины, и для этого они разделились. За один конец балки взялся Хунбоги Сильный, и с ним вместе сыновья Армода, а за другой конец балки взялись Торгильс и Ламби, и с ними вместе сыновья Гудрун. Они навалились со всей силой на балку, так что она посередине сломалась пополам. И в это время Хардбейн нанес из хижины, оттуда, где была проломлена дверь, удар длинным копьем. Удар пришелся по стальному шлему Торстейна Черного, так что он был ранен в лоб, и это была большая рана. Тут Торстейн сказал, и это было правдой, что они имеют дело с мужами.

Сейчас же после этого Хельги так стремительно выбежал из двери, что те, кто стоял ближе, отпрянули. Торгильс стоял там поблизости и ударил его мечом. Удар пришелся в плечо, и это была большая рана. Хельги повернулся против него, и в руках у него был дровяной топор. Хельги сказал:

– Старик еще осмеливается встречаться с обнаженным оружием врага!

И он замахнулся своим топором на Торгильса, и ударил его по ноге, и это была большая рана.

Когда Болли это увидел, он ринулся на Хельги, и в руке у него был меч Фотбит, и он пронзил им Хельги, и это была смертельная рана. Товарищи Хельги выбежали тогда из хижины, и также Хардбейн. Торлейк, сын Болли, обратился против Эйольва. Это был сильный муж. Торлейк ударил его мечом и попал в бедро над коленом, и отрубил ему ногу, и тот упал мертвый на землю. А Хунбоги Сильный подбежал к Торгильсу и ударил его секирой, и удар пришелся по спине и рассек его пополам. Торд Кот стоял поблизости, когда Хардбейн выбежал, и хотел на него напасть. Но Болли подскочил к нему, когда увидел это, и сказал, чтобы тот не причинял Хардбейну вреда:

– Никто не должен совершать здесь постыдных поступков. Хардбейна надо пощадить.

У Хельги был еще один сын, которого звали Скорри. Он воспитывался в Энгланде, на юге Рейкьярдаля.

LXV

После всего случившегося Торгильс и его спутники отправились обратно через горный кряж в Рейкьярдаль и там объявили об этих убийствах. Потом они поехали на запад той же дорогой, какой они ехали с запада, и не останавливались, пока не прибыли в Хёрдадаль. Они рассказали тут о том, что произошло во время их поездки. Их поход стал знаменитым, и всем казалось, что одолеть такого воина, каким был Хельги, немалый подвиг. Торгильс поблагодарил своих спутников за то, что они приняли участие в этом походе, и то же самое сделали братья, сыновья Болли. После этого они расстались, те, кто ездили с Торгильсом.

Ламби поехал на запад, в Лососью Долину, но сначала заехал в Хьярдархолт и подробно рассказал своим родичам о том, что произошло в Скоррадале. Те были очень недовольны его поездкой, и сильно упрекали его, и говорили, что этим он показал, что он больше принадлежит к роду Торбьёрна Хилого, нежели к роду Мюркьяртана, короля ирландцев. Ламби очень рассердился на них за их речи и сказал, что они не знают, что делают, когда его попрекают.

– Потому что я отвел от вас смерть, – сказал он.

После этого они обменялись лишь немногими словами, потому что у обеих сторон недовольство еще усилилось. Ламби уехал к себе домой.

Торгильс, сын Халлы, поехал в Хельгафелль, и с ним вместе сыновья Гудрун и его названные братья Халльдор и Арнольв. Поздним вечером они прибыли в Хельгафелль, так что все люди были уже в постелях. Гудрун поднялась и велела людям встать и позаботиться об угощении. Она вошла в дом, где они сидели, и приветствовала Торгильса и всех

его спутников, и спросила, каковы новости. Торгильс ответил на приветствие Гудрун. Он снял свой плащ и отложил оружие, и уселся у столбов, поддерживающих крышу. Торгильс был в коричнево-красной одежде, и на нем был широкий серебряный пояс. Гудрун села рядом с ним на скамью. Тут Торгильс сказал такую вису:

Мы убили Хельги
У него же в доме,
Трупы ворону кинув,
Сталь мечей обагрили.

Торлейк вел нас в битву.
Три отважных воина
Пали в сече с нами.
Это месть за Болли.

Гудрун подробно расспрашивала обо всем, что случилось во время похода. Торгильс отвечал на все, о чем она спрашивала. Гудрун сказала, что поход был совершен очень быстро, и просила принять ее благодарность. После этого их стали угощать, и когда они поели, их проводили к постелям. Там они проспали ночь.

На следующий день Торгильс начал разговор с Гудрун и сказал:

– Дело обстоит так, как ты знаешь, Гудрун, что я возвратился из того похода, о котором ты меня просила, и притом так, как надлежит мужу. И я надеюсь, что я это дело сделал не даром. Ты также, вероятно, вспоминаешь, какую награду ты мне обещала. Я полагаю, что теперь я заслужил эту награду.

Тогда Гудрун сказала:

– Не так много времени прошло с тех пор, как мы говорили с тобой, чтобы я могла об этом забыть. У меня и нет другого намерения, как выполнить все то, что я тебе обещала. Но помнишь ли ты, что я тогда произнесла?

Торгильс отвечал, что она, по-видимому, должна это помнить.

Гудрун отвечала:

– Я полагаю, что я обещала тебе, что я не выйду замуж ни за какого другого человека, который находится здесь со мной в стране, кроме тебя. Или ты хочешь что-нибудь возразить против этого?

Торгильс сказал, что она помнит правильно.

– Что ж, это хорошо, – сказала Гудрун, – если мы не расходимся в том, что мы помним. Я не хочу от тебя дальше скрывать, что я не думаю, чтобы я стала твоей женой. Мне кажется, что я поступлю согласно своему обещанию, если выйду замуж за Торкеля, сына Эйольва, поскольку его теперь нет в стране.

Тут Торгильс сильно покраснел и сказал:

– Я ясно вижу, откуда все это. Оттуда всегда шли злые замыслы против меня. Я знаю, что все это советы Снорри Годи.

Торгильс сейчас же вскочил и прекратил разговор, и был в страшном гневе. Он вышел к своим спутникам и сказал, что хочет уехать. Торлейк был недоволен случившимся и тем, что Торгильс был обманут, но Болли согласился с волей матери. Гудрун сказала, что она даст Торгильсу богатые подарки и таким образом его утешит. Торлейк отвечал, что это не поможет.

– Торгильс слишком горд, чтобы удовольствоваться столь малым, – сказал он.

Гудрун сказала, чтобы он сам подумал, как ему утешиться. Торгильс уехал после этого из Хельгафелля, и с ним вместе его названные братья. Он вернулся домой, в Тунгу, на свой двор, и был очень недоволен своей судьбой.

LXVI

Этой зимой Освивр заболел и умер. Это было большим несчастьем, ибо он был очень мудрым человеком. Освивра похоронили в Хельгафелле, потому что Гудрун построила там церковь.

Той же зимой заболел Гест, сын Оддлейва, и когда болезнь стала угрожать его жизни, он призвал своего сына Торда Короткого и сказал:

– У меня такое предчувствие, что болезнь прервет нашу совместную жизнь. Я хочу, чтобы мое тело перевезли в Хельгафелль, потому что это место станет первым во всей округе^[189]. Часто я видел над ним сияние.

После этого Гест скончался.

Зима была холодная. Лед был очень толстый и сковал море в Брейдафьорде так далеко, что кораблям нельзя было подойти к Бардастранду. Тело Геста две ночи находилось в Хаги. И когда прошла вторая ночь, поднялся такой сильный ветер, что весь лед отогнало от берега. А на следующий день после этого погода была хорошая и тихая. Торд взял корабль, внес на него тело Геста, они отправились днем на юг через Брейдафьорд и к вечеру прибыли в Хельгафелль. Торд был там хорошо принят и остался на ночь. На другое утро Геста похоронили, и он теперь лежал в одной могиле с Освивром. Таким образом, исполнилось предсказание Геста^[190], что между ним будет меньшее расстояние, чем тогда, когда один жил на Бардастранде, а другой в Селингсдале. Торд Короткий поехал домой, как только все было кончено. На следующую ночь разыгралась страшная непогода, и весь лед понесло обратно к берегу. Море было покрыто льдом всю зиму, так что корабли не могли проходить. Людям казалось великим знамением, что удалось пройти с телом Геста, в то время как до того и после того по морю нельзя было пройти.

LXVII

Жил человек по имени Торарин. Его двор был в Лангадале. Он был годи, но не обладал большим могуществом. Сына его звали Аудгисль. Он был храбрым человеком. Торгильс, сын Халлы, отнял у них звание годи, и это казалось им большой обидой.

Аудгисль отправился к Снорри Годи и рассказал ему об этом насилии, и просил его о помощи. Снорри отвечал ему дружелюбно, однако довольно сдержанно, и сказал:

– Он становится невоздержанным и дерзким, это отродье Халлы. Неужели Торгильс так и не встретил людей, которые воспротивятся его воле? Правда, верно и то, что он человек могучий и умелый. Однако и таких людей, как он, отправляли на тот свет.

Снорри подарил Аудгислю разукрашенную секиру, когда тот уезжал.

Весной Торгильс, сын Халлы, и Торстейн Черный поехали на юг, в Боргарфьорд, и предложили сыновьям Хельги и другим его родичам виру. Договор был заключен, и он был почетным. Торстейн уплатил две части виры за убийство, Торгильс должен был уплатить третью часть, и это должно было совершиться на тинге.

Тем летом Торгильс отправился на тинг, и когда они подъезжали к лавовому полю у места тинга, они увидели женщину, которая приближалась к ним. Она была очень высокого роста. Торгильс подъехал к ней, но она отпрянула от него и сказала следующее:

Всем начеку
Надобно быть,
Козни врага
Рушить. Но всех
Ждет западня:
Снорри умен.

После этого она пошла своей дорогой. Тут Торгильс сказал:

– Редко случалось так, когда судьба была ко мне благосклоннее, чтобы ты уезжала с тинга, когда я ехал на тинг^[191].

Тут Торгильс отправился на тинг, к своей палатке, и первое время на тинге все было спокойно. Однажды на тинге случилось так, что одежды были развешаны для просушки. У Торгильса был синий плащ. Он был повешен на стене палатки. Люди слышали, как плащ сказал следующее:

Он висит и сохнет
На стене. Он знает
Замысел коварный, —
Не один, а два их^[192].

Всем это показалось большим чудом.

На следующий день после этого Торгильс отправился на западный берег реки, чтобы уплатить виру сыновьям Хельги. Он присел на

лавовом поле над палаткой. С ним был Халльдор, его названный брат, и, кроме того, здесь были другие люди. Туда пришли сыновья Хельги. Торгильс начал тогда отсчитывать серебро. Аудгисль, сын Торарина, проходил при этом мимо, и в то мгновение, когда Торгильс сказал «десять», Аудгисль нанес ему удар, и всем показалось, что они услышали, как голова произнесла «одиннадцать», когда она отлетала от шеи. Аудгисль побежал к палатке людей из Ватнсфьорда, но Халльдор тотчас же устремился за ним и нанес ему смертельный удар у дверей палатки.

Весть о том, что Торгильс, сын Халлы, убит, дошла до палатки Снорри Годи. Снорри сказал;

– Ты, вероятно, не так понял. Торгильс, сын Халлы, вероятно, сам кого-нибудь убил.

Собеседник ответил:

– Во всяком случае его голова отлетела от туловища.

– Тогда возможно, что это так, – сказал Снорри.

За это убийство была заплачена вира, как рассказывается в саге о Торгильсе, сыне Халлы.

LXVIII

В то самое лето, когда был убит Торгильс, сын Халлы, в Бьярнархёфн пришел корабль. Он принадлежал Торкелю, сыну Эйольва. Он был тогда таким богатым человеком, что у него было два торговых корабля в плавание. Второй из них прибыл в Хрутафьорд, в Бордейр, и оба были нагружены лесом.

И когда Снорри Годи услышал о прибытии Торкеля, он тотчас же отправился к кораблю. Торкель встретил его очень дружелюбно. У Торкеля на корабле было также много питья. Угощение было великолепным, и они долго беседовали друг с другом. Снорри спросил, что нового произошло в Норвегии. Торкель рассказал обо всем складно и точно. Снорри, в свою очередь, рассказал о новостях, которые случились здесь в то время, пока Торкель был в отъезде.

– Мне кажется, что тебе следовало бы, – сказал Снорри, – как я уже говорил тебе до твоего отъезда, прекратить свои путешествия, зажить на покое и вступить в тот брак, о котором тогда шла речь.

Торкель отвечал:

– Я вижу, куда ты метишь, и мое намерение не изменилось с тех пор, как мы говорили об этом. Я не откажусь от завидной женитьбы, если она окажется возможной.

Снорри сказал:

– Я готов оказать тебе поддержку и помощь в этом деле. Теперь для твоего брака с Гудрун устранены оба препятствия, которые казались

тебе особенно непреодолимыми: месть за Болли свершилась, а Торгильс устранен.

Торкель произнес:

– Мудры твои советы, Снорри, и я, конечно, направлю свои усилия на это дело.

Снорри оставался несколько ночей на корабле. После этого они взяли десятивесельную лодку, которая стояла у корабля, и собрались в путь. Всего их было два с половиной десятка человек. Они отправились в Хельгафелль. Гудрун встретила Снорри с большой радостью. Им предложили превосходное угощение, и когда они пробыли там одну ночь, Снорри позвал Гудрун, чтобы с ней поговорить, и сказал:

– Дело обстоит так, что я предпринял это путешествие ради Торкеля, сына Эйольва, моего друга. Он теперь прибыл сюда, как видишь, и привело его сюда намерение посвататься к тебе. Торкель – именитый муж. Тебе известно, из какого он рода, а также его образ действий. У него также нет недостатка в имуществе. Нам кажется, что он подходит более других для того, чтобы стать хёвдингом здесь, на западе, если только он захочет этого. К Торкелю все относятся с почтением, когда он бывает здесь. Но еще более его почитают, когда он бывает в Норвегии у высокопоставленных людей.

Тут Гудрун отвечала:

– В этом деле решать надлежит прежде всего моим сыновьям, Торлейку и Болли, и, кроме них, тебе третьему, Снорри. Я охотнее всего обращаюсь к тебе за советом в делах, которые кажутся мне наиболее важными, потому что ты уже с давних пор был моим добрым советчиком.

Снорри отвечал, что, само собой разумеется, Торкеля нельзя отстранить. После этого Снорри велел позвать сыновей Гудрун. Он сообщил им об этом деле и объяснил им, как вырастет их могущество с помощью Торкеля, благодаря его богатству и заботам о них, и говорил весьма вкрадчиво.

Тут Болли отвечал:

– Моя мать может судить об этом лучше всего. Я согласен с ней. Конечно, для меня важно то, что ты поддерживаешь это дело, Снорри, потому что ты сделал для нас немало хорошего.

Тогда Гудрун сказала:

– Мы охотно последуем за Снорри в этом деле, потому что его советы вели к нашему счастью.

Снорри стал их всячески уговаривать, и было решено, что Гудрун и Торкель поженятся.

Снорри предложил, чтобы свадебный пир был у него. Торкель был этим доволен.

– Дело не станет за тем, чтобы добавить средства на это, сколько вы пожелаете, – сказал он.

Тогда Гудрун сказала:

– Я хочу, чтобы свадьбу справили здесь, в Хельгафелле. Я не боюсь, что мне трудно будет найти для этого средства, и я не обращаюсь за помощью ни к Торкелю, ни к кому другому.

– По всему видно, Гудрун, – сказал Снорри, – что ты выдающаяся женщина.

Тогда было решено, что свадьбу сыграют в Хельгафелле за шесть недель до начала зимы. После этого Снорри и Торкель уехали. Снорри поехал домой, а Торкель на свой корабль. Он проводил это лето попеременно то в Тунге, то на корабле. Время свадебного пира приближалось. Гудрун усердно занималась подготовкой к свадьбе и запасалась угощениями. Снорри Годи явился на этот пир с Торкелем, и с ними было около шести десятков человек. Это была славная дружина, потому что большинство из них были в крашенных платьях. Гудрун заранее пригласила около ста гостей. Братья Болли и Торлейк вышли встречать Снорри с его спутниками, а также приглашенных заранее гостей. Снорри и сопровождавшие его люди были встречены великолепно. У них приняли коней и одежду. Их провели в дом. Торкель и Снорри со своими спутниками сели на одну скамью, более почетную, а гости Гудрун на другую.

LXIX

Этой осенью Гуннар, убийца Тидранди, был послан к Гудрун, чтобы искать у нее защиты и помощи. Она приняла его, и его имя оставалось в тайне. Гуннар был объявлен вне закона из-за убийства Тидранди, сына Гейтира с Крестового Залива, как об этом рассказывается в саге о людях с Залива Ньёрда. Он скрывался, потому что многие сильные люди преследовали его.

В первый вечер пира, когда люди отправились умыться, у воды стоял человек высокого роста. У него были широкие плечи и грудь. На голове у него была шляпа. Торкель спросил его, кто он. Тот назвал себя так, как ему вздумалось. Торкель сказал:

– Ты, наверное, говоришь неправду. Судя по рассказу, ты скорее похож на Гуннара, убийцу Тидранди, и если ты такой великий воин, как о нем рассказывают, то ты не захочешь скрывать свое имя.

Тогда Гуннар отвечал:

– Ты очень настойчиво требуешь этого. Я полагаю, что мне нет надобности скрываться от тебя. Ты правильно разгадал, что я за человек. Но как ты теперь полагаешь поступить со мной?

Торкель отвечал, что он вскоре даст ему знать об этом. Он сказал своим людям, чтобы они схватили его. А Гудрун сидела на поперечной скамье, и с нею женщины в праздничных покрывалах на голове. И как только она заметила происходящее, она встала со скамьи, предназначенной для невесты, и велела своим людям оказать помощь

Гуннару. Она велела также не щадить никого, в случае если произойдет что-либо неподобающее. У Гудрун было намного больше людей. Дело принимало другой оборот, чем казалось сначала.

Снорри Годи встал между людьми и просил, чтобы буря улеглась:

– Единственное, что тебе остается, Торкель, это не впадать в такую ярость из-за этого дела. Как ты видишь, могущество Гудрун так велико, что она может победить нас обоих.

Торкель сослался на то, что он обещал своему тезке Торкелю, сыну Гейтира, что он убьет Гуннара, если тот покажется на западе:

– А он один из моих самых больших друзей.

Снорри сказал:

– В гораздо большей мере ты обязан действовать согласно нашему желанию. И для тебя самого это крайне необходимо, поскольку ты никогда не найдешь женщины, подобной Гудрун, как бы далеко ты ни искал.

И благодаря уговорам Снорри, а также потому, что он сам увидел, что тот говорит правду, Торкель успокоился, а Гуннара в тот же вечер увели в другое место. Пир продолжался, столь же пышный и веселый, и когда празднество окончилось, люди собрались уезжать. Торкель дал Снорри ценные подарки, а также всем знатным гостям. Снорри пригласил Болли, сына Болли, к себе и просил его бывать у него всегда, когда ему только вздумается. Болли принял это приглашение и поехал с ним в Тунгу.

Торкель поселился теперь в Хельгафелле и занялся там хозяйством. Вскоре стало очевидным, что к этому делу он был расположен не меньше, чем к торговым путешествиям. Той же осенью он велел снести главный дом, и новый был готов к зиме и был большой и красивый. Торкель и Гудрун очень привязались друг к другу.

Так прошла зима. Следующей весной Гудрун спросила, что он хочет сделать для Гуннара, убийцы Тидранди. Торкель сказал, что это должна решить она:

– Ты так горячо взялась за это, что будешь довольна только если мы отпустим его с почетом.

Гудрун сказала, что он прав.

– Я хочу, – сказала она, – чтобы ты дал ему корабль и снарядил его так, чтобы у него не было недостатка ни в чем.

Торкель ответил и улыбнулся при этом:

– У тебя великие помыслы, Гудрун, – сказал он, – и тебе не годился бы в мужья какой-нибудь бедняк. Это не подходит к твоей природе. Пусть будет по твоей воле.

Так и было сделано.

Гуннар принял подарок с большой благодарностью.

– У меня, к сожалению, руки всегда будут слишком коротки, чтобы я смог отблагодарить вас за всю ту честь, которую вы мне оказали, – сказал он.

Гуннар уехал и прибыл в Норвегию. После этого он отправился на свой двор. Гуннар был очень богат. Он был могущественным и достойным человеком.

LXX

Торкель, сын Эйольва, стал могучим хёвдингом. Он старался завоевать себе как можно больше почета и друзей. Он был влиятелен в своей округе и искусен в судебных тяжбах. Но о его тяжбах на тинге здесь не рассказывается. Торкель был самым могущественным человеком на Брейдафьорде, пока он был жив, если не считать Снорри. Торкель отлично вел хозяйство на своем дворе. Он велел перестроить все постройки в Хельгафелле, так что они стали просторными и крепкими. Он наметил также место для церкви и объявил, что намеревается добыть строевой лес и построить церковь. У Торкеля и Гудрун был сын. Он был назван Геллир. Вскоре стало заметно, что из него вырастет достойный человек.

Болли, сын Болли, жил попеременно то в Тунге, то в Хельгафелле. Снорри его очень любил. Брат его Торлейк жил в Хельгафелле. Оба брата были рослыми и достойными людьми, однако Болли во всем был первым. Торкель хорошо обходился со своими пасынками. Гудрун любила Болли больше всех своих детей. Болли было тогда шестнадцать лет, а Торлейку двадцать.

Торлейк сказал Торкелю, своему вотчиму, и своей матери, что хочет отправиться за море:

– Опротивело мне сидеть дома, как женщине. Я хотел бы, чтобы мне дали средства на поездку.

Торкель отвечал:

– Я полагаю, что я никогда не отказывал ни в чем вам, братьям, с тех пор как мы породнились. Мне кажется вполне понятным, что тебе хочется узнать нравы других людей, и я уверен, что ты везде будешь принят как человек доблестный, к каким бы достойным людям ты ни попал.

Торлейк сказал, что ему не нужно много добра:

– Потому что еще неизвестно, смогу ли я его сберечь. Я еще молод и во многом неопытен.

Торкель просил его взять столько, сколько он хочет. После этого Торкель купил для Торлейка часть корабля, который стоял в Дёгурдарнесе. Торкель проводил его на корабль и хорошо снарядил. Торлейк отплыл летом. Этот корабль пришел в Норвегию. Страной правил тогда конунг Олав Святой^[193]. Торлейк тотчас же отправился к конунгу Олаву. Тот радушно принял его, и сказал, что хорошо знает его род, и пригласил его к себе. Торлейк принял его приглашение. Он остался у конунга на зиму и стал его дружинником. Конунг его высоко

ценил. Торлейк оказался доблестным мужем, и он оставался у конунга Олава много лет.

Теперь надо рассказать о Болли, сыне Болли. Той весной, когда ему исполнилось восемнадцать лет, он повел речь с Торкелем, своим вотчимом, а также со своей матерью о том, что он хочет, чтобы они выделили ему отцовское наследство. Гудрун спросила, что он намеревается делать, раз он требует у нее денег. Болли отвечал:

– Я хочу, чтобы мне просватали жену. И я хотел бы, Торкель, мой вотчим, – сказал Болли, – чтобы ты был моим сватом.

Торкель спросил, к какой девушке он хочет посвататься.

Болли отвечал:

– Эту девушку зовут Тордис. Она дочь Снорри Годи. Это та девушка, которую я больше всего хотел бы получить в жены, и я не скоро женюсь, если из этого ничего не выйдет. Для меня очень важно, чтобы мой замысел удался.

Торкель отвечал:

– Я готов, родич, во всем помочь тебе, раз это дело кажется тебе важным. Я полагаю, что Снорри охотно исполнит твое желание, потому что ему будет ясно, что такое предложение для него почетно.

Гудрун сказала:

– Коротко говоря, Торкель, я ничего не пожалею для того, чтобы Болли мог жениться, как он того хочет, потому что я люблю его больше всех, а также потому что он среди всех моих детей был мне наиболее верен и поступал по моему желанию.

Торкель отвечал, что он думает договориться с Болли обо всем, как тот желает:

– Это необходимо по многим причинам, так как я полагаю, что хорошо иметь Болли на своей стороне.

Через некоторое время Торкель и Болли уехали, с ними вместе было много спутников. Они ехали, пока не достигли Тунги. Снорри встретил их хорошо и очень приветливо и проявил большое гостеприимство. Тордис, дочь Снорри, была дома со своим отцом. Она была красивой и замечательной девушкой. И когда они провели в Тунге несколько дней, Торкель начал сватовство и просил, чтобы Снорри согласился породниться с Болли и чтобы состоялся брак Болли с Тордис, дочерью Снорри.

Тут Снорри отвечал:

– Это – почетное предложение, и я от тебя иного не ожидал. Я могу ответить на него только согласием, потому что считаю Болли человеком, который многого может достичь, и та женщина, которая выйдет за него, кажется мне удачно вышедшей замуж. Однако окончательное решение зависит от того, что скажет Тордис, потому что она должна получить такого мужа, который был бы ей по нраву.

Об этом сватовстве передали Тордис, и она отвечала, что она в этом деле послушается совета своего отца. Она сказала, что охотнее выйдет

замуж за Болли в своей округе, чем за незнакомого человека где-нибудь далеко. И когда Снорри увидел, что она не против того, чтобы выйти замуж за Болли, была назначена свадьба, и они были помолвлены. Снорри должен был устроить свадебный пир у себя, и свадьбу должны были сыграть в середине лета. После этого Торкель и Болли поехали домой, в Хельгафелль, и Болли оставался дома до тех пор, пока не подошел день свадьбы. Торкель и Болли, и все их люди, которых они отобрали для этого, выехали тогда из дому. Это было великое множество людей и великолепная дружина. Они поехали своей дорогой и прибыли в Тунгу. Там их прекрасно приняли. Там было множество гостей, и пир был великолепным, и когда он окончился, люди стали собираться домой. Снорри дал Торкелю ценные подарки, и точно так же Гудрун и другим своим друзьям и родичам. После этого каждый из тех, кто прибыл на это празднество, отправился домой. Болли оставался в Тунге, и вскоре они с Тордис очень привязались друг к другу. Снорри прилагал большие старания, чтобы Болли жилось хорошо, и относился к нему лучше, чем к своим детям. Болли принимал это с благодарностью и прожил следующий год в Тунге в большом почете.

На следующее лето пришел корабль с моря в устье Хвиты. Этот корабль принадлежал наполовину Торлейку, сыну Болли, а другая половина корабля принадлежала норвежцам. И когда Болли узнал о приезде своего брата, он тотчас же выехал на юг, в Боргарфьорд, к кораблю. Оба брата были рады этой встрече. Болли оставался там несколько ночей. Затем оба брата поехали на запад, в Хельгафелль. Торкель встретил их очень приветливо, и Гудрун также, и они пригласили Торлейка остаться у них на зиму, и он принял это приглашение. Торлейк некоторое время прожил в Хельгафелле и затем поехал на Хвиту, велел вытащить корабль на берег и доставить свои товары на запад. Торлейку удалось добыть себе богатство и почет, потому что он был дружинником славнейшего мужа, конунга Олава. Он оставался всю зиму в Хельгафелле, а Болли – в Тунге.

LXXI

Этой зимой братья часто встречались и беседовали друг с другом, и они мало занимались играми и другими развлечениями. Одно время, когда Торлейк был в Тунге, братья беседовали друг с другом по целым дням. Тут Снорри уверился в том, что они задумали что-то очень важное. Тогда Снорри направился к братьям, чтобы с ними поговорить. Они приветливо встретили его и тотчас же прекратили разговор. Он ответил на их приветствие дружелюбно. После этого Снорри сказал:

– О каких это важных делах вы совещаетесь, что вы из-за этого забываете спать и есть?

Болли отвечал:

– Мы беседуем совсем не о важных делах. Разговор, который мы вели, мало чем примечателен.

И когда Снорри заметил, что они хотят скрыть от него все, что у них на уме, – а он все же подозревал, что они говорят о том, что повлечет за собой большие последствия, если только совершится, – он сказал им:

– Я подозреваю, что то, о чем вы постоянно разговариваете, никак не пустая болтовня и не веселые рассказы, и я совсем не обижусь на вас, если это так. Но поступите разумно и скажите мне все, и не скрывайтесь от меня. Мы все вместе сможем так же хорошо решить это дело, потому что я не буду препятствовать вам, чтобы было сделано то, что послужит к вашей чести.

Торлейк решил, что Снорри одобрит их дело, и он рассказал ему в немногих словах, что они, оба брата, намереваются напасть на сыновей Олава, и те должны будут понести наказание. Они сказали, что они в состоянии помериться силами с сыновьями Олава, с тех пор как Торлейк стал дружинником конунга Олава, а Болли стал зятем такого хёвдинга, как Снорри. Снорри отвечал так:

– Достаточным возмездием за убийство Болли было то, что Хельги, сыну Хардбейна, пришлось за это заплатить жизнью. И если бы на этом кончилось, то и так свершилось слишком много несчастий.

Тогда Болли сказал:

– Что это значит, Снорри? Разве ты уже не хочешь помочь нам, как ты только что обещал? Торлейк не рассказал бы тебе об этом намерении, если бы он сначала посоветовался со мной. И если ты говоришь, что убийство Хельги было отмщением за Болли, то всем известно, что за убийство Хельги заплачена вира, а отец мой так и остался неотомщенным.

И когда Снорри увидел, что он не может отвести их от этих мыслей, он предложил попытаться получить виру с сыновей Олава, для того, чтобы дело не дошло до убийств. И на это братья согласились.

После этого Снорри отправился в Хьярдархолт с несколькими людьми. Халльдор встретил его хорошо и пригласил его там остаться. Снорри отвечал, что он к вечеру должен отправиться в обратный путь.

– Но я должен сообщить вам нечто важное, – сказал он.

После этого они приступили к беседе, и Снорри рассказал им о своем деле и сказал, что, как ему стало известно, Болли и Торлейк не хотят терпеть дольше того, что за их отца сыновья Олава не уплатили виру.

– И тогда я решил попытаться, – добавил он, – примирить вас и посмотреть, нельзя ли покончить с этой усобицей между родичами.

Халльдор не отказался от предложения и отвечал:

– Мне хорошо известно, что Торгильс, сын Халлы, а также сыновья Болли намеревались напасть на меня и на моих братьев еще до того, как ты направил их месть в другую сторону, так что они решили убить

Хельги, сына Хардбейна. В этом деле ты избрал правильный путь, так же как и в прошлом при наших распрях с родичами.

Снорри сказал:

– Мне кажется очень важным, чтобы моя попытка удалась и чтобы получилось так, – чего я больше всего желаю, – чтобы между вами, родичами, наступило полное примирение, потому что я знаю помыслы людей, которые противостоят вам в этом деле, и знаю, что они честно будут придерживаться тех условий, которые будут установлены.

Халльдор отвечал:

– Я соглашусь, если такова будет воля моих братьев, заплатить деньги за убийство Болли, столько, сколько установят люди, которые будут назначены для этого. Однако при этом не должно случиться так, чтобы кто-нибудь был объявлен вне закона или чтобы я лишился звания годи, а также чтобы я должен был переселиться в другое место. Также и мои братья должны остаться там, где они живут. Я хочу также, чтобы они оставались в полном владении своим имуществом после окончания переговоров. Каждая сторона должна назвать своего человека для решения этого дела.

Снорри сказал:

– То, что ты здесь предлагаешь, хорошо и великодушно. Братья согласятся на это предложение, если они хотят и впредь получать от меня советы.

После этого Снорри отправился домой и рассказал братьям, к чему привела его поездка, а также сказал, что он совершенно откажется помогать им в их деле, если они не дадут своего согласия. Болли сказал, что сам Снорри должен здесь решать:

– И я хочу, Снорри, чтобы ты был судьей с нашей стороны.

После этого Снорри послал Халльдору весть, что условия примирения приняты, и просил его выбрать судью со своей стороны. Халльдор выбрал судьей со своей стороны Стейнтора, сына Торлака из Эйра.

Встреча для переговоров должна была состояться в Столбах, на Скогарстранде, через четыре недели после начала лета. Торлейк, сын Болли, поехал в Хельгафелль, и в течение зимы ничего не произошло. И когда пришло время, на которое была назначена встреча, Снорри Годи явился с сыновьями Болли. Их всех вместе было пятнадцать человек. Столько же человек явилось туда со стороны Стейнтора. Снорри и Стейнтор повели разговор и пришли к соглашению в этом деле. После этого они договорились о денежной вире, но только тут не сказано, какую виру они назначили.

Однако рассказывают, что деньги были выплачены сполна, и все условия были выполнены. Уплата произошла на тинге в Торснесе. Халльдор дал Болли хороший меч, а Стейнтор, сын Олава, дал Торлейку щит. Это тоже была дорогая вещь. Затем тинг кончился, и обе стороны после этого дела пользовались еще большим почетом.

После того как Болли и Торлейк примирились с сыновьями Олава и Торлейк пробыл зиму в Исландии, Болли объявил, что он намеревается поехать за море. Снорри хотел его отговорить и сказал:

– Как мне кажется, еще неизвестно, как для тебя обернется поездка. Однако если ты хочешь владеть большим, чем ты владел до сих пор, то я дам тебе другое место для жилья и построю для тебя двор, а также сделаю тебя годи и позабочусь о поддержании твоей славы. Я полагаю, что это будет нетрудно, поскольку большинство людей к тебе расположены и хорошо думают о тебе.

Болли отвечал:

– Я давно уже имел намерение отправиться на юг. Я думаю, что мало умножает свои знания тот, кто знаком только с тем, что есть здесь, в Исландии.

И когда Снорри увидел, что Болли твердо решился на это, так что ничего нельзя было сделать, чтобы удержать его, он предложил ему взять с собой столько добра, сколько тот хочет. Болли охотно согласился взять с собой много добра.

– Я не хочу, – сказал он, – зависеть от милости других людей ни здесь, ни в другой стране.

После этого Болли отправился на юг, в Боргарфьорд, на Хвиту, и откупил у людей, которые владели половиной корабля, их часть. Теперь корабль принадлежал обоим братьям. После этого Болли поехал домой, на запад.

У Болли и Тордис была дочь. Ее звали Хердис. Гудрун предложила взять ее к себе на воспитание. Когда она приехала в Хельгафелль, ей был один год. Тордис также подолгу жила там, Гудрун ее очень любила.

После этого оба брата отправились на корабль. У Болли было с собой много добра. Они снарядили корабль к отплытию, и когда все было готово, они вышли в море. Сначала не было попутного ветра, и они долго находились в пути. Осенью они достигли Норвегии и причалили на севере, в Трандхейме. Конунг Олав был на востоке страны и жил в Вике, и приготовился провести там зиму.

Когда братья услышали о том, что конунг не приедет больше этой осенью на север, в Трандхейм, Торлейк сказал, что он хочет, чтобы они направили путь вдоль берега на восток и посетили конунга Олава. Болли отвечал:

– Не очень-то мне хочется переезжать от одного торгового места к другому в осенние дни. Это кажется мне большой доукой и неприятностью. Я хочу провести всю зиму здесь, в городе. Мне говорили, что конунг прибудет на север весной. А если он не явится, то я не буду противиться тому, чтобы мы тогда собрались и отправились его посетить.

Болли настоял на этом. Они выгрузили свой корабль и наняли себе жилье в городе. Вскоре стало ясно, что Болли был честолюбив и хотел выделиться среди других людей. Это ему удалось, потому что он был человеком щедрым. И вскоре он снискал большой почет в Норвегии. У Болли было много людей в течение зимы в Трандхейме, и было очевидно, когда он являлся на пиры, что у его людей лучшая одежда и оружие, чем у других жителей города. Он также платил сам за всех своих людей, когда они участвовали в пирях. Во всех других делах также проявлялись его щедрость и благородство. Братья прожили таким образом зиму.

Этой зимой конунг Олав был на востоке, в Сарпсборге, и с востока пришла весть, чтобы на севере его не ждали.

Сразу же в начале весны братья снарядили корабль и отправились на восток вдоль берега. Их путешествие было удачным, и они пришли на восток, в Сарпсбург, и тотчас же отправились к конунгу Олаву. Конунг дружелюбно приветствовал Торлейка, своего дружинника, а также его спутников. После этого конунг спросил, кто тот человек отважного вида, который сопровождает Торлейка, и тот отвечал:

– Это брат мой, и зовут его Болли.

– Поистине это достойный человек, – сказал конунг.

После этого конунг пригласил братьев остаться у него. Они приняли это приглашение с благодарностью и провели у конунга весну. Конунг обходился с Торлейком хорошо, как и прежде, однако он ценил Болли гораздо выше, потому что конунгу он казался выдающимся человеком. И когда пришла весна, братья стали говорить о своих замыслах. Торлейк спросил, хочет ли Болли летом вернуться в Исландию:

– Может быть, ты хочешь остаться в Норвегии?

Болли отвечал:

– Я не думаю ни о том, ни о другом, и, говоря по правде, когда я выезжал из Исландии, моим намерением не было отправиться из своего дома в соседний дом. Я хочу теперь, брат, чтобы ты один позаботился о нашем корабле.

Торлейка очень опечалило, что они должны расстаться.

– Однако, Болли, – сказал он, – и в этом деле, как и во всем остальном, решать должен ты.

Они сообщили конунгу о своем разговоре, но он отвечал им так:

– Неужто, Болли, ты не хочешь дольше оставаться у нас? Мне казалось, что будет лучше всего, если ты некоторое время останешься

со мной. Я дал бы тебе такую же должность, какую я дал Торлейку, твоему брату.

Тут Болли отвечал:

– Очень охотно, государь, поступил бы я на вашу службу, но прежде всего я хочу отправиться туда, куда уже раньше намеревался ехать и куда меня давно уже влечет желание. Однако ваше предложение я охотно приму, если мне суждено будет возвратиться обратно.

– Ты должен решать сам, куда тебе ехать, Болли, – сказал конунг, – потому что во всех делах вы, исландцы, своенравны. Однако я хочу еще добавить, что ты кажешься мне, Болли, самым выдающимся человеком, какой за все время моей жизни приезжал из Исландии.

И когда Болли получил разрешение от конунга, он снарядился в путь и сел на торговый корабль, который направлялся на юг, в Данию. Он взял с собой много добра. Его сопровождали также несколько людей из числа его спутников. Конунг Олав расстался с ним весьма дружелюбно. Конунг дал Болли богатые подарки на прощанье. Торлейк остался у конунга Олава, а Болли поехал своим путем, пока не прибыл на юг, в Данию. Он оставался зиму в Дании и был в большом почете у могущественных людей. Он держал себя там не менее горделиво, чем в Норвегии.

И после того как Болли провел зиму в Дании, он отправился в дальние страны и не прерывал своего путешествия, пока не прибыл в Миклагард^[194]. Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину. Мы никогда не слышали раньше, чтобы какой-нибудь норвежец или исландец до Болли, сына Болли, стал дружинником короля Миклагарда^[195]. Он провел в Миклагарде много лет и выказывал себя во всех испытаниях как самый отважный воин и всегда был первым среди других. Варяжские дружинники очень ценили Болли, пока он был в Миклагарде.

LXXIV

Тут нужно рассказать о том, как Торкель, сын Эйольва, жил хёвдингом у себя в Хельгафелле. Геллир, сын Торкеля и Гудрун, вырос дома. Он вскоре стал человеком смелым и всеми любимым. Однажды, как передают, Торкель рассказал Гудрун свой сон.

– Мне снилось, – сказал он, – будто у меня такая большая борода, что она закрывает собой весь Брейдафьорд.

Торкель просил ее разгадать этот сон.

Гудрун спросила:

– Как думаешь ты истолковать этот сон?

– Мне кажется очевидным, что моя власть распространится на весь Брейдафьорд.

– Возможно, что так и будет, – сказала Гудрун, – но скорее я полагаю, что тебе придется окунуть свою бороду в Брейдафьорд.

Тем же летом Торкель снарядил свой корабль и направился в Норвегию. Геллиру, его сыну, исполнилось тогда двенадцать лет. Он поехал вместе с отцом. Торкель объявил, что намеревается добыть строевого леса для церкви, и тотчас же после того, как снарядился, вышел в море. Путешествие его было удачным, но не слишком быстрым. Они достигли Норвегии с севера. Конунг Олав был тогда в Трандхейме. Торкель тотчас же отправился к конунгу Олаву, и с ним вместе его сын Геллир. Их там хорошо приняли. Торкель пользовался таким большим почетом у конунга в эту зиму, что, как рассказывают, конунг дал ему денег не меньше, чем сто марок чистого серебра. Конунг подарил Геллиру к Рождеству плащ, и это было большое сокровище и драгоценность.

Этой зимой конунг Олав велел построить в городе деревянную церковь. Она должна была стать самой главной церковью, и ее должны были великолепно разукрасить. Весной лес, который конунг подарил Торкелю, был доставлен на борт корабля. Все бревна были длинные и крепкие, потому что Торкель очень следил за этим.

Однажды рано утром конунг вышел с немногими провожатыми. Он увидел какого-то человека на верхних балках той церкви, которая строилась в городе. Он очень удивился этому, потому что был такой ранний час, когда плотники обычно еще не вставали. Конунг узнал этого человека, это был Торкель, сын Эйольва, и он измерял все самые большие балки, как поперечные, так и стенные, а также опорные столбы. Конунг тотчас же отправился туда и сказал:

– Что это значит, Торкель? Намереваешься ли ты применить затем эту мерку и к тому лесу для церкви, который ты увозишь в Исландию?

Торкель отвечал:

– Это так, государь.

Тогда конунг Олав сказал:

– Если ты отрежешь по два локтя от каждой балки, то и тогда эта церковь будет самой большой в Исландии.

Торкель отвечал:

– Оставь себе свой лес, если тебе кажется, что ты был слишком щедр или если тебя мучит желание получить его обратно. Я не отрублю от него ни одного локтя. У меня найдутся пути и силы достать себе другой лес.

Тут конунг сказал, и притом очень мягко:

– Верно, Торкель, что ты очень достойный человек, но и то верно, что ты сейчас слишком высоко вознесся, потому что это поистине высокомерие со стороны сына бонда, если он хочет состязаться с нами. И неверно, что я жалею для тебя лес, если тебе суждено построить из него церковь. Но ей никогда не стать такой большой, чтобы в ней уместилось все твое высокомерие. Однако у меня есть предчувствие,

что людям будет мало пользы от этого леса и что дело не дойдет до того, чтобы ты возвел постройку из этого леса.

После этого они прекратили разговор. Конунг повернулся, чтобы уйти, и, как все видели, он был недоволен тем, что Торкель не обратил внимания на его слова. Однако конунг не высказал своего недовольства. Он простился с Торкелсом очень дружелюбно. Торкель взошел на корабль и вышел в море. Ветер был попутный, и они недолго были в пути. Торкель привел свой корабль в Хрутафьорд. Он отправился с корабля домой в Хельгафелль. Все радовались его прибытию. Торкель снискал большой почет этим путешествием. Он велел перетащить корабль на сушу в укрытие и сложил церковный лес там, где он должен был хорошо сохраниться, потому что этой осенью лес не был перевезен с севера, поскольку у Торкеля все время было много других дел. Торкель прожил зиму дома. Он устроил рождественский пир в Хельгафелле и пригласил на него множество людей, и вообще жил на широкую ногу в эту зиму. Однако Гудрун его не удерживала от этого и говорила, что именно в том и состоит польза денег, что люди благодаря им завоевывают почет, и в доме должно быть в изобилии все то, что казалось Гудрун необходимым, чтобы жить, как подобает именитым людям. Торкель роздал этой зимой своим друзьям много хороших подарков, которые он привез с собой.

LXXV

Этой зимой после Рождества Торкель выехал из дому на север, в Хрутафьорд, чтобы привезти с севера свой лес. Он сначала отправляется в Долины, а именно в Льярскогар, к Торстейну, своему родичу, чтобы обеспечить себя людьми и лошадьми. Затем он едет на север, в Хрутафьорд, и остается там некоторое время, размышляя, как совершить обратное путешествие. Он собирает лошадей из местности вокруг фьорда, потому что хочет по возможности перевезти весь лес за одну поездку. Но быстро это сделать не удавалось. Торкель был занят этим до Великого поста. Наконец он начал выполнять свое намерение. Он переправил лес с севера с помощью более чем двадцати лошадей^[196] и велел уложить его в устье реки Льи. После этого он намеревался перевезти его на корабле в Хельгафелль. У Торстейна был большой корабль. Торкель хотел использовать этот корабль, когда он отправится домой. Торкель пробыл в Льярскогаре весь пост, потому что родичи были дружны.

Торстейн заговорил с Торкелем о том, что ему было бы очень на руку, если бы они вместе отправились в Хьярдархольт:

– Я хочу купить землю у Халльдора, потому что у него мало денег с тех пор, как они заплатили сыновьям Болли виру за отца. А земля у него такова, что я хотел бы ею владеть.

Торкель сказал, чтобы он сам решал. Они выехали из дому, и всех их вместе было около двадцати человек. Они приехали в Хьярдархольт. Халльдор хорошо принял их и был с ними очень разговорчив. В доме у него было мало людей, потому что он отправил людей на север, в Стейнгримсфьорд. Туда прибило кита, и часть его должна была достаться ему. Бейнир Сильный был дома. Он был единственным оставшимся в живых из тех людей, которые жили при Олаве, отце Халльдора. Халльдор повел речь с Бейниром, как только он увидел, что приближаются Торстейн и его спутники:

– Я ясно вижу, чего хотят эти родичи. Они хотят, чтобы я продал им землю. И если это так, то они начнут со мной об этом беседу. Я предполагаю, что они сядут по правую и по левую руку от меня, и если они захотят применить силу, то ты так же быстро бросайся на Торстейна, как я на Торкеля. Ты с давних пор был верен нашей семье. Я послал также к ближайшим соседям за людьми. Было бы хорошо, если бы те пришли как раз когда мы кончим говорить.

И когда день подходил к концу, Торстейн предложил Халльдору, чтобы они все вместе приступили к важной беседе:

– У нас есть к тебе дело.

Халльдор ответил, что он готов к этому. Торстейн сказал своим спутникам, что не нужно сопровождать их. Однако Бейнир тем не менее пошел с ними, потому что ему казалось, что все происходит именно так, как Халльдор подозревал. Они отошли довольно далеко по огороженному лугу перед домом. Халльдор был одет в тесно облегающий плащ с большой пряжкой, как тогда было принято. Халльдор присел на землю, а справа и слева от него оба его родича, и они сели на его плащ, и прижались к нему как можно ближе, а Бейнир стоял за ними, и в руке у него была большая секира.

Тут Торстейн сказал:

– Дело мое к тебе такое, что я хочу купить у тебя землю. Я об этом говорю сейчас потому, что Торкель, мой родич, вместе со мной. Я полагаю, что тебе это тоже было бы очень выгодно, потому что мне говорили, что у тебя недостаточно денег, а твоя земля требует больших расходов. За это я дам тебе место для жилья, которое тебе подойдет, а кроме того, столько денег, сколько мы оба установим.

Халльдор сначала не стал отказываться, и они начали обсуждать условия покупки. И поскольку им казалось, что Халльдор не возражает, то Торкель быстро вмешался в разговор и хотел закончить сделку между ними. Тут Халльдор начал им возражать, и тем решительнее, чем усерднее они его уговаривали, и, наконец, дело дошло до того, что они были тем дальше от цели, чем больше настаивали.

Тут Торкель сказал:

– Разве ты не видишь, мой родич Торстейн, что здесь происходит? Он растянул это дело на весь день, и мы просидели здесь ему на

посмешище и на позор. Если хочешь купить землю, то придется нам действовать более сурово.

Тогда Торстейн сказал, что он хочет получить ответ и потребовал, чтобы Халльдор не морочил их насчет того, хочет он продать землю или нет. Халльдор отвечает:

– Я полагаю, что не следует больше скрывать, что тебе придется уехать сегодня вечером домой без покупки.

Тут Торстейн говорит:

– Я полагаю, и нам не следует больше скрывать от тебя, что мы уже раньше решили оставить тебе выбор только между двумя возможностями, потому что мы считаем, что в этом деле наш жребий завиднее из-за перевеса в силе. И первая возможность такова, что ты добровольно согласишься на продажу и за это получишь нашу дружбу. Другая же возможность, и значительно худшая, – что тебя заставят отдать своей рукой Хьярдархольт мне.

И когда Торстейн стал ему угрожать, Халльдор так стремительно вскочил на ноги, что пряжка его плаща сломалась, и он сказал:

– Скорее произойдет другое, чем я скажу то, чего я не хочу.

– Что же произойдет? – спрашивает Торстейн.

– Дровяным топором нанесет тебе удар^[197] по голове самый низкий из людей, и таким образом твое высокомерие и твоя несправедливость будут сокрушены.

Торкель отвечает:

– Это дурное предсказание, и мы надеемся, что оно не сбудется. А теперь, говорю я, есть достаточно поводов для того, чтобы ты, Халльдор, отдал свою землю и не получил за нее ничего.

Тут Халльдор отвечает:

– Скорее ты начнешь хвататься за водоросли в Брейдафьорде, чем меня заставят продать мою землю.

Халльдор после этого направился обратно домой. Тут на дворе успели собраться люди, за которыми он посылал. Торстейн был в большом гневе и хотел тотчас же напасть на Халльдора. Торкель просил его этого не делать:

– Это было бы дурно в такие дни^[198]. Но как только они пройдут, я не буду возражать, если мы применим здесь свою силу.

Халльдор сказал, что, как он предполагает, он всегда будет в состоянии дать им отпор. После этого они уехали и еще долго говорили друг с другом об этой поездке. Торстейн сказал:

– Это правда, что наша поездка прошла очень неудачно. Но почему же ты не решился, родич Торкель, напасть на Халльдора и посрамить его?

Торкель отвечал:

– А разве ты не видел Бейнира, который стоял за тобой с секирой наготове? Это-то и останавливало меня, потому что он тотчас же нанес

бы тебе удар секирой по голове, если бы я сделал попытку что-нибудь предпринять.

Они поехали теперь домой, в Льярскогар. Пост кончился, и наступила Страстная неделя.

LXXVI

В Страстной четверг рано утром Торкель стал собираться в путь. Торстейн старался его удержать.

- Погода кажется мне ненадежной, - сказал он.

Торкель отвечал, что погода будет очень хорошей.

- Ты не должен меня задерживать, родич, потому что я хочу поспеть домой до Пасхи.

После этого Торкель спустил корабль на воду и нагрузил его. Торстейн все время носил обратно на берег то, что Торкель и его спутники загружали. Тут Торкель сказал:

- Перестань, родич, и не мешай нашей поездке. На этот раз будет не так, как ты хочешь.

Торстейн отвечал:

- Тогда будет так, как хочет тот из нас, кому суждено несчастье, и эта поездка будет роковой.

Торкель сказал, что надеется встретиться с ним живым и невредимым. Тут Торстейн отправился домой и был очень невесел. Он прошел в дом и попросил, чтобы ему подложили что-нибудь под голову, и так и было сделано. Служанка видела, как слезы текли из его глаз на подушку. Немного погодя, сильный порыв ветра ворвался в дом. Тут Торстейн сказал:

- Вот нам слышно, как неистовствует убийца моего родича Торкеля.

А теперь нужно рассказать о поездке Торкеля и его спутников. Они в тот самый день вышли под парусами в Брейдафьорд, и их было всего десять человек на корабле. Погода начала портиться, и, наконец, поднялась сильная буря. Они храбро продолжали свой путь, это были все смелые люди. У Торкеля с собой был его меч Скафнунг, он был спрятан в ящике. Торкель со своими спутниками продолжал идти под парусами, пока не приблизились к острову Бьёрна. С обоих берегов было видно, как они плыли. Но когда они доплыли туда, сильный шквал закрутил парус и опрокинул корабль. Тут Торкель и все люди, которые были с ним, утонули. Бревна прибило далеко к островам, а угловые столбы прибило к острову, который с тех пор называется Ставей (Столбовой Остров). Меч Скафнунг застрял во внутренних досках корабля. Он был найден на острове Скафнунгсей (Остров Скафнунга).

Вечером того самого дня, когда Торкель и его спутники утонули, в Хельгафелле случилось так, что Гудрун пошла в церковь, когда люди уже лежали в постелях, и когда она подошла к воротам церковного

кладбища, то увидела перед собой призрак. Он склонился перед ней и произнес:

– Великое событие, Гудрун!

Гудрун отвечала:

– Тогда молчи о нем, несчастный!

Гудрун отправилась в церковь, как она намеревалась, и когда она подошла к церкви, то ей показалось, что она видит, как Торкель со своими спутниками вернулся домой и стоит снаружи перед церковью. Она видела, как морская вода стекала с их одежды. Гудрун не заговорила с ними и вошла в церковь, и оставалась там так долго, как ей казалось нужным. Затем она отправилась в дом, потому что полагала, что Торкель со своими спутниками прошел туда. И когда она вошла в дом, то там не было никого. Тут Гудрун стало тяжело на сердце от всего этого.

В Страстную пятницу она послала своих людей, некоторых вдоль берега, а других на острова, чтобы они разузнали о Торкеле и его спутниках. К этому времени бревна, которые были на корабле, прибило к островам и к обоим берегам фьорда. В Страстную субботу перед Пасхой пронеслась весть о том, что случилось, и это показалось всем большим событием, потому что Торкель был могучим хёвдингом. Торкелю было сорок восемь лет, когда он утонул, и это было за четыре года до того, как пал конунг Олав Святой.

Гудрун была тяжело поражена смертью Торкеля, однако она перенесла ее мужественно. От леса, предназначенного на постройку церкви, сохранилось совсем немного. Геллиру было тогда четырнадцать лет. Он взял на себя заботы о хозяйстве вместе со своей матерью и также стал годи. Вскоре стало очевидно, что он очень подходит для того, чтобы главенствовать. Гудрун стала очень набожной. Она была первой женщиной в Исландии, которая выучила Псалтырь. Она подолгу оставалась в церкви по ночам и молилась. Хердис, дочь Болли, сопровождала ее по ночам. Гудрун очень любила Хердис.

Рассказывают, что однажды ночью молодой Хердис привиделся сон, будто к ней явилась женщина. Она была в шерстяном плаще, а вокруг головы у нее был платок, и женщина на вид не показалась ей красивой. Та произнесла следующие слова:

– Скажи своей бабушке, что мне очень не по нраву, когда она все ночи лежит распростертая надо мной и проливает такие жгучие капли, что я от них сгораю. И это я говорю тебе потому, что ты нравишься мне несколько больше, хотя и в тебе есть что-то странное. Все же я бы примирилась с тобой, если бы только нашла покой от Гудрун.

Тут Хердис проснулась и рассказала Гудрун свой сон. Гудрун сочла это хорошим предзнаменованием.

На другое утро после этого Гудрун велела поднять доски, которые покрывали пол церкви, там, где она привыкла стоять на коленях во

время молитвы. Она велела разрыть там землю. Там были найдены кости, они были черные и страшные. Там нашли также нагрудное украшение и большой колдовской жезл. Из этого заключили, что там была погребена какая-то колдунья. Эти кости унесли прочь, в такое место, где всего меньше бывали люди.

LXXVII

На четвертую зиму после того, как утонул Торкель, сын Эйольва, в Эйяфьорд пришел корабль. Это был корабль Болли, сына Болли. Люди на нем были большею частью норвежцы. Болли привез с собой большие богатства и много драгоценностей, которые ему подарили высокопоставленные люди. Болли так привык к пышности, когда он вернулся из своего путешествия, что не желал носить никакой другой одежды, кроме одеяний из пурпурных и других дорогих тканей, и все его оружие было украшено золотом. Его называли Болли Горделивый. Он объявил своим корабельным спутникам, что намерен отправиться на запад, в свою родную округу, и оставил корабль вместе с грузом в руках своих спутников. Болли уехал со своего корабля вместе с одиннадцатью спутниками, и все они были в пурпурных одеждах и сидели на позолоченных седлах. Все они были хороши собой, но Болли превосходил их всех. Он был в тех дорогих одеждах, которые ему подарил король Миклагарда. Кроме того, на нем был пурпурный плащ, а за поясом у него был меч Фотбит. Его крестовина и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоятка была обвита золотой нитью. На голове у него был золоченый шлем, а на боку красный щит, на котором был изображен золотой рыцарь. В руке у него была пика, как это принято в других странах. Везде, где они останавливались, женщины оставляли все свои дела и только смотрели на Болли и на его великолепие, и на его сотоварищей.

В таком рыцарском одеянии Болли ехал на запад, в родную округу, все дальше, пока вместе со своими людьми не прибыл в Хельгафелль. Гудрун была очень рада своему сыну Болли. Болли оставался здесь недолго. Затем он отправился в Селингсдальстунгу, чтобы встретиться там со Снорри, своим тестем, и с Тордис, своей женой. Это была очень радостная встреча. Снорри пригласил Болли к себе со столькими людьми, сколько тот захочет. Болли принял приглашение и провел у Снорри всю зиму с теми людьми, которые приехали с ним с севера. Болли прославился благодаря своему путешествию. Снорри старался теперь угождать Болли не меньше, чем прежде, когда Болли жил у него.

LXXVIII

И когда Болли провел в Исландии одну зиму, Снорри Годи заболел. Болезнь его была затяжной. Снорри долго лежал, и когда болезнь его усилилась, Снорри призвал к себе своих родичей, кровных и иных. Тут он сказал Болли:

– Моя воля такова, чтобы ты после моей смерти получил этот двор и власть над людьми. Я почитаю тебя не меньше, чем моих сыновей. Тот из моих сыновей покинул теперь страну, кого я считаю первым среди них, и это Халльдор.

После этого Снорри скончался. Ему было шестьдесят семь лет. Это было через год после смерти конунга Олава Святого. Так говорит священник Ари Мудрый. Снорри был похоронен в Тунге.

Болли и Тордис взяли себе двор в Тунге, так, как завещал Снорри. Сыновья Снорри одобрили это полностью. Болли стал влиятельным человеком, и все его любили.

Хердис, дочь Болли, выросла в Хельгафелле и стала очень красивой. К ней посватался Орм, сын Хермунда, сына Иллуги, и она была выдана за него замуж. Их сыном был Кодран. Он женился на Гудрун, дочери Сигмунда. Сыном Кодрана был Хермунд. Он был женат на Ульвейд, дочери епископа Рунольва, сына Кетиля. Их сыновьями были Кетиль, который стал аббатом в Хельгафелле, Рейн, Кодран и Стюрмир. Их дочерью была Торвар, которая вышла замуж за Скегги, сына Бранда, и отсюда происходит род людей из Скогара.

Одного сына Болли и Тордис звали Оспак. Дочь Оспака звали Гудрун. Она была выдана за Торарина, сына Бранда. Сыном их был Бранд, который учредил приход в Хусафелле (Домовая Гора). Сыном его был священник Сигват, который долго жил там.

Геллир, сын Торкеля, женился. Он взял в жены Вальгерд, дочь Торгильса, сына Ари из Рейкьянеса. Геллир отправился в Норвегию, и был у конунга Магнуса Доброго^[199], и получил от него двенадцать эйриров золота и много другого добра. Сыновьями Геллира были Торкель и Торгильс. Сыном Торгильса был Ари Мудрый. Сына Ари звали Торгильс, а сына Торгильса звали Ари Сильный.

Гудрун начала стареть и жила в скорби и печали, как было сказано выше, еще долгое время. Она была первой монахиней в Исландии^[200] и отшельницей, и повсеместно говорили, что Гудрун была самой выдающейся из знатных женщин здесь, в стране.

Однажды, как рассказывают, Болли приехал в Хельгафелль, потому что Гудрун всегда бывала очень рада, когда он ее посещал. Болли долго сидел у своей матери, и они много говорили друг с другом. Тут Болли сказал:

– Не скажешь ли ты мне, мать, то, что я бы очень хотел знать, – кого из твоих мужей ты любила более всего?

Гудрун отвечала:

– Торкель был самым могущественным человеком и самым большим хёвдингом, но никто из них не был более достойным, чем Болли,

который был самым мужественным из всех. Торд, сын Ингунн, был самым умным из всех и лучше всех знал законы. Торвальда я совсем не хочу упоминать.

Тут Болли сказал:

– Я очень хорошо понимаю все, что ты рассказываешь о том, каковы были твои мужья. Однако этим еще не сказано, кого ты более всех любила. Тебе не следует это дольше скрывать от меня.

Гудрун отвечала:

– Настойчиво требуешь ты от меня этого, мой сын. Но если бы мне нужно было сказать кому-нибудь об этом, то я бы выбрала первым тебя.

Болли просил ее это сделать. Тут Гудрун сказала:

– Тому принесла я величайшее горе, кого я любила больше всех^[201].

– Теперь я думаю, – отвечал Болли, – что ты сказала истинную правду.

И он добавил, что она сделала хорошо, сказав ему то, что ему хотелось знать.

Гудрун дожила до глубокой старости, и, как говорят о ней люди, она ослепла. Гудрун скончалась в Хельгафелле, и там она покойся.

Геллир, сын Торкеля, жил в Хельгафелле до старости, и о нем рассказывают много замечательного. Он встречается во многих сагах, хотя здесь о нем рассказано мало. Он велел построить церковь в Хельгафелле, очень богатую, как свидетельствует Арнор Скальд Ярлов^[202] в своей хвалебной песне, которую он сочинил на смерть Геллира, и там об этом сказано очень ясно.

И когда Геллир был уже довольно стар, он собрался уехать из Исландии. Он прибыл в Норвегию, но не оставался там долго, а уехал оттуда и сразу же направился на юг, в Рим, чтобы посетить могилу святого Петра апостола. Он провел много времени в этом путешествии, затем отправился на север и прибыл в Данию. Там он заболел и пролежал долго, и соборовался. Затем он скончался и покойся в Роскильде.

Геллир возил с собой меч Скафнунг, и им с тех пор больше никто не владел. Он был похищен из могилы Хрольва Краки. И когда весть о смерти Геллира дошла до Исландии, Торкель, его сын, взял себе отцовское наследство в Хельгафелле. А Торгильс, второй сын Геллира, утонул молодым в Брейдафьорде, и с ним вместе все, кто был на его корабле. Торкель, сын Геллира, был очень достойным человеком, и его почитали за необыкновенную ученость.

Сага о Гуннлауге Змеином Языке

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Стихи в переводе О. А. Смирницкой

«Сага о Гуннлауге Змеином Языке» (Gunnlaugs saga Ormstungu) стала в Новое время самой популярной вне Исландии из всех «саг об исландцах». Она издавалась в оригинале не менее 25 раз, а в переводе на различные европейские языки – не менее 60 раз. На русский язык она переводилась два раза: 1) Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 12. 1905. Приложения. С. 87–140; 2) Исландские саги. Л., 1956. С. 21–59. Пересказ ее есть в книге: *Петерсон О., Балабанова Е.* Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах. II. СПб., 1896. Популярность «Саги о Гуннлауге» объясняется, по-видимому, тем, что в основе ее лежит простой и четкий сюжет, притом сюжет романический с трагической развязкой (соперничество из-за женщины, которая выходит замуж не за того из двух соперников, которого любит, и гибель обоих соперников в поединке друг с другом). Дело в том, что в остальных «сагах об исландцах» сюжетной простоты, как правило, нет в силу обилия фактов и действующих лиц, а романический элемент либо вообще отсутствует, либо не играет существенной роли в композиции. Таким образом, «Сага о Гуннлауге» гораздо ближе, чем остальные «саги об исландцах», к той литературной форме, к которой читатель Нового времени привык. Отсюда популярность саги в Новое время.

Исследователи «Саги о Гуннлауге» интересовались прежде всего влиянием других произведений на эту сагу. Считается установленным, что в «Саге о Гуннлауге» сказывается влияние многих других саг, в первую очередь тех, в которых герой – тоже скальд и тоже соперничает из-за женщины с кем-то другим, то есть «Саги о Халльферде» (с которой в «Саге о Гуннлауге» есть даже словесные совпадения), «Саги о Бьёрне» и «Саги о Кормаке» (ни одна из этих трех саг не переводилась на русский язык). Предполагают в саге также влияние иноземной литературы. Литературные прообразы находят, в частности, для сна Торстейна (с. 342). Вместе с тем признается, что в основе «Саги о Гуннлауге» лежит устная традиция. Существование такой традиции подтверждается тем, что в «Саге об Эгиле» (написанной, как полагают, значительно раньше «Саги о Гуннлауге» – не позднее 1230 г.) говорится: «...к нему [к роду Скаллагрима] принадлежали самые красивые люди из когда-либо рожденных в Исландии, как ... Хельга Красавица, дочь Торстейна, из-за которой бились Гуннлауг и Храфн Скальд». Однако, видимо, романический элемент не исконен в истории Гуннлауга и Храфна или, во всяком случае, не играл в ней первоначально существенной роли. Исконна в этой истории, видимо, только распря между ними. Характерно, что она начинается с соперничества между скальдами при дворе шведского короля, и Храфн

впервые проявляет интерес к Хельге только после ссоры с Гуннлаугом. Возможно поэтому, что и необыкновенная красота Хельги, и обстоятельства ее рождения, и ее любовные страдания – позднейшие романические украшения, которых в устной традиции первоначально не было. Характерно также, что в саге много эпизодов, не имеющих никакого отношения к ее романическому сюжету: поездка Гуннлауга на север страны (гл. V), поединок его с Торормом (гл. VII) и посещение им норвежского ярла Эйрика (гл. VI), английского короля Адальрада (гл. VII), дублинского короля Сигтрюгга Шелковая Борода, оркнейского ярла Сигурда, гаутландского ярла Сигурда (гл. VIII) и шведского короля Олава (гл. IX).

О том, что Гуннлауг и Храфн были скальдами и сочиняли хвалебные песни в честь иноземных правителей, есть свидетельства в ряде древнеисландских памятников, основанных на древней традиции («Перечне скальдов», «Младшей Эдде», «Книге о заселении страны»). Рассказываемое в «Саге о Гуннлауге» о посещении скальдами иноземных правителей – один из важнейших источников сведений о том, как бытовала поэзия скальдов, как исландцы во время своих торговых поездок сбывали также и свою поэтическую продукцию – хвалебные песни, сохраняя при этом свою независимость по отношению к покупателям. Однако спорно, сочинены ли стихи, которые приводятся в саге, теми, кому они в ней приписываются. Раньше считалось, что все стихи в «Саге о Гуннлауге» – подлинны (за исключением разве что тех, которые, согласно саге, произносятся их авторами, явившимися кому-то во сне). В своей работе о «Саге о Гуннлауге» Б. Оульсен поставил под сомнение подлинность большей части стихов в этой саге (*Björn M. Ólsen. Om Gunnlaugs saga Ormstungu // Det kgl. danske Vidensk. Selsk. Skriftcr. 7 Række, hist. og. filos. Afd. II. 1. 1911. S. 1-54*). Нордаль в предисловии к своему изданию саги (*Íslensk fornrit. III. Reykjavík, 1938. S. XXXIX-XLII*) допускает, что значительная часть стихов в саге древнее прозы и послужила ее источником, хотя считает возможным, что они все же не были сочинены теми, кому они приписываются в саге. Б. Эйнарссон сомневается в подлинности всех стихов в саге и высказывает предположение, что сохранившаяся «Сага о Гуннлауге» представляет собой переработку более древней письменной саги на ту же тему (*Bjarni Einarsson. Skáldasögur. Reykjavík, 1961*).

Считается, что годы жизни Гуннлауга должны были быть 984-1011. Но в саге сеть ряд хронологических неувязок. Сага была написана, вероятно, ок. 1280 г. Она сохранилась в двух пергаментах (XIV в. и XV в.) и бумажных списках с них. Русский перевод проверен по цитированному выше изданию Нордаля.

Жил человек по имени Торстейн. Его отцом был Эгиль, сын Скаллагрима и внук Квельдульва, херсира из Норвегии, а матерью Асгерд, дочь Бьёрна. Торстейн жил в Городище, на берегу Городищенского Фьорда. Он был человек богатый и знатный, притом умный, спокойный и умеренный. Он не выделялся так ростом или силой, как его отец Эгиль, однако он был превосходный человек, и все его любили. Торстейн был хорош собой, у него были светлые волосы и красивые глаза.

Он был женат на Йофрид, дочери Гуннара и внучке Хлива. Йофрид было восемнадцать лет, когда Торстейн женился на ней. Она была вдовой. Раньше она была замужем за Торроддом, сыном Одда из Междуречья, и от него у нее была дочь Хунгерд, которая воспитывалась в Городище у Торстейна. Йофрид была достойная женщина. У Торстейна и Йофрид было много детей, но в этой саге будет речь только о немногих из них. Их старшего сына звали Скули, второго Колльсвейн, третьего Эгиль.

//

Рассказывают, что однажды летом в устье реки Паровой пришел с моря корабль. Хозяина корабля, норвежца родом, звали Бергфинн. Он был человек богатый, пожилой и умный. Торстейн поехал к кораблю. Он всегда распоряжался там, где шел торг. Так вышло и на этот раз. Норвежцы искали себе пристанища, и Торстейн пригласил к себе хозяина корабля, так как тот попросился к нему. В продолжение зимы Бергфинн был неразговорчив, хотя Торстейн вел себя как гостеприимный хозяин.

Норвежец очень интересовался снами.

Весной Торстейн спросил однажды у Бергфинна, не хочет ли он поехать с ним к Соколиной Горе; там собирались тогда на тинг жители Городищенского Фьорда, и Торстейну сообщили, что обрушились стены землянки, в которой он обычно жил во время тинга. Норвежец согласился. Приехали они к подножью Соколиной Горы втроем, на двор, который назывался Норы. Там жил один бедняк по имени Атли. Он сидел на земле Торстейна, и Торстейн потребовал, чтобы он поехал с ними помочь им в работе, взяв с собой заступ и кирку. Тот так и сделал.

Приехав к землянке Торстейна, они взялись за работу и починили стены. Погода стояла жаркая, и Торстейн с Бергфинном устали. Окончив работу, они сели у землянки, и Торстейн заснул и стонал во сне, а норвежец сидел рядом с ним, но не будил его. Когда Торстейн проснулся, он тяжело вздохнул. Норвежец спросил его, что он видел во сне. Торстейн ответил:

– Снам не следует придавать значения.

Однако, когда они ехали вечером домой, норвежец снова спросил его, что он видел во сне, и Торстейн сказал:

– Если я расскажу тебе мой сон, ты должен будешь истолковать его мне.

Норвежец ответил, что он попытается. Тогда Торстейн рассказал:

– Мне снилось, что я был у себя, в Городище, у дверей дома. Я посмотрел вверх на небо и увидел на коньке крыши очень красивую лебедь, и это была моя лебедь, и она казалась мне милой. Затем я увидел, что с гор летит большой орел. Он прилетел сюда, сел рядом с лебедью и стал нежно клекотать ей. Лебеди это, по-видимому, нравилось. У орла были черные глаза и железные когти. Вид у него был воинственный. Вскоре я заметил, что другая птица летит с юга. Это был тоже большой орел. Он прилетел сюда, в Городище, сел на конек крыши рядом с лебедью и стал ухаживать за ней. Затем мне показалось, что тот орел, который прилетел раньше, очень рассердился на то, что прилетел другой, и они бились жестоко и долго, и тогда я увидел, что они исходят кровью. Их битва кончилась тем, что оба они свалились с конька крыши мертвые, каждый в свою сторону. Лебедь же осталась сидеть очень унылая и печальная. Затем я заметил, что летит какая-то птица с запада. Это был сокол. Он подсел к лебеди и стал ластиться к ней. Потом они улетели вместе в одну и ту же сторону. И тогда я проснулся. Однако сон этот пустой. Он, возможно, предвещает бури. Ветры с тех сторон, откуда в моем сне прилетели орлы, будут сталкиваться в воздухе.

Норвежец возразил:

– Я не думаю, что это так.

Тогда Торстейн сказал:

– Ну, скажи мне, что, по-твоему, должен значить мой сон, я послушаю.

Норвежец сказал:

– Птицы – это, должно быть, духи людей. Ведь жена твоя беременна, и она родит девочку необыкновенной красоты, и ты будешь ее очень любить. К дочери твоей будут свататься два знатных человека с тех сторон, откуда прилетели орлы. Они сильно полюбят ее и будут биться друг с другом из-за нее, и оба погибнут в этой битве. Затем третий человек посватается к ней с той стороны, откуда прилетел сокол, и она выйдет за него замуж. Вот я истолковал твой сон, – сказал он, – и думаю, что он сбудется.

Торстейн возразил:

– Истолковал ты мой сон плохо и недружелюбно. Не умеешь ты толковать сны.

Норвежец сказал:

– Увидишь сам, что этот сон сбудется.

Но Торстейн стал с этих пор холодно относиться к норвежцу, и тот уехал в начале лета, и о нем больше не будет речи в этой саге.

Летом Торстейн собрался ехать на тинг и перед отъездом сказал своей жене Йофрид:

– Ты должна скоро родить. Если это будет девочка, надо ее бросить, если же это будет мальчик, мы его воспитаем.

Когда Исландия была еще совсем языческой, существовал такой обычай, что люди бедные и имевшие большую семью уносили своих поврежденных детей в пустынное место и там оставляли. Однако и тогда считалось, что это нехорошо. Когда Торстейн сказал так, Йофрид ответила:

– Человеку, как ты, не подобает это говорить. стыдно при твоём богатстве отдавать такое распоряжение.

Торстейн ответил:

– Ты знаешь мой нрав. Плохо будет, если мое распоряжение не будет выполнено.

И он уехал на тинг.

Йофрид родила девочку необыкновенной красоты. Женщины хотели показать ей ребенка, но она сказала, что это ни к чему, и велела позвать к себе своего пастуха, которого звали Торвальд, и сказала ему:

– Ты возьмешь моего коня, положишь на него седло и отвезешь этого ребенка на запад^[203], в Стадный Холм, к Торгерд, дочери Эгиля. Ты попросишь ее воспитать его втайне, так чтобы Торстейн не узнал. С такой любовью мои глаза тянутся к этому ребенку, что я не могу заставить себя бросить его. Вот тебе три марки^[204] серебра. Я даю их тебе в награду. Торгерд позаботится о твоём переезде за море и пропитании в пути.

Торвальд сделал, как она его попросила. Он поехал на запад, в Стадный Холм, с ребенком и отдал его Торгерд. Та отдала его на воспитание человеку, который сидел на ее земле в Вольноотпущенниковом Дворе на Лощинном Фьорде. Торвальду же она помогла поехать за море из Ракушечного Залива на Стейнгримовом Фьорде и снабдила его пропитанием на время переезда. Оттуда он выехал в море, и в этой саге он больше не упоминается.

Когда Торстейн вернулся с тинга домой, Йофрид сказала ему, что ребенка бросили, как он велел, а пастух убежал и украл ее лошадь. Торстейн сказал, что она поступила хорошо, и взял другого пастуха. Так прошло шесть лет, и за это время никто не узнал правды.

Однажды Торстейн поехал в гости на запад, в Стадный Холм, к Олаву Павлину, сыну Хёскульда, своему зятю, которого тогда всего больше уважали из знатных людей там, на западе. Как и следовало ожидать, Торстейна приняли очень хорошо. Однажды во время пира, как рассказывают, Торгерд сидела и разговаривала с Торстейном,

своим братом, на почетном сиденье, а Олав разговаривал с другими людьми. Напротив них на скамье сидели три девочки. Торгерд сказала:

– Как тебе нравятся, брат, эти девочки, которые здесь сидят против нас?

– Очень нравятся, – говорит он, – но одна из них всех красивее, у нее красота Олава, а белизна и черты лица наши, людей с Болот^[205].

Торгерд отвечает:

– Это ты правду говоришь, брат, что у нас белизна и черты лица наши, людей с Болот, но красота у нее не Олава Павлина, потому что она не его дочь.

– Как же это так? – говорит он. – Ведь она твоя дочь.

– Сказать тебе по правде, брат, она твоя дочь, а не моя, эта красивая девочка.

И она рассказывает ему затем все, как оно было, и просит его простить ей и своей жене этот обман. Торстейн сказал:

– Я не могу упрекать вас. Видно, чему быть, того не миновать. Хорошо, что вы расстроили мой глупый замысел. Мне так нравится эта девочка, что быть ее отцом кажется мне большим счастьем. Как ее зовут?

– Ее зовут Хельга, – отвечала Торгерд.

– Хельга Красавица, – сказал Торстейн. – Снаряди-ка ее в путь со мной.

Торгерд так и сделала. Уезжая, Торстейн получил богатые подарки, и Хельга поехала с ним и выросла там в почете, горячо любимая отцом, матерью и всей родней.

IV

Жил в то время на Белой Реке в Крутояре Иллуги Черный. Он был сын Халлькеля и внук Хросскеля. Матерью Иллуги была Турид Дюлла, дочь Гуннлауга Змеинового Языка. Иллуги был вторым по знатности на Городищенском Фьорде после Торстейна, сына Эгиля. Иллуги Черный имел большие владения, был суров нравом, но всегда помогал своим друзьям. Он был женат на Ингибьёрг, дочери Асбьёрна и внучке Хёрда из Эрнольвово́й Долины. Матерью Ингибьёрг была Торгерд, дочь Скегги со Среднего Фьорда. У Ингибьёрг и Иллуги было много детей, но только о некоторых из них говорится в этой саге. Одного из их сыновей звали Хермунд, другого – Гуннлауг. Оба они подавали большие надежды и были уже взрослыми. О Гуннлауге рассказывают, что он рано возмужал, был высок ростом и силен, имел густые русые волосы и черные глаза, и был хорош собой, несмотря на несколько некрасивый нос, тонок в поясе, широк в плечах, строен, очень заносчив, смолоду честолюбив и во всем неуступчив и суров. Он был хороший скальд, любил сочинять язвительные стихи и был поэтому прозван Гуннлаугом Змеиным

Языком. Хермунда больше любили, чем его, и он был больше похож на предводителя.

Когда Гуннлаугу исполнилось двенадцать лет, он попросил отца, чтобы тот отпустил его из дому, и сказал, что он хочет поехать за море и посмотреть на обычаи других людей. Иллуги не спешил исполнить его просьбу и сказал, что, наверное, не будет из него толку за морем, раз с ним и дома едва удастся справиться. Вскоре после этого Иллуги вышел рано утром из дома и увидел, что его клеть отперта и на двор вынесено несколько мешков с товаром, штук шесть, и попоны. Это его очень удивило. Затем подошел человек, который вел четырех лошадей. Это был Гуннлауг, его сын, и он сказал:

– Это я вынес мешки.

Иллуги спросил его, зачем он сделал это. Тот ответил, что снаряжается в путешествие. Иллуги сказал:

– Ты не получишь от меня никакой помощи и никуда не поедешь, пока я не захочу этого.

И он побросал мешки с товарами обратно в клеть.

Тогда Гуннлауг уехал прочь и к вечеру приехал в Городище. Торстейн предложил ему переночевать у него, и Гуннлауг принял это предложение. Он рассказал Торстейну, что произошло между ним и отцом. Торстейн предложил ему оставаться у него, сколько он захочет. И он прожил там целый год, учился законам у Торстейна и заслужил всеобщее уважение. Часто Хельга забавлялась с Гуннлаугом игрой в шашки. Вскоре они очень привязались друг к другу, как это обнаружилось потом. Они были почти одних лет. Хельга была так красива, что, по словам сведущих людей, в Исландии не бывало женщин красивее ее. У нее были такие длинные и густые волосы, что они могли закрыть ее всю, и они были красивы, как золотые нити. Более завидной невесты, чем Хельга Красавица, не было на всем Городищенском Фьорде и далеко вокруг.

Однажды, когда мужчины сидели дома в Городище, Гуннлауг сказал Торстейну:

– Одному ты еще не научил меня: обручаться с девушкой.

Торстейн сказал:

– Ну, это нетрудно.

И он объяснил ему, как это делается. Тогда Гуннлауг сказал:

– Теперь смотри, правильно ли я понял. Я подам тебе руку и сделаю вид, что я обручаюсь с Хельгой, твоей дочерью.

– По-моему, это ни к чему, – сказал Торстейн.

Тогда Гуннлауг схватил его за руку и сказал:

– Уважь, пожалуйста, мою просьбу.

– Ну, пусть будет по-твоему, – сказал Торстейн, – но все присутствующие должны знать, что это будет только для виду.

Тогда Гуннлауг назвал свидетелей и обручился с Хельгой. Он спросил затем, правильно ли он совершил обряд, и Торстейн ответил, что правильно. Все это очень позабавило присутствующих.

V

На юге, на Мшистой Горе, жил человек по имени Энунд. Это был очень богатый человек. Он был годи там, на юге. Он был женат, и женой его была Гейрню, дочь Гнупа и внучка Мольда-Гнупа, который при заселении Исландии занял Заборный Залив, на юге. У них было три сына: Храфн, Торарин и Эйндриди. Все они подавали большие надежды, однако Храфн выделялся среди них во всех отношениях. Он был рослый, сильный и очень красивый юноша и хорошо сочинял стихи. Когда он возмужал, он стал ездить в чужие края, и его очень уважали всюду, куда бы он ни приехал. Тогда жили на юге в Уступе, в Эльвусе, Тородд Мудрый, сын Эйвинда, и Скафти, его сын, который был тогда законоговорителем в Исландии. Мать Скафти была Раннвейг, дочь Гнупа и внучка Мольда-Гнупа, так что Скафти и сыновья Энунда были сыновьями родных сестер. Родичи были очень дружны между собой. А в Красном Холме жил тогда Торфинн, сын Торира Тюленя. У него было семь сыновей, и все они подавали большие надежды. Трех из них звали: Торгильс, Эйольв и Торир. Они были там самыми уважаемыми людьми. Все, кто был только что назван, жили в одно время.

Вскоре после этого случилось – и это было лучшее событие, какое когда-либо произошло в Исландии, – что страна стала христианской^[206] и весь народ оставил старую веру. Гуннлауг Змеиный Язык, о котором рассказывалось раньше, в течение шести лет жил попеременно то в Городище, у Торстейна, то дома, в Крутояре, у своего отца Иллуги. Ему было тогда восемнадцать лет, и с отцом он теперь хорошо ладил.

Жил человек по имени Торкель Черный. Он был домочадцем и близким родичем Иллуги, у которого он вырос. Ему досталось наследство на Гряде, на севере, в Озерной Долине, и он попросил Гуннлауга поехать с ним. Тот так и сделал, и они поехали вдвоем на Гряду, и с помощью Гуннлауга Торкель получил причитавшееся ему добро от тех, у кого оно хранилось.

Когда они ехали обратно на юг, они остановились на ночлег в Гримовом Междуречье у богатого бонда, который там жил. Утром пастух хозяина взял лошадь Гуннлауга и поехал на ней. Она была вся в мыле, когда он вернул ее. Гуннлауг ударил пастуха, и тот упал без памяти. Хозяин не хотел оставить так дела и потребовал виры. Гуннлауг предложил ему одну марку серебра. Тому показалось мало этого. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

Я предложил немало,
Марку метели тигля^[207],

Бонду. Бери, да живее,
Даритель жара прилива!^[208]

Если же ты из рук
Упустишь перину дракона^[209],
Как бы тебе потом
Первым о том не заплакать.

Они сошлись на том, что предложил Гуннлауг, и после этого Гуннлауг с Торкелем поехали на юг.

Спустя немного времени Гуннлауг снова попросил своего отца, чтобы тот снарядил его в путешествие. Иллуги сказал:

– Пусть будет по-твоему. Ты теперь стал лучше, чем был раньше.

Вскоре Иллуги уехал из дому и купил для Гунналауга половину корабля, что стоял в устье Паровой Реки и принадлежал Аудуну Цепному Псу. Этот Аудун не захотел переправить за море сыновей Освивра Мудрого после убийства Кьяртана, сына Олава, как рассказывается в саге о людях из Лососьей Долины, но это случилось позднее, чем то, о чем здесь рассказывается.

Когда Иллуги вернулся домой, Гуннлауг очень благодарил его. Торкель Черный собрался ехать с Гуннлаугом, и их товары были доставлены на корабль. Гуннлауг был в Городище, пока снаряжали корабль. Ему было веселее беседовать с Хельгой, нежели работать с торговыми людьми.

Однажды Торстейн спросил Гунналауга, не хочет ли он поехать с ним в Долину Длинного Озера, где паслись его табуны. Гуннлауг согласился. Вот они поехали вдвоем и приехали на пастбище Торстейна, что зовется Торгильсов Двор. Там пасся табун Торстейна – четыре лошади, все гнедые. Среди них был жеребец, очень красивый, но малообъезженный. Торстейн предложил его Гуннлаугу в подарок, но тот сказал, что ему лошади не нужны, раз он собирается уезжать за море. Тогда они поехали к другому табуну. Там был серый жеребец и четыре матки. Этот жеребец был лучшим на Городищенском Фьорде, и Торстейн предложил его Гуннлаугу в подарок. Но Гуннлауг ответил:

– Этот жеребец мне так же не нужен, как и тот. Почему ты мне не предложишь того, что бы я охотно принял?

– Что же это такое? – спросил Торстейн.

– Это Хельга Красавица, твоя дочь, – ответил Гуннлауг.

– Ну, это нельзя так быстро решить, – сказал Торстейн и заговорил о другом, и они поехали домой вдоль Длинной Реки.

Тогда Гуннлауг сказал:

– Я хочу знать, что ты мне ответишь на мое сватовство?

Торстейн ответил:

– Что за глупости ты говоришь!

Гуннлауг сказал:

- Это важное дело, а не глупости.

Торстейн возразил:

- Ты должен сперва сам узнать, чего ты хочешь. Разве ты не собрался поехать за море? Как же ты говоришь, что собираешься жениться? Ты Хельге не пара, раз ты сам не знаешь, чего хочешь, и не стоит об этом говорить!

Гуннлауг сказал:

- Кому же ты думаешь отдать в жены свою дочь, если ты не хочешь отдать ее сыну Иллуги Черного? Кто же на Городищенском Фьорде знатнее его?

Торстейн ответил:

- Я не хочу никого ни с кем сравнивать. Но если бы ты был таким человеком, как твой отец, ты не получил бы отказа.

Гуннлауг спросил:

- Кому же другому ты хочешь отдать в жены свою дочь?

Торстейн ответил:

- Здесь много достойных людей. У Торфинна в Красном Холме есть семь сыновей, и все они хоть куда.

Гуннлауг сказал:

- Ни Энунд, ни Торфинн не сравнятся с моим отцом, и даже тебе далеко до него. Вспомни, как он на тинге на мысе Тора вел тяжбу против годи Торгрима, сына Кьяллака, и его сыновей и добился своего.

Торстейн ответил:

- Я добился изгнания Стейнара, сына Энунда Сьопи. Мне кажется, это было нешуточное дело.

Гуннлауг сказал:

- Тебе помогал Эгиль, твой отец. - И добавил: - Едва ли поздоровится тому, кто откажется вступить со мной в свойство.

Торстейн ответил:

- Прибереги свои угрозы для тех, кто живет на горах. Здесь, в Болотах, они тебе не помогут.

Вечером они приехали домой. На следующее утро Гуннлауг поехал в Крутояр и стал просить своего отца поехать с ним в Городище, чтобы посвататься. Иллуги ответил:

- Ты сам не знаешь, чего хочешь. Собираешься поехать за море, а говоришь, что тебе надо свататься. Я знаю, что такое поведение будет Торстейну не по нраву.

Гуннлауг ответил:

- Я все-таки поеду за море, но сейчас ты должен поехать со мной.

После этого поехал Иллуги и с ним одиннадцать человек, и Торстейн его хорошо принял. На следующее утро Иллуги сказал Торстейну:

- Я хочу поговорить с тобой.

Торстейн ответил:

- Подыдемся на городище за домом и поговорим там.

Так они и сделали. Гуннлауг пошел с ними. Тогда Иллуги сказал:

– Мой сын Гуннлауг говорит, что он просил у тебя в жены твою дочь Хельгу. Я хотел бы знать твой ответ на его сватовство. Тебе известны его род и наше состояние. Я не пожалею ничего для того, чтобы у него было достаточно владений и власть годи, если это поможет делу.

Торстейн ответил:

– Одно мне не нравится в твоём сыне Гуннлауге – что он сам не знает, чего хочет. Если бы он был похож нравом на тебя, я бы не колебался.

Иллуги сказал:

– Нашей с тобой дружбе пришел бы конец, если бы ты отклонил сватовство.

Торстейн ответил:

– Раз ты просишь и ради нашей дружбы, пусть Хельга будет обещана Гуннлаугу, но не обручена с ним, и пусть ждёт его три года. Гуннлауг же пусть едет за море и учится обычаям хороших людей. Но я буду свободен от всякого обещания, если он не вернется в Исландию в срок или если мне тогда не полюбится его нрав.

На этом они расстались. Иллуги поехал домой, а Гуннлауг – на корабль. И когда подул попутный ветер, они вышли в море. Они подошли к Норвегии и поплыли вдоль побережья Трандхейма до устья Реки Нид. Там они стали на якорь и выгрузились.

VI

В это время в Норвегии правил ярл Эйрик^[210], сын Хакона, со своим братом Свейном. Ярл Эйрик жил тогда в Хладире, своей вотчине, и был могущественным государем. Сын Торстейна, Скули, жил в то время у ярла. Он был его дружинником и пользовался его уважением. Рассказывают, что Гуннлауг и Аудун Цепной Пес пришли в Хладир, и было их двенадцать человек. На Гуннлауге было серое платье и белые чулки. На щиколотке у него был нарыв, из которого во время ходьбы выступали кровь и гной. В таком виде явились они с Аудуном к ярлу и учтиво его приветствовали. Ярл знал Аудуна и попросил его рассказать, что нового в Исландии. Аудун рассказал ему новости. Затем ярл спросил Гуннлауга, кто он такой, и тот назвал ему свое имя и свой род. Ярл сказал:

– Скули, сын Торстейна, что за человек этот исландец?

– Государь, – ответил тот, – примите его хорошо, потому что он сын одного из лучших людей в Исландии – Иллуги Черного из Крутояра, и мы с ним вместе росли.

Ярл сказал:

– Что у тебя с ногой, исландец?

Гуннлауг ответил:

- На ней нарыв, государь.
- Однако ты идешь, не хромая, - сказал ярл.
- Гуннлауг ответил:
 - Я не стану хромать, пока обе мои ноги одинаковой длины.
- Тогда один дружинник ярла, по имени Торир, сказал:
 - Этот исландец очень заносчив, неплохо бы проучить его немного.
- Гуннлауг посмотрел на него и сказал:

Здесь в дружине твоей
Черный есть лиходей,
На злые дела горазд,
Смотри, и тебя предаст!

- Торир схватился было за секиру. Но ярл сказал:
- Оставь! Не надо обращать внимания на такие вещи.
 - Сколько тебе лет, исландец?
 - Восемнадцать, - отвечал Гуннлауг.
 - Ручаюсь, что других восемнадцать ты не проживешь, - сказал ярл.
 - Чем желать мне зла, лучше желай себе добра, - сказал Гуннлауг, но вполголоса.

Ярл спросил:

- Что ты там сказал, исландец?

Гуннлауг ответил:

- То, что мне показалось уместным: чтобы ты не желал мне зла, а желал бы себе самому чего-нибудь хорошего.
- Чего же именно? - спросил ярл.
- Чтобы ты не умер такой же смертью, как твой отец, ярл Хакон^[211].

Ярл побагровел и велел тотчас же схватить этого дурака. Тогда Скули выступил перед ярлом и сказал:

- Исполни мою просьбу, государь, и пощади этого человека. Пусть он уедет прочь.

Ярл сказал:

- Пусть он убирается как можно скорее, если хочет остаться в живых, и пусть никогда больше не возвращается в мои владения.

Скули вышел с Гуннлаугом, и они пошли на пристань. Там стоял тогда корабль, готовый к отплытию в Англию, и Скули устроил на него Гуннлауга и его родича Торкеля. А Гуннлауг отдал на хранение Аудуну свой корабль и ту кладь, которую он не взял с собой. И вот корабль поплыл в Английское Море, и осенью приплыли они на юг к пристани в Лундунаборге^[212], и там их корабль вкатили на берег.

VII

В Англии правил тогда конунг Адальрад^[213], сын Ятгейра. Он был хорошим государем. В ту зиму он жил в Лундунаборге. В Англии был

тогда тот же язык, что и в Норвегии и Дании^[214]. Язык изменился в Англии, когда ее завоевал Вильхьяльм Незаконнорожденный^[215]. С тех пор в Англии стали говорить по-французски, так как он был родом из Франции.

Гуннлауг тотчас пошел к конунгу и приветствовал его учтиво и почтительно. Конунг спросил его, из какой он страны. Гуннлауг ответил ему.

– Я потому, – продолжал он, – искал встречи с вами, государь, что сочинил вам хвалебную песнь и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

Конунг сказал, что он охотно ее выслушает. Тогда Гуннлауг сказал эту хвалебную песнь четко и торжественно. В ней был такой припев:

«Щедрому конунгу Англин
Люди хвалу слагают;
Рать и народ склониться
Рады пред Адальрадом».

Конунг поблагодарил его за песнь и в награду за нее дал ему пурпурный плащ, подбитый лучшим мехом и отделанный спереди золотом. Он сделал Гуннлауга своим дружинником, и Гуннлауг оставался у конунга всю зиму и пользовался большим почетом.

Однажды рано утром Гуннлауг встретил на улице трех людей. Их вожак назвал себя Торормом. Он был высок ростом и силен, и видно было, что справиться с ним очень трудно. Он сказал:

– Слушай, норвежец, одолжи-ка мне денег!

Гуннлауг ответил:

– Неразумно давать займы незнакомому человеку.

Но тот сказал:

– Я верну тебе долг в назначенный срок.

– Ну хорошо, тогда я, пожалуй, дам тебе в долг, – сказал Гуннлауг и дал ему денег.

Вскоре после этого Гуннлауг увиделся с конунгом и рассказал ему об этом случае. Конунг сказал:

– Тебе не повезло. Это очень плохой человек – известный разбойник и викинг. Не связывайся с ним. Лучше я подарю тебе столько, сколько ты дал ему.

Но Гуннлауг ответил:

– Плохи же мы тогда, ваши дружинники, если мы нападаем на невинных людей, а сами позволяем отнимать у себя свое добро. Не бывать этому!

Вскоре после этого он встретил Торорма и потребовал уплаты долга. Но тот сказал, что не собирается платить.

Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

Моди лязга металла^[216],

Неумное ты задумал:

Деньги отнять обманом

У дерева льдины шлема^[217].

Недаром ношу я сызмала
Имя – Язык Змеиный.
Славный выдался случай
В этом тебя уверить.

– Я ставлю тебе такое условие, – сказал Гуннлауг, – либо ты уплатишь мне свой долг, либо через три ночи ты будешь биться со мной на поединке.

Викинг рассмеялся и сказал:

– До сих пор еще никто не решался вызывать меня на поединок. Слишком многие поплатились своей шкурой! Впрочем, я готов.

На этом они расстались.

Гуннлауг рассказал конунгу, что между ними произошло. Тот сказал:

– Дело твое теперь плохо, потому что этот человек может сделать тупым любое оружие. Ты должен сделать, как я тебя научу, Гуннлауг. Вот тебе меч, который я подарю тебе. Сражайся им, а этому человеку покажи тот меч, что у тебя был раньше.

Гуннлауг поблагодарил конунга.

Когда они были готовы к поединку, Торорм спросил, что у него за меч. Гуннлауг показал ему свой меч и взмахнул им, а сам обвязал ремнем рукоятку меча, подаренного ему конунгом, и надел этот ремень себе на руку.

– Не боюсь я этого меча, – сказал берсерк, посмотрев на меч Гуннлауга.

И он нанес удар мечом и рассек Гуннлаугу щит. Гуннлауг тотчас же нанес ответный удар мечом конунга. Но берсерк стоял, не защищаясь. Он думал, что у Гуннлауга тот самый меч, который тот ему показал раньше. И Гуннлауг тотчас же поразил его насмерть.

Конунг поблагодарил его за подвиг. Этим подвигом Гуннлауг очень прославился в Англии и за ее пределами.

Весной, когда корабли стали ходить по морю, Гуннлауг попросил у Адальрада разрешения отправиться в плаванье. Конунг спросил его, куда он собирается. Гуннлауг отвечал:

– Я хочу исполнить то, что я обещал и задумал.

И он сказал такую вису:

Слово я дал и должен
Плыть долиной тюленей^[218],
Владык пятерых немедля
В дальних пределах проведать.

Но снова по первому зову
В твою я вернусь дружину,

Меня одарит Адальрад
Рдяным одром дракона^[219].

– Пусть будет так, скальд, – сказал конунг и дал ему золотое запястье весом в семь эйриров^[220]. – Но ты должен обещать мне, – добавил он, – что вернешься ко мне будущей осенью, потому что, зная твоё искусство, я не хотел бы совсем потерять тебя.

VIII

И вот Гуннлауг поплыл из Англии с торговыми людьми на север, к Дублину. Там правил тогда конунг Сигтрюгг Шелковая Борода^[221], сын Олава Кварана и королевы Кормлёд. Он только недавно вступил на престол. Гуннлауг тотчас же пошел к конунгу и приветствовал его учтиво и почтительно. Тот принял его с почетом. Гуннлауг сказал:

– Я сочинил о вас хвалебную песнь, государь, и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

Конунг ответил:

– До сих пор еще никто не слагал мне хвалебной песни, и я, конечно, охотно выслушаю твою.

Тогда Гуннлауг сказал хвалебную песнь. В ней был такой припев:
«Сигтрюгг рубит врагов,
Сытно кормит волков».

В ней говорилось также:

«Князю хвалу пою,
Слаблю удаль твою,
Княжьих сынов вокруг
Всех превзошел Сигтрюгг.
Скальду за этих стих
Ты от щедрот своих

Золотом, князь, воздай,
Славу свою оправдай.
Кварана сын, скажи,
Кто сумеет сложить
Хвалебную песнь звучней
Этой песни моей?»

Конунг поблагодарил его. Он позвал своего казначея и сказал так:

– Какую награду я должен дать за эту хвалебную песнь?

Тот отвечал:

– А как вы думаете, государь?

– Что, если я дам два корабля? – спросил конунг.

– Это будет слишком много, государь, – отвечал казначей. – Другие конунги дают в награду за хвалебную песнь дорогие вещи, ценные мечи или золотые кольца.

Тогда конунг подарил ему свой новый пурпурный наряд – отделанное золотом платье и плащ с дорогим мехом, а также золотое запястье весом в одну марку. Гуннлауг поблагодарил конунга за подарки. Он пробыл у него недолгое время и отправился от него на Оркнейские острова.

На Оркнейских островах правил тогда ярл Сигурд, сын Хлёдвир^[222]. Он благоволил к исландцам. Гуннлауг приветствовал ярла и сказал, что у него есть хвалебная песнь о нем. Ярл отвечал, что он охотно выслушает его хвалебную песнь, и отозвался о нем, как о человеке, заслуживающем уважения. Гуннлауг сказал свою хвалебную песнь. Это была небольшая песнь без припева, но хорошо сложенная. Ярл дал ему в награду за песнь широкую секиру, всю выложенную серебром, и предложил погостить у него. Гуннлауг поблагодарил конунга за подарок и приглашение, но сказал, что должен ехать на восток, в Швецию. Вскоре он сел на торговый корабль, который отправлялся в Норвегию, и осенью приплыли они в Конунгахеллу. Его родич Торкель все время сопровождал его.

В Конунгахелле они взяли себе проводника в Западный Гаутланд и прибыли в город, что зовется Скарар. Там правил ярл по имени Сигурд^[223]. Он был уже преклонных лет. Гуннлауг пошел к нему, приветствовал его и сказал, что он сочинил о нем хвалебную песнь. Ярл охотно согласился послушать се. Тогда Гуннлауг сказал свою хвалебную песнь. Она была небольшая и без припева. Ярл его поблагодарил, дал ему хорошую награду и предложил остаться у него на зиму.

Ярл Сигурд созвал много гостей по случаю праздника середины зимы^[224]. В канун праздника приехали туда двенадцать человек с севера, из Норвегии, послы ярла Эйрика. Они привезли подарки ярлу Сигурду. Ярл принял их хорошо и посадил их на время празднества рядом с Гуннлаугом. Шел веселый пир. Гауты говорили, что нет ярла выше Сигурда, но норвежцы находили, что ярл Эйрик много лучше его. Разгорелся спор, и обе стороны просили Гуннлауга вынести третейское решение. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

Дружно посохи брани
Старого ярла славят:
Без страха смотрел герой,
Как в бурю борются волны.

Но и Эйрик-воитель
Видал на море немало
Черных валов, вздымавшихся
До мачт кабана океана.

Обе стороны были довольны решением, но больше норвежцы.

Послы уехали после праздника с подарками, которые ярл Сигурд послал ярлу Эйрику. Они рассказали ярлу Эйрику о третьей решении Гуннлауга. Эйрик нашел, что Гуннлауг проявил верность и дружбу к нему, и он велел объявить, что Гуннлауг может вернуться в его владения без боязни за свою жизнь. Об этом потом узнал и Гуннлауг. Ярл Сигурд дал Гуннлаугу провожатого на восток в Тиундаланд, в Швецию, как тот просил.

IX

В то время в Швеции правил конунг Олав Шведский^[225], сын конунга Эйрика Победоносного и Сигрид Честолюбивой, дочери Скаглар-Тости. Он был могущественным и знаменитым конунгом и очень любил почести. Гуннлауг прибыл в Уппсалу во время весеннего тинга шведов, и когда он был принят конунгом, он приветствовал его. Тот принял его хорошо и спросил, кто он такой. Гуннлауг сказал, что он исландец. В гостях у конунга Олава был тогда Храфн, сын Энунда. Конунг сказал:

– Храфн, что это за человек, этот исландец?

Тогда с нижней скамьи встал человек высокого роста и мужественного вида, подошел к конунгу и сказал:

– Государь, он происходит из лучшего рода в Исландии, и сам он – достойнейший человек.

– Тогда пусть он сядет рядом с тобой, – приказал конунг.

Гуннлауг сказал:

– Я сочинил хвалебную песнь в вашу честь, государь, и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

– Идите сперва и садитесь на место, – сказал конунг. – Теперь некогда слушать ваши песни.

И вот Гуннлауг и Храфн разговорились. Каждый из них рассказал другому о своих странствиях. Храфн сказал, что он приехал прошлым летом из Исландии в Норвегию, а с наступлением зимы – из Норвегии в Швецию. Вскоре они совсем подружились.

Однажды, когда тинг кончился, оба они были у конунга. Гуннлауг сказал:

– Я хотел бы, государь, чтобы вы послушали мою хвалебную песнь.

– Теперь это можно, – сказал конунг.

– Я тоже хочу сказать хвалебную песнь, если вам будет это угодно, государь, – сказал Храфн.

– И это можно, – ответил конунг.

– Тогда я скажу мою песнь первым, если вам будет угодно, – сказал Гуннлауг.

– Первым должен я сказать мою песнь, – сказал Храфн, – потому что я первым приехал к вам.

Гуннлауг сказал:

– Когда это бывало, чтобы мой отец шел на поводу у твоего отца? По-моему, никогда. Не будет этого и между нами.

Храфн отвечал:

– Покажем свою вежливость, не будем доводить дела до ссоры, а предоставим решение конунгу.

Конунг объявил:

– Пусть Гуннлауг скажет свою песнь первым, раз ему так хочется настоять на своем.

Тогда Гуннлауг сказал хвалебную песнь, которую он сложил в честь конунга Олава. Когда он кончил, конунг спросил:

– Храфн, как тебе нравится эта песнь?

– Государь, – отвечает Храфн, – она напыщенна, некрасива и несколько резка, совсем под стать нраву Гуннлауга.

– Ну теперь говори свою песнь, Храфн! – сказал конунг.

Тот так и сделал. Когда он кончил, конунг спросил:

– Гуннлауг, как тебе нравится эта песнь?

Гуннлауг отвечал:

– Государь, она красива, как сам Храфн, но ничтожна. Почему, – добавил он, – ты сочинил в честь конунга хвалебную песнь без припева? Или он показался тебе недостойным большой хвалебной песни?

Храфн отвечал:

– Оставим сейчас этот разговор. Мы еще вернемся к нему позднее!

На этом их разговор окончился.

Вскоре после этого Храфн сделался дружинником конунга Олава и попросил у него разрешения уехать. Конунг разрешил ему. Когда Храфн снарядился в путь, он сказал Гуннлаугу:

– С нашей дружбой кончено, потому что ты хотел унижить меня здесь перед знатными людьми. Но когда-нибудь я осрамлю тебя не меньше.

– Меня не пугают твои угрозы, – сказал Гуннлауг. – Едва ли когда-нибудь дело дойдет до того, что меня будут меньше уважать, чем тебя.

Конунг Олав дал Храфну на прощанье богатые подарки, и тот уехал.

Храфн поехал на восток весной и приехал в Трандхейм. Там он снарядил свой корабль и летом поплыл в Исландию. Он причалил в Глинистом Заливе, к северу от пустоши. Его родичи и друзья обрадовались ему, и он оставался эту зиму дома, у своего отца.

Летом на альтинге встретились два родича: законоговоритель Скафти и скальд Храфн. Храфн сказал:

– Я бы хотел, чтобы ты помог мне в сватовстве к Хельге, дочери Торстейна и внучке Эгиля.

Скафти ответил:

– Разве она не обещана Гуннлаугу Змеиному Языку?

Храфн сказал:

– А разве не прошел срок, который был между ними условлен? К тому же он теперь слишком зазнался, чтобы считаться с такими вещами.

Скафти ответил:

– Пусть будет по-твоему.

После этого они пошли в сопровождении многих людей к землянке Торстейна, сына Эгиля. Тот принял их хорошо. Скафти сказал:

– Храфн, мой родич, хочет посвататься к твоей дочери Хельге. Тебе известны его род и богатство, его хорошее воспитание, а также его родственные и дружеские связи.

Торстейн ответил:

– Она была обещана Гуннлаугу, и я хочу сдержать слово, которое я дал ему.

Скафти сказал:

– Но разве не прошли три года, условленные между вами?

Торстейн ответил:

– Еще не прошло лето, и летом он может вернуться в Исландию.

Скафти сказал:

– А если он не вернется до конца лета, то на что мы можем надеяться в нашем деле?

Торстейн ответил:

– Мы встретимся здесь будущим летом, и тогда будет видно, что всего благоразумнее. Сейчас же бесполезно говорить об этом.

На этом они расстались, и люди поехали с тинга домой. Но сватовство Храфна к Хельге не осталось тайной.

Гуннлауг и в это лето не вернулся в Исландию. Следующим летом на альтинге Скафти и Храфн стали свататься очень настойчиво. Они говорили, что Торстейн теперь свободен от всякого обещания Гуннлаугу. Торстейн отвечал:

– У меня немного дочерей, и я бы не хотел, чтобы одна из них стала причиной раздора. Я хочу сначала встретиться с Иллуги Черным.

Так он и сделал. Когда они встретились, Торстейн спросил:

– Не думаешь ли ты, что я теперь свободен от обещания твоему сыну Гуннлаугу?

Иллуги отвечал:

– Конечно, если тебе так угодно. Но я мало что могу сказать по этому поводу, так как не знаю точно намерений моего сына Гуннлауга.

Тогда Торстейн пошел к Скафти, и они порешили, что в начале зимы у Торстейна в Городище должна состояться свадьба, если Гуннлауг до этого не вернется в Исландию, но что Торстейн будет свободен от всякого обещания Храфну, если Гуннлауг вернется и потребует, чтобы тот выполнил обещание. После этого люди поехали с тинга домой, а Гуннлауг все не возвращался. Хельге же очень не нравилось принятое решение.

Теперь надо рассказать о Гуннлауге, что тем самым летом, когда Храфн вернулся в Исландию, он поехал из Швеции в Англию, получив на прощанье от Олава богатые подарки. Конунг Адальрад принял Гуннлауга хорошо, и Гуннлауг прожил у него зиму в большом почете.

В то время в Дании правил конунг Кнут, сын Свейна^[226]. Он недавно вступил на престол своего отца и постоянно грозил Англии войной, потому что его отец, конунг Свейн, завоевал себе в Англии большие владения, прежде чем умер там, на западе. Как раз в это время там стояло большое датское войско под предводительством знатного человека по имени Хеминг. Он был сын Струтхаральда и брат ярла Сигвальди и управлял от имени Кнута теми владениями, которые завоевал себе конунг Свейн в Англии.

Весной Гуннлауг попросил у конунга позволения уехать. Тот сказал:

– Не годится тебе уезжать от меня, когда в Англии предстоит такая война, ведь ты мой дружинник!

Гуннлауг ответил:

– Воля ваша, государь. Позвольте мне, однако, уехать летом, если датчане не придут.

Конунг ответил:

– Тогда будет видно.

И вот прошло лето и за ним зима, но датчане не пришли. После середины лета конунг отпустил Гуннлауга, и тот поехал на восток, в Норвегию, и застал ярла Эйрика в Хладире, в Трандхейме. Ярл принял его хорошо и предложил ему погостить у него. Гуннлауг поблагодарил ярла за приглашение, но сказал, что ему нужно повидаться со своей невестой. Ярл сказал:

– Теперь уже отплыли все корабли, которые снаряжались в Исландию.

Тогда сказал один из дружинников:

– Корабль Халльфреда Беспокойного Скальда^[227] стоял вчера в устье фьорда у мыса Агданес.

Ярл сказал:

– Это возможно. Он отплыл отсюда пять ночей тому назад.

Ярл Эйрик велел затем доставить Гуннлауга в устье фьорда на корабль Халльфреда, и тот принял его с радостью.

Это было в конце лета.

Вскоре подул попутный ветер, и они были довольны. Халльфред спросил Гуннлауга:

– Ты слышал о сватовстве Храфна, сына Энунда, к Хельге Красавице?

Гуннлауг сказал, что слышал об этом, но ничего определенного не знает. Тогда Халльфред рассказал ему все, что знал об этом, и также о том, как многие говорили, что Храфн не менее храбр, чем Гуннлауг.

Тогда Гуннлауг сказал вису:

Море спокойно, но буря

Тоже меня не удержит,
Пусть ветер на пенных кручах
Крутит корабль, играя.

Горе, коль в юные годы
Голову воин сложит,
Но с Храфном в бою не сравняться —
Вдвое горше герою.

Тогда Халльфред сказал:

– Хорошо было бы, друг, если бы твоя встреча с Храфном была удачнее моей. Несколько лет тому назад я пристал на своем корабле в Глинистом Заливе, к северу от пустоши. Я должен был заплатить половину марки серебра работнику Храфна, но я медлил с уплатой, и тогда Храфн прискакал с шестьюдесятью людьми и перерубил корабельные канаты. Корабль выбросило на глинистый берег, и он чуть не разбился. Мне пришлось дать Храфну решить дело и заплатить целую марку. Вот что я могу рассказать о моей встрече с ним.

Потом они говорили о Хельге, и Халльфред очень хвалил ее красоту. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

Все ж, осторожный воин,
Стали разящей хозяин,
Девы себе не добудет,
В белый убор одетой.

Ведь скальд, бывало, касался
Тонких перстов опоры
Перины рыбы равнины^[228].
Длинным мысам подобных.

– Хорошо сложено, – сказал Халльфред.

Они пристали к берегу в Лавовой Бухте на Лисьей Равнине за полмесяца до начала зимы^[229] и выгрузились там.

Жил человек по имени Торд. Он был сын одного бонда с той равнины. Он любил затевать кулачные бои с торговыми людьми, и тем обычно доставалось от него. И вот он условился с Гуннлаугом, что тот будет биться с ним. В ночь перед боем Торд молил Тора о победе. Наутро, когда они стали биться, Гуннлауг подшиб Торду обе ноги, и тот свалился как подкошенный. Но при этом Гуннлауг вывихнул ногу, на которую опирался, и упал вместе с Тордом. Тогда Торд сказал:

– Может статься, что и кое в чем другом тебе посчастливится не больше!

– В чем же? – спросил Гуннлауг.

– В твоей тяжбе с Храфном, сыном Энунда, если он возьмет в жены Хельгу Красавицу в начале зимы. Я тоже был на альтинге, когда договаривались об этом.

Гуннлауг ничего не ответил. Его ногу перевязали, чтобы вправить ее в сустав, но она очень распухла.

Гуннлауг и Халльфред с их спутниками – всего их было двенадцать человек – оставили Лисью Равнину за неделю до начала зимы и приехали в Крутояр в ту самую субботу, когда в Городище уже сидели за свадебным пиром. Иллуги обрадовался приезду своего сына Гуннлауга и его спутников. Гуннлауг заявил, что он хочет сейчас же ехать в Городище. Иллуги возразил, что это едва ли благоразумно, и всем тоже казалось так, кроме Гуннлауга. Но Гуннлауг не мог ходить из-за своей ноги, хотя он и старался скрыть это. Поэтому из поездки в Городище ничего не вышло. Халльфред поехал наутро к себе домой к озеру Хреувати в Долине Северной Реки. Их владениями управлял тогда его брат Гальти. Это был достойный человек.

XI

Теперь надо рассказать о Храфне, как он праздновал свою свадьбу в Городище. Говорят, что невеста была очень печальна. Видно, верна пословица: что смолodu запомнится, то не скоро забудется. Так было теперь и с ней.

Случилось тогда, что человек по имени Свертинг посватался к Хунгерд, дочери Тородда и Йофрид. Он был сын Бьёрна Козы и внук Мольда-Гнупа. Свадьбу должны были играть после праздника середины зимы в Сканей. Там жил родич Хунгерд Торкель, сын Торви и внук Вальбранда. Матерью Торви была Тородда, сестра Одда из Междуречья.

Храфн поехал со своей женой Хельгой домой, на Мшистую Гору. Когда они прожили там короткое время, случилось однажды утром, до того, как они встали, что Хельга не спала, а Храфн еще спал и стонал во сне. Проснувшись, он рассказал Хельге, что ему спилось. Он сказал тогда такую вису:

Снилось, лежу изранен
Гадюкой испарины лука^[230],
Кровью моей окрашено
Ложe лозы покровов^[231].

Ты же, о Ньёрун браги^[232],
Ран не врачуешь Храфну,
В сторону смотришь. И скальду
Трудно унять тревогу.

Хельга сказала:

– Я бы, конечно, не стала плакать, если бы это случилось. Вы меня бессовестно обманули. Наверно, Гуннлауг вернулся в Исландию.

И Хельга стала горько плакать.

Вскоре после этого стало известно о возвращении Гуннлауга в Исландию. Хельга стала тогда так холодна к Храфну, что он не мог удержать ее дома, и они поехали назад в Городище, но и там брак с Хельгой доставлял Храфну мало радости.

Позднее той же зимой стали люди снаряжаться на свадебный пир к Торкелю из Сканий. Был туда приглашен и Иллуги Черный с сыновьями. И вот когда Иллуги снаряжался в путь, Гуннлауг сидел в доме и не снаряжался. Иллуги подошел к нему и сказал:

– Что же ты не готовишься в дорогу, сын?

Гуннлауг ответил:

– Я не собираюсь ехать.

Иллуги сказал:

– Ты, конечно, поедешь, сын! Не надо позволять себе тосковать по какой-то одной женщине. Веди себя так, как будто это тебя не касается. Будь мужчиной! А в женщинах у тебя никогда не будет недостатка.

Гуннлауг послушался отца, и вот гости съехались на свадебный пир. Иллуги и его сыновья сидели на почетном сиденье, а Торстейн, сын Эгиля, его зять Храфн и поезжане жениха – на втором почетном сиденье, против Иллуги. Женщины сидели на поперечной скамье, и Хельга Красавица сидела рядом с невестой. Глаза Хельги и Гуннлауга невольно часто встречались, и было, как говорится в пословице: глаза не могут скрыть любви. Гуннлауг был хорошо одет. На нем был тот самый богатый наряд, который ему подарил конунг Сигтрюгг. Он очень выделялся среди других мужчин своей силой, ростом и красотой. На пиру было мало веселья.

В тот день, когда мужчины стали снаряжаться в обратный путь, разошлись и женщины и тоже стали готовиться к отъезду. Гуннлауг подошел тогда к Хельге, и они долго разговаривали друг с другом. Тогда Гуннлауг сказал вису:

Горькие дни потянулись

Под пологом гор^[233] для Гуннлауга,

С тех пор как Хельгу Красавицу

Храфн просватал в жены.

Слову скальда напрасно

Невестин отец не поверил,

Отдал другому деву,

Видно, на злато польстился.

И еще он сказал такую вису:

Юная роща обручий^[234]
Радость мою украла,
Все же хочу восславить
Твоих, о дева, родителей,

Мир от века не видывал
Жен и мужей, создавших
На ложе такое сокровище,
Стройную Фрейю порея^[235].

Тут Гуннлауг дал Хельге плащ, полученный им от конунга Адальрада. Это была большая драгоценность. Хельга очень благодарила его за подарок. Затем Гунналауг вышел. На дворе уже было привязано много оседланных лошадей. Гуннлауг вскочил на одного коня и во весь опор поскакал по двору, прямо туда, где стоял Храфн, так что тот должен был отскочить в сторону.

– Что же ты отскакиваешь, Храфн? – сказал он. – Тебе пока нечего бояться меня. Хотя ты, конечно, знаешь, что ты сделал.

Тогда Храфн сказал вису:
Тополь стычки оружия^[236],
Славный пытатель стали,
В распрю вступать негоже
Нам из-за Нанны нарядов^[237].

За морем, шест сражений^[238],
Тоже красивы жены,
Кормчий морского зверя^[239]
Сам уверился в этом.

Гуннлауг сказал:

– Может статься, что много таких, но мне этого не кажется.

Тут подбежали к ним Иллуги и Торстейн. Они не хотели, чтобы Гуннлауг схватился с Храфном. Гуннлауг сказал тогда вису:

Все говорят, что равен
Храфну я родом и славой,
Но деву ему добыли
Рдяные камни ладони^[240].

Долго Адальрад скальда
В дружине своей удерживал.
Горя речам не развеять,
Скорби не скрасить словами.

После этого и тот и другой поехали домой, и в продолжение зимы все было тихо и ничего нового не случилось. Но Храфну плохо было жить с Хельгой, с тех пор как она встретила с Гуннлаугом.

Летом все поехали на тинг со множеством людей: Иллуги Черный и его сыновья, Гуннлауг и Хермунд, Торстейн, сын Эгиля, и его сын Колльсвейн, Энунд с Мшистой Горы и его сыновья, Свертинг, сын Бьярна Козы. Скафти еще был тогда законоговорителем.

Однажды на тинге, когда мужчины со множеством людей пошли на Скалу Закона и разбор тяжб был закончен, Гуннлауг попросил внимания и сказал:

– Здесь ли Храфн, сын Энунда?

Тот сказал, что он здесь. Тогда Гуннлауг продолжал:

– Тебе известно, что ты взял в жены девушку, которая была обещана мне, и тем самым стал моим врагом. Поэтому я вызываю тебя здесь, на тинге, через три ночи биться со мной на поединке на острове Секирной Реки!

Храфн отвечал:

– Спасибо за вызов! Такого вызова и следовало ожидать от тебя. Я готов биться с тобой на поединке, когда ты захочешь.

Родичам и того и другого это не понравилось, но в те времена был обычай, что тот, кто считал себя обиженным, вызывал обидчика на поединок.

Когда прошли три ночи, противники снарядились для поединка. Иллуги Черный последовал за своим сыном со множеством людей, а за Храфном – законоговоритель Скафти, отец Храфна и все родичи.

Но прежде чем Гуннлауг вышел на остров, он сказал такую вису:

Выйду на остров без страха, —

Острый клинок наготове, —

Боги, даруйте победу

Скальду в раздоре стали!

Пусть мой меч пополам

Расколет скалу шелома^[241],

Мужу коварному Хельги

Отделит от тела череп.

Храфн сказал в ответ такую вису:

Скальду знать не дано,

Кого ожидает удача.

Смертные косы остры,

Кости рубить готовы.

Если же нежной деве

Стать суждено вдовою,

Ей об отваге Храфна

Каждый на тинге расскажет.

Хермунд держал щит своему брату Гуннлаугу, а Свертинг, сын Бьёрна Козы, – Храфну. Было условлено, что тремя марками серебра должен был откупиться тот, кто будет ранен. Храфн должен был первым нанести удар, потому что он был вызван на поединок. Он ударил по щиту Гуннлауга сверху, и меч его тотчас же сломался пополам ниже рукоятки, потому что удар был нанесен с большой силой. Однако острие меча отскочило от щита, попало в щеку Гуннлаугу и слегка ранило его. Тогда их родичи и многие другие люди подбежали и встали между ними. Гуннлауг сказал:

– Я объявляю Храфна побежденным, потому что он лишился оружия.

– А я объявляю побежденным тебя, – возразил Храфн, – потому что ты ранен.

Тогда Гуннлауг пришел в ярость и в страшном гневе сказал, что поединок не кончен. Но его отец Иллуги заявил, что на этот раз они должны кончить поединок. Гуннлауг сказал:

– Я бы хотел так встретиться в другой раз с Храфном, чтобы ты, отец, не был при этом и не мог бы нас разнять.

На этом они расстались, и все пошли назад, в свои землянки.

На следующий день в судилище был принят закон о том, что впредь всякие поединки в Исландии запрещаются. Принять такой закон советовали все умные люди, которые там были. А были там все самые умные люди страны. Поединок Гуннлауга с Храфном был последним поединком в Исландии. Это был второй по многолюдности тинг после сожжения Ньяля и третий после битвы на Пустоши.

Однажды утром Гуннлауг с Хермундом пошли на Секирную Реку, чтобы умыться. На другом берегу шли к реке женщины, и среди них была Хельга Красавица. Хермунд сказал Гуннлаугу:

– Ты видишь на том берегу среди женщин Хельгу, твою возлюбленную?

Гуннлауг отвечал:

– Конечно, вижу. – И он сказал вису:

Видно, нам на погибель

Ветвь рождена нарядов^[242];

Один звона металла^[243]

В этом один повинен.

Девы лебяжье-белой

Я добивался, бывало,

Ныне невмочь и глянуть

На руки подруги милой.

Затем они перешли реку, и Гуннлауг с Хельгой разговаривали некоторое время. А когда они перешли реку обратно, Хельга долго стояла и смотрела вслед Гуннлаугу. Он сочинил вису:

Как у ястреба, ярок
Взгляд у девы нарядной,
Орешины влаги злаков^[244],
Вслед посмотревшей скальду.

Но ныне лучистые луны
Ресниц^[245] сосны ожерелий^[246]
Нам не радость сулят,
А злую беду насылают.

После этих событий люди поехали с тинга домой, и Гуннлауг стал жить дома, в Крутояре. Однажды утром, когда он проснулся, все уже встали, только он еще лежал в спальной каморке на нарах. Вдруг входят двенадцать человек в полном вооружении.

Это приехал Храфн, сын Энунда, со своими людьми. Гуннлауг сразу же вскочил и схватился за оружие. Тогда Храфн сказал Гуннлаугу:

– Тебе не грозит никакой опасности. Ты сейчас услышишь, зачем я пришел сюда. Летом на альтинге ты вызвал меня на поединок и не признал его законченным. Теперь я предлагаю тебе, чтобы мы оба поехали летом в Норвегию и там закончили наш поединок. Там нам не помешают наши родичи.

Гуннлауг отвечал:

– Спасибо тебе за вызов! Я его охотно принимаю. А ты, Храфн, можешь рассчитывать здесь на наше гостеприимство.

Храфн отвечал:

– Спасибо, но теперь нам надо сразу ехать обратно.

На этом они расстались. Родичам и того и другого такое решение казалось большим несчастьем. Однако из-за горячности обоих они ничего не могли поделать. Что было суждено, то должно было случиться.

XII

Теперь надо рассказать о Храфне, как он снарядил свой корабль в Глинистом Заливе. Из тех, кто поехали с Храфном, двое известны по имени. Они были сыновьями сестры Энунда, его отца. Одного из них звали Грим, другого – Олав. Оба они были достойные люди. Всем родичам Храфна казалось большой потерей, что он поехал. Но он говорил, что он теперь потому вызвал Гуннлауга на поединок, что ему не было больше никакой радости от Хельги.

– Один из нас должен погибнуть от руки другого, – говорил он.

Когда подул попутный ветер, Храфн отплыл в море. Они причалили в Трандхейме, и там Храфн остался на зиму, но ничего не слышал о Гуннлауге в течение этого времени и продолжал ждать его летом. Он оставался и вторую зиму в Трандхейме, в месте, которое называется Ливангр.

Гуннлауг снарядил свой корабль вместе с Халльфредом Беспокойным Скальдом на севере Лисьей Равнины. Они были готовы в путь поздно осенью. Когда подул попутный ветер, они отправились в путь и перед самой зимой приплыли к Оркнейским островам. Там правил тогда ярл Сигурд, сын Хлёдвир. Гуннлауг отправился к нему и остался у него на зиму. Ярл очень уважал его. Весной ярл снарядился в поход. Гуннлауг поехал с ним. Летом они воевали далеко на Гебридских островах и во фьордах Шотландии и одержали много побед. Всюду, где бы они ни были, Гуннлауг проявлял себя, как очень храбрый и доблестный воин и как настоящий мужчина. Ярл Сигурд вернулся в начале лета назад, а Гуннлауг сел на торговый корабль, который направлялся в Норвегию. Они с ярлом расстались большими друзьями.

Гуннлауг поехал на север в Трандхейм, в Хладир, к ярлу Эйрику, и прибыл туда в начале зимы. Ярл принял его хорошо и предложил ему погостить у него. Гуннлауг принял это приглашение. Ярл уже слышал о его распри с Храфном и сказал Гуннлаугу, что запрещает им сражаться в его государстве. Гуннлауг отвечал, что на то его воля. Он остался там на зиму и был все время молчалив.

Однажды весной Гуннлауг вышел из дому, и с ним был его родич Торкель. Они отошли от дома и увидели на лугу перед собой людей, стоящих кругом. В середине круга было двое с оружием, и они бились друг с другом. Одного из них называли Храфном, а другого – Гуннлаугом. Стоявшие вокруг говорили, что исландцы бьются плохо и не очень-то помнят свое слово. Гуннлауг понял, что это была насмешка, что над ним издевались, и он молча пошел прочь.

Вскоре после этого Гуннлауг сказал ярлу, что не намерен больше сносить издевательства и насмешки его дружинников по поводу их с Храфном распри, и попросил ярла дать ему проводника в Ливангр. Ярл знал, что Храфн уже оставил Ливангр и уехал на восток, в Швецию. Поэтому он разрешил Гуннлаугу поехать и дал ему в дорогу двух проводников.

И вот Гуннлауг с шестью спутниками поехал из Хладира в Ливангр. Но как раз в тот день, когда Гуннлауг вечером приехал туда, Храфн с четырьмя спутниками утром уехал оттуда. Из Ливангра Гуннлауг поехал в долину Верадаль, и каждый раз приезжал вечером туда, где Храфн был утром. Так ехал он, пока не достиг двора по названию Сула – самого верхнего в этой долине. И отсюда Храфн уехал утром. Тогда Гуннлауг не стал останавливаться и сразу же ночью поехал дальше. На заре они увидели друг друга. Храфн доехал до места, где есть два озера и между ними – равнина. Она называется Глейпнисвеллир. На

одном из озер есть небольшой мыс, который называется Динганес. На этом мысу остановился Храфн со своими людьми. Их было всего пятеро и среди них – родичи Храфна, Грим и Олав. Когда противники встретились, Гуннлауг сказал:

– Хорошо, что мы наконец встретились!

Храфн ответил, что и он не видит в этом плохого.

– Выбирай, что хочешь, – продолжал он, – биться нам всем или только нам с тобой двоим.

Гуннлауг отвечал, что ему это все равно. Тогда родичи Храфна, Грим и Олав, сказали, что они не хотят оставаться в стороне, когда те будут биться. То же самое сказал и Торкель Черный, родич Гуннлауга. Тогда Гуннлауг сказал проводникам ярла:

– Сидите здесь и не помогайте ни той, ни другой стороне. Вы сможете потом рассказать о нашей битве.

Те так и сделали.

После этого они сошлись, и все храбро бились. Грим и Олав вдвоем напали на одного Гуннлауга и бились очень храбро. Битва кончилась тем, что он убил их обоих, а сам не был ранен. Это подтверждает Торд, сын Кольбейна, в хвалебной песне, которую он сложил о Гуннлауге^[247] Змеином Языке:

Страху не ведая, Гуннлауг
В схватке сошелся с Храфном,
Но прежде поверг он Грима
И Олава, ратников рьяных.

Грозный, забрызганный кровью,
Смерти предал троих,
Острой сталью косил
Воинов Один боя.

В это время Храфн бился с Торкелем Черным, родичем Гуннлауга, и одержал верх над ним, и Торкель погиб от его руки.

Так все их спутники в конце концов сложили свои головы.

Тогда стали биться двое, Храфн и Гуннлауг. Они наносили друг другу удары, и бесстрашно бросались друг на друга, и бились яростно и без усталости. Гуннлауг сражался мечом, который он получил в подарок от конунга Адальрада. Это было прекрасное оружие. Наконец Гуннлауг нанес Храфну сильный удар мечом и отрубил ему ногу. Но Храфн не упал, а отступил к пню и оперся о него обрубком ноги. Тогда Гуннлауг сказал:

– Теперь ты не годен для битвы, и я не хочу продолжать биться с калекой.

Храфн отвечал:

– Это правда, мое дело плохо. Однако мне бы очень помогло, если бы я мог попить.

– Не обмани же меня, если я принесу тебе воды в моем шлеме!

Храфн отвечал:

– Не обману я тебя.

Тогда Гуннлауг пошел к ручью, зачерпнул воды шлемом и отнес Храфну. Тот протянул ему навстречу левую руку, а правой ударил мечом Гуннлауга по голове и нанес ему очень большую рану. Тогда Гуннлауг сказал:

– Ты меня бессовестно обманул и поступил низко, в то время как я поверил тебе.

Храфн отвечал:

– Да, это правда. Но я поступил так, потому что не могу уступить тебе Хельгу Красавицу.

И они снова стали яростно биться. В конце концов Гуннлауг одолел Храфна, и тот простился с жизнью.

Тогда подошли проводники ярла и перевязали рану на голове Гуннлауга. Между тем он сел и сказал такую вису:

Яростный ясень брани^[248],
Храфн, воитель бесстрашный,
Шел на нас непреклонно
В драке драконов шлемов^[249],

Наши клинки закаленные
Так и мелькали в скалах,
Когда мы на Динганес-мысе
Друг друга ударами встретили.

После этого они похоронили мертвых, посадили Гуннлауга на его коня и поехали с ним вместе вниз, в Ливангр. Там пролежал он три ночи и был соборован священником. Затем он умер и был похоронен у церкви. Всем было очень жаль их обоих, Гуннлауга и Храфна, которые так погибли.

XIII

Летом, еще до того как вести об этих событиях дошли в Исландию, Иллуги Черному снился сон. Он был тогда дома, в Крутояре. Ему привиделось во сне, что Гуннлауг пришел к нему весь окровавленный и сказал ему такую вису:

Гуннлауг пал в поединке,
Он храбро сражался с Храфном,
Ранив недруга в ногу
Рыбой ратной рубашки^[250].

Жадный до теплой крови,

Ринулся ворон к трупам,
Мне ж вороненую сталь
В голову Храфн направил.

В ту самую ночь на юге, на Мшистой Горе, Энунду приснилось, что Храфн пришел к нему весь окровавленный и сказал такую вису:
Я меч обагрил. Но раньше
Рёгнир меча^[251] меня ранил.
Звери щитов^[252] за морем
Звонко в щиты вонзались.

Гуси крови слетались^[253]
Крови с голов напиться.
Перьями ястреб ран^[254]
Озеро ран^[255] разбрызгал.

На следующее лето на альтинге Иллуги Черный сказал Энунду, когда они были на Скале Закона:

– Какую виру ты заплатишь мне за моего сына, которого твой сын Храфн обманул, нарушив свое слово?

Энунд отвечал:

– Я думаю, что я совсем не обязан платить тебе виру. Я и так достаточно пострадал от их битвы. Но я не стану требовать от тебя виры за моего сына.

Иллуги отвечал:

– В таком случае поплатится кто-нибудь из твоей семьи или из твоих родичей.

После тинга в продолжение лета Иллуги был все время очень печален. Говорят, что осенью Иллуги выехал из Крутояра с тридцатью людьми и приехал на Мшистую Гору рано утром. Энунд и его сыновья укрылись в церкви, и тогда Иллуги захватил двух его родичей. Одного из них звали Бьёрн, другого Торгрим. Он велел убить Бьёрна и отрубить ногу Торгриму. После этого Иллуги поехал домой, и Энунд не добивался никакого возмещения.

Сын Иллуги Хермунд не знал покоя после смерти своего брата Гуннлауга, и он думал, что тот еще недостаточно отомщен, несмотря на все, что было сделано. Жил человек по имени Храфн. Он был племянником Энунда с Мшистой Горы. Он был хорошим мореходом, и у него был корабль, который стоял в Бараньем Фьорде. Весной Хермунд, сын Иллуги, выехал один из дому и поехал на север через Каменистую Пустошь к Бараньему Фьорду и прямо на Столовую Отмель к кораблю. Торговые люди были тогда совсем готовы к отплытию. Хозяин корабля Храфн был на суше, и с ним много людей. Хермунд подскакал к нему, пронзил его своим копьем и сразу ускакал прочь. Они были все очень озадачены, спутники Храфна. И за это убийство не было уплачено виры.

На этом закончилась распря между Иллуги Черным и Энундом с Мшистой Горы.

Торстейн, сын Эгиля, через некоторое время выдал свою дочь Хельгу за человека по имени Торкель, сына Халлькеля. Он жил в Лавовой Долине, и Хельга поехала к нему в дом. Она была к нему мало расположена, потому что никогда не могла забыть Гуннлауга, хотя его уже не было в живых. Между тем Торкель был тоже человек достойный и богатый, и хороший скальд. У них было несколько детей. Одного из их сыновей звали Торарин, другого Торстейн. Но у них были и другие дети. Самой большой радостью Хельги было разостлать плащ, который она получила в подарок от Гуннлауга, и подолгу пристально на него смотреть.

Однажды в дом Торкеля и Хельги пришла тяжелая болезнь, и многие долго болели. Занемогла тогда и Хельга, но не легла в постель. Однажды в субботу вечером Хельга сидела у очага. Она положила голову на колени Торкеля, своего мужа, и велела принести плащ, подарок Гуннлауга. Когда плащ принесли, она приподнялась, разостлала его перед собой и некоторое время пристально на него смотрела. Затем она опустилась снова на руки своего мужа и умерла. Торкель сказал тогда такую вису:

На руки молча возьму
Тело жены моей милой.
Липа льна умерла,
Богу вручила душу.

.....

.....

Мне же еще тяжелее
Жить без нее отныне.

Хельга была похоронена у церкви, а Торкель еще долго жил там. Все очень жалели о смерти Хельги, как и следовало ожидать.

На этом сага кончается.

Сага о гренландцах

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Последующие две саги – главный источник сведений об открытии Америки в конце X в. Поэтому они издавна привлекали внимание ученых, много раз издавались и переводились на разные языки, и о них есть огромная литература. Содержание этих двух саг в общих чертах

совпадает: в них рассказывается о тех же людях – Эйрике Рыжем, основателе исландской колонии в Гренландии, его сыновьях Лейве, Торстейне и Торвальде, жене Торстейна Гудрид и ее втором муже Торфинне Карлсефни – и о тех же событиях – колонизации Гренландии и поездках в Виноградную Страну, то есть в Северную Америку. Однако между «Сагой о гренландцах» (*Grænlandinga saga*, она иногда называлась также *Grænlandinga þáttr* или *Eiríks þáttr rauða*) и «Сагой об Эйрике Рыжем» (*Eiríks saga rauða*, она называлась также *Þorfinns saga Karlsefnis*) есть большие расхождения. В «Саге о гренландцах» рассказывается о пяти поездках в Виноградную Страну, а именно – о поездках Бьярни Херьольвссона, Лейва Эйрикссона, Торвальда Эйрикссона, Торфинна Карлсефни и Фрейдис, дочери Эйрика, с братьями Хельги и Финнбоги. Между тем в «Саге об Эйрике» рассказывается только о двух поездках, а именно – поездках Лейва и Карлсефни, причем во многом совсем иначе, чем в «Саге о гренландцах». По «Саге о гренландцах» выходит, что Америку открыл исландец Бьярни Херьольвссон в 985 или 986 г. По «Саге об Эйрике» Америку открыл исландский поселенец в Гренландии Лейв Эйрикссон ок. 1000 г. Только в «Саге о гренландцах» рассказывается о Бьярни Херьольвссоне, о Тюркире Южанине, о Фрейдис и братьях Хельги и Финнбоги. Только в «Саге об Эйрике» рассказывается о колдунье Торбьёрг, о Торхалле Охотнике, о Бьярни Гримольвссоне.

Раньше считалось, что «Сага об Эйрике» древнее «Саги о гренландцах» и потому надежнее как источник. Однако в 1956 г. было доказано, что «Сага о гренландцах» древнее «Саги об Эйрике» и была одним из ее источников (*Jón Jóhannessen. Aldur Grænlandinga sögu // Nordæla. Afmæliskefja til Sigurðar Nordals. Reykjavík, 1956*). «Сага о гренландцах» была написана, по-видимому, в конце XII в. на основе устной традиции. Только у ее первой главы есть письменный источник – «Книга о занятии земли» (*Landnámabók*). «Сага о гренландцах» сохранилась только в знаменитой рукописи конца XIV в., так называемой «Книге с плоского острова» (*Flateyjarbók*), где она вклинена отдельными кусками в так называемую «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне».

«Сага об Эйрике» была написана, вероятно, не раньше середины XIII в., и у нее есть письменные (отчасти не сохранившиеся) источники. Первые две главы ее – из «Книги о занятии земли». Но многое в «Саге об Эйрике», вероятно, непосредственно из устной традиции, например, рассказ о колдунье Торбьёрг, единственный в своем роде в древнеисландской литературе и представляющий большую культурно-историческую ценность. «Сага об Эйрике» сохранилась в двух рукописях: так называемой «Книге Хаука» (*Hauksbók*), начала XIV в., и «Книге из Скаульхольта» (*Skálholtsbók*), конца XV в. Рукописи эти явно восходят к одному оригиналу. Расхождения между ними в основном стилистические. Во второй рукописи много описок и стилистических

неряшливостей. Первая рукопись стилистически причесана по сравнению со второй, и кое-что в ней изложено пространнее, но кое-что сокращено. Раньше считалось, что первая рукопись ближе к оригиналу. Было доказано, однако, что вторая ближе к нему (см. *S.B.F. Jansson. Sagorna om Vinland. I. Handskrifterna til Erik den rödes saga. Stockholm, 1945*). Поэтому в основу русского перевода положен текст второй рукописи, но в случае явных ошибок или пропусков использован текст первой.

И в «Саге о гренландцах», и в «Саге об Эйрике» кое-где есть явный вымысел, например, оживающие мертвецы и т. п. Вымысел часто вероятен и там, где ясна христианская тенденция. Так, в «Саге об Эйрике» вымыслом считается рассказ о миссионерской деятельности Лейва. Есть в этих сагах, вероятно, и такой вымысел, наличие которого невозможно обнаружить. Вместе с тем, однако, всегда было общепризнано и до сих пор неоспоримо, что саги эти основаны на вполне реальных фактах: описываемые в сагах колонизация Гренландии и Исландии и плавания из Гренландии в Виноградную Страну, то есть к какому-то побережью Северной Америки, несомненно, в самом деле имели место. О поездках в Виноградную Страну есть упоминание и в ряде других древнеисландских памятников – «Книге об исландцах» Ари Торгильссона, «Книге о занятии земли», «Саге о людях с Песчаного Берега» и других. Но самое раннее упоминание о них – в хронике Адама Бременского, написанной ок. 1075 г.

Что касается местностей в Гренландии, упоминаемых в сагах, то они почти все поддаются отождествлению. Так, Восточное Поселение – это район Юлиансхоба, Западное Поселение – это район Готхоба, Заслон-Гора – это мыс Фарвель, Гуннбьёрновы островки – это, вероятно, скалистые островки к востоку от Ангмагссалика, Лебединый Фьорд – это Сермилик-Фьорд и т. д. Эйрик Рыжий отправился в Гренландию, чтобы колонизировать эту открытую им страну в 985 или 986 г. (христианство было официально принято в Исландии в 1000 г.). Колония, основанная им в Гренландии, просуществовала около полутысячелетия. В XIV в. она пришла в упадок, в основном, по-видимому, из-за резкого ухудшения климата, и к концу XV в. совсем вымерла. В настоящее время на побережье Гренландии раскопано множество построек, относящихся к эпохе расцвета исландской колонии там.

Но что касается местностей в Северной Америке, упоминаемых в саге, то ни одна из них не поддается бесспорному отождествлению, и все, что до сих пор выдавалось за следы посещения Северной Америки скандинавами в X в., всегда оказывалось подделкой. Учеными разных стран – историками, географами, астрономами, филологами, археологами, ботаниками – было выдвинуто множество теорий относительно того, где находилась Виноградная Страна. Её искали от Гудзонова залива на севере до Каролины на юге. Краткий обзор этих

теорий см. в кн.: *Halldór Hermannsson. The Problem of Vineland*. Ithaca, N. Y., 1936 («Islandica». XXV). Согласно последней из таких теорий Виноградная Страна – это север Ньюфаундленда. Книга автора этой теории – предприимчивого норвежского литератора Х. Ингстада – переведена на русский язык (*Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого*. Л., 1969). Как это обычно делалось и раньше, Ингстад объявляет недостоверным в сагах все то, что не вяжется с его теорией, и достоверным только то, что вяжется с ней. Само название «Виноградная Страна» (Vínland) Ингстад истолковывает как «Луговая Страна», что с лингвистической точки зрения несостоятельно. Есть у него и другие натяжки. Ингстад утверждает, что остатки построек, раскопанные его женой археологом на севере Ньюфаундленда, – это дома Лейва. Другие археологи подтверждают, что эти постройки, возможно, в самом деле скандинавского происхождения и того времени. Однако доказать, что это действительно дома Лейва, Ингстаду не удалось. Вполне возможно, что, кроме тех посещений Северной Америки, о которых рассказывается в сагах, были и другие, о которых не сохранилось сведений. Большинство ученых склоняется все же к тому, что Виноградная Страна – где-то на северо-восточном побережье США, в так называемой Новой Англии. Считается, что там была и северная граница распространения дикого винограда (ср. название «Виноградная Страна»). Тогда Страна Каменных Плит – это юго-восточное побережье Баффиновой земли или северное побережье Лабрадора, а Лесная Страна – юго-восточное побережье Лабрадора или Ньюфаундленд.

Упоминаемые в «Саге о гренландцах» и «Саге об Эйрике» скрелинги – это, несомненно, североамериканские индейцы. Правда, в древнеисландских памятниках «скрелингами» назывались и эскимосы. Но то, что рассказывается в данных памятниках о скрелингах, об их внешности, обычаях и т. д., больше подходит к индейцам. Боевое оружие в виде шара синего цвета на шесте (с. 409), то есть своего рода катапульта, употреблялось индейцами-анголкинами. Костный мозг, смешанный с кровью (с. 410), – излюбленная пища североамериканских индейцев (так называемый пеммикан). Кожаные лодки, то есть, вероятно, лодки из шкуры лося, обычай спать под ними (с. 383), а также палки, трещавшие подобно цепам (с. 408), то есть ритуальные трещотки, засвидетельствованы у североамериканских индейцев. Но особенно характерна для них меновая торговля пушниной (с. 387 и 409).

Упоминаемые в конце «Саги о гренландцах» и «Саги об Эйрике» епископы Бранд, Торлак и Бьёрн – это епископ севера Исландии Бранд Семундарсон (1163–1201), епископ юга Исландии Торлак Рунольвссон (1118–1133) и епископ севера Исландии Бьёрн Гильссон (1147–1162). То, что в «Саге об Эйрике» Бранд назван Брандом Первым,

свидетельствует о том, что эта сага была написана, когда уже был Бранд Второй, то есть Бранд Йонссон (1263–1264).

Есть более старый русский перевод «Саги об Эйрике»: *Сыромятников С. Н.* Сага об Эйрике Красном. СПб., 1890. Переводы фрагментов этой саги, а также фрагмент «Саги о гренландцах» есть в цитированном выше переводе книги Ингстада. Все древнеисландские имена и названия в этом переводе искажены (даны в современном норвежском произношении).

Библиография данных саг есть в выпусках серии «Islandica». Ithaca, N. Y. I, 1908; II, 1909; XXIV, 1935; XXXVIII, 1957.

Перевод «Саги о гренландцах» сделан по изданию: *Islendinga sögur. Islendingasagnaútgáfan. I.* Reykjavik, 1953. Перевод «Саги об Эйрике» сделан по текстам, приведенным в названной выше книге Янссона.

I

Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Асвальда, сына Ульва, сына Бычьего Торира. Торвальд и его сын Эйрик Рыжий покинули Ядр^[256] из-за убийств, совершенных ими в распре, и уехали в Исландию. Она была тогда широко заселена. Они поселились сначала в Скалах на Роговом Побережье. Там Торвальд умер. Эйрик женился на Тьодхильд, дочери Йорунда, сына Ульва, и Торбьёрг Корабельная Грудь, которая была тогда замужем за Торбьёрном из Ястребиной Долины. Женившись, Эйрик переехал на Юг и стал жить в Эйриковой Усадьбе у Озерного Рога. Сына Эйрика и Тьодхильд звали Лейв.

После убийства Эйольва Дермо и Храфна Драчуна Эйрик был изгнан из Ястребиной Долины и переехал на запад, на Широкий Фьорд, и поселился в Эйриковой Усадьбе на Бычьем Острове. Эйрик одолжил скамьевые доски^[257] Торгесту с Широкого Двора, но когда тот стал их с него спрашивать, они не были возвращены. С этого и начались ссоры и сражения между Эйриком и Торгестом, как рассказывается в саге об Эйрике^[258]. Эйрика поддерживал Стюр, сын Торгрима, а также Эйольв со Свиного Острова, сыновья Торбранда с Лебединогo Фьорда и Торбьёрн, сын Вивиля. А Торгеста поддерживали Торд Ревун и Торгейр из Долины Реки Хит.

На тинге Мыса Тора Эйрик был объявлен вне закона. Он снарядил в Эйриковом Заливе корабль для морского плавания, и, когда отъезжал, Стюр и другие проводили его за острова. Эйрик сказал им, что хочет искать ту страну, которую видел Гуннбьёрн, сын Ульва Вороны, когда его отнесло далеко на запад в море и он открыл Гуннбьёрновы Островки. Он добавил, что вернется к своим друзьям, если найдет эту страну.

Эйрик вышел в море у Ледника Снежной Горы. Он нашел страну, которую искал, и подошел к земле у ледника, который он назвал

Средним. Теперь он называется Синяя Рубашка. Оттуда он поплыл на юг вдоль берега, чтобы разведать, можно ли там селиться. Он провел первую зиму на Эйриковом Острове, это почти в середине Восточного Поселения. На следующую зиму он поплыл в Эйриков Фьорд и решил там поселиться. В то лето он плавал в пустынный край на западе и многое назвал там. Вторую зиму он провел на Островках, у Заслон-Горы, а на третье лето плавал на самый север, к Снежной Горе, в Храфнов Фьорд. Он считал, что заплыл тогда в глубь страны дальше, чем заходит вершина Эйрикова Фьорда. Затем он вернулся назад и провел третью зиму на Эйриковом Острове в устье Эйрикова Фьорда.

На следующее лето он поехал в Исландию и подошел к земле в Широком Фьорде. Он назвал страну, которую открыл, Гренландией, ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну, если у нее будет хорошее название^[259]. Эйрик провел зиму в Исландии, а на следующее лето поехал, чтобы поселиться в Гренландии. Он поселился на Крутом Склоне в Эйриковом Фьорде.

Сведущие люди говорят, что в то лето, когда Эйрик переселился в Гренландию, двадцать пять кораблей отправились туда из Широкого и Городищенского Фьордов, но доплыли только четырнадцать. Некоторые отнесло назад, некоторые погибли в море. Это было за пятнадцать зим до того, как христианство стало законом в Исландии^[260]. В то самое лето епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана, уехали из Исландии^[261].

Вот кто поехал тогда с Эйриком и занял землю в Гренландии: Херьольв – в Херьольвовом Фьорде, он жил на Херьольвовом Мысу; Кетиль – в Кетилевом Фьорде; Храфн – в Храфновом Фьорде; Сёльви – в Долине Сёльви; Хельги, сын Торбранда, – в Лебедином Фьорде; Торбьёрн Злой Глаз – в Парусном Фьорде; Эйнар – в Эйнаровом Фьорде; Хавгрим – в Хавгримовом Фьорде и Озерном Крае; Арнлауг – в Арнлауговом Фьорде. А некоторые поехали в Западное Поселение.

//

Был человек по имени Херьольв, сын Барда, сына Херьольва. Он был родичем Ингольва, первого поселенца в Исландии. Ингольв дал Херьольву и его людям землю между Мысом Дымов и Заливом. Херьольв жил сначала в Дрепстокке. Его жену звали Торгерд, а сына – Бьярни.

Бьярни подавал большие надежды. Смолоду его тянуло в чужие края. У него были и деньги, и доброе имя. Он проводил одну зиму в чужих краях, одну – дома у отца. Вскоре у него был уже свой корабль.

В последнюю зиму, когда Бьярни был в Норвегии, его отец Херьольв переселился в Гренландию вместе с Эйриком, оставив свой хутор. На

корабле Херьольва был один христианин с Гебридских островов, который сочинил «Песнь о чудо-волне»^[262]. В ней был такой припев:

«Всеблагой отец монахов
Да хранит меня в дороге.
Дома всей земли владыка
Надо мной пусть держит руку».

Херьольв поселился на Херьольвовом Мысу. Он был очень знатный человек.

Эйрик Рыжий жил на Крутом Склоне. Его очень уважали, и все ему подчинялись. У Эйрика было три сына – Лейв, Торвальд и Торстейн, а дочь его звали Фрейдис. Она была замужем за человеком по имени Торвард, и жили они во Дворах, где теперь живет епископ. Она была властная женщина, а он – тихоня. Она была отдана за него больше ради денег. В то время все в Гренландии были язычниками. Бьярни приехал на своем корабле в Пески летом того самого года, когда его отец уехал весной из Исландии. Известие об отъезде отца сильно огорчило Бьярни, и он даже не захотел разгружать корабль. Тогда его люди спросили, что он собирается делать. Он ответил, что собирается, как обычно, провести зиму у отца:

– Хочу плыть в Гренландию, если вы согласны сопровождать меня.

Все ответили, что как он решит, так они и сделают. Тогда Бьярни сказал:

– Неразумным сочтут наше плаванье, ведь никто из нас не бывал в Гренландском море.

Все же, снарядившись, они сразу вышли в море и плыли три дня, пока земля не скрылась. Тут попутный ветер прекратился, начались северные ветры и туманы, и в продолжение многих суток они не знали, куда плывут. Затем они снова увидели солнце и смогли определить стороны света. Они подняли парус и плыли так сутки, пока не увидели землю. Они стали обсуждать между собой, что это за страна. Бьярни сказал, что, по его мнению, это не Гренландия. Они спрашивают, не хочет ли он подойти к этой земле.

Он отвечает:

– Я считаю, что надо плыть вдоль берега.

Они так и сделали. Вскоре они увидели, что страна эта не гористая, но лесистая и с низкими холмами. Они повернули в открытое море, оставив землю с левого борта. Проплавав еще двое суток, они снова увидели землю.

У Бьярни спрашивают, не думает ли он, что уж это Гренландия. Но он отвечает, что, по его мнению, и это не Гренландия:

– Потому что говорят, что в Гренландии огромные ледники.

Вскоре они приблизились к этой земле и увидели, что она плоская и покрыта лесом. Тут попутный ветер прекратился. Люди Бьярни стали

говорить, что надо бы подойти к берегу. Но Бьярни воспротивился этому. Они говорили, что надо бы запастись дровами и водой.

– У вас довольно и того и другого, – сказал Бьярни, и они бранили его за это.

Он велел поднять парус. Так и было сделано. Они повернули в открытое море и плыли с попутным юго-западным ветром трое суток, пока не увидели третью землю. Эта земля была высокая, гористая, и на ней был ледник. Снова у Бьярни спросили, не хочет ли он подойти к берегу, но он сказал, что не хочет:

– Потому что в этой земле, как мне кажется, нет ничего хорошего.

На этот раз они не спустили парус, но поплыли вдоль берега и увидели, что это остров. Они снова повернули в открытое море и поплыли с тем же попутным ветром. Но ветер крепчал, и Бьярни велел укоротить парус и плыть не быстрее, чем снасти и корабль могут выдержать. Теперь они плыли четверо суток, пока не увидели четвертую землю. Снова у Бьярни спросили, не думает ли он, что это Гренландия. Бьярни отвечает:

– Это всего больше похоже на то, что я слышал о Гренландии. Здесь мы подойдем к берегу.

Они так и сделали и в сумерки подошли к берегу у какого-то мыса. На нем была лодка, вытащенная на берег. У этого мыса жил Херьольв, отец Бьярни, почему этот мыс и называется Херьольвов Мыс.

Бьярни вернулся к своему отцу и больше никуда не ездил и жил у отца, а после его смерти жил там сам.

III

Случилось дальше, что Бьярни, сын Херьольва, приехал из Гренландии в Норвегию к Эйрику ярлу^[263]. Тот его хорошо принял. Бьярни рассказал о своем плаванье и о странах, берега которых он видел, и люди нашли, что он не очень-то любознателен, раз не может ничего рассказать про сами эти страны, и его порицали. Бьярни стал дружинником ярла и на следующее лето вернулся в Гренландию.

Много было тогда разговоров о поисках новых стран. Лейв, сын Эйрика Рыжего с Крутого Склона, поехал к Бьярни, сыну Херьольва, купил у него корабль и набрал себе людей, всего тридцать пять человек.

Лейв просил своего отца Эйрика быть предводителем похода, а Эйрик отговаривался, ссылаясь на то, что он уже стар и не так вынослив, как прежде. Но Лейв сказал, что у Эйрика все равно больше удачи, чем у любого из его родичей. И в конце концов Эйрик уступил настояниям Лейва.

Когда сборы были закончены, Эйрик сел на коня и поехал к кораблю. Ехать было недалеко. Но вдруг конь споткнулся, и Эйрик упал^[264] и повредил себе ногу. Эйрик сказал:

– Не суждено мне открыть другие страны, кроме той, в которой мы живем. Видно, разошлись наши пути.

Эйрик вернулся на Крутой Склон, а Лейв отправился на корабль, и с ним его товарищи, числом тридцать пять. Среди них был один южанин^[265], звали его Тюркир.

Они стали снаряжать свой корабль и, когда все было готово, вышли в море. Они открыли ту страну первой, которую Бьярни открыл последней. Они подошли к берегу и бросили якорь. Затем они спустили лодку и высадились на берег. Травы нигде не было. Вдали виднелись большие ледники, а между ледниками и морем все сплошь было, как каменная плита. Они решили, что в этой стране нет ничего хорошего. Лейв сказал:

– Мы хоть побывали в этой стране, не то что Бьярни, который даже не сошел на берег. Я дам стране название, пусть она зовется Страной Каменных Плит.

Они вернулись на корабль и вышли в море, и открыли вторую страну. Они подходят к берегу и бросают якорь, затем спускают лодку и высаживаются. Эта страна была плоская и покрыта лесом. Всюду по берегу был белый песок, и берег отлого спускался к воде.

Лейв сказал:

– Надо назвать эту страну по тому, что в ней есть хорошего. Пусть она зовется Лесная Страна.

Они поспешили назад на корабль и поплыли оттуда с северо-восточным ветром, и были в открытом море двое суток, пока не увидели землю. Они направились к ней и подошли к острову, который лежал к северу от нее. Они высадились и осмотрелись. Погода была хорошая. Они увидели, что трава покрыта росой. И когда они касались росы руками, а потом подносили руки ко рту, им казалось, что они никогда не пробовали ничего слаще этой росы. Затем они вернулись на корабль и вошли в пролив между островом и мысом, протянувшимся на север.

Они направились на запад, огибая мыс. Там была большая мель, и в отлив корабль сел на эту мель, так что море оказалось далеко. Но им так хотелось поскорее высадиться, что они не стали ждать, пока корабль снова окажется на воде, и побежали к берегу, туда, где из озера вытекала река. А когда корабль их снова оказался на воде, они сели в лодку, подплыли к нему и завели его в реку, а затем в озеро. Там они бросили якорь, снесли на берег спальные мешки и сделали себе землянки. Но потом они решили зазимовать там и построили себе большие дома.

И в реке, и в озере водилось вдоволь лосося, да такого крупного, какого они раньше и не видавали. Край был столь благодатный, как

они скоро увидели, что даже не надо было запастись корм скоту: морозов зимой не бывало, и трава почти не вянула. Дни здесь не так различались по длине, как в Гренландии или Исландии. В самое темное время года солнце стояло в небе в четверть дня после полудня и за четверть дня до него^[266].

Когда они построили себе дома, Лейв сказал своим спутникам:

– Я хочу, чтобы мы разделились и разведали край. Пусть поочередно половина из нас остается дома, а другие разведывают край, но пусть далеко не заходят, к вечеру возвращаются и держатся вместе.

Так они некоторое время и делали, а Лейв то оставался дома, то ходил с другими на разведку.

Лейв был рослый, сильный и видный. Он был человек умный и сдержанный.

IV

Случилось как-то вечером, что пропал один человек. Это был Тюркир-южанин. Лейв был очень огорчен, так как Тюркир долго жил у них в семье и очень любил Лейва, когда тот был еще ребенком. Лейв выбрал спутников Тюркира и отправился его искать, взяв с собой двенадцать человек.

Но только что они отошли от домов, как Тюркир сам идет им навстречу. Они ему очень обрадовались. Лейв сразу увидел, что Тюркир, его воспитатель, очень весел.

У Тюркира был крутой лоб, живые глаза и маленькое лицо. Он был небольшого роста и невзрачен на вид, но мастер на все руки. Лейв сказал ему:

– Почему ты так поздно, отец, и почему отстал от других?

Тюркир сперва что-то долго говорил по-немецки, вращая глазами и корча рожи, но никто не понял, что он говорил. Спустя некоторое время он заговорил на северном языке^[267]:

– Я зашел немногим дальше вас, но у меня есть, что рассказать. Я нашел виноградную лозу и виноград^[268].

– Это правда, отец? – спросил Лейв.

– Конечно, правда, – сказал Тюркир. – Ведь я родился там, где вдоволь и виноградной лозы, и винограда.

Они спали остаток ночи, а утром Лейв сказал своим людям:

– Теперь у нас будет два дела: один день мы будем собирать виноград и резать виноградную лозу, а другой – валить деревья, чтобы был груз для моего корабля.

Так и сделали. Говорят, что корабельная лодка была вся заполнена виноградом. Корабль загрузили лесом, который они нарубили. А весной

они приготовились к плаванию и отплыли. Лейв назвал страну по тому, что в ней было хорошего: она получила название Виноградной Страны.

Они вышли в море, и ветер был попутный до тех самых пор, пока не показалась Гренландия и ее горы, покрытые ледниками. Тут один из людей Лейва спросил его:

– Почему ты держишь так круто к ветру?

Лейв отвечает:

– Я смотрю за тем, куда идет корабль, но также и за кое-чем другим. А вы разве не видите ничего особенного?

Они сказали, что не видят ничего особенного.

– Я не знаю, – говорит Лейв, – что я вижу: корабль или камень.

Теперь они тоже увидели что-то и решили – что камень. Но у Лейва глаза были зорче, чем у них, он видел на камне людей.

– Надо идти круто к ветру, – говорит Лейв, – чтобы подойти к ним. Если им нужна наша помощь, то надо ее оказать. Если же они люди немирные, то все преимущество на нашей стороне, а не на их.

Они подошли к камню, убрали парус, бросили якорь и спустили маленькую, другую, лодку, которая у них была. Тюркир спросил у людей на камне, кто их предводитель. Тот назвался Ториром и сказал, что он норвежец родом.

– А как твое имя? – спросил он.

Лейв назвался.

– Ты сын Эйрика Рыжего с Крутого Склона?

Лейв сказал, что это так.

– И я хочу, – продолжал он, – пригласить вас всех на мой корабль, и берите с собой столько добра, сколько он вместит.

Они приняли предложение, и корабль поплыл со всем грузом в Эйриков Фьорд. Подъехав к Крутому Склону, они разгрузили корабль.

Лейв пригласил Торира, его жену Гудрид и еще троих на зиму к себе и нашел жилье всем остальным, как людям Торира, так и своим. Лейв снял пятнадцать человек с камня. С тех пор его стали звать Лейвом Удачливым. Он был теперь и богат, и славен.

В ту зиму людей Торира стала косить жестокая хворь, и умер сам Торир, и умерли многие его люди. В ту зиму умер и Эйрик Рыжий.

О плаванье Лейва в Виноградную Страну много говорили, и Торвальд, брат его, считал, что страна эта недостаточно разведана. Лейв сказал Торвальду:

– Можешь ехать на моем корабле в Виноградную Страну, если хочешь, но сперва корабль пойдет за лесом, который был у Торира на камне.

Так и сделали.

Торвальд собрался в поход с помощью своего брата Лейва и взял с собой тридцать человек. Они подготовили корабль к плаванию и вышли в море. Нет никаких рассказов об их плавании до того, как они достигли домов Лейва в Виноградской Стране. Здесь они вытащили корабль на берег и провели всю зиму, ловя рыбу себе на пищу.

Весной Торвальд сказал, что надо готовить корабль, а пока пусть несколько человек поедут на лодке на запад вдоль берега и разведывают край в течение лета.

Они увидели, что страна красива и лесиста, и леса подходят к самому берегу, и по берегу всюду белый песок, а в море много островов и большие мели. Нигде не было видно ни человеческого жилья, ни животных. Но на одном острове на западе они нашли деревянный настил для сушки колосьев. Никаких других следов человека они не обнаружили и осенью вернулись к домам Лейва.

На следующее лето Торвальд поплыл на корабле сначала на восток, а потом на север вдоль берега. У одного мыса их застигла буря, и корабль выбросило на берег. Киль был поломан, и они долго оставались там, чиня корабль. Торвальд сказал своим спутникам:

– Я хочу, чтобы здесь на мысу был поставлен сломанный киль и мыс был назван Килевым Мысом.

Так и сделали. Затем они поплыли оттуда на восток вдоль берега и вошли в устье двух фьордов, и подошли к мысу, выдававшемуся между ними. Он был весь покрыт лесом. Они причалили к берегу и положили сходни, и Торвальд сошел на берег со всеми своими людьми. Он сказал:

– Здесь красиво, здесь я хотел бы поселиться.

Возвращаясь на корабль, они заметили на песке подальше от мыса три бугорка. Они подошли ближе и увидели, что эти бугорки – кожаные лодки и под каждой лодкой три человека. Торвальд и его люди разделились и захватили их всех, только один успел уйти на своей лодке. Они убили остальных восьмерых, вернулись на мыс и стали осматривать оттуда окрестность. В глубине фьорда они различили несколько бугорков и решили, что это поселенье.

После этого на них напала такая сонливость, что они не могли больше бодрствовать, и все уснули. Вдруг раздался голос, который разбудил их всех. Голос сказал:

– Проснись, Торвальд, проснитесь все, если вы хотите сохранить жизнь! Садитесь на корабль и уезжайте поскорей из этой страны!

Огромное множество кожаных лодок плыло по фьорду прямо на них. Торвальд сказал:

– Поставим вдоль борта щиты и будем обороняться, как только можем, но сами не будем нападать на них.

Так и сделали. Скрелинги^[269] постреляли в них недолго, но потом обратились в поспешное бегство.

Торвальд спросил у своих людей, есть ли среди них раненые. Они ответили, что нет.

– Меня ранило под мышку, – говорит Торвальд. – Стрела пролетела между бортом и моим щитом и попала мне под мышку. Вот эта стрела. Она принесет мне смерть. Советую вам поскорее ехать назад. А меня отнесите на тот мыс, где мне так хотелось поселиться. Возможно, я невольно сказал правду, говоря, что поселюсь там. Похороните меня там, поставьте крест в головах и в ногах, и пусть это место называется Крестовый Мыс.

Гренландия уже была крещена в это время, но Эйрик Рыжий умер до христианства.

Торвальд умер, и его люди сделали все, как он просил. Затем они поехали назад, и встретили остальных, и рассказали друг другу все, что с ними случилось.

Они зазимовали там и набрали винограда и виноградной лозы, чтобы загрузить корабль. Весной они отправились в Гренландию и пришли в Эйриков Фьорд, и им было что рассказать Лейву.

VI

Между тем в Гренландии Торстейн с Эйрикова Фьорда женился на Гудрид, дочери Торбьёрна, вдове Торира-норвежца, о котором было рассказано раньше.

Торстейн, сын Эйрика, стремился поехать в Виноградную Страну за телом своего брата Торвальда. Он снарядил тот же самый корабль и подобрал себе самых сильных и рослых людей. С ним поехали двадцать пять человек и еще его жена Гудрид.

Когда они собрались, они вышли в море, и вскоре земля скрылась у них из виду. Все лето их носило по морю, и они не знали, куда плывут. Наконец, за неделю до начала зимы они подошли к берегу в Пикшевом Фьорде, в Западном Поселении Гренландии. Торстейн стал подыскивать жилье себе и своим людям и всем нашел, но себе и жене ничего не нашел. Так они оставались вдвоем на корабле несколько ночей.

В то время христианство было еще молодым в Гренландии.

Однажды рано утром к их палатке подошли люди, и предводитель этих людей спросил, кто в палатке.

– Двое, – отвечает Торстейн, – а кто спрашивает?

– Мое имя Торстейн, а зовут меня Торстейном Черным. Я пришел сюда, чтобы пригласить тебя и твою жену пожить у меня.

Торстейн, сын Эйрика, отвечает, что должен посоветоваться с женой. Но она говорит, что пусть сам решает, и он принимает приглашение.

– Тогда я приеду завтра за вами на телеге, – говорит Торстейн Черный. – У меня нет недостатка в средствах, чтобы прокормить вас, но вам будет со мной очень скучно, потому что нас только двое, я и жена,

и я очень нелюдим. К тому же я другой веры, чем вы, и я думаю, что ваша вера лучше.

На следующее утро он приехал за ними на телеге. Они переехали к нему и жили у него в полном довольстве.

Гудрид была женщина видная и умная, и хорошо умела обходиться с чужими людьми.

В начале этой зимы болезнь начала косить людей Торстейна, сына Эйрика, и многие из них умерли. Торстейн велел делать гробы для покойников, класть в них тела и перевозить на корабль.

– Потому что я хочу отвезти в Эйриков Фьорд все тела, – сказал он.

Вскоре болезнь пришла и в дом Торстейна Черного, и первой заболела его жена Гримхильд. Она была огромного роста и сильная, как мужчина, но болезнь свалила и ее. Сразу после этого заболел и Торстейн, сын Эйрика, и некоторое время они оба лежали больные, пока Гримхильд не умерла. Когда она умерла, Торстейн Черный хотел выйти за доской, чтобы положить на нее труп. Тогда Гудрид сказала:

– Возвращайся поскорей, друг!

Тот обещал сразу же вернуться. Затем Торстейн, сын Эйрика, сказал:

– Странное что-то творится с нашей хозяйкой. Она приподнимается на локтях, и спускает ноги с постели, и нащупывает ими свои башмаки.

Но тут вернулся Торстейн Черный, и Гримхильд опустилась на постель так тяжело, что все бревна в доме заскрипели.

Торстейн Черный сделал гроб для тела Гримхильд, положил тело в гроб и увез хоронить. Он был мужчина рослый и сильный, но и ему понадобилась вся его сила, чтобы вытащить гроб из дома.

Торстейну, сыну Эйрика, стало хуже, и он умер. Жена его Гудрид была в большом горе. Они были все трое в доме, когда он умер. Гудрид сидела на стуле у скамьи, на которой лежал ее муж. Торстейн Черный поднял Гудрид со стула и сел на скамью напротив, посадив Гудрид себе на колени. Он всячески успокаивал и утешал ее, обещая, что поедет с ней на Эйриков Фьорд с телом ее мужа и телами его спутников.

– И я привезу сюда еще людей, – говорит он, – чтобы утешить тебя и развлечь.

Она благодарила его.

Вдруг труп Торстейна, сына Эйрика, приподнялся на постели и сказал:

– Где Гудрид?

Он повторил это три раза, но она молчала. Затем она сказала Торстейну Черному:

– Отвечать мне ему или нет?

Он велел ей не отвечать. Затем он подошел к скамье, на которой лежал покойник, сел на стул, держа Гудрид на коленях, и сказал:

– Чего ты хочешь, тезка?

Спустя некоторое время Торстейн, сын Эйрика, отвечает:

– Я хочу рассказать Гудрид ее судьбу, чтобы ей было легче примириться с моей кончиной, ибо я теперь в хорошей и покойной обители. А тебе, Гудрид, я могу сказать, что ты выйдешь замуж за исландца, и вы будете долго жить вместе, и у вас будет потомство обильное и достойное, светлое и многославное, сладкое и душистое. Вы поедете из Гренландии в Норвегию, а оттуда в Исландию, где вы поселитесь и будете жить долго. Ты переживешь мужа и совершишь паломничество в Рим, но затем вернешься в Исландию на свой хутор. Там будет построена церковь, и ты пострижешься в монахини и проживешь так до своей кончины.

Затем Торстейн опустил на постель. Его тело положили в гроб и отвезли на корабль.

Торстейн Черный выполнил все, что обещал Гудрид. Весной он продал землю и скот, отвез Гудрид со всем ее добром на корабль, снарядил корабль, набрал людей и отправился в Эйриков Фьорд. Всех покойников похоронили там в церкви.

Гудрид поехала к Лейву на Крутой Склон, а Торстейн Черный поселился в Эйриковом Фьорде и жил там до смерти. Он слыл очень доблестным человеком.

VII

В это самое лето в Гренландию пришел корабль из Норвегии. Кораблем правил человек по имени Торфинн Карлсефни^[270]. Он был сыном Торда Лошадиная Голова, сына Снорри, сына Торда с Мыса.

Торфинн Карлсефни был человек богатый. Зиму он провел у Лейва, сына Эйрика, на Крутом Склоне. Вскоре Торфинну Карлсефни полюбилась Гудрид, и он посватался к ней. Но она попросила Лейва ответить за нее. Ее обручили с Карлсефни и в ту же зиму сыграли свадьбу.

По-прежнему шли разговоры о поездке в Виноградную Страну, и многие, как Гудрид, так и другие, подбивали Карлсефни на эту поездку. В конце концов он решился ехать и набрал себе спутников – шестьдесят мужчин и пятерых женщин. Он условился со своими людьми делить поровну все, что добудут. Они взяли с собой всякого скота, потому что думали там поселиться, если это окажется возможным.

Карлсефни попросил Лейва отдать ему дома в Виноградской Стране, но тот сказал, что готов одолжить их, но только не насовсем.

Они вышли в море и благополучно приплыли к Лейвовым домам, и снесли на берег спальные мешки. Вскоре они вдоволь запасли себе хорошей еды, потому что к берегу прибило отличного большого кита. Они отправились туда и разделали его, так что в еде у них не было недостатка.

Скот пустили пастись на берегу, но вскоре некладеные самцы сделались буйными, и с ними стало трудно справляться. Был у них и бык.

Карлсефни велел валить лес и заготавливать бревна, чтобы загрузить корабль. Лес складывали сушить на скалу. Они пользовались всем, чем страна была богата – виноградом, всякой дичью, рыбой и прочим.

Прошла первая зима, и наступило лето. Тут они встретились со скрелингами. Целая толпа их вдруг появилась из леса. Поблизости пасся скот, и бык начал грозно мычать и реветь. Скрелинги испугались и бросились со своей кладью – а это были беличьи и собоьи шкурки и всякая другая пушнина – к домам Карлсефни и стали ломиться в них, но он велел запереть двери изнутри. Ни те ни другие не понимали языка друг друга.

Тогда скрелинги сняли с плеч кладь, развязали тюки и стали предлагать свой товар. В обмен они просили оружие, но Карлсефни запретил своим людям продавать оружие. Он вот что придумал: велел женщинам вынести молочные скопы, и, увидев их, скрелинги уже не захотели ничего другого. Тем и кончилась торговля скрелингов, что они унесли свои покупки в животах, а их тюки и пушнина остались у Карлсефни и его людей.

После этого Карлсефни велел построить вокруг домов крепкую изгородь, и они обосновались внутри нее.

Примерно в это время Гудрид, жена Карлсефни, родила мальчика, и его называли Снорри.

В начале следующей зимы пришло к ним гораздо больше скрелингов, но все с тем же товаром. Карлсефни сказал женщинам:

– Вынесите им ту еду, что они всего лучше брали прошлый раз, и ничего другого.

Как только скрелинги увидели, что им вынесли, они стали бросать свои тюки через изгородь.

Гудрид сидела в дверях дома у колыбели своего сына Снорри. Вдруг на дверь упала тень, и вошла женщина в узком черном одеянии, небольшого роста, с повязкой на светло-русых волосах. Лицо у нее было бледное, а глаза огромные, равных им не увидеть на человеческом лице. Она подошла к Гудрид и сказала:

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Гудрид, а как твое имя?

– И меня зовут Гудрид, – отвечает та.

Тогда Гудрид, жена Карлсефни, протянула ей руку, чтобы посадить рядом с собой. Но вдруг раздался страшный грохот, и женщина исчезла, и в это самое мгновение один из людей Карлсефни убил скрелинга, пытавшегося украсть какое-то оружие. Тут скрелинги бросились со всех ног бежать, побросав одежду и товары. Женщину же, которая приходила к Гудрид, никто, кроме самой Гудрид, не видел.

– Нам надо что-то придумать, – говорит Карлсефни, – потому что они, наверное, придут к нам и в третий раз, и на этот раз с враждебными намерениями и в большом числе. Вот что мы сделаем: пусть десять человек идут на мыс и будут там на виду, а другие пусть идут в лес и вырубят там прогалину, где мы сможем держать наш скот, когда скрелинги выйдут из леса. А быка нашего пустим перед собой.

Там, где они собирались дать бой скрелингам, с одной стороны было озеро, а с другой – лес.

Сделали все, как задумал Карлсефни, и скрелинги вышли как раз туда, где он хотел дать им бой. Завязалось сражение, и много скрелингов было убито. Среди них выделялся один, он был рослый и красивый, и Карлсефни решил, что это, наверное, их вождь. Какой-то скрелинг поднял с земли секиру, осмотрел ее, а потом замахнулся ею на одного из своих и ударил. Этот сразу же упал замертво. Тогда тот рослый скрелинг взял секиру, осмотрел ее и изо всех сил забросил в море. Тут скрелинги бросились со всех ног в лес, и на этом сражение кончилось.

Карлсефни и его люди провели там всю зиму, но весной он объявил, что больше не намерен оставаться там и хочет вернуться в Гренландию. Они собрались в путь и взяли с собой много ценного добра – виноградную лозу, виноград и пушнину. Они вышли в море и благополучно доплыли до Эйрикова Фьорда и там зазимовали.

VIII

Снова было много разговоров о поездке в Виноградную Страну, так как считалось, что такая поездка приносит и богатство, и славу.

В то самое лето, когда Карлсефни вернулся из Виноградской Страны, в Гренландию пришел корабль из Норвегии. Им правили два брата – Хельги и Финнбоги. Они зазимовали в Гренландии. Родом они были исландцы с Восточных Фьордов.

Теперь надо рассказать о том, что Фрейдис, дочь Эйрика, отправилась из своего дома во Дворах к братьям Хельги и Финнбоги и предложила им присоединиться со своим кораблем к ней и поехать вместе в Виноградную Страну, деля пополам с ней всю добычу. Они согласились. Затем она отправилась к своему брату Лейву и попросила отдать ей дома, которые он построил в Виноградской Стране. Он, как и раньше, ответил, что готов одолжить их, но отдавать насовсем не хочет.

Братья и Фрейдис уговорились, что на обоих кораблях будет по тридцати человек, способных носить оружие, не считая женщин. Но Фрейдис сразу же нарушила уговор, взяв на пять человек больше и спрятав их. Братья узнали об этом, только когда они уже приплыли в Виноградную Страну.

Они вышли в море, уговорившись заранее, что плыть будут вместе, по возможности. Корабли плыли близко друг к другу, но братья подошли к берегу немного раньше Фрейдис и снесли кладь в дома Лейва. Когда Фрейдис подошла к берегу, ее люди разгрузили корабль и понесли кладь к домам. Тут Фрейдис сказала братьям:

– Почему вы принесли свою кладь сюда?

– Потому что мы думали, – отвечают те, – что будет соблюдаться все, о чем мы уговорились.

– Лейв одолжил эти дома мне, а не вам, – говорит она.

Тогда Хельги сказал:

– Где уж нам против твоей злобы!

И они вынесли свою кладь, и построили себе дом дальше от моря на берегу озера, и хорошо устроились там. Между тем Фрейдис велела своим людям заготавливать лес, чтобы загрузить корабль.

Когда наступила зима, братья сказали, что хорошо бы устроить игры и позабавиться. Так и сделали. Но вскоре пошли между людьми нелады и раздоры. Игры были оставлены, и взаимные посещения между домами прекратились. Так продолжалось большую часть зимы.

Однажды рано утром Фрейдис встала и оделась, но не обулась. А была сильная роса. Фрейдис накинула мужнин плащ и пошла к дому братьев, и подошла к двери. Кто-то только что выходил и оставил ее приоткрытой. Она отворила дверь и стала на пороге, ничего не говоря. Финнбоги лежал дальше всех от двери и не спал. Он сказал:

– Что тебе здесь надо, Фрейдис?

Она отвечает:

– Встань и выйди ко мне. Мне надо с тобой поговорить.

Он вышел. Они подошли к бревну, которое лежало возле дома, и сели на него.

– Как тебе здесь нравится? – говорит она.

Он отвечает:

– Мне нравится страна, но мне не нравится вражда между нами, потому что я не вижу для нее причины.

– Ты прав, – говорит она. – Я тоже так думаю. Но я пришла вот по какому делу: я хочу поменяться с вами кораблями, потому что ваш корабль больше моего, а я хочу уехать отсюда.

– Я согласен, – говорит он, – если тебе так этого хочется.

На этом они расстаются. Она идет домой, а Финнбоги снова ложится. Она влезает в постель с холодными ногами, и ее муж Торвард просыпается и спрашивает, почему она такая холодная и мокрая. Она отвечает с яростью:

– Я ходила к братьям, чтобы предложить купить у них корабль, потому что мне нужен корабль побольше. А они так рассердились, что избили меня, живого места на мне не оставили. Но ты, жалкий человечиска, конечно, не захочешь отомстить ни за мой позор, ни за

свой. Я чувствую теперь, как далеко я от Гренландии! Но если ты не отомстишь, я разведусь с тобой.

Он не снес ее упреков и велел своим людям поскорее вставать и взять оружие. Те так и сделали и пошли прямо к дому братьев, вломились в него в то время, как там еще спали, схватили всех, кто там был, и стали вязать и выводить одного за другим связанных. А Фрейдис велела убивать каждого, кого выводили.

Так были убиты все мужчины. Оставались одни только женщины. Но их никто не хотел убивать. Тогда Фрейдис сказала:

– Дайте мне секиру.

Ей дали секиру, и она сама зарубила до смерти пятерых женщин, которые там были.

После этого злодейства они вернулись в свой дом, и видно было, что Фрейдис очень довольна тем, как она распорядилась. Она сказала своим спутникам:

– Если нам удастся вернуться в Гренландию, уж я позабочусь, что будет убит всякий, кто скажет хоть слово о том, что здесь было. Мы скажем, что они оставались здесь, когда мы уезжали.

Ранней весной они снарядили корабль, который раньше принадлежал братьям, и нагрузили на него столько добра, сколько могли добыть и сколько мог взять корабль. Затем они вышли в море и после благополучного плавания пришли в начале лета в Эйриков Фьорд.

Карлсефни еще был там. Он уже снарядил свой корабль и ждал попутного ветра. Люди говорят, что более богатый корабль, чем тот, которым правил Карлсефни, никогда не отплывал из Гренландии.

IX

Фрейдис вернулась на свой хутор, где ничего не пострадало от ее отсутствия. Она осыпала деньгами всех своих спутников, потому что хотела, чтобы ее злодеяния остались в тайне, и стала жить на своем хуторе.

Но не все ее спутники держали язык за зубами, и в конце концов о ее злодеяниях стало известно. Рассказы о них дошли и до ее брата Лейва, который почел большим злом то, о чем рассказывалось. Он захватил троих из людей Фрейдис и под пыткой заставил их рассказать обо всем, что произошло. Их рассказы сошлись.

– Мне не хочется, – сказал Лейв, – поступить с моей сестрой Фрейдис так, как она заслуживает. Но я предсказываю, что их потомству не будет благополучия.

С тех пор о ней и ее семье пошла дурная слава.

Теперь надо рассказать о Карлсефни. Он снарядил свой корабль и вышел в море. Плавание было удачным, и Карлсефни благополучно

достиг Норвегии. Он провел там зиму и продал свой товар, и самые знатные люди Норвегии хорошо приняли их с женой. Весной он снарядил свой корабль для плавания в Исландию. Когда Карлсефни был готов к отплытию и корабль его ожидал у пристани попутного ветра, к нему пришел какой-то южанин родом из Бремена в Стране Саксов и попросил продать деревянное резное украшение, которое было у Карлсефни на корабле.

– Я не хочу продавать его, – сказал Карлсефни.

– Я дам тебе за него полмарки^[271] золота, – говорит южанин.

Карлсефни решил, что это хорошая цена, и сделка состоялась. Южанин ушел с резным украшением. Карлсефни не знал, из какого оно дерева. А это был мёсур^[272] из Виноградской Страны.

Карлсефни вышел в море и подошел к берегу на севере Исландии, в Полуостровном Фьорде. Там его корабль был вытасчен на берег на зиму. Следующей весной он купил земли Веселого Хутора и поселился там. Он жил там до самой смерти и слыл очень знатным человеком. От него и его жены Гудрид произошло большое и хорошее потомство.

После смерти Карлсефни вести хозяйство стали Гудрид и Снорри, ее сын, родившийся в Виноградской Стране. Когда Снорри женился, Гудрид уехала из Исландии и совершила паломничество в Рим. Когда она вернулась в Исландию к своему сыну Снорри, он построил церковь на Веселом Хуторе. После этого Гудрид стала монахиней и отшельницей и жила там до самой смерти.

У Снорри был сын по имени Торгейр. Он был отцом Ингвильд, матери епископа Бранда. У Снорри, сына Карлсефни, была также дочь по имени Халльфрид. Она была женой Рунольва, отца епископа Торлака. У Карлсефни и Гудрид был также сын Бьёрн. Он был отец Торунн, матери епископа Бьёрна.

Много потомства произошло от Карлсефни. Он стал родоначальником большого рода.

Карлсефни рассказал более подробно, чем кто-либо другой, обо всем, что произошло во время тех плаваний, о которых кое-что рассказано здесь.

Сага об Эйрике Рыжем

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Олавом Белым звали одного конунга. Он был сыном конунга Ингьяльда, сына Хельги, сына Олава, сына Гудрёда, сына Хальвдана Белая Нога, конунга уппландцев.

Олав отправился в поход на запад и завоевал Дублин в Ирландии и всю округу и стал там конунгом. Он женился на Ауд Мудрой, дочери Кетиля Плосконосого, сына Бьёрна Бычьего Кость, знатного человека из Норвегии. Их сына звали Торстейном Рыжим.

Олав Белый пал в битве в Ирландии, а Торстейн и Ауд уехали на Гебридские острова. Там Торстейн женился на Турид, дочери Эйвинда Норвежца и сестре Хельги Тощего. У них было много детей.

Торстейн стал конунгом викингов. Он заключил союз с ярлом Сигурдом Могучим, сыном Эйстейна Грома. Они завоевали Катанес, Судрланд, Росс и Мерэви^[273] и больше половины Шотландии. Торстейн стал там конунгом, но шотландцы предали его, и он погиб в битве.

Ауд была в Катанесе, когда до нее дошла весть о гибели Торстейна. Она велела построить тайно в лесу корабль и, когда он был готов, отправилась на Оркнейские острова. Там она выдала замуж Гро, дочь Торстейна Рыжего. Гро была матерью Грелёд, на которой женился ярл Торфинн Кроитель Черепов.

После этого Ауд направилась в Исландию. У нее на корабле было двадцать свободных мужей. Она приехала в Исландию и провела первую зиму в Бьёрновом Заливе у своего брата Бьёрна. Затем Ауд заняла все долины от Завтрачного Мыса^[274] до Шумной Реки. Сама она поселилась в Лощине. Она ходила на молитву на Крестовые Бугры. Там она велела поставить кресты, потому что она была крещеная и набожная.

С нею приехали в Исландию многие знатные люди, которые были взяты в плен викингами на западе^[275] и назывались рабами. Одного из них звали Вивиль. Он был знатного рода и попал в плен на западе за морем. Он назывался рабом, пока Ауд не дала ему свободу.

Когда Ауд стала селить своих людей, Вивиль спросил, почему она не селит его, как других. Ауд сказала, что это все равно и что он всегда будет считаться знатным, где бы он ни был. Она дала ему Вивилеву Долину, и он там поселился. Он был женат, и его сыновей звали Торбьёрн и Торгейр. Оба они выросли у своего отца и подавали большие надежды.

//

Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Асвальда, сына Ульва, сына Бычьего Торира. Сына Торвальда звали Эйриком Рыжим. Они с сыном покинули Ядр и уехали в Исландию из-за убийств, совершенных ими в распре, и поселились на Роговом Побережье в Скалах. Там Торвальд умер.

Эйрик женился на Тьодхильд, дочери Йорунда, сына Ульва, и Торбьёрг Корабельная Грудь, которая была тогда замужем за Торбьёрном из Ястребиной Долины. Эйрик переехал тогда на юг, расчистил землю в Ястребиной Долине и жил в Эйриковой Усадьбе у Озерного Рога.

Однажды рабы Эйрика устроили обвал на усадьбу Вальтьова – Вальтьовов Двор. Тогда Эйольв Дерьмо, родич Вальтьова, убил этих рабов у Бегового Склона выше Озерного Рога. В отместку Эйрик убил Эйольва Дерьмо. Он убил также Храфна Драчуна у Двора Игрищ. Гейрстейн и Одди с Песков, родичи Эйольва, начали тяжбу против Эйрика, и он был изгнан из Ястребиной Долины.

Эйрик занял тогда Пушичный и Бычий Острова и первую зиму жил в Тропах на Южном Острове. Он одолжил Торгесту с Широкого Двора скамьевые доски. Затем Эйрик переселился на Бычий Остров и жил в Эйриковой Усадьбе. Он потребовал, чтобы Торгест вернул ему доски, но ничего не добился. Тогда он отправился на Широкий Двор и отобрал их силой. Торгест погнался за ним. Они сразились недалеко от хутора в Скалах. Два сына Торгеста были убиты и еще несколько человек.

После этого и у Эйрика, и у Торгеста было все время по многу людей, готовых к бою. Эйрика поддерживали Стюр, Эйольв со Свиного Острова, Торбьёрн, сын Вивилия, и сыновья Торвальда с Лебединого Фьорда, а Торгеста поддерживали сыновья Торда Ревуна, Торгейр из Долины Реки Хит, Аслак из Длинной Долины и его сын Иллуги.

На тинге Мыса Тора Эйрик и его люди были объявлены вне закона. Эйрик готовился отплыть из Эйрикова Залива, а Эйольв укрыл его в Заливе Димуна, пока Торгест и его люди обыскивали острова.

Эйрик сказал провожавшим, что намерен искать ту страну, которую видел Гуннбьёрн, сын Ульва Вороны, когда его отнесло далеко на запад в море и он открыл Гуннбьёрновы Островки. Он добавил, что вернется к своим друзьям, если найдет эту страну. Торбьёрн, Эйольв и Стюр проводили Эйрика за острова, и они расстались большими друзьями. Эйрик сказал, что сделает для них все, что сможет, если им понадобится его помощь.

Эйрик вышел в море у Ледника Снежной Горы и подошел к земле у ледника, который называется Белая Рубашка. Оттуда он поплыл на юг, чтобы разведать, можно ли там селиться. Он провел первую зиму на Эйриковом Острове, это почти в середине Восточного Поселения. На следующую весну он поплыл в Эйриков Фьорд и решил там поселиться. В то лето он плавал в пустынный край на западе и многое назвал там. Вторую зиму он провел на Эйриковых Островках у Заслон-Горы. На третью зиму он поплыл на самый север к Снежной Горе и в Храфнов Фьорд. Он считал, что заплыл внутрь страны дальше, чем заходит вершина Эйрикова Фьорда. Затем он вернулся назад и провел третью зиму на Эйриковом Острове в устье Эйрикова Фьорда.

На следующее лето он поехал в Исландию и подошел к земле в Широком Фьорде. Зиму он провел у Ингольва с Островного Лежбища. А весной он сразился с Торгестом и потерпел поражение. После этого состоялось их примирение.

В то лето Эйрик поехал, чтобы поселиться в открытой им стране. Он назвал ее Гренландией, ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну с хорошим названием.

III

Торгейр, сын Вивилия, взял в жены Арнору, дочь Эйнара с Купального Склона. Он был сын Сигмунда, сына Кетиля Чертополоха, который занял Чертополохов Фьорд.

Другую дочь Эйнара звали Халльвейг. На ней женился Торбьёрн, сын Вивилия, и взял за ней землю в Пещерных Полях на Купальном Склоне. Торбьёрн переехал туда и сделался большим человеком. Он владел годордом^[276] и жил на широкую ногу.

Дочь Торбьёрна звали Гудрид. Она была красива и замечательна во всем, что она делала.

Жил человек по имени Орм. Он жил у Орлиной Скалы. Жену его звали Халльдис. Орм был хорошим хозяином и большим другом Торбьёрна. Гудрид долго жила на воспитании у Орма.

Жил человек по имени Торгейр. Он жил у Торгейровой Горы. Он был богатым человеком, хотя и вольноотпущенником. Эйнаром знали его сына. Эйнар был красив и хорошо воспитан, но большой щеголь. Он постоянно совершал прибыльные торговые поездки между странами и проводил зиму то в Исландии, то в Норвегии.

Случилось, что однажды осенью, когда Эйнар был в Исландии, он совершал торговую поездку вдоль побережья Снежной Горы. Вот приплывает он к Орлиной Скале. Орм приглашает его к себе, и Эйнар принимает приглашение, потому что они были друзьями. Товар его перенесли в какую-то клеть. Эйнар развязал тюки и показал Орму и его домочадцам свой товар, и предложил ему взять все, что хочет. Орм принял это предложение и сказал, что Эйнар славный купец и большой удачник. Когда они смотрели товар, мимо дверей амбара прошла женщина. Эйнар спросил Орма:

– Кто эта красивая девушка, что прошла мимо дверей? Я ее здесь раньше не видел.

Орм ответил:

– Это Гудрид, моя воспитанница, дочь Торбьёрна с Купального Склона.

Эйнар сказал:

– Вот невеста хоть куда. Наверное, к ней уже кто-нибудь сватался?

Орм отвечает:

– Конечно, сватались, дружище. Но это дело не простое. Она, видно, очень разборчива, да и отец ее тоже.

– Как бы там ни было, – сказал Эйнар, – вот девушка, к которой я намерен посвататься, и я бы хотел, чтобы ты поговорил об этом с Торбьёрном, ее отцом, и хорошенько постарался добиться его согласия. А я отплачу тебе самой верной дружбой. Торбьёрн должен понять, что этот брак на руку нам обоим, потому что он человек знатный и усадьба у него хорошая, но я слышал, что денег у него становится все меньше, у меня же нет недостатка ни в земле, ни в деньгах, да и у отца моего тоже, так что Торбьёрну было бы большим подспорьем, если бы этот брак состоялся.

Орм отвечает:

– Конечно, я твой друг, но все же мне не хочется братья за это сватовство, потому что Торбьёрн – человек гордый и очень честолюбивый.

Эйнар настаивает на сватовстве, и Орм согласился исполнить его просьбу. Затем Эйнар вернулся на юг к себе домой.

Вскоре после этого Торбьёрн задал осенний пир, как было у него в обычае, потому что он был очень щедрый человек. Приехал на пир Орм с Орлиной Скалы и многие другие друзья Торбьёрна. Орм заговорил с Торбьёрном и сказал ему, что недавно у него был Эйнар с Торгейровой Горы, малый, подающий большие надежды. Тут Орм начал сватать Эйнара и сказал, что это был бы очень подходящий брак по многим причинам.

– Он был бы очень на руку тебе, Торбьёрн, из-за Эйнаровых денег.

Торбьёрн отвечает:

– Не ожидал я от тебя, что ты предложишь мне отдать дочь за сына раба! Значит, вы находите, что у меня становится мало денег! Не поедет она больше к тебе, раз ты считаешь, что ей приличен такой низкий брак.

Затем Орм поехал домой, и все другие гости тоже. А Гудрид не поехала с Ормом и осталась на эту зиму у отца.

А весной Торбьёрн снова созвал своих друзей на пир. Приехало много народу, и пир был на славу. Во время пира Торбьёрн попросил внимания и сказал:

– Я прожил здесь долгую жизнь и пользовался расположением людей и их дружбой. Можно сказать, что мы хорошо ладили. Но теперь стало у меня не хватать денег. Никогда мой дом не считался бедным, и я лучше уеду отсюда, чем потеряю свое достоинство, лучше покину страну, чем обещу свой род. Я хочу принять предложение Эйрика Рыжего, моего друга, которое он сделал мне, когда мы расставались в Широком Фьорде. Я хочу этим летом поехать в Гренландию, если это мне удастся.

Люди были потрясены этим решением, ибо Торбьёрна всегда любили. Но все понимали, что раз он так объявил, то бесполезно его удерживать.

Затем Торбьёрн одарил гостей подарками. Пир кончился, и все разъехались по домам.

Торбьёрн продал свои земли и купил корабль, стоявший в устье Лавовой Бухты. С ним решили поехать тридцать человек. Среди них был Орм с Орлиной Скалы и его жена, и другие друзья Торбьёрна, которые не хотели с ним расставаться.

Они отплыли, и сначала погода им благоприятствовала, но когда они вышли в открытое море, попутный ветер прекратился. Начались бури, и за все лето они почти не продвинулись вперед. Они стали болеть, и половина из них умерли, среди них Орм и его жена Халльдис. Море становилось все более бурным, и они сильно страдали от холода и всяких лишений. Наконец, в самом начале зимы, они приплыли к Херьольвову Мысу в Гренландии.

На Херьольвовом Мысу жил человек по имени Торкель. Он был хороший хозяин и достойный человек. Он принял Торбьёрна и его людей на всю зиму и был гостеприимным хозяином. Торбьёрн и все его люди были очень довольны.

IV

Тогда в Гренландии были очень голодные времена. Те, кто ездил на промыслы, вернулись с небогатой добычей, а некоторые совсем не вернулись.

В селении жила женщина по имени Торбьёрг. Она была прорицательница. Ее называли Малой Вельвой. У нее было девять сестер, но в живых оставалась тогда только она.

У Торбьёрг было в обычае ходить зимой по пирам. Ее постоянно приглашали к себе, особенно те, кто хотел узнать, что им суждено или какой выдастся год. Так как Торкель был там самым крупным хозяином, считали, что разведать, когда кончатся подобные времена, должен он.

Торкель приглашает прорицательницу и оказывает ей хороший прием, как это бывало, когда принимали таких женщин. Ей было приготовлено почетное сиденье, и на него положена подушка, которая, как полагалось, была набита куриными перьями.

Когда она пришла вечером с человеком, высланным ей навстречу, она была так одета: на ней был синий плащ, завязанный спереди ремешками и отороченный самоцветными камушками до самого подола. На шее у нее были стеклянные бусы, а на голове – черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветными камушками. Пояс у нее был из трута, а на

поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы. Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, и на них были длинные и крепкие ремешки с большими пряжками из желтой меди. На руках у нее были перчатки из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри.

Когда она вошла в дом, все почли своим долгом уважительно ее приветствовать, а она принимала приветствия от каждого в зависимости от того, насколько он был ей приятен. Торкель взял ворожею за руку и привел ее к сиденью, которое было ей приготовлено. Затем он попросил ее окинуть взглядом его стада, домочадцев и дом. Но она ни о чем ничего не сказала.

Вечером поставили столы, и вот что было подано ворожее: каша на козьем молоке и кушанье из сердец всех животных, которые там были. У ней была ложка из желтой меди и нож с рукоятью из моржовой кости, стянутой двумя медными кольцами. Острие его было обломано.

Когда столы были убраны, Торкель подошел к Торбьёрг и спросил, как ей понравился его дом и обхождение людей и скоро ли он получит ответ на то, что спрашивал и что всем хочется узнать. Она сказала, что ответит только на следующее утро, после того как проспит там ночь.

На исходе следующего дня ей было приготовлено все, что нужно для ворожбы. Она попросила, чтобы ей помогли женщины, которые знают песню, необходимую для ворожбы и называемую вардлок^[277]. Но таких женщин не нашлось. Стали искать в селении, не знает ли кто этой песни. Тогда Гудрид сказала:

– Я не колдунья и не ворожея, но когда я была в Исландии, Халльдис, моя приемная мать, научила меня песне, которую она называла вардлок.

Торбьёрг отвечала:

– Тогда твое знание кстати.

Гудрид говорит:

– Это такая песня и такой обряд, в которых мне не пристало принимать участие. Ведь я христианка.

Торбьёрг отвечает:

– Возможно, что ты оказала бы помощь людям, и ты не стала бы от этого хуже. Но это дело Торкеля позаботиться о том, что мне нужно.

Торкель стал уговаривать Гудрид, и она сказала, что сделает, как он хочет.

Женщины стали кольцом вокруг помоста, на котором сидела Торбьёрг, и Гудрид спела песню так хорошо и красиво, что никто раньше не слышал, чтобы ее пели настолько красивым голосом. Прорицательница поблагодарила ее за песню.

– Многие духи явились теперь, – сказала она, – любо им было слушать песню, а раньше они хотели скрыться от нас и не оказывали нам послушания. Мне теперь ясно многое из того, что раньше было скрыто и от меня, и от других. Я могу теперь сказать, что голод скоро

кончится и лучшие времена настанут весной. Болезнь, которая долго свирепствовала здесь, прекратится скорее, чем можно было ожидать. А тебя, Гудрид, я сразу же отблагодарю за твою помощь, ибо я теперь ясно вижу твою судьбу. Ты вступишь здесь, в Гренландии, в самый почетный брак, но он не будет долог, ибо все пути твои ведут в Исландию, и там от тебя произойдет большой и славный род, и над твоим потомством просияет яркий свет. Будь же здорова и счастлива, дочь моя!

Затем люди стали подходить к ворожее, и каждый спрашивал о том, что всего больше хотел бы узнать. Она отвечала охотно, и мало что не сбылось из того, что она предсказала.

После этого за ней пришли с соседнего хутора, и она пошла туда. Тогда послали за Торбьёрном, потому что он не захотел оставаться в доме, пока там предавались такому суеверию.

Вскоре, лишь только началась весна, погода улучшилась, точно как предсказала Торбьёрг. Торбьёрн снарядил свой корабль и поплыл к Крутому Склону, где Эйрик принял его с распростертыми объятиями и похвалил за то, что он приехал. Торбьёрн остался у него на зиму со своими людьми. Весной Эйрик дал Торбьёрну землю на Бревенном Мысу. Там была построена хорошая усадьба, и с тех пор Торбьёрн там и жил.

V

У Эйрика была жена по имени Тьодхильд, и от нее два сына^[278]. Одного звали Торстейн, другого – Лейв. Оба были многообещающими юношами. Торстейн оставался дома со своим отцом, и не было тогда в Гренландии никого, кто бы подавал большие надежды. Лейв же уехал в Норвегию, где он оставался у конунга Олава, сына Трюггви.

Когда Лейв плыл летом из Гренландии, его корабль отнесло к Гебридским островам. Он и его люди оставались там большую часть лета, ожидая попутного ветра.

Лейву полюбилась там женщина по имени Торгунна. Она была знатного рода и, как понял Лейв, сведуща в колдовстве. Когда Лейв собрался уезжать, она стала проситься с ним. Лейв спросил, есть ли на то воля ее родичей. Она сказала, что ей до этого нет дела. Лейв сказал, что он не может пойти на увоз такой знатной женщины из чужой страны.

– Ведь нас так мало.

– Неизвестно, будет ли так для тебя лучше, – сказала Торгунна.

– Все же я не пойду на это, – сказал Лейв.

– Тогда я объявляю тебе, – сказала Торгунна, – что я беременна и что ты отец ребенка, и я чувствую, что рожу мальчика, когда придет время. И хотя ты не хочешь его знать, я воспитаю мальчика и пришлю

тебе в Гренландию, как только он сможет поехать с другими. Я чувствую, что ты будешь мало рад сыну от меня, как это видно из нашего расставанья. Все же я намерена приехать в Гренландию рано или поздно.

Лейв подарил ей дорогой перстень, гренландский плащ и пояс с пластинками из моржовой кости.

Мальчик – он был назван Торгильсом – приехал в Гренландию, и Лейв признал его своим сыном. Некоторые говорят, что этот Торгильс приезжал в Исландию летом перед чудесами на Хуторе Фрода^[279]. Торгильс жил потом в Гренландии, и всю его жизнь было в нем что-то зловещее.

Лейв и его люди отплыли с Гебридских островов и осенью достигли Норвегии. Он пошел к конунгу Олаву, сыну Трюггви, и тот принял его с большим почетом и нашел очень достойным человеком.

Однажды конунг завел беседу с Лейвом и спросил:

– Не собираешься ли ты этим летом в Гренландию?

Лейв отвечает:

– Соберусь, если будет на то ваша воля.

Конунг отвечает:

– Думаю, что это было бы хорошо. Я дам тебе поручение: проповедовать христианство в Гренландии.

Лейв сказал, что подчиняется воле конунга, но думает, что нелегко будет выполнить такое поручение в Гренландии. Конунг отвечает, что не видит никого более подходящего для этого поручения, чем Лейв.

– С тобой будет твоя удача, – сказал конунг.

– Только в том случае, – сказал Лейв, – если со мной будет и ваша.

Лейв вышел в море, как только снарядился. Долго его носило по волнам и, наконец, пригнало к странам, о существовании которых он и не подозревал. Там были поля самосеянной пшеницы^[280] и виноградная лоза. Там были деревья, которые называются мёсур. Они взяли с собой образчики всего этого. Некоторые из деревьев были так велики, что сгодились на постройку дома.

Лейв нашел несколько человек на обломках корабля, взял их всех к себе домой и приютил на зиму. Он проявил большое великодушие и доброту тем, что ввел в стране христианство и спас этих людей. Его прозвали Лейв Удачливый.

Лейв высадился в Эйриковом Фьорде и поехал домой на Крутой Склон, где его хорошо приняли. Он сразу же стал проповедовать в стране христианство и всеобщую веру, объявил людям наказ конунга Олава, сына Трюггви, и рассказал о великолепии и славе этой веры.

Эйрик не хотел оставлять старой веры. Но Тьодхильд сразу же приняла новую веру и велела вдали от домов построить церковь. Она называлась Тьодхильдина церковь. В ней совершали свои молитвы Тьодхильд и те, что приняли христианство, а таких было много.

Тьодхильд не захотела больше жить с Эйриком, после того как приняла христианство, и ему это очень не нравилось.

Много пошло разговоров о том, что хорошо бы отправиться на поиски страны, которую открыл Лейв. Вожаком был Торстейн, сын Эйрика, человек достойный, сведущий и всеми любимый. Просили поехать и Эйрика, потому что люди очень верили в его удачливость и прозорливость. Он сперва не хотел, но, когда его друзья стали настаивать, согласился.

Был снаряжен корабль, на котором Торбьёрн приехал из Исландии. Всего их было двадцать человек. Они взяли главным образом оружие и съестные припасы, скота они взяли немного.

В то утро, когда Эйрик выехал из дому, он взял с собой ларец с золотом и серебром. Он зарыл ларец и поехал дальше. Но, проехав немного, он упал с лошади и сломал несколько ребер, и повредил плечо. Он воскликнул:

– Ай-яй-яй!

После этого случая он велел жене забрать зарытое им сокровище и сказал, что это ему наказание за то, что он его зарыл^[281].

Затем они отплыли из Эйрикова Фьорда веселые и с надеждами на успех. Но их долго носило в море, и они так и не попали туда, куда хотели. Они прошли в виду Исландии и видели птиц с берегов Ирландии. Корабль их носило туда и сюда по морю, и осенью, изнуренные и сильно измученные, они вернулись в Эйриков Фьорд.

Тут Эйрик сказал:

– Веселей были вы летом, когда уплывали из фьорда. Но и то благо, что вы вернулись.

Торстейн отвечал:

– Благородным делом будет помочь всем этим людям, которые остались бездомными, и приютить их на зиму.

Эйрик отвечает:

– Верна поговорка, что не знаешь, пока не получишь ответа. Так вышло и тут. Будет сделано, что ты посоветуешь.

И вот все, у кого не было другого пристанища, поехали к Эйрику и его сыну.

VI

Теперь следует рассказать, что Торстейн, сын Эйрика, посватался к Гудрид, дочери Торбьёрна. И Гудрид, и ее отец хорошо приняли сватовство. Обо всем договорились, и Торстейн женился на Гудрид. Свадьбу сыграли на Крутом Склоне. Пир был на славу, и гостей было очень много.

У Торстейна был хутор у Пикшевого Фьорда в Западном Поселении. Половина хутора принадлежала человеку, которого тоже звали Торстейн. Жену его звали Сигрид.

Осенью Торстейн, сын Эйрика, поехал на Пикшевый Фьорд со своей женой Гудрид. Их там хорошо приняли, и они остались там на зиму.

В начале зимы люди на хуторе стали болеть. Был там надсмотрщик по имени Гарди. Его очень не любили. Он первым заболел и умер. Вскоре люди один за другим стали заболевать и умирали. Заболел и Торстейн, сын Эйрика, а также Сигрид, жена другого Торстейна.

Однажды вечером Сигрид захотела выйти в отхожее место, которое было против входных дверей. Гудрид пошла с ней. Когда они вышли из дверей, Сигрид вскрикнула:

– О!

Гудрид сказала:

– Мы неосторожно поступили. Тебе не следовало выходить на холод. Вернемся скорей назад!

Сигрид отвечала:

– Нет, я теперь не вернусь. Здесь перед дверьми толпа мертвецов. Я узнаю среди них Торстейна, твоего мужа, и саму себя. Как ужасно видеть это!

Но все исчезло, и она сказала:

– Я их больше не вижу.

Исчез и надсмотрщик, который, как ей казалось, собирался бить кнутом остальных мертвецов. Женщины вернулись в дом.

Сигрид умерла еще до света, и покойнице приготовили гроб.

В этот самый день люди собрались рыбачить, и другой Торстейн проводил их до пристани. В сумерки он отправился посмотреть на их улов, но Торстейн, сын Эйрика, послал за ним, прося его поскорей вернуться, и сообщил, что дома творится недоброе: Сигрид норовит встать из гроба и влезть к нему в постель. Когда другой Торстейн вернулся, она была уже на краю постели. Он схватил ее и всадил секиру ей в грудь.

Торстейн, сын Эйрика, умер к вечеру. Другой Торстейн предложил Гудрид лечь поспать и сказал, что будет бодрствовать над покойниками ночью. Она легла и сразу уснула.

В самом начале ночи Торстейн, сын Эйрика, поднялся и сказал, чтобы позвали Гудрид, потому что ему надо поговорить с ней:

– Богу угодно, чтобы мне был дарован этот час для искупления моей жизни.

Другой Торстейн пошел к Гудрид и разбудил ее. Он сказал, чтобы она перекрестилась и просила Божьей помощи:

– Торстейн, сын Эйрика, сказал мне, что хочет поговорить с тобой. Решай сама, как тебе поступить. Я не могу ни на чем настаивать.

Она отвечает:

– Возможно, что благодаря этому чуду произойдет то, о чем будут долго помнить. Но я надеюсь, что Бог меня защитит. С Божьей милостью я пойду на то, чтобы поговорить с ним, ведь мне все равно не избежать беды, если она мне предназначена. Всего меньше я бы хотела, чтобы он приходил с того света, и я боюсь, что это случится, если я не поговорю с ним.

И вот Гудрид пошла к своему мужу. Ей показалось, что у него текут слезы. Он прошептал ей на ухо несколько слов так, чтобы она одна слышала, и затем сказал, что блаженны те, кто тверд в вере, ибо с ней приходит милость и помощь, но, добавил он, многие плохо блюдут ее:

– Плохо, что здесь, в Гренландии, с тех пор, как пришла христианская вера, хоронят людей в неосвященной земле и почти без отпевания. Я хочу, чтобы меня отнесли в церковь, а также других людей, которые здесь умерли. А Гарди пусть поскорее сожгут на костре, ибо он причина всего того, что происходило здесь с покойниками этой зимой.

Он упомянул также о ее будущем и предсказал ей великую судьбу. Но он сказал, чтобы она остерегалась брака с гренландцем. Он также велел ей отдать их деньги церкви или раздать бедным. Тут он скончался во второй раз.

В Гренландии, с тех пор как туда пришло христианство, существовал обычай хоронить людей в неосвященной земле в усадьбе, где они умерли. В землю над грудью покойника вбивали столб, а потом, когда приезжал священник, столб вытаскивали из земли, в дыру от столба вливали святую воду и совершали отпевание, хотя бы это и было спустя много времени.

Тела были отвезены в церковь Эйрикова Фьорда, и священники совершили над ними отпевание.

Спустя некоторое время умер Торбьёрн, и Гудрид унаследовала все его добро. Эйрик принял ее к себе и взял на себя заботу о ней.

VII

Жил человек, которого звали Торфинн Карлсефни. Он был сын Торда Лошадиная Голова, который жил на Рябиновом Мысу на севере в Полуостровном Фьорде на хуторе, который теперь называется Усадьба. Карлсефни был человек родовитый и очень богатый. Его мать звали Торунн.

Карлсефни ездил в торговые поездки и слыл хорошим купцом. Одним летом он снарядил корабль и собрался в Гренландию. К нему присоединился Снорри, сын Торбьёрна с Лебединого Фьорда. С ними было сорок человек.

Бьярни, сын Гримольва с Широкого Фьорда, и Торхалль, сын Гамли с Восточных Фьордов, снарядили корабль для поездки в Гренландию тем же летом. У них на корабле было тоже сорок человек.

Когда все было готово, оба корабля вышли в море. Ничего не говорится о том, как долго они были в море. Известно только, что осенью оба корабля пришли в Эйриков Фьорд.

Эйрик поехал к кораблям, и некоторые другие поселенцы тоже, и завязалась оживленная торговля. Купцы предложили Гудрид взять из их товаров все, что ей хочется, а Эйрик не уступил им в щедрости, пригласив людей с обоих кораблей к себе домой, на Крутой Склон, на зимовку. Купцы приняли приглашение и поехали с Эйриком. Их товары были перевезены на Крутой Склон, где было вдоволь больших и хороших клетей.

Купцы были очень довольны зимовкой у Эйрика. Но когда подошел праздник середины зимы^[282], Эйрик стал невеселым. Однажды Карлсефни повел беседу с Эйриком и сказал:

– Что с тобой, Эйрик? Мне кажется, ты стал молчаливее, чем обычно. Ты так щедро угощаешь нас, что наш долг отблагодарить тебя, как мы только сможем. Скажи же, что причина твоей печали?

Эйрик отвечает:

– Вы принимали мое гостеприимство, как подобает хорошим людям. Мне и в голову не приходит думать, что вы плохо поступили. Но вот в чем дело: меня беспокоит, как бы вы потом не говорили, что никогда не проводили праздника середины зимы хуже, чем у меня.

– Об этом не может быть и речи, – говорит Карлсефни.

– У нас на кораблях есть и солод, и мука, и зерно. Ты можешь взять, сколько тебе нужно, и устроить такой пир, какого требует твоя щедрость.

Эйрик принял предложение, и на праздник середины зимы был устроен пир. Он был такой роскошный, что, как говорили люди, они едва ли видели большее великолепие.

После праздника середины зимы Карлсефни начал просить Эйрика выдать за него Гудрид, так как он считал, что она на его попечении, и ему полюбилась эта красивая и умная женщина. Эйрик сказал, что поддержит его сватовство и что она достойна хорошего брака.

– Вероятно, сбудется то, что ей было суждено, если она выйдет за тебя, – сказал он и добавил, что слышал о нем много хорошего.

Карлсефни посватался к Гудрид, и она согласилась принять совет Эйрика. Коротко говоря, она была выдана замуж, и пир на праздник середины зимы перешел в свадебный пир. Большое веселье было в эту зиму на Крутом Склоне. Часто играли в тавлеи, и рассказывали саги, и занимались многим другим, что придает веселья домашней жизни.

Много разговоров было в эту зиму на Крутом Склоне о том, что надо бы разыскать Виноградную Страну, где, как говорят, отличные земли. Кончилось тем, что Карлсефни и Снорри снарядили корабль и решили искать летом Виноградную Страну.

Бьярни и Торхалль собрались принять участие в поездке на своем корабле и с людьми, которые с ними приехали.

Жил человек по имени Торвард. Он был женат на Фрейдис, побочной дочери Эйрика Рыжего. Торвард тоже поехал с ними, как и Торвальд, сын Эйрика Рыжего.

Был еще один человек, по имени Торхалль. Его звали Торхалль Охотник. Он долгое время ходил с Эйриком летом на промысел и выполнял важные поручения. Он был высок ростом, черен и безобразен. Он был уже в летах, нрава плохого, хитер, молчалив, но сварлив, когда говорил, и всегда подбивал на недоброе. Он чуждался новой веры, с тех пор как она пришла в Гренландию. Его недолюбливали, но Эйрик всегда с ним очень дружил. Он поехал с Торвальдом, потому что хорошо знал незаселенные края.

Корабль был тот самый, на котором Торбьёрн приехал из Исландии. Они присоединились к Карлсефни. Большинство на корабле были гренландцы. Всего на кораблях было сто сорок человек.

Они поплыли сперва в Западное Поселение и к Медвежьим Островам. От Медвежьих Островов они поплыли на юг с северным ветром и были в открытом море двое суток. Тут они увидели землю и подплыли к ней на лодках, чтобы разведать ее. Они нашли там много каменных плит, таких больших, что два человека могли лечь на них, упершись пятками друг в друга. Было там также много лисиц. Они назвали эту землю Страной Каменных Плит.

Оттуда они плыли двое суток с северным ветром и увидели землю, где были большие леса и много зверей. К юго-востоку от этой земли лежал остров, на нем они встретили медведей и назвали его Медвежьим Островом. А лесистую землю они назвали Лесной Страной.

Еще через двое суток они снова увидели землю и подплыли к ней. Это оказался полуостров. Они поплыли вдоль берега. Он был у них с правого борта. Кораблям негде было пристать, шли длинные песчаные отмели. Они подъехали к берегу на лодках и нашли на мысу киль от корабля, и назвали это место Килевой Мыс. Они дали имя и всему этому побережью, назвав его Удивительными Берегами, потому что так долго пришлось плыть вдоль него. Затем пошли заливы, и они заходили в один из заливов.

Когда Лейв был у конунга Олава, сына Трюггви, и ему было поручено проповедовать христианство в Гренландии, конунг дал ему двух шотландцев, мужчину по имени Хаки и женщину по имени Хекья. Конунг сказал Лейву, что они ему пригодятся, если ему будет нужна быстрота, потому что они бегают быстрее оленей. Этих людей Лейв и Эйрик дали Карлсефни.

Когда корабли проплыли Удивительные Берега, шотландцев высадили на берег и велели бежать на юг, чтобы разведать край, и вернуться до истечения третьих суток. На них обоих была одежда, которую они называли бьяваль. Она была скроена так: сверху капюшон, по бокам разрезы, никаких рукавов и между ногами закрепка – пуговица и петля. Больше на них ничего не было.

Бросили якорь и стали ждать. Когда истекло три дня, бегуны прибежали обратно, и у одного был в руке виноград, а у другого – самосеянная пшеница. Они сказали Карлсефни, что, по их мнению, они нашли хорошие земли.

Их взяли на борт и поплыли дальше, пока не дошли до какого-то фьорда. Они направили корабли во фьорд. В его устье лежал остров, вокруг которого были сильные течения. Они назвали его Оток. На нем было столько птиц, что трудно было не наступить на их яйца.

Они вошли во фьорд и назвали его Оточный Фьорд. Здесь они снесли кладь на берег и обосновались. У них был с собой всякий скот, и они стали разведывать, чем богата страна. Там были горы, и местность была красивая. Они занимались только тем, что разведывали край. Всюду росла высокая трава.

Они там зазимовали. Зима была суровая, а они ничего не запасли летом. С едой стало плохо, а рыбная ловля и охота не удавались. Они перебрались на остров в надежде, что там будет лучше с промыслом или прибудет что-нибудь к берегу. Но и там было плохо с едой, хотя корма для скота хватало. Тогда они стали просить у Бога, чтобы он послал им какой-нибудь еды. Но молитва их не была услышана так скоро, как им бы хотелось.

Между тем исчез Торхалль Охотник, и люди пошли его искать. Его искали целых три дня. На четвертый день Карлсефни и Бьярни нашли Торхалля на вершине какой-то скалы. Он лежал и смотрел в небо, вытаращив глаза, разинув рот и раздув ноздри. Он царапал и щипал себя и бормотал что-то. Его спросили, зачем он туда забрался, но он ответил, что это не их дело, попросил их не удивляться и сказал, что он не младенец, чтоб нуждаться в их присмотре. Они стали уговаривать его вернуться с ними домой, и он так и сделал.

Немного погодя к берегу прибило кита, и люди сбегались и стали разделывать его, но никто не знал, что это за кит. Карлсефни хорошо разбирался в китах, но и он не знал, что это за кит. Повара наварили китового мяса, но все, кто его ел, заболели.

Тут подошел Торхалль Охотник и сказал:

– Ну что, разве рыжебородый^[283] не оказался сильнее вашего Христа? Это я получил за стихи, которые сочинил о моем покровителе Торе. Он всегда мне помогает.

Когда люди услышали это, никто не стал есть китовое мясо. Его сбросили со скалы и стали уповать на Божью милость. Вскоре можно было поехать на рыбную ловлю, и тогда у них стало вдоволь еды.

Весной они поплыли в глубь Сточного Фьорда. Теперь они брали много добычи: дичь – на суше, птичьи яйца – на острове и рыбу – в море.

IX

Стали они обсуждать, что делать дальше, куда ехать. Торхалль Охотник хотел плыть на север, за Удивительные Берега и Килевой Мыс, и там искать Виноградную Страну. А Карлсефни хотел плыть на юг вдоль берега и на восток. Он считал, что чем дальше к югу, тем земля будет лучше, но он считал также, что нужно разведать страну в обе стороны.

Торхалль снарядил свой корабль у острова. С ним собралось ехать только девять человек. Все остальные поехали с Карлсефни.

Однажды, когда Торхалль носил воду на корабль, он отпил глоток и произнес:

Деревья бури оружия^[284]
Говорили, что здесь в изобилие
Приятнейший из напитков.
Стране этой шлю проклятья!

Бальдр одежды валькирий^[285]
Таскать должен воду в ведрах,
Источнику кланяясь низко.
Нет здесь вина и в помине!

Затем они отплыли, и Карлсефни проводил их за остров. Прежде, чем они подняли паруса, Торхалль произнес:

Назад туда мы поедем,
Где ждут нас. Кораблей дорогу^[286]
Пусть разведает вебрь
Небес песчаной пустыни^[287],

Между тем как ясени сечи^[288].
Что хвалят здешние страны,
На Берегах Удивительных
Живут и китов себе варят!

На этом они расстались с Карлсефни и поплыли на север мимо Удивительных Берегов и Килевого Мыса. Они хотели пройти на запад, но разразился сильный шторм, и их отнесло ветром в Ирландию. Там их избили и обратили в рабство, и там Торхалль простился с жизнью.

X

Карлсефни поплыл на юг вдоль берега, и с ним Снорри, Бьярни и другие. Они плыли долго и наконец приплыли к реке, которая впадала в озеро, а потом в море. В устье реки были большие песчаные отмели, так что в нее можно было войти только во время прилива.

Карлсефни и его люди зашли в устье и назвали это место Озерко. Здесь они нашли поля самосеянной пшеницы в низинах и виноградную лозу всюду на возвышенностях. Все ручьи кишели рыбой. Они рыли ямы там, где суша и море встречались, и когда море отступало, в ямах был палтус. В лесу было много всякого зверя.

Они оставались там полмесяца, тешась и не замечая ничего плохого. Скот их был с ними. Но однажды рано утром, осматриваясь, они увидели девять кожаных лодок. С лодок махали палками, трещащими, подобно цепам, и палки вращались по движению солнца. Карлсефни сказал:

– Что бы это могло значить?

Снорри отвечает:

– Возможно, что это знак мира. Возьмем белый щит и пойдем им навстречу.

Так они и сделали. Незнакомцы подплыли к ним и, рассматривая их с удивлением, вышли на берег. Они были низкорослы и некрасивы, волосы у них были грубые, глаза – большие, скулы – широкие. Они постояли некоторое время, дивясь, а затем уплыли на своих лодках на юг за мыс.

Карлсефни и его люди построили себе жилье на склоне у озера. Некоторые дома были близко к озеру, другие – подальше. Они там прожили зиму. Снега не выпало совсем, так что весь скот был на подножном корму.

XI

Когда началась весна, однажды рано утром они увидели, что с юга из-за мыса выплывает такое множество кожаных лодок, что казалось, будто уголь рассыпан по заливу. Также и на этот раз с каждой лодки махали палками.

Люди Карлсефни подняли щиты, и начался торг. Всего охотнее скрелинги брали красную ткань. Они просили также мечи и копья, но Карлсефни и Снорри запретили продавать им оружие. В обмен на ткань они давали пушнину. Они брали пядь ткани за шкурку и повязывали этой тканью себе голову. Торг продолжался так некоторое время. Когда ткани стало мало, ее стали разрезать на полоски не шире пальца. Но скрелинги давали за них столько же, даже больше.

Тут случилось, что бык, который был у людей Карлсефни, вдруг выскочил из леса и громко замычал. Скрелинги испугались, попрыгали в свои лодки и уплыли на юг за мыс.

После этого они не показывались целых три недели. Но когда прошло это время, с юга вдруг появилось такое множество лодок скрелингов, что казалось – течет поток. На этот раз с лодок махали палками против солнца, и все скрелинги громко кричали. Карлсефни и его люди подняли красные щиты и пошли им навстречу.

Они сошлись, и начался бой. На людей Карлсефни посылались град камней, потому что у скрелингов были пращи. Вдруг Карлсефни и Снорри увидели, что скрелинги подняли на шесте большой, величиной с овечий желудок, шар синего цвета, и он полетел в сторону берега на людей Карлсефни и страшно завыл, когда упал на землю. Это навело такой ужас на Карлсефни и его людей, что они думали только о том, как бы уйти. Они отступили вдоль реки к каким-то утесам и только там дали отпор.

Фрейдис вышла и увидела отступление. Она крикнула:

– Вы такие молодцы, а бежите от этих жалких людишек! Вы же могли бы перебить их всех, как скот! Было бы у меня оружие, уж я бы, наверное, дралась лучше любого из вас.

Но они не обратили никакого внимания на ее слова. Фрейдис хотела присоединиться к ним, но ей было не догнать их, так как она была беременна. Она пошла за ними в лес, а скрелинги приблизились к ней. Тут она увидела перед собой на земле убитого, это был Торбранд, сын Снорри. В темени его торчал плоский камень, а меч его лежал рядом. Она хватает меч и готовится защищаться. Тут скрелинги подбегают к ней. Тогда она выпрастывает одну грудь из-под рубашки и шлепает по ней обнаженным мечом. Скрелинги были так напуганы этим, что бросились к своим лодкам и поплыли прочь.

Карлсефни и его люди подошли к ней и хвалили ее за мужество. Двое из его людей было убито, а из скрелингов – четверо, хотя превосходство было на стороне скрелингов.

Карлсефни и его люди вернулись к домам, недоумевая, что это за многочисленное войско нападало на них с суши. Но тут они поняли, что нападали на них только те, что приехали на лодках, и что другое войско было наваждением.

Скрелинги нашли второго убитого из людей Карлсефни. Рядом с ним лежала секира. Один из скрелингов ударил ею по камню, и лезвие сломалось. Тогда они решили, что она никуда не годится, раз не берет камень, и бросили ее.

Карлсефни и его люди поняли теперь, что, хотя земли здесь отличные для поселения, жизнь на них будет всегда небезопасна и тревожна из-за туземцев. И они собрались в обратный путь к себе домой. Они поплыли на север вдоль берега.

По пути им попались пять скрелингов, которые спали в одеждах из шкур, и у них были коробки с костным мозгом, смешанным с кровью. Люди Карлсефни решили, что эти скрелинги изгнаны из страны, и они их убили.

Затем им попался мыс, на котором было множество оленей. Весь мыс был покрыт коркой их помета, потому что на нем зимовали олени.

Потом Карлсефни и его люди приплыли в Оточный Фьорд, и там все было в изобилии.

Некоторые говорят, что Бьярни и Фрейдис оставались там с сотней человек и не ездили дальше, в то время как Карлсефни и Снорри и с ними сорок человек ездили на юг и, проведя у Озерка не больше чем два месяца, вернулись тем же летом.

Карлсефни отправился на одном корабле на поиски Торхалля Охотника. Остальные его люди не поехали. Он поплыл на север мимо Килевого Мыса и потом на запад, и земля была у него с левого борта. Всюду были только леса. Долго они так плыли, пока не увидели реку, впадающую в море и текущую с востока на запад. Они вошли в устье реки и стали у южного берега.

XII

Однажды утром Карлсефни и его люди увидели на дальней стороне прогалины какое-то пятнышко, которое поблескивало, и они закричали на него. Пятнышко зашевелилось, и это оказался одноногий человек, который бросился скачками туда, где стоял их корабль. Торвальд, сын Эйрика Рыжего, сидел у руля. Одноножка попал ему стрелой в низ живота. Торвальд выдернул стрелу и сказал:

– Богатую страну мы нашли. Жиром обросли мои кишки.

Вскоре после этого Торвальд умер от раны. Одноножка бросился убегать на север. Карлсефни и его люди погнались за ним и по временам видели, как он убегал от них. Наконец он скрылся от них в какой-то бухте, и они повернули назад. Тогда один из них произнес такой стишок:

Воины гнались —
Говорю я правду —
За одноножкой
Вниз к берегу.

Чудной человек
Мчался как вихрь
По бездорожью.
Слушай, Карлсефни!

Затем они поплыли снова на север и считали, что они в Стране Одноножек. Но они решили больше не подвергать опасности своих людей.

Они полагали, что горы у Озерка и те, которые они теперь видели, это одни и те же горы, и что обе местности одинаково отстоят от Оточного Фьорда.

Они повернули назад и провели третью зиму в Оточном Фьорде. В это время было много ссор. Неженатые задевали женатых.

Снорри, сын Карлсефни, родился в первую осень. Когда они уезжали, ему было три зимы. Ветер дул с юга, и они приплыли в Лесную Страну. Там им встретилось пять скрелингов – бородатый мужчина, две женщины и двое детей. Карлсефни и его люди захватили мальчиков, а остальные скрелинги ускользнули и провалились сквозь землю. Они взяли мальчиков с собой, обучили языку и крестили. Мальчики сказали, что их мать зовут Ветильд, а отца – Овегир. Они сказали, что страной скрелингов управляют два конунга, одного из которых зовут Авальдамон, а другого Вальдидида. Они рассказали, что домов там нет, и люди живут в пещерах и ямах. Они рассказали также, что по ту сторону, напротив их страны, есть страна, в которой люди ходят в белых одеждах, громко кричат и носят шесты с тряпками на них. Люди думают, что речь шла о Стране Белых Людей^[289]. Наконец они вернулись в Гренландию и провели зиму у Эйрика Рыжего.

XIII

Корабль Бьярни, сына Гримольва, был отнесен ветром в Гренландское море. Там они оказались в червивых водах, но обнаружили это, только когда корабль был весь источен червями и начал погружаться.

Они стали обсуждать, что делать. У них была лодка, пропитанная тюленьим жиром, а говорят, что червь не может точить дерево, так пропитанное. Большинство сказало, что надо посадить в лодку столько народу, сколько она выдержит. Но когда попробовали сделать так, то оказалось, что она подняла не больше половины людей. Тогда Бьярни сказал, что надо садиться в лодку по жребию, а не по знатности. Но каждый, кто там был, хотел сесть в лодку. Лодка, однако, не могла поднять всех, и тогда решили бросить жребий, кому садиться. По жребию вышло, что садиться в лодку должен был Бьярни и с ним почти половина людей. И вот все, кому выпал жребий, сели в лодку. Когда они уже были в лодке, один молодой исландец, спутник Бьярни, сказал:

– Неужели ты бросишь меня здесь, Бьярни?

Бьярни отвечает:

– Так выходит.

Исландец говорит:

- Другое ты обещал мне, когда я покидал отцовский дом в Исландии, чтобы ехать с тобой!

- Я не вижу другого выхода, - говорит Бьярни. - Что ты предлагаешь?

- Я предлагаю, чтобы мы поменялись местами, ты пойдешь сюда, а я туда.

Бьярни отвечает:

- Что ж, пусть будет так. Я вижу, что ты во что бы то ни стало хочешь жить и очень боишься умереть.

И они поменялись местами. Молодой исландец сел в лодку, а Бьярни перешел на корабль, и говорят, что Бьярни и все, кто остался с ним на корабле, погибли в червивом море.

А те, кто был в лодке, поплыли своей дорогой и достигли берега, и рассказали об этом случае.

XIV

На следующее лето Карлсефни вернулся в Исландию со своим сыном Снорри и поехал к себе в усадьбу на Рябиновом Мысу. Его мать считала, что он плохо женился, и не жила дома первую зиму. Но когда она поняла, какая Гудрид достойная женщина, она вернулась домой, и они с ней хорошо ладили.

У Снорри, сына Карлсефни, была дочь Халльфрид, мать епископа Торлака, сына Рунольва.

У Карлсефни и Гудрид был также сын Торбьёрн. Его дочью была Торунн, мать епископа Бьёрна.

У Снорри, сына Карлсефни, был также сын Торгейр, отец Ингвильд, матери епископа Бранда Первого.

Здесь кончается эта сага.

Сага о Гисли

Перевод О. А. Смирницкой

«Сага о Гисли, сыне Кислого» (Gísli saga Súrssonar), самая драматичная из «саг об исландцах», – это история человека, который был объявлен вне закона и поэтому в своей собственной стране стал изгнанником, вынужденным скрываться в продолжение тринадцати лет и в одиночку обороняться от преследующих его врагов. Очень много было написано об этой саге. Исследователей интересовали, во-первых, искусство, с которым она рассказана, ее композиция и т. д.; во-вторых,

ее идеология, следы влияния христианства и героической поэзии; в-третьих, ее источники, в частности – в какой мере строфы, цитируемые в саге, действительно принадлежат Гисли; в-четвертых, соотношение ее двух редакций и соотношение рукописей между собой. Различному толкованию подверглось и то, о чем в саге не сказано ясно. Так, в саге не сказано, кто убил Вестейна, брата жены Гисли и его побратим, но обычно полагают, что его убил Торгрим, муж сестры Гисли. Однако, согласно Холтсмарк (*A. Holtsmark. Studies in the Gísla saga // Studia Norvegica ethnologica et folkloristica. 2. 1951. P. 1–55*), более вероятно, что Вестейна убил Торкель, брат Гисли, а не Торгрим, и что Гисли нарочно отвел подозрение от Торкеля, убив Торгрима, потому что если бы Торкель был признан за убийцу Вестейна, то Гисли пришлось бы мстить за Вестейна родному брату. Неслучайно сыновья Вестейна, которые, очевидно, знали, кто убийца их отца, убили Торкеля. Если Холтсмарк права, то судьба Гисли оказывается еще трагичнее: он объявлен вне закона за убийство Торгрима, которое он совершил, чтобы отвести подозрение от своего брата Торкеля, а между тем Торкель отказывается помочь Гисли, когда тот вынужден скрываться как объявленный вне закона. Тем самым и контраст между благородством Гисли и неблагородством его брата Торкеля становится резче.

Источником саги была, по общему мнению, в первую очередь устная традиция (то есть устная сага, но устная сага теперь никогда не называется «сагой»). Конечно, невозможно выяснить, в какой мере эта традиция была исторически правдивой. По-видимому, однако, главные действующие лица и основные события саги историчны, как явствует из их упоминаний в древнеисландских источниках, правдивость которых не ставится под сомнение. События, описываемые в саге, должны были произойти в 962–978 гг.

Источником саги были также висы, приписываемые в саге Гисли. Раньше все эти висы считались подлинными. В этих висах описываются не только битвы Гисли, но также и его сны. В некоторых из этих вис (особенно в тех, где рассказываются сновидения) проглядывает, как обычно считается, христианская идеология. Гисли жил до официального принятия христианства в Исландии (то есть до 1000 г.). Поэтому подлинность этих вис многими исследователями ставится под сомнение. В этих висах обнаруживают также стилистические совпадения с произведениями XII в. В некоторых висах Гисли, как и в самой саге, обнаруживают также влияние героической поэзии, а именно некоторых песен «Старшей Эдды» (см. примеч. 37 на с. 439). Это влияние тоже считается не исконным в традиции о Гисли. В «Саге о Гисли» использованы, как полагают, и мотивы из других саг. Так, эпизод со связыванием коровьих хвостов (с. 434) считается заимствованным из «Саги о сыновьях Дроплауг», где он рассказан более последовательно.

«Сага о Гисли» в той форме, в которой она сохранилась, была написана, вероятно, в середине XIII в. Она сохранилась во многих рукописях и в двух различных редакциях. В одной из этих редакций начало более пространно и кое в чем похоже на «саги о древних временах» (см. с. 8). Эта редакция обычно считается младшей.

Перевод сделан по изданиям: *Gísla saga Súrssonar*, herausgegeben von Finnur Jónsson. Halle, 1903 (Altnordische Saga-Bibliothek. 10), и *Gísla saga Súrssonar*, udgivet af A. Loth. København, 1967 (Nordisk filologi. Serie A: tekster, 11).

I

Начинается эта сага с того, что правил Норвегией конунг Хакон Воспитанник Адальстейна^[290], и было это на склоне его дней. Жил тогда человек по имени Торкель, по прозвищу Добавок к Шхере. Он жил в долине Сурнадаля^[291] и был херсиром^[292]. У него была жена по имени Искерд и дети, трое сыновей. Одного звали Ари, другого – Гисли, третьего, младшего из всех, Торбьёрном. Все они росли дома. Жил человек по имени Иси. Он жил у Фьорда Фибули, в Нордмёре^[293]. Жену его звали Ингигерд, а дочь – Ингибьёрг. Ари, сын Торкеля из Сурнадаля, за нее посватался, и ее отдали ему с большим приданым. С нею поехал раб по имени Коль.

Жил человек по имени Бьёрн Бледный. Он был берсерк^[294]. Он разъезжал по стране и вызывал на поединок всякого, кто ему не подчинялся. Раз зимою явился он и к Торкелю из Сурнадаля. А хозяйствовал на хуторе тогда Ари, его сын. Бьёрн предлагает Ари на выбор: хочет, пусть бьется с ним на одном островке в Сурнадале – назывался островок Столбовым, – а не хочет, пусть отдаст ему свою жену. Тот сразу же решил, что уж лучше биться, чем обоих, и себя, и жену, позорить. Сойтись надлежало им через три ночи. Вот подходит время поединка, они сражаются, и вышло так, что Ари пал и лишился жизни. Бьёрн считает, что он завоевал и землю, и жену. Гисли же говорит, что, покуда он жив, этому не бывать и он намерен биться с Бьёрном.

Тут сказала слово Ингибьёрг:

– Не потому отдали меня за Ари, что я не пошла бы охотнее за тебя. У раба моего Коля есть меч Серый Клинок. Так попроси, пусть он тебе его одолжит. Потому что есть у этого меча такое свойство: он несет победу всякому, кто берет его в битву.

Гисли просит у раба меч, и тот отдает его неохотно. Гисли снарядился для поединка, они бьются, и вышло так, что Бьёрн пал мертвым. Гисли почитает это за большую победу. Рассказывают, что он сватается к Ингибьёрг, не желая выпустить из рода такой доброй жены, и женится на ней. Он берет себе всю братнину долю имущества и

становится большим человеком. Тут умирает его отец, и все его имущество тоже достается Гисли. Он велит убить всех сообщников Бьёрна.

Раб потребовал назад свой меч, но Гисли не хочет с ним расставаться и предлагает за него золото. Но раб ничего, кроме меча, не желает и остается ни с чем. Это очень ему не нравится, он покушается убить Гисли и тяжело его ранит. Но и Гисли разит его по голове Серым Клинком, и удар был так силен, что меч сломался, и череп раскололся, и настигла обоих смерть.

//

После этого достается Торбьёрну все имущество, которым владели его отец и оба брата. Он живет в Сурнадале на хуторе Столбы. Он сватается за женщину по имени Тора – она была дочь Рауда с Мирного Острова – и на ней женится. Они жили в добром согласии, и в скором времени пошли у них дети. Дочь их звали Тордис. Она была из детей старшею. Их старшего сына звали Торкель, среднего – Гисли, младшего – Ари. Все они росли дома. Никто из сверстников во всей округе не мог с ними сравниться. Потом Ари отдали на воспитание к Стюркару, его дяде. А Торкель и Гисли оба остались дома.

Жил человек по имени Бард. Он жил в Сурнадале. Он был молод и только что получил после отца наследство. Другого человека звали Кольбьёрн, он жил на хуторе Каменная Плита, в Сурнадале. Он тоже был молод и только что получил наследство. Поговаривали, что Бард соблазнил Тордис, дочь Торбьёрна, а она была и красива, и умна. Торбьёрн был очень этим недоволен и говорил, что, будь Ари дома, это не сошло бы Барду с рук. Бард сказал, что «пусты стариковские речи» и «буду я делать, как делал». Он был в дружбе с Торкелем, и тот ему потворствовал, но Гисли, как и отец, не одобрял их сговора.

Рассказывают, что однажды Гисли был в дороге вместе с Бардом и Торкелем. Он проехал с ними полпути до Дорожки Грани – так называлось место, где жил Бард, – и, когда меньше всего этого ждали, нанес Барду смертельный удар. Торкель рассердился и сказал, что Гисли поступил плохо, но Гисли успокаивал брата:

– Давай-ка поменяемся мечами, бери себе тот, что лучше режет!^[295]

И обратил все в шутку. Тогда Торкель успокоился и остался подле Барда, Гисли же поехал домой и все рассказал отцу. Тот был доволен.

С тех пор дружба между братьями пошла врозь. Торкель отказался меняться мечами и не пожелал жить дома, а отправился к Скегги Драчуну на остров Сакса. Тот был близким родичем Барду. Торкель остался там и все подстрекал Скегги отомстить за Барда, своего родича, и жениться на Тордис. Вот едут они, числом двадцать, к

Столбам, и, приехав на хутор, Скегги заводит с Торбьёрном разговор, чтобы им породниться «через брак мой с Тордис, твоею дочерью».

Но Торбьёрн не хотел отдавать за него девушку. Говорили, что за Тордис ухаживал Кольбьёрн. Скегги подумал, что, стало быть, тот и виноват в его неудаче со сватовством, и, встретившись с Кольбьёрном, вызвал его биться на острове Сакса. Кольбьёрн сказал, что придет, и прибавил, что он не будет достоин руки Тордис, если не посмеет сразиться со Скегги.

Торкель и Скегги отправились к себе на остров Сакса и вместе с двадцатью своими людьми ждали там урочного срока. А через три ночи Гисли едет к Кольбьёрну и спрашивает, готов ли тот к поединку. Кольбьёрн же вместо ответа спрашивает, нужно ли это для брака его с Тордис.

– Тебе не годится об этом спрашивать, – говорит Гисли.

Кольбьёрн говорит:

– Сдается, что мне незачем биться со Скегги.

Гисли сказал:

– Ну и подлец же ты, что так рассуждаешь! Что ж, покрывай себя позором, я все равно намерен ехать.

Вот едет Гисли на остров Сакса, и с ним одиннадцать человек. Тем временем Скегги уже на месте, он объявляет условия поединка и очерчивает круг для Кольбьёрна, но не видит ни его самого, ни того, кто пришел бы его заменить. Был у Скегги работник по имени Рэв. Так он велел Рэву сделать деревянные фигуры наподобие Гисли и Кольбьёрна.

– И пусть один стоит позади другого^[296], и пусть этот срам навсегда остается здесь им в поношение.

Гисли услышал это из лесу и отвечает:

– Найдутся твоим работникам дела и поважнее! Вот, можешь взглянуть на того, кто посмеет с тобою биться.

Они входят в круг и сражаются, и каждый сам держит перед собою щит. У Скегги был меч по прозванию Пламя Битвы, он нанес им удар и попал в щит Гисли. Меч громко зазвенел. Тогда Скегги сказал:

Пламя Битвы поет,

То-то потеха на Саксе!

Гисли нанес ответный удар секирой и отсек край щита и ногу Скегги, и сказал:

Рьяно огонь раны^[297]

Рубит ныне Скегги.

Скегги не стал больше биться и с той поры всегда ходил на деревянной ноге. Торкель же поехал домой со своим братом Гисли, и теперь они живут по-родственному, и все находят, что эта битва очень увеличила славу Гисли.

III

В саге упоминают двух братьев. Одного звали Эйнар, другого – Арни, оба сыновья Скегги с острова Сакса. Они жили на мысу Флюдрунес к северу от Трандхейма. Они набирают с осени людей и потом весной отправляются в Сурнадаль к Кольбьёрну, и ставят ему условия: хочет, пусть едет с ними жить в доме Торбьёрна с сыновьями, а не то пусть расстанется с жизнью. Тот предпочел ехать с ними. Вот отправляются они, числом шестьдесят, и приезжают ночью к Столбам, и поджигают все строения. А все спали в одном покое: и Торбьёрн, и его сыновья, и Тордис. Там стояли два жбана с кислой сывороткой. Вот Гисли и те, кто был с ним, берут две козлиные шкуры, макают в жбаны и набрасывают на огонь, и трижды его тушат. Потом они пробивают стену, выбирают, десять человек, наружу, добегают под завесой дыма до гор и уходят подальше, чтобы собаки их не почуяли. Двенадцать же человек сгорели в доме. А они, те, что пришли, думают, что сожгли всех.

Гисли и все остальные добираются до Мирного Острова, приходят к Стюркару, собирают там сорок человек, застигают Кольбьёрна врасплох и сжигают его в доме, и с ним еще одиннадцать человек. Потом они продают свою землю и покупают себе корабль. Их было шесть десятков человек. Взяв все свое имущество, они покидают страну и пристают к островам, называемым Эсундами, и готовятся там выйти в море. Оттуда они плывут, сорок человек числом, в двух лодках на север, к мысу Флюдрунес. Сыновья Скегги как раз выехали с семьей другими мужами собирать плату за землю. Гисли и его люди направляются им навстречу и всех убивают. Гисли уложил троих, а Торкель – двоих. Потом они идут к хутору и выносят оттуда много добра. В тот раз Гисли срубил Скегги Драчуну голову – тот как раз гостил у сыновей.

IV

Потом они возвращаются к кораблю и выходят в море, и плавают больше ста двадцати дней, пока не пристаут на западе Исландии к южному берегу Фьорда Дюри, в устье Реки Ястребиной Долины.

В саге упоминают двоих мужей, живших каждый на своем берегу. Оба звались Торкели. Один жил на хуторе Грязи в Болотной Долине, на южном берегу Фьорда. Он был Торкель, сын Эйрика. Другой жил на северном берегу, на хуторе У Всех Ветров. Его прозвали Торкель Богач. Торкель, сын Эйрика, первым из уважаемых людей поехал к кораблю и встретил Торбьёрна Кислого (его стали так называть с тех пор, как он спасся с помощью кислой сыворотки).

Земля по обоим берегам еще не вся была заселена. Торбьёрн Кислый купил себе землю на южном берегу у Морского Жилья в Ястребиной Долине. Гисли выстроил там двор, где они и стали жить.

Бьяртмаром звали человека, жившего у вершины Орлиного Фьорда. Жену его звали Турид, она была дочерью Храфна с Кетилсвой Косы во Фьорде Дюри. Храфн же был сыном Дюри, занявшего этот фьорд. У них были дети. Дочь их звалась Хильд, она была старшей. Одного их сына звали Хельги, других – Сигурд и Вестгейр.

Вестейном звали одного норвежца, приехавшего в Исландию во времена ее заселения и поселившегося у Бьяртмара. Он женился на Хильд, его дочери. И они недолго прожили вместе, как родились у них дети: дочь их звалась Ауд, а сын – Вестейном. Вестейн-норвежец был сыном Вегейра, брата Вебьёрна Согеского Витязя.

Бьяртмар был сыном Ана Красного Плаща, сына Грима Мохнатые Щеки, брата Одда Стрелы, сына Кетиля Лосося, сына Халльбьёрна Полутролля. Матерью Ана Красного Плаща была Хельга, дочь Ана Лучника.

Вестейн, сын Вестейна, стал купцом и мореходом. Все же в то время, о котором здесь рассказывается, он имел у Фьорда Энунда хутор Под Конем. Жену его звали Гуннхильд, а сыновей – Берг и Хельги.

Вот вскоре умирает Торбьёрн Кислый, а следом и жена его Тора. Хутор теперь переходит к Гисли и брату его Торкелю. А над Торбьёрном и Торой насыпают курган.

V

Жил человек по имени Торбьёрн, по прозвищу Тюленья Скала. Он жил у Жаберного Фьорда на хуторе Телячья Гора. Жену его звали Тордис, а дочь – Асгерд. Торкель, сын Кислого, к ней посватался и женился на ней. А Гисли посватался за Ауд, сестру Вестейна и дочь Вестейна-норвежца, и женился на ней. Живут братья вместе в Ястребиной Долине.

Однажды весною Торкель Богач, сын Торда, пустился в путь на юг, на Мыс Тора, где собирался тинг, и сыновья Кислого поехали с ним. На Мысу Тора жил тогда Торстейн Трескоед, сын Торольва Бородача с Мостра. Он был женат на Торе, дочери Олава, сына Торстейна. У них были дети: Тордис, Торgrim и Бёрк Толстяк. Торкель Богач закончил на тинге свои дела. А после тинга Торстейн пригласил Торкеля Богача и сыновей Кислого к себе домой и дал им на прощанье богатые подарки. Они же пригласили сыновей Торстейна приехать следующей весной к ним на запад, на их тинг. И вот едут они домой.

А на следующий год, весною, сыновья Торстейна и с ними еще десять человек отправляются на тинг на Соколиной Косе и встречаются там с братьями, Гисли и Торкелем. Те зовут сыновей Торстейна с тинга

к себе. Но до этого им надо было погостить у Торкеля Богача. Потом они едут к братьям, Гисли и Торкелю, и те встречают их там обильным пиром. Торгриму приглянулась сестра Гисли и Торкеля, и он к ней посватался. Ее обручили с ним и тут же сыграли свадьбу. За нею отдали Морское Жилье, и Торgrim переехал на запад. А Бёрк остается на Мысу Тора, и с ним живут его племянники, Сака-Стейн и Тородд.

Вот селится Торgrim в Морском Жилье, а сыновья Кислого переезжают на Холм и строят там хороший двор. И стоят Морское Жилье и Холм ограда к ограде. Вот живут они бок о бок, и между ними прочная дружба. Торgrim становится там годи и во всем поддерживает братьев. Они едут весною на тинг в сопровождении сорока человек, все в крашенных одеждах. С ними едут Вестейн, шурин Гисли, и все, кто приехал из Сурнадаля.

VI

Жил человек по имени Гест, он был сыном Оддлейва^[298]. Он приехал на тинг и занял землянку вместе с Торкелем Богачом. Вот люди из Ястребиной Долины сидят за пивом, другие же ушли на суд, потому что был как раз судебный тинг. Тут заходит к ним в землянку один человек, большой болтун, по имени Арнор. Он сказал:

– Ну и люди живут у вас в Ястребиной Долине! Ни до чего вам нет дела, кроме как пить. И вы даже не хотите прийти на суд, где должны разбираться тяжбы ваших людей. Все так считают, хоть я один и скажу.

Тогда сказал Гисли:

– Пойдем на суд. Может статься, что и другие говорят то же самое.

Вот идут они на суд. И Торgrim спрашивает, не нужна ли кому их поддержка:

– И покуда мы живы, за нами дело не постоит: сделаем все, что пообещали.

Тогда отвечает Торкель Богач:

– Нестоящие это тяжбы, что ведут здесь наши люди. Но мы не преминем сказать вам, если нам понадобится ваша помощь.

И вот заходят промеж людей разговоры о том, как великолепны эти люди и как независимы в своих речах.

Торкель спросил тогда у Геста:

– Надолго ли хватит, ты думаешь, великолепия и своевластия людей из Ястребиной Долины?

Гест отвечает:

– Не пройдет и трех лет, как не будет у них единомыслия, у тех, кто теперь держится вместе.

Арнор был при том разговоре, и он бежит в землянку к людям из Ястребиной Долины и пересказывает им эти слова.

Гисли на это говорит:

– Он, верно, повторяет чужие слова. Позаботимся же, чтобы не сбылось его предсказание. И, на мой взгляд, самое лучшее, если мы свяжем нашу дружбу более крепкими узами и примем, все четверо, обет побратимства.

Им это показалось разумным. Вот идут они на самую стрелку косы и вырезают длинный пласт дерна^[299], так, что оба края его соединяются с землей, ставят под него копые с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник крепится к древку. Им, Торгриму, Гисли, Торкелю и Вестейну, надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов. Но когда все они подали друг другу руки, Торgrim и говорит:

– Хватит с меня того, что я подам руку Торкелю и Гисли, моим шурыям. Но у меня нет обязательств перед Вестейном.

И он отдергивает руку.

– Ну что ж, и другие поступят так же, – говорит Гисли и тоже убирает руку. – Я не буду связывать себя с человеком, который не желает связывать себя с моим шурином Вестейном.

Люди придали тому, что случилось, большое значение. Гисли тогда сказал Торкелю, своему брату:

– Все вышло, как я и опасался. И ни к чему все, что мы сейчас делали. Я теперь вижу, что чему быть, того не миновать.

И люди разъехались с тинга.

VII

Случилось летом, что во Фьорд Дюри пришел корабль, принадлежавший двум братьям, норвежцам. Одного звали Торир, другого Торарин, они были родом из Вика^[300]. Торgrim поехал к кораблю, купил себе четыре сотни бревен и отдал часть платы сразу, а часть обещает отдать после. Вот купцы ставят корабль в Песчаное Устье, а сами устраиваются на житье.

Жил человек по имени Одд, он был сыном Эрлюга. Он жил на Косе в Блюдном Фьорде. Он принял купцов к себе. Вот Торgrim шлет Тородда, своего сына, сложить те бревна и сосчитать их, потому что он думает поскорее перевезти их домой. Тот приходит, берет бревна, складывает их, и покупка кажется ему отнюдь не такой удачной, как говорил Торgrim. Он стал ругать норвежцев, те не потерпели этого, накинулись на него и убили.

Совершив убийство, норвежцы уходят с корабля. Они переправляются через Фьорд Дюри и, раздобыв себе коней, спешат к

своему жилью. Они едут целый день и ночь, пока не подъезжают к долине, отходящей от Блюдного Фьорда. Там они завтракают и ложатся спать.

А Торгриму стало известно о происшествии, и он тут же собирается из дому, переправляется через фьорд и один едет следом за норвежцами. Он застигает их там, где они спали, и расталкивает Торарина древком копья. Тот вскакивает и только хочет схватиться за меч, – а он признал Торгрима, – как Торgrim наносит ему удар копьем и убивает. Тут просыпается Торир и хочет отомстить за сотоварища, но Торgrim ударом копья укладывает и его. Это место зовется теперь Долиною Завтрака и Погибелью Норвежцев. Вслед за тем Торgrim поехал домой, и эта поездка принесла ему славу.

Зиму он проводит у себя на хуторе. А весною зятя, Торgrim и Торкель, снаряжают корабль, принадлежавший норвежцам. Норвежцы эти прослыли большими смутьянами у себя в Норвегии, и им нельзя было там оставаться. Вот снаряжают зятя корабль и выходят в море. В то же лето выходят в море из Ракушечной Бухты во Фьорде Стейнгрима и Вестейн с Гисли. Пока те и другие в плаванье, Энунд из Средней Долины хозяйствует на хуторе у Торкеля и Гисли, а Сака-Стейн вместе с Тордис – в Морском Жилье. Во время всех этих событий в Норвегии правил Харальд Серая Шкура^[301]. Торgrim и Торкель приводят корабль на север Норвегии и тотчас едут встретиться с конунгом, и, представ перед ним, его приветствуют. Конунг хорошо их принял. Они стали его людьми. Им досталось немало добра и немало почестей. Гисли и Вестейн плавали больше ста дней и раз, в начале зимы, у берегов Хёрдаланда^[302] попали ночью в сильную метель и бурю, и корабль их разбился в щепки, но добро свое и людей они уберегли.

VIII

Жил человек по имени Бьяльви Бородач. Он плыл на своем корабле и держал путь на юг, в Данию. Гисли и Вестейн прицениваются купить у него полкорабля, он же говорит, что уже наслышан о них как о молодцах и отдает им половину корабля. Они тут же платят ему, не скупясь. Вот едут они на юг, в Данию, на торг, что зовется Вэбьёрг^[303]. Там они перезимовали у человека по имени Сиградд. Они жили втроем, Вестейн, Гисли и Бьяльви, были очень дружны между собой и менялись подарками. А с наступлением весны стал Бьяльви снаряжать свой корабль в Исландию.

Сигурдом звали одного человека, родом норвежца. Он был в деле с Вестейном и сейчас находился в Англии. Он послал передать Вестейну, что хочет разорвать договор с ним и не нуждается больше в его деньгах. Вестейн просит позволения поехать с ним повидаться.

Гисли сказал:

– Ты должен обещать мне, что больше не покинешь Исландии без моего позволения, если вернешься туда невредимым.

Вестейн обещает. Вот как-то утром Гисли встает и идет в кузницу. Он был искуснейший человек, мастер на все руки. Он сделал монету весом по меньше чем в эйрир^[304], и половины этой монеты соединялись с помощью двадцати гвоздочков, по десяти на каждой половине. Когда части были сложены, она казалась целою, но можно было ее разъять на две части. И рассказывают, что он разнимает монету на половины, одну дает Вестейну и просит хранить ее как знак:

– И если один из нас пошлет другому свою половину, это будет значить, что его жизнь в опасности. Есть у меня предчувствие, что не миновать нам такого обмена, хотя бы сами мы и не встретились.

Вот едет Вестейн на запад, в Англию, а Гисли и Бьяльви – в Норвегию, а летом – в Исландию. Им досталось много добра и богатых подарков, и было удачно их товарищество, и Бьяльви выкупил у Гисли свой корабль. Теперь Гисли, а с ним еще одиннадцать человек едут на запад, во Фьорд Дюри, на торговом корабле.

IX

А Торгрим и Торкель снаряжают корабль в другом месте и возвращаются в устье Реки Ястребиной Долины во Фьорде Дюри в один день с Гисли, приплывшим на торговом корабле. Вскоре они свиделись, и встреча их радостна, а потом разъезжаются они по домам. Торгриму и Торкелю тоже выпало немало богатства.

Торкель очень важничал и ничего не делал по хозяйству, а Гисли работал день и ночь. Однажды выдался погожий день, и Гисли послал всех на сенокос; всех, кроме Торкеля. Торкель единственный из мужчин остался на хуторе и улегся после завтрака в доме. Дом этот был длиною в сто сажень, а шириною в десять. К южной его стороне пристроена была светелка Ауд и Асгерд. Они сидели там и шили. Вот, проснувшись, Торкель слышал в светелке голоса, идет туда и ложится у стены.

Вот заговорила Асгерд:

– Не откажи, Ауд, скрой мне рубашку для мужа моего Торкеля.

– Это я умею не лучше тебя, – сказала Ауд, – и ты вряд ли стала бы просить меня об этом, если бы надо было кроить рубашку для моего брата Вестейна^[305].

– Это другое дело, – говорит Асгерд. – И, верно, еще долго так будет.

– Давно я знала, – говорит Ауд, – как обстоят дела. Но хватит говорить об этом.

– Я не вижу тут ничего дурного, – говорит Асгерд, – хоть бы мне и нравился Вестейн. Сказывали мне, что вы частенько встречались с Торгримом до того, как тебя выдали за Гисли.

– Тут не было ничего дурного, – говорит Ауд. – Я ведь не зналась с мужчинами за спиной у Гисли, так что нет тут дурного. Но лучше прекратим этот разговор.

А Торкель слышал каждое их слово и, когда они замолкли, сказал:

– Слышу слова ужасные! Слышу слова роковые! Слышу слова, чреватые гибелью одного или многих!^[306]

И входит в дом. Тогда заговорила Ауд:

– Часто женская болтовня не доводит до добра. Как бы и на сей раз не вышло отсюда беды. Давай-ка подумаем, как нам быть.

– Я уже кое-что придумала, – говорит Асгерд. – Это поможет делу.

– Что же? – спросила Ауд.

– Надо обнять как следует Торкеля, как мы ляжем в постель, и сказать ему, что это все неправда. Он и простит меня.

– Нельзя полагаться на одно это, – говорит Ауд.

– Что же предпримешь ты? – говорит Асгерд.

– Расскажу обо всем мужу моему Гисли, чтобы он нашел выход.

Вечером приходит с работы Гисли. Повелось, что Торкель благодарил брата за труды. Но на сей раз он ходит пасмурный и не говорит ни слова. Вот Гисли спрашивает, не занемог ли он.

– Нет у меня болезни, – говорит Торкель. – Но есть кое-что похуже болезни.

– Не сделал ли я чего такого, – говорит Гисли, – что ты на меня рассердился?

– Нет, – говорит Торкель. – Но ты сам все узнаешь, хотя и не сразу.

И они расходятся каждый к себе, и на этот раз больше ничего не было сказано.

Вечером Торкель ест мало и первым идет спать. И когда он улегся, приходит Асгерд, подымает одеяло и хочет ложиться. Тогда Торкель сказал:

– Я не хочу, чтобы ты здесь ложились ни этой ночью, ни потом.

Асгерд сказала:

– С чего это ты вдруг так переменялся? Или что-нибудь случилось?

Торкель сказал:

– Мы оба знаем причину, хоть от меня и долго скрывали. И мало будет тебе чести, если я выражусь яснее.

Она отвечает:

– Можешь думать об этом, как тебе заблагорассудится. И я не собираюсь долго спорить с тобой из-за того, где мне спать. Но выбирай: либо ты меняпустишь и будешь вести себя, как если бы ничего не случилось, либо я тут же назову свидетелей и объявлю о разводе с тобой, и пусть мой отец забирает обратно все мое приданое. И в этом случае я уж больше никогда не стесню тебя в постели.

Торкель помолчал и немного погодя сказал:

– Я рассудил так: поступай, как тебе нравится, я же не стану отказывать тебе этой ночью в постели.

Она без промедления показала, чего ей больше хотелось, и сразу легла. Они недолго пролежали вместе, как все между ними уладилось, словно бы ничего и не было.

Вот и Ауд ложится рядом с Гисли и рассказывает ему о своем разговоре с Асгерд, и просит его не сердиться, но принять какое-нибудь разумное решение, если он может найти его.

– Я не вижу такого решения, – сказал он, – от которого был бы толк. Все же не стану на тебя сердиться, ибо устами людей гласит судьба, и чему быть, того не миновать.

X

Вот прошла зима, и наступают дни переезда^[307]. Торкель вызвал своего брата Гисли на разговор и сказал:

– Дело обстоит так, брат, что пришло мне на ум переменить жилье. Короче говоря, я хочу, чтобы мы разделились: хочу вести хозяйство с моим зятем Торгримом.

Гисли отвечает:

– Братьям сподручнее вместе смотреть за своим добром. И, право, я был бы рад, если бы все оставалось по-старому и мы не делились.

– Так не может более продолжаться, – говорит Торкель, – чтобы мы сообща вели хозяйство. Потому что от этого происходит большой убыток: ведь тебе одному достаются весь труд и все заботы по хозяйству. Я же не прилагаю рук ни к чему, что сулило бы выгоду.

– Не ставь себе этого в вину, – говорит Гисли, – раз уж я тебя не упрекаю. Всяко бывало между нами: случалось и сходились, и расходились.

Торкель сказал:

– Бесполезно говорить об этом. Надо делить имущество. И раз уж я настаиваю на дележе, ты бери себе и дом, и отцову землю, я же возьму движимое имущество.

– Если не остается ничего другого, как делиться, делай что хочешь. Мне же все равно, что делать: делить или выбирать.

Кончили тем, что Гисли делил. Торкель выбрал движимое имущество, а Гисли получает землю. Они поделили и двоих детей, бывших у них на попечение: мальчика звали Гейрмунд, а девочку – Гудрид, они были детьми их родича Ингьяльда. Девочка осталась с Гисли, а Гейрмунд – с Торкелем. Вот уходит Торкель к своему зятю Торгриму и живет с ним. Хозяйство же переходит к Гисли, и он не может пожаловаться, чтобы оно стало хуже против прежнего.

Вот проходит лето, и настают предзимние дни^[308]. В те времена у многих людей было в обычае справлять приход зимы пирами и жертвоприношениями. Гисли не приносил больше жертв с тех пор, как побывал в Вэбьёрге в Дании, все же он, как и прежде, устраивал пиры, и притом со всею пышностью. И вот, когда подходят те дни, о которых шла речь, он делает приготовления к большому пиру. Он зовет на пир обоих Торкелей, сына Эйрика и Богача, своих зятьев, сыновей Бьяртмара и многих других друзей и товарищей. И в тот день, когда гости съезжаются, Ауд заводит такой разговор:

– Правду сказать, недостает здесь, по-моему, одного человека, которого я желала бы видеть.

– Кто же это? – спросил Гисли.

– Это мой брат Вестейн. С ним изо всех людей хотела бы я разделить здесь веселье.

Гисли сказал:

– Я смотрю на это иначе. Я бы дорого дал, чтобы он здесь не появлялся.

На этом их разговор и кончился.

XI

Жил человек по имени Торгрим, по прозвищу Нос. Он жил во Дворе Носа на восточном берегу Реки Ястребиной Долины. Он был силен в ворожбе и волшбе и был колдун, каких мало. Его-то и приглашают Торгрим с Торкелем к себе, потому что у них тоже шел пир. Торгрим был искусным кузнецом, и рассказывается, что оба Торгрима и Торкель идут в кузницу и там запираются. Вот достают они обломки Серого Клинка, который при разделе выпал Торкелю, и Торгрим делает из него копье. К вечеру копье было готово. На нем были насечены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь.

Рассказывают, что Энунд из Средней Долины пришел на пир к Гисли и, отозвав его в сторону, сказал, что вернулся Вестейн «и можно ждать его сюда».

Гисли немедленно зовет своих работников, Халльварда и Хаварда, и велит им ехать на север к Фьорду Энунда и прямо к Вестейну.

– Передайте ему от меня поклон да прибавьте: пусть сидит дома, пока я к нему не приеду, и пусть не появляется на пиру в Ястребиной Долине.

Он дает им узелок, а в нем условленный знак: половинка монеты, на случай, если он им не поверит.

Тогда идут они и берут в Ястребиной Долине лодку, и гребут к Устью Ручья, и, выйдя там на берег, идут к человеку, который жил там во Дворе Берси. Его тоже звали Берси. Они передают ему просьбу Гисли одолжить им двух своих лошадей – их звали Рукавицы, – самых резвых

лошадей на всех Западных Фьордах. Тот дает им лошадей, и они скачут до самых Мшистых Полей, а оттуда к хутору Под Конем. А Вестейн уже выехал из дому, и случается так, что он проезжает Мшистые Поля под холмом, братья же едут поверху. Так они разминулись.

XII

Был человек по имени Торвард. Он жил на хуторе Бугор. Двое его людей повздорили из-за какой-то работы, пустили в ход косы и поранили друг друга. Вестейн подъезжает и мирит их, так что оба остаются довольны. Потом он пускается к Фьорду Дюри, и с ним два норвежца.

Между тем, приехав на хутор Под Конем, Халльвард и Хавард узнают, что Вестейн, оказывается, уже уехал. Скачут они что есть мочи обратно. И, подъехав к Мшистым Полям, видят: скачут люди посреди долины, но их разделяет бугор. Вот скачут они в Медвежью Долину – и только подъезжают к Откосу Арнкеля, как пали обе их лошади. Тогда, оставив лошадей, они бегут и кричат. Тут Вестейн с людьми слышит их, – а они уже выехали на Ягнячий Перевал, – и дожидается, пока те не прибежали со своею вестью. Достали они и монету, которую Гисли послал Вестейну. Вестейн вынимает из кошельа другую половинку и при взгляде на нее сильно краснеет.

– Вы говорите чистую правду, – говорит он, – и я бы повернул обратно, если бы вы нагнали меня чуть раньше. Но теперь текут все воды к Фьорду Дюри, и я поскачу туда же, да и тянет меня туда. Норвежцы пусть поворачивают назад, вы же садитесь в лодку и известите Гисли и мою сестру, что я еду к ним.

Они возвращаются домой и все рассказывают Гисли. Он отвечает:

– Значит, так тому и быть.

Вестейн едет в Ягнячью Долину к родственнице своей Луте. Она перевозит его через фьорд и говорит ему:

– Вестейн, будь осторожен. Это тебе понадобится.

Она перевезла его к Пескам Тинга. Там жил человек по имени Торвальд Искра. Вестейн идет к нему, и Торвальд разрешил ему взять своего коня. Вот скачет он дальше, звеня уздечкой Торвальда, а седло и подпруга у него свои. Торвальд провожает Вестейна до Песчаного Устья и вызывается ехать с ним хоть до самого хутора Гисли. Но тот сказал, что это ни к чему.

– Многое переменялось в Ястребиной Долине, – сказал Торвальд, – и будь осторожен.

На этом они расстаются. Вот скачет Вестейн до самой Ястребиной Долины. Погода была ясная, и светила луна. У Торгримова двора двое загоняли скот, Гейрмунд и женщина по имени Раннвейг. Она

привязывает коров в хлеву, а он гонит их к ней. И вот, проезжая через луг, Вестейн встретил Гейрмунда. Гейрмунд сказал:

– Не заезжай сюда в Морское Жилье, а отправляйся прямо к Гисли да смотри будь осторожен.

А Раннвейг вышла из хлева, и человек показался ей как будто знакомым. И, загнав скот, они заспорили, кто бы это мог быть, и идут, переговариваясь, домой. Торгрим со своими людьми сидел у огня, и спрашивает Торгрим, не попадался ли им на глаза какой человек, и еще спрашивает, о чем у них спор.

– Сдается мне, что я узнала Вестейна, который сюда вернулся, – сказала Раннвейг. – На нем был синий плащ, в руке копье, и он скакал, звеня уздечкой.

– А что ты скажешь на это, Гейрмунд?

– Да я плохо разглядел. Но я подумал, что это работник Энунда из Средней Долины, у него был плащ Гисли, а сбруя Энунда, и в руках острога.

– Кто-то из вас лжет, – сказал Торгрим. – Ступай-ка в Холм, Раннвейг, и разузнай, что там происходит.

Вот отправилась она и подошла к дверям как раз, когда гости сошлись пировать. Гисли стоял в дверях и, поздоровавшись с ней, пригласил ее войти. Она сказала, что ей надо домой, – «но я хотела бы повидать девочку Гудрид».

Гисли зовет Гудрид, но ее не было.

– Где Ауд, твоя жена? – спросила Раннвейг.

– Вот она, – говорит Гисли.

Ауд выходит и спрашивает, чего ей надо. Та ответила, что, так, мол, одна малость, но ничего толком не сказала. Гисли сказал, что одно из двух: либо пусть остается, либо идет домой. Она пошла домой и была еще глупее прежнего, если это только возможно, и не могла рассказать ничего нового.

А поутру Вестейну принесли два тюка с товаром: их тогда взяли с собой братья Халльвард и Хавард. Он достал оттуда кусок обойной ткани длиной в шестьдесят сажен и головное покрывало в двадцать локтей длиной с тремя парчовыми полосами во всю длину, а еще три умывальных таза, отделанных золотом. Он выложил все это и подарил своей сестре, Гисли и побратиму своему Торкелю, если тот захочет принять подарок.

Гисли идет с обоими Торкелями в Морское Жилье к брату своему Торкелю. Рассказывает Гисли, что вернулся Вестейн и привез им обоим дорогие подарки. Он показывает их и просит Торкеля взять, что он хочет. Торкель отвечает:

– И все же было бы уместней, если бы ты один взял все это, я же не хочу принимать подарков. Маловероятно, что я отдарю Вестейна.

И он наотрез от них отказался. Вот отправляется Гисли домой, и кажется ему, что все идет одно к одному.

И вот что произошло в Холме. Две ночи сряду Гисли тревожат дурные сны, и люди спрашивают, что ему снилось. Он не хочет рассказывать снов. Вот наступает третья ночь, и люди расходятся спать. И когда все давно уже спали, на дом налетел такой вихрь, что с одной стороны сорвало крышу. А вслед за этим с неба хлынул такой ливень, что никто и не упомнит подобного. Потолок начал течь, как и следует ждать, раз повреждена крыша. Гисли живо вскочил и кличет своих людей помочь делу. Был у Гисли один раб по имени Торд, а по прозвищу Трусоватый. Он был большого роста, почти как Гисли. Раб этот остался дома, а Гисли и с ним почти все его люди побежали на сенокос, чтобы убрать сено. Вестейн хотел было бежать с ними, но Гисли воспротивился этому. И когда с потолка стало сильно лить, брат с сестрою отодвигают свои кровати и ставят их вдоль покоя. А все, кроме них двоих, уже убежали из дому.

Вот незадолго до рассвета кто-то входит неслышно и идет туда, где лежит Вестейн. Тот в это время не спал. Но, прежде чем он что-либо заметил, в грудь ему вонзилось копье, проткнув его насквозь. И, почувствовав удар, Вестейн сказал так:

– Прямо в сердце.

И человек этот тотчас ушел, а Вестейн попытался встать и, вставая, упал у лавки мертвый. Проснулась Ауд и зовет Торда, и просит его вынуть копье из раны. Тогда считалось, что мстить надлежит тому, кто извлечет клинок из раны, и если убийца оставлял оружие в ране, это называлось тайное умерщвление, а не убийство. Торд так боялся мертвецов, что он не решился даже приблизиться. Тут вошел Гисли и увидел, что произошло, и сказал Торду, что не надо ничего делать. Он сам вынул копье из раны и, никому не показав, бросил его, все окровавленное, в ларь и сел на лавку. Потом он велел обрядить тело Вестейна по обычаю того времени. Гисли да и все другие очень горевали по Вестейну.

Гисли сказал своей воспитаннице Гудрид:

– Сходи в Морское Жилье и разузнай, что у них там делается. Я потому посылаю тебя, что очень доверяю тебе в этом деле, как и во всяком другом. Смотри же сумей рассказать мне, что у них там делается.

Она идет в Морское Жилье. Там все на ногах и вооружены, и оба Торгрима, и Торкель. И когда она вошла, они не тотчас с нею поздоровались, потому что там мало кто был расположен к разговорам. Все же Торгрим спрашивает ее, что нового. Она рассказала про смерть Вестейна, или, вернее, про его убийство. Торкель отвечает:

– Еще недавно мы бы и впрямь почли это за новость.

– Умер человек, – говорит Торgrim, – которому мы все обязаны выказать уважение, и нужно похоронить его наиболее подходящим образом и насыпать над ним курган. И правду сказать, это большая потеря. Можешь передать Гисли, что мы сегодня придем к нему.

Она идет домой и рассказывает Гисли, что Торgrim сидел во всех доспехах, в шлеме и при мече. Торgrim Нос держал в руках топор, а Торкель обнажил на пядь свой меч.

– Там все на ногах и многие вооружены.

– Этого и следовало ждать, – говорит Гисли.

XIV

Вот Гисли готовится со своими людьми к погребенью Вестейна в той песчаной гряде, что расположена вдоль тростникового озера под самым Морским Жильем. И когда Гисли приступил к погребению, подъезжает туда Торgrim, и с ним много людей. Когда они завершили обряд над телом Вестейна по тогдашнему обычаю, Торgrim подошел к Гисли и сказал:

– Есть обычай обувать покойного в башмаки Хель^[309], чтобы в них он вошел в Вальгаллу^[310]. Я сделаю это для Вестейна. – И, покончив с этим, он сказал: – Я не умею завязывать башмаков Хель, если эти развяжутся.

Потом они садятся на кургане и беседуют, и находят очень маловероятным, чтобы кто-нибудь знал преступника. Торкель спросил у Гисли:

– Как Ауд принимает смерть брата? Много ли плачет?

– Ты, верно, думаешь, что тебе это известно, – говорит Гисли. – Она держится хорошо, хоть ей и тяжело. Видел я сон, – продолжает Гисли, – позапрошлой ночью и прошлой ночью снова. Я не скажу по этим снам, кто убийца, хоть они и клонятся к этому. Снилось мне в первую ночь, будто из одного двора выползла гадюка и насмерть ужалила Вестейна. А на следующую ночь мне приснилось, что из того же двора выскочил волк и насмерть загрыз Вестейна. Я до сего дня не рассказывал этих снов, потому что думал, что тогда они не сбудутся.

И он сказал вису:

Желал я, о нож обнаживший^[311],
Спокойного сна Вестейну,
Мнил, и меня минует
Страшный сон вчерашний,

Когда мы сидели с другом
В доме за чашей меда,
Черпали радость в хмеле,
С третьим встреч не искали.

Тогда спросил Торкель:
– А как Ауд принимает смерть брата? Много ли плачет?
– Что-то часто ты об этом спрашиваешь, родич! – говорит Гисли. –
Однако ж одолело тебя любопытство.

И Гисли сказал вису:
Липа льна^[312] под покровом,
Кроткая, скроет горе,
Ливень ланит^[313] пролить
Лишь ночью осмелятся очи.

Сивы злата^[314] персты
Осушат росу ресниц,
Но разум ее смятен
Утратой милого брата.

И еще он сказал так:
На грудь объятой грустью
Фригги перины змея^[315]
Слез горючих гроза
С леса глаз пролилась;

Сыплет груды орехов
Орешник глаз безутешных,
Скёгуль злата^[316] скорбь
Ласка лишь скальда умерит.

Потом братья вместе идут домой. Тогда сказал Торкель:
– Да, это большое событие! И верно, для тебя оно еще горше, чем для нас. Но все же всякий сам себе товарищ. Я бы хотел, чтобы ты не слишком убивался, дабы не заронить в людях подозренья. Хотел бы я также, чтобы мы устроили у себя игры и чтобы наладились у нас наилучшие отношения, как бывало.

– Неплохо сказано, – говорит Гисли. – Я готов согласиться. Но с одним условием: если случится в твоей жизни событие, столь же важное для тебя, как для меня это событие, обещаю вести себя таким же образом, как ты теперь просишь меня.

Торкель соглашается. Потом они идут домой и справляют тризну по Вестейну. И после этого они расходятся по домам, и снова все спокойно.

XV

Вот начинаются игры, как если бы ничего не случилось. Зятя, Гисли и Торgrim, чаще всего играют друг против друга, и люди не

могут решить, который из них сильнее. Все же большинство отдает предпочтение Гисли. Они играют в мяч на льду тростникового озера. Там все время былолюдно. И вот однажды, когда сошлось особенно много народу, Гисли предложил разделиться для игры поровну.

– Этого мы и хотим, – говорит Торкель. – Но только мы хотим, чтобы ты не поддавался Торгриму, потому что ходят разговоры, что ты играешь не в полную силу. Я же только порадуюсь за тебя, если ты окажешься сильнее.

– Нам еще не доводилось померяться силами, – говорит Гисли, – но может статься, что придет для этого время.

Вот они играют, и Торgrim уступает в игре Гисли. Гисли сшиб его с ног, и мяч отлетел в сторону. Тогда Гисли хочет завладеть мячом, но Торgrim удерживает его и не дает ему взять мяч. Тогда Гисли толкнул Торгрима с такою силой, что тот, ударившись оземь, ободрал себе пальцы, и из носу у него пошла кровь. Медленно встал Торgrim. Он глянул на курган Вестейна и сказал:

Копье со звоном сердца
Задело. Ну что ж, за дело!

Гисли остановил катившийся мяч и запустил его Торгриму между лопаток, так что тот упал ничком. Гисли сказал:

Мяч по загровку героя
Огрел. Ну что ж, за дело!

Торкель вскочил на ноги и сказал:

– Теперь видно, кто сильнее и кто лучше играет. На этом и кончим.

Они так и сделали. Игры прекратились, и прошло лето, и Торgrim с Гисли стали холоднее друг с другом.

Торgrim задумал дать в предзимние дни осенний пир, встретить зиму и принести жертвы Фрейру^[317]. Он приглашает к себе своего брата Бёрка и Эйольва, сына Торда из Выдрей Долины, и многих других знатных людей. Гисли тоже готовится к пиру. Он зовет к себе своих шурьев с Орлиного Фьорда и обоих Торкелей, и набралось у Гисли не меньше шести десятков гостей. В обоих домах готовился пир горой, и пол в Морском Жилье устлали тростником с тростникового озера. Торgrim со своими занимался приготовлениями, и они собирались завешивать стены, – в тот вечер ожидались гости, – и Торgrim сказал Торкелю:

– Как бы теперь подошли нам те добрые ткани на стену, что хотел отдать тебе Вестейн! На мой взгляд, это отнюдь не одно и то же: получить их насовсем или получить их на время, и я желал бы, чтобы ты теперь послал за ними.

Торкель отвечает:

– Все знает тот, кто знает меру. Я не стану посылать за ними.

- Тогда я сделаю это сам, - сказал Торgrim и велел пойти Гейрмунду.

Гейрмунд говорит:

- Сделаю любую работу, но эта не по мне.

Тогда Торgrim подходит к нему и дает со всего маху пощечину, и говорит:

- Ступай-ка, если это тебе больше нравится!

- Теперь пойду, - сказал тот, - хоть мне это еще меньше нравится. Но будь уверен, уж я позабочусь о том, чтобы подобрать пару к тому лещу, что ты дал мне. В долгу не останусь.

После этого он пошел, и когда он приходит в Холм, Гисли и Ауд как раз собираются завешивать стены. Гейрмунд сказал, зачем он пришел, рассказал и о том, как все это вышло. Гисли спросил:

- Ну что, Ауд, хочешь одолжить им эту ткань?

- Ведь ты не потому меня спрашиваешь, что не знаешь, что я не хотела бы оказывать им ни этой услуги, ни какой иной: слишком много чести.

- А как смотрел на это мой брат Торкель? - спросил Гисли.

- Он был доволен, что меня посылают.

- Это решает дело, - сказал Гисли и вышел с ним, отдав ему ткань. Гисли идет с ним до самой ограды и говорит: - Теперь вот что. Благодаря мне ты ходил не напрасно. Но хочу я, чтобы ты пошел мне навстречу в одном важном для меня деле, ведь где подарок, там и отдарок. Хочу же я, чтобы ты сегодня вечером отодвинул засовы у трех дверей. И тебе не мешает помнить, как тебя уговорили идти сюда.

Гейрмунд спрашивает:

- Здесь не будет опасности для твоего брата Торкеля?

- Никакой! - сказал Гисли.

- Тогда так и будет сделано, - сказал Гейрмунд.

И, вернувшись домой, он сбрасывает ткань с плеч. Тогда Торкель сказал:

- Гисли по своему терпению не чета другим людям, и он поступил лучше нас.

- Это как раз то, что нам нужно, - говорит Торgrim, и они завешивают стены.

К вечеру приходят гости. А небо затягивается облаками, и вечером падает хлопьями снег и засыпает все тропы.

XVI

Вечером приходят Бёрк и Эйольв, и с ними шесть десятков человек; всего там собралось сто двадцать гостей, а у Гисли гостей вдвое меньше. Вот сели люди в Холме вечером пить, а потом ложатся по лавкам и засыпают. Гисли сказал своей жене Ауд:

– Я не задал корма коню Торкеля Богача. Выйдем вместе, и ты запри за мной и, пока я хожу, не ложись, а когда вернусь, отопри мне.

Он достает из ларя копьё Серый Клинок. На нем синий плащ поверх рубахи и холщовые штаны. Он идет к ручью, протекающему между обоими хуторами: в обоих хозяйствах брали оттуда воду. Он идет по дорожке к ручью, потом идет вброд до той дорожки, что вела к другому хутору. Гисли знал в Морском Жилье все ходы и выходы, потому что он сам его строил. Там был вход через хлев, туда Гисли и пошел. С каждой стороны стояло по тридцати коров. Он связывает им попарно хвосты, запирает за собой хлев и прилаживает запор так, чтобы нельзя было открыть, если кто захотел бы выйти. Потом он идет в жилую часть дома. Гейрмунд сделал свое дело: засовов на дверях не было. Вот входит Гисли и запирает двери, как они были заперты с вечера. Он делает все очень медленно. Заперев дверь, он стоит и прислушивается, не проснулся ли кто, и убеждается, что все спят. В доме было три огня. Вот он берет с полу охапку тростника, скручивает его в жгут и бросает в один из огней. И огонь гаснет. Потом он стоит и ждет, не проснется ли кто, но ничего не слышно. Тогда он берет другой пучок тростника и бросает его в следующий огонь, и тот гаснет. Тут он замечает, что спят-то не все. Ему видно, как к самому дальнему светильнику тянется рука юноши, снимает светильник и тушит свет.

Тогда он идет в глубь дома к спальной нише, где спали Торgrim с его сестрою. Дверка ниши была не заперта, и оба лежали в постели. Вот он идет туда, шарит впотьмах перед собою и касается рукою груди Тордис: она спала с краю. Тордис сказала:

– Почему у тебя такая холодная рука, Торgrim? – и разбудила его.

Торgrim сказал:

– Хочешь, я повернусь к тебе?

Она-то думала, что это он положил на нее руку. Гисли переживает немного и согревает руку у себя под рубахой, они же оба засыпают. Тогда Гисли тихонько касается Торгрима, чтобы тот проснулся. Торgrim думал, что это Тордис его разбудила и повернулся к ней. Тут Гисли одною рукою срывает с них одеяло, а другою насквозь пронзает Торгрима Серым Клинком, так что острие засело в дереве. Тордис закричала:

– Люди, все, кто есть здесь, просыпайтесь! Торгрима убили, моего мужа!

Гисли поспешно бросается назад к хлеву, выбегает, как он и думал, из дома и плотно затворяет за собой дверь. Потом он тою же дорогой возвращается к себе домой, и после него не остается следов. Когда он пришел, Ауд отодвинула засов, и он идет прямо в постель и держится как ни в чем не бывало, словно бы он ничего и не сделал.

Все люди в Морском Жилье были пьяны и не знали, что делать. Убийство застало их врасплох, и потому они не предприняли ничего толкового.

Эйольв сказал:

– Случилось великое злодеяние, а все эти люди бестолковы, все, кто тут есть. По моему разумению, нужно зажечь свет и быстрее бежать к дверям, чтобы убийца не ушел.

Так и сделали. И людям кажется, что, раз убийца не обнаружен, значит, это сделал кто-то в самом доме. А время идет, и наступает день. Тело Торгрима кладут, извлекают копье, – это делает Бёрк, его брат, – и готовят тело к погребению. Там остаются шесть десятков человек, а другие шесть десятков идут в Холм к Гисли. Торд Трусоватый был около дома, и, увидев толпу, он бросился в дом со словами, что, мол, к хутору движется войско, и он очень всполошился.

– Ну что ж, – говорит Гисли.

И он сказал вису:

Страх в меня не вселит

Торда трусливое слово.

Меч властителя сечи^[318]

Вражьёю вспоен кровью.

Лежит недалече повержен

Тополь вепра потока^[319].

Пусть мечутся в ужасе люди —

Мужество мне не изменит.

Вот заходят они, Торкель и Эйольв, на хутор и направляются к спальню, где лежал Гисли с женою. Торкель, брат Гисли, первым туда заходит. И видит он, что башмаки Гисли лежат все замерзшие и заснеженные. Тогда он пихнул их подальше под лавку, чтобы не увидели другие.

Вот Гисли приветствует их и спрашивает, что нового. Торкель рассказал, что, мол, случилось великое злодеяние, убит Торgrim, и спросил, что бы это могло значить и что следует теперь предпринять.

– Великие злодеяния не заставляют себя долго ждать, – говорит Гисли. – Мы намерены оказать помощь в погребении Торгрима, вы можете на это рассчитывать, и должно сделать это, как подобает.

Те принимают предложение, и они идут все вместе в Морское Жилье. Потом они приготавливают все к погребению и кладут Торгрима на корабль. Вот насыпают они курган по древнему обычаю, и осталось только закрыть его. Тогда Гисли идет к речному устью, берет там огромный, как скала, камень и взваливает его на корабль. Кажется, подалась под камнем каждая досочка, и корабль весь затрещал. Гисли сказал:

– Я не умею ставить корабль, если этот унесет ветром.

И поговаривают, что это не так уж непохоже на то, что сделал с Вестейном Торгрим, когда говорил о башмаках Хель.

Вот собираются они с кургана домой. И Гисли сказал своему брату Торкелю:

– Я рассчитываю, брат, что теперь между нами будет наилучшая дружба, как бывало, и давай устроим игры.

Торкель согласен. На этом они расходятся по домам. У Гисли теперь нет недостатка в людях. Приходит конец пиру, и Гисли оделяет гостей хорошими подарками.

XVIII

Вот справили по Торгриму тризну, и Бёрк дает многим хорошие подарки в залог дружбы. Дальше случается вот что. Бёрк платит Торгриму Носу и просит его наворожить, чтобы не было ниоткуда помощи убийце Торгрима, хоть бы люди и пожелали помочь ему, и чтобы не было ему в стране покоя. Дали ему за ворожбу девятилетнего быка. Вот Торгрим принимается колдовать и, приготовив себе все, как обычно, сооружает помост и совершает колдовской обряд со всем возможным непотребством и злобою.

Была еще и такая странность, которой приписывали особый смысл: снег не лежал на юго-западном склоне Торгримова кургана, и там никогда не замерзало. И люди связывали это с тем, что Торгрим своими жертвами снискал расположение Фрейра, и Фрейр не хочет, чтобы их разделял мороз.

Так прошла зима, и братья устраивают игры. Бёрк переезжает на хутор к Тордис и на ней женится. Она в то время ходила тяжелая. У ней родился мальчик, его окропили водой^[320] и нарекли Торгримом, по отцу. Но когда он вырос, им показалось, что он крут нравом и непокорен. Ему переменили имя и стали звать Снорри^[321]. Бёрк прожил там зиму и тоже участвовал в играх.

Одну женщину звали Аудбьёрг. Она жила в верхней части долины, на Неудачином Дворе. Она была сестрою Торгрима Носа, а замужем за человеком по имени Торкель, по прозвищу Неудача. Сына ее звали Торстейном. После Гисли это был сильнейший человек на играх. Гисли и Торстейн всегда играли вместе, а против них Бёрк с Торкелем.

Однажды на игры сошлось множество народу: многим было любопытно посмотреть на игры и узнать, кто всех сильнее и кто лучше играет. И было там так же, как и повсюду: чем больше соберется на играх народу, с тем большим пылом идет игра.

Рассказывают, что Бёрк в тот день проигрывал Торстейну. В конце концов он разозлился и сломал пополам биту Торстейна. Но Торстейн толкнул его так, что тот грохнулся на лед. Гисли, увидев это, сказал

Торстейну, пусть, мол, играет против Бёрка в полную силу, «а я поменяюсь с тобою битами». Так они и делают.

Гисли садится чинить биты и поглядывает на курган Торгрима. Земля была покрыта снегом, а на склоне кургана сидели женщины, сестра его Тордис и много других. Гисли сказал тогда вису:

Вот прорастают проталины
На крыше, укрывшей ныне
Недруга турсов Грима^[322], —
Он принял смерть от меня!

Малый лоскут земли
Смелому служит уделом,
Золота клен^[323] оделил
С лихвою вершителя боя^[324].

Тордис сразу же запомнила эту вису. Она пошла домой и разгадала ее смысл. Они кончают игры, и Торстейн идет домой.

Жил человек по имени Торгейр и по прозвищу Тетерев. Он жил на Дворе Тетерева. Жил человек по имени Берг и по прозвищу Коротконогий. Он жил на Болоте Коротконового на западном берегу реки. Вот по дороге домой Торстейн и Берг обсуждают игры и, слово за слово, ссорятся. Берг держит сторону Бёрка, а Торстейн ему возражает. Тогда Берг ударил Торстейна обухом топора. А Торгейр становится между ними, и Торстейн не может постоять за себя. Он идет домой к своей матери Аудбьёрг, та перевязывает ему рану и негодует. Всю ночь не может уснуть старуха. Она выходит из дому, и смутно у нее на душе. Было холодно и безветренно, на небе ни облачка. Она несколько раз обходит дом против солнца и, задрав голову, тянет носом воздух со всех сторон. И вот стала погода меняться, подымается сильный буран, а потом наступает оттепель, снег на горе подмывает потоком, и на хутор Берга обрушивается лавина. Там погибло двенадцать человек. Следы этого обвала видны по сей день.

XIX

Вот Торстейн идет к Гисли, и Гисли его у себя укрывает. Потом Торстейн едет на юг к Городищенскому Фьорду и покидает страну. А Бёрк отправляется на Неудачин Двор, хватает Аудбьёрг, едет с ней на Солёный Мыс и побивает ее насмерть камнями. Когда это случилось, Гисли едет из дому на Двор Носа, хватает там Торгрима Носа и везет его на Солёный Мыс. И, набросив ему на голову кожаный мешок^[325], забивает его камнями. И его зарыли под грудой камней, подле сестры, на гребне, разделяющем Ястребиную и Среднюю Долины.

И снова все спокойно, и так проходит весна. Бёрк едет на юг, на Мыс Тора, и думает снова туда переселиться. И кажется ему, что поездка на север окончилась для него бесславно: он лишился такого человека, как Торgrim, и не расквитался за его смерть. Вот собирается он в дорогу и распоряжается по хозяйству, и устраивает свои дела, и думает еще вернуться – за имуществом и женою. Торкель, сын Кислого, тоже решил переехать, и он снаряжился в путь вместе с Бёрком, своим зятем.

Рассказывают, что Тордис, дочь Кислого, вышла на дорогу проводить мужа. Тут Бёрк сказал:

– Теперь я хочу, чтобы ты рассказала, отчего ты была так невесела прошлой осенью, когда мы закончили игры: ты ведь обещалась рассказать мне до моего отъезда.

Говоря об этом, они как раз подошли к Торgrimову кургану. Тордис стала как вкопанная и говорит, что не пойдет дальше. Тут она и рассказывает, что сказал Гисли, взглянув на курган Торgrима, и говорит ему эту вису.

– И думаю, – говорит она, – что тебе незачем искать убийцу Торgrима в другом месте, и тяжба с ним будет достаточно обоснованна.

Бёрк, услышав это, впадает в страшную ярость и говорит:

– Раз так, я сразу же вернусь и убью Гисли, тут незачем медлить.

Но Торкель говорит, что он не может с этим согласиться.

– И я не знаю, – говорит он, – все ли правда в рассказе Тордис, и, по-моему, не менее вероятно, что это все пустое и, как говорится, часто гибельны советы женщин.

Вот едут они Песчаной Дорогой – так посоветовал Торкель – и подъезжают к Песчаному Устью. Там они спешиваются и пускают лошадей попасться. Бёрк все молчал, а Торкель сказал, что он хочет провести своего друга Энунда. И тут же скачет прочь так быстро, что вскоре скрывается из виду. Тут он поворачивает к Холму и рассказывает Гисли, что случилось и что Тордис все поняла и доискала до смысла висы, «так что имей в виду, что все раскрылось». Тот молчит, а потом говорит вису:

Суетно сестрино сердце,
Радо одним нарядам.
Навряд ли ее уподоблю
Бестрепетной Хёгни сестре^[326];

Одна у Скади злата^[327]
Ум одолела дума,
Смерти предав мужа,
Отмстила за братьев милых.

– И по-моему, я не заслужил от нее этого. Потому что я не раз доказывал, что ее честь была мне не менее дорога, чем моя

собственная. Мне случалось рисковать ради нее жизнью, а она предала меня. А теперь я хочу знать, брат, на что я могу рассчитывать от тебя при всем том, что я совершил.

– На мое предупреждение, если люди захотят убить тебя. Но не жди от меня такой помощи, чтобы у них был повод обвинить меня. Ведь мне причинено большое зло: убит Торгрим, мой зять, мой сотоварищ и близкий друг.

Гисли отвечает:

– Разве не следовало ждать, что такой человек, как Вестейн, не останется неотомщенным? И я не ответил бы тебе так, как ты мне теперь отвечаешь, а уж не поступил бы так и подавно.

На этом они расстаются. Торкель возвращается к Бёрку, они едут на юг к Мысу Тора, и Бёрк устраивается там, а Торкель покупает землю на Крутом Побережье, в месте, что зовется Лощиною.

Вот подходят дни вызовов в суд, и Бёрк с сорока людьми отправляется на север и хочет вызвать Гисли на тинг Мыса Тора. С ним едут Торкель, сын Кислого, и племянники Бёрка, Тородд и Сака-Стейн. Поехал с ними и один норвежец по имени Торгрим. Вот они подъезжают к Песчаному Устью. Торкель сказал:

– Мне нужно взыскать долг здесь, на одном хуторке, – и назвал хутор. – Я съезжу туда и получу долг. Вы же поезжайте за мной потихоньку.

Вот едет Торкель вперед. И, подъехав к тому самому хуторку, он просит хозяйку, чтобы она переменила ему коня и оставила его коня у двери:

– И набрось на седло кошму. И когда подъедут сюда мои спутники, скажи им, что я, мол, в доме: сижу и считаю серебро.

Вот она дает ему другую лошадь, и он поспешно едет, и приезжает в лес, и видится с Гисли, и рассказывает ему, что затевается и что с запада приехал Бёрк.

XX

Теперь надо рассказать о том, что Бёрк начал тяжбу на тинге Мыса Тора против Гисли, обвинив его в убийстве Торгрима. Тогда же Гисли продал свою землю Торкелю, сыну Эйрика, и взял за нее серебром. Его было у того много.

Гисли просит совета и содействия у своего брата Торкеля и спрашивает, согласен ли тот укрыть его. Торкель отвечает, как и прежде: он, мол, предупредит Гисли в случае, если на него захотят напасть, но постарается не впутаться в это дело. С этим Торкель и уезжает. Он выбирает такой путь, чтобы выехать на дорогу позади Бёрка и его людей, и тем немало их задерживает.

А Гисли запрягает двух волов и едет со своим добром в лес, и с ним его раб, Торд Трусоватый. Гисли сказал:

– Ты не раз меня слушался и исполнял мою волю. Я у тебя в долгу.

А было у Гисли в обычае хорошо одеваться и носить синий плащ. Вот он скидывает с себя плащ и говорит:

– Хочу я отдать тебе этот плащ, дружище! И хочу, чтобы ты тут же надел его и в нем ехал, и садись-ка назад в сани, я же поведу волов и буду в твоём плаще.

Они так и делают. Тогда Гисли сказал:

– Если вдруг кто тебя окликнет, самое главное, остерегайся отвечать. А если кто захочет причинить тебе зло, беги в лес.

Вот они меняются одеждой. Теперь Гисли ведет волов. Торд был человек рослый и был издалека виден в санях. Он очень пыжился, думая, что одет великолепно. Вот Бёрк и его люди видят их, как они едут к лесу, и спешат за ними. И, завидев их, выскакивает Торд что есть прыти из саней и пускается в лес. Они думают, что это Гисли, и стремглав бегут за ним, и кричат ему во всю глотку. Но он не откликается и бежит со всех ног. Торгрим Норвежец бросил в него копье, и удар пришелся между лопаток и был такой силы, что Торд упал ничком, смертельно раненный. Тогда сказал Бёрк:

– Ну спасибо тебе за такой удар!

Братья решили промеж собой, что они поскачут за рабом и поглядят, можно ли что взять с него. И они поворачивают в лес. Теперь надо рассказать, что Бёрк и его люди подходят к человеку в синем плаще, откидывают с его лица капюшон и видят, что им не так повезло, как они думали: ибо они узнали Торда Трусоватого в том, кого принимали за Гисли.

Вот рассказывают, что братья заезжают в лес, а Гисли там, и он видит их, а они его. Один из них пустил в Гисли копье, но Гисли поймал копье на лету и пустил обратно, и попало копье прямо в Тордда и пронзило его насквозь. И вот Стейн поворачивает к своим сотоварищам и говорит, что, мол, трудно проехать через такую чащобу. Но Бёрк хочет ехать разыскивать Гисли, и они так и делают. И когда они заехали в лес, видит Торгрим Норвежец, что будто шевелятся в одном месте ветки, и он пускает туда копье и попадает Гисли в икру ноги. Гисли посылает копье обратно, и оно пронзает Торгрима, и приходит тому конец. Вот рыщут они по лесу, но так и не находят Гисли. С тем и поворачивают к его двору и объявляют о тяжбе с Гисли по поводу убийства Торгрима. Они ничего не трогают там из имущества и едут потом домой.

А между тем, пока Бёрк и его люди на хуторе, Гисли подымается на гору за хутором и перевязывает себе рану. Когда же они уехали, Гисли идет домой и тотчас собирается в путь. Он снаряжает лодку и переносит на нее множество всякого добра. Едут с ним жена его Ауд и

воспитанница Гудрид, и они держат путь к Домовому Мысу и там пристают.

Гисли подымается к хутору и застает там одного человека. Тот спрашивает у Гисли, кто он будет. И Гисли ответил, как ему показалось лучше, а не как это было на самом деле. Гисли взял камень и забросил его на один прибрежный остров и сказал: пусть хозяйский сын, вернувшись домой, попробует так сделать. Тогда-то, мол, и узнают, что за человек побывал у них. А это было никому больше не под силу, и отсюда опять видно, что Гисли превосходил прочих людей своею сноровкой. Потом он возвращается на лодку и минует мыс, и гребет через весь Орлиный Фьорд и через тот фьорд, что от него отходит: он зовется Фьордом Гейртьова. Там он останавливается и строится, и там зимует.

XXI

Дальше вот что. Гисли обращается к своим свойственникам Хельги, Сигурду и Вестгейру и просит их поехать на тинг и добиваться мировой, дабы не был он объявлен вне закона. И вот едут на тинг сыновья Бьяртмара, но ничего у них с мировой не выходит, и, как рассказывают, они негоже вели себя там и только что не плакали. Они рассказывают, как обстоят дела, Торкелю Богачу и говорят, что, мол, не смеют сказать Гисли о том, что он объявлен вне закона. На тинге, кроме объявления Гисли вне закона, ничего важного не было. Тогда Торкель Богач едет к Гисли и рассказывает ему, что произошло. И Гисли сказал такую вису:

Не был бы, верно,
Судей приговор
Столь суровым
На Мысе Тора,
Если бы только
Вестейна сердце
Билось в груди
У сынов Бьяртмара.

Разом поникли
Женины родичи,
Твердости духа
Им не достало,
Будто бы их,
Дробителей золота^[328],
Тухлыми яйцами
Кто закидал.

И еще он сказал так:
Сюда долетели с тинга
Тяжкие вести о тяжбе,
Скорую мне пророчит
Расправу неправый суд.

Сеятель света моря^[329]
Стейну воздаст достойно,
Сполна оплатит владыка
Бранных уборов^[330] Бёрку.

Вот спрашивает Гисли, может ли он рассчитывать на Торкеля. Тот говорит, что готов предоставить ему свой кров, но с тем условием, что не поплатится за это имуществом. Потом Торкель едет домой. Как рассказывают, Гисли провел три года на Фьорде Гейртьова, а временами жил у Торкеля, сына Эйрика. А другие три года он ездит по всей Исландии, встречается со знатными людьми и хочет заручиться их поддержкой. Но – виною тому злые чары, которые наслал своим колдовством Торгрим Нос, и его заклятья – знатным людям не суждено прийти на помощь Гисли, и, хотя временами они словно бы и склоняются к этому, всякий раз случается возникнуть какой-нибудь помехе. Все же он подолгу жил у Торкеля, сына Эйрика, и так провел он, вне закона, шесть зим. После этого он живет на Фьорде Гейртьова вместе с Ауд, а иногда в укрытии, которое он устроил себе на северном берегу реки. У него было и другое укрытие – в скалах южнее реки, и он жил то там, то здесь.

XXII

Прослышав об этом, Бёрк выезжает из дому и встречается с Эйольвом Серым, жившим тогда на Орлином Фьорде в Выдрой Долине. И Бёрк хочет, чтобы он разыскал Гисли и убил его, как объявленного вне закона, и сулит ему три сотни чистого серебра, если он не пощадит сил на поиски Гисли. Тот берет серебро и обещает постараться.

У Эйольва был один человек, по имени Хельги, по прозвищу Ищейка. Он был проворен, зорек и знал все окрестности фьордов как свои пять пальцев. Его-то и послал Эйольв к Фьорду Гейртьова дознаться, не там ли прячется Гисли. Хельги замечает там человека, но не знает, Гисли это или кто другой. Он возвращается и рассказывает о виденном Эйольву. Тот говорит, что он, мол, уверен: это Гисли. И, не тратя времени даром, он едет к Фьорду Гейртьова, и с ним шесть человек. Но Гисли он там не находит, с тем и возвращается домой.

Гисли был человек мудрый, и у него был большой дар видеть вещие сны. Все сведущие люди сходятся на том, что Гисли прожил вне закона дольше всех, не считая Греттира, сына Асмунда^[331].

Рассказывают, что как-то раз, осенью, Гисли метался во сне. Это было, когда он жил у Ауд, и, когда он проснулся, Ауд спросила его, что ему снилось. Он отвечает:

– Ко мне приходят во сне две женщины. Одна добра ко мне и всегда дает хорошие советы, а другая всегда говорит такое, от чего мне становится еще хуже, чем раньше, и пророчит мне одно дурное. А сейчас снилось мне, будто бы я подошел к какому-то дому и вошел туда. И будто бы я узнал во многих, кто сидел там, своих родичей и друзей. Они сидели возле огней и пировали. И было там семь огней, одни почти догорели, а другие пылали ярко. Тут вошла в дом добрая женщина моих снов и сказала, что те огни означают мою жизнь, какая мне еще осталась. И она дала мне совет оставить, покуда я жив, старую веру, не ворожить и не колдовать, и быть добрым к хромым, и слепым, и тем, кто меня слабее. Вот и весь сон.

Тогда Гисли сказал несколько вис:

Привиделись мне палаты,
О, пламени волн поле^[332],
Там семь костров горело
В ряд, мне беду предрекая.
Друзья, за трапезой сидя,
Встретили речью заздравной
Скальда, слагатель вис
Ответил им словом приветным.

«Глянь, о клен сраженья^[333], —
Фрейя рекла ожерелий^[334], —
Сколько горит костров
Здесь пред тобою в покое.
Столько зим проживет, —
Биль покрывала^[335] сказала, —
Здесь на земле владыка
Браги врагов Тора^[336]».

«Питатель орлов^[337], слушай, —
Молвила Ловн золота^[338], —
Навеки оставь ведовство,
Скальду волшба не пристала.
Ведомо всем, что негоже
Вязу дротиков лязга^[339]
Злейшему лиху вверяться,
Тайным знаньям колдуний.

Бойся посеять смуту,
Меч обнажить опрометчиво,
Дурно над слабым глумиться,
О дуб непогоды Одина^[340].
Будь защитой убогому,
На помощь приди слепому,
Волка волны возникий^[341],
Следуй завету этому».

XXIII

Теперь надо рассказать, что Бёрк насаждает на Эйольва, и ему кажется, что тот обманул его ожидания и мало вышло проку от серебра, что он дал ему. Дескать, он, Бёрк, уверился, что Гисли на Фьорде Гейртюва. И он говорит посыльным Эйольва, пусть, мол, ищет Гисли, а не то он сам туда поедет. Эйольв тотчас спохватился и шлет на Фьорд Гейртюва Хельги Ищейку, и на сей раз тот запасается едой и сидит там неделю, выжидая, когда покажется Гисли. И вот однажды он видит Гисли, когда тот выходит из своего укрытия, и узнает его. Не теряя времени, Хельги едет назад, к Эйольву, и рассказывает о том, что разузнал. И вот Эйольв снаряжается из дому, берет с собою восемь человек и едет к Фьорду Гейртюва, и заявляется к Ауд. Они не находят там Гисли и разыскивают его по всему лесу, но и там не находят. Они возвращаются на хутор, к Ауд, и Эйольв сулит ей много всякого добра, если она укажет, где Гисли, но ничуть не похоже, чтобы она польстилась на это. Тогда они грозят разделаться с нею, но это и вовсе не помогает, и им ничего не остается, как уехать. И эта их поездка принесла им одни насмешки, и всю осень Эйольв сидит дома.

Но, хоть и не нашли тогда Гисли, все же он смекает, что рано или поздно его схватят, раз Эйольв так близко. И вот Гисли собирается из дому и держит путь к Побережью, дабы встретиться в Лощине со своим братом Торкелем. Он стучится в дверь спальни, где лежит Торкель, и тот выходит и приветствует Гисли.

– Хочу я знать, – сказал Гисли, – пожелаешь ли ты прийти мне на подмогу. На сей раз я жду от тебя настоящей помощи. Мне сейчас приходится худо. И я ведь долго избегал просить тебя.

Торкель отвечает все то же самое и говорит, что не станет помогать ему так, чтобы оказаться впутанным в его дело. Все же он говорит, что, пожалуй, даст ему серебра или лошадь, если они нужны ему, или что другое, о чем уже шла речь раньше.

– Теперь я вижу, – сказал Гисли, – что ты не желаешь помочь мне. Дай мне, раз так, три сотни локтей сукна и утешайся тем, что отныне я не часто буду обращаться к тебе за помощью.

Торкель делает, как тот просил, дает ему сукна и серебра. Гисли говорит, что у него нет выбора. Но он, мол, никогда бы не обошелся так с братом, окажись тот на его месте. И у Гисли тяжело на сердце, когда они расстаются. Теперь он едет к Броду, хутору матери Геста, сына Оддлейва, добирается туда затемно и стучится в двери. Хозяйка идет открыть. Ей не раз доводилось скрывать у себя объявленных вне закона, и у нее было подземелье, выходившее одним концом к реке, а другим – к ее дому. Следы этого подземелья видны и поныне. Торгерд приветливо встречает Гисли:

– Я позволю тебе пожить пока здесь, хоть это, я знаю, и не больше, чем помощь женщины.

Гисли сказал, что он примет ее помощь, и добавил, что не так уж отличились мужчины, чтобы женщины не сумели превзойти их. Гисли живет там зиму, и нигде за все время изгнания с ним не обходились лучше, нежели там.

XXIV

С наступлением весны Гисли возвращается на Фьорд Гейртьова: он больше не мог быть в разлуке со своей женой Ауд – так они любили друг друга. Он прячется там все лето до самой осени. А как становятся ночи длиннее, снова не дают ему покоя сны, и теперь приходит к нему во сне недобрая женщина, и сны снятся все дурные, и однажды он рассказывает Ауд, в ответ на ее вопрос, что ему снилось. И он сказал вису:

Скальда в обманных снах
Нанна льна^[342] посещает,
Иль тетивы испытатель^[343]
Старым вовек не станет.

Может отнять у меня
Гна одежды^[344] надежду,
Но хорошего сна
Все же лишить не может.

И Гисли говорит, что стала часто приходить к нему недобрая женщина и все норовит вымазать его кровью и окунуть в кровь. И по всему видно: она хочет ему зла. И он сказал еще вису:

Ждать обречен я снова
Худа от сна дурного.
Нет мне ныне покоя:
Опять побывала со мною.

Ночью мне угрожала

Кровавая Сив покрывала^[345],
Скальда забрызгать рада
Реками ран^[346] без пощады.

И еще он сказал:
Ужели мне слов неостанет,
Чтоб снова, о Сив покрова,
Сон мой тебе поведать
О скорой смерти и скорби.

Мести моей страшитесь,
Смерча мечей владыки^[347],
Козни чинили скальду —
Себе изготовили беды!

Но пока все спокойно. Вот Гисли едет к Торгерд и живет у нее вторую зиму. А летом снова приезжает он на Фьорд Гейртюва и остается там до осени. Потом он опять идет к своему брату Торкелю и стучится к нему в дверь. Торкель не выходит. Тогда Гисли берет палочку, режет на ней руны и бросает в дом. Торкель видит это, подымает палочку и, взглянув на нее, встает и выходит к Гисли. Он приветствует Гисли и спрашивает, что нового. Тот говорит, что не знает он новостей:

– Я в последний раз пришел к тебе, брат! Хоть теперь помоги мне, как должно. Я же отплачу тебе тем, что больше никогда не приду просить тебя.

Торкель отвечает все то же, что и прежде, предлагает ему лошадь или лодку, но от какой-либо поддержки уклоняется. Гисли согласен взять лодку и просит Торкеля спустить ее на воду. Тот спускает лодку и дает Гисли шесть мер еды и сотню локтей сукна. И Гисли взошел на лодку, а Торкель остался на берегу. Тогда Гисли сказал:

– Теперь тебе кажется, что ты забрался с ногами в ясли: еще бы, ты приятель многих знатных людей, и ничто тебе сейчас не угрожает. Я же осужден и нажил себе многих врагов, и все же скажу я тебе, что из нас двоих ты будешь убит первым. Теперь мы расстанемся, и хуже, чем бы следовало, и больше не свидимся. И знай, что я бы никогда так с тобой не обошелся.

– Что мне за дело до твоих предсказаний! – сказал Торкель.

На этом они и расстались. Гисли держит путь к Острову Хергиля на Широком Фьорде. Там он снимает с лодки настил, вынимает скамьи, весла и все, что там не было закреплено, перевортывает ее и пускает по волнам вдоль берега. И, завидев лодку, люди понимают это так, что, стало быть, Гисли утонул, раз прибило к берегу разбитую лодку, которую он, по всему, взял у своего брата Торкеля. Вот Гисли идет к дому на Острове Хергиля. Там жил человек по имени Ингьяльд, а жену

его звали Торгерд. Ингьяльд доводился Гисли двоюродным братом, и он приехал в Исландию вместе с Гисли. И, встретившись с Гисли, он предлагает ему свой кров и любую помощь, на которую он только способен. Гисли соглашается, и некоторое время после этого все спокойно.

XXV

У Ингьяльда были раб и служанка. Раба звали Черный, а служанку Ботхильд. Сына Ингьяльда звали Хельги. Он был слабоумный, самый что ни на есть придурок. С ним вот как поступали: привязывали на шею просверленный камень и пускали щипать у дома траву, все равно как скотину. Его называли Ингьяльдов дурень. Он был очень рослый, прямо великан. Гисли живет там зиму и строит Ингьяльду лодку и много всего другого. И все, что он ни делал, было на славу, ибо он был умелец, каких мало. Люди дивились тому, что многое у Ингьяльда так хорошо сделано, ибо сам он не был искусным мастером.

Каждое лето Гисли проводит на Фьорде Гейртюва. Так проходят три года с того времени, как он видел вещий сон, и ему большое подспорье все то, что делает для него Ингьяльд. А людям кажется, что тут что-то не так, и они думают, что Гисли, верно, жив и скрывается у Ингьяльда, а вовсе не утонул, как говорили прежде. Ходят теперь среди людей толки, что вот у Ингьяльда три лодки, и все хорошо построены. Доходят эти слухи до ушей Эйольва Серого, и кому снова ехать, как не Хельги. Вот Хельги приезжает на остров Хергиля. А Гисли всегда в подземелье, когда на остров приезжают люди. Ингьяльд был гостеприимный хозяин, и он оставил Хельги ночевать, и тот провел там ночь. Ингьяльд был человек работающий. Каждый день, если только позволяла погода, он выходил в море. И наутро, собравшись рыбачить, Ингьяльд спрашивает у Хельги, разве тому не к спеху ехать и почему он лежит. Хельги сказал, что ему нездоровится, и стал тяжело вздыхать и потирать себе голову. Тогда Ингьяльд посоветовал ему лежать как можно спокойнее, сам ушел в море, а Хельги принялся громко стонать. И вот, как рассказывают, Торгерд собирается в подземелье, чтобы дать Гисли поесть. А между стряпной и покоем, где лежал Хельги, была дощатая перегородка. Торгерд выходит из стряпной, а Хельги залезает на перегородку и видит, что там кому-то готовят еду. И тут как раз возвращается Торгерд. Хельги второпях повернулся и упал с перегородки. Торгерд спрашивает, что это он, вместо того чтобы лежать спокойно, лазает по стене. Он отвечает, что так обезумел от ломоты в костях, что ему невмоготу лежать спокойно.

– И хочу, – говорит, – чтобы ты проводила меня до постели.

Она делает, как он просил, а потом выходит с едой. А Хельги тут же подымается, идет следом и все видит. Тогда он идет назад, ложится

в постель и проводит там весь день. Ингьяльд возвращается к вечеру домой, идет к постели, где лежит Хельги, и спрашивает, не полегчало ли ему. Тот говорит, что и верно ему лучше, и просит, чтобы утром его перевезли с острова. И его отвозят на юг, на остров Плоский. Оттуда он едет дальше на юг, к Мысу Тора, и рассказывает, что он удостоверился в том, что Гисли у Ингьяльда. Затем Бёрк снаряжается из дому, а всего идет пятнадцать человек. Они садятся на лодку и плывут через Широкий Фьорд на север. В тот день Ингьяльд поплыл в море, и с ним Гисли, а раб со служанкою на другой лодке, и они встали у островов, что зовутся Блюдными.

XXVI

Вот видит Ингьяльд, что с юга плывет лодка, и говорит:

– Вот плывет лодка, и наверное это Бёрк Толстяк.

– Что же теперь предпринять? – сказал Гисли. – Хотел бы я знать, столько ли у тебя ума, сколько храбрости.

– Мне ясно, что надо делать, – сказал Ингьяльд, – хоть я и не мудрец. Наляжем-ка на весла и поплывем к острову, а там поднимемся на скалу Грузило и будем обороняться, покуда стоим на ногах.

– Я того и ждал, – сказал Гисли, – что твое мужество подскажет тебе именно такое решение. Но я оплачу тебе за твою помощь хуже, чем думал, ежели ради меня тебе придется расстаться с жизнью. Этому не бывать, нужно поступить иначе. Вы с рабом гребите к острову и взберитесь на скалу, и готовьтесь к защите. Тогда они, выплыв из-за мыса, примут меня за одного из вас. Я же поменяюсь с рабом одеждою, как мне уже приходилось однажды, и сяду в лодку с Ботхильд.

Ингьяльд сделал, как посоветовал Гисли. И когда они расстались, Ботхильд спросила:

– Что же теперь предпринять?

Гисли сказал вису:

Должен, о поле опалов^[348],

Скальд искать разлуки

С Ингьяльдом. Воин, покамест

Весел, слагает висы.

Но встретит судьбы удары

Тополь сражений^[349] стойко,

Слез не прольет он, о бедная

Липа огня приливов^[350].

Вот плывут они на юг навстречу Бёрку и держатся как ни в чем не бывало. Тогда Гисли распоряжается, как им вести себя дальше.

– Ты скажешь, – говорит, – что у тебя в лодке дурень. Я же сяду на носу и буду ему подражать. Спутаюсь леской, стану перевешиваться за борт и вести себя так по-дурацки, как только сумею. А когда мы с ними разминемся, я приналягу на весла и сделаю все возможное, чтобы нам поскорее уйти от них.

И вот Ботхильд гребет навстречу Бёрку и его людям, но все же в некотором отдаленье от них и делает вид, что направляется рыбачить. Бёрк ее окликает и спрашивает, нет ли на острове Гисли.

– Этого я не знаю, – говорит она. – Знаю только, что есть там человек, который очень выделяется среди других людей на острове и ростом своим, и сноровкою.

– Вот как! – говорит Бёрк. – А что, дома ли хозяин?

– Он уже давно как поехал к острову, – сказала Ботхильд, – а с ним, как я подумала, его раб.

– Наверяд ли это так, – сказал Бёрк. – Это, верно, был Гисли. Едем быстрее за ними. Ключула теперь рыбка. Только бы ее на борт вытащить.

А люди его сказали:

– Смех смотреть на этого дурня. Чего он только не вытворит!

Они сказали Ботхильд, что худо ее дело, раз ей приходится сопровождать такого дурня.

– И я так думаю, – говорит она, – да только вам, как погляжу, это один смех, и мало вы обо мне печалитесь.

– Что нам до этого дурня, – сказал Бёрк, – едем скорее!

Вот они разминулись, и Бёрк со своими гребут к острову и сходят на берег, и видят теперь людей на скале Грузило, и поворачивают туда, предвкушая удачу. А те двое, Ингьяльд и раб, стоят на вершине скалы. Бёрк вскоре узнал их и сказал Ингьяльду:

– Мой тебе совет, выдай нам Гисли или, на худой конец, укажи, где он. И какой ты, однако ж, мерзавец, что, живя на моей земле, укрываешь у себя убийцу моего брата. Ты заслуживаешь, чтобы я с тобою разделался, и, по справедливости, тебя стоило бы убить.

Ингьяльд отвечает:

– У меня бедная одежда, и мне все равно, успею ли я ее сносить. Но я скорее расстанусь с жизнью, чем оставлю Гисли в беде и выдам его.

Как рассказывают, Ингьяльд выручил Гисли, как никто, и его помощь очень пригодилась Гисли. Говорят, что, творя чары, Торgrim Нос сделал так, что никакая помощь, оказанная Гисли на материке, не могла спасти его. Того не подумал Торgrim, однако, чтобы помянуть острова, и потому Гисли удалось еще сколько-то продержаться, хотя, как судила судьба, и недолго.

Бёрк думает, что не годится нападать на Ингьяльда, который живет на его земле. И вот они поворачивают оттуда ко двору и ищут Гисли там, но, как и надо было ждать, не находят. И рыщут они по всему острову, и забредают в одну лощинку. Там лежал дурень и щипал траву с камнем на шее. Вот Бёрк и говорит.

– Много рассказывают об Ингьяльдовом придурке, и это понятно, он попадает на глаза чаще, чем я ожидал. Все ясно: мы так оплошали, что дальше некуда. Не знаю, когда мы теперь поправим дело. Ведь это не иначе как Гисли был тогда в лодке рядом с нами и выдавал себя за дурака. И не стыдно ли, если нас столько, а мы его упустим. Поспешим же за ним и не дадим ему на сей раз уйти.

Тогда они бегут к лодке и пускаются следом за теми, и гребут, не жалея сил. И им видно, что Гисли со служанкою уже далеко в проливе между островами. И вот те и другие приналегли на весла, но быстрее плывет та лодка, где больше гребцов, и под конец Бёрк уже настолько к ним приблизился, что был от них на расстоянии полета копья, когда они подошли к берегу.

Тут Гисли заговорил со служанкой:

– Теперь нам надо расстаться, и вот тебе золотое кольцо, отдай его Ингьяльду, а другое кольцо отдай его жене, да скажи им, пусть отпустят тебя на волю и пусть эти кольца будут подтверждением моих слов. Я хочу, чтобы дали волю и Черному. Тебя, конечно, можно назвать моею спасительницей, и я хочу, чтобы был тебе от этого прок.

Вот они расстаются, и Гисли выскакивает на берег и скрывается в ущелье между скалами, было это на Пастушьем Мысу. Служанка же пустилась прочь, вся в поту, так что пар от нее шел.

А Бёрк со своими подгребает к берегу, и Сака-Стейн первым прыгает из лодки и гонится за Гисли. И вот он лезет в ущелье, а Гисли стоит там с мечом наготове и обрушивает удар ему на голову и разрубает по самые плечи, так что тот падает наземь мертвый.

Бёрк со своими выходит на остров, а Гисли бросается в пролив и плывет к материку. Бёрк посылает ему вдогонку копье, и оно вонзилось ему в икру ноги и прошло насквозь, и рана была очень велика. Гисли выдергивает копье, но упускает меч: он так обессилел, что не мог его удержать.

Уже совсем смерклось, когда он добрался до земли. Он бежит в лес, – а тогда там кругом был лес. А Бёрк и его люди пристают к земле и разыскивают Гисли, и окружают его. Гисли же так устал и изнемог, что насилию идет, и он видит, что со всех сторон люди. Вот ищет он выхода и спускается к морю, и идет впотьмах, пользуясь отливом, по осушному берегу к кургану, и застаёт там одного человека по имени Рэв. Этот Рэв был хитрейший человек. Он приветствует Гисли и спрашивает, что нового. Тот рассказывает обо всем, что вышло у них с Бёрком. У Рэва была жена, по имени Альвдис, женщина собою красивая, но уж такая

сварливая, сущая ведьма. Они с Рэвом были под стать друг другу. И, рассказав обо всем Рэву, Гисли просит его о помощи.

– Они вот-вот здесь будут, – сказал Гисли, – дело мое плохо, и некому помочь мне.

– С одним условием, – сказал Рэв. – Я один буду решать, как поступить, чтобы помочь тебе, ты же ни во что не вмешивайся.

– Я согласен, – сказал Гисли, – я больше и шагу не сделаю.

– Тогда ступай в дом, – сказал Рэв.

Вот зашли они в дом, и Рэв сказал Альвдис:

– Я собираюсь положить к тебе в постель другого мужчину.

И он снимает все с постели и велит Гисли лечь в солому и снова стелет поверх него, а сверху ложится Альвдис.

– Лежи там, – сказал Рэв, – что бы ни было.

А жене своей Альвдис он наказывает быть как можно сварливее и буйствовать, как только она может.

– И бранись сколько влезет, – говорит, – болтай все, что придет в голову, сквернословь и ругайся. Я же выйду и поговорю с ними, как сочту нужным.

И вот, выйдя во второй раз, видит он: идут люди, спутники Бёрка, всего восемь человек. Сам Бёрк остался позади, у Водопадной Реки. Этим же было велено идти к Рэву на поиски Гисли и захватить его, если он там. А Рэв стоит у дома и спрашивает, что нового.

– Мы можем рассказать только то, что, верно, для тебя не новость. А не знаешь ли ты часом, куда направился Гисли? – говорят они. – Не сюда ли он зашел?

– Первое, что скажу вам, – говорит Рэв, – сюда он не приходил. Но если бы и попытался, ему бы здесь не понравилось. Не знаю, поверите вы или нет, если я скажу, что я не уступлю любому из вас в желании убить Гисли. У меня ведь хватает ума понять, что немалая выгода заслужить доверие такого человека, как Бёрк. А я хочу стать его другом.

Они спрашивают:

– Ты не взыщешь, если мы обыщем твой дом?

– Пожалуйста, – сказал Рэв, – я буду только рад этому. Я ведь знаю, что если вы удостоверитесь, что его здесь нет, то тем увереннее будете искать его в других местах. Заходите же да ищите, и ничего не пропускайте.

Они заходят в дом. И когда Альвдис слышала весь этот шум, она спрашивает, что там за гам и что за болваны не дают людям покоя посреди ночи. Рэв велел ей утихомириться, но она не скупится на ругательства. Она осыпает их такою бранью, что они надолго запомнят. Они все же обыскивают дом, но намного хуже, чем могли бы, если бы не поносила их хозяйка. Потом они уходят, так ничего и не найдя, и желают хозяину счастливо оставаться, а он желает им счастливого

пути. Они возвращаются к Бёрку, очень недовольные всей этой поездкой: и человека потеряли, и опозорились, а все без толку.

Вот разносятся эти вести по округе, и люди находят, что все их неудачи с Гисли одна другой позорнее. Бёрк отправляется домой и рассказывает Эйольву, как обстоят дела. Гисли же проводит у Рэва две недели, а потом уезжает, и они расстаются с Рэвом друзьями. Гисли дарит ему нож и пояс, добрые вещи. Больше ничего у него с собою не было. После этого Гисли едет на Фьорд Гейртёва к своей жене. Его новый подвиг еще больше упрочил его славу. И правду говорят, не родился еще человек столь умелый, как Гисли, и столь бесстрашный. Но не было ему счастья.

XXVIII

Теперь надо рассказать о том, что весною Бёрк в сопровождении многих людей едет на тинг Трескового Фьорда и думает повидаться там со своими друзьями. С запада, с Крутого Побережья, едут Гест и Торкель, сын Кислого, каждый на своем корабле. И вот когда Гест уже совсем было собрался в путь, приходят к нему двое парнишек, одетые и с посохами в руках. От людей не укрылось, что Гест беседовал с мальчиками наедине, и не укрылось, что они попросились к нему на корабль и он взял их. Вот плывут они с Гестом на тинг. А там выходят на берег и идут, куда ведет их дорога, пока не приходят на тинг Трескового Фьорда.

Был человек по имени Халльбьёрн Колпак. Он был бродяга: ходил с места на место, и с ним не меньше чем десять или двенадцать человек. Все же и он устроил себе землянку на тинге. Туда-то и приходят мальчики, и просят к нему в землянку, и сказываются бродягами. Он говорит, что готов пустить к себе любого, кто его об этом попросит.

– Я уже не первую весну бываю здесь, – сказал он, – и я знаю всех знатных и влиятельных людей.

Мальчики говорят, что они хотели бы заручиться его покровительством и набраться у него ума-разума:

– Нам очень любопытно поглядеть на могущественных людей, о которых столько рассказывают.

Халльбьёрн говорит, что надо спуститься к берегу и он, мол, тотчас узнает любой корабль из тех, что будут подходить к берегу, и расскажет им, чей это корабль. Они благодарят его за такую доброту. Вот они спускаются к берегу, к самому морю, и видят: подходят корабли. Старший мальчик сказал:

– Чей это корабль, что сейчас ближе всех к берегу?

Халльбьёрн сказал, что это корабль Бёрка Толстяка.

– А кто плывет на следующем?

– Гест Мудрый, – ответил тот.

- А кто такие плывут теперь и ставят корабль у вершины фьорда?
- Это Торкель, сын Кислого, - ответил тот.

И вот видят они, что Торкель сходит на берег и садится неподалеку, а люди его тем временем сносят с корабля груз, чтобы его не подмочило. Бёрк же покрывает землянку.

На Торкеле русская меховая шапка и серый плащ, скрепленный у плеча золотою пряжкой, а в руке меч. Тогда Халльбьёрн с мальчиками подходят туда, где сидит Торкель. Вот заводит разговор один из мальчиков, тот, что постарше, и говорит:

- Что это за знатный человек сидит здесь? Не видывал я человека собой красивее и благороднее.

Торкель отвечает:

- Спасибо на добром слове. Меня зовут Торкель.

Мальчик сказал:

- Верно, нет цены тому мечу, что у тебя в руках. Не дашь ли ты мне взглянуть на него?

Торкель отвечает:

- Странная это просьба, по, пожалуй, я дам тебе взглянуть.

И протягивает ему меч. Мальчик взял меч, отступил немного, развязал завязки на ножнах^[351] и обнажил меч. Увидев это, Торкель сказал:

- Я ведь не разрешал тебе обнажать меч.

- А я и не просил у тебя разрешения! - сказал мальчик.

И он заносит меч и рубит Торкеля по шее так, что слетела с плеч голова. И как только это произошло, Халльбьёрн-бродяга вскакивает на ноги, а мальчик бросает наземь окровавленный меч, хватает свой посох, и бегут они оба с Халльбьёрном и его людьми. Бродяги насмерть перепугались. Вот они пробегают мимо землянки, которую покрывал Бёрк. А около Торкеля собирается толпа, и людям невдомек, чьих рук это дело. Бёрк спрашивает, что значит весь этот шум и гам подле Торкеля. А Халльбьёрн и бродяги как раз пробежали мимо его землянки, - всего их было пятнадцать человек, - и когда Бёрк спросил это, отвечает ему младший мальчик по имени Хельги (того же, кто совершил убийство, звали Берг):

- Не знаю, что они там обсуждают. Но думаю, что они спорят о том, остались ли после Вестейна одни только дочери или был у него еще и сын.

Халльбьёрн бежит в свою землянку, а мальчики - в соседний лес, так их и не нашли.

XXIX

Вот люди бегут к землянке Халльбьёрна и спрашивают, что это все значит. Бродяги и рассказывают, что, мол, пристали к ним двое

парнишек, но, говорят, что все это было для них, как гром среди ясного неба. Они, мол, знать не знают, кто такие эти мальчишки. Все же они рассказывают, как те выглядели и какие вели разговоры. Бёрк судит по словам, что сказал Хельги, что это, верно, сыновья Вестейна. И он идет затем к Гесту и держит с ним совет, как теперь поступить. Бёрк сказал:

– Кому, как не мне, надлежит начать тяжбу об убийстве моего шурина Торкеля. Кажется нам, что не так уж невероятно, что это и впрямь дело рук сыновей Вестейна, ибо, насколько мы знаем, ни у кого, кроме них, не было причины для распри с Торкелем. И может случиться, что на сей раз они ускользнули. Дай же совет, как приступить к этой тяжбе.

Гест отвечает:

– Если бы я совершил это убийство, мне бы казалось разумным прибегнуть к такому способу, чтобы расстроить начатую против меня тяжбу: я бы назвался чужим именем^[352].

И Гест всячески отговаривает Бёрка от тяжбы. Все считали, что Гест не иначе как был в сговоре с мальчишками, ибо он доводился им родичем. Так Бёрк и отступает, и ничего из тяжбы не выходит. А Торкеля схоронили по старому обычаю, и люди разъезжаются с тинга по домам. Больше на этом тинге ничего важного не случилось. Сильно не по душе Бёрку эта поездка, хоть он уже и привык к подобному. И этот случай обернулся для него одним стыдом и позором.

А мальчишки идут, пока не добираются до Фьорда Гейртёва, и десять ночей они проводят под открытым небом. Они приходят к Ауд, а Гисли как раз был там. Они приходят ночью и стучатся в двери. Ауд открывает им и приветствует их, и спрашивает, что нового. Гисли же лежал в постели в подземелье, и, когда ему грозила опасность, Ауд нарочно повышала голос. Вот мальчишки рассказывают ей об убийстве Торкеля и как они ухитрились сделать это. Говорят они ей и о том, как долго они ничего не ели.

– Я пошлю вас, – сказала Ауд, – за горы, во Мшистую Долину, к сыновьям Бьяртмара. И дам вам еды, и с вами будет от меня знак, по которому они как-нибудь вас укроют. И делаю я это потому, что не хочу вынуждать Гисли оказывать вам помощь.

Вот мальчишки уходят в такой лес, где их не могут найти, и едят, ибо они давно уже ничего не ели, а насытившись, ложатся спать, ибо их очень клонило ко сну.

XXX

Теперь надо рассказать, что Ауд идет к Гисли и говорит:

– Мне очень важно знать, как на это посмотришь и исполнишь ли ты мою просьбу, хоть я и не имею права просить тебя об этом.

Он соглашается ее выслушать и говорит:

– Знаю, что ты собираешься рассказать мне про убийство моего брата Торкеля.

– Так оно и есть, – сказала Ауд, – и мальчики пришли сюда и хотят, чтобы вы с ними теперь помогали друг другу, и, по их словам, им не на что больше надеяться.

Он отвечает:

– Не снесу я такого, чтобы видеть убийц моего брата и быть заодно с ними.

И он вскакивает на ноги, и хочет выхватить меч. И он сказал вису:

Острой льдине сражений^[353]

Должно покинуть ножны,

Действовать срок наступил

Родичу рода людского^[354].

Ведомо все, что случилось,

Властителю ратной стали^[355].

Мстя за убийство брата,

Гисли погибнет с честью.

Тогда Ауд сказала, отступив в сторону:

– У меня хватило ума не искушать судьбу и не оставлять их здесь.

Гисли сказал, что так оно всего лучше, чтобы им не встречаться. И он быстро успокаивается, и все идет пока без перемен.

Рассказывают, что ему осталось теперь прожить не более двух лет из тех, о которых говорила женщина его снов. И к концу того срока, что Гисли оставался на Фьорде Гейртюва, снова возвращаются его сны, и это все тяжелые сны. Теперь всегда приходит к нему недобрая женщина, и лишь изредка добрая. И вот однажды ночью снится Гисли, что пришла к нему добрая женщина. Она явилась на сером коне^[356] и позвала с собою, в свое жилище, и он согласился. И вот они приезжают к дому, больше похожему на палаты, и она ведет его в тот дом. И казалось ему, что всюду там на скамьях подушки и все так хорошо убрано. Она пригласила его пожить там и отдохнуть.

– И ты приедешь сюда, – сказала она, – когда умрешь, и будешь жить здесь в довольстве и счастье.

Тут он просыпается, и он сложил несколько вис о том, что ему снилось.

Дева на сером коне

Скакала со скальдом рядом,

Ласковой Хлёкк покрывала^[357]

Была к дробителю злата^[358].

Бражного рога хозяйка^[359]

Речами меня врачевала,

Слов не забыть мне Фуллы

Света тверди тюленей^[360].

Меня отдохнуть усадила
Дивная диса нарядов^[361].
Ласка ее и заботы
Скальду запали в память.
Потом увела за собою
Создателя драп^[362] к перинам,
Вовеки не видывал воин
Ложа пышнее и глаже.

«Вечно секир сокрушитель^[363]
В этом чертоге пребудет, —
Так ветла ожерелий^[364]
Строф творцу говорила, —
Всем, что ни видишь, один
Будешь владеть безраздельно,
Вечную радость изведает
С Идунн нарядов^[365] рядом».

XXXI

Рассказывают, что однажды Хельги снова послали выслеживать Гисли на Фьорд Гейртюва. Люди считали, что Гисли, вернее всего, там. С Хельги едет человек по имени Хавард. Он приехал в Исландию годом раньше и был родичем Геста, сына Оддлейва. Их послали в лес срубить бревен на постройку. Но это было для отвода глаз, а на самом деле им было велено разыскать Гисли и разведать, где он скрывается. И вот однажды вечером видят они костер в скалах южнее реки. Солнце тогда уже село, и была непроглядная темень. Хавард спрашивает у Хельги, как им поступить.

– Ведь ты, – говорит, – куда опытнее меня в таких делах.

– Тут можно сделать только одно, – говорит Хельги. – Надо сложить каменную горку здесь, на холме, где мы стоим. И, когда рассветет, ее легко будет найти. И оттуда, от горки будут видны эти скалы, благо они недалеко.

Они так и делают. И когда горка была почти готова, Хавард сказал, что его одолевает сон, ни о чем другом, мол, не может и думать. Он засыпает. А Хельги не спит и достраивает горку. И когда он все уже кончил, просыпается Хавард и предлагает Хельги поспать, а он, мол, посторожит. И вот Хельги спит. А тем временем Хавард берется за дело и под покровом ночи разбрасывает всю эту горку по камешку. А после этого берет он большой камень и бросает его со всего маху о скалу у самой головы Хельги, так что вздрогнула вся земля. Хельги мигом

вскочил, вне себя от страха, и спросил, что такое стряслось. Хавард сказал:

– В лесу кто-то есть, и это уже не первый камень за ночь.

– Это не иначе как Гисли, – говорит Хельги. – Он, верно, проведал, что мы здесь. И будь уверен, дружище, – говорит, – ежели такой камень попадет в нас, то уж нам несдобровать. Делать нечего, надо отсюда убираться, да поскорее.

И вот Хельги пускается наутек, а Хавард идет следом и просит не убегать от него. Но Хельги не обращал на эти слова никакого внимания и бежал со всех ног. И добегают они наконец до лодки, мигом хватаются за весла и гребут, не жался сил. Так плывут они без передышки, пока не возвращаются к себе в Выдрюю Долину, и Хельги говорит, что он дознался, где прячется Гисли.

Эйольв, не тратя времени даром, собирается в путь и берет с собою одиннадцать человек. Едут с ним и Хельги с Хавардом. Они едут до самого Фьорда Гейртюва и рыщут по всему лесу в поисках каменной горки и укрытия Гисли, но так ничего и не находят. Вот Эйольв спрашивает у Хаварда, где они сложили горку. Тот отвечает:

– Откуда мне знать. Я ведь был совсем сонный и мало что кругом себя видел, да к тому же это Хельги сложил горку, пока я спал. Не удивлюсь, если Гисли нас заметил и, как только рассвело и мы уехали, разбросал всю горку.

Тогда Эйольв сказал:

– Нет нам удачи в этом деле, придется поворачивать назад.

Так они и делают. Но Эйольв говорит, что сперва он хочет повидаться с Ауд. Вот приходят они на двор и идут в дом, и снова Эйольв заводит с Ауд разговор. Он говорит так:

– Я хочу заключить с тобою сделку, Ауд. Ты укажешь мне, где Гисли, а я дам тебе за это три сотни серебра, положенные мне за его голову. Тебя не будет при том, как мы его убьем. Кроме того, я устрою тебе брак, который во всем будет лучше этого. Подумай-ка сама, – говорит, – как неудачно для тебя сложилось, что ты обречена жить на этом пустынном фьорде, и все из-за злосчастия Гисли, и никогда не видеть своих близких.

Она отвечает:

– Не бывать тому, чтобы ты убедил меня, будто можешь устроить мне брак, который сравнился бы с этим. Но, видно, правду говорят: скрасит серебро вдовью долю. Дай-ка мне взглянуть, вправду ли так полновесно и хорошо то серебро, как ты говоришь.

Эйольв высыпает серебро ей на колени, и она запускает в него руку, он же так и сяк ее уговаривает. Воспитанница ее Гудрид начинает плакать.

Потом Гудрид выходит и идет прямо к Гисли и говорит ему:

– Моя приемная мать совсем обезумела и хочет тебя выдать.

Гисли сказал:

– Успокойся, ибо мне суждено умереть не оттого, что меня погубит Ауд.

И он сказал вису:

Молвят, что липа пламени

Земли оленя заливов^[366]

Ныне лелеет, стройная,

Злобные думы о муже.

Но знаю, сидит в печали,

Льет безутешные слезы

Фулла ложа дракона^[367].

Ложному слову не верю.

После этого девушка идет домой и не говорит, куда ходила. А Эйольв уже пересчитал серебро, и Ауд сказала:

– Серебро ничуть не хуже и не менее полновесно, чем ты говорил. И ты, верно, не откажешь мне в праве распорядиться им, как я пожелаю.

Эйольв рад согласиться и говорит, что, конечно, она вольна делать с ним все, что вздумает.

Тогда Ауд берет серебро и кладет его в большой кошель. Потом она встает и швыряет кошель с серебром прямо в нос Эйольву, да так, что его всего забрызгало кровью. И она сказала:

– Вот тебе за твое легкоеверие и получай все несчастья в придачу! Нечего тебе было ждать, что я выдам моего мужа в твои руки, мерзавец! Вот тебе! И пусть падут стыд и срам на твою голову! Будешь помнить, покуда жив, презренный, что тебя побила женщина. И не бывать по-твоему, ничего по добьешься!

Тут Эйольв сказал:

– Держите собаку и убейте ее, хоть она и сука!

Тогда Хавард сказал:

– Уже и так, без этой подлости, все у нас складывается из рук вон плохо. Вставайте же и не дайте ему это сделать.

Эйольв сказал:

– Видно, правду в старину говорили: пришла ко мне беда, да с моего двора.

Хаварда любили, и многие были готовы помочь ему и притом уберечь Эйольва от несчастья. И Эйольву ничего не остается, как примириться со своим позором. С тем он и уезжает. Но прежде чем Хавард вышел, Ауд говорит ему:

– Гисли перед тобою в долгу, а долг платежом красен. Вот тебе золотой перстень. Я хочу, чтобы ты взял его.

– Я не хотел бы с вас взыскивать, – говорит Хавард.

– Все же я желаю уплатить, – говорит Ауд.

На самом деле она дала ему перстень за его поддержку. Сел Хавард на коня и едет на юг к Крутому Побережью, к Гесту, сыну Оддлейва, и не хочет больше оставаться с Эйольвом.

Эйольв возвращается к себе в Выдрюю Долину и очень недоволен своей поездкой. А уж людям эта поездка казалась и подавно позорной.

XXXIII

Так проходит лето, а Гисли все сидит настороже в своем подземелье, и на сей раз он не собирается уезжать. Он думает, что теперь уже не на что надеяться и прошли все те годы, о которых был ему сон. Вот как-то летом Гисли мечется ночью во сне. Когда он проснулся, Ауд спросила, что ему снилось.

Он говорит, что теперь явилась ему во сне недобрая женщина и сказала так:

– Теперь я расстрою все то, что говорила тебе добрая женщина. И я позабочусь о том, что не будет тебе проку от того, что она обещала.

Тогда Гисли сказал вису:
«Вместе нам не живать, —
Хозяйка меда^[368] промолвила, —
Бог вас обрек на другое:
Яду изведайте радости!

В путь далекий пошлет
Скальда владыка людей,
В мир иной снарядит
Одного из родного дома».

– Еще мне снилось, – сказал Гисли, – что пришла ко мне та женщина и надела мне на голову кровавый колпак, а до того окунула мне голову в кровь и забрызгала меня с ног до головы, так что я был весь в крови.

Гисли сказал вису:
Мнилось мне, Гна монет^[369]
Пены мечей^[370] зачерпнула,
Стала изморось ран^[371]
Лить на волосы воину.

Дланью своей богиня
Лавы тропы соколиной^[372]
Скальду скалу шелома^[373]
Ручьями мечей^[374] омочила.

И еще он сказал так:

Снилось мне, Хильд – владычица
Волн побоища^[375] воину
На ржаное жнивье затылка
Алый колпак надела.

Были от крови рдяны
Руки у Фрейи^[376] кружев.
Но тут меня ото сна
Нанна льна пробудила.

И сны до того теперь одолевают Гисли, что он стал бояться темноты и даже не смел оставаться один. Только лишь закроет глаза, мерещится ему все та же женщина. Однажды ночью Гисли спал особенно беспокойно. Ауд спросила, что ему привиделось.

– Снилось мне, – говорит Гисли, – что явились к нам люди. И это был Эйольв, а с ним множество других. И мы сошлись, и я знал, что была у меня с ними схватка. Вперед бросился один из них со страшным воем, и я будто разрубил его пополам. И почудилось мне, будто голова у него волчья. Тут напали на меня всем скопом. А в руках у меня будто был щит, и я долго отбивался.

Тогда Гисли сказал вису:
Чудилось мне, сюда
Рано враги нагрянули.
Бился я храбро и рьяно,
Но были неравными силы.

Скальда красная кровь
Руки твои обагрила.
Я приготовил из трупов
На радость воронам трапезу.

И еще он сказал:
Напрасно надеялись недруги
Сразу со мною расправиться,
Тщетно рубили мечами —
Щит был защитой воину.

Гибель мне принесли —
Числом пересилили скальда,
Но я сражался без усталости,
Бесстрашно бился с врагами.

И еще он сказал:
Ранен я был, но раньше
Сразил утешителя ворона^[377].

Накормлены пищею Мунина^[378]
Были коршуны крови^[379].

Острый клинок разрубил
Бедро у дробителя гривен^[380].
Наземь врага повергнув,
Славу герой упрочил.

Вот идет к концу лето, а снов у Гисли не только не меньше, но,
пожалуй, и больше. Как-то раз Гисли снова метался ночью во сне, и Ауд
снова спросила, что ему привиделось. Гисли сказал вису:

Снова все тот же сон
Снится мне, Снотра злата^[381].
Видел я: ран водопады^[382]
Вкруг меня низвергались.

Я обагрил оружие,
Отражая вражьи удары.
Теперь ожидаю без страха
Скорого града дротов^[383].

И он сказал еще вису:
Видел я сон: владыка
Льдины луны лады^[384]
Мне окровавил плечи,
О Гна огня океана^[385].

Скальд осужден расстаться
С жизнью и с милой женою,
Но смерть положит предел
Годам невзгод и печалей.

И еще он сказал:
Видел я сон: властитель
Пламени влаги сечи^[386]
Палицей ратной рубашки^[387]
Тяжко меня изранил.

Обе руки отрублены
Напрочь у Бальдра брани^[388],
Шлема основу^[389] разрезал
Меч по самые плечи.

И он сказал еще вису:
Видел я сон: стояла

Съёвн монет^[390] надо мною,
Были влажны ресницы
Нъёрун камней^[391] благородной.

Раны мои обмывала
Хлин пожара приливов^[392].
Кто сновиденья такого
Смысл понять не сумеет!

XXXIV

Гисли проводит все лето дома, и пока все спокойно. Потом наступает последняя ночь лета^[393]. Как рассказывают, Гисли не мог уснуть, и никто не спал. А погода стояла такая: было очень тихо, и выпал очень сильный иней. Гисли говорит, что ему хочется уйти из дому в свое укрытие к югу в скалах и попытаться там уснуть. Вот идут они все трое, и женщины в длинной одежде, и одежда оставляет следы на заиндевелой земле. Гисли держит палочку и режет руны, и стружки падают на землю.

Они приходят к укрытию. Гисли ложится и пробует заснуть, а женщины сторожат. Тут погружается он в сон, и снится ему, что в дом залетели какие-то птицы и исступленно бьются. Они были крупнее белых куропаток и зловеще кричали, и барахтались в крови. Тогда Ауд спросила, что ему снилось.

– И на сей раз не были хорошими мои сны.

Гисли сказал вису:
Странные слышатся звуки
От крова у крови земли^[394], —
Снова сплетатель песен^[395]
С Нанною льна в разлуке, —

Это две куропатки
В схватке кровавой бьются.
Знаю, нагрянет скоро
Ссора костров Одина^[396].

И только Гисли сказал вису, слышат они голоса. Это пришел Эйольв, и с ним четырнадцать человек. Они уже побывали в доме и видели следы, которые как бы указывали им путь. Завидев людей, Гисли и женщины забираются на скалу, туда, где им лучше будет обороняться. У женщин в руках по дубинке. Эйольв со своими подходят снизу. Эйольв сказал Гисли:

– Мой тебе совет, больше не убегай, чтобы не приходилось гоняться за тобою, как за трусом. Ведь ты слывешь большим храбрецом. Давно мы с тобой не встречались, и хотелось бы, чтобы эта встреча была последней.

Гисли отвечает:

– Нападай же на меня, как подобает мужу, ибо я больше не побегу, и твой долг напасть на меня первым, ведь у тебя со мною больше счетов, нежели у твоих людей.

– Мне не нужно твоего позволения, – говорит Эйольв, – чтобы самому расставить людей.

– Вернее всего, – говорит Гисли, – что ты, щенок, вовсе не посмеешь помериться со мною оружием.

Эйольв сказал тогда Хельги Ищейке:

– Ты бы стяжал великую славу, если бы первым поднялся на скалу навстречу Гисли, и долго жила бы память о таком геройстве.

– Я уже не раз подмечал, – говорит Хельги, – что как только доходит до дела, ты не прочь спрятаться за других. Но раз уж ты так меня подбиваешь, будь по-твоему. Но и ты смелее иди за мною, не отставай, если только ты не совсем баба.

Вот Хельги наступает с той стороны, где ему кажется вернее, и в руке у него большая секира. Гисли был снаряжен так: в руке – секира, у пояса – меч и сбоку – щит. Он был в сером плаще и подпояслся веревкой. Хельги устремляется вперед и взбегаёт на скалу, прямо на Гисли. Тот мигом поворачивается навстречу Хельги, заносит меч и рубит его наотмашь по поясу и перерубает надвое, и обе части падают со скалы.

Эйольв подбирается с другой стороны, но тут его поджидает Ауд и бьет его по руке дубиной, так что вся рука у него обмякла и он покатился со скалы:

Тогда Гисли сказал:

– Давно я знал, что у меня хорошая жена, и все же не знал, что такая хорошая. Но ты оказала мне худшую помощь, чем думала, хоть и был твой удар на славу: я бы отправил второго следом за первым.

XXXV

Тогда двое влезли наверх и держат Ауд и Гудрид, так что работы им хватает. Теперь наступают на Гисли двенадцать. Они лезут на скалу, а он обороняется и камнями, и оружием, так что эта оборона прославила его имя.

Вот бежит на него один из людей Эйольва и говорит Гисли:

– Уступи-ка мне доброе оружие, что у тебя в руках, а в придачу и жену твою Ауд!

Гисли отвечает:

– Завоюй их в честном бою! Иначе не бывать твоими ни моему оружию, ни моей жене!

Эйольв наносит Гисли удар копьем, но Гисли ответным ударом срубает у копья наконечник. И удар был так силен, что секира налетела на камень и у нес отскочило острие. Тогда он швыряет секиру и хватается за меч, и бьется мечом под прикрытием щита. Они рьяно на него нападают, но он защищается хорошо и мужественно. Вот они сошлись в жестокой схватке. Гисли убил еще двоих, а всего погибло уже четверо. Эйольв побуждает людей собрать все свое мужество и наступать.

– Нам сильно достается, – говорит Эйольв, – но это все пустяки, если наши усилия окупятся.

И вдруг, когда никто этого не ждал, Гисли поворачивается, сбегает со скалы прямо на утес под названием Одинокый и начинает обороняться оттуда. Это застало их врасплох. Они видят, что дело их плохо: четверо погибли, а остальные ранены и измучены. Их натиск ослаб.

Тогда Эйольв с удвоенной силой подстрекает людей к бою и сулит им золотые горы, только бы они одолели Гисли. Люди у Эйольва были все как на подбор – стойкие и неустрашимые.

XXXVI

Свейном звали человека, который первым полез на утес навстречу Гисли. Гисли сразил его мечом и раскрыл ему череп до плеч, и сбросил его с утеса. И люди недоумевают, когда же придет конец убийствам от руки этого человека. Тогда Гисли сказал Эйольву:

– Хочу я, чтобы дорого тебе достались те три сотни серебра, что ты взял за мою голову. А еще я хочу, чтобы ты был рад отдать и другие три сотни, только бы нам с тобой не встречаться. Потеря стольких людей покроет тебя позором.

Вот они советуются, как теперь быть, и ни за что на свете не хотят отступать. Они нападают на него с двух сторон, и вместе с Эйольвом впереди двое, один по имени Торир, а другой – Торд, оба родичи Эйольва. Они были удалцами из удалцов. И они наступают теперь упорно и рьяно, и им удастся нанести ему копьями несколько ран. Но он отбивается с большой отвагой и мужеством. Им так доставалось от его камней и ударов мечом, что не было среди нападавших ни одного, кто бы не получил раны.

Вот кидаются в бой Эйольв и его родичи. Они видят: дело идет о чести их и достоинстве. Они разят его копьями, так что у него вываливаются внутренности, но он подхватывает их в рубашку и прикручивает к себе веревкой. Тут сказал Гисли, что им недолго осталось ждать:

– Наступает конец, которого вы хотели.
И он сказал вису:
Скоро услышит милая
Скади колец^[397] о скальде:
Друг ее, твердый духом,
В смерче мечей не дрогнул.

Пусть клинков закаленных
Жало меня поражало,
Мне от отца досталось
Стойкое сердце в наследство.

Это последняя виса Гисли. И, сказав эту вису, он тут же бросается с утеса и рубит мечом голову Торда, родича Эйольва, и убивает его наповал. Но и сам Гисли падает на него бездыханный и сразу умирает. Все они, люди Эйольва, были очень изранены. И все диву давались, что у Гисли было столько тяжелых ран, когда он умер. Они рассказывали, что он ни разу не отступил, и не было заметно, чтобы последние его удары уступали по силе первым. Вот и кончилась жизнь Гисли. И все говорят, что еще не бывало такого героя, хоть и не во всем был он удачлив.

Они стаскивают его вниз и берут себе его меч. Они засыпают его камнями и спускаются к морю. Тут, у моря, умер шестой человек. Эйольв предложил Ауд ехать с ним, но она не захотела.

Эйольв со своими людьми возвратился к себе в Выдрюю Долину, и там той же ночью умер седьмой человек, а восьмой лежал в ранах двенадцать месяцев, и ему пришел конец. Остальные из тех, кто был ранен, выздоровели, но покрыли себя позором.

И все говорят в один голос, что, насколько это можно знать наверняка, здесь в Исландии не бывало столь славной обороны.

XXXVII

Эйольв пускается из дому с одиннадцатью людьми на юг, к Бёрку Толстому, и рассказывает ему, как было дело. Бёрк обрадовался и просит Тордис хорошо принять Эйольва и его людей:

– Вспомни, как сильно ты любила Торгрима, моего брата, и получше обойдись с Эйольвом.

– Я буду оплакивать моего брата Гисли, – говорит Тордис. – Не довольно ли будет с убийцы Гисли, если я угощу его кашей?

А вечером, внося еду, она уронила миску с ложками. Эйольв положил меч, – а это раньше был меч Гисли, между столбом скамьи и своими ногами. Тордис узнает меч, и, нагнувшись за ложками, она схватила меч за рукоять и бросается на Эйольва, и метит ему прямо в

грудь. Но она не уследила, и рукоять повернулась кверху и задела стол. Удар пришелся ниже, чем она рассчитывала, в бедро. Рана была большая. Бёрк хватает Тордис и вырывает у нее меч. Все они вскакивают и опрокидывают столы и еду. Бёрк предложил Эйольву самому вынести решение, и тот назначил полную виру, как за убийство, и сказал, что назначил бы и больше, если бы Бёрк хуже вел себя.

Тордис называет свидетелей и объявляет о своем разводе с Бёрком, и говорит, что отныне никогда не ляжет с ним в одну постель. Она сдержала свое слово. Потом она уехала и поселилась на Тордисовом Дворе на краю Косы. А Бёрк остался на Священной Горе, пока его не прогнал оттуда Снорри Годи. Тогда Бёрк переселился в Леса Стеклоной Реки. А Эйольв возвратился к себе домой и был недоволен поездкой.

XXXVIII

Сыновья Вестейна едут к своему родичу Гесту и настаивают, чтобы он помог им уехать из Исландии, – им, и матери их Гуннхильд, и Ауд, жене Гисли, и Гудрид, дочери Ингьяльда, и брату ее Гейрмунду. Все они отплывают из Устья Белой Реки с Сигурдом Белым. Гест оплатил их проезд. Они недолго пробыли в море и приплыли на север Норвегии.

Вот идет Берг по улице и хочет снять им какое-нибудь жилье в городе^[398], и с ним пошли еще двое. Им повстречались два человека, и одни из них, человек молодой и рослый, был в алой одежде. Он спросил Берга, как его зовут. Тот сказал всю правду и об имени своем, и о своем роде, ибо думал, что имя его отца скорее поможет ему в дальнейших странствиях, чем повредит. Но тот, в алой одежде, выхватил меч и зарубил Берга насмерть. Это был Ари, сын Кислого, брат Гисли и Торкеля.

Сотоварищи Берга бросились к кораблю и рассказали, что случилось. Кормчий помог им уехать, а Хельги отправился в Гренландию. Он поселился там и очень преуспевал, и прослыл достойнейшим человеком. Не раз посылали людей убить его. Но не такая смерть была ему суждена. Хельги погиб на рыбной ловле, и все почитали это за большую утрату. Ауд и Гуннхильд поехали в Данию, в Хейдабёр^[399]. Там они крестились и совершили паломничество в Рим, и больше не вернулись.

Гейрмунд остался в Норвегии. Он женился и жил в достатке. Сестра его Гудрид вышла замуж и прослыла разумной женщиной, и от нее ведут род многие люди.

Ари, сын Кислого, отправился в Исландию. Он пристал в Устье Белой Реки и продал свой корабль, и купил себе землю у Утеса, и прожил там несколько зим. Он жил во многих местах на Болотах и оставил потомство.

Здесь мы кончаем сагу о Гисли, сыне Кислого.

Дополнения

Эгиль, сын Скаллагрима

Переводы С. В. Петрова (Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 11-28)

Выкуп головы

Сочинить хвалебную песнь о ком-нибудь – значило сделать его обладателем славы. Неслучайно в языке скальдов слова «поэзия» в «слава» – синонимы. Неслучайно и то, что в скальдической хвалебной песни прославляемый, как правило, не обладает никакими индивидуальными качествами. Как личность он, в сущности, вообще отсутствует в ней. Считалось, очевидно, что сама по себе стихотворная форма обеспечивала действенность хвалебной песни. Поэтому, в частности, не играло никакой роли, было ли сочинение хвалебной песни добровольным или вынужденным. Характерно, что нередко один и тот же скальд слагал хвалебные песни в честь правителей разных стран или правителей, которые враждовали друг с другом.

Представление о действенности стихотворной формы самой по себе всего отчетливее проявляется в рассказах о тех хвалебных песнях, которые были «выкупами головы». В этих рассказах тот или иной правитель меняет свое право убить провинившегося перед ним скальда на хвалебную песнь, сочиненную скальдом в его честь. Хвала в таких случаях была явно вынужденной, но тем не менее песнь, содержащая ее, считалась вполне действенной. Браги Старый – древнейший из скальдов, чьи стихи сохранились, – выкупил свою голову у шведского конунга Бьёрна, сочинив хвалебную песнь о нем в течение одной ночи. Примерно то же самое рассказывается о семи других скальдах IX–XI вв. «Выкупом головы» была, в частности, драпа, которую Торарин Славослов сочинил о короле Кнуте. Самая знаменитая из всех этих историй известна из «Саги об Эгиле».

История сочинения «Выкупа головы», рассказанная в главах LIX–LXI «Саги об Эгиле», вызвала обширную литературу. Попытались установить, что в этой истории – факты, а что – фольклорные мотивы и вымысел. В

частности, высказывались разные предположения относительно того, что заставило Эгиля отправиться прямо в Йорк. Желание прославиться, совершив небывалый по смелости подвиг? Любовь к другу и желание повидаться с ним? Страх перед Гуннхильд, который толкнул его к ней как загипнотизированного? Забота о грузе с разбившегося корабля и желание принять срочные меры для спасения этого груза? Высказывались также разные предположения относительно того, когда был сочинен «Выкуп головы». Еще в Исландии и первоначально для прославления Этельстана? Не в IX, а только в XII в. и, следовательно, не Эгилем, а кем-то другим? «Выкуп головы» рассматривался также неоднократно с точки зрения истории стихосложения, так как, по-видимому, это было первое скальдическое произведение, в котором была применена конечная рифма (его размер – рунхент^[400]). Характерно, однако, что «Выкуп головы» никогда не рассматривался с точки зрения тех представлений о функции поэзии, которые произведения такого рода подразумевают.

¹ Приплыл я, полн
Распева волн
О перси скал,
И песнь пригнал.
Сник лед и снег.
Дар Трора^[401] влек
Весной мой струг
Чрез синий луг.

² Славу воспою
Смелому в бою,
Песней напою
Англию твою.
В честь твою течет
Игга чистый мед^[402].
Жадный слуха рот^[403]
Речи да вопьет.

³ Княже, склоняй
Слух и мне внимай.
Ведь гость я твой,
Властитель мой.
Твой грозный пыл
Врагов разил,
И Один зрил
Одры могил.

⁴ Был как прибой
Булатный бой,

И с круч мечей
Журчал ручей.
Гремел кругом
Кровавый гром,
Но твой шелом
Шел напролом.

⁵ Воины станом
Стали чеканным,
Сети из стали
Остры вязали.
Гневалось в пене
Поле тюленья^[404],
Блистахи раны,
Что стяжи бранны.

⁶ Лес в ливне стрел
Железный рдел.
Эйрик с нивы жал^[405]
Славу пожал.

⁷ Скальд славить может
И слово сложит
Про беды вражьи,
Победы княжьи.
Железны враны
Врезалась в раны,
Останки стали
В тарчах торчали.

⁸ Серп жатвы сеч
Сек вежи с плеч,
А ран рогач^[406]
Лил красный плач,
И стали рдяны
От стали льдяной
Доспехи в пьяной
Потехе бранной.

⁹ Копья кинжал
Клиники сражал.
Эйрик с нивы жал
Славу пожал.

¹⁰ Багровый дрот

Гнал князь в поход.
Грозу невзгод
Знал скотт в тот год.
И ворон в очи
Бил выти волчьей^[407],
Шла Хель меж пашен
Орлиных брашен^[408].

¹¹ Летели враны
На тел курганы,
Кои пограны
Кольями раны^[409].
Волк в рану впился,
И ал вал взвился,
Несытой пасти
Достало сласти.

¹² Гьяльпин конь^[410] скакал,
Его глад пропал.
Эйрик скликал
Волков на свал.

¹³ Буй-дева снова
Длитель бой готова.
Звенят подковы
Коня морского.
Жала из стали
Жадно ристали,
Со струн летели
Ястребы к цели.

¹⁴ Птиц колких сила
Покой пронзила.
Напряг лук жилу,
Ждет волк поживу.
Как навь ни бьется,
Князь не сдастся.
В дугу лук гнется,
Стальной гул вьется.

¹⁵ Князь туг лук брал,
Пчел рой в бой гнал.
Эйрик скликал
Волков на свал.

¹⁶ Воспеть велите ль,
Как ваш воитель
Славит своими
Делами имя?
Нас добрым даром,
Студеным жаром^[411],
Князь дарит славный,
Крепкодержавный.

¹⁷ Огни запястий
Он рвет на части.
Он кольца рубит,
Обручья губит,
Державной рукой
Жалуя свой
Народ боевой
Фроди мукой^[412].

¹⁸ Страшен могучий,
Стержнем обручий^[413]
Вскинув высоко
Кованое око^[414].
Правду я рек
Про Эйриков век,
Ведал ратный бег
Весь восточный брег.

¹⁹ Слух не глуши!
В славной тиши
Здесь хороши
Со дна души
Князю в угоду
Волненья меду^[415],
Брагина влага^[416],
Одина брага^[417].

²⁰ Соколу сеч Справил я речь
На славный лад.
На лавках палат
Внимало ей Немало мужей,
Правых судей Песни моей.

Утрата сыновей

Об обстоятельствах сочинения «Утраты сыновей» рассказывается в LXXVIII главе «Саге об Эгиле». Эгиль назвал свою песнь «Утрата сыновей», так как раньше другой его сын умер от болезни. По общему мнению, «Утрата сыновей» – самая оригинальная из скальдических песней. Она единственная из них, в которой содержание – внутренние переживания автора. Но это переживания, характерные для человека той эпохи. Они подразумевают иррациональную веру в силу родни, в то, что вне рода отдельная личность – ничто (Эгиль отказывается от своего намерения отомстить морскому великану Эгиру не потому, что такая месть вообще никому не под силу, но потому, что он сам не окружен родней, которая бы поддержала его, как поддерживает родня на тинге и в битве). Необычайно в «Утрате сыновей» также то, что объектом прославления в ней в конечном счете оказывается не тот, о ком сложена песнь, а искусство скальда. Размер песни – квидухатт^[418].

¹ Грусть – велика:

Грузом воздушным
Безмен языка
С места не сдвинуть.
Трудно Хрофтову
Крадьбу^[419] добыть,
В укроме души
Она сокрыта.

² Горькое давит

Горой горе
И не даст
Ётунхейма
Древле добытый
Дивный дар^[420]
Поднять со дна
Думы темной.

³ Раны выи

Имира^[421] грозно
Пред жилищем
Родича плещут.

⁴ Весь мой корень

Вскоре сгинет.
Буря клонит
Клены бора.
Разве рад,

Кто прах родимый
Должен из дому
Долу несть?

⁵ Вспомяну
Про конец
Отца-матери.
Венцом словесным
Украшу
Праха родичей,
Открыв врата
В тыне зубовном.

⁶ Вал суровый,
Ограду рода,
В крепости деда
Прясло пробил.
Так и моя
Дырой зияет:
Место сына
Стало пусто.

⁷ Ран^[422] меня
Ограбила,
Други мои
Утрачены.
Разломало
Род мой море,
Мой забор
Разбит прибоем.

⁸ Когда б я мести
Меч мог несть,
То Пивовар^[423]
Не сдобровал бы.
Если б достало
Сил, то спорил
Я бы бранно
С братом бури^[424].

⁹ Мне ли биться
С убийцей сына,
Если видит
Всяк и всюду,
Что у старца

Сил не станет?
Ужели мне
Поможет немощь?

¹⁰ Многое пало
Морю в руки.
Горько сказывать
Гибель ближних.
Рода щит
Направил стопы
В путь блаженный
От жизни сей.

¹¹ Знаю сам:
В сыне своем
Я дурного
Зерна не сеял.
Рос бы и зрел он
Древом щитным
И был взят дланью
Владыки боя^[425].

¹² Слушался он
Слова отцова
Боле, чем
Чужих речей.
Мне в дому
Был подмогой,
В страдну пору
Опорой верной.

¹³ В поветери
Свивёр^[426]
Мне братня
Утрата.
Если бесится
Битва, то я
Озираюсь,
Не рад, что сир.

¹⁴ Кой муж был бы
Мне пособник
В драке против
Вражьей рати?
Став осторожен,

Сам на рожон
На железный
Уже не лезу.

¹⁵ Трудно сыскать
Во всем народе
Мужа, кому бы
Можно верить,
Ибо продаст
Предатель подлый
Братню персть
За перстень малый.

¹⁶ Видно дело
Бывает в деньгах
.....

¹⁷ Сыну замену,
Если сам
Не породись,
Где ж найдешь?
Кто бы ни стал
На место брата,
Тот все едино
Не брат родимый.

¹⁸ Мне не любо
Бывать на людях,
Не мило даже
Их тихомирье.
Чадо наше
Ввысь умчалось,
В чертог воздушный
К душам родным.

¹⁹ Враг мой – владыка
Влаги пьяной^[427],
Сей соложеной
Болотной жижи.
Клеть раздумья^[428]
Не вздымаю
И не в силах
Носить высоко,

²⁰ С тех пор как жар

Хвори жадной
Сына свирепо
Со свету сжил.
Ведаю, правда,
Бежал весь век
Он, безупречный,
Речи хульной.

²¹ Правда, в обитель
Богов он был
Дланями взят
Друга людей^[429].
Ясный, мною
Взращенный яшень,
Саженец нежный
Моей жены.

²² Жил я в ладах
С владыкой сечи^[430],
Не знал заботы,
Забыл про беды.
Нарушил ныне
Нашу дружбу
Телег приятель^[431],
Судья побед^[432].

²³ Рад я не чтить
Брата Вили^[433],
Главу богов
Отвергнуть гордо,
Но Мимира друг^[434]
Дал дар мне дивный,
Все несчастья
Возмещая.

²⁴ Сей боевой
Ворог Волку^[435]
Дал мне речь
Безупречну
И взор ясный,
Чтоб явью вражьей
Легко бы стали
Ковы лукавых.

²⁵ Тошно стало!

Стоит на мысу
В обличье страшном
Волчья сестра^[436].
Все же без жалоб
Буду ждать
По всей охоте
Хель прихода.

Песнь об Аринбьёрне

Эта песнь тоже единственная в своем роде: ни в одной другой скальдической хвалебной песни не говорится так много о ее авторе. Об обстоятельствах ее сочинения ничего не известно. Но поскольку Эгиль в ней говорит о том, что произошло во время его посещения Эйрика (висы 3–11), очевидно, что «Песнь об Аринбьёрне» была сочинена позднее, чем «Выкуп головы». Обычно считается, что она была сочинена и позднее, чем «Утрата сыновей». Размер песни – тоже квидухатт.

¹ Скор я петъ
Славу князю,
Но скупцу
Скуден словом.
Я владык
Дело славлю,
Лжемолву
Ненавижу.

² Глума вал
На бахвалов!
Другам – мед
Мерной речи.
Был хорош
Во хоромах
Мой дар песни
Государям.

³ Гнев явил
Мне отпрыск Фрейра^[437],
Господин
И владыка.
Я пошел

В шапке храброй
Избыть беду К Аринбьёрну.

⁴ Страх страну
Там стреножил.
Крут бывал
Конунг в Йорке,
Он царил
Нравом гордым,
Попирая
Сыру землю.

⁵ Из ресниц
Сиял месяц,
Сеял страх
Грозный Эйрик,
Луны лба^[438],
Словно луки,
Лили в нас
Луч колючий.

⁶ Я посмел
Капать медом
В уста ушей —
Той же платой,
Что платила
Дева^[439] Тунду^[440],
Спавшу с ней
Сном змеиным.

⁷ Люди мнили,
Мне за песнь
Конунг дал
Дар неказист —
Старый шар,
Крытый шапкой
Из седой
Одежи волка.

⁸ Я сей дар
Приял, а с ним
Чету дыр
Чернобровых
И уста
Те, что стали

Выкупом
Моей главы.

⁹ Ваял язык
С зубным забором
Да шатры
С трубным слухом,
Но княж дар
Драже злата —
Кряж мой крепкий
Под шишаком.

¹⁰ Стал мне там
Щитом друг мой,
Вечный мой
Советчик верный.
Он один
Был надеждой
Во чужом
Княжем доме.

¹¹ Аринбьёрн
Был победной
При дворе
Речью правды,
От меня
Злобу княжью
Он отвел,
Верный другу.

¹²

¹³ Стал бы я
Татем дружбы,
Обнесен
Брагой Игга^[441],
Когда бы я
Благодеянью
Не воздал
Даром Хрофта^[442].

¹⁴ Трудно хвалебным
Словом вверх
Лезть к тому,
Кто знатен родом.

Да узрят
Здесь все люди
Вою честь
Сами очами.

¹⁵ Доски славы
Сыну Торира^[443]
Обстругает
Острый голос,
Ибо три
Уже трутся
О топор
Мой напева.

¹⁶ Дивен всем
Государям
И простым
Тот, кто Арин.
Ибо щедр
Он бессечно,
Бьется он
Купно с Бьёрном^[444].

¹⁷ Диву все
Здесь даются,
Как он сам
Дары сыплет,
Фрейр нанес
Купно с Ньёрдом
Холм добра
Камень-Бьёрну^[445].

¹⁸ Хроальд^[446] дал
Внуку долю
Просторным дном
Братины бури^[447].

¹⁹ И богам
Всех угодней
Средь людей
Друг Веторма^[448].

²⁰ Он щедрей
Прочих тчивых.
Дверь от двери

Тороватых
Далеко, и
Древков на копья
Всем бойцам
Не напасешься.

²¹ Никто не шел
От Аринбьёрна,
Одарен
Поносной бранью,
Ниже нес
На смех ношу
Пустоты
На дротах тела ^[449].

²² Он злодей,
Убийца денег,
Враг сынам
Драупнира ^[450],
Супротивник
Детям татей
И казнит
Змей из злата.

²³ Он провел
Век свой в ратях,
Мил ему
Час немирный
.....

²⁴ Злато благ
Влаге чаек ^[451],
Где конь Рёккви ^[452]
Гривой реет,
Был бы срам
Ему бросить,
Аки в пасть
Пустожорну.

²⁵ Я с утра
Раба речи
Засадил
За словоделье,
Хвальный холм
Я возвел

На дворе
Красноречья.

notes

Примечания

1

См. также издание: *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. (*Примеч. ред.*)

2

Так именно передавались древнеисландские географические названия в издании 1956 г. В настоящем издании, как и в издании 1999 г., эти названия при их первом упоминании сопровождаются переводом. (*Примеч. ред.*)

3

Так, в порядке места их действия, расположены саги в настоящем издании: сначала юго-западное и западное побережья Исландии, затем – северо-западное, северное, восточное и южное. (*Примеч. ред.*)

4

В комментариях к I тому использованы статьи и примечания М. И. Стеблин-Каменского к следующим изданиям: 1) Исландские саги. М., 1956; 2) Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 (Библиотека

всемирной литературы); 3) Поэзия скальдов. Л., 1979 (Литературные памятники). (Примеч. ред.)

5

Берсерк — свирепый воин, который в битве приходил в исступление, был как дикий зверь и, согласно поверью, был неуязвим. Подверженность таким приступам бешенства была, вероятно, психическим заболеванием, похожим на ликантропию или на амок малайцев. По-видимому, во время приступов этого заболевания человек делался нечувствительным к боли и верил в то, что он превратился в волка или медведя. Берсерков звали также «волчьи шкуры», а само слово «берсерк» значит «медвежья шкура». Но в сагах берсерк – это также разбойник, который притесняет мирных жителей, вызывая их на поединок и отнимая у них жен и добро (ср. с. 135–137).

6

Альвир Хнува – один из скальдов Харальда Прекрасноволосого. Из его произведений сохранилось несколько строк.

7

Лендрманн – обладатель земельного пожалования от конунга. Здесь это анахронизм. Ульв был, конечно, не лендрманном (они появились позднее), а *херсиром*, т. е. одним из мелких племенных вождей до образования государства.

8

Предполагали, что он рано ложится спать потому, что вечером превращается в волка.

9

Фюльк — племя. До образования государства население Норвегии делилось на несколько мелких племен, или фюльков. Позднее фюльк – административно-территориальная единица.

10

Ярл – один из крупных наместников норвежского короля.

11

Осеннее жертвоприношение совершалось в начале зимы и сопровождалось праздничным пиршеством.

12

Харальд, сын Хальвдана Черного, он же Харальд Прекрасноволосый (ок. 860 – ок. 940) – конунг из Вестфольда (на западном берегу Ослофьорда), который подчинил себе все норвежские фюльки и стал единовластным правителем Норвегии. Он считается основателем норвежского государства.

13

После битвы при Хаврсфьорде (872 или, по новейшим исследованиям, ок. 890 г.), в которой Харальд Косматый разбил всех объединившихся против него местных вождей, он дал себя постричь и стал называться Харфагр, т. е. Прекрасноволосый. При нем Исландия была заселена выходцами из Норвегии.

14

Рассылаемая по стране стрела служила сигналом, призывающим к оружию.

15

Бонд — свободный хозяин.

16

Присвоение конунгом Харальдом в каждом фюльке наследственных владений и всей земли, несомненно, преувеличение. Норвежские бонды и много позднее сохраняли землю в своей собственности.

17

Катанес — Кейтнесс.

18

Скандинавы доплывали до Исландии, вероятно, еще в середине IX в. Неизвестно, кто из них был первым. Исландские источники называют фарерца Наддада, шведа Гардара, норвежца Флоки. Первым поселенцем в Исландии считается норвежец Ингольв, сын Эрна, который поселился в Исландии в 874 г. Но эта дата приблизительна. Бесспорно только, что заселение Исландии происходило в период с 870 по 930 г.

19

Неполной считалась свадьба без соблюдения всех обрядов.

20

Эйрир - единица веса (27 граммов), восьмая часть марки и одновременно (эйрир серебра или золота) денежная единица.

21

С образованием норвежского государства право собирать дань с лопарей и торговать с ними стало государственной монополией. Дань эта состояла из ценных мехов и была важным источником дохода.

22

Обычно мужчины сидели на скамьях, расположенных вдоль двух противоположных стен. Посредине одного ряда скамей (у северной стены) было почетное сиденье. Между скамьями, на земляном полу, был очаг, дым от которого выходил через отверстие в крыше. Женщины обычно сидели на поперечной скамье в глубине.

23

Аудун Плохой Скальд обязан своим прозвищем тому, что заимствовал припев в своей хвалебной песни у другого скальда. Из его произведений сохранилось полторы строфы.

24

Торбьёрн Хорнклови — один из самых знаменитых норвежских скальдов. Сохранилось много строф двух его хвалебных песней в честь Харальда Прекрасноволосого.

25

Двенадцать берсерков конунга – см. примеч. 1 к с. 22. О многих знаменитых конунгах рассказывается, что у них было двенадцать берсерков.

26

Битва в Хаврсфьорде (между 880 и 890 гг.), в которой Харальд Прекрасноволосый разбил всех вождей западной Норвегии, положила начало норвежскому государству.

27

Зимой Торольв поехал в горы... – в Финнмарк.

28

Колбяги — по-видимому, скандинавы, торговавшие с финнами и лопарями.

29

Квены – по-видимому, финское племя, жившее на берегу Ботнического залива.

30

Восточные земли – восточное побережье Балтийского моря.

31

Летом в Эресунде (вероятно, у Хельсингёра) собирались торговые корабли со всей Скандинавии.

32

При северо-восточном ветре по фьорду к морю. – То есть по Тронхеймсфьорду.

33

Эйвинд Губитель Скальдов — последний из известных норвежских скальдов. Неясно, обязан ли он своим прозвищем тому, что заимствовал у других скальдов, или тому, что затмевал их своим искусством.

34

См. примеч. 14 на с. 26.

35

Законоговоритель – всеисландский старейшина. Его обязанностью было знать и помнить законы и возвещать их на альтингe. Торкель Луна был законоговорителем с 970 по 989 г. Но события, о которых здесь в саге рассказывается, должны были происходить не позднее середины X в.

36

Годи – см. примеч. 4 на с. 394.

37

Норны – богини судьбы.

38

Один – верховный бог, а также бог войны, поэзии и бог мертвых.

39

В сагах часто такой «запечник» оказывается впоследствии героем.

40

См. примеч. 1 на с. 22.

41

Речь идет о болотах на западном берегу Боргарфьорда.

42

Борг расположен у подножья холма.

43

В Исландии никогда не было строевого леса. Там и в древности росли только низкорослая береза и ива. Поэтому первые поселенцы в Исландии были вынуждены собирать лес, прибываемый Гольфстримом к берегам Исландии.

44

Имеется в виду языческий обряд, похожий на христианский обряд крещения, но не связанный с ним.

45

Дарящий кольца (точнее, золотые запястья) – воин, в данном случае Ингвар.

46

См. примеч. 3 на 22.

47

Ярл Сигурд – правитель Оркнейских островов, подвластный Харальду Прекрасноволосому.

48

Эйрик Кровавая Секира был прозван так потому, что убил своих братьев, чтобы проложить себе путь к власти (ср. с. 118).

49

Обычай отдавать на воспитание ребенка (чаще сына) с раннего детства в другую семью был широко распространен. При этом обычно тот, кто брал на воспитание, считался менее знатным, чем тот, кто отдавал на воспитание.

50

Бьярмаланд – страна на побережье Белого моря, населенная финским племенем бьярмов (*др. – рус. – пермь*). Поход Эйрика в Бьярмаланд был в 918 г.

51

По преданию, еще девушкой Гуннхильд была послана родителями в Финнмарк к лопарям, чтобы обучиться колдовству. Лопари слыли искусными колдунами.

52

По-видимому, что-то вроде лапты.

53

По-видимому, предполагали, что и он, подобно его отцу, оборотень. Но это проявлялось не в том, что он рано ложился спать, как его отец (см. примеч. 4 на с. 22), а в том, что он вечером делался сильнее (ср. также на с. 67–68).

54

Дисы – сверхъестественные существа женского пола, вероятно, олицетворявшие силы плодородия.

55

Руны обычно имели магическое назначение. Благодаря им рог с ядом разлетелся на куски.

56

Ливень мечей зовущий — воин, в данном случае Бард.

57

Ливень Одина — поэзия.

58

Исландский двор (по образцу которого изображается в нижеследующем рассказе курляндский двор, куда попали Эгиль и его спутники) состоял из нескольких примыкающих друг к другу построек, из которых каждая имела свою крышу. Стены были земляные, без окон. Посредине главного дома (skáli или eldaskáli) на земляном полу был очаг, дым от которого выходил через отверстие в крыше (потолка не было), а по бокам от него, вдоль стен, – дощатый настил, на котором спали. В другом доме (stofa) вдоль стен шло сиденье, перед которым ставили столы для еды. Остальные постройки имели хозяйственное назначение.

59

Харальд, сын Горма, или Харальд Синий Зуб – правил Данией ок. 940 – ок. 985 гг.

60

На пиру было принято помянуть умерших родичей и богов.

61

В пределах страны всякий имел право убить Эйвида как виновного в осквернении святилища.

62

Эльврад Могучий – английский король Альфред Великий (871–899).

63

Ятвард — английский король Эдвард (899–924).

64

Адальстейн Победитель – английский король Этельстан (924–940).

65

Рагнар Кожаные Штаны – знаменитый датский викингский вождь, воевавший в IX в. в Англии.

66

В английских источниках описываемая ниже битва называется битвой при Брунанбурге. Она произошла в 937 г. В саге об этой битве едва ли все исторически точно.

67

Место битвы, как и место суда (ср. с. 112), огораживалось орешниковыми ветвями, потому что орешнику приписывалась магическая сила.

68

См. примеч. 16 на с. 29.

69

Буря Одина – битва.

70

Буря стали – то же.

71

Гром железный – то же.

72

См. примеч. 18 на с. 30.

73

Пути рук – запястье.

74

Ветвь – гнездовье ястреба – рука.

75

Герд запястья – женщина.

76

Брага Одина — поэзия.

77

Гулатинг — местный норвежский тинг, объединявший фюльки вокруг Согнефьорда (Фирдир, Согн и Хёрдаланд) и происходивший на острове Гула.

78

Поле тинга было «местом мира», и поэтому на нем нельзя было иметь при себе оружие.

79

Торгейра отпрыск – Берг-Энунд. Остальная часть висы не поддается истолкованию.

80

Фрейр – бог плодородия; *Ньёрд* — отец Фрейра, бог мореплавания, охоты и богатства.

81

Трёнды – жители Трандхейма.

82

Орешниковой жерди с насаженным на нее лошадиным черепом приписывалась магическая сила (ср. примеч. 63 на с. 99). Высказывалось предположение, что в действительности Эгиль вырезал на жерди не приведенное ниже заклятье, а две сказанные им раньше висы (с. 117 и 118), которые по своему содержанию в общих чертах совпадают с этим заклятьем. Вероятно, не случайно в подлиннике в этих висах выдержаны магические числовые соотношения между

рунами (буквами): в каждом из четверостиший, из которых эти висы состоят, – по 72 руны (т. е. три раза общее количество рун в руническом алфавите).

83

Провести три ночи полагалось по обычаю (ср. с. 164).

84

...и сделал все, что было надо. – То есть сжал ему ноздри и губы. Покойника вынесли затем через пролом в стене, а не через дверь, чтобы он не нашел дороги обратно, не тревожил живых.

85

Хакон, воспитанник Адальстейна (или Хакон Добрый) правил Норвегией ок. 945 – ок. 960 гг.

86

Хумра – река Хамбер.

87

О нескольких скальдах IX–XI вв. рассказывается, что они выкупили свою жизнь хвалебной песнью в честь того, кто осудил их на смерть. Браги – древнейший из норвежских скальдов. Он жил в первой половине IX в.

88

Предполагается, конечно, что это была Гуннхильд.

89

Сохранилось 20 строф этой знаменитой песни, которая получила название «Выкуп головы». По-видимому, именно в этой песне была впервые в скандинавской поэзии последовательно применена конечная рифма. Высказывались предположения, что «Выкуп головы» был сочинен в действительности не за одну ночь в Йорке (в 948 г.), а еще раньше, в Исландии, и, может быть, первоначально в честь Адальстейна, а не Эйрика. См. русский перевод песни в Дополнениях к наст. изд. – с. 468.

90

Основанье шлема – голова.

91

Весь эпизод с Льотом Бледным – трафарет. Такие приключения обычны в тех сагах, в которых преобладает сказочная фантастика.

92

Спор щитов — битва.

93

Расточитель пламени потока – воин (пламя потока – золото).

94

Пламя вод дающий — воин, в данном случае Фридгейр.

95

Атли умел делать тупым оружие своего противника. В сагах такое умение часто приписывается берсеркам.

96

Это было в 954 г.

97

Это анахронизм. Эдмунд (Ятмунд), брат Этельстана, правил Англией несколько раньше (с 940 по 946 г.).

98

Йоль — языческий праздник, связанный с культом плодородия, который праздновался в середине зимы. См. также примеч. 69 на с. 333.

99

Харальд Серая Шкура — сын Эйрика и Гуннхильд, родился ок. 935 и умер ок. 970 г. Ок. 960 г. он стал править Норвегией.

100

Армод, видимо, рассчитывал на то, что после кислого молока брага сильнее подействует на Эгиля и его спутников и ему будет легче с ними справиться.

101

Бог звенящей стали – воин, в данном случае Армод.

102

Утренняя еда была и завтраком и обедом, так как ели только два раза в день: часов в девять утра и вечером.

103

Скафти – законоговоритель с 1004 по 1030 г.

104

Об Олаве и его роде рассказывается в «Саге о людях из Лососьей Долины» (см. с. 182 наст. изд.).

105

...пока не попаду к Фрейе – то есть пока не умру. Фрейя – богиня плодородия, которая, по-видимому, связывалась и с царством мертвых.

106

Водоросли часто употреблялись в пищу в Исландии.

107

По-видимому, это анахронизм. Руны не использовались для записи литературных произведений.

108

Сохранилось (не полностью) 25 строф этого самого замечательного из произведений Эгиля и единственного из произведений скальдов, в котором внутренний мир автора выдвинут на первый план. Эта песнь послужила прообразом для песни Эрнульфа в «Воителях в Хельгеланде» Ибсена. «Утрата сыновей» была сочинена, видимо, ок. 960 г. См. русский перевод песни в Дополнениях к наст. изд. – с. 473.

109

Сохранилось (не полностью) 25 строф этой песни, в которой Эгиль прославляет своего друга Аринбьёрна. Своеобразие «Песни об Аринбьёрне» в том, что Эгиль в ней много говорит о себе. См. русский перевод песни в Дополнениях к наст. изд. – с. 478.

110

Блеск моря – золото.

111

Снег тигля – серебро.

112

Эйнара прозвали Звоном Весов потому, что он получил в подарок от ярла Хакона весы, чашки которых звенели, когда в них клали гирю. Песнь Эйнара «Недостаток золота» сохранилась. Её название, по-видимому, намекает на то, что автор нуждался, когда её сочинял.

113

Брага Одина — поэзия.

114

Имеется в виду ярл Сигвальди – викингский вождь, который воевал с ярлом Хаконом.

115

Змея ран – меч.

116

Существовал обычай сочинять в честь дарителя щита хвалебную песнь с описанием изображений на этом щите. Сохранились отрывки из нескольких таких «щитовых» песен.

117

Слава коня морского – щит, потому что щитами украшались борта боевого корабля.

118

...когда первый раз шли к Скале Закона. – То есть когда при открытии альтинга шли к Скале Закона, чтобы послушать законоговорителя.

119

Правящий конем морским – воин, в данном случае Торстейн.

120

Тот, кто убивал своего врага, был обязан завалить его тело чем-нибудь, чтобы его не растерзали звери или птицы.

121

Изгнание было трехгодичным, если осужденный вносил одну марку серебра. Объявление вне закона было пожизненным, и от него нельзя было откупиться.

122

Речь идет о местном тинге. Весенний местный тинг происходил в мае и продолжался четыре дня.

123

См. примеч. 26 на с. 222.

124

На всяком поле тинга было возвышение (как Скала Закона на поле альтинга), на которое всходили те, кто хотел обратиться к собравшимся.

125

Стравливание лошадей было излюбленной забавой в Исландии (ср. на с. 636). Такой лошадиный бой происходил на специальных тингах.

126

Положенные дни перехода — четыре дня в конце мая (т. е. за месяц до альтинга), когда зависимые люди переходили из одного хозяйства в другое.

127

См. примеч. к с. 224.

128

Хёвдинг — буквально: «главарь», могущественный человек, глава большого рода и предводитель бондов в своей округе.

129

По поверью, блуждающие огни появляются там, где зарыт клад.

130

Херсир – см. примеч. 3 на с. 22.

131

Подплывая к Исландии, переселенцы обычно бросали в воду эти столбы, чтобы они показали, где приставать к берегу и селиться.

132

Рассказчик ссылается здесь на несохранившееся произведение Ари Мудрого (1067–1148), автора «Книги об исландцах».

133

Катанес – Кейтнесс.

134

Завтрачный Мыс – см. примеч. 98 на с. 151.

135

Торстейн Сурт Умный – предложил добавлять каждый седьмой или шестой год лишнюю неделю в конце лета.

136

Главный дом — см. примеч. 54 на с. 88.

137

Лендрманн – см. примеч. 3 на с. 22.

138

Мальчик был окроплен водою... – см. примеч. 40 к с. 68.

139

Хакон, воспитанник Адальстейна – см. примеч. 81 к с. 124.

140

...за море на запад... – в Исландию.

141

Здесь в саге ошибка. Выше об этом ничего не написано.

142

На этих островах Бреннейяр, которые расположены на тогдашней границе между Норвегией, Данией и Швецией, встречались правители этих стран. Эти острова считались расположенными на востоке, потому что принадлежали к Восточной Скандинавии.

143

В X в. в Ирландии было несколько королей по имени Muircertach. Неясно, которого из них имеет в виду сага.

144

Речь о долинах, прилегающих к Брейдафьорду и особенно к Хваммсфьорду. К ним относится и Лососья Долина.

145

Рассказчик, очевидно, хочет дать понять, что этот тюлень был Храпп, который не хотел пустить Торстейна в Храппсстадир.

146

Землю под такой полоской рыли на такую глубину, чтобы под ней мог стоять человек. Обряд прохождения под полоской дерна совершался также при заключении побратимства (см. описание этого обряда в «Саге о Гисли» на с. 420–421).

147

Конунг Харальд, сын Гуннхильд – см. примеч. 95 на с. 145.

148

О распре между Лососьей долиной и людьми с Фльотсхлида подробно рассказывается в начале «Саги о Ньяле».

149

Исландские товары. – В поездке за море такие товары (прежде всего домотканое сукно) служили деньгами.

150

Ламбастадир – двор Торбьёрна Хилого. Он стал так называться позднее (по Ламби, сыну Торбьёрна и Мелькорки).

151

Сотня (т. е. «Большая сотня», или 120) здесь денежная единица. От нее отличается сотня серебра.

152

Считалось, что удача, которой наделен человек и которой особенно много у конунга, может быть передана другому человеку.

153

Йоль – см. примеч. 94 на с. 141.

154

Люди с Болот – род потомков Скаллагрима. О старших поколениях этого знаменитого рода рассказывается в «Саге об Эгиле».

155

Во время тинга такие палатки, имевшие земляные стены, покрывались, их стены изнутри завешивались коврами и т. д.

156

По исландскому календарю лето начиналось в четверг перед 26 апреля, а зима – в субботу перед 28 октября.

157

...нигде стадо не прерывалось – то есть оно растянулось на пять километров.

158

О постройке этого двора иначе рассказывается на с. 209.

159

Эйрир – см. примеч. 16 на с. 29.

160

Девять сотен – «больших сотен», т. е. девять раз по 120.

161

Ярл Хакон Могучий – С тех пор как образовалось норвежское государство, т. е. с конца IX в., Норвегией правил конунг. Однако с 970 по 995 г. Норвегией правил хладирский ярл Хакон Могучий, сын Сигурда, а с 1000 по 1015 г. – его сын Эйрик.

162

Отрывки этой песни приводятся в «Младшей Эдде». Из них видно, что стены главного дома в Хьярдархольте были украшены изображениями сцен из мифов о Бальдре, Торе и Локи.

163

Хрольв Пешеход – знаменитый завоеватель Нормандии; получил свое прозвище потому, что его тяжести не могла вынести ни одна лошадь.

164

Глум, сын Гейри – известный скальд.

165

Сестра Оддлейва, отца Геста, была прабабушкой Гудрун. Об этом родстве в саге ничего не было сказано.

166

Имеется в виду, что в Исландии будет принято христианство (1000 г.).

167

Рубашку с глубоким вырезом носили женщины, а то, что муж носил одежду противоположного пола, было достаточным основанием для развода с ним.

168

Годи Халльстейн был упомянут на с. 192. В это время его уже не могло быть в живых.

169

Такие штаны, по-видимому, носили только мужчины.

170

См. примеч. 121 на с. 172.

171

См. примеч. 116 на с. 167.

172

...и на голову ему накинули мешок — чтобы он не успел навести порчу своим глазом.

173

Камнями обычно убивали колдунов.

174

Греттир – излюбленный исландский герой, о котором рассказывается в «Саге о Греттире» (см. т. II наст. изд.).

175

Епископ Ислейв – первый исландский епископ (1056–1080).

176

Конунг Олав, сын Трюггви — правил в Норвегии с 995 по 1000 г.

177

Халльфред Беспокойный Скальд – известный исландский скальд (ок. 967 – ок. 1007 гг.).

178

О том, как христианство было введено в Исландии, подробнее рассказывается в «Саге о Ньяле».

179

Первые зимние ночи – три первых дня зимы. Время измерялось количеством ночей, а не дней, зим, а не лет (ср. примеч. 27 на с. 224).

180

Обозначение стороны света относится в сагах всегда не к определенному месту, а ко всему краю. В частности, в пределах Исландии под западом подразумевается обычно не западное направление, а западная четверть Исландии (см. примеч. 53 на с. 272), под югом – южная четверть и т. д.

181

Обычно ходили в одежде из некрашеной ткани.

182

Северная четверть – ок. 965 г. Исландия была разделена на четыре четверти: западную, северную, восточную и южную (ср. примеч. 51 на с. 270). Каждая из них имела свой тинг и свой суд.

183

Марка сукна – денежная единица, равная эйриру серебра (см. примеч. 16 на с. 29).

184

Меч Скафнунг – знаменитый меч, который был похищен Скегги, отцом Эйда, из могилы легендарного датского конунга Хрольва Краки.

185

События, которые описываются в этой и следующих главах, должны были в действительности произойти значительно раньше. Они отнесены к более позднему времени для того, чтобы Болли, сын Болли, мог принять участие в мести за своего отца. Но отсюда ряд хронологических несообразностей в последующем повествовании.

186

См. примеч. 121 на с. 172.

187

Осенний тинг – местный тинг, который собирался через 14 дней после конца альтинга.

188

Кюртиль — род верхней одежды.

189

Предсказание относится к монастырю, который был перенесен туда в 1184 г. с острова Флатей.

190

См. с. 240.

191

Эта женщина была духом-двойником, который является человеку перед его смертью.

192

Первый коварный замысел против Торгильса лишил его Гудрун, второй – должен лишить его жизни.

193

Конунг Олав Святой, или Толстый (как он звался при жизни), правил в Норвегии с 1014 по 1030 г.

194

Миклагард – Константинополь.

195

Это неверно, как и очень многое из того, что рассказывается в этой саге о событиях, происходивших вне Исландии. Болли был скорее

одним из последних исландцев, служивших в варяжской дружине.
Король Миклагарда – византийский император.

196

Вероятно, гораздо больше двадцати. В одной саге говорится, что для перевоза груза с одного корабля понадобилось 120 лошадей.

197

Как рассказывается в исландских анналах, это предсказание сбылось в 1027 г.

198

Это было бы дурно в такие дни — в Великий пост.

199

Конунг Магнус Добрый — правил в Норвегии с 1035 по 1047 г.

200

Это неверно, так как первый женский монастырь был основан в Исландии только в конце XII в.

201

Гудрун имеет в виду, конечно, Кьяртана.

202

Арнор Скальд Ярлов – известный исландский скальд XI в., обязанный своим прозвищем тому, что он воспел двух враждовавших между собой оркнейских ярлов.

203

На запад – в западную четверть Исландии, но фактически на север (см. примеч. 51 на с. 270 и 53 на с. 272).

204

Марка — см. примеч. 16 на с. 29.

205

Болота – местность вокруг Городища, наследственного двора Торстейна.

206

Христианство было введено в Исландии в 1000 г.

207

Метель тигля — серебро.

208

Даритель жара приливов — воин (жар приливов – золото).

209

Перина дракона – золото.

210

Ярл Эйрик. – см. примеч. 32 на с. 232.

211

Чтобы ты не умер такой же смертью, как твой отец, ярл Хакон. – Ярла Хакона зарезал в свином хлеву его раб.

212

Лундунаборг – Лондон.

213

Конунг Адальрад — английский король Этельред II (979-1016).

214

В Англии был тогда тот же язык, что и в Норвегии и Дании. – Точнее, в Англии, и в частности, при дворе английского короля, понимали тогда язык, на котором говорили в Норвегии и Дании.

215

Вильхьяльм Незаконнорожденный – английский король Вильгельм Завоеватель (1066–1087).

216

Моди лязга металла — воин (лязг металла – битва, Моди – имя бога).

217

Дерево льдины шлема – то же (льдина шлема – меч).

218

Долина тюленей – море.

219

Рдяный одр дракона – золото.

220

Эйрир – см. примеч. 16 на с. 29.

221

Конунг Стигтрюгг Шелковая Борода правил в Дублине с 989 по 1035 г.

222

Ярл Сигурд, сын Хлёдвир правил Оркнейскими островами с 980 по 1014 г.

223

Там правил ярл по имени Сигурд. – Такого ярла, по-видимому, вообще не было.

224

Праздник середины зимы, или йоль – самый большой праздник в языческое время. После христианизации он был отождествлен с Рождеством.

225

Конунг Олав Шведский правил Швецией ок. 990 – ок. 1020 гг.

226

В то время в Дании правил конунг Кнут, сын Свейна. – Здесь сага несколько путает исторические факты. Когда Гуннлауг был в Англии (то есть в 1004 г.), в Дании правил Свейн Вилобородый (ок. 985–1014 г.). Кнут (или Канут), который позднее был королем Дании, Норвегии и Англии, правил в Дании с 1014 г.

227

Халльфред Беспокойный Скальд – известный исландский скальд (ок. 967 – ок. 1007 г.).

228

Опора перины рыбы равнины – женщина, то есть Хельга (рыба равнины – змея, перина змеи – золото).

229

...за полмесяца до начала зимы... – См. примеч. 27 на с. 224.

230

Гадюка испарины лука – меч (испарина лука – кровь).

231

Лоза покровов – женщина, то есть Хельга.

232

Ньёрун браги – то же (Ньёрун – имя богини).

233

Полог гор — небо.

234

Роща обручий — женщина, то есть Хельга.

235

Фрейя порея — то же.

236

Тополь стычки оружия — воин, то есть Храфн (стычка оружия – битва).

237

Нанна нарядов – женщина, то есть Хельга (Нанна – имя богини).

238

Шест сражений – воин.

239

Кормчий морского зверя — то же (морской зверь – корабль).

240

Рдяные камни ладони — золото.

241

Скала шелома – голова.

242

Ветвь нарядов – женщина, то есть Хельга.

243

Один звона металла – воин, то есть Храфн (звон металла – битва).

244

Орешина влаги злаков – женщина, то есть Хельга (влага злаков – напиток).

245

Луны ресниц – глаза.

246

Сосна ожерелий — женщина.

247

Это подтверждает Торд, сын Кольбейна, в хвалебной песне, которую он сложил о Гуннлауге... – Скальд Торд, сын Кольбейна, был современником Гуннлауга.

248

Ясень брани — воин.

249

Драка драконов шлемов — битва (драконы шлемов – секиры).

250

Рыба ратной рубашки — меч (ратная рубашка - кольчуга).

251

Рёгнир меча — воин, то есть Гуннлауг.

252

Звери щитов - мечи.

253

Гуси крови - вороны.

254

Ястреб ран - ворон.

255

Озеро ран — кровь.

256

Ядр — Ерен, в Юго-Западной Норвегии.

257

Скамьевые доски – Вероятно, деревянные резные панели, приделываемые спереди к скамьям, идущим вдоль стен главного помещения.

258

«Сага об Эйрике» – По-видимому, речь идет не о «Саге об Эйрике», приведенной в настоящем издании, а о какой-то несохранившейся саге об Эйрике.

259

Он назвал страну, которую открыл, Гренландией, ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну, если у нее будет хорошее название. – Гренландия (Grænland), как страна была названа Эйриком, значит «зеленая страна».

260

...христианство стало законом в Исландии... – Это произошло в 1000 г.

261

В то самое лето епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана, уехали из Исландии. – Они были в Исландии в 981-986 гг.

262

«Песнь о чудо-волне» – Сохранился только отрывок этого произведения, сочиненного в связи с данной поездкой в Гренландию.

Чудо-волна – это сильное волнение, вызванное, вероятно, подводным землетрясением.

263

Эйрик ярл — правитель Норвегии с 1000 по 1015 г. (см. примеч. 32 на с. 232).

264

Падение с лошади считалось очень плохим предзнаменованием для того, кто отправляется в поездку.

265

Южанин – Южанами называли людей из Центральной или Южной Европы.

266

...в четверть дня после полудня и за четверть дня до него... – в 15 и 9 часов. Солнце занимает такое положение в небе в самое темное время года к югу от пятидесятой широты и к северу от сороковой широты.

267

Северный язык — Так назывался язык исландцев и норвежцев, в то время единый.

268

Я нашел виноградную лозу и виноград. – Многие позднейшие исследователи Новой Англии находили там дикий виноград.

269

Скрелинги – Так назывались в древнеисландских памятниках туземцы Гренландии и Северной Америки, то есть эскимосы и индейцы. Первоначально слово имело унижительное значение «заморыш», «слабец».

270

Торфинн Карлсефни – Карлсефни – это, собственно, прозвище и значит «из которого выйдет мужчина». Но это прозвище употреблялось как имя и поэтому не переведено здесь.

271

Марка — см. примеч. 16 на с. 29

272

Мёсур — Обычно считается, что мёсур значит «клён». Но возможно, что разные деревья назывались этим словом.

273

Катанес, Судрланд, Росс и Мерэви – Местности в Шотландии.

274

Завтрачный Мыс – см. примеч. 98 на с. 151.

275

На западе – на Британских островах.

276

Он владел годордом – то есть был годи. В языческое время годи был жрецом, обладавшим властью в своей округе (годорде). Годорд передавался по наследству, но его можно было продать или уступить. В Исландии было тогда 35 годи.

277

Вардлок – Предполагается, что это слово первоначально значило «то, что зачаровывает духов».

278

У Эйрика была жена по имени Тьодхильд и от нее два сына... – Торвальд, упоминаемый в гл. VIII и XIII, и в «Саге о гренландцах» в гл. II и V, был, по-видимому, сыном Эйрика от другой женщины, как и его дочь Фрейдис.

279

Чудеса на Хуторе Фрода – В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается, что женщина с Гебридских островов по имени Торгунна, сведущая в колдовстве, поселилась на Хуторе Фрода, где после ее смерти произошли разные зловещие события (являлись привидения и т. д.).

280

Поля самосеянной пшеницы – Обычно полагают, что речь идет о диком рисе, который растет в Северной Америке до широты Ньюфаундленда.

281

...это ему наказание за то, что он его зарыл... – Христианский закон запрещал зарывать клады.

282

Праздник середины зимы – см. примеч. 22 на с. 355.

283

Рыжебородый – бог Тор.

284

Деревья бури оружия – воины, то есть люди (буря оружия – битва).

285

Бальдр одежды валькирий – воин, то есть Торхалль (Бальдр – имя бога; одежда валькирий – боевые доспехи).

286

Дорога кораблей – море.

287

Вепрь небес песчаной пустыни – корабль (небеса песчаной пустыни – море).

288

Ясени сечи – воины, то сеть Карлесфни и его люди.

289

Страна Белых Людей – легендарная страна, расположенная то ли к северу от Индии, то ли к западу от Ирландии (также – Великая Ирландия).

290

Хакон Воспитанник Адальстейна — норвежский король ок. 945 – ок. 960 г.

291

Сурнадаль – долина на западе Норвегии.

292

Херсир – см. примеч. 3 на с. 22

293

Нордмёре — область на западе Норвегии.

294

Берсерк — см. примеч. 1 на с. 22

295

Отдавая Торкелю лучший меч, Гисли тем самым дает понять, что Торкель, как старший брат, должен был бы отомстить соблазнителью сестры.

296

И пусть один стоит позади другого – намек на непристойную ситуацию и тем самым высшее оскорбление.

297

Огонь раны – меч.

298

Гест, сын Оддлейва – знаменитый мудрец и толкователь снов, упоминаемый во многих «сагах об исландцах», особенно в «Саге о людях из Лососьей Долины» (см. с. 238 и далее).

299

То, что следует далее, это классическое описание обряда заключения побратимства.

300

Вик — местность на юге Норвегии.

301

Харальд Серая Шкура – см. примеч. 95 на с. 145.

302

Хёрдаланд — область на юго-западе Норвегии.

303

Вэбьёрг — Виборг, в Ютландии.

304

Эйрир – см. примеч. 16 на с. 29.

305

Ауд этим намекает на любовную связь между Асгерд и Вестейном (то, что женщина шьет рубашку мужчине, считалось показателем такой связи).

306

Вероятно, это цитата из какого-то стихотворного произведения.

307

Дни переезда — четыре дня в конце мая, когда зависимые люди переходили из одного хозяйства в другое.

308

Предзимние дни — первые три дня зимы (см. примеч. 27 на с. 224).

309

Хель — подземное царство мертвых и великанша-повелительница этого царства. Обычай обувать покойного в башмаки Хель нигде больше не упоминается.

310

Вальгалла — жилище Одина.

311

Нож обнаживший — воин, в данном случае — Торкель.

312

Липа льна — женщина, в данном случае — Ауд.

313

Ливень ланит — слезы.

314

Сива злата – женщина (Сив(а) – имя богини).

315

Фригга перины змея – женщина (перина змея – золото, Фригга – имя богини).

316

Скёгуль злата – то же (Скёгуль – имя валькирии).

317

Фрейр — бог плодородия.

318

Властитель сечи – воин, то есть Гисли.

319

Тополь вепря потока — то же, то есть Торgrim (вепрь потока – корабль).

320

См. примеч. 40 на с. 68.

321

Снорри, сын Торгрима — это знаменитый Снорри Годи, о котором говорится во многих «сагах об исландцах» (в том числе в «Саге о людях из Лососьей Долины»), см. особенно с. 247 и далее в наст. изд.

322

Недруг турсов Грим – Торгрим (то есть Тор-Грим, недруг турсов – Тор).

323

Клен золота — воин, то есть Гисли.

324

Вершитель боя — воин, то есть Торгрим.

325

И, набросив ему на голову кожаный мешок... – чтобы колдун не мог сглазить и мертвый.

326

Сестра Хёгни – Гудрун, дочь Гьюки, знаменитая героиня эпических сказаний, сестра Гуннара и Хёгни, за которых она отомстила своему мужу Атли, убив его и своих сыновей от него (см. «Гренландскую Песнь об Атли» и «Гренландские Речи Атли» в «Старшей Эдде», а также «Младшую Эдду»).

327

Скади злата — женщина, то есть Гудрун (Скади – имя богини).

328

Дробители золота — воины.

329

Сеятель света моря – воин, то есть Гисли (свет моря – золото).

330

Владыка бранных уборов — то же.

331

Греттир, сын Асмунда – Греттир прожил вне закона девятнадцать лет. О нем см. примеч. 45 к с. 256.

332

Поле пламени волн – женщина (пламя волн – золото).

333

Клен сраженья — воин.

334

Фрейя ожерелий – женщина.

335

Биль покрывала – то же (Биль – имя богини).

336

Владыка браги врагов Тора – скальд (враги Тора – великаны, брага великанов – мед поэзии).

337

Питатель орлов – воин.

338

Ловн золота — женщина (Ловн – имя богини).

339

Вяз лязга дротиков – воин (лязг дротиков – битва).

340

Дуб непогоды Одина – воин (непогода Одина – битва).

341

Возничий волка волны – то же (волк волны – корабль).

342

Нанна льна — женщина (Нанна – имя богини).

343

Тетивы испытатель — воин, то есть Гисли.

344

Гна одежды – женщина (Гна – имя богини).

345

Сив покрывала – женщина.

346

Реки ран – кровь.

347

Владыки смерча мечей — воины (смерч мечей – битва).

348

Поле опалов — женщина.

349

Тополь сражений – воин.

350

Липа огня приливов – женщина (огонь приливов – золото).

351

Они назывались «завязки мира». Их полагалось держать завязанными во время тинга.

352

Гест намекает, по-видимому, на то, что сыновья Вестейна явились к Халльбьёрну под чужими именами (о чем в саге не было сказано).

353

Льдина сражений — меч.

354

Родич рода людского – муж, то есть Гисли.

355

Властитель ратной стали — воин, то есть Гисли.

356

...на сером коне. – Серый конь предвещает смерть.

357

Хлёкк покрывала – женщина (Хлёкк – имя валькирии).

358

Дробитель злата — воин.

359

Хозяйка бражного рога – женщина.

360

Фулла света тверди тюленей – то же (твердь тюленей – море, свет моря – золото, Фулла – имя богини).

361

Диса нарядов – женщина (диса или дис – богиня-хранительница).

362

Создатель драп — скальд (драпа - хвалебная песнь)

363

Сокрушитель секир — воин.

364

Ветла ожерелий — женщина.

365

Идунн нарядов - то же (Идунн - имя богини).

366

Липа пламени земли оленя заливов — женщина, то есть Ауд (олень заливов - корабль, земля корабля - море, пламя моря - золото).

367

Фулла ложа дракона - то же (ложе дракона - золото).

368

Хозяйка меда - женщина.

369

Гна монет – женщина.

370

Пена мечей — кровь.

371

Изморось ран — то же.

372

Богиня лавы тропы соколиной — женщина (соколиная тропа – рука, лава руки – золото).

373

Скала шелома — голова.

374

Ручьи мечей – кровь.

375

Хильд владычица волн побоища — женщина (волны побоища – кровь, Хильд – имя валькирии).

376

Фрейя кружев — то же.

377

Утешитель ворона — воин.

378

Пища Мунина — трупы (Мунин — ворон Одина).

379

Коршуны крови — вороны.

380

Дробитель гривен — воин.

381

Снотра злата — женщина (Снотра — имя богини).

382

Водопады ран — кровь.

383

Град дротов – битва.

384

Владыка льдины луны ладьи — воин (луна ладьи – щит, льдина щита – меч).

385

Гна огня океана – женщина (огонь океана – золото).

386

Властитель пламени влаги сечи – воин (влага сечи – кровь, пламя крови – меч).

387

Палица ратной рубашки — меч (ратная рубашка – кольчуга).

388

Бальдр брани – воин (Бальдр – имя бога).

389

Основа шлема – голова.

390

Съёвн монет — женщина (Съёвн – имя богини).

391

Ньёрун камней — то же (Ньёрун – имя богини).

392

Хлин пожара приливов – то же (пожар приливов – золото, Хлин – имя богини).

393

См. примеч. 27 на с. 224.

394

Кровь земли — река.

395

Сплетатель песен – скальд.

396

Ссора костров Одина — битва (костры Одина – мечи).

397

Скади колец – женщина (Скади – имя богини).

398

...в городе... – то есть в Нидаросе (современном Тронхейме).

399

Хейдабёр — город около современного Шлезвига.

400

Рунхент – единственный скальдический размер с конечной рифмой. Но в рунхенте есть и аллитерация. Рифмы в рунхенте бывают мужские и женские, но всегда только смежные. Встречается двухтактный, трехтактный и четырехтактный рунхент. Вот пример четверостишия двухтактного рунхента:

Серп жатвы сеч
Сек вежи с плеч,
А **р**ан **р**огач
Лил **к**расный плач.

401

Дар Трора — поэзия (Трор – Один).

402

Мед Игга — поэзия (Игг – Один).

403

Рот слуха — уши.

404

Тюлень поле – море.

405

Нива жал – битва.

406

Рогач ран – секира.

407

Волчья выть – еда, трупы.

408

Орлиные брашна – то же.

409

Колья раны – мечи.

410

Гьяльпин конь— волк (Гьяльп – великанша).

411

Студеный жар — золото.

412

Мука Фроди — золото (у Фроди была мельница, которая намалывала золото).

413

Стержень обручий — рука.

414

Кованое око – щит.

415

Волненье меду — поэзия.

416

Брагина влага – то же (Браги – бог поэзии).

417

Брага Одина — то же.

418

Квидухатт – размер более простой, чем другие. В нем нет ни внутренних, ни конечных рифм, а расстановка аллитерирующих слогов более свободная. Размер этот двухтактный. Трехсложные строки регулярно чередуются в нем с четырехсложными. Вот пример четверостишия квидухатта:

Глума **в**ал
На бах**в**алов!
Другам – **м**ед
Мерной речи.

Этот размер применялся скальдами редко, но им сочинены самые знаменитые скальдические произведения – «Перечень Инглингов» Тодольва из Хвинира, «Утрата сыновей» и «Песнь об Аринбьёрне».

419

Хрофтова крадьба – мед поэзии (Хрофт – Один).

420

Дар Ётунхейма — мед поэзии (Ётунхейм – жилище великанов).

421

Имир – первозданный великан, кровь которого стала морем.

422

Ран — морская богиня, жена Эгира.

423

Пивовар — морской великан Эгир (он наварил пива для богов).

424

Брат бури — он же.

425

Владыка боя — Один.

426

Поветерь Свивёр – душа (Свивёр – великанша, но неизвестно, в силу какого мифа «ветер великанши» – это душа).

427

Владыка влаги пьяной – Эгир (см. примеч. 24 на с. 475).

428

Клеть раздумья – голова.

429

Друг людей — Один.

430

Владыка сечи – Один.

431

Телег приятель - Один.

432

Судья побед - Один.

433

Врат Вили — Один.

434

Друг Мимира — Один.

435

Ворог Волку - Один.

436

Волчья сестра - Хель.

437

Отпрыск Фрейра — Эйрик Кровавая Секира.

438

Луны лба – глаза.

439

Дева — Гуннлёд (хранительница меда поэзии).

440

Тунд – Один.

441

Брага Игга – мед поэзии.

442

Дар Хрофта — то же.

443

Торир – отец Аринбьёрна.

444

Имя Аринбьёрн разбито здесь на две его составные части: Арин (arinn) значит «очаг, камень», а Бьёрн (bjorn) – «медведь».

445

Камень-Бьёрн – Аринбьёрн (см. предыдущее примеч.).

446

Хроальд — дед Аринбьёрна.

447

Братина бури – небо.

448

Веторм – друг Аринбьёрна (?).

449

Дроты тела — ноги.

450

Сыны Драупнира – золотые кольца (Драупнир – мифическое золотое кольцо, из которого каждую девятую ночь капает по восьми таких же колец).

451

Влага чаек — море.

452

Конь Рёккви — корабль (Рёккви – морской конунг).